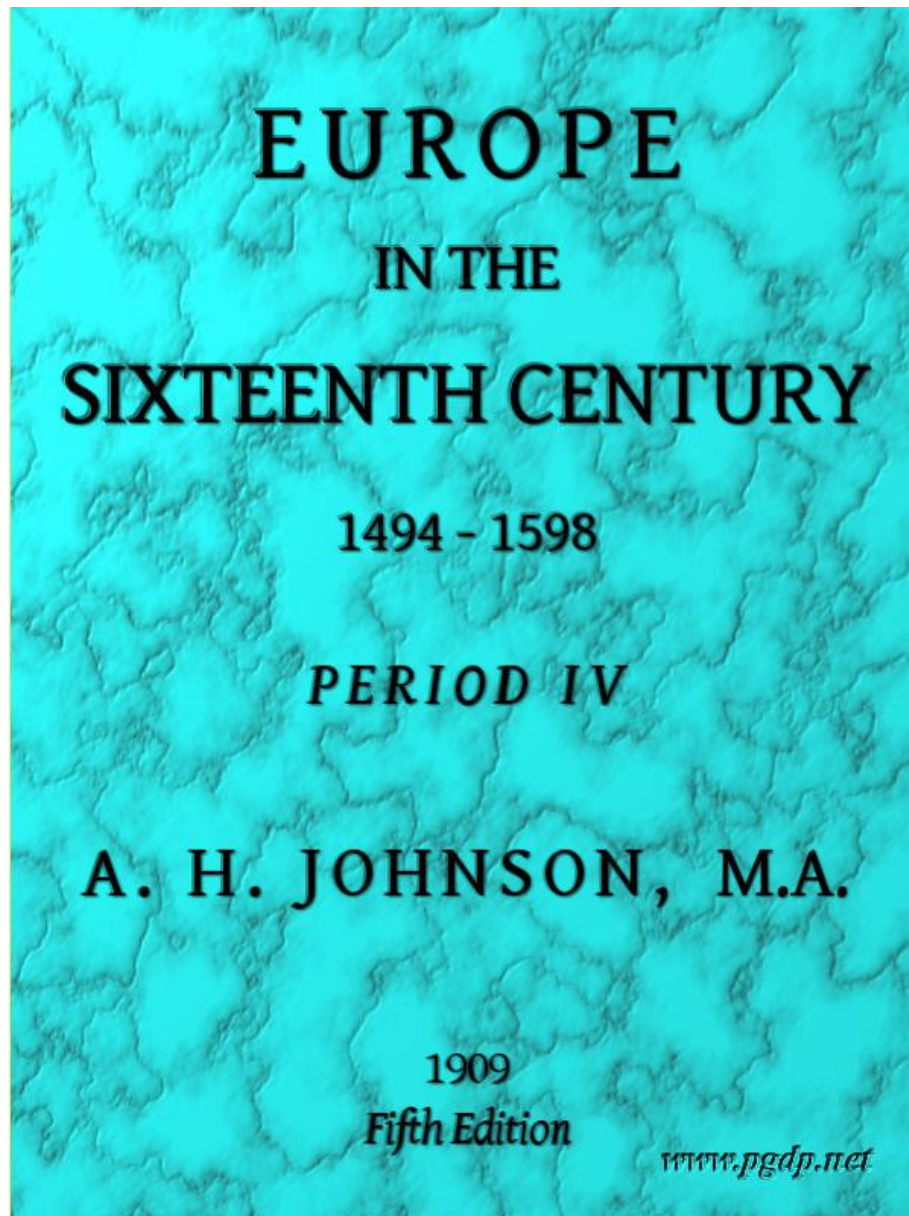

Европа в шестнадцатом веке, 1494-
1598, пятое издание. Период 4 (из 8).
Периоды европейской истории

А. Х. Джонсон

Электронная книга проекта Гутенберга о Европе в шестнадцатом веке, 1494-1598, Пятое издание

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, отдать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Европа в шестнадцатом веке, 1494-1598, пятое издание

Автор: А. Х. Джонсон

Дата выхода: 6 февраля 2013 г. [Электронная книга № 42025]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Крисом Курноу, Кристофом В. Ключе и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<http://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЕВРОПА В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ", 1494-1598, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ***

Электронная книга проекта Гутенберга "Европа в шестнадцатом веке, 1494-1598", Пятое издание, А. Х. (Артур Генри) Джонсон

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Посмотреть <http://archive.org/details/cu31924010282832>

Примечание переписчика

Исправлены очевидные типографские ошибки. Пропущенные знаки препинания проставлены без слов. Варианты написания и расстановки переносов сохранены как в оригинале, за исключением случаев, когда указано иное.

Изображение обложки было подготовлено отправителем для электронных версий этого электронного текста. Оно находится в общественном достоянии.

Дополнительные примечания и подробную информацию об исправлениях можно найти в [конце этого электронного текста](#).

В восьми томах. Crown 8vo. С картами и т.д.

Шесть шиллингов нетто за каждый том.

Полный комплект - 2,8 евро нетто.

ПЕРИОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

Главный редактор — АРТУР ХЭССАЛЛ, магистр,
студент Крайстчерч, Оксфорд.

Цель этой серии - представить в отдельных томах всеобъемлющий и заслуживающий доверия отчет об общем развитии европейской истории и полностью и тщательно рассмотреть наиболее выдающиеся события каждого столетия.

Томы отражают результаты последних исследований и содержат ссылки и примечания к оригинальным и другим источникам информации.

Ранее не предпринималось подобных попыток представить Историю Европы во всеобъемлющей, подробной и читаемой форме для английской публики, и Серия представляет собой ценную непрерывную историю Средневековой и современной Европы.

Период I.—Темные века. 476–918.

К. В. К. Оман, магистр, профессор современной истории Оксфордского университета в Чичеле. *6s. net.*

Период II.—Империя и папство. 918-1273.

Т. Ф. Таут, магистр, профессор средневековой и современной истории в Манчестерском университете. *6s. net.*

Период III.—Завершение средневековья. 1273–1494.

Р. Лодж, магистр права, профессор истории Эдинбургского университета. *6s. net.*

Период IV. —Европа 16 века. 1494–1598.

Автор А. Х. Джонсон, магистр философии, преподаватель истории в Мертонском, Тринити- и Университетском колледжах Оксфорда. *6s. net.*

Период V —Господство Франции. 1598–1715.

Х. О. Уэйкман, магистр медицины, бывший член Колледжа Всех душ в Оксфорде. *6s. net.*

Период VI.—Баланс сил. 1715–1789.

Автор: А. Хэссалл, магистр, студент Крайст-Черч, Оксфорд. *6s. net.*

Период VII. —Революционная Европа. 1789–1815.

Х. Морс Стивенс, магистр, профессор истории Калифорнийского университета в Беркли, Калифорния, США. *6s. net.*

Период VIII.—Современная Европа. 1815–1899.

У. Элисон Филлипс, магистр медицины, бывший старший научный сотрудник колледжа Святого Иоанна, Оксфорд. *6s. net.*

ТЕМНЫЕ ВЕКА, 476-918

Автор К. В. К. Оман, магистр, профессор современной истории Оксфордского университета в Чичеле.

Образует Первый том "Периодов европейской истории".

"Доскональный мастер своего предмета и обладающий даром ясного изложения, он снабдил студента ценнейшей и полезной книгой". —*Зритель*.

"Нельзя было бы выбрать лучшего представителя этой эпохи, столь полной трудностей и осложнений". —*Журнал образования*.

"Мистер Оман хорошо выполнил свою работу. Его рассказ ясен и интересен и в полной мере учитывает недавние исследования". —*Английское историческое обозрение*.

"Этот том будет оценен всеми изучающими историю как удовлетворяющий реальную потребность в нашей исторической литературе, и удовлетворяющий ее хорошо.... У него уверенный подход и проницательность. Что касается точности его фактов, то его историческая репутация является достаточной гарантией". —*Times*.

ИМПЕРИЯ И ПАПСТВО, 918-1273

Автор Т. Ф. ТАУТ, магистр, профессор средневековой и современной истории Манчестерского университета.

Формирование тома II. периодов европейской истории.

"Это замечательная и беспристрастная работа.... Более заслуживающего доверия исторического трактата об этом периоде и предмете до сих пор не появилось". —*Морнинг Пост*.

"Один из лучших из многих хороших учебников истории, которые вышли в наших университетах за последние годы". —*Times*.

"В целом профессор Таут дал нам самое надежное дополнение к изучению средневековья, которое все, кто может быть призван интерпретировать эти времена другим, могут смело рекомендовать и сами воспользоваться им". —*Английское историческое обозрение*.

КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, 1273-1494

Автор Р. ЛОДЖ, магистр права, профессор истории Эдинбургского университета.

Формирование тома III. периодов европейской истории.

"Книга превосходно написана, она содержит карты и генеалогические таблицы, исчерпывающий указатель и библиографию, которые учащиеся оценят как помощь в интерпретации всего периода, а также ключ к любой его части". —*Стандарт*.

Мы чрезвычайно благодарны за Серию и, как мы уже говорили, профессору. Лодж. У англоговорящих учителей больше нет оправдания полному невежеству в истории Европы. На них лежит обязанность приобрести эти тома, а затем прочитать, отметить, выучить и внутренне переварить их, чтобы они могли дополнить свое учение понятными комментариями". —*Школьный мир*.

"Эта книга должна рассматриваться как совершенно необходимая для всех английских студентов позднего средневековья". —*Университетский корреспондент*.

"Книга профессора Лоджа обладает высшим достоинством ясности, не меньшим, чем лаконичность". —*Pall Mall Gazette*.

"Ценный труд об одном из самых сложных и в то же время важнейших периодов европейской истории. Эта книга — памятник мастерства и труда". —*Абердинский журнал*.

ЕВРОПА В 16 ВЕКЕ, 1494-1598

Автор А. Х. Джонсон, магистр, преподаватель истории в Мертонском, Тринити- и Университетском колледжах Оксфорда.

Образующий ЧЕТВЕРТЫЙ том. периоды европейской истории.

"Исключительно ясный, тщательный и последовательный отчет о великих движениях и великих событиях того времени, и этот том может быть принят как одно из лучших дошедших до нас руководств по периоду, столь же сложному, сколь и важному". —*Times*.

"В настоящем томе мистер А. Х. Джонсон внес полезный и неприхотливый вклад в Серию, о которой можно с большей уверенностью, чем о большинстве серий, сказать, что она удовлетворяет реальную потребность. Мистер Джонсон хорошо известен как один из самых опытных и успешных преподавателей истории в Оксфорде, и книга обладает всеми достоинствами, которые может придать ей тот факт, что ее написал хороший учитель. Это ясно, разумно и точно, и похвально свободно от причуд или предвзятости". —*Manchester Guardian*.

"Безусловно, нет другой книги на английском языке, которая бы так адекватно освещала ситуацию". —*Университетский корреспондент*.

"Повествование мистера Джонсона ясно и точно, а его понимание истории своего периода удивительно сильное и всеобъемлющее". —*Журнал образования*.

ГОСПОДСТВО ФРАНЦИИ, 1598-1715

Х. О. Уэйкман, магистр, ныне покойный член Колледжа Всех душ в Оксфорде.

Образует том V. "Периоды европейской истории".

"Его история — не сухой сборник, а драма, каждый акт и сцена которой представляют индивидуальный интерес". —*Guardian*.

"Мистер Уэйкман сделал превосходный набросок, ясный и лаконичный". —*Оксфордский журнал*.

"Книга мистера Уэйкмана — здравая, умелая и полезная, которая в равной степени окажет помощь студенту и привлечет образованного массового читателя". —*Manchester Guardian*.

"Полностью научная и удовлетворительная монография". —*Лидс Меркьюри*.

БАЛАНС СИЛ, 1715-1789

Автор: А. Хассалл, магистр, студент Крайстчерч, Оксфорд.

Образующий VI том. периоды европейской истории.

"Хотя в нем более 400 страниц, прочитав последнюю страницу, мы почувствовали, что она слишком короткая. Однако она не слишком коротка, чтобы помешать ее автору адекватно подходить к своему предмету в соответствии со схемой всей Серии. В нем мало деталей и

совсем мало теоретизирования, а то, что он содержит, - это четкие заявления с мастерским изложением.... Мы можем сердечно порекомендовать вам этот интересный и хорошо написанный том". -*Birmingham Daily Gazette*.

"Обработано с большой точностью, терпением и энергией". —*Время образования*.

‘Автор мужественно боролся с трудностями своей темы, и не без определенного успеха. Он воспользовался последними исследованиями того периода, и его повествование хорошо упорядочено и проиллюстрировано превосходными картами и некоторыми полезными приложениями". —*Manchester Guardian*.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЕВРОПА, 1789-1815

Автор Х. Морс Стивенс, магистр, профессор истории Калифорнийского университета, США

Формирование тома VII. периодов европейской истории.

‘Как произведение литературного мастерства вряд ли может быть превзойден.... Результат — благо для студентов и полезный справочник для широкого читателя". -*Daily News*.

"Мистер Стивенс написал очень ценную и достойную внимания книгу, которой следует широко пользоваться". —*Manchester Guardian*.

"Восхитительная, нет, виртуозная работа". —*Академия*.

"Сказать, что мистер Морс Стивенс составил лучший учебник английского языка по этому предмету, было бы слабой похвалой". —*Журнал образования*.

"Мы рады сердечно приветствовать эту столь необходимую серию, которая, если она сохранит тот же высокий уровень, что и в этом томе, заполнит болезненный пробел в нашей доступной исторической литературе". -*Educational Times*.

В этой книге содержится один из самых ясных отчетов о Французской революции и возвышении Первого Наполеона, когда-либо написанных. Фактически, это работа настоящего историка. Стиль книги сильный и живописный". —*Вестерн Морнинг Ньюс*.

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА, 1815-1899

Автор: У. Элисон Филлипс, магистр медицины, бывший старший научный сотрудник Колледжа Святого Иоанна в Оксфорде.

Образующий VIII том. периоды европейской истории.

‘Чрезвычайно трудная задача была выполнена, мы можем сказать без колебаний, к восхищению. Мы прочли эту книгу с глубочайшим и неослабевающим удовольствием и приветствуем ее как одну из лучших исторических работ, написанных за последние несколько лет". —*Guardian*.

‘Он с замечательным успехом справился с трудной задачей по сжатию в компактном пространстве долгой истории времени необычайных сложностей и запутанностей; но — что гораздо важнее — он никогда не терял энергии и интереса на протяжении всего исследования.... Полнота книги действительно необычайна.... Эта книга, безусловно, является лучшим и наиболее удобным изложением международной политики девятнадцатого века, которым мы располагаем.... Это должно придать мистеру Элисон Филлипс особое положение среди историков того времени". —*Литература*.

"В целом, книга предлагает наиболее яркое и вполне адекватное изложение своего предмета и является достойным завершением Серии, которая вполне заслуживает популярности". — *Glasgow Herald*.

"Он представляет свои материалы с образцовой ясностью и упорядоченностью, а также в разумном литературном стиле, который сделает книгу привлекательной для широкого читателя, а также полезной для студента". — *Шотландец*.

"Мистер Филлипс проявляет несомненную литературную силу, описывая не слишком управляемый период, и немногие читатели, хоть сколько—нибудь понимающие ход истории, однажды начав читать книгу, захотят отложить ее в сторону до последней страницы". - *Manchester Guardian*.

"Этот вдумчивый том принесет интеллигентному читателю как пользу, так и удовольствие". — *Зритель*.

ЕВРОПА В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ 1494-1598

Автор:

А. Х. ДЖОНСОН, магистр медицины

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИСТОРИИ В МЕРТОНСКОМ, ТРИНИТИ-
И УНИВЕРСИТЕТСКОМ КОЛЛЕДЖАХ ОКСФОРДА

ПЕРИОД IV

РИВИНГТОНЫ

КИНГ-СТРИТ, 34, КОВЕНТ-ГАРДЕН

ЛОНДОН

1909

Пятое Издание

Все права защищены

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ограничения по объему, наложенные на меня Редактором Сериала, вынудили меня выбрать один из двух вариантов. Мне приходилось либо довольствоваться очень небольшим очерком всей европейской истории того периода, либо руководствоваться каким-то принципом отбора.

Не желая повторять то, что уже было хорошо сделано мистером Лоджем в его *Истории современной Европы*, я вернулся ко второму варианту и ограничился рассмотрением великих держав Западной Европы.

И такой выбор не лишен некоторого оправдания; ибо именно борьба за превосходство между этими Державами лежит в основе других проблем, влияет на каждое движение (даже религиозное) и придает единство этому многогранному и запутанному периоду мировой истории.

Поэтому мои читатели не найдут упоминания ни о делах Англии, ни о делах королевств Северной и Восточной Европы, за исключением того, что в своей внешней политике они влияют на ход этой великой борьбы.

Я выражаю огромную благодарность мистеру Армстронгу за помощь, особенно в некоторых вопросах испанской истории, и мистеру Флетчеру, который отредактировал корректуры и помог своей любезной критикой.

Оксфорд, май 1897 г..

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Мне остается только поблагодарить моих критиков, и особенно мистера Армстронга и мистера Фотерингема, за множество полезных предложений.

Оксфорд, январь 1903 г..

СПИСОК КАРТ

Страница

1. Испания, 1494-1598,

xvi

2. Швейцарская конфедерация,

3. Нидерланды,

314

4. Португальские и испанские открытия,

473

5. Италия, 1494-1559,

6. Франция, 1494-1598,

7. Германия в 1547 году,

}

}

в конце книги

Содержание

ГЛАВА

Страница

Библиография,х

Введение,1

I.Итальянские войны, 1494-1518,4

II. Внутренняя история Франции, Испании и Германии, 1494-1519,90

III. От избрания Карла до битвы при Павии,129

IV.От Мадридского мирного договора к Креспийскому,181

V.From the War of Schmalkalde to the Treaty of Cateau Cambrésis,220 Г.

VI. Контрреформация и кальвинизм,261

VII. Филипп и Испания,277

VIII. Восстание в Нидерландах,315

IX. Реформация и гражданские войны во Франции,387

Приложение I.—Конституция Франции в пятнадцатом и шестнадцатом веках,449

Приложение II.—Конституция Флоренции в пятнадцатом и шестнадцатом веках,458

Приложение III.—Конституция Венеции в пятнадцатом и шестнадцатом веках,467

СПИСОК ПАП И ГЕНЕАЛОГИЙ,472

ИНДЕКС,477

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА¹

Общие сведения—

Кембриджская современная история, том i.

Lavis et Rambaud, *Histoire Générale*.

Крейтон, *История папства во время Реформации*, с. vii. до конца.

Philippson, *La Contre-Révolution religieuse*.

Ranke, *Fürsten und Völker von Süd-Europa im 16ten u. 17ten Jahrhundert*.

Ranke, *Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber*.

Maps.—Spruner Menke, No. 8. Putzger, *Historischer School Atlas*.

Карты.—Исторический атлас Clarendon Press, № 8.

Примечание—Пресс-карты Clarendon с примечаниями можно приобрести отдельно, пресс-подборщик - без примечаний.

Хронологический обзор можно найти в Hassall, *Справочнике по европейской истории*.

Франция—

Кембриджская современная история, с. xii.

Martin, *Histoire de France*.

Michelet, *Histoire de France*.

Даруй, *Французскую монархию*.

Gasquet, *Précis des Institutions Politiques et Sociales de l'ancienne France*.

Chérueil, *Dictionnaire historique des Institutions, mœurs et costumes de la France*.

Cherrier, *Histoire de Charles VIII*.

Godefroy, Théod., *Histoire de Charles VIII. et Louis XII.* (сборник хроник).

Müntz, *La Renaissance en Italie et en France à l'Époque de Charles VIII.*

Philippe de Commines, *Mémoires.*

Lettenhove: Commines, *Lettres et négoc. avec un Commentaire.*

Воспоминания, приведенные в "Петито, Мишо и Пужулате", особенно *Флеранжа, Байяра, Таванна, Конде, Ла Нуэ.*

Mignet, *Rivalité de François Ier et de Charles Quint.*

De Thou, *Historiarum sui temporis libri cxxxviii.* (переведено на французский).

Ranke, *Französische Geschichte* (translated *The Civil Wars in France*).

Армстронг, *Гражданские войны во Франции.*

Бэрд, *Восстание гугенотов.*

Forneron, *Les Ducs de Guise.*

Aumale, duc d', *Histoire des Princes de Condé.*

Delaborde, *Coligny.*

Уайтхед, *Колиньи.*

Solden, *Geschichte des Protestantismus in Frankreich.*

Уиллерт, *Генрих IV.* (Серия "Герои наций").

Mornay, Ph., du Plessis *Mémoires.*

Карты.—Пружинщик Менке, № 54.

Карты.—Исторический атлас издательства Clarendon Press, № 57, 58.

Германия—

Кембриджская современная история, сс. ix. xvi. xvii. xviii. xix.

Nitzsch, *Geschichte des deutschen Volkes.*

Krönes, *Handbuch der Geschichte Österreichs.*

Ranke, *Geschichte der romanischen und germanischen Völker* (translated.)

Bezold, *Geschichte der deutschen Reformation* (Onckens Series).

Альман, *кайзер Максимилиан I.*

Вехсе, *Мемуары Австрийского дома* (перевод).

Hutten, Ulrich von, *Schriften.*

Strauss, *Ulrich von Hutten* (translated).

Geiger, *Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland* (Onckens Series).

Geiger, *Johann Reuchlin*.

Эразм, *Опера*. Изд. Le Clerc.

Фруд, *Эразм*.

Лампрехт, *Немецкая история* (полезно для социальной и экономической истории).

Allgemeine deutsche Biographie.

Zeller, *Histoire d'Allemagne: La Réformation*.

Ranke, *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation* (part translated).

Janssen, *Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgange des Mittelalters* (in course of translation).

Бирд, *Лекции Хибберта*, 1803.

Köstlin, *Martin Luther*.

Maurenbrecher, *Studien u. Skizzen zur Reformationszeit*.

Maurenbrecher, *Geschichte der katholischen Reform*.

Maurenbrecher, *Karl V. und die deutschen Protestanten*.

Армстронг, *Карл V*.

Baumgarten, *Geschichte Karls V*.

Гаршар, *Жизнь Чарльза*, в *Национальной биографии*, том iii.

Mignet, *Rivalité de François Ier et de Charles Quint*.

Сэр Стирлинг Максвелл, *Монастырская жизнь Карла V*.

Lanz, *Correspondenz des Kaisers Karl V*.

Lanz, *Staatspapiere zur Geschichte des Kaisers Karl V*.

Брэдфорд, *Переписка Карла V*.

Garchard, *Correspondance de Charles Quint et d'Adrien VI*.

Brandenburg, *Moritz von Sachsen*.

Ranke, *Zur deutschen Geschichte vom Religionsfrieden bis zum dreißigjährigen Krieg*.

Wolf, G., *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation*.

Köstlin, *Martin Luther*.

Кампшютте, *Кальвин*.

Карты.—Шпрунер Менке, № 43, 73, 74.

Карты.—Исторический атлас издательства Clarendon Press, № 37, 38, 39, 47.

Богемия—

Palacky, *Geschichte von Böhmen*.

Карта.—Исторический атлас Clarendon Press, № 46.

Швейцария—

Dierauer, *Geschichte der schweizerischen Eidgenossenschaft*.

Кулидж, *Статья в британской энциклопедии*.

Карта.—Исторический атлас Clarendon Press, № 44.

Италия—

Ср. кембриджскую современную историю, iv, v, vi, vii, viii, xvi, xvii, xviii, XIX вв.

Gregorovius, *Geschichte der Stadt Rom*, vols. vii. viii. (переведено).

Крейтон, *папы Реформации*.

Ranke, *Die römischen Päpste* (translated).

Pastor, *Geschichte der Päpste* (translated).

Sismondi, *Histoire des Républiques italiennes du moyen âge*.

Браун Х. Ф., *Календарь Венецианских государственных документов*.

Браун, Х. Ф., *Венеция*.

Romanin, *Storia documentata di Venezia*.

Perrens, *Histoire de Florence*.

Guicciardini, *Storia d'Italia*.

Guicciardini, *Considerazione intorno ai Discorsi di Machiavelli: opere inedite*, vol. i.

Guicciardini, *Storia Fiorentina: opere inedite*, vol. iii.

Guido Capponi, *Storia della repubblica di Firenze*.

Capponi, G. A., *Storia del Reame di Napoli*.

Jovius, *Vitæ illustrium virorum: Elogia virorum illustrium: Historia sui temporis*.

Burcardas Diarium. Изд. Тусн, 1883-1885.

Giustiniani Dispacci. Ed. Villari.

Albèri, *La relazione degli Ambasciatori Veneti al Senato durante il Secolo xvi*.

Da Porto, *Lettere Storiche*.

Sanuto, *I Diarii*.

Саймондс, *Возрождение в Италии*.

Zeller, *Italie et la Renaissance*.

Burckhardt, *Die Cultur der Renaissance in Italien* (translated).

Geiger, *Humanismus und Renaissance in Italien und Deutschland* (Onckens Series).

Yriarte, *Venise*.

Yriarte, *César Borgia*.

Yriarte, *La vie d'un Patricien de Venise*.

Бурд, *Макиавелли: Принципы* (с биографическими и другими примечаниями).

Макиавелли, *История Фиорентины* (французский перевод, Перье, 1842).

Machiavelli, *Legazioni e Commissarii*, vol. iii. of *Opere Discorsi*.

Морли, *Макиавелли* (Романская лекция).

Виллари, *Никколо Макиавелли* (перевод).

Villari, *La Storia di G. Savonarola* (translated).

Ranke, *Savonarola u. die florentinische Republik*.

Сарпи Паоло, *История Тридентинского консилиума* (переведен на французский Куррайе).

Карты.—Пружинщик Менке, № 27.

Карты.—Исторический атлас издательства Clarendon Press, № 68, 69.

Испания и Нидерланды—

Кембриджская современная история, сс. xi. xiii.

Schäfer und Schirrmaker, *Geschichte von Spanien*.

Lafuente, *Historia general de España*.

Прескотт, *Фердинанд и Изабелла*.

Прескотт, *Филипп II*.

Forneron, *Histoire de Philippe II*.

Хьюм, *Испания*.

Юм, *Филипп Испанский* (серия "Иностранные государственные деятели").

Philippson, *West Europa im Zeitalter von Philip II*.

Бергенрот, *Календарь государственных бумаг Испании*.

Ranke, *Die Osmanen und die spanische Monarchie im 16ten und 17ten Jahrhundert* (translated).

Lettenhove, *Histoire de Flandre*.

Харрисон, *Уильям Молчаливый* (серия "Иностранные государственные деятели").

Мисс Патнэм, *История народа Нидерландов* (перевод с голландского Блока).

Мисс Патнэм, *Уильям Молчаливый*.

Guillaume Le Taciturne. *Корреспонденция*. Эд. Гашар.

Motley, *Соединенные Нидерланды*.

Карты.—Пружинщик Менке, № 19.

Карты.—Исторический атлас издательства Clarendon Press, № 61, 62, 52.

Османы—

Кембриджская современная история, с. iii.

La Jonquière, *Histoire de l'Empire ottoman*.

Финли, *История Греции*.

Hammer-Purgstall, *Geschichte des osmanischen Reiches*.

Ranke, *Die Osmanen und die spanische Monarchie im 16ten und 17ten Jahrhundert* (translated).

Карты.—Шпрунер Менке, № 89.

Карты.—Исторический атлас Clarendon Press, № 82.

Открытие—

Кембриджская современная история, сс. i. ii.

Банкрофт, *Тихоокеанские штаты Северной Америки*.

Бизли, *На заре современной географии*.

Бизли, *Джон Себастьян Кэбот* (Сериял "Строители Великобритании").

Дэнверс, *Португальцы в Индии*.

Фиске, *Открытие Америки*.

Harrisse, *Christophe Colomb*.

Харрисс, *Джон Кэбот*.

Харрисс, *Открытие Северной Америки*.

Маркхэм, сэр К. Р., *Жизнь Христофора Колумба*.

Маркхэм, сэр К. Р., *История Перу*.

Kretschmer, *Die Entdeckung Amerikas*.

Пейн, *История Нового Света под названием Америка*.

Peschel, *Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen*.

Прескотт, *История завоевания Мексики*.

Прескотт, *История завоевания Перу*.

Уинзор, *Повествовательная и критическая история Америки*.

Карты.—Пружинщик Менке, № 20.

Карты.—Исторический атлас Clarendon Press, № 85.

1 Этот список может быть дополнен ссылками на следующие библиографические источники:—

I. кембриджская современная история, первый том которой уже вышел.

II. Армстронг, *Карл V*.

III. Monod, *Bibliographie de l'Histoire de France*.

IV. Dahlmann-Waitz, *Quellenkunde der deutschen Geschichte*.

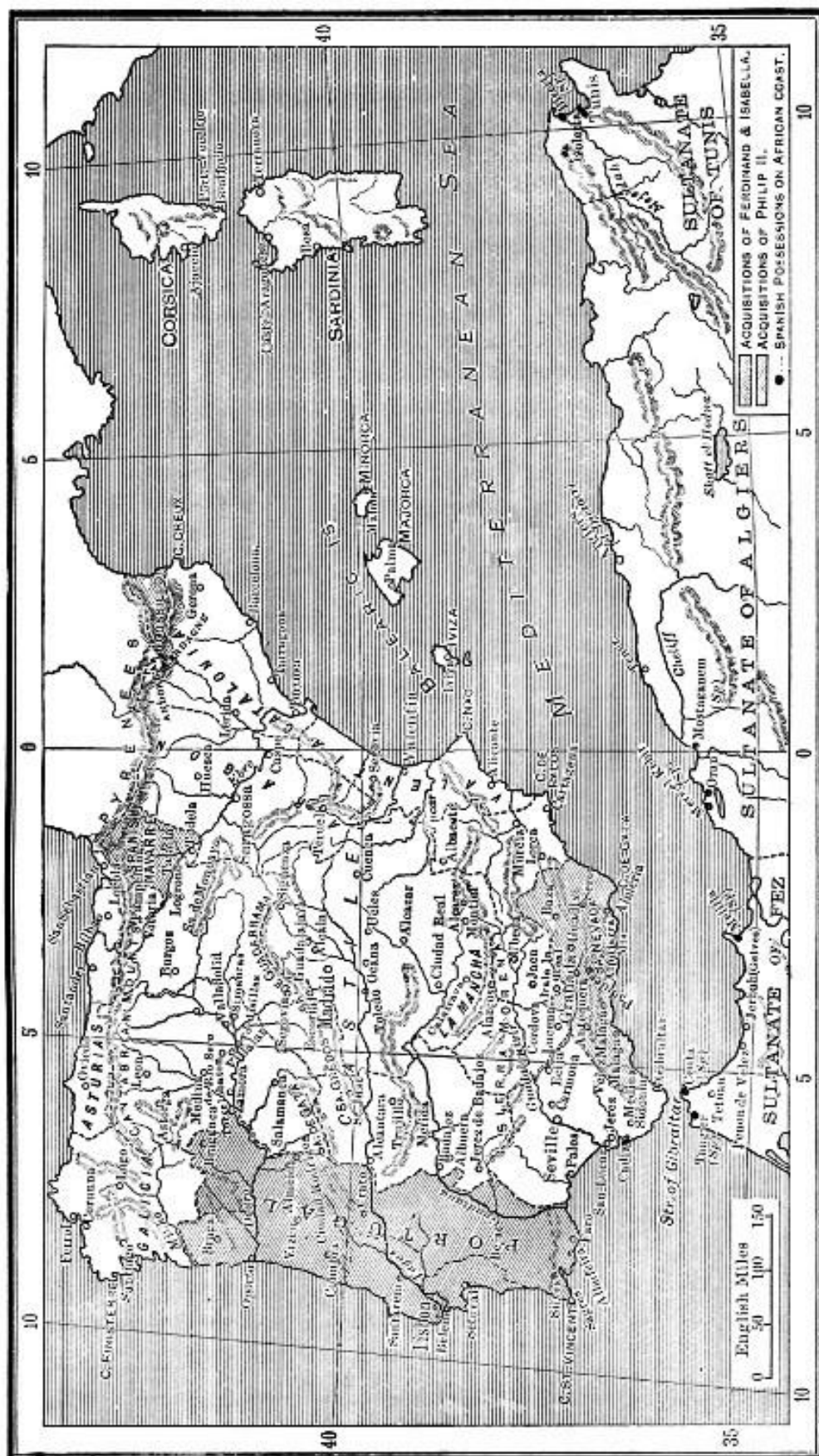
V. Förster, *Kritischer Wegweiser durch die neuere deutsche historische Litteratur*.

VI. Pirenne, *Bibliographie de l'histoire de Belgique*.

VII. Lavis et Rambaud, *Histoire Générale*.

SPAIN, 1494-1598

SPAIN, 1494-1598

Введение

Разделение истории на периоды может ввести в заблуждение, если не понимать его истинный смысл. Одна эпоха не может быть более изолирована от универсального хода истории - истинный смысл разделения Истории на периоды. чем одно поколение от другого. Идеи, принципы, цели человека действительно меняются, но меняются медленно, и само их изменение является результатом прошлого. Старое поколение растворяется в новом, как ночь растворяется в дне. Тем не менее, точно так же, как ночь отличается от дня, хотя невозможно сказать, когда начинается рассвет, а когда день, так и Современное время отличается от того, что было названо Средним веком. После того, как это было сделано, становится очевидной важность последних лет пятнадцатого века. можно легко понять важность более поздних лет пятнадцатого века. Средневековая концепция великой Всемирной Церкви под властью папы и императора к этому времени утратила всякую практическую силу. Власть императора ограничивалась Германией и даже там оспаривалась, и, если папство все еще сохраняло свои притязания, они уже не имели прежнего веса. Это был не только отказ от опосредованной идеи Всемирной Церкви. им, в свою очередь, сопротивлялись различные державы Европы, они даже подверглись суровой критике со стороны двух Генеральных советов. Уже родился человек, которому предстояло возглавить окончательное ниспровержение единства Западной Церкви. Тем временем старое общество распадалось: узы, которые привязывали человека к его господину, его полям, его ремеслу или расцвету индивидуализма. город, связывавший его с товарищами и дававший ему средства к существованию, разваливался на куски, и появлялся "индивидуум" современной жизни. Этому изменению способствовало многое. Движение Возрождения освободило людей от несколько узких рамок средневековья; оно открыло им знания древних и дало им возможность заглянуть в потусторонние миры мысли, прообразом которых казался Новый Мир, который вот-вот будет открыт на западе. Экономическая революция имела аналогичный эффект. Распад старой организации ремесел в рамках системы тесных гильдий сопровождался ростом современной конкуренции. В жизни, как и в мышлении, индивид самоутверждался.

Среди столкновения соперничающих интересов, которого потребовала эта революция, возник новый принцип единства — принцип национальности. Рост национальностей. Эта концепция, благодаря пониманию идентичности интересов, основанной на таких вещах, как общий язык, общая религия, естественные границы, общие надежды и страхи, была, если и менее привлекательной, чем концепция Священной Римской империи, то, по крайней мере, более осуществимой, и только она, казалось, могла сдержать разгул духа индивидуализма. Именно во Франции, Испании и Англии этот новый национальный дух имел наибольший успех; но, если Германия была не более чем свободной конфедерацией князей, Габсбурги уже заложили фундамент своей собственной монархии, в то время как папа все больше и больше становился князем светского королевства в Италии. Первый результат этого триумфа национальности - соперничество наций приводит к иностранным войнам. это не удивительно. Как только люди осознают идентичность своих интересов, они склонны к агрессии. Это сейчас произошло. Действительно, Англия, изолированная от Континента и поглощенная внутренними вопросами, пока еще не принимала особого участия; но другие страны начали обращать внимание на границу, и Италия, единственная, где не существовало политического единства, давала неплохие надежды на добычу. Не успела Франция сделать первый шаг в реализации своих притязаний на Неаполь, как их алчность

пробудилась, и Западная Европа оказалась втянутой в серию войн, которые продолжались с небольшими перерывами до Вервинского мира 1598 года. Обстоятельства эпохи придали этой борьбе особый характер. Национальная консолидация сопровождалась торжеством монархического принципа, триумфом монархии. После его долгой борьбы с аристократией — борьбы, которая в последнее время не ограничивалась мирской сферой, но была проиллюстрирована также внутри Церкви конфликтом между папством и Генеральными соборами. Из этого следовало, что династические интересы правящих семей преобладали. Монархи, без сомнения, олицетворяли страсти и устремления своих подданных. Тем не менее, их политика была глубоко окрашена их личным и семейным соперничеством, и, следовательно, войны были более продолжительными, чем могли бы быть в противном случае. Отчасти к этому также следует отнести меняющиеся комбинации союзов и контрсоюзов, которые меняются с разнообразием и быстротой калейдоскопа, возникновение теории баланса сил и дипломатии. И которые делают этот период, в том что касается его войн, одним из самых запутанных в истории. В последовавшей борьбе романская и тевтонская нации вступили в тесный, хотя и враждебный контакт; теория баланса сил стала руководящим принципом политики; и дипломатия нашла свое рождение.

Прежде чем прошло много лет, единство Западной церкви было нарушено Реформацией. Было неизбежно, что религиозные и политические вопросы — политические вопросы, затронутые Реформацией.

Начало Современной Европы. должны быть вовлечены. Борьба за господство в Европе, внутренняя политика нескольких королевств были глубоко затронуты религиозными вопросами. Сеть европейских осложнений запуталась больше, чем когда-либо, и, если интерес к рассматриваемому нами периоду таким образом возрастает, его сложность, безусловно, возрастает. В нем были поглощены все проблемы Средневековья, и из него должна была возникнуть Современная Европа.

ГЛАВА I

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ, 1494-1518

Политическое состояние Франции—Регентство Анны Божеской—Итальянская экспедиция—
Политическое состояние Италии—Карл нападает на Неаполь—Венецианская лига—Битва при Форново—Отступление и смерть Карла VIII.—Савонарола—Внутренняя политика Людовика XII.—Людовик нападает на Милан—Гранадский мирный договор и нападение на Неаполь—Ссора между Людовиком и Фердинандом—Битвы при Семинаре, Чериньоле и Гарильяно—Французы изгнаны из Неаполя—Александр VI. и Цезарь Борджиа—Лига Камбре—Битва при Аньяделло—Священная лига—Битва при Равенне—Французы изгнаны из Италии—Медичи восстановлены во Флоренции, а Максимилиан Сфорца — в Милане—
Завоевание Испанской Наварры—Распад Священной лиги—Людовик XII. наследовал Франциску I.—Битва при Мариньяно—Болонский конкордат—Нойонский и Лондонский договоры—Причины упадка Венеции.

§ 1. Экспедиция Карла VIII.

На момент итальянской экспедиции Карл VIII. был одиннадцать лет на троне Франции. Монархия, к которой он пришел наследованием, была, возможно, менее контролируема конституционными ограничениями, чем любая другая в Европе. Корона снискала популярность как лидер в борьбе против англичан — борьбе, которая создала французскую нацию; и как покровитель средних классов против феодальной знати. Генеральному земельному собранию, совещательному собранию королевства, так и не удалось подтвердить свои притязания. Классовые разногласия, разделявшие его, как и народ, препятствовали объединенным действиям. Третье сословие не представляло должным образом средние классы; рыцарей графства, тех ценных представителей сельских округов, которые составляли костяк английской палаты общин, не существовало. Из-за этих недостатков Генеральный прокурор не смог обеспечить контроль над кошельком или контролировать законодательство и администрацию страны. Соответственно, вся власть принадлежала Королевскому совету, органу королевских назначенцев, которые издавали указы и взимали налоги по своему желанию, до тех пор, пока они не закрепляли привилегии знати быть свободными от всех прямых налогов, кроме феодальных.

Действительно, парижский парламент, высший судебный орган королевства, пытался воспользоваться правом вето, настаивая на своем праве регистрировать и, следовательно, отказывать в регистрации королевских указов. Король, однако, мог легко преодолеть это сопротивление, проведя 'Lit de Justice', то есть вызвав членов парламента на Большой совет и приказав им зарегистрироваться; и, по крайней мере, при сильном короле парламент стал смиренным инструментом, а не противником короны.²

Когда Карлу шел четырнадцатый год после смерти его отца Людовика XI, в 1483 году регентством стал не Карл VIII. под опекой Анны Божеской, 1483-1492. Ее успешная политика. необходимо в соответствии с указом Карла V. (1374). Но Людовик XI, сознавая, каким образом из соображений политики или цинизма он³ пренебрег образованием своего сына, вверил его опеке своей дочери Анны, жены сира де Божо, который после смерти своего старшего брата в 1488 году стал герцогом Бурбонским.

Об Анне Людовик XI. сказал: "Она наименее глупая женщина во Франции". Но ее поведение в первые годы правления Карла опровергало его дальнейшее замечание о том, что "из мудрых женщин он не знал ни одной". Она, по крайней мере, в интересах централизации, хотя, возможно, и к необратимой потере своей страны, успешно уклонилась от требований Генеральных штатов 1484 года о доле в правительстве. Она пресекла неоднократные попытки знати во главе с предполагаемым наследником Людовиком Орлеанским отстранить ее от власти и восстановить феодальную распущенность — движение, которое поддерживал Франциск II. Герцог Бретани, созданный Максимилианом, затем королем римлян, Ричардом III, а впоследствии Генрихом VII Английским.

После смерти Франциска, герцога Бретани (1488), она вмешалась в дела герцогства и с оружием в руках добилась руки Анны, бретонской наследницы, для молодого короля. Брачным контрактом действительно признавалась автономия Бретани, но было решено, что герцогство перейдет к оставшемуся в живых, и герцогиня Анна обязалась, в случае, если ее муж умрет раньше нее, не оставив детей, выйти замуж за следующего обладателя французского престола. Таким образом, был подготовлен путь для окончательного включения в монархию последнего великого полунезависимого феодального государства, которое так долго было занозой в боку Франции.

Этот блестящий триумф дипломатии пробудил всех врагов Франции. Максимилиану предстояло отомстить за двойное оскорбление. Сам он был женат по доверенности на Анне Бретонской, в то время как Карл VIII. по Аррасскому мирному договору 1482 года поклялся в верности Маргарите, дочери Максимилиана. Таким образом, из-за женитьбы Карла на бретонской герцогине и император, и его дочь были брошены. Уязвленный этим двойным оскорблением, Максимилиан немедленно предъявил права на приданое Маргариты, Артуа и Франш-Конте, и попытался подкрепить свои притязания оружием. Генрих VII попытался воспрепятствовать объединению Бретани с Францией, и Фердинанд Арагонский воспользовался возможностью вернуть Руссильон, который был передан Людовику XI.

Притязания Максимилиана на приданое своей дочери были справедливыми, и вряд ли им можно было отказать. Но уступке Руссильона следовало сопротивляться всеми силами, в то время как на вмешательство Генриха VII можно было бы ответить решительной попыткой вернуть Кале и окончательно изгнать англичан из королевства. Возможно, можно усомниться в том, была ли Франция достаточно сильна для столь смелого удара, но, по крайней мере, ее политика должна была быть направлена на укрепление своих границ и консолидацию королевства.

К сожалению, в этот момент Чарльз увлекся идеей итальянской экспедиции. Будучи теперь достаточно взрослым, чтобы действовать независимо от своей сестры, Чарльз, склонный к итальянской экспедиции, заключает мир со своими врагами. Поспешно уступил требованиям своих врагов. Генрих VII. был выкуплен по Эпльскому мирному договору в ноябре 1492 года. Сердань и Руссильон были переданы Фердинанду по Барселонскому мирному договору в январе 1493 года, а по Санлиссскому мирному договору в мае 1493 года принцесса Маргарита была возвращена своему отцу вместе с Артуа и Франш-Конте. Избежав таким образом трудностей вблизи дома, Карл поспешил с приготовлениями к итальянской кампании.

После падения Римской империи Италия быстро утратила всякую национальную сплоченность. Несмотря на время от времени предпринимавшиеся бесплодные попытки установить в 1494 году Единое итальянское королевство на полуострове, принцип дезинтеграции наконец восторжествовал. Императоры Запада действительно претендовали на верховенство, но с конца XIII века это перестало быть реальностью, и на руинах этих притязаний, среди множества более мелких государств, пять приобрели особую известность.

В центре равнины Ломбардии стоял Милан, который в конце XIII века перешел к Висконти. Эта жестокая, но способная семья, Вилемилан. они уничтожили свободы, расширили власть республики и поглотили большинство небольших государств равнины, которые избежали правления Венеции. Территория, которая после исчезновения мужской линии Висконти была захвачена кондотьером Франческо Сфорца (1450), простиралась от реки Адда, где она граничила с венецианскими землями, до Сесии, где она встречалась с Пьемонтом, находившимся тогда под властью герцога Савойского, и маркизатом Монферрат. В 1476 году сын Франческо, Галеаццо Мария, поплатился за свою тиранию, похоть и жестокость от рук трех миланских дворян, которые, если тираноубийство когда-либо можно оправдать, достойны названия патриотов. Он оставил вдову Бону Савойскую, которая правила от имени своего малолетнего сына Джана Галеаццо при помощи самого мудрого советника ее мужа, Франческо Симонетты. Три года спустя, в 1479 году, Людовико "Иль Моро", дядя юной Джан, сверг ее правление, казнил Симонетту и принял регентство. Людовико, хотя и был

честолюбив, беспринципен и любил интриги, не был беспричинно жесток, как многие из его предшественников, и, хотя его правление было деспотическим, он был щедрым покровителем искусств и поддерживал в своих владениях довольство и мир.

К востоку от Миланского герцогства располагалась Венецианская республика. Когда-то она была демократией, но к концу тринадцатого века стала Венецией. станьте коммерческой олигархией. В конце пятнадцатого века Великий совет не только монополизировал избирательные функции государства, но и сам дож стал немногим более чем декоративной фигурой-главой.⁴ Первоначально Венеция мало интересовалась политикой материка. Обосновавшись за своими лагунами, она обратила свое внимание на Средиземноморье и Восток, откуда шла ее торговля, источник ее богатства. Однако в начале пятнадцатого века она обратила свой взор на запад, чтобы сформировать территорию на материке.⁵ В этом предприятии она действительно добилась большого успеха, и, помимо своих владений на востоке Адриатики, в Море и Эгейском море, теперь она правила обширной территорией к северу от По, которая простиралась на запад до Адды и на север до отрогов Альп. Но эта политика втянула ее в запутанный клубок итальянской политики и вызвала зависть итальянских государств. И все же Венеция была грозной. По мирному договору 1479 года она действительно уступила Скутари, Негропонт и большую часть своих владений в Мореи, но сохранила свои торговые привилегии и заключила временный мир с турками. В 1488 году она аннексировала с помощью выдумки замечательной изобретательности остров Кипр.

Правление ее аристократии было гораздо менее коррумпированным и гораздо более последовательным, чем правление других итальянских государств. Стабильность ее правительства и ее невосприимчивость к тем революциям, которым когда-либо подвергались другие государства Италии, вызывали зависть ее соседей. Снисходительность и мудрость, с которыми она управляла своими владениями, обеспечили ей лояльность ее подданных. Ее богатство по-прежнему было велико, ее покровительство искусству великолепно; и если уровень частной морали был низким, то он был не ниже, чем в остальной Италии.

К югу и юго-западу от Венеции лежали две независимые территории Мантуя и Феррара. Мантуя и Феррара. Из них Мантуя, расположенная среди болотистых равнин Минчо, принадлежала воинственному роду Гонзага, в то время как Феррарой, господствующей в устьях По, правил древний дом Эсте.

Приютившись под Апеннинскими горами, Флоренция удерживала водораздел реки Арно с зависимыми от нее городами Вольтерра, Флоренция. Арrezzo, Кортон, Пистойя и Пиза. К северо-западу и югу от нее лежали независимые государства Лукка и Сиена, давние ее смертельные враги.

Номинально являясь республикой, основанной на системе торговых гильдий, Флоренция практически находилась в руках Медичи, которые, хотя и оставили внешнюю форму конституции нетронутой, сохранили правительство в руках своих сторонников. Время от времени битком набитый 'парламент' граждан избирал комитеты или Балиас, под контролем которых избирались синьория и другие официальные лица. Наконец, в 1480 году колледж из семидесяти человек, практически назначенный Лоренцо, занял на время место Балиаса. Эта коллегия не только выдвинула кандидатуру синьории, но и избрала *Консильо Маджоре*, законодательный орган республики, и таким образом стала магистром города. Искусное манипулирование налогами, с помощью которых они наносили удар по богатым, обеспечило Медичи поддержку низших классов, в то время как неразбериха в государственной казне с финансами их банкирского дома дала им окончательный контроль над администрацией.⁶

Правление Медичи было гораздо более умеренным, чем правление миланского Сфорца. Их власть была результатом настоящего политического гения. Только благодаря этому им удалось контролировать самых беспокойных, самых проникательных и самых блестящих людей, которых мир когда-либо видел со времен афинян. Во Флоренции была сосредоточена суть итальянского искусства и литературы, а вместе с ней, увы, и большая часть той безнравственности и распущенности, которые пятнают славу Возрождения. К сожалению, в этот переломный момент ее истории умер Лоренцо Великолепный, типичный принц Медичи (апрель 1492 г.), и при неспособном правлении его сына Пьеро авторитет семьи быстро подрывался.

Окружает территории Сиены и Флоренции с юга и востока и простирается через центр Италии, Папскую область. от моря до моря простирались Папские государства, образованные из Вотчины Святого Петра, Кампаньи, герцогства Сполето, Анконского похода и Романьи.

Все эти территории, за исключением первых двух, хотя и признавали сюзеренитет папы, были практически независимы, а в Вотчине и Кампанье могущественные семьи Орсини и Колонна постоянно бросали вызов его власти. В последнее время папы проводили политику усиления своего правления в этих округах и организации сильного светского владычества, политику, определенно начатую Сикстом IV (1471-1484). Вероятно, правы те, кто утверждает, что только таким образом папство могло надеяться выжить. Средневековая концепция Священной Римской империи вышла за рамки воспоминаний. Идея объединенного христианского мира под властью одной веры больше не была реальностью. В значительной степени, хотя и не полностью, из-за своих собственных недостатков папство утратило моральную власть над Европой, и попытка Николая V (1447-1455) и Пия II (1458-1464) вернуть себе интеллектуальное лидерство в Европе увенчалась небольшим успехом. В период Авиньонского пленения (1309-1377) и великого раскола (1378-1417) мощь более крупных итальянских государств и жажда дальнейшего расширения возросли. В этих обстоятельствах, если папство хочет спасти себя от того, чтобы не пасть так низко, как оно пало в десятом веке, когда оно было марионеткой соседней знати, оно должно последовать его примеру и сформировать сильное и объединенное государство. Однако необходимость дорого обошлась. Втянутое в водоворот политических интриг, папство променяло свои духовные силы на эти светские объекты и потрясло совесть Европы. К сожалению, папы, взошедшие на папский престол в этот момент, были людьми низких принципов. Сикст IV (1471-1484) был продажен и пожертвовал всем ради продвижения своих племянников. Иннокентий VIII (1484-1492), безнадежно развращенный и ленивый, был первым папой, открыто признавшим своих детей; в то время как о Родриго Борджиа, правившем как папа Александр VI с 1492 по 1503 год, трудно говорить сдержанно. Перечисление обвинений, которые были выдвинуты против него, исчерпало бы преступления декалога. Даже если мы отвергнем те обвинения, доказательства по которым не являются убедительными, нельзя отрицать, что Александр был расточителен сверх обычного, презирал обычные условности приличия, алчен и жесток, а в государственной деятельности абсолютно не испытывал угрызений совести.

Желание пап создать светское владычество также было пагубным для Италии.⁷

Недостаточно сильные, чтобы объединить полуостров под своей властью, они были полны решимости предотвратить его объединение в любых других руках. В этой попытке примирить свои интересы как главы Церкви с интересами светского князя они всегда были готовы пожертвовать свободами своей страны. До этого они не раз призывали иностранца к себе на

помощь, и, если не они были ответственны за первое вторжение французов, они пошли далеко, чтобы сделать иностранное владычество постоянным.

Оконечность полуострова образовала Неаполитанское королевство, ныне находящееся в руках Ферранте I (1458-1494), незаконного сына Альфонсо Великодушного Арагонского; в то время как Сицилия и Сардиния вместе с Арагоном принадлежали законной ветви, представленной только что Фердинандом Католиком (1479-1516). Неаполь, всегда самое беспокойное из итальянских государств, в 1485 году стал ареной восстания баронов против тирании Ферранте. Король, действительно, благодаря хитрости и способностям одержал победу, но его неверие и бесчеловечная жестокость сделали его крайне непопулярным, а его правление - наиболее ненадежным. Он умер в январе 1494 года, и ему наследовал его сын Альфонсо II. (1494-1495), который, по словам французского хрониста Комминеса, хотя и не был таким опасным, был худшим человеком, чем его отец, поскольку "никогда не было принца более кровавого, злого, бесчеловечного, похотливого или прожорливого, чем он".

Соперничество этих пяти государств, взаимно отталкивающих друг друга, но неспособных установить полную независимость, должно было привести к гибели Италии. Соперничество этих государств. Слишком уравновешенные, чтобы допустить превосходство кого-то одного, слишком ревнивые друг к другу и слишком разные по характеру своих народов и форме правления, чтобы объединиться в федеральные узы, они потеряли всякое чувство общих национальных интересов. Существование многочисленных мелких государств между их границами, которые могли надеяться выжить только благодаря искусным интригам, возбуждало их алчность и утолщало нить вероломной дипломатии, которая теперь должна была заманить иностранца в Италию.

Но если ссоры этих итальянских правителей привели к первому вторжению, а впоследствии предотвратили какую-либо постоянную коалицию, то интеллектуальная активность и моральная деградация итальянцев. положение народа Италии уничтожило всякую надежду на успешное сопротивление. При чтении социальной истории Италии XV века мы невольно извлекаем два урока: во-первых, фатальное влияние потери свободы и политических фракций на моральные устои народа; во-вторых, опасность роскоши и преданности искусству и литературе, если их не обуздывать религиозным духом.

В таких государствах, как Милан и Неаполь, где были уничтожены все политические свободы, единственным оружием угнетенных были те, которым их научил тиран, — интриги и убийства. В таких городах, как Флоренция, где конституционные формы сохранились, но дух улетучился, и где государство раздиралось смертельной враждой, которая выражалась в жестоких проскрипциях и изгнании побежденных, людей вдохновляли взаимные подозрения и глубокая политическая ненависть. Потерять власть означало потерять все. Поэтому люди впали в отчаяние, забыли о необходимости терпения, о долге меньшинства и стремились свергнуть своих врагов путем тайного заговора или открытого восстания. В небольших государствах дела обстояли хуже. Там было еще меньше стабильности, фракции были более ожесточенными, шансы на успешное восстание были выше. Несомненно, Венеция и Папские владения были более стабильными, чем остальная часть полуострова, но даже там интриги, коррупция и заговоры не были редкостью.

При таких политических обстоятельствах, как эти, не только исчезло всякое чувство итальянской национальности, но и патриотизм к городу или королевству умер перед императивным инстинктом самосохранения. Преклонение перед успехом заменило преданность принципам и повиновение авторитету, в то время как ум и эгоизм процветали в ущерб морали. Более того, чтобы защитить себя или осуществить свои завоевательные

планы, тираны ввели кондотьеров. Республики, отчасти из-за лени, отчасти из-за трудности противостоять обученному солдату с помощью недисциплинированного ополчения, последовали его примеру, и Италия стала жертвой наемников. Войну они превратили в игру: не интересуясь ссорами, выходящими за рамки их заработка, или их личными амбициями, они любили поле боя, которым жили, но не желали, чтобы битва была решающей. Всегда готовые перейти на другую сторону по велению личных интересов или за более высокую плату, они создавали и свержали государства и сеяли смуту вокруг. Тем временем горожане забыли военное искусство и, когда настал момент их испытания, обнаружив, что им нет равных с воинственными народами Севера, были напуганы яростью их натиска.

Быстрый рост роскоши и развитие литературы и искусства привели к тем же результатам. Чрезмерная приверженность материальному комфорту сделала итальянцев трусливыми, эгоистичными и ленивыми. Возрождение критической способности привело к скептицизму; критик действительно разрушал, но у него не было ни энтузиазма, ни веры, чтобы восстанавливать. Возвращение к классическим идеалам вызвало возрождение язычества, в то время как концентрация человеческого разума на удовольствиях искусства, на чувственном наслаждении красотой формы и цвета привела многих к чувственности. История Возрождения служит предупреждением о том, что эстетический дух не обязательно религиозен или даже морален. Без сомнения, это легко преувеличить. Без сомнения, было много таких, кто жил чистой и простой жизнью. Возможно, обвинения такого энтузиаста, как Савонарола,⁸ слишком экстравагантны. Но современные свидетельства против итальянцев неопровержимы. Литература того времени, должно быть, нашла читателей. Циничная откровенность, с которой Макиавелли пренебрегает всеми моральными устоями в своих трактатах об искусстве управления, не имеет аналогов в истории политической литературы, а карнавалеские песни Лоренцо самих по себе достаточно, чтобы убедить нас в глубине деградации, до которой опустилась итальянская мораль. Таким образом, Италия, лишенная какого-либо чувства национальности или патриотизма и тех более совершенных качеств, которые могли бы сделать возможным сопротивление, должна была увидеть свои прекрасные равнины ареной соперничества других наций и в конце концов попасть под иго иностранного владычества, которое продлилось до наших дней.

Претензии Франции на Италию были двоякими и имели давнюю историю. Орлеанский дом в силу своих французских притязаний на Италию. происходя от Валентины, наследницы миланского рода Висконти, они считали себя законными претендентами на герцогский трон и считали Сфорца узурпаторами. Анжуйский дом оспаривал титул арагонских королей Неаполя и заявил, что Иоанна II, умершая в 1435 году, оставила свои территории Рене, главе их дома. Притязания Дома Орлеанского теперь были представлены Людовиком Орлеанским, двоюродным братом Карла VIII., который уже владел Асти, в то время как притязания Дома Анжу в 1481 году перешли к короне вместе с Анжу и Провансом, согласно завещанию Рене I, последнего герцога Анжуйского. Людовик XI. он удовлетворился Анжу и Провансом, но его глупый и честолюбивый сын, очарованный мечтой о южном королевстве, которое могло бы послужить отправной точкой для нового крестового похода против турок, горел желанием утвердить свои притязания в Италии. И все же даже Карл мог бы заколебаться, если бы ссора между Миланом и Неаполем не предоставила заманчивой возможности.

В 1435 году Альфонсо Великодушный, соперник Рене Анжуйского за Неаполитанское королевство, предупредил Филиппо Марию, который тогда правил Миланом, что французы, когда мир в Италии зависел от Тройственного союза Милана, Флоренции и Неаполя. хозяева Неаполя стремились бы расширить свои территории на севере. Франческо Сфорца, захвативший Милан вскоре после смерти Филиппо (1450), признавал, что законные права на

Милан перешли вместе с рукой Валентины к французскому Орлеанскому дому, и убеждать его не требовалось. Результатом стал тесный союз между этими двумя державами, который был укреплен браком Ипполиты, дочери Сфорца, с Альфонсо, принцем Калабрии. Лоренцо, верный традиционной политике Медичи, присоединился к этой лиге. Он надеялся с помощью тройственного союза Милана, Неаполя и Флоренции сохранить баланс сил в Италии, противостоять стремлению к территориальной агрессии, разделяемому Венецией и папством, и, сохраняя мир на полуострове, лишить иностранца всякого повода для вмешательства. Можно сомневаться в том, что Лоренцо добился бы успеха, но, безусловно, его смерть (апрель 1492 г.) устранила единственного человека, для которого успех был возможен.

Еще до смерти Лоренцо союз между Миланом и Неаполем грозил распасться.

Государственный переворот 1479 года, в результате которого Людовико "Иль Моро" перехватил бразды правления у Боны Савойского, получил одобрение Ферранте из Неаполя. Однако в следующем году (1480) смерть Ипполиты, сестры Людовико и жены Альфонсо, сына Ферранте, разорвала связь между двумя семьями. Разрыв союза между Миланом и Неаполем вынуждает Людовико пригласить иностранца. Последующий брак молодого Джана Галеаццо с дочерью Альфонсо, Изабеллой (1489), усугубил ситуацию. Альфонсо стал ревновать к правлению Людовико и пожелал, чтобы его зять, достигший в 1492 году двадцатилетнего возраста, был признан герцогом. Эту ревность разделяла Изабелла, которая завидовала более высоким почестям, оказанным ее родственнице, Беатриче де Эсте, жене Людовико.

Пьеро де Медичи, который только что сменил Лоренцо во Флоренции (1492), присоединился к Альфонсо в тайном союзе против Людовико, к которому Ферранте Неаполитанского несколько неохотно убедили присоединиться. Таким образом, тройственный союз Милана, Неаполя и Флоренции, от которого зависела безопасность Италии, был разорван, и Людовико был вынужден искать поддержки в другом месте. Максимилиану, который в 1493 году был избран императором, он отдал руку своей племянницы Бьянки и получил взамен инвеституру своего герцогства, в котором до сих пор было отказано семье Сфорца. Отчаявшись получить более действенную помощь от этого нищего принца, он затем обратился к Франции. Сан-Северино, граф Каяццо, был послан "пощекотать Карла, которому был всего двадцать один год, тщеславием и славой Италии и настаивать на его праве на прекрасное Неаполитанское королевство" (Commines).

Политика Людовико получила неоправданное осуждение. Каждый итальянский князь обращался к французам, когда это соответствовало его целям. До сих пор Людовико был самым ярким противником этой политики, и когда в 1485 году Иннокентий VIII. призвал Рене II. Лотарингии настаивать на анжуйских притязаниях на Неаполь, именно он предотвратил это. Хотя он был эгоистичен и мастер дипломатического предательства, он ни в коем случае не был худшим из итальянских государей своего времени. Изменившаяся политика Неаполя толкнула его на роковой шаг. Более того, Джан Галеаццо был неспособным человеком, и кажется вероятным, что Альфонсо, обладавший ненасытной жадностью власти, надеялся сделать его своей марионеткой. Людовико не желал и не ожидал, что французы завоюют Неаполь. Итальянцы, действительно, так часто прибегали к угрозе иностранной интервенции, что забыли, что это может означать. Его обращение к Карлу было всего лишь ходом в интригующей игре, в которую играли все, и все, что можно сказать, это то, что, в то время как другие безуспешно пытались это сделать, Людовико преуспел, к своей собственной гибели и гибели Италии. И он был не единственным, кто в этот момент навел Чарльза. Его увещевания были поддержаны принцем Салерно, неаполитанским беглецом,

жаждущим отомстить за жестокость, которую Ферранте, в нарушение своего обещания, применил к руководителям восстания баронов в 1485 году. К ним добавились просьбы кардинала Джулиана делла Ровере, соперника и смертельного врага Борджиа, который только что вззошел на папский престол как Александр VI. (Август 1492 г.).

‘Вопрос об экспедиции,’ говорит Филипп де Коммин, ‘горячо обсуждался, поскольку все люди, обладающие опытом и мудростью, рассматривали его как очень опасное решение, которое Шарль принимает вопреки лучшим советам. обязательство.’ Анна Божеская, ее муж и многие другие делали все возможное, чтобы отговорить короля, но ‘Карл был глуп и упрям’, и его упрямство поддерживали его фавориты, Стефан де Вер, некогда член палаты представителей, а ныне сенешаль Бокера, и Брисонне, епископ Сен-Мало; один надеялся на земли в Неаполе, другой - на кардинальскую шапку, обещанную миланскими послами. Более молодая знать, жаждавшая добычи в Италии, присоединилась к этому крику, и Карл опрометчиво пустился в предприятие, ‘для которого не хватало ни его казны, ни его понимания, ни его приготовлений’.

В августе король, впустую проведший весну и начало лета в Лионе, потратившись на празднества и Шарли, пересекает Альпы. 2 Сентября 1494 г. любовные интриги деньги, которые он собрал или занял для своей экспедиции, переправил вниз по Роне во Вьенну, а оттуда пересек Альпы через перевал Мон-Женевр (2 сентября). Его армия была не исключительно французской, поскольку ее сопровождали также немецкие ландскнехты и швейцарские наемники. Таким образом, это было подходящее предвестие тех иностранных вторжений, которым предстояло в течение следующих ста лет опустошать прекрасные равнины Италии.

В Асти, где его встретил Людовико, он задержался сначала из-за своего веселья, затем из-за болезни, и только 6 октября он выехал из Асти в Пьяченцу. Здесь обсуждался вопрос о его будущем курсе. Теперь он должен был покинуть территории своего союзника. Венеция на северо-востоке сохраняла нейтралитет. Папа после некоторых колебаний решил оказать сопротивление французам. Во Флоренции мнения сильно разделились. Горожане, верные своим традициям, были за французов, и их укрепили в своих взглядах предупреждения Савонаролы о том, что Италию постигнет бедствие. Пьеро, с другой стороны, был в союзе с Неаполем. Наконец, было решено выбрать более западный маршрут по Виа ди Понтремоли-чарлес, пересекающей Апеннины и продвигающейся к Флоренции. вместо более легкого пути через Болонью. Таким образом, Карл избежал бы встречи с неаполитанским принцем Ферранте, который был послан его отцом, ныне королем Альфонсо, удерживать Романью, и сохранил бы свое сообщение с морем, которое было завоевано победой герцога Орлеанского над доном Федерико, братом короля Неаполя, при Рапалло (8 сентября). Более того, предполагалось, что Флоренция выступит за Францию при приближении короля.

Перевал был трудным, а местность, по которой он проходил, была настолько бесплодной, что здесь не было даже корма для лошадей. Если бы французы здесь встретили упорное сопротивление, они, возможно, никогда бы не проникли в Тоскану, поскольку Людовико начинал раскаиваться в том, что призвал Карла в Италию. Его подозрения о французских замыслах против Милана уже были возбуждены, и смерть его несчастного племянника Джан Галеаццо (октябрь 1494 г.) от яда, как обычно считалось, устранила необходимость во французской помощи против Неаполя. Но разрозненные мнения флорентийцев пришли Карлу на помощь. Французам позволили беспрепятственно пройти по ущельям, и, разграбив город Фивизцано, сат Даунпьеро был изгнан из Флоренции. 9 Ноября 1494 г. перед крепостью Сарцана. Сюда Пьеро, напуганный недовольством во Флоренции, поспешил и

согласился с требованиями Карла. Он пообещал определенную сумму денег; он сдал четыре самых важных города: Сарцану, Пьетра-Санта, Пизу и Ливорно. Эти унижительные уступки еще больше разозлили флорентийцев. По возвращении Пьеро во Флоренцию (8 ноября) горожане бросились к оружию, и он был вынужден переодетым бежать в Венецию. Отступление Флоренции поставило под угрозу положение Ферранте в Романье и открыло путь на Рим. Поэтому Ферранте удалился.

Тем временем Карл, даровав пизанцам свободу от их ненавистной любовницы Флоренции - подарок, который он не должен был дарить, - перешел к Флоренции. Не обращая внимания на Чарльза, он въезжает во Флоренцию и, с трудом договорившись об условиях, направляется дальше, в Рим. предупреждение Савонаролы о том, что он одержит победу только в том случае, если проявит милосердие, особенно к Флоренции, и не было поводом для колебаний, он вошел в город "с копьем наперевес", как будто пришел победителем (17 ноября). Это угрожающее отношение сопровождалось экстравагантными требованиями. Сначала он попросил отозвать Пьеро. Получив отказ, он настоял на том, чтобы в городе был оставлен французский лейтенант, чье согласие было необходимо для каждого действия. Поскольку флорентийцы все еще возражали, король в гневе сказал: 'Мы затрубим в наши трубы'. 'И, - ответили мы, - Каппони затрубит в наши колокола'. Видя, что он может зайти слишком далеко, Карл смягчил свои требования. Флорентийцы согласились выплатить 120 000 флоринов в течение шести месяцев и позволить двум представителям короля остаться во Флоренции. Но Медичи отозвать было нельзя, и Карл пообещал восстановить города, переданные ему Пьеро в конце войны (27 ноября). Уладив таким образом трудности с Флоренцией, Карл прошел через Сиену, которая приняла французский гарнизон (2 декабря), и двинулся на Рим.

Александр VI. сделал все возможное для дела Неаполя, но теперь он серьезно встревожился. Его переписка с турецким султаном Баязетом II, в которой в обмен на помощь обсуждалось убийство брата султана Джема, находившегося тогда на попечении Александра, попала в руки Карла. Его враги требовали созыва Генерального совета. Остия была захвачена Фабрицио Колонна от имени своего врага делла Ровере (18 сентября). Поэтому он решил пойти на соглашение и, обеспечив свободное отступление Ферранте и его армии, признал, что француз Александр идет на соглашение. 15 Января 1495 г. в стенах Рима, в то время как он удалился в замок Святого Анджело. Кардиналы делла Ровере и Сфорца убеждали Карла больше не идти на уступки и созвать Генеральный собор, который должен сместить папу и приступить к реформе Церкви. Но Бриссонне не желал разрыва, который мог бы поставить под угрозу его надежду на кардинальскую шапку; Карл едва ли подходил для реформатора; взятки Александра возымели свое действие, и в конце концов компромисс был достигнут. Папа согласился сдать Чивита-Веккию, Террачину и Сполето на хранение до окончания войны, помиловать мятежных кардиналов и выдать принца Джема. Он также пожаловал епископу Сен-Мало желанную кардинальскую шапку и приказал своему сыну, кардиналу Сезару Борджиа, сопровождать Карла в качестве заложника. Не успел царь покинуть Рим и отправиться на юг, как цезарь ускользнул, а Джем умер. Смерть последнего, которую в народе приписывают отравлению, введенному Александром, вероятно, была вызвана естественными причинами; но исчезновение Цезаря предупредило Карла, что обещаниям папы нельзя доверять.

Успех французов был настолько экстраординарным, что Альфонсо вполне мог впасть в уныние. Альфонсо отказывается от короны и отправляется на Сицилию. 3 февраля 1495 года. Он знал, что подданные ненавидят его смертельной ненавистью, и с трусостью, столь свойственной жестоким людям, теперь стал жертвой суеверного ужаса. Заявив, что "даже

камни и деревья кричат о Франции", он передал корону своему сыну и бежал на Сицилию (3 февраля 1495 г.).

Его сын, Ферранте II, проявил больше духа и присоединился к его армии при Сан-Джермано. Горный перевал и река Гарильяно представляли здесь благоприятную возможность для обороны; но известие о жестоком поведении французов при штурме Монте-Сан-Джованни посеяло ужас среди его войск, и они отступили к Капуе. Восстание в Неаполе заставило Ферранте вспомнить, что его генерал Тривульцио заключил соглашение с Карлом. Неаполь теперь восстал снова, и незадачливый король, заявив, что он пострадал за грехи своих отцов, а не за свои собственные, и пообещав прийти на помощь своим неверным подданным, Карл вступает в Неаполь. 23 февраля 1495 г. если варварство французов заставит их пожелать его возвращения, отплыл на Сицилию (21 февраля). На следующий день Карл вступил в Неаполь, и в течение нескольких недель вся страна, за исключением одной или двух крепостей, была в его руках.

‘Успех Карла, - говорит Коммин, - следует считать делом Провидения'. Почти не сломав копья, он прошел всю Италию и завоевал королевство. Реакция против французов. Казалось, что его хвастовство, что он возглавит крестовый поход против турок и завоюет Константинополь, оправдается. Но его триумф был недолгим, и "его судьба изменилась так же внезапно, как встает день в Норвегии". Французы, гордые своим успехом, ‘едва ли считали итальянцев мужчинами’ и оттолкнули их своей жестокостью и распущенностью. Карл не предпринял никаких шагов, чтобы закрепить свою победу, а предался своим удовольствиям. Не было предпринято никаких усилий, чтобы умиротворить неаполитанскую знать; все должности были переданы французам, а обещанная отмена налогов так и не была выполнена.

Тем временем на Севере надвигалась буря. Людовико давно раскаивался в своей опрометчивости, пригласив французов, и опасался, что Людовик Орлеанский может предъявить претензии на Милан; папа боялся Общего собора и был только рад поднять врагов против короля; Венеция, у которой поначалу была Венецианская лига. 31 марта 1495 г. посмеялись над экспедицией, всерьез встревожились; Фердинанд католик уже сделал замечание Карлу и начал опасаться нападения на Сицилию; достоинство Максимилиана было поколеблено перевесом Дома Валуа. Переговоры между этими державами уже давно велись в Венеции. Завоевание Неаполя привело дело к кульминации, и 31 марта они сформировали Венецианскую лигу, якобы для защиты своих территорий и подготовки к войне против турок. Гвиччардини утверждает, что они тайно участвовали в изгнании французов из Италии. Их целью, скорее всего, было защитить себя от дальнейшей французской агрессии. Только Флоренция отказалась порвать с французами, надеясь вернуть Пизу с их помощью.

С невероятной глупостью Карл откладывал до мая в тщетной надежде получить папскую инвеституру Неаполя. Затем Карл отступает. поспешно получив корону из рук архиепископа Неаполя, он начал отступление с немногочисленными 10 000 человек (20 мая). Граф Монпансье, ‘хороший солдат,’ говорит Коммин, ‘но не слишком мудрый и такой ленивый, что не вставал до полудня', был оставлен вице-королем. Стефан де Верс, ныне герцог Нола, был назначен губернатором Гаэты и контролером финансов, а Стюарт д'Обиньи, лучший солдат из всех, губернатором Калабрии. Когда Карл приблизился к Риму, Александр бежал в Орвието, а оттуда в Перуджу. Прибыв в Тоскану, Карл застал всех в смятении. Сиена, Лукка и Пиза объединились против Флоренции и умоляли французов о помощи. Флорентийцы, реформировавшие свое правительство по совету Савонаролы, потребовали возвращения городов, временно переданных королю. Карл, неспособный принять решение, отложил их

переговорами и, оставив французские гарнизоны в уступленных городах, 23 июня пересек Апеннины.

Но французам не суждено было уйти из Италии безсражения. Их флот на западном побережье защищал их от нападения венецианских или испанских кораблей, но на материке силы Милана и Венеции под командованием Маркиза сражались при Форново. 6 Июля 1495 г. Мантуанцы встретились с ними у Форново на Таро. Армия Лиги имела численное преимущество и позицию, и, прояви они решимость, могла бы нанести решительное поражение. Но итальянцы не горели желанием загонять французов в угол, и Карл, благоразумно желая продолжить свой марш, двинулся вперед со своим авангардом. Его встретили миланские войска под командованием графа Каяццо, но атака была слабой и легко отбита. Это, по словам Гвиччардини, было заслугой Людовико. Опасаясь, что слишком полная победа может отдать его во власть венецианских войск, которые были гораздо многочисленнее его собственных, и что слишком сокрушительное поражение может навлечь на него месть французов, он приказал своему капитану не давить на французов слишком сильно. Тем временем атака на центр и арьергард была гораздо более энергичной, и Карл оказался в мгновенной опасности. Однако его спасло отсутствие дисциплины у врагов; многие итальянцы повернулись, чтобы разграбить его лагерь, резервы не атаковали, и французский король, потеряв обоз, но не престиж, смог продолжить свой путь.

В Асти Карла задержал вопрос о Новаре. Людовик Орлеанский занял этот город в июне, но был осажден Людовико. Напрасно Людовик молил о немедленной помощи. Карл не двинулся с места, пока не подошло подкрепление, а тем временем утешал себя любовными интригами. К счастью, Людовико стремился изгнать французов из Италии и в октябре пришел к соглашению. Людовик сдал город, но обошелся без Верчелли. 10 октября 1495 года. Людовико, порвав с Лигой, пообещал предоставить французам свободный проезд и даже оказать им помощь, когда они соберутся выступить против Неаполя. Однако в настоящее время это казалось маловероятным.

Как только Карл повернулся спиной к Неаполю, его завоевания начали таять. Неаполитанцы, по словам Гвиччардини, были самым непостоянным народом Италии, и безумства французов напомнили им слова Ферранте. Соответственно, вернувшийся Ферранте в конце июля покидает Италию, и его завоевания тают на глазах. Май, при поддержке войск, посланных Фердинандом Католиком под командованием Гонсалво де Кордовы, самого блестящего из испанских генералов. Потерпев поражение от Стюарта д'Обиньи при Семинаре и отброшенный к Мессине, он руководил вторым наступлением на Неаполь. Город восстал, ворота были открыты, и Монпансье укрылся в замке (7 июля), который вскоре после этого был вынужден эвакуировать. Венецианцам в обмен на деньги было разрешено занять Монополи, Отранто, Бриндизи и Трани. Монпансье еще некоторое время сопротивлялся, надеясь на подкрепление из Франции. Но Карл был погружен в удовольствия; Людовик Орлеанский, который был предполагаемым наследником престола, отказался покинуть Францию, и, наконец, Монпансье капитулировал при Ателле (21 июля 1496 года). Д'Обиньи, хотя и был болен лихорадкой, продержался немного дольше, но к концу 1496 года для Франции все было потеряно. Ферранте не дожил до конца. Он умер в сентябре, и ему тихо наследовал его дядя Федерико. Таким образом, за три года на троне Неаполя воссели пять королей.

От приобретений Карла остались только города, уступленные ему Флоренцией. Они должны были быть восстановлены при его отступлении, но в надежде на возвращение Чарльз уклонился от своего обещания, и офицеры, которых он оставил командовать, полностью нарушили его. Ливорно действительно был сдан в сентябре, но Сарцана была продана генуэзцам, Пьетра-Санта - Лукке, а пизанская цитадель - пизанцам. Из них Пиза была

возвращена только в 1509 году, после длительной борьбы, которая истощила республику и существенно способствовала ее падению, Пьетра-Санта - только после восстановления власти Медичи в 1513 году, а Сарцана - вообще. Таким образом, больше всего пострадал союзник Франции.

Карл VIII. пережил итальянскую экспедицию всего на три года. Всегда предаваясь мечтам о возобновлении нападения на Неаполь, он поначалу был слишком поглощен своими удовольствиями, чтобы воплотить их в жизнь. В течение последних нескольких месяцев своей жизни он, по словам Коммина, 'принял решение убить Карла VIII. 7 апреля 1498 г. внутри себя вести более строгую и религиозную жизнь'. Если так, то смерть ожидала его впереди. Во время пребывания в замке Амбуаз, который украшали неаполитанские художники, он ударился головой о дверную притолоку и умер в возрасте двадцати семи лет от последовавшего за этим апоплексического удара (апрель 1498 г.).

Презренный умом, хотя и обладающий огромной физической силой, вдохновленный рыцарскими идеями, которые он был не в состоянии воплотить в жизнь, жертва распутства, странно, что он сыграл такую ведущую роль в истории, и все же не кажется совсем уж неприличным, что те итальянские войны, которые вызвали такие бесконечные страдания в Италии и были столь пагубны для высших интересов Франции, должны быть связаны с его именем. Все его дети умерли в младенчестве, и корона, соответственно, перешла к его двоюродному брату и шурину Людовику, герцогу Орлеанскому, тогда мужчине тридцати шести лет.

§ 2. Савонарола и Флоренция.

Через месяц после смерти Карла VIII монах Савонарола, который так много сделал для придания таинственности итальянской экспедиции, пал жертвой своих врагов.

Этот замечательный человек родился в Ферраре в 1452 году. Постепенно завоевав репутацию проповедника удивительной силы и рвения, он был в 1491 году избран приором Савонаролой, приором Сан-Марко, 1491 г. Доминиканского монастыря Сан-Марко во Флоренции. Несмотря на независимую позицию, которую он здесь занял, Лоренцо не выказал к нему недоброжелательства и даже призвал монаха к своему смертному одру, чтобы попросить благословения.⁹ Однако, по всей вероятности, Савонарола остался бы великим проповедником возрождения и никем более, если бы не экспедиция Карла VIII. Постоянной темой его проповедей было то, что бич Божий должен посетить Италию, чтобы наказать ее за грехи и очистить огнем. Французское вторжение и быстрый успех Карла были восприняты как исполнение его пророчества, и Савонарола стал одним из ведущих людей Флоренции.

В свержении Медичи он не принимал активного участия, но после бегства Пьеро (ноябрь 1494 г.) он был втянут Савонаролой и революцией 1494 г. в политику города. При поддержке его мощной пропаганды с кафедры в Кафедральном соборе и руководствуясь его советами, народная партия, к которой он, естественно, принадлежал, смогла представить и провести конституционную реформу. Указом от 23 декабря состав правительства должен был быть следующим:—

Постоянный Большой совет (*Consiglio Maggiore*) должен был состоять из всех имеющих на это право "граждан", то есть из всех граждан в возрасте тридцати лет, чьи отец, дед или прадедушка были избраны на высшие государственные должности. Этот Совет, насчитывающий около 3000 человек, должен был избрать из своих членов "сенат" (*Consiglio degli ottanta*), занимающий свои должности в течение шести месяцев и формирующий

вместе с Consiglio Maggiore законодательный орган города. Кроме того, Большой Совет должен был назначать синьорию и других магистратов из списка, представленного группой кандидатов, которые сами избирались в Совете, и рассматривать апелляции по уголовным делам. Синьория осталась прежней, состоящей из гонфалоньера и восьми приоров: ее должны были избирать каждые два месяца, в то время как Десятка свободы и мира (*Dieci di Libertà e Pace*), в руках которой находилось ведение иностранных дел, должна была занимать свои посты в течение шести месяцев.

Конституцию вряд ли можно назвать демократической, поскольку по меньшей мере 7000 граждан были лишены избирательных прав. Как и большинство теоретиков своего времени, Савонарола восхищался стабильностью Венеции и тщетно надеялся обеспечить это своему родному городу, создав закрытый и постоянный избирательный и законодательный орган, Консильо Маджоре, по венецианскому типу. Тем не менее, правительство было предпочтительнее старой системы, при которой город, по названию республика, находился под контролем одной семьи и их клики.

Савонарола этим не удовлетворился. Со своей кафедры он настаивал на моральном преобразовании как необходимой основе истинной свободы и настаивал на всеобщей амнистии, которая могла бы смягчить опасность партийной розни. Став таким образом политиком, Савонарола заявил, что действовал против своей воли. В своей проповеди от 21 декабря 1494 года он заявил, что умолял Бога освободить его от вмешательства в дела правительства, но ему было велено идти дальше и основать святой город, который поощрял добродетель и смотрел на Христа как на своего учителя.

Мы вполне можем поверить в искренность Савонаролы. Тем не менее вмешательство в политику было фатальной ошибкой. Таким образом, он стал тесно связан с Асавонаролой, стал ассоциироваться с политической партией и вызывает вражду внутри страны и за рубежом. партия, ответственная за свои ошибки и зависящая от ее успеха. Это ослабило его позиции как реформатора, в то время как его приверженцам отныне приходилось считать врагами всех тех, кому не нравились его попытки реформировать мораль. Таким образом, возникло серьезное противодействие. Биги (Серые) работали над восстановлением власти Медичи; Аррабиати (разъяренные), отвергая Медичи, возражали против изменений в Конституции; компаньачи (компаньоны) не любили вмешательства проповедника в их удовольствия. Эти три группы, поначалу преследовавшие совершенно разные цели, в конце концов объединились в общей оппозиции пьянони (плакальщицам), последователям монаха. Но если вмешательство Савонаролы в политику города ослабило его позиции во Флоренции, то позиция его партии навлекла на него враждебность иностранных государственных деятелей. Желание вернуть Пизу было непреодолимой страстью во Флоренции, и не было ничего, на что она не пошла бы ради достижения этой цели. Она отказалась присоединиться к Венецианской лиге в надежде вернуть Пизу из рук Карла. Эти надежды были обмануты. Тем не менее приверженцы монашества, возглавляемые Франческо Валори, нежно цеплялись за мечту о том, что Карл снова войдет в Италию и, наконец, выполнит свое обещание. В этих ожиданиях их поддержала проповедь Савонаролы, который объявил, что Италии еще предстоит много страдать, но что в конце концов Флоренция после долгих испытаний будет спасена Богом. Отказавшись таким образом присоединиться к Лиге, Флоренция навлекла на себя вражду Людовико, Максимилиана, Венеции и папы римского. Трое первых, в свою очередь, с оружием в руках поддержали пизанцев, и в октябре 1496 года сам Максимилиан прибыл в Италию. Но взаимная ревность помешала объединенным действиям, и экспедиция Максимилиана закончилась фиаско.

Противодействие папы оказалось более серьезным. Александра VI. мало заботило осуждение реформатора Александра VI. вмешивается. Сентябрь 1495. против пороков того времени, но его вмешательство в политику он не потерпел. Соответственно, в сентябре 1495 года он отстранил его от проповеди. Савонарола сначала подчинился и хранил молчание во время следующего Пришествия. Но в Великий пост 1496 года синьория, состоявшая тогда из сторонников монаха, приказала ему возобновить проповедь. Он подчинился, и на Карнавале 1496 года энтузиазм Пьянони вырвался наружу в религиозных процессиях. Дети густыми рядами подметали улицы, держа в руках оливковые ветви и распевая гимны. Это неповиновение Савонарола оправдал, заявив, что никакие папские запреты не должны отвлекать его от исполнения долга и что, если они противоречат Закону Любви, изложенному в Евангелии, им необходимо противостоять, поскольку 'ошибающийся папа не представляет Церковь', верным сыном которой он себя называл. Даже такое смелое поведение не сразу взволновало Александра — более того, некоторые назвали бы это датой, когда он попытался завоевать монаха, предложив кардинальскую шапку. Если это было так, Савонарола с презрением отверг это предложение, и папа был вынужден принять дальнейшие меры.

Тосканская конгрегация доминиканского ордена была, по просьбе Савонаролы, отделена от конгрегации Ломбардии. Это дало ему исключительную независимость, которая вызывала зависть многих членов его ордена. Теперь Александр объединил монастырь Сан-Марко с новообразованной таско-римской конгрегацией (7 ноября 1496 г.). Это явно входило в компетенцию папы, это было популярно в ордене в целом, и папа надеялся нанести удар по монаху через настоятеля своего собственного братства. Савонарола, однако, отказался подчиниться, и его поддержали около 250 его собратьев из Сан-Марко. Затем последовал карнавал 1497 года. Здесь энтузиазм Пьянони достиг наивысшего накала. Дети, переходя из дома в дом, просили милостыню о 'тщеславии'. Раздавались открытки, безделушки, нескромные книги, картины, произведения искусства, и все это, сложенное беспорядочной кучей в один общий костер, торжественно сжигалось на Площади. Эти и другие излишества, которые, к сожалению, нельзя отрицать,¹⁰ вызвали отвращение у многих и пополнили число врагов монаха. Реакция была замечена в избрании Бернардо Дельреакса против Савонаролы. Нерон, тайный сторонник Медичи, на посту гонфалоньера в марте 1497 года; в безуспешной попытке Пьеро вернуть Флоренцию в апреле и в беспорядках в Дуомо, поднятых Компанияччи, во время проповеди Савонаролы, в День Вознесения Господня, 4 мая.

Возможно, под влиянием осознания того, что Савонарола теряет позиции, Александр решил нанести удар. После тщетного обращения к флорентийцам, в котором он даже пообещал, что папа отлучит его от церкви. Май 1497 г. чтобы вернуть им Пизу, если они присоединятся к Лиге, обещанию, которому они благоразумно не доверяли, он объявил, что их ввели в заблуждение пророчества болтливого монаха, и приступил к отлучению его от церкви в мае 1497 г. Синьория тем временем попыталась сдержать волнения во Флоренции, запретив любые проповеди Савонаролы или его противников, и на какое-то время все стало более спокойно.

Июльские выборы, однако, снова дали Пьянони большинство в синьории; а в августе город был потрясен известием о том, что пятеро ведущих горожан выступили против возвращения Пьянони к власти. обвиняется в соучастии в заговоре Медичи в апреле прошлого года. После вынесения приговора им было отказано в праве на апелляцию в Большой совет, что противоречило прямому положению новой Конституции, и они были казнены. Осужденные принадлежали к противникам Савонаролы, и некоторые из них, в частности Бернардо дель Неро, недавно занимали этот пост. Таким образом, их казнь на какое-то время существенно

укрепила позиции Савонаролы, и с этой даты и до следующего марта синьория была заполнена Пьянони.

Соответственно, в День Рождества Савонарола отслужил мессу в Сан-Марко. На Карнавале был сожжен еще один костер тщеславия; и по приглашению синьории возобновить свою проповедь монах взошел на кафедру Кафедрального собора с Освященным Воинством в руках, призвал Бога покарать его насмерть, если он заслуживает отлучения, и заявил, что если инструмент, с помощью которого Бог управляет миром, отошел от Бога, то он всего лишь разбитое железо, и ему не нужно повиноваться.

Но Савонарола в конце концов просчитался в своих силах. Общеизвестно, что религиозный энтузиазм подвержен спадам, и такой спад произошел во Флоренции. Последняя реакция против Савонаролы. Сумасбродство его последователей и его собственное увеличили число его врагов. Многие, изначально хорошо настроенные к нему, были шокированы его открытым неповиновением папе Римскому и его смелостью совершать причастие после отлучения от церкви. Орден францисканцев, всегда ревниво относившийся к доминиканцам, теперь удвоил свои атаки, возглавляемые старым соперником Савонаролы фра Мариано де Дженаццано. Даже большинство доминиканцев за пределами Сан-Марко выступили против него. Такой реакцией его враги воспользовались достаточно быстро. Соответственно, мартовская синьория 1498 года насчитывала среди своих членов только трех его сторонников. Тем не менее, многие из Диечи, которые были избраны на шесть месяцев и не покидали свой пост, были за него. Поэтому, когда Александр пригрозил городу интердиктом, если Савонарола не прекратит проповедовать и не приедет в Рим за отпущением грехов, правительство избрало средний курс; они убедили монаха прекратить проповедь, но не стали принуждать его уехать в Рим.

Сомнительно, чтобы Александр в любом случае удержался от этого, поскольку Савонарола начал поговаривать о Всеобщем совете, и было известно, что Карл VIII. вероятно, он поддержал бы этот призыв, в то время как противники Савонаролы, особенно францисканцы Санта-Кроче, разинули рты для его уничтожения. В любом случае фатальное предположение об испытании огнем ускорило кризис. Это, независимо от того, было ли впервые предложено францисканцами или нет, было испытанием огнем. Они с энтузиазмом подхватили его. 'Я верю, что меня сожгут, - сказал францисканец Франческо да Апулия, - но я готов умереть, чтобы освободить этот народ. Если Савонаролу не сожгут, вы можете считать его истинным пророком'.

Сам Савонарола отказался таким образом искушать Бога, но фра Доменико да Пешиа, его самый верный последователь, заявил о своей готовности поддержать его защитника. Савонарола едва смог отказаться; синьория после долгих споров согласилась, и 7 апреля на площади собралась нетерпеливая толпа, чтобы стать свидетелями этого испытания. Можно усомниться в том, ожидала ли какая-либо из сторон, что испытание действительно будет проведено; в любом случае возражения выдвинули францисканцы. Заявив, что они опасаются магии со стороны Савонаролы, они сначала потребовали, чтобы его защитник снял ризу и облачение; затем они возразили против того, чтобы он нес распятие, и, наконец, настояли на том, чтобы он не нес Воинство Божие в огонь. Здесь, наконец, Савонарола отказался подчиниться. Тем временем день тянулся. Пошел дождь, и в конце концов синьория отложила суд. Толпа обезумела от разочарования, и на следующий день компанияччи воспользовались возможностью атаковать Сан-Марко (8 апреля). Франческо Валори, самый твердый сторонник Савонаролы, который часто занимал пост гонфалоньера,

был убит среди прочих. Братья, однако, твердо стояли на Сан-Марко, пока не вмешалась синьория и не арестовала Савонаролу и двух его главных сторонников, фра Доменико и фра Сильвестро.

Теперь Александр потребовал, чтобы монах был передан ему для суда. После долгих переговоров было решено, что папа должен прислать двух комиссаров для рассмотрения духовных преступлений, в то время как флорентийские комиссары должны выносить решения по преступлениям против города. В то же время Александр даровал Флоренции налог в размере трех десятых от церковных доходов. 'Трижды по десять будет тридцать,' сказал пьяноне. 'они продали нашего учителя, как был продан Христос, за тридцать сребреников'. Тем временем Савонаролу подвергли пыткам, и, как говорили, он признался, что не был истинным пророком. Но общепризнано, что признания, добытые под пытками, не заслуживают ни малейшего доверия; более того, есть веские основания полагать, что его показания были сфальсифицированы. Его враги были настроены на его гибель. Казнь монаха. 23 мая 1498 года. Все, что было необходимо для их окончательного триумфа, - это чтобы на выборах в мае вернулась синьория, враждебная монаху. Это было достигнуто путем исключения 200 Пьянони из Большого совета. Таким образом, была обеспечена синьория Аррабьяти. Савонарола и двое его последователей, признанные папскими комиссарами виновными в ереси, а его согражданами - в государственной измене, 23 мая 1498 года пошли на смерть со всем постоянством мучеников.

Современники сильно разошлись во мнениях о достоинствах Савонаролы, и спор не утихает до сих пор. 'Больше всего мне хотелось бы знать, когда я попаду на Небеса,' сказал один из позднейших пап, - был ли Савонарола праведным человеком или нет'. Те, кто обвиняет его в лицемерии, притворяющемся, что верит в божественное руководство и в дар пророчества для достижения своих целей, несомненно, не знают о тонких влияниях, под которыми когда-либо действовали религиозные лидеры; люди, которые несут с собой в жизнь глубокое убеждение в божественном правлении миром. Те, кто легкомысленно отмахивается от него как от фанатика, никогда не испытывали жгучего стыда за грех, который пожирает душу реформатора. Мы вполне можем поверить в то, что он был вынужден думать, что Бог доверил ему миссию и использовал его в качестве рупора Своих предупреждений; то, что он был вовлечен в какие-то экстравагантные поступки, только обличит его в обычной человеческой слабости.

Как было сказано выше, его настоящая ошибка заключалась в том, что он вторгся в сферу политики. Если бы он ограничился работой морального реформатора, он, возможно, не поднялся бы так высоко; и все же он избежал бы многих противоречий и никогда не пал бы так низко. Должности проповедника и государственного деятеля нелегко совмещать. Когда однажды он связал себя с судьбой политической партии, ничто, кроме полного превосходства, не могло спасти его от катастрофы. В остальном, деятельность Савонаролы не следует путать с более поздней Реформацией. У него и в мыслях не было порывать с Церковью или оспаривать ее доктрины. Его мышление было сформировано по средневековым образцам. Он принадлежит к длинному списку тех великих реформаторов, которые, подобно святому Франциску Ассизскому, стремились привести жизнь человека в более тесную гармонию с христианским учением в его тогдашнем понимании, но не оспаривали общепринятое толкование этого учения. Он выступает как противник того безбожного языческого духа, который омрачал движение Возрождения, обличая моральную порочность своей страны, которая, несомненно, приводила ее к гибели.

§ 3. Людовик XII. Война за Милан и Неаполь.

Восшествие на престол Людовика XII было популярным. В юности он возглавлял оппозицию против Анны Божеской и за это был заключен в тюрьму, но в последнее время отказался от внутренней политики Людовика XII. был верным сторонником короля Карла. Беспечный и любящий удовольствия в молодости, он, сохранив свой великодушный и рыцарский дух, теперь стал более серьезным. Заявив при своем вступлении на престол, что "король не помнит зла, причиненного ему как герцогу", он проявил благосклонность к Анне Божеской и ее мужу, которым когда-то так ожесточенно сопротивлялся. После брака их единственного ребенка, Сюзанны, с юным Карлом, графом Монпансье, он отменил указ Людовика XI. в котором говорилось, что в случае отсутствия мужского потомства власть Бурбонов должна перейти к короне. Этим актом великодушия он отложил включение последнего крупного дворянского владения во Франции.

Начало правления было положено несколькими полезными мерами. "Тайная"¹¹ была сокращена; продажа судебных должностей запрещена; была предпринята попытка проверить продажность магистратов. Провансу и Нормандии были предоставлены местные *парламенты* или суды справедливости, которые могли бы служить противовесом *парламенту* Парижа, в то время как экстравагантные привилегии Парижского университета в вопросах юрисдикции были урезаны. Некоторые могут считать, что политические интересы оправдывают развод Людовика со своей первой женой Жанной, дочерью Людовика XI., и его брак с Анной Бретонской, вдовой Карла VIII.; поскольку Жанна была бездетной, и Бретань угрожала снова отделиться от Франции. Но в переговорах с папой Римским по поводу развода король поступил подло, и условие, на котором настаивала Анна Бретонская, о том, что ее герцогство не должно быть присоединено к короне Франции, могло бы привести к дальнейшим неприятностям, если бы Франциск Ангулемский, впоследствии король Франциск I., не женился на Клод, вопрос о браке. Одним словом, внутренняя политика короля могла бы оправдать его титул 'Отца своего народа', если бы его честолюбие не побудило Химлуиса решительно напасть на Милан. следовать по стопам Карла и стремиться к завоеваниям в Италии. Если бы его рыцарский дух требовал войны, возобновленная попытка Максимилиана вернуть Бургундию и земли к западу от Фландрии, на которые он по-прежнему претендовал как на наследие своего сына, эрцгерцога Филиппа, полностью оправдала бы Людовика в переходе в наступление и присоединении Франш-Конте к своим владениям. Но его глаза, как и глаза Карла, были ослеплены прекрасным небом и равнинами Италии, и только Италия могла удовлетворить французские амбиции. Однако Милан, а не Неаполь, был первым объектом нападения Людовика.

Вторжение Карла VIII. должно было научить итальянцев необходимости объединения. Но этому не суждено было сбыться. Даже в Венецианской лиге цели итальянских государственных деятелей были чисто эгоистичными, и после устранения общей опасности их старое соперничество вернулось и распало коалицию.

Савонарола был 'принесен в жертву папой, потому что Флоренция не захотела присоединиться к Лиге', но как только он ушел, Александр VI сам покинул ее. Главной целью понтификата Александра было укрепление светского владычества папства. Следуя по стопам Сикста IV, он надеялся добиться своего через свою семью. Его старший сын, герцог Гандийский, был впервые выбран в качестве его инструмента. Александр и Венеция покидают Венецианскую лигу и вступают в союз с Францией. Он намеревался сделать его лордом вотчины Святого Петра и сокрушить Орсини, которые дали ему предлог поддержать

дело Карла VIII. Но Орсини оказались слишком сильны. Попытка провалилась, и загадочное убийство герцога в июне 1497 года, казалось, на мгновение разрушило его надежды. Папа, однако, был не из тех, кого легко смутить. Вскоре он возобновил свой план и теперь обращался к своему третьему сыну, печально известному Сезарю Борджиа. К несчастью, цезарь был одновременно дьяконом и кардиналом; но в августе 1498 года отец освободил его от церковных обетов 'для блага его души'. Устранив таким образом это главное препятствие, папа сначала намеревался женить его на Карлотте, дочери Федерико Неаполитанского, благодаря чему цезарь мог бы когда-нибудь претендовать на трон этого королевства. Лишенный этой надежды из-за отказа Федерико, Александр обратился к Франции. В обмен на папскую буллу, санкционирующую развод с его первой женой Жанной, и кардинальскую шапку для Георга Амбрузского, его главный советник Людовик XII пожаловал цезарю графства Валентинуа и Диуа и титул герцога. Впоследствии он подарил ему руку своей племянницы, прекрасной Шарлотты д'Альбре (май 1499 г.), и пообещал помочь ему в его планах относительно Романьи. Таким образом, Александр был исключен из Лиги.

Отношения между Венецией и Людовико никогда не были сердечными. В битве при Форново герцог сыграл фальшиво и приказал своим войскам не давить на французов слишком сильно. Вскоре после этого Пизанская война привела к дальнейшим разногласиям. Разгневанный отказом Флоренции присоединиться к Венецианской лиге, Людовико и Венеция поддержали Пизу в ее борьбе за независимость. Но жажда завоеваний вскоре начала прельщать их, и, поскольку оба не могли удержать Пизу, ссора была неизбежна. Сначала Людовико воззвал к императору Максимилиану с просьбой обезопасить этот город, надеясь в конечном итоге вырвать его из его рук; но экспедиция провалилась (октябрь 1496 г.), и Людовико, вместо того чтобы допустить переход города под венецианский контроль, отказался от пизанского дела и помог флорентийцам людьми и деньгами (май 1498 г.). Венеция, соответственно, с готовностью откликнулась на предложения Людовика и в Блуа мирном договоре (февраль 1499 г.) согласилась поддержать его притязания на Миланское герцогство с оружием в руках: Людовик, со своей стороны, пообещал ей Кремону и Гиара д'Адда, небольшой район на левом берегу этой реки, в качестве ее доли миланской добычи.

Таким образом, Людовико удалось развалить Лигу, и Людовико остался без доступного союзника. Фердинанд Испанский: Отчаянное положение Людовико. уже подумывал о том, чтобы захватить Неаполь для себя, и не имел намерения вмешиваться в Ломбардию; Федерико Неаполитанский дрожал за свой трон и был не в том положении, чтобы оказать ему помощь; в то время как Максимилиан, в это время занятый войной со швейцарцами и расхворавшийся со своим сеймом по вопросам, касающимся Конституции Империи, не мог оказать никакой помощи. В своем отчаянии Людовико расшевелил турок и Баязета II. послал армию разорять венецианские территории во Фриули, что не оказало ему материальной помощи и еще больше разозлило его врагов.

В августе 1499 года французская армия пересекла Альпы под командованием трех грозных лидеров: ломбардца Тривульцио, французы вступают в Италию. Август 1499 года. который перешел на сторону Альфонсо Неаполитанского и принял Францию как свою страну, человек, о котором Людовико сказал: "Как только его поймут, его ждет петля"; Стюарт д'Обиньи, который уже заработал репутацию в Неаполитанской войне; и Луи де Люксембург, граф Линьи, покровитель шевалье Баярда, чьи рыцарские подвиги в предстоящих кампаниях напоминают нам, что средневековые еще не ушло. Герцог Савойский предоставил им свободный проезд через Пьемонт. В Асти к ним присоединился контингент из 5000 швейцарцев, присланный кантонами, которые заключили договор с Людовиком.

Наступление на Милан встретило слабое сопротивление. Деревня Аннона, укрепленная Людовико, действительно выстояла, но была взята штурмом на второй день, а гарнизон предан мечу. Напуганные своей судьбой и обманутые обещаниями и взятками Тривульцио, замки и города открыли свои ворота. Александрия, эвакуированная миланской армией под командованием Галеаццо ди Сан-Северино, который, вероятно, был подкуплен французами, покорилась, но была жестоко разграблена, и французы переправились через По.

Тем временем венецианская армия с востока заняла Караваджо и продвинулась к Лоди. Теперь Людовико понял, что его дело проиграно. Предупрежденные беспорядками в Миланте, венецианцы наступают на Лоди. понимая, что столице нельзя доверять, он отправил двух своих сыновей и все свои сокровища в Германию, бросил провизию в миланский замок и бежал искать помощи у Максимилиана в Инсбруке (2 сентября). Людовико ушел, жители Милана поспешили передать ключи от города французам. Людовико летит в Инсбрук. Французы и венецианцы оккупируют Милан. Сентябрь 1499 года. 14 сентября сдалась сама цитадель; Генуя последовала его примеру, и, таким образом, в течение месяца французы и венецианцы оказались хозяевами Милана, не проведя ни одного важного сражения. Но им не суждено было удержать свое завоевание без новой борьбы. Быстрота французского завоевания, подобно завоеванию Неаполя Карлом VIII, иллюстрирует слабость Италии. Предательство и трусость солдат были результатом порочных традиций итальянской кондотьерской войны. Когда армия ушла, граждане едва ли смогли бы оказать сопротивление, если бы захотели, и они не стали бы этого делать, если бы могли. Лишенные всякого чувства патриотизма или лояльности, они боялись мести французов и легко прислушивались к их обещаниям о более мягком правительстве и снижении налогов. Реакция против французов. Людовик действительно пытался их реализовать, но были предъявлены чрезмерные ожидания, и выбор Тривульцио на пост губернатора Милана оказался неудачным. Сам ломбардец, он стал членом партии; его суровость оттолкнула низшие классы, в то время как гордость и дерзость французов вскоре лишили их любви своих новых подданных.

Нескольких месяцев хватило, чтобы разочаровать итальянцев, и когда в феврале 1500 года Людовико вернулся с армией, которую он собрал на Севере, Людовико возвращается. Февраль 1500 г. Французы были вынуждены покинуть Милан и отказаться от своих завоеваний так же быстро, как они их завоевали. Все казалось потерянным, когда в апреле французская армия, подкрепленная из Франции, снова двинулась вперед, чтобы освободить цитадель Новары, французы эвакуировали Милан, но взяли Людовико в плен в Новаре 5 апреля и вновь заняли город, который, вместе с Миланским замком, единственный устоял. Разношерстный характер армии Людовико, состоявшей из наемников из Франш-Конте и Швейцарии, Албании и Ломбардии, в любом случае поставил бы победу под сомнение, но шансы на сражение так и не были испробованы из-за предательства немцев и швейцарцев. Последние в качестве оправдания ссылались на то, что они не могли сражаться против своих соотечественников, которые служили французам с разрешения Конфедерации. Единственным предлогом, который смогли найти немцы, была задолженность по зарплате. Французы позволили этим достопочтенным товарищам по оружию удалиться, но они даже не настаивали на том, чтобы такие же условия были предоставлены их миланским товарищам или герцогу. Поэтому, когда миланские войска попытались отступить, они были разбиты французами. Герцог был обнаружен среди швейцарцев под видом монаха, и 17 апреля французы снова вошли в столицу. Богатое Миланское герцогство теперь принадлежало им, за исключением полосы земли к востоку от Адды, которая перешла к венецианцам, и района вокруг Беллинцоны, который был захвачен швейцарцами на жалованье Людовика и который они удерживают по сей день.

Семья Сфорца жестоко пострадала за роковой поступок Людовико, впервые призвавшего французов в Италию, и за его последующее вероломство. Герцог, который сам хвалился успехами семьи Сфорца, благодаря своему уму, закончил свои дни в темницах озера Лох в Турени (1508). Его брат, кардинал Асканио, и Франческо, сын несчастного Джана Галеаццо, также попали в руки французов. Асканио был освобожден в 1503 году, но умер в 1505 году. Франческо был вынужден стать монахом и умер в 1511 году, и единственными важными представителями мужской линии Сфорца, которые остались, были два сына Людовико, Максимилиан и Франческо Мария, которые впоследствии на некоторое время вернули себе герцогство.¹²

Крах власти Людовико - яркая иллюстрация недостаточности и ненадежности наемных войск. Нисколько не заботясь о деле, за которое они на мгновение вступились, они всегда были открыты для взяток или готовы дезертировать, когда наступала их очередь дезертировать.

В остальном политика Венеции, позвавшая французов во второй раз в Италию, была столь же недальновидной, сколь и достойной порицания. Венецианцы ссылались в качестве предлога на недальновидную политику Венеции. Они боялись амбициозного интригана Людовико, но он, вероятно, никогда не был таким грозным, как французы, и, как хорошо заметил Макиавелли, "в своем желании завоевать два округа в Ломбардии они помогли Людовико стать хозяином двух третей Италии".

Людовик, некогда владетель Милана, поспешил с подготовкой к матчу с Неаполем. Единственным противником, который мог оказаться грозным, был Фердинанд католик. Гранадский мирный договор между Людовиком и Фердинандом. 11 ноября 1500 года. Он помог восстановить арагонскую династию после ухода Карла и вполне мог бы предъявить свои права, если бы незаконнорожденная ветвь его дома была исключена. "Но как, - спросил его посланник, - если бы вы пришли к какому-нибудь соглашению с нами относительно Неаполя, как вы пришли к соглашению с Венецией относительно Милана?" Людовик приветствовал это предложение, и в ноябре 1500 года был подписан тайный Гранадский мирный договор. Оправдание для этого бесстыдного соглашения было найдено в союзе, который Федерико в беде заключил с турками. После сожаления о разногласиях христианских князей, которые ослабили их перед турками, в преамбуле утверждается, что "никакие другие князья, кроме королей Франции и Арагона, не имеют никаких прав на корону Неаполя, и поскольку король Федерико подтолкнул турков к опасности для христианского мира, две державы, чтобы спасти его от этой опасности и сохранить мир, соглашаются поступиться своими соответствующими притязаниями и разделить само Неаполитанское королевство". Северные провинции, состоящие из Абруцци и земли Лаворо, с титулом короля должны были отойти Людовику; герцогства Калабрия и Апулия на юге в качестве герцогства переходили к Фердинанду. То, что со стороны турок можно было опасаться опасности, было достаточно правдой; они не только разорили Фриули осенью 1499 года, но и разгромили венецианский флот у Сапиенцы и захватили Модон и Наварино в Мореа. То, что призыв к крестовому походу не был простым предлогом, доказывается договорами, заключенными Людовиком весной 1500 года с Ладиславом, королем Богемии и Венгрии, и с королем Польши; флотом, отправленным Фердинандом на помощь венецианцам при осаде Святого Георгия в Кефалонии (сентябрь 1500 г.), и нападением французов на Митилену в 1501 году. Возможно даже, что только завоевание Италии с севера спасло эту страну от падения перед турками, но наступлению султана могла бы более успешно противостоять

объединенная европейская коалиция, и, как показали события, жажда завоеваний была основным мотивом союзников.

Гранадский мирный договор был 'первым открытым утверждением в европейской политике принципов династического возвышения; первым из тех договоров о разделе, по которым народы передавались от одного правительства другому в качестве придатков к семейным владениям'. Гранадский мирный договор был не только преступлением, но и фатальной ошибкой со стороны Людовика. 'Французы,' говорит Макиавелли, 'не слишком искусны в государственных делах, ибо если раньше Людовик был единственным судьей в Италии, то теперь у него появился партнер, и хотя Людовик мог бы сделать короля Неаполя своим пенсионером, он выгнал его и поставил на его место испанца, который выгнал самого Людовика'. Соглашение поначалу держалось в секрете, и Федерико все еще надеялся на помощь Фердинанда. Однако в июне 1501 года, когда французская армия под командованием Д'Обиньи вошла в Рим во время своего марша на юг, папа Александр публично ратифицировал международный договор, объявил Федерико низложенным как предателя христианского мира и передал Людовику и Фердинанду свои владения.

Федерико, отчаявшись в своем деле, не осмелился встретиться с французами в поле. Капуя, которая единственная выделялась, была взята штурмом 23 июля, после чего Федерико отрекается от престола и удаляется во Францию. Август 1501 года. к жестоким солдатам, которые убивали мужчин и насиловали женщин. Чтобы спасти свою страну от дальнейших страданий, несчастный король капитулировал и, приняв условия Людовика, удалился во Францию, где до 1504 года жил пенсионером с титулом герцога Анжуйского.

Южная часть королевства оказала испанцам несколько более энергичное сопротивление. По их словам, они предпочли бы, чтобы хозяевами были французы. Но после падения Таранто в марте 1502 года Ферранте, молодой герцог Калабрии, сдался и, в нарушение обещания, что он может удалиться, куда пожелает, был отправлен в Испанию умирать в 1550 году.¹³ Таким образом, менее чем за два года две семьи, из-за ссор которых иностранец впервые приехал в Италию, были изгнаны из своей страны.

Неаполь и Милан были завоеваны, Западная Европа оказалась во власти двух великих лиг - Людовика XII, Ссоры между Людовиком и Фердинандом. тесно связан с папой римским и некоторыми немецкими князьями, а также с австро-испанскими домами. Последняя представляла собой семейную лигу, скрепленную браком эрцгерцога Филиппа, сына императора Максимилиана, с Джоанной, старшей дочерью Фердинанда и Изабеллы,¹⁴ и включала Англию и Португалию. В этот момент показалась перспектива объединения этих двух лиг. В 1501 году было решено, что Карл, младший сын эрцгерцога Филиппа, должен жениться на принцессе Клод, дочери Людовика XII. Дети были еще маленькими, но совместное завоевание Неаполя испанцами и французами казалось гарантией их будущей дружбы и того, что свадьба в конце концов состоится. Если бы этот договор остался в силе, Европа была бы объединена, как никогда прежде, и, если бы существовала некоторая опасность того, что эта могущественная лига нарушит политическое равновесие и жестоко обойдется с более мелкими князьями, по крайней мере, был бы возможен крестовый поход, чтобы остановить продвижение турок или даже изгнать их из Европы. Мечте, однако, вскоре суждено было развеяться из-за ссоры Людовика и Фердинанда из-за награбленного в Неаполе. В первоначальном договоре о разделе не было сделано определенного упоминания о Базиликате,¹⁵ Капитанате и двух округах Принципаты. Это стало легкой причиной спора, который еще больше осложнился претензиями на пошлину, уплаченную за отары овец, когда они переходили со своих летних пастбищ в Абруцци на зимние квартиры в Капитанате. Ссора, возможно, была бы исчерпана, если бы ее не разжигали внутренние

группировки страны. Старые сторонники Анжу были сильнее всего в Апулии, в то время как испанцы нашли много сторонников в районах, удерживаемых французами.

Эти разногласия вскоре привели к открытому разрыву, и в июле 1502 года началась война. Последовавшая за этим борьба известна в истории рыцарства, которая в последний раз проявилась в этих итальянских войнах, и хорошо изображена на живописных страницах жизни Баярда. На стороне Франции - Неаполитанская война. Июль 1502 года. мы находим Имберкура, "для которого, где бы ни предстояло сражение, жар итальянского полудня казался утренней прохладой"; престарелого Ла Палиса, который в схватке забыл о своем возрасте; и самого Баярда, воплощение рыцарской учтивости и доблести. На стороне Испании стоял Диего де Паредес, чьи экстравагантные подвиги послужили темой для многих испанских романов; и Педро де Пас, косоглазый карлик, которого едва можно было разглядеть над головой своего коня, но у которого было сердце льва; в то время как Гонсалво де Кордова, сам 'Великий капитан', добавил к своим мастерским качествам генерала рыцарскую вежливость и манеры странствующего рыцаря. Эти и многие другие сражались не столько за победу, сколько за честь. Не довольствуясь возможностями, предоставляемыми регулярными военными операциями для демонстрации своей доблести, они вызывали друг друга на рыцарские поединки и турниры, которые, хотя и велись в открытую, проводились со всей педантичностью и церемониями ристалища. Когда мы читаем историю их сражений, нам кажется, что мы присутствуем на турнире средневековья — состязании за рыцарский престиж, приз, какой-нибудь гердон, вручаемый рукой дамы.¹⁶ Но реальная проблема не была решена этими подвигами личной доблести. При объявлении военных действий французы имели преимущество в численности и качестве своих войск, а также в господстве на море.

В декабре 1502 года победа Д'Обиньи при Терранове над войском, только что высадившимся из Испании, подарила ему всю Калабрию. Гонсалво де Кордова, испанский главнокомандующий, не сумев удержать поле боя, занял оборонительную позицию и бросил свои войска в укрепленные города Апулии. Победа Д'Обиньи при Терранове, 15 декабря 1502 года. Из них Барлетта была самой важной. Здесь испанский генерал окопался и терпеливо ждал подкреплений из Сицилии и Испании; но Фердинанд проявил небрежность в отправке помощи, в то время как французский флот, удерживая море, предотвратил осаду Барлетты. войска или припасы доставляются с Сицилии. Бедствие было настолько серьезным, что Гонсалво де Кордова с большим трудом предотвратил капитуляцию, и если бы французский генерал, герцог де Немур, проявил больше энергии, испанцев, возможно, изгнали бы из страны.

В апреле 1503 года, казалось, появился шанс на установление мира. Эрцгерцог Филипп, проезжая через Францию, посетил Людовика XII в Лионе и там заключил мирный договор, по которому было согласовано Лионское соглашение. 5 апреля 1503 года. что Неаполь в конечном итоге достанется юному Карлу и принцессе Клод, которые в 1501 году были обручены. До тех пор, пока дети не станут достаточно взрослыми, чтобы вступить в брак, французской частью королевства должен был управлять кандидат Людовика, испанской - эрцгерцог Филипп или какой-нибудь заместитель, назначенный Фердинандом. Позволил ли Фердинанд вступить в эти переговоры просто для того, чтобы выиграть время, как заявляют французы, или, что кажется более вероятным, Филипп, который не был в хороших отношениях со своим тестем, превысил свои инструкции, результаты для Франции были фатальными.

Подписав мирный договор, Людовик отменил отправку подкреплений из Генуи и приказал приостановить военные действия в Неаполе. Тем временем положение испанцев

возобновило враждебность. существенно улучшилось. В феврале их генерал, воспользовавшись глупым движением герцога де Немур вернуть Каstellланету, которая только что восстала против Испании, совершил вылазку из Барлетты, захватил Руво и взял в плен Ла Палиса. В марте поражение французского флота передало командование на море Испании.

Теперь, подкрепленный подкреплениями, Гонсалво де Кордова открыто отказался от Лионского мирного договора и, наконец, перешел в наступление. Превосходство испанцев было настолько подавляющим, что двух сражений, разыгравшихся с интервалом в восемь дней одно за другим, было достаточно, чтобы сделать их хозяевами страны.

Поражение Д'Обиньи при Семинаре от испанского генерала Фернандо де Андрада 20 апреля и вскоре последовавшая за ним капитуляция отдали им Калабрию. 27-го Великий капитан, наконец, покинул Барлетту, где он так долго окопался, и отправился на поиски французов в Чериньоле (28 апреля). Здесь, заняв сильную позицию, защищенную с фронта рвом, который он наполнил заостренными кольями и укрепил валом, он ожидал натиска французов. Французы потерпели поражение при Семинаре 20 апреля 1503 года и Чериньоле 28 апреля. Герцог де Немур, верный той осторожной стратегии, которая до сих пор мешала ему в полной мере воспользоваться своим превосходством в силах, был за отсрочку атаки. Уязвленный, однако, упреками, брошенными ему Ивом д'Аллегре, одним из его офицеров, он опрометчиво приказал наступать, поскольку уже приближался вечер. 'Теперь, - сказал он, - возможно, обнаружится, что те, кто хвастается громче всех, больше доверяют своим шпорам, чем мечам'. Событие оправдало насмешку. Напрасно французы с отчаянной отвагой бросились на ров и крепостные валы. Они оказались под сосредоточенным огнем противника и были отброшены назад. Сам герцог де Немур и Шандье, предводитель швейцарского контингента, были убиты. Взрыв испанского порохового погреба вызвал большее замешательство у французों, чем у противника, и Гонсалво де Кордова, воспользовавшись моментом, приказал начать общее наступление. Французы, утомленные долгой борьбой, сломались и обратились в бегство.

С этого момента продвижение испанцев было беспрепятственным. Французы подтвердили справедливость итальянского высказывания о том, что "хотя в своих атаках французों было больше, чем мужчин, они были изгнаны из Неаполя. в своих отступлениях они были меньше, чем женщины'. За один день тридцать замков сдались "Великому капитану". 13 мая Неаполь открыл свои ворота, и Гаэта, Веноза и Санта-Северина остались единственными важными местами в руках французों.

Людовик XII предпринимал отчаянные попытки исправить свое несчастье. Были собраны три большие армии: одна для проникновения в Испанию через Фонтарабию; вторая для вторжения в Руссильон и захвата Сальса на границе; третья для возвращения в Италию. Также были снаряжены два флота, один в Генуе, другой в Марселе; Возобновились попытки Людовика XII. первый поддержал вторжение в Неаполь, другой содействовал нападению на Руссильон, угрожая побережью Каталонии. Но фортуна не улыбнулась его усилиям. Вторжение в Испанию было отложено из-за бездействия или предательства командующего Алана д'Альбре. ¹⁷ Флот, предназначенный для Каталонии, был отброшен назад из-за тяжелой погоды. Нападение на Руссильон было столь же неудачным. Крепость Сальсес, укрепленная Педро Наваррой, лучшим инженером своего времени, была слишком сильна, чтобы ее можно было взять штурмом; и в октябре Фердинанд, двинувшись ей на помощь с превосходящими силами, отбросил французों за границу. Обескураженный этими

неудачами Людовик XII согласился на перемирие сроком на пять месяцев (15 ноября), которое впоследствии было продлено. Довольно любопытно, что несчастный Федерико Неаполитанский был призван выступить миротворцем между двумя разбойниками, которые все еще ссорились из-за королевства, от которого они его отняли. Неаполь не был включен в перемирие, и туда в июле 1503 года двинулась третья французская армия под предводительством Ла Тремуйля.

Но смерть папы Александра 18 августа вызвала задержку. Папская тиара долгое время была целью кардинала д'Амбуаза, смерти Александра VI 18 августа 1503 года и избрания Пия III. амбиции, которым покровительствовал Людовик XII. Исходя из предположения, что присутствие армии может повлиять на ход выборов, было приказано остановиться в нескольких милях от Рима. Кардиналы были возмущены этой попыткой внушить им благоговейный трепет, и передвижение испанских войск с юга, а также присутствие Цезаря Борджиа со своими войсками в замке Святого Анджело заставили их опасаться, что это дело может привести к конфликту. Поэтому д'Амбуаз позволил армии уйти. Вскоре после этого, отчаявшись в успехе, он поддержал избрание кардинала Пикколомини, который 22 сентября стал папой Пием III. Месячная задержка стала роковой для французского дела. Экспедицию перенесли на осень и зиму, которые оказались исключительно влажными и холодными. Ла Тремуиль заболел и передал командование маркизу Мантуанскому, генералу низшего ранга, а Гонсалво де Кордова было предоставлено время для получения подкрепления.

Однако, несмотря на это, французы превосходили их численно, и 'Великий полководец' счел необходимым отказаться от осады Гаэты, которая все еще давалась французам, Битва при Гарильяно, 28 декабря 1503 г. и отступить к реке Гарильяно. Французам после отчаянного столкновения удалось перебросить мост через реку (6 ноября), но им не удалось выбить испанцев с их позиции примерно в миле в тыл, которая, как обычно, была укреплена доном Гонсалво. Наконец, возведя земляной вал для защиты моста, они вернулись на свои старые позиции. Последовало семь недель бездействия, прерываемого лишь частичными стычками и личными столкновениями.

Между тем погода, которая была сырой, ухудшалась. От этого, из-за низменности и заболоченности своего положения, испанцы сильно страдали. И все же Гонсалво де Кордова преуспел в том, чтобы передать своим людям свою непобедимую решимость удержать позицию любой ценой. Вынужденный отступить, он ответил: 'Я не отступил бы ни на шаг, чтобы выиграть сто лет жизни'. Эффект для французов был гораздо более катастрофическим. Несмотря на то, что они находились на более высокой и, следовательно, более сухой местности, войска и лошади не так хорошо переносили сырость и холод. Местность и даже дороги настолько размокли, что передвижение кавалерии и еще больше артиллерии, двух сил, в которых французы превосходили французов, было серьезно затруднено.

При таких удручающих обстоятельствах неподчинение, главное зло французских армий тех дней, начало проявляться и в конце концов выместилось против маркиза Мантуанского, их генерала. Сославшись на плохое самочувствие, он подал в отставку, и его сменил маркиз Салуццо. Это привело к дезертирству некоторых итальянских военнослужащих, оскорбленных обращением со своим соотечественником. Таким образом, время сражалось за испанцев; и когда, наконец, завербованный Орсини, которого ему ловко удалось умиротворить, он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы перейти в наступление, он встретил лишь слабое сопротивление. В ночь на 28 декабря войска, охранявшие реку, были

разбиты, и форсирование реки было осуществлено. Французы, застигнутые врасплох внезапностью нападения в своих разрозненных местах расквартирования, не смогли сосредоточиться и были вынуждены отступить. Несмотря на многочисленные подвиги, отступление вскоре превратилось в разгром, и остатки армии в замешательстве отступили к Гаэте. Здесь после еще одного сражения они капитулировали (1 января 1504 г.), французы окончательно теряют Неаполь в 1504 г. при условии, что они уйдут целыми и невредимыми и что все пленники, находящиеся в руках испании, будут освобождены. Немногие оставшиеся крепости быстро сдались, и Неаполитанское королевство было завоевано Фердинандом.

Победа испанцев была обусловлена их владением Сицилией, откуда они могли черпать поддержку, и неспособностью французов удержать господство на море, чтобы могли прибыть подкрепления из Испании; исключительной суровостью зимы, которая, по-видимому, сильнее ощущалась французами, чем испанцами; в значительной степени непопулярностью французов, результатом их распущенности и властного поведения; в значительной степени ссорами французских генералов; но, прежде всего, их неполноценностью по сравнению с "Великими". Капитан. Осторожный там, где осторожность была необходима, он отказывался покидать свою позицию до тех пор, пока не наступал подходящий момент; но, когда он увидел представившуюся возможность, нанес удар решительно и быстро. Никогда не впадавший в отчаяние при самых мрачных обстоятельствах, он умел передавать свою стойкость и жизнерадостность своим солдатам. Любезный и миролюбивый, он заслужил любовь своей армии, но умел быть суровым, когда дисциплина оказывалась под угрозой. Будучи мастером дипломатии, так же как и войны, он преуспел, как ни один другой иностранный полководец, в победе над врагами и в улаживании разногласий в этой самой мятежной стране, Италии. Учтивый в манерах и великолепный в своем стиле жизни, он покориł сердца легкомысленных неаполитанцев. Гонсалво де Кордова также был не прочь поучиться у своего врага. К короткому мечу и щиту, национальному оружию испанцев, столь эффективному при нападении с близкого расстояния, он добавил длинное германское копье, благодаря чему их оборонительная мощь существенно возросла. Действительно, можно сказать, что он создал испанскую пехоту, которая, перевооруженная им и приведенная к дисциплине, на какое-то время стала самой грозной силой в Европе.

§ 4. Александр VI. и Цезарь Борджиа.

В то время как в Неаполе решался исход борьбы между французами и испанцами, в центре полуострова происходили важные для Италии и Европы события. Александр VI. и Романья. Потребность во французской помощи в его планах относительно Романьи была мотивом союза Александра с Людовиком XII во время Миланской экспедиции. Теперь он и его сын с энтузиазмом взялись за осуществление этих планов.

Романья, некогда бывший Равеннский экзархат, округ с несколько неопределенными границами, лежал на восточных склонах Апеннин, простираясь на востоке до Адриатического моря, в то время как на севере он был ограничен территориями Венеции, а на юге - границей Анконы. Говорят, что эта страна была первоначально дарована папе Константином. Дар был подтвержден Карлом Великим, и все претензии на нее были определенно отвергнуты Рудольфом Габсбургским в тринадцатом веке. Император, однако, даровал лишь пустой титул. Страна находилась в руках многочисленных семей, которые действительно признавали номинальное превосходство Рима, но были практически независимы.¹⁸

Обладания этими мелкими государствами давно жаждали Милан, Флоренция и Венеция. Венеция действительно уже вторглась на территорию Феррары (1484 г.), и при новом положении дел, вызванном французским вторжением, поглощение многих из них той или иной из этих держав казалось неизбежным. Этого Александр надеялся избежать, восстановив верховенство папы, которое никогда официально не отрицалось, и приведя округ к повиновению.

Предлогом для свержения этих княжеств было то, что они не уплатили ежегодные взносы, которые они были обязаны папе как его викарии, и как только французы вошли в Италию осенью 1499 года, цезарь приступил к исполнению папского указа о конфискации.

Людовик XII, выполняя свое обещание, послал 300 копейщиков под командованием Ива д'Аллегра, в то время как 4000 швейцарских пехотинцев были наняты в качестве наемников. Завоевания Цезаря в Романье. Ноябрь 1499–апрель 1501. С этими войсками Цезарь выступил против Имолы и Форли (9 ноября). Оба города не оказали никакого сопротивления, но замки продержались дольше, особенно замок Форли, который защищала храбрая, но мужественная Катерина Сфорца, и не сдавались до января 1500 года.

Возвращение Людовика в Милан в феврале (ср. [стр. 38](#)) потребовало отзыва французского контингента, и Цезарь был вынужден отложить дальнейшие военные действия до следующего сентября. Затем, еще раз подкрепленный французской помощью и носящий титул гонфалоньера Церкви, только что пожалованный ему отцом, Цезарь быстро завоевал Пезаро и Римини. Фаэнца, счастливая под мягким правлением молодого Асторре Манфреди, оказала упорное сопротивление и пала только в апреле 1501 года. В нарушение условий капитуляции несчастный Асторре был отправлен в Рим, а в июне следующего года был найден утонувшим в Тибре. По чьему приказу это было совершено, никто не знал, но все люди, что вполне естественно, подозревали руку Борджиа.

Теперь фортуна, казалось, была на стороне Цезаря. Созданный Александром герцогом Романьи, он был зачислен членом венецианской знати этой гордой республикой, которую цезарь провозгласил герцогом Романьи в апреле 1501 года. Принят членом венецианской олигархии, надеялся таким образом заручиться поддержкой папы против турок. У него были на службе лучшие итальянские кондотьеры, и оставшиеся города Романьи дрожали. Ослепленный своими быстрыми успехами, его взгляды расширились. Теперь он стремился не только завершить завоевание Романьи, но и вмешаться в дела Флоренции, если не сделать себя со временем хозяином всей Тосканы. Однако на какое-то время его амбиции были сдержаны. Болонья и Флоренция находились под защитой Франции, и Людовик приказал ему не вмешиваться. Людовик XII запрещает цезарю нападать на Болонью и Флоренцию. Папа встревожился, и цезарь был вынужден довольствоваться выплаченной Флоренцией суммой денег и согласием взять его к себе на службу на три года. Оставив поэтому свою армию для взятия Пьомбино, который сдался в сентябре, он присоединился к французской экспедиции против Неаполя (июль). В сентябре он вернулся и обнаружил, что его сестра Лукреция помолвлена с Альфонсо, сыном Эрколе де Эсте.

Эта красивая женщина¹⁹, чей характер был предметом почти таких же споров, как у Марии, королевы Шотландии, и в которой обвиняли, вероятно, несправедливо, Лукрецию Борджиа. одно из самых неприличных преступлений, совершенное, скорее, бесцветным человеком, которого сделали марионеткой в интригах ее отца и брата. Она уже была дважды замужем. От своего первого мужа, Джованни Сфорца, сеньора Пезаро, она развелась, чтобы выйти замуж за герцога Биселья, внебрачного сына Альфонсо II. неаполитанского (август 1498). В то время папа желал союза с Неаполем, но два года спустя политика папы изменилась. Вот-вот

должно было произойти второе вторжение Людовика XII в Неаполь, и дружба Неаполя больше не была нужна. Личные антипатии расширили брешь, и в августе 1500 года герцог был убит по приказу цезаря. Теперь, едва ли через год после злодеяния, для этой двадцатидвухлетней девушки был найден новый муж.

Мотивы Александра, как и прежде, были политическими. Союз Феррары был ценным. Он защищал Романью с Севера и угрожал Болонье. Результаты оказались не столь значительными, как ожидалось, но брак оказался более счастливым, чем можно было ожидать, и Лукреция в своем доме в Ферраре обрела покой и убежище от клеветы, которая до сих пор преследовала ее.

Тем временем ссора между Францией и Испанией открыла перед цезарем новые возможности, поскольку Людовик нуждался в папской поддержке для дальнейших успехов цезаря. и был не в том положении, чтобы чересчур ему мешать. Ему действительно пришлось сдать Ареццо, которое в июне восстало против Флоренции и призвало Вителлоццо Вителли, одного из военачальников Цезаря. Но в январе 1502 года был оккупирован Фермо; в июне - Урбино; в июле - Камерино, в то время как Пиза, которая все еще сопротивлялась Флоренции, предложила признать его своим господином. Наконец, в августе он получил разрешение Людовика напасть на Болонью.

В этот момент восстание его военачальников угрожало сокрушить его. Быстрый успех цезаря пробудил опасения у этих людей. Став хозяином Романьи, он больше не нуждался бы в их помощи и мог бы обратиться против них; более того, его переговоры с Флоренцией в это время наводят на подозрение, что он уже принял решение уничтожить их. Заговор Синигальи. Главными заговорщиками были Вителлоццо Вителли из Читта-ди-Кастелло, Оливеротто да Фермо, герцог Гравина и Паоло, оба Орсини, и Джан Паоло Бальони из Перуджи. К ним присоединились кардинал Орсини, Джованни Бентивольо из Болоньи и другие. Они встретились в Маджоне (9 октября 1502 г.), недалеко от Тразименского озера, где поклялись быть верными друг другу и обратились за помощью во Флоренцию. В Урбино вспыхнуло восстание, откуда войска цезаря были изгнаны, а другой его отряд потерпел поражение при Фоссомброне (17 октября).

Однако вскоре на мятежников обрушилось страшное возмездие. Людовик послал цезарю помощь. Своевременная смерть богатого кардинала Модены, отравленного или нет, позволила Александру приспособить свои владения для военных нужд цезаря. Флоренция опасалась враждебности цезаря и не хотела помогать, а Венеция, несмотря на увещевания Фердинанда воспользоваться возможностью освободить Италию от тирана, была слишком осторожна, чтобы предпринять какие-либо действия.

Конфедераты начали колебаться. Они не смогли собрать больше войск и разделились между собой. Прислушиваясь поэтому к справедливым обещаниям цезаря и папы римского, Резня в Синигалье. 31 декабря 1502 года. 28 октября они заключили мир, отказались от дела Болоньи и, в знак своей доброй воли, выступили против Синигальи. Город сдался, но замок отказался сдаваться кому бы то ни было, кроме герцога. Соответственно, цезарь прибыл в Синигалью (31 декабря) и, обольстив своих военачальников милостивыми словами, внезапно напал на них. Оливеротто и Вителлоццо были задушены той ночью, первый обвинил Вителлоццо в том, что тот соблазнял его взбунтоваться; Вителлоццо умолял цезаря получить для него полную индульгенцию от папы. Паоло Орсини и герцог Гравина были казнены вскоре после этого. Кардинал Орсини был схвачен в Риме и умер в тюрьме, вероятно, от яда.

Заговор был подавлен, казалось, ничто не стояло на пути папских амбиций. Урбино снова был взят; Дальнейшие успехи цезаря внезапно прекратились из-за его болезни и смерти Александра. 8 августа 1503 года. Читта-ди-Кастелло и Перуджа покорились; большинство опорных пунктов Орсини пало; и Александр натравливал Испанию на Францию в надежде заручиться поддержкой того или иного лица в поддержку еще более великолепного плана сделать цезаря королем Тосканы, когда отца и сына внезапно сразила болезнь, от которой Александр скончался 8 августа. В народе считалось, что они стали жертвами отравленной чаши, которую предназначали для одного из кардиналов. История нуждается в подтверждении, но эта и другие подобного рода, по крайней мере, отражают общественное мнение, которое считало, что нет преступления слишком ужасного или неправдоподобного, чтобы его можно было приписать Борджиа.

Судьба цезаря теперь зависела от выбора кардиналов. Если бы ему удалось добиться избрания того, кто поддержал бы его, он еще мог бы настоять на своем. Покойного Людовика XII. проявил склонность отказаться от союза с Борджиа. Поэтому цезарь, находясь на постели больного, интриговал, чтобы избрать одного из испанских кардиналов, но в этом ему не удалось. Людовик надеялся получить папскую тиару для кардинала Д'Амбуаза; Джулиано делла Ровере был полон решимости предотвратить избрание испанца и надеялся добиться успеха сам. Потерпев неудачу в первой инстанции, Джулиано согласился с выбором итальянского кардинала Пикколомини, который в память о своем знаменитом дяде Пии II принял имя Пий III. Но в октябре Пий умер, и избрание Юлия II стало фатальным для его дела. 1 ноября 1503 г. и делла Ровере, договорившись с Цезарем, обеспечил себе голоса конклава обещаниями и взятками. Макиавелли, который, однако, преувеличивает влияние цезаря в Коллегии кардиналов, обвиняет его в близорукости, потому что, 'если бы он не смог добиться избрания своего собственного кандидата, он мог бы предотвратить избрание делла Ровере'. Новый папа, Юлий II, долгое время был врагом Борджиа. Он подстрекал Карла VIII. вторгнуться в Италию и убедил его созвать совет для низложения Александра, и хотя в последнее время он смирился с неизбежным и притворным примирением, он был не из тех, кто забывает прошлые обиды. Страх перед замыслами Венеции в отношении Романьи заставил его на мгновение поддержать цезаря. Но Юлий был полон решимости завоевать Романью для папства, а не для семьи Борджиа, и как только цезарь попытался действовать независимо, он приказал ему возвращаться в Рим (29 ноября). Военачальники цезаря, однако, отказались сдать места, которые они занимали, без его согласия, а Цезарь согласился бы только ценой свободы. После долгих переговоров соглашение было заключено, и Цезарь, снова обретя свободу, отправился в Неаполь просить помощи у Испании (апрель 1504 г.).

Фердинанд сначала был склонен слушать, пока папа не убедил его, что цезарь только нарушит мир в Италии, и 26 мая 1504 года приказал арестовать его, что стало концом карьеры цезаря. поскольку герцог собирался отплыть в Романью. В нарушение охранной грамоты, выданной ему Гонсалво, он вскоре был отправлен в Испанию, где оставался пленником до ноября 1506 года. Наконец ему удалось бежать, и он нашел убежище у своего шурина, ныне короля Наварры, где и погиб в следующем марте (1507 г.) в стычке с мятежным вассалом короля.

Так в возрасте тридцати одного года закончилась карьера человека, которого Макиавелли в своем "*Принце*" считает образцом для подражания во всем, кроме его неудачливости, тому, кто попытался бы создать объединенное королевство Италия. Без сомнения, цезарь обладал многими качествами, необходимыми для успеха. Умный и разносторонний по замыслу, быстрый и решительный в действиях, мастер дипломатии, он в высокой степени обладал

качеством "вирту", тем сочетанием силы и интеллекта, которое, как мы находим, восхваляется не только Макиавелли, но и Комминесом и другими писателями того времени как неотъемлемая характеристика правителя.

Увы, мы должны! признать, что личная нравственность не всегда сопутствует хорошей государственной мудрости. Хотя цезарь был абсолютно беспринципен в своем обращении с мелкими князьями Романьи, может возникнуть вопрос, стоило ли сохранять независимость этих мелких княжеств. Управляемый деспотами, вопрос о политической свободе не стоял. За несколькими исключениями, такими как случай с Урбино, они иллюстрировали зло без преимуществ более крупных тираний, и их история представляет собой одну запутанную историю фракций, убийств и интриг. Надо признать, что и страной при нем управляли хорошо, и его правление не было непопулярным. Но, когда все сказано, мы не можем поверить, что королевство, основанное такой жестокостью и поддерживаемое таким злодейством и предательством, действительно может быть прочным. То, что Макиавелли, ослепленный временной удачей цезаря, смело выставляет его в качестве образца для подражания, только заставляет осознать циничное отчаяние итальянцев относительно возможности успеха в их стране любыми другими средствами и глубину деградации, до которой дошел народ.²⁰ И, наконец, мы не верим, что идея создания таким образом временного владычества папства имела шансы на успех. Если бы Александр прожил дольше, это, возможно, закончилось бы созданием еще одного маленького королевства в Италии. Но государство было бы основано в интересах Борджиа, а не папства, и лишь добавило бы еще одного врага к продвижению светского владычества. Если папская власть в Романье должна была стать реальностью, она должна была основываться на более прочном фундаменте, чем папский кумовство. Это видел Юлий II. Большинство городов, удерживаемых Цезарем или находившихся под угрозой ему, сразу же попали в его руки, за исключением Римини, Фаэнцы и Чезены, которые были захвачены Венецией, однако были возвращены Юлием в войне Камбрейской лиги. Тем временем Перуджа и Болонья были завоеваны Юлием в 1506 году, в то время как герцогство Урбино перешло к его племяннику Франческо делла Ровере, которого усыновил Гвидобальдо, покойный герцог. Эти территории были включены в состав папских владений; история их полунезависимых князей подошла к концу, и Юлий II, а не Александр, основал папское владычество в Романье.

§ 5. Камбрейская лига.

Предлогом для вторжения Франции и Испании в Италию была необходимость обеспечить операционную базу для крестового похода против турок. Этому помешала ссора разбойников из-за своей добычи. Теперь им предстояло доказать своим нападением на Венецию — единственную державу, которая всерьез пыталась остановить мусульманское наступление, — что от этой идеи, даже если она когда-либо всерьез рассматривалась, определенно отказались.

Враждебность, с которой к этой республике относились в остальной Италии, относится к началу пятнадцатого века, когда она определенно начала стремиться к установлению господства на материковой части Италии. Ревность к Венеции, результат ее продвижения на материк. Ссора между Миланом и падуанской Каррарой позволила ей свергнуть эту семью, захватить Падуя, затем, шаг за шагом, Виченцу и Верону и продвинуться к Адидже (1405). В 1427 и 1428 годах она вырвала Брешию и Бергамо из рук Филиппо Марии Висконти, герцога Миланского, а после его смерти завладела Кремой (1454). Тем временем она приобрела округ Фриули у патриарха Аквилеи (1420), а в 1441 году присоединила к своим завоеваниям Равенну, до сих пор бывшую независимым государством при Полентани. В 1484 году по Баньольскому миру, положившему конец войне с Феррарезе, она получила Ровиго и Польшу.

В 1499 году она получила Кремону и Гиара д'Адда от Людовика XII в качестве платы за свою помощь против Людовико. После смерти Цезаря Борджиа она оккупировала Фаэнцу, Римини и Чезену; находясь в Апулии, она удерживала четыре города: Трани, Отранто, Галлиполи, Бриндизи, которые она приобрела во время экспедиции Карла VIII. Таким образом, за каких-нибудь сто лет Венеция полностью изменила свой характер. Островной город приобрел обширную территорию на материке, которая простиралась до окрестностей Милана, Флоренции и Папской области. Изменение политики обычно связывали с наступлением турок, которые угрожали ее владениям в Эгейском море и на побережье Греции. Это, без сомнения, было одним из ее более поздних мотивов. Но поскольку ее первое наступление на материк произошло в 1405 году, за несколько лет до того, как турок серьезно угрожал ей, мы должны искать первопричину в другом месте. Это можно найти в опасности, исходящей от растущего могущества "Милана". Пока равнина Ломбардии и подходы к альпийским перевалам находились в руках мелких князьков, она могла надеяться приобрести или вымогать средства для своей торговли на север; но если бы они попали в руки могущественных и агрессивных герцогов Милана, они могли быть закрыты для нее. Несомненно, оставался альтернативный маршрут. Судно могло пересечь Гибралтарский пролив и достичь севера Европы через Атлантику и Ла-Манш. Но, хотя в последнее время флот Фландрии ежегодно отправлялся из Венеции, этот маршрут не был разработан. Он мог быть закрыт Испанией и, вероятно, был бы закрыт. Такая политика также не спасла бы ее от Милана, который, если бы она стала слишком могущественной, мог бы лишить ее запасов продовольствия, окружить ее и столкнуть в море.

Таким образом, попытка создать государство в Ломбардии, по-видимому, была неизбежной; и при этом она не была такой эгоистичной, как это заявляли ее враги. Ее отношение к городам, находившимся под ее властью, было не только бесконечно выше, чем к Милану, но и наиболее выгодно отличалось от отношения к Флоренции. Она оставила им столько местной автономии, сколько было совместимо с поддержанием ее превосходства; она не облагала их большими налогами. Целью Венеции было завоевать любовь своих подданных, и их преданность в дни ее смуты доказала, что ей это удалось. С такой же несправедливостью политика Венеции по отношению к туркам была осуждена как неверная делу христианства. Без сомнения, отчаявшись в помощи Европы, она стремилась сохранить дружеские отношения с турками и, если бы это было возможно, избежала бы войны; но эта политика была навязана ей отказом европейских государств подавить свою общую зависть и сердечно присоединиться к крестовому походу. Венеция, в конце концов, была единственной державой, которая всерьез пыталась остановить продвижение мусульман, и коалиция против нее является лучшим доказательством бессмысленности призывов к крестовому походу со стороны ее противников. Но хотя продвижение на материк, по-видимому, было неизбежным и его можно оправдать, тем не менее это был роковой шаг. Если бы Венеции удалось завоевать Милан и захватить всю Ломбардию до французского вторжения, она могла бы когда-нибудь стать столицей объединенной Италии, и история полуострова могла бы быть более счастливой. Но для этого ее ресурсов было недостаточно, и маловероятно, что европейские державы согласились бы с этим. Потерпев неудачу, ее тщетные попытки найти стратегическую границу только добавили ей врагов и заслужили ей имя самого эгоистичного и алчного из итальянских государств; в то время как в своем стремлении защитить свою торговлю дружественными договорами с турками она добавила к своим преступлениям обвинение в предательстве по отношению к делу христианского мира.

Историки не так часто указывали на истинную вину Венеции. Ее интересы настоятельно требовали, чтобы иностранец был изгнан из Италии. Истинные ошибки венецианской политики. Пока полуостров был предоставлен самому себе, она была достаточно сильна,

чтобы постоять за себя; но она не могла сравниться с более могущественными королевствами севера. Ее колебания во время экспедиции Карла VIII. она частично исправила ситуацию, создав Венецианскую лигу и изгнав его из Италии, хотя ее оккупация в то время апулийских городов в конечном итоге вызвала враждебность Фердинанда. Однако благая работа снова была сведена на нет ее глупым союзом с Людовиком XII в его войне против Милана. Своей недальновидной политикой она с некоторой долей справедливости заслужила обвинение в территориальной жадности; вызвала раздражение Максимилиана, которому не нравилось быть исключенным из Ломбардии; и установила на своей западной границе постоянно набирающую силу Францию. Таким образом, к концу XV века Венеция навлекла на себя враждебность не только мелких итальянских государств, но и главных держав Западной Европы.

Максимилиан желал вернуть Фриули; Людовик XII желал расширить границы Милана; Флоренция опасалась, что Венеция может пересечь Апеннины; европейские комбинации, ведущие к Лиге Камбре. Фердинанд был полон решимости вернуть города в Апулии. Прежде всего, папа Юлий стремился унизить гордую республику. Ее приобретения в Романье помешали его любимому плану установления папского правления в этом районе. Находясь между Францией в Милане и Испанией в Неаполе, Юлий мог надеяться удержать равновесие и установить светское господство папства, но Венеция или вообще любая другая сильная итальянская держава решительно воспротивились бы этому. В этом Юлий лишь следовал традиционной политике своих предшественников на папском престоле, а именно закоренелой враждебности к росту сильного местного государства в Италии. Более того, независимая позиция республики в вопросах церковного управления, проиллюстрированная в тот момент ее отказом разрешить ему выдвинуть свою кандидатуру на вакантный епископат Виченцы, разозлила надменного прелата. "Они хотят обращаться со мной как со своим капелланом, - сказал он, - пусть остерегаются, как бы я не превратил их в смиренных рыбаков, какими они были когда-то".

В этих обстоятельствах единственная надежда Венеции заключалась во взаимной зависти ее врагов. До сих пор она извлекала из них пользу, но когда они прекратятся, настанет день ее расплаты. Следовательно, необходимо несколько подробнее рассмотреть отношения европейских держав в начале XVI века.

По окончании неаполитанской войны союз между домами Габсбургов и Испанией, основанный на браке эрцгерцога Филиппа, сына Максимилиана, с Джоанной, дочерью Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, грозил распасться. После смерти в 1497 и 1500 годах Иоанна, старшего сына, и Михаила Португальского, внука испанских монархов, Джоанна стала наследницей Кастилии и Арагона,²¹ и, в случае смерти Изабеллы, станет королевой Кастилии, исключая своего отца. Это сразу же вызвало ревность Фердинанда к ее мужу, эрцгерцогу. Временное разделение Кастилии и Арагона остановило бы объединение полуострова; в то время как перспектива того, что Испания в конечном итоге перейдет к Габсбургам, была ему не менее неприятна.

Соответственно, Фердинанд отклонил Лионский мирный договор (апрель 1503 г.), заключенный между Филиппом и Людовиком XII. для урегулирования неаполитанской ссоры. Лионский мирный договор, 5 апреля 1503 г.; и Блуа, 22 сентября 1504 г. По этому договору было решено, что Неаполитанское королевство однажды перейдет к Клод, малолетней дочери Людовика XII, которая уже в 1501 году была обручена с Карлом, юным сыном эрцгерцога. Филипп, брошенный своим тестем, все теснее цеплялся за союз с Францией, и его поддерживал его отец, Максимилиан, который надеялся с помощью этого брачного договора осуществить свои самые грандиозные мечты. В сентябре 1504 года в Блуа

Людовик XII под влиянием своей жены Анны Бретонской пообещал Милан, Геную, Асти, Бретань и Блуа в качестве приданого Клода, к которому должна была добавиться Бургундия в случае его собственной смерти без наследников мужского пола. В следующем году Максимилиан фактически предложил, с одобрения французской королевы, отменить Салический закон, чтобы Клод могла стать преемницей своего отца на французском троне.

Таким образом, появилась перспектива, что молодой Карл когда-нибудь объединит королевства Кастилия, Арагон, Франция, Милан и Неаполитанское королевство с наследственными владениями Дома Габсбургов. Если бы это когда-нибудь произошло, остальная Германия должна была бы подчиниться, а также потомки доведенного до нищеты Фридриха III. оказались бы хозяевами империи над большинством тевтонских и латинских рас континента. Но мечте наяву было не суждено продлиться долго. В ноябре 1504 года умерла Изабелла, и Фердинанд, полный решимости сохранить за собой пост регента Кастилии, поспешил примирить Людовика XII. В Блуа, в октябре 1505 года, он согласился жениться на Жермен де Фуа, племяннице французского короля. Второй мирный договор в Блуа. 12 октября 1505 года. Ей предстояло отказаться от французских претензий на Неаполь, которые, однако, должны были вернуться к Людовику XII в случае, если у нее не будет потомства от Фердинанда. Фердинанд также пообещал Людовику денежную сумму и амнистию французской партии в Неаполе. В июне следующего, 1506 года Фердинанд действительно был вынужден передать регентство Кастилии Филиппу и Джоанне; но в сентябре эрцгерцог Филипп умер в Бургосе; было объявлено, что у несчастной Джоанны проявляются признаки безумия,²² и Фердинанд с помощью кардинала Хименеса, хотя и с трудом, получил власть в Кастилии. Таким образом, ссора между Людовиком XII и Фердинандом была временно улажена, и Фердинанд был в безопасности в Испании и Неаполе.

Тем временем во Франции разгорелась национальная неприязнь к иностранцу. Генеральный консул в Туре (май 1506 г.) умолял короля отказаться от предполагаемого брака между Клод и Карлом и выдать ее замуж за Франциска Ангулемского, предполагаемого наследника короны, который был 'полностью французом'. Максимилиан, раздраженный провалом своих планов, теперь порвал с Людовиком. В 1507 году он созвал сейм в Констанце и страстно потребовал помощи от империи. 'Король Франции, - сказал он, - хочет отнять у немцев императорскую корону, высшее достоинство мира и славу нашей нации'. В обмен на обещание реорганизовать Императорскую палату, он получил контингент от сейма; он также взял на свое жалованье группу швейцарских наемников. Переправившись через Бреннер, он достиг Трента в феврале 1508 года и там, с согласия папского легата, объявил себя избранным императором.

Но, как обычно, притязания Максимилиана до смешного превзошли его способности. Венецианцы, опасаясь его замыслов во Фриули, отказали ему в свободном проезде и подкрепили свой отказ оружием. Его покушение на Виченцу провалилось. Герцог Гелдресский, подстрекаемый Людовиком XII, угрожал Нидерландам, и будущий правитель Западной Европы был вынужден принять условия наглой республики и уйти в отставку. Горя желанием отомстить, он прикарманил свою гордость и в Камбре, в декабре 1508 года, заключил соглашение с Людовиком XII. Был заключен мир с герцогом Гелдресским, Лигой Камбре. 10 декабря 1508 г. и Максимилиан пообещал, в обмен на деньги, инвестируемые Милана Людовику XII и его потомкам. Таким образом, их ссоры были улажены, и король и император согласились разделить венецианскую территорию. Всех принцев, имевших какие-либо претензии на венецианские земли, попросили помочь обуздать ее невыносимый эгоизм и жадность, вернув им утраченное имущество. Фердинанд и папа вскоре

присоединились, последний с некоторыми опасениями, и только после того, как Венеция отказалась вернуть ему Римини и Фаэнцу; ряд мелких итальянских князьков последовали его примеру, и Венеция оказалась лицом к лицу с одной из самых позорных коалиций в истории. Фердинанд, однако, был вовлечен в войны против мавров Африки. Оставшийся без гроша Максимилиан не был готов к новой кампании, и французы и папские войска при поддержке герцога Феррарского и других итальянцев в одиночку вышли на поле боя.

Самой мудрой политикой Венеции, вероятно, было бы, как настаивал Питильяно, избегать ожесточенных сражений и играть в выжидательную игру. Если бы война затянулась, грабители наверняка поссорились бы. Но более решительные советы одержали верх. Битва при Аньяделло или Вайле. 14 мая 1509 года. Пренебрегая передвижением папских войск в Романье, венецианцы повернулись против французов и попытались остановить их наступление на границе. Пока две армии маневрировали в долине реки Адда, случилось так, что арьергард венецианской армии под командованием Бартоломео д'Альвиано подошел на расстояние удара к французскому авангарду. Альвиано, кондотьер, в котором было больше доблести, чем осмотрительности, счел более почетным потерпеть поражение, чем отступить, и немедленно отдал приказ атаковать. Венецианская армия представляла собой любопытную смесь итальянских кондотьеров и крестьян, греческой легкой кавалерии с Пелопоннеса и Эгейских островов и полудиких лучников с Крита. Тем не менее она сражалась хорошо, особенно итальянская пехота, состоявшая из крестьян с Ломбардской равнины и склонов Альп и Апеннин. Но он подвергся атаке всей французской армии при поддержке большого отряда швейцарцев. Авангард под командованием графа Питильяно, то ли из ревности, то ли потому, что находился слишком далеко, не стал сотрудничать; и после отчаянной борьбы венецианская армия развернулась и обратилась в бегство, оставив Альвиано в плену, а большую часть своей пехоты мертвой на поле боя. Как это часто бывает с наемниками, побежденная армия вскоре превратилась в толпу. Города отказывали в убежище беглецам и открывали свои ворота победителям. Французы не встречали сопротивления, пока не достигли Пескьеры, которую взяли штурмом.

Тем временем в Венеции сенат обсуждал свою будущую политику в обстановке величайшего смятения. Решив покориться буре и покинуть подвластные города, они разрешили им сдаться. Верона, Виченца и Падуя немедленно послали свои ключи Людовику, и на его рыцарский отказ принять их подчинение, поскольку они не достались ему на долю, они обратились к Максимилиану. В Романье папа оккупировал Равенну, Римини и Фаэнцу. Герцог Феррарский вступил в Польшу; маркиз Мантуанский захватил территории, которых его лишила Венеция; и города Апулии сдались Фердинанду.

Теперь Венеция потеряла все свои приобретения, сделанные в пятнадцатом веке, и, казалось, была обречена снова замкнуться в своих лагунах; более того, Максимилиан даже говорил о захвате самого города и разделении его на четыре района среди союзников. Но император, как обычно, рассчитывал обойтись без своего хозяина. Ни Фердинанд, ни Юлий не желали заходить так далеко; Венецию спасла лояльность подвластных земель и разногласия ее врагов. Они остановили свои действия, в то время как Людовик, достигнув своей цели, удалился в Милан, а затем во Францию. На завоеванных территориях, особенно на тех, на которые претендовал Максимилиан, теперь происходила реакция в пользу республики Святого Марка. Знать легко покинула Венецию, но теперь низшие классы города и деревни поднялись на ее защиту. К Сенату вернулось мужество. Большинством в один голос было решено возобновить наступление, и 17 июля Падуя была вновь взята. Закон, запрещавший венецианской знати служить на материке, был отменен, и сто семьдесят шесть молодых дворян во главе с сыновьями дожа Лоредано выступили на защиту

отвоеванного города. Максимилиан, наконец, решил прибыть лично и осадил Падую с большой армией, состоящей не только из немцев, но и из вспомогательных испанских войск, усиленных французским контингентом. Но французы и немцы были не в самых лучших отношениях. Французские рыцари, когда им было приказано штурмовать брешь пешими, потребовали, чтобы к ним присоединились немецкие латники, а не оставались сражаться бок о бок с низкородными ланскенцами, а немецкие рыцари вообще отказались служить пешими. Наконец Максимилиан, переходя по своему обыкновению от чрезмерной уверенности к полному отчаянию, снял осаду 3 октября 1509 года и снова перешел Альпы, услышав, что Виченца тоже восстала и отозвала венецианские войска.

Будучи не в состоянии победить венецианцев в открытом бою или взять их города, Максимилиан приказал разорить их территории, и жестокая война с грабежами и резней продолжалась во Фриули всю зиму 1509-10 годов. Однажды шесть тысяч мужчин, женщин и детей были задушены в пещере недалеко от Виченцы. Подобные жестокости могли лишь убедить народ в превосходстве венецианского правления.

Теперь Венецию должны были спасти разногласия ее врагов. Юлий II. до сих пор он был самым злейшим из ее врагов и поддерживал Лигу не только оружием, но и отлучением от церкви. Однако он всегда заявлял, что Венеция подтолкнула его к этому шагу своим отказом признать справедливые притязания папства, духовные и светские. 'Если бы не это, ' сказал он, ' мы могли бы объединиться и найти какой-нибудь способ освободить Италию от тирании иностранцев'. Почему это не должно быть сделано сейчас? Земли, на которые он претендовал, находились в его владении, и Венеция была готова признать его духовные притязания. Более того, подавляющее преобладание, которого добилась Франция, могло быть более опасным для папских интересов, чем для Венецианской республики. Таким образом, присоединение к Венеции дало возможность не только продвинуть папское дело, но и осуществить мечту каждого патриотичного итальянца - изгнать иностранца. Юлий, однако, не сразу раскрыл свои карты. Было бы опрометчиво делать это, пока он не убедится, что Венеция достаточно сильна, чтобы противостоять своим врагам; отсюда его долгий отказ прислушаться к ее молитвам. Когда, наконец, в феврале 1510 года он заключил с городом мир, это было сделано только на самых суровых условиях. Венеция признала справедливость отлучения от церкви; отказалась от своих требований облагать налогом свое духовенство и назначать кандидатов в свои епископства; пообещала, что священнослужителей будут судить церковные суды, и объявила плавание по Адриатике свободным для граждан Папской области. Совет десяти действительно выразил тайный протест против этих уступок, как вымогаемых силой, и впоследствии отрекся от них, но на данный момент папство восторжествовало.

Теперь целью Юлия было изгнать французов и немцев из Италии с помощью Венеции и швейцарцев, порвавших с Людовиком. Швейцарский альянс на тот момент подвел его. Тем не менее, поначалу он добился временного успеха. Нейтралитет Фердинанда был обеспечен инвеститурой Неаполя и Сицилии, в которой до сих пор отказывало папство (июль 1510 г.). Модена, принадлежавшая герцогу Феррарскому, и Мирандола были завоеваны; первая - племянником папы, герцогом Урбино; вторая - самим воинственным Юлиусом, который, встав с одра болезни, пересек траншею по льду и взял город штурмом (январь 1511 г.). Но на этом его успех закончился.

13 мая 1511 года французы захватили Болонью, чему способствовало предательство внутри города, а в сентябре Людовик созвал генеральный совет в Пизе, которая была наконец

отвоевана Флоренцией два года назад. Собор провалился, поскольку Европа не была готова к новому расколу. Но было очевидно, что французов нелегко будет изгнать из Милана. Поэтому Юлий, решив отомстить Франции, теперь обратился к Фердинанду. Коварный испанец давно потерял интерес к Лиге. Вернув себе апулийские города, он не желал дальнейшего унижения Венеции и опасался усиления французского могущества в Ломбардии. Более того, ссора в Италии дала бы ему предлог для захвата Наварры, чего он давно желал. Соответственно, Фердинанд с радостью приветствовал предложения папы римского, и 5 октября 1511 года была сформирована Священная лига - Священная лига. 5 октября 1511 г. между Папой Римским, Фердинандом и Венецией. Предполагаемой целью Лиги была защита Церкви, восстановление Болоньи и возвращение Венеции ее территорий. Истинной целью конфедератов было изгнание французов из Италии, в то время как дальнейшее условие договора о том, что папа должен подтверждать участие испанцев в любых завоеваниях, совершенных за пределами Италии, ясно указывало на Наварру. Союзники также заручились поддержкой молодого Генриха VIII. короля Англии, который стремился возродить свои претензии на Гиенну и укрепить свой союз со своим тестем. Против этой грозной коалиции Людовик поначалу добился успеха. Французской армией командовал Гастон де Фуа, племянник короля и брат жены Фердинанда. Молодой человек — ему было двадцать три года, "великий полководец, не служивший солдатом", — который стремительностью своих движений заслужил в этой кампании титул Молнии Италии, первым бросился в Болонью (4 февраля) и вынудил армию Лиги под командованием Раймона де Кардоны, вице-короля Неаполя, отступить. Услышав о восстании в Брешии, он поспешил туда, взял город штурмом, взобравшись на крепостные валы босиком, чтобы лучше удержаться на крутых склонах (18 февраля), и убил столько защитников, "что лошади не могли ступать на землю из-за покрывавших ее трупов". Затем, помчавшись обратно в Болонью, он заставил своих врагов отступить и, продвигаясь к Равенне, попытался взять город штурмом (19 апреля).

Кардона стремился избежать серьезной битвы. Он знал, что время на его стороне, поскольку Максимилиан собирался вступить в Лигу; Битва при Равенне. День Пасхи 1512 года. Швейцарцы готовились вторгнуться в Милан; и планируемое вторжение Генриха VIII во Францию. помешало бы Людовику прислать эффективное подкрепление. Соответственно, он удалился в Фаэнцу, но, опасаясь, что Равенна падет, если не будет освобождена, был вынужден вернуться. Даже тогда его тактика была оборонительной. Его лагерь был защищен с левого фланга рекой; спереди - несколькими из многочисленных рвов, пересекающих болотистую местность. Еще больше укрепив это место своей артиллерией и повозками с установленными на них орудиями, похожими на косы, он ожидал атаки французов.

Позиция Кардоны действительно была сильной, но по численности его силы немного уступали, и, если Франция хотела победить, победа должна быть одержана немедленно. Поэтому Гастон справедливо решил еще раз испытать судьбу и в день Пасхи в 8 часов утра отдал приказ о нападении. Он надеялся выбить противника с их сильных позиций с помощью своей артиллерии, которая была доведена до состояния высокой эффективности при герцоге Феррарском. В этом он был разочарован. Огонь испанцев был почти столь же эффективен, как и его собственный, и, хотя кавалерия Лиги понесла такие же тяжелые потери, как и французская, испанская пехота защищала себя, ложась на землю, что запрещалось французскими представлениями о воинской чести. После трехчасовой яростной канонады нетерпение кавалерии Лиги, а также французской и немецкой пехоты больше нельзя было сдерживать, и в то время как первая атаковала французскую кавалерию, стоявшую напротив нее, вторая атаковала испанскую пехоту. Таким образом, кавалерия противопоставлялась кавалерии, а пехота - пехоте. В последовавшем за этим ударе французская кавалерия под

командованием Ива д'Аллегра после получасовой борьбы выбила всех перед собой; но их пехота вместе с немецкими ланскнецами, несмотря на героические усилия, сочла позицию слишком сильной и уже была отброшена назад, когда их кавалерийский отряд, возвращавшийся из атаки, зашел пехоте Лиги во фланг. Французская и немецкая пехота теперь сплотились и, оттеснив своих противников назад, окончательно изгнали их из лагеря. Битва была уже выиграна, когда Гастон, пытаясь остановить отступление примерно двух тысяч испанских пехотинцев, опрометчиво бросился им наперерез в сопровождении горстки латников. Выбитый из седла, он все еще сражался, 'соперничая с подвигами Роланда при Ронсевалле", пока, наконец, не пал, пронзенный ранами. Так закончилось самое кровопролитное сражение войны, длившееся с 8 утра до 4 часов дня

Наглядный отчет, приведенный биографом Байярда, лучше всего помогает нам осознать его своеобразный характер. Удары латников, удары пикой и коротким мечом, аркебузы и 'хакебуты", или конные аркебузы, относятся к средневековью, но эффективность оружия напоминает нам, что мы находимся на пороге шестнадцатого века.

Победа осталась за французами. Педро Наварра, один из лучших испанских генералов, молодой маркиз Пескара и кардинал Медичи, легат папы римского, которому вскоре предстояло самому стать папой Львом X., были пленниками. 'Потери Испании были таковы, что сто лет не смогли бы их возместить", и Равенна сразу же капитулировала. И все же, никогда победа не была куплена такой дорогой ценой или более бесполезной. Хотя испанские войска пострадали больше всех, потери среди офицеров были более серьезными со стороны французов и немцев, и многие рыцари, отличившиеся в Италии, пали в прах. Еще более серьезной была смерть Гастона. Если бы он был жив, он, возможно, добрался бы до Рима и сразу же привел папу к соглашению. Его смерть, однако, вызвала задержку, а задержка была разорительной. Жестокость французов вызвала ненависть итальянцев; богатая добыча в Брешии и Равенне деморализовала войска, и многие вернулись во Францию.

Максимилиан договорился с Лигой незадолго до битвы, но слишком поздно, чтобы помешать своим ланскенцам принять участие и оказать наиболее эффективную помощь французам. Максимилиан и швейцарцы присоединяются к Священной Лиге. Теперь, в надежде заполучить миланцев для себя или для своего внука Карла, он отозвал свои войска и открыто порвал с Францией. Лишенные их поддержки, французы с трудом удерживали поле боя. Однако именно от рук швейцарцев им предстояло перебраться через Альпы. В предыдущих войнах эти наемные горцы оказали Людовику величайшую услугу; но кантоны были отчуждены его отказом увеличить субсидию и еще больше тем, что он прекратил их торговлю с миланцами, откуда они получали зерно, вино и масло. Соответственно, в Швейцарии возникла сильная антифранцузская партия, возглавляемая Матиасом Шиннером, епископом Вале, непримиримым врагом Франции, и в мае 1512 года швейцарская армия обрушилась на Милан. Ла Палис, который после смерти Гастона унаследовал командование, чувствовал себя слишком слабым, чтобы противостоять им с армией, лишенной немецкого контингента и деморализованной его эксцессами. Соответственно, он отступил в Павию. Французы снова переходят Альпы. Тривульцио, губернатор Милана, последовал за ним, и вскоре после этого французы снова пересекли гору Сени. За исключением Миланского замка и нескольких других, их завоевания быстро растаяли. Генуя изгнала французов и избрала Джано Фрегосо своим дожем. Вся Романья вернулась в подчинение папе. Герцог Феррарский действительно выстоял, но потерял Реджо. Болонья была возвращена, и даже захвачены Парма и Пьяченца, в то время как Юлий претендовал на всю территорию к югу от По.

В августе 1512 года представители Лиги собрались на конгресс в Мантуе. Флоренция первой потребовала их внимания. После смерти Савонаролы позиции этой республики были наиболее слабыми. Медичи вернулись во Флоренцию. 1 сентября 1512 года. Конституция, принятая в 1494 году, не сработала должным образом. Она была слишком олигархической, чтобы пользоваться популярностью, в то время как сторонники изгнанного Медичи делали все возможное, чтобы дискредитировать ее. В 1502 году, чтобы укрепить исполнительную власть, должность гонфалоньера была назначена пожизненно, и был избран Пьеро Содерини; в 1506 году, по предложению Макиавелли, было сформировано ополчение. Но эти меры не сильно улучшили положение. Длительная борьба за возвращение Пизы, которая закончилась только в 1509 году, истощила доходы государства, и интриги Медичи активизировались. Цепляясь за союз с Францией, город отверг предложения Лиги; однако, проводя политику слабого нейтралитета, он не оказал помощи Людовику XII, когда помощь могла бы спасти его. Теперь настала ее очередь. Союзники потребовали, чтобы Содерини ушел в отставку и чтобы Медичи разрешили вернуться в качестве частных граждан. Флорентийцы согласились признать Медичи, но, будучи чрезмерно уверенными в своем новообразованном ополчении, отказались свергнуть Содерини. Соответственно, 12 августа 1512 года Раймонд де Кардона напал на город Прато, который находился в нескольких милях к северу от Флоренции. Ополченцы, хотя и были гораздо многочисленнее своих врагов, не оправдали оказанного им доверия и бежали, как только была пробита брешь; возможно, за стенами произошло предательство. В любом случае, испанцы вошли в город без дальнейшего сопротивления и разграбили его с такой жестокостью, что воспоминания об этом, как говорят, тревожили последние минуты Джованни, будущего папы Льва X. Эта жестокость, по крайней мере, сделала свое дело. Содерини, дружелюбный, хотя и слабый человек, чья "глупая душа", как гласит возмущенная эпитафия Макиавелли, приговаривается к младенческому заточению, немедленно подал в отставку, чтобы не подвергать Флоренцию дальнейшим бедам; и 1 сентября кардинал Джованни вступил во Флоренцию. Медичи 23 года номинально вернулись в качестве частных лиц, но конституция 1494 года была отменена, и правительство, восстановленное в том виде, в каком оно было при Лоренцо, полностью находилось под их контролем. Хотя революция была совершена умеренно, сторонники старого правительства, естественно, потеряли свой пост. Макиавелли, который был секретарем Совета десяти (Суд свободы и Пасе) и принимал активное участие в дипломатии республики, был изгнан из общественной жизни и посвятил себя написанию *"Принца"* и *"Бесед"*, 24 первый из этих трактатов оказал ему такое большое влияние. незавидная слава. Город при своих новых правителях отказался от французского союза и присоединился к Лиге.

Затем союзники обратились к вопросу о Милане. Максимилиан стремился обеспечить это для своего внука Карла. Милан предоставлен Максимилиану Сфорца. 29 декабря 1512 года. Но он не был приемлем ни папой римским, ни венецианцами, ни швейцарцами, ни даже Фердинандом. Все боялись присоединения миланцев к обширным владениям, бывшим в настоящее время у молодого принца. Наконец, было решено отозвать Максимилиана, сына Людовико иль Моро, который после падения своего отца воспитывался при императорском дворе. 29 декабря Максимилиан получил ключи от швейцарца и въехал в город. Взамен 'их марионеточный герцог' уступил конфедератам Валь-Маджиа, Локарно и Лугано; и их союзникам, Ретийской лиге (позже кантону Граубюнден), Кьявенну, Бормио и Вальтеллину. Это, в дополнение к Валь-Левентине, приобретенной в 1440 году, и Беллинцоне, пожалованной Людовиком XII. в 1503 году швейцарцы и их союзники получили полное господство над четырьмя наиболее важными перевалами Альп: Сен-Готардом, Сплугеном, Малоейей и Берниной, а также расширили свою территорию до итальянских озер Комо,

Лугано и Маджоре.²⁵ Таким образом, в конце 1512 года Медичи и Сфорца снова оказались у власти, как это было при вторжении Карла VIII.

Тем временем Франции угрожало совместное нападение на Гиенну — со стороны Фердинанда и Генриха VIII. Англичане действительно высадились в Байонне, но, к счастью для Людовика, внимание Фердинанда было приковано к Наварре. Это королевство, расположенное по обе стороны Пиренеев, находилось в этот момент под властью Катрин де Фуа и ее мужа, француза Джона д'Альбре. Но ее титул всегда оспаривала младшая линия, представленная Гастоном де Фуа, племянником Людовика XII. После своей смерти в битве при Равенне, его права перешли к его сестре Жермене, Фердинанд завоевывает испанскую Наварру. Июль 1513 года. жена Фердинанда, и эти Фердинанды теперь продолжали давить. Екатерина, правящая королева, больше не боявшаяся Франции, искала союза с Людовиком XII. Это дало Фердинанду предлог, которого он искал. Он потребовал прохода через Наварру для своего нападения на Францию, а получив отказ, вторгся в маленькое королевство. Его поддержала могущественная фракция, возглавляемая Бомонтами. Робкий Джон сбежал. 'Будь ты королевой, а я королем, королевство не было бы так потеряно', - сказала Екатерина, но была вынуждена последовать за своим трусливым мужем, и к концу июля Фердинанд занял всю территорию по испанскую сторону гор. Та часть страны, которая лежала на французском склоне Пиренеев, продолжала оставаться независимым королевством, которое было поглощено Францией в шестнадцатом веке, после присоединения Генриха Наваррского к французской короне. Англичане, раздраженные отказом Фердинанда сотрудничать с ними и пораженные болезнями из-за жаркого климата, непрекращающихся дождей и крепкого южного вина, которым они слишком злоупотребляли, отступили из Байонны, и Франция была избавлена от непосредственной опасности с этой стороны.

В начале 1513 года было совершенно очевидно, что Священная лига долго не продержится. Венецианцы, обнаруживающие распад Священной лиги. то, что император жаждал получить долю их территории, первоначально выделенную ему Камбрейской лигой, снова обратилось к Франции. В этот момент скончался Юлий II, один из главных деятелей этой Лиги. Целями этой 'пламенной личности' были: сначала завоевать Романью и установить папское владычество — смерть Юлия II. 20 февраля 1513 года. там на прочной основе; во-вторых, если возможно, освободить Италию от чужеземцев. Из них первая была главной целью, и он ее достиг. 'Хорошо это или плохо, но Юлий - основатель Папской области. Мы можем сожалеть о секуляризующем влиянии светского владычества на духовный характер папства, но, по крайней мере, схема Юлия бесконечно предпочтительнее схемы Александра VI. Александр пытался основать свою семью; Юлий завоевывал территории для Папского престола. Но ради достижения этой, своей главной цели, он пожертвовал второй. С помощью Камбрэйского союза он окончательно разрушил политическую жизнь Италии и призвал к себе на помощь иностранца; и когда в Священной лиге он попытался разрушить начатое и изгнать французов, главные орудия его прежней политики, через Альпы, он обнаружил, что может сделать это только ценой смены хозяев. Действительно, в свои последние дни он надеялся примирить Максимилиана некоторыми небольшими уступками, а затем, с помощью венецианцев и швейцарцев, изгнать испанцев с полуострова. Но мечта была праздной. Юлий сковал цепи итальянского рабства и многое сделал для укрепления могущества этого грозного Австро-испанского дома, которому вскоре предстояло стать столь опасной угрозой для Европы и управлять судьбами Италии вплоть до наших дней. Тем не менее, имя папы Юлия всегда будет жить как основателя Папского государства, как последнего представителя этой великой полуполитической, полурелигиозной Церкви, чьи претензии на всемирное господство над западным христианским миром были на грани ниспровержения; как покровителя Браманте, Микеланджело и Рафаэля, авторов этих

высочайших достижений искусства эпохи Возрождения, собора Святого Петра,²⁶ и фрески Сикстинской капеллы и Ватикана.

Из всех планов Юлия II лишь немногие оказали большее влияние на непосредственную историю Италии и папства, чем восстановление власти Медичи во Флоренции. Избрание Льва X. 11 марта 1513 года. Его привела к этому упрямая приверженность республики Людовико XII. Но политика была ошибочной. Республика была слаба и не могла иметь большого влияния, тогда как при Медичи, в союзе с Испанией, Флоренция, вероятно, снова стала бы грозной. Однако Юлий вряд ли мог предвидеть, что семья, только что вернувшаяся из изгнания, предоставит ему преемника на папском престоле, поскольку избрание молодого кардинала Джованни Медичи — ему было всего тридцать восемь лет - удивило всех.

Джованни, второй сын Лоренцо Великолепного, назначенный кардиналом еще до того, как стал мужчиной, действительно показал себя способным политиком, сыграв ведущую роль в восстановлении своей семьи во Флоренции. Однако в остальном он не был примечателен, и его избрание было обусловлено главным образом желанием молодых кардиналов немного отдохнуть после политической деятельности понтификатов Александра VI. и Юлия II. Этого они надеялись добиться, избрав любителя удовольствий Медичи, который представлял Ренессанс в его более мелких аспектах, любил великолепие и развлекался литературой и искусством; но у него не было серьезной цели в жизни, кроме желания основать свою семью во Флоренции и, в остальном, всегда быть на стороне победителей.

Но хотя смерть Юлия II лишила Священную лигу ее самого серьезного члена, смена пап на данный момент не улучшила перспективы мира. С одной стороны, Франция и Венеция, объединенные общими интересами, заключили союз; Мехлинский мирный договор. 5 апреля 1513 г. с другой - молодой Генрих VIII. король Англии и его амбициозный министр Вулси, стремясь завоевать место в европейских советах, жаждали нового раздела против Франции. Это соглашение было подписано в Мехлине в апреле между Максимилианом, Генрихом VIII, Львом X и Фердинандом; хотя последний в тот же момент заключал секретный договор с французским королем.

Находясь под угрозой со всех сторон, Франция, казалось, была разбита. В Италии - ее попытка отвоевать Милан с помощью венецианцев, битва при Новаре. 6 Июня 1513 года. был сорван в катастрофической битве при Новаре. Здесь швейцарцы, смотревшие на Максимилиана Сфорца как на своего *протеже*, без кавалерии и артиллерии нанесли решительное поражение французской армии, втрое превосходившей их по численности и хорошо обеспеченной как пушками, так и лошадьми.

Тем временем Генрих VIII с нуждающимся Максимилианом на жалованье вторгся во Францию; осадил Теруэн; Битва при Гвиннегейте. 16 августа обратил в бегство французские подкрепления при Гвиннегейте с такой легкостью, что это сражение получило название 'Битва при Шпорах'; и взял Теруэн и Турне. В сентябре швейцарцы фактически вторглись во Францию и вырвали мирный договор у Людовика XII. Флодден. Сентябрь. 9. В том же месяце Яков IV. король Шотландии, пытаясь отвлечь внимание в пользу своего французского союзника, потерял цвет шотландской знати и собственную жизнь на Флодденском поле.

Казалось, что Франция, страна, которая поначалу больше всего выиграла от раздела Венеции, скорее всего, сама будет разделена. Но, как всегда, взаимная зависть европейских держав препятствовала какому-либо длительному объединению. Ни Фердинанд, ни Лев X. не

хотели видеть Францию слишком слабой. Лео считал, что его собственные интересы и интересы его семьи будут лучше всего обеспечены, если уравновесить силы Франции, еще раз спасенной из-за разногласий ее врагов.

Фердинанд, папа римский и Генрих VIII. примирились с Францией. Испании и Франции в Италии, и надеялся заручиться французской помощью для своего плана по установлению Джулиано, своего брата, в Неаполе. Соответственно, он примирился с французским королем и простил французских кардиналов, принимавших участие в раскольническом соборе в Пизе (ноябрь 1513 г.). Фердинанд больше всего на свете стремился предотвратить чрезмерное возвышение Дома Габсбургов. Он уже заключил тайный договор с Людовиком и теперь интриговал, чтобы оттолкнуть императора от союза с Англией. Генрих был полон решимости не оставаться в беде. Он был раздражен предательством Фердинанда и неизлечимой изворотливостью Максимилиана, "человека с небольшим количеством пенсов", который был готов на все, чтобы заработать немного денег, и соответственно заключил свой мир с Людовиком (август 1514 г.). Было решено, что его сестра Мария, которая только что была обручена с Карлом, внуком Максимилиана, выйдет замуж за французского короля. Разница в их возрасте была серьезной. Жених был вдовцом пятидесяти двух лет, а Мэри было всего шестнадцать. Но угрызения совести девушки были преодолены обещанием, что, если на этот раз она пожертвует собой ради интересов своего брата, в следующий раз ей следует следовать своим собственным наклонностям; и между Францией и Англией был заключен мир. Таким образом, Франция избежала грозившей ей опасности, а Англия под руководством Вулси обеспечила себе влиятельное положение в Европе.

В безрассудстве итальянской политики Людовика не может быть сомнений. Макиавелли так описывает три его главных ошибки: "Он увеличил могущество Церкви; он призвал в Италию испанцев, таких же могущественных, как и он сам; он подорвал могущество венецианцев, своих лучших союзников".

Взаимная зависть других держав, действительно, спасла саму Францию от расчленения. Но ее ресурсы были ужасно истощены; Испания захватила половину Наварры; Турне был потерян Англией; и попытка удержать Италию только подтвердила справедливость поговорки о том, что "Италия - могила французов".

Если бы Людовик был жив, в Европе, возможно, царил бы мир. Но несчастный скончался через три месяца после смерти Людовика XII. сменил Франциска I. Январь 1515 г. в его попытке сыграть жениха, "ужинающего в восемь, когда он привык обедать в полдень, и отходящего ко сну в полночь, когда он привык ложиться спать в шесть", и ему наследовал его амбициозный кузен Франциск Ангулемский, который в 1514 году женился на дочери короля Клод, наследнице герцогства Бретань по линии ее матери.

Так описывает молодого короля, которому сейчас двадцать первый год, сэр Роберт Вингфилд, посол Генриха VIII. при дворе Максимилиана: "Он очень ненасытен, всегда читает или говорит о таких предприятиях, которые раззадоривают его самого и его слушателей. Его обычная поговорка гласит, что он верит в то, что благодаря его доблести и трудолюбию будет восстановлено то, что было утрачено и заброшено его неблагородными предшественниками, и что монархия христианского мира будет покоиться под знаменем Франции, как это было раньше. Ободренный своей матерью, Луизой Савойской, которая стремилась возвысить своего "цезаря", не успел он взойти на трон, как решил вторгнуться в Италию и стереть позор Новары. Франциск решает вторгнуться в Италию.

Его договоры с Венецией, Англией и Карлом. Весной и летом он возобновил договоры с Генрихом VIII. и Венеции, и заключил союз с молодым Карлом, которому, хотя и было всего пятнадцать, только что предложили принять правительство Нидерландов и который под

руководством Кроя, сеньора Кьеврского, занял примирительную позицию по отношению к Франции. Франциск также надеялся заручиться поддержкой Льва X. В феврале он санкционировал брак Джулиано Медичи, брата папы римского, с Филибертой Савойской, сестрой его матери Луизы, и выразил надежду, что когда-нибудь он обоснуется в Неаполе.

Однако непостоянный понтифик, как обычно, вел двойную игру и в том же месяце присоединился к контрлиге против Франции, в состав которой входил император, Контрлига против Франции. Фердинанд, Флоренция, герцог Миланский и швейцарцы. Если бы союзники были едины, это могло бы плохо кончиться для Франциска, но они руководствовались собственными интересами и разделили свои силы. Франциск, обнаружив, что выход из перевалов Мон-Сени и Мон-Женевр охраняется швейцарцами, пересек Альпы по Коль-де-л'Аржантьер, новому и трудному маршруту, и беспрепятственно добрался до Салуццо. Затем он застал врасплох Просперо Колонну, который командовал миланскими войсками в Виллафранке, и полностью изменил позицию швейцарцев в Сузах. Франциск пересекает Альпы, август 1515 г.

Победа при Мариньяно, сентябрь. 13. Швейцарцы отступили к Милану, а французы продвинулись к Мариньяно, местечку между Пьяченцей и Миланом. Здесь, поздним сентябрьским днем, они подверглись нападению швейцарцев. Бесстрашные горцы были взволнованы красноречием Матиаса Шиннера, кардинала Сиона, заклятого врага французов. Имея для поддержки всего несколько миланских кавалеристов и почти не имея орудий, они полагались на мощь своей знаменитой фаланги и натиск пики. Французов они презирали как 'зайцев в доспехах'. Без шапок и босиком, чтобы тверже стоять, они бросились на врага, надеясь повторить подвиг при Новаре. Но они недооценили своих противников, которых возглавляли цвет французского рыцарства, коннетабль Бурбонский Ла Палис, шевалье Байяр, Робер де ла Марк, сын 'дьявола Арденн', которого сам называл 'авантюристом', и миланец Тривульцио, участвовавший в семнадцати ожесточенных битвах. Педро Наварра, испанский генерал артиллерии, тоже был там. Он попал в плен в битве при Равенне, и поскольку скупердй Фердинанд отказался заплатить за него выкуп, он поступил на службу к французам.

Последовавшая за этим борьба была объявлена Тривульцио битвой гигантов, по сравнению с которой все, в чем он когда-либо участвовал, было не более чем детской забавой. Когда на сражающихся опустилась темнота, они улеглись спать 'на расстоянии броска теннисного мяча друг от друга'. С рассветом бой возобновился и продолжался до полудня. Швейцарцы разделили свои силы, пытаясь атаковать арьергард, когда д'Альвиано атаковал их с тыла вместе с венецианскими контингентами. Это решило дело, и Франциск, посвященный в рыцари на поле боя шевалье Баярдом, остался хозяином поля боя. И все же, несмотря на поражение, швейцарцы отступили в полном порядке, унося с собой своих раненых.

Битва при Мариньяно отдала милан французам. Максимилиан Сфорца в результате победы отрекся от своего герцогства, которым владел три года. и умер несколько лет спустя пенсионером во Франции. Своей победой Франциск пошатнул военный престиж швейцарцев, которые в последнее время считали себя непобедимыми, распоряжались судьбами Ломбардии и 'приручали и исправляли принцев'. Никогда больше эти наемники не пользовались независимым влиянием в Италии. Таким образом, Франциск одним махом достиг вершины военной славы и, если бы он воспользовался своим преимуществом, мог бы низложить папу и вернуть себе Неаполитанское королевство. Но к этому он не был готов, и, вопреки ожиданиям, битва на мгновение способствовала установлению мира. Лев, страстно желая присоединиться к победившему делу, поспешил прийти к соглашению. Он уступил

Парму и Пьяченцу, в то время как Франциск пообещал поддержать Лоренцо во Флоренции и санкционировать нападение папы на герцогство Урбино, откуда был изгнан Франческо делла Ровере, герцог. Вскоре после этого Франциск подарил Лоренцо жену, связанную с королевской семьей, Мадлен де ла Тур д'Овернь.

Уладив таким образом свои политические дела, папа и король по Болонскому конкордату разделили между собой свободы Галликанской церкви. Традиционные привилегии Французской церкви были подтверждены и расширены Карлом VII в Прагматической санкции Буржа (1439). Этим капитулам были гарантированы свободные выборы в епископства и аббатства; Болонский конкордат. Август 1516 г. папские притязания на первоплодие были отвергнуты, так же как и право выдвигать кандидатуры на бенефиции посредством 'оговорок' и 'ожиданий'; апелляции к Риму были ограничены, и было объявлено превосходство Генеральных соборов над папой. Независимость, полученная таким образом Французской церковью, была неприятна не только папе, но и Людовику XI. самому Людовику XI, который пытался, хотя и безуспешно, отменить Прагматическую Санкцию. Теперь у Франциска была возможность, и Лев X встретил его на полпути. Болонский конкордат действительно ограничил обращения к Риму и объявил папские "оговорки" и "ожидания милости" отмененными. Но он вернул папе первые плоды, опустил утверждение о превосходстве Генеральных соборов над Папой Римским и предоставил королю право выдвижения кандидатур на епископства и архиепископствующие должности, подлежащие только папскому утверждению и учреждению. Несколько лет спустя король получил такую же привилегию в отношении настоятелей французских монастырей. Это серьезное посягательство на конституционные свободы Церкви Франции встретило решительное противодействие со стороны 'Парламента' и Парижского университета. Но "парламент" после безрезультатного сопротивления был вынужден зарегистрировать его *de expressimo mandato regis*, университет был напуган королевскими угрозами, и Конкордат стал законом Франции. Отныне Французская церковь стала слугой короля и папы римского. Власть, которую получила корона, контролируя эти назначения, можно оценить, вспомнив, что во Франции в то время существовало десять архиепископств, восемьдесят три епископства и пятьсот двадцать семь аббатств. Это право выдвижения кандидатуры использовалось почти исключительно в пользу людей благородного происхождения. Отсюда пагубное различие между высшим духовенством, которое было дворянами и, по большей части, придворными, и *кюре*, которые ими не были. В этих обстоятельствах положение Церкви соответствовало социальному положению страны с ее резким и катастрофическим разделением между знатью и *ротурьерами*. С другой стороны, право вето, которым пользовался папа в отношении королевских кандидатур, заставляло высшее духовенство и претендентов на должность обращаться к нему. Таким образом, церковь Франции, некогда самая независимая из европейских церквей, стала одной из самых раболепных и ультрамонтанских, в то время как ее правители потеряли всякую связь со средними классами.

Между тем триумф Франциска существенно повлиял на политику Фердинанда. После смерти эрцгерцога Филиппа король Испании завидовал своему внуку Карлу. Он опасался, что может вернуть себе регентство Кастилии, и ему не нравилась перспектива того, что он в конечном итоге присоединит Австрию, Нидерланды и Испанию под одним правлением. Смерть Фердинанда католика, 23 января 1516 года.

Карл, король Испании. Его враждебность даже заставила его всерьез задуматься о разделе своего наследства после его смерти между Карлом и его братом Фердинандом. Теперь, опасаясь, что Франция может стать слишком могущественной, он изменил свое завещание и завещал все Карлу. В январе 1516 года хитрый старый дипломат, который так искусно

замышлял установить свою безраздельную власть в Испании и уравновесить силы Европы, умер, и Карл в возрасте шестнадцати лет оказался правителем Испании, Нидерландов, Неаполитанского и Сицилийского королевств и Нового Света.

Теперь целью Вулси, получившего кардинальскую шапку в предыдущем году, было противодействие господствующей силе Франции путем заключения союза между Карлом, Максимилианом, папой римским и швейцарцами. Но Лев в настоящее время предпочитал союз с Францией, а Карл еще не был готов к борьбе с Франциском. Его положение отнюдь не было надежным; его преемственность в Испании не нравилась многим испанцам; Нидерланды подвергались нападкам герцога Гелдреса и Робера де ла Марка, сеньора Бульона, которые всегда радовались предлогу для войны. Наконец, обладая всеми своими титулами, он остро нуждался в деньгах. Таким образом, он был не в том положении, чтобы оспаривать владение Миланом, и, следуя совету Кьева, он заключил Нуайонский мир 13 августа 1516 г. Шарль заключает Нуайонский мир с Франциском, который Максимилиан принимает. с победителем при Мариньяно (13 августа 1516 г.). Карл был обручен с Луизой, малолетней дочерью Франциска; французы сохранили Милан, но отказались от всех притязаний на Неаполь; Карл пообещал вернуть испанскую Наварру к линии Альбре; Венеция согласилась предложить Максимилиану 200 000 дукатов за Брешию и Верону, но в случае его отказа оба короля могли проводить любую политику по отношению к венецианским делам.

Нуайонский мир стал ударом для Вулси. Напрасно он пытался заключить союз с Максимилианом, венецианцами и швейцарцами. Император всегда был готов к фантастическим проектам, рассчитанным на то, чтобы обмануть простого сэра Роберта Вингфилда, представителя Генриха при его дворе, который был послом старого поколения и не понимал хитростей новой дипломатии. Но Ричард Пейс, специальный агент Вулси, предостерег своего хозяина от доверчивости доброго рыцаря, которого он с юмором описывает как 'Лето будет зеленым', а также от изворотливости и жадности к деньгам Максимилиана. В конце концов, в декабре Максимилиан принял условия Нойонского мирного договора и передал Венеции Брешию и Верону. Уолси также не добился большего успеха со швейцарцами. В ноябре, в обмен на золото, они заключили 'вечный мир' с французами во Фрибурге. Англия, казалось, снова оказалась в изоляции. Но желание Франциска вернуть Турне, захваченный Генрихом VIII. в 1513 году Генрих VIII. заключает Лондонский мирный договор, октябрь 1518 года. В Европе на данный момент царит мир. это дало Уолси преимущество, и по Лондонскому мирному договору (октябрь 1518 г.) Генрих сдал этот город. Союз между двумя странами был подтвержден обычными договоренностями о браке. Английская принцесса Мария, двухлетний ребенок, была помолвлена с дофином, которому еще не исполнилось и года. Таким образом, Англия, по крайней мере, спасла себя от изоляции, и в Европе воцарился мир.

Распуская Латеранский собор в марте прошлого года, папа объявил, что расколу положен конец, что необходимые реформы в Церкви завершены и что он возлагает большие надежды на то, что Европа, ныне пребывающая в мире, сможет объединиться против турок. Европейские державы открыто заявляли о своем намерении поступить таким образом; были обещаны индульгенции, и папские коллекционеры пытались собрать деньги. И все же Европа стояла на пороге новой борьбы между домами Габсбургов и Валуа, которой предстояло продлиться с небольшими перерывами еще восемьдесят лет; и уже Лютер прикрепил свои знаменитые "Тезисы" к дверям церкви в Виттенберге, которые должны были привести к такому расколу, какой Риму и не снился.

Можно сказать, что серия только что упомянутых договоров положила конец беспорядочной войне, начавшейся с Камбрейской лигой. Влияние войн Камбрейской лиги на упадок Венеции. Часто говорят, что Лига разрушила Венецию, однако мы обнаруживаем, что она все еще сохранила почти все свои владения на материке, за исключением апулийских городов и нескольких округов, переданных папе, и что Адда все еще оставалась ее границей на западе. Долгая война, без сомнения, серьезно истощила ее ресурсы и финансы, но они могли быть восстановлены. Поэтому мы должны искать причины упадка Венеции в другом месте. Во-первых, изменилось состояние политики. Великие монархические государства Европы, особенно Франция и Испания, консолидировались. Венеция больше не могла надеяться конкурировать с ними; Это были истинные причины упадка Венеции. ее ресурсов на материке было недостаточно, чтобы справиться с армиями, которые эти могущественные нации могли выставить на поле боя; и в любом случае она должна была довольствоваться подчиненным положением. Мы также должны помнить о напряжении турецких войн. Европа, всегда готовая обвинить Венецию в предательстве дела христианского мира, осталась глуха к ее искренним мольбам о помощи. Таким образом, Венеция осталась практически в одиночестве лицом к лицу с турками. В ходе борьбы, которая продолжалась с небольшими перерывами на протяжении шестнадцатого и семнадцатого веков, Венеция постепенно сдавала позиции. Ей пришлось сдать Кипр в 1571 году и Кандию в 1669 году, после отчаянной обороны, длившейся двадцать четыре года. Расходы на эти войны, добавленные к тем, которые она только что понесла, было бы трудно покрыть, даже если бы ей оставили ее ремесло. Но даже это ускользало. Ее богатство зависело главным образом от ее торговли с Востоком и от ее перевозок между Востоком и Западом. Старых путей восточной торговли было в основном три. Во-первых, из Центральной Азии к Черному морю, а оттуда в Средиземное; во-вторых, через Персидский залив и долину Евфрата в Левант; и, наконец, в Каир и Александрию от Красного моря. Старые торговые пути изменились с открытием маршрута вокруг мыса. Оттуда товары переправлялись на венецианских галерах в Венецию и переправлялись через Альпы, обычно через перевал Бреннер, в Инн, на Дунай, Мэн и Рейн, а оттуда в Брюгге, или переправлялись морем на "фландрских галерах". Но в начале шестнадцатого века восточные пути в Венецию были закрыты. Турки после завоевания Константинополя в 1453 году перекрыли его торговлю с Левантом, в то время как наступление португальцев на Индию уничтожило торговлю через Египет.

Генуэзцы были пионерами исследований западного побережья Африки. Они заново открыли Канарские острова и Мадейру, которые были известны карфагенянам. Но их внимание было приковано к Средиземноморью, их силы истощались в борьбе со своими венецианскими соперниками, и в четырнадцатом веке португальцы вновь оккупировали эти острова. Великий период португальских открытий относится ко времени принца Генриха Мореплавателя (1394-1460). Этот сын Иоанна I. Португальского - открытия португальцев. построил обсерваторию в Сагреше, на мысе Сент-Винсент, крайнем юго-западном мысу Европы, и посвятил себя научному изучению географии и поощрению открытий. Не было недостатка и в других мотивах: желании отомстить маврам, исконным врагам его страны, и жадности к золотому песку, и прибылям от работорговли, в которую принц был вовлечен первым. В ходе одной экспедиции в Португалию было доставлено не менее двухсот шестнадцати негритянских рабов, из которых пятая часть была выделена Генриху в качестве его доли; "о чем, - говорит хронист, - он испытал великую радость из-за их спасения, которые в противном случае были бы обречены на гибель". Под его влиянием португальцы основали колонии в Порто-Санту и Мадейре, открыли Азорские острова и острова Зеленого Мыса и начали расползаться по западному побережью Африки. В 1442 году принц Генрих получил от папы римского Мартина V. пожалование всех королевств и владений от мыса Бохадор до Индии. Надежды достичь Индии подстегивали его. В 1479 году Фердинанд

Испанский, все еще занятый у себя дома маврами Гранады, согласился не вмешиваться в исключительное право португальцев на торговлю и открытия на западном побережье Африки, претендуя при этом на Канарские острова. Соглашение было подтверждено буллой Александра VI, которая передала Португалии все вновь обретенные земли к востоку от линии в сто миль, впоследствии, в 1494 году, расширенной по договору до трехсот семидесяти лиг к западу от островов Зеленого Мыса.

За восемь лет до этой буллы Бартоломео Диас обогнул мыс, которому он дал название Бурный, но который его более оптимистичный государь Иоанн II. Португалии, называемый мысом Доброй Надежды. В 1498 году Васко да Гама, снова обогнув мыс, пересек Восточный океан и ступил на Малабарское побережье в Каликуте. Вскоре после этого Эммануил, король Португалии (1495-1521), принял титул 'Повелителя мореплавания, завоеваний и торговли Эфиопии, Персии, Аравии и Индии' и отправил Алмейду в Индию с титулом вице-короля, хотя он еще не владел там ни пядью территории. Португальцы теперь неуклонно продвигались вверх по западному побережью Индии, победили князей, которые противостояли им, и начали монополизировать торговлю. В 1505 году в Антверпене появились первые португальские корабли, предлагавшие восточные товары по более низкой цене, чем их можно было приобрести в Брюгге, на рынке товаров, поступавших по суше из Венеции. Это продвижение серьезно угрожало венецианской торговле через Египет, находившейся в то время в основном в руках арабских и мавританских купцов. Соответственно, в 1509 году султан Каира в ответ на призыв некоторых мелких князьков Малабарского побережья отправил из Суэца экспедицию против португальцев, которой венецианцы, сознавая, что затронуты их интересы, оказали содействие. Но в феврале 1509 года, за три месяца до битвы при Аньяделло, экспедиция потерпела поражение от Алмейды в гавани Диу. Его преемник Альбукерке установил центр португальского владычества в Гоа и занял Ормуз, разгромив египетский флот португальцами при Диу. Февраль 1509 г. важный порт на Персидском заливе. Отныне наступление португальцев было беспрепятственным. К концу шестнадцатого века они не только контролировали торговлю у берегов Африки, Аравии и западного побережья Индии, но и обосновались на Цейлоне и в Бенгалии, наладили торговлю с Китаем и Японией и, прежде всего, оккупировали настоящие "Острова пряностей", которые группируются вокруг Борнео и Целебеса (1546).

Таким образом, той же весной венецианская военная мощь пала в битве при Аньяделло и прекратилась их торговля с Востоком. Караваны больше не приходили в Каир. Восточные товары отправлялись вокруг Кейпа. Средневековые торговые пути претерпели революцию, и транспортная торговля перешла от венецианцев к португальцам, вскоре за ними последовали голландцы и англичане, в то время как Антверпен занял место Брюгге в качестве "перевалочного пункта" на Севере. Наконец, завоевание Египта Селимом I. (1516) уничтожило то, что осталось от египетской торговли. Эта потеря торговли помешала Венеции оправиться от финансового кризиса и стала главной причиной ее упадка.

Влияние на внутреннюю политику города также было фатальным. Дворянство, которое до сих пор обогащалось за счет торговли, либо занялось банковским делом, которое не могло существовать без доходов от коммерции, либо вложило свои сбережения в землю и превратилось в праздный класс. Бедность росла, а венецианская аристократия была ослаблена внутренними распрями. Богатые монополизировали управление, в то время как менее удачливые, имевшие большинство в Великом Совете, постоянно пытались свергнуть их власть путем агитации или интриг и заговоров, часто с участием иностранцев. Таким образом, Венеция, которая долгое время вызывала восхищение Европы стабильностью своего правительства, честью и патриотизмом своей знати, стала жертвой эгоизма,

коррупции и заговоров. Именно этим объясняется растущая мощь 'Десятки'. Этот исполнительный комитет, нарост первоначальной конституции, впервые организованный для временных целей в 1310 году, все больше и больше приобретал характер комитета общественной безопасности, а с тремя инквизиторами, созданными в 1539 году для более эффективной борьбы с государственной изменой, придавал правительству характер таинственности, подозрительности и жестокости, доселе неизвестный. Этот упадок сопровождался потерей морального тонуса. По мере уменьшения богатства государства росла расточительность, как общественная, так и частная. Никогда еще публичные зрелища не были такими великолепными, а частная роскошь - такой необузданной. В более насущных вопросах морали, хотя Венеция никогда не придерживалась высоких стандартов, даже для Италии, теперь она опустилась еще ниже, и частные преступления остались почти безнаказанными. Было бы абсурдно полностью приписывать эту деградацию потере ее престижа и власти, но в том, что это усилило ее таким образом, никто не может сомневаться. И все же Венеция все же выжила. Защищенная своим неприступным положением и обслуживаемая умными дипломатами, которые были при каждом дворе и тщательно вели страну по лабиринтам европейских интриг, она оставалась Королевой лагун, если уже не Средиземноморья, "Самым почитаемым городом мира" за свои здания, голубые лагуны и лазурное небо.

В области искусства ей еще было что дать миру. Шестнадцатый век - это эпоха Тициана (1477-1576), Тинторете (1512-1594) и Паоло Веронезе (1532-1588), в работах которых живопись достигла апогея техники, сложных и гармоничных группировок и великолепного, хотя и несколько чувственного колорита; в то время как Альдинской печати мы обязаны некоторыми из самых ранних триумфов полиграфического искусства.

В своей борьбе с папством в последние десятилетия шестнадцатого и начале семнадцатого веков Венеция еще раз, как и в минувшие дни, показала миру, что, хотя она приняла свою религию от Рима, она была достаточно решительной и могущественной, чтобы сохранить свою независимость в вопросах церковного управления.

Наконец, в своих долгих сражениях с турками, особенно в войнах за Кипр (1570-1571) и Кандию (1645-1669), она проявила героизм, который напомнил о величии ее прошлого и который, если бы не отвратительный эгоизм Европы, мог бы остановить продвижение этой Державы, которая могла завоевывать, но не знала, как управлять или осваивать ресурсы подвластных земель.

2 Cf. Appendix i.

3 - Если он знает, что эти пять латинских слов, *c qui nescit dissimulare nescit regnare*, этого хватит, Луи XI. сказал о своем сыне.

4 См. Приложение iii.

5 Об этом см. стр. 57.

6 См. Приложение ii.

7 Ср. Макиавелли, *Дискорси*, книга i, с. 12.

8 Ср. "О презрении мира" Савонаролы, приведенное в "Виллари", "Жизнь Савонаролы", том ii. Приложение. и его проповеди, *passim*.

9 По вопросу об истинном изложении интервью см. Крейтон, *Палство*, Приложение vii.

10 Савонарола, однако, не был врагом литературы и искусства. Ср. Виллари ii. 133.

11 'тайль' был налогом, взимаемым с земли и доходов. Впервые оно было введено Сословиями Орлеана в 1439 году. Дворяне, духовенство, чиновники суверенных судов и другие королевские чиновники были освобождены от него. Таким образом, оно распространялось исключительно на низшие классы. См. [Приложение i.](#), стр. 456.

12 Трое других сыновей Галеаццо Сфорца, один законный, двое других незаконнорожденных, также были взяты в плен и умерли в неволе.

13 О судьбе других детей Федериги см. Сисмонди, *Hist. des Rep. Italiennes*, ix. 295.

14

Фердинанд Арагонский †1516	=	Изабелла Кастильская †1504
----------------------------------	---	----------------------------------

Джон	=	Маргарет	Джонна	=	эрцгерцог Филипп	Мария	=	Эмануэль	Екатерина
†1497		г.ум.	Максимилана		†1555	сестра	Максимилиана	Португальско	(1) обрученный

Карл V.

15 Расположение этих районов смотрите на [карте Италии](#).

16 Cf. especially, Le Combat singulier entre Bayard et Don Alonzo, and Le Combat des treize contre treize, *La tresjoyeuse Histoire des gestes du bon Chevalier*, с. xxii.–xxiii. Изд. Петито, том 15.

17 Его сын Иоанн д'Альбре, король Наварры по праву своей жены, вступил в союз с Фердинандом, опасаясь притязаний на Наварру младшей ветви, которую тогда представлял Гастон де Фуа, племянник Людовика XII.

18 Наиболее важными из этих мелких государств во времена Александра были

Герцогство Феррара	в руках	Эрколе, маркиза Эсте.
Bologna,	”	Giovanni Bentivoglio.
Имола и Форли,	”	Катерина Сфорца, племянница Людовико Моро и вдова Джироламо Риарио, племянника Сикста IV.
Римини,	”	Пандольфо Малатеста.
Faenza,	”	Astorre Manfredi.
Пезаро,	”	Джованни Сфорца, дальний родственник Людовико и первый муж Лукреции Борджиа.
Camerino,	”	Giulio Cæsare Varano.
Герцогство Урбино,	”	Гидобальдо ди Монтефельтро.
Синигалья,	”	Франческо Мария делла Ровере, мальчик.

Некоторые из них, такие как Анкона, все еще были республиками, но слабыми и малоизвестными.

19 Лучший рассказ о Лукреции Борджиа можно найти в "Сезаре Борджиа" Грегоровиуса, произведении, которое было переведено на французский.

20 For a review of Cæsar’s character, and of Machiavelli’s treatment of him, cf. Creighton, vol. iv. 64; Burd, *Machiavelli*, introduction, pp. 22, 28; Villari, *Machiavelli*, ii. 154; Symonds’ *Age of the Despots*, стр. 275.

21

	Фе	=	Изабелла Кастильская			
	рд					
	ин					
	ан					
	д					
	Ар					
	аго					
	нск					
	ий					
Иоанн	Эм	=	Изабелл	Джоанна	=	эрцгерц
	ма		а			ог
	нуэ					Филипп
	ль					
	По					
	рту					
	гал					
	ьск					
	ий					
†1497			†1498			
	Майкл					
	†1500					

22 К вопросу о безумии Джоанны, см. авторитетные источники на [странице 104](#), [примечание](#).

23 Лидерами Медичи в то время были следующие:—

1. Джулиано, герцог Немурский, и кардинал Джованни, впоследствии Лев X., оба сыновья Лоренцо.
2. Джулио, племянник Лоренцо, впоследствии кардинал, а затем папа Климент VII.
3. Лоренцо, герцог Урбино, сын Пьеро, внук Лоренцо.

24 О замысле князя см. Бурд, *Принципи*, Введение. *Кембриджская современная история*, с. 6.

25 Кьявенна, Бормио и Вальтеллине удерживались до 1797 года. Остальные с 1803 года образовали швейцарский кантон Тичино.

26 года Браманте начал строительство собора Святого Петра при Юлии II, Микеланджело пристроил купол при Льве X.

ГЛАВА II

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ, ИСПАНИИ И ГЕРМАНИИ, 1494-1519

Администрация кардинала д'Амбуаза—Союз корон Кастилии и Арагона—Политика Фердинанда и Изабеллы—Хименес—Испанские завоевания в Африке—Открытие Америки—Характер Изабеллы и Фердинанда—Результаты их политики—Максимилиан и империя—Вормсский сейм—Попытки реформ—Оппозиция Максимилиану—Аугсбургский сейм—Гельнхаузенский договор—Наследование Ландсхута—Результаты попыток реформ—Швейцарская конфедерация—Война с Максимилианом—Базельский мир—Политика и характер Максимилиана.

§ 1. Франция.

Наиболее важные события во внутренней истории Франции периода правления Карла VIII. и Людовика XII. уже упоминались. Внутреннее состояние Франции. Нация, вовлеченная в войну за границы, наслаждалась миром дома. Дворяне, уменьшившиеся в численности, находили в итальянских войнах удовлетворение своим амбициям и не беспокоили страну своими междоусобицами. Под управлением кардинала Жоржа д'Амбуаза, министра Людовика XII (1498-1510), страна процветала. Население быстро увеличивалось, росли города. Нам говорят, что треть земель была снова возвращена для возделывания. Одним словом, Франция, наконец-то избежавшая губительных английских войн, продемонстрировала свою удивительную способность к восстановлению. Не отставала она и в искусстве. В правление Людовика XII домашняя архитектура в стиле раннего Возрождения достигла, пожалуй, высшей точки своего совершенства, прежде чем стала чрезмерно утонченной и перегруженной орнаментом: посмотрите на восточный фасад замка Блуа и часть замка Амбуаз; в то время как художники по стеклу Франции были настолько известны, что Юлий II. послал за художниками, Клодом и Уильямом де Марсель, чтобы они помогли украсить витрины Ватикана.

Людовик заслужил титул Отца своего народа, а популярность кардинала иллюстрируется пословицей 'Предоставьте все Жоржу'. Действительно, ничего не было сделано для укрепления конституционных свобод страны. Генеральные штаты не добились расширения своих привилегий. Хотя Людовик запретил продажу судебных должностей, он действительно расширил порочную систему, открыто применив ее к финансовым учреждениям. И все же, если правительство было деспотичным, оно, по крайней мере, было добрым; и если налоги были высокими, бедняки не подвергались угнетению. Действительно, если мы ограничим наш взгляд внутренней политикой, то, возможно, не ошибемся, утверждая, что популярность была заслуженной. Если бы Людовик только воздержался от итальянских войн, его правление могло бы стать поворотным моментом в истории его страны, и через несколько лет она могла бы стать самой богатой и могущественной страной в Европе.

Но если внутренняя история Франции в рассматриваемый нами период не богата событиями, то совсем иначе обстоит дело с Испанией и Германией.

§ 2. Испания.

Благодаря вступлению Изабеллы на престол Кастилии в 1474 году и ее мужа, Фердинанда Католика, на престол Арагона в 1479 году эти две страны не только избежали длительного периода внутренней анархии, но и объединили короны Кастилии и Арагона. Но соперничеству, существовавшему до сих пор между Кастилией и Арагоном, был положен конец, и, хотя автономия двух правительств была сохранена, политика, которой они руководствовались, была единой. В своей решимости усилить власть короны внутри страны и престиж своей нации за рубежом Изабелла и Фердинанд были единодушны. Самые поразительные события их правления либо произошли до начала нашего периода, либо уже упоминались. В 1492 году Гранада была отвоевана у мавров; и изгнание евреев, учреждение инквизиции и даже открытие Египетской Колумбом также произошли до итальянских войн.

В это время политика Фердинанда и Изабеллы была в основном направлена на формирование великого европейского союза, основанного на узах брака, Политика Фердинанда и Изабеллы. Брачные союзы. посредством которых они могли бы сразу же укрепиться против грозной мощи Франции и внести свой вклад в дальнейшую консолидацию Испанского полуострова. С этой целью их старшая дочь Изабелла была выдана замуж за Алонсо, принца Португалии, а после его смерти - за его родственника Эмануэля, который взошел на португальский престол в 1495 году. К этому периоду также относится помолвка Екатерины, их младшей дочери, с Артуром, принцем Уэльским (1496), союз, который привел Англию к тесным отношениям с Испанией впервые со времен Джона Гонта. Более важным был договор о двойном браке с Домом Габсбургов. Было решено, что Иоанн, наследник испанского королевства, должен жениться на Маргарите, дочери императора Максимилиана, и что эрцгерцог Филипп, сын и наследник Максимилиана, должен жениться на Джоанне, второй дочери испанских монархов. Однако надежды, возлагавшиеся на эти браки Фердинандом и Изабеллой, не оправдались. После смерти их единственного сына Джона в 1497 году и дона Мигеля, единственного сына Изабеллы Португальской, в 1500 году все надежды на объединение Португалии с Испанией были разрушены; и Джоанна, жена принца Габсбургов и мать Карла V. Стала наследницей Кастилии и Арагона. Таким образом, союз, который первоначально был заключен для защиты баланса сил против Франции, в конечном итоге должен был разрушить этот баланс в интересах Дома Габсбургов.

В своей внутренней политике Фердинанд и Изабелла последовательно придерживались принципов, принятых с начала их правления. Их внутренняя политика. Пожалуй, ни в одной стране Европы привилегии не были столь сильны, корона столь бедна, а королевские prerogatives столь ограничены, как в Кастилии в пятнадцатом веке.²⁷ Прямое посягательство на эти древние привилегии было бы опасным среди столь гордого народа. Таким образом, монархи оставили нетронутыми внешние формы конституции и косвенно преследовали свою цель, сосредоточив аппарат управления в королевских руках и укрепив личную власть короны. Они воспользовались нежеланием знати посещать кортесы; они не стали созывать их на это или даже созывать на свои советы и лишили наследственных государственных чиновников многих из их полномочий.

Одним из наиболее эффективных инструментов сдерживания знати был 'Эрмандад'. Эта ассоциация, первоначально организованная главными городами Кастилии для одновременной защиты от короны и аристократии, в 1476 году была реорганизована под

королевским контролем. В каждом крупном городе был учрежден суд для рассмотрения дел о разбоях на большой дороге и других актах насилия. Апелляции из этих городских судов подавались в верховный суд всего королевства. Суды имели на службе силы конной полиции, которые содержались за счет контрибуции, взимаемой с домовладельцев. Регулирование дел было передано в руки провинциальных ассамблей, действующих под руководством высшей "хунты", которая принимала законы, касающиеся правосудия, и часто посягала на привилегии самих кортесов. Работа этой реорганизованной 'Эрмандады' была настолько эффективной, что в 1495 году ее полномочия были значительно урезаны. Только несколько подчиненных должностных лиц были оставлены для отправления правосудия, и они были переданы под апелляционную юрисдикцию судов общей юрисдикции.

В этот период также настойчиво проводилось возобновление предоставления королевских земель знати, в то время как политика присоединения могущественных военных орденов к короне, впервые начатая в 1487 году при правлении Калатравы, была завершена. В 1494 году мастерство Алькантары, а в 1499 году - святого Яго из Компостеллы, принял на себя Фердинанд. Только во времена правления Карла V. была издана Булла Адриана VI. в конце концов эта мера получила санкцию папы, но Фердинанд и Изабелла пожали практические плоды этой политики. Таким образом, не только существенно возрос королевский престиж, но и корона получила полный контроль над богатыми и могущественными организациями, которые долгое время представляли угрозу ее авторитету, подобно госпитальерам и рыцарям-тамплиерам в других европейских королевствах в средние века.

В королевстве Арагон возможности короны были не столь велики. Кортесы обладали более широкими полномочиями, дворяне посещали их более регулярно, и не существовало военных орденов, чьи должности могли быть аннексированы. Прежде всего, особая привилегия "Юстиции" служила серьезным препятствием для королевских посягательств. Этот выдающийся чиновник, избранный кортесами, претендовал на право рассматривать все апелляции, выяснять законность любого ареста, консультировать короля по конституционным вопросам и делить с ним исполнительную власть. Однако даже здесь Фердинанд максимально отстранял свою знать от политической власти, правил с помощью простолудинов, на верность которых можно было с большей уверенностью положиться, и ввел кастильский эрмандад.

Католические монархи также обратили свое серьезное внимание на церковную реформу. Отношения между церковью и государством в Испании всегда были тесными. Длительные крестовые походы против мавров обеспечили короне особое положение, которым она воспользовалась. Целью Фердинанда и Изабеллы было еще больше подчинить Церковь королевской воле и использовать ее как двигатель для искоренения ереси и усиления королевской власти. Получив в 1482 году от папы Сикста IV. право исключительного выдвижения на высшие церковные должности, монархи прекрасно использовали свою прерогативу. Престолы Испании были заполнены людьми энергичными и преданными делу, и работа по реформированию началась. Кардинал Мендоса, Талавера (первый духовник королевы) и, прежде всего, знаменитый францисканский монах Франсиско Хименес де Сиснерос были главными проводниками королевской политики.

Хименес впервые был назначен духовником королевы в 1492 году по наущению кардинала Мендосы, архиепископа Толедского, и после смерти своего покровителя (1492), администрации Хименеса. был назначен его преемником на этом, самом богатом престоле Европы, а также на пост верховного канцлера. Само возвышение этого замечательного

человека стало ударом по привилегированным классам, поскольку до сих пор престол Толедо принадлежал исключительно людям благородного происхождения. Это назначение шло даже вразрез с желанием Фердинанда, который надеялся обеспечить желанную должность своему внебрачному сыну, архиепископу Сарагосы. Доверие королевы не было напрасным. Гордые кастильские дворяне научились трепетать перед непреклонной честностью этого францисканского монаха, которого ни страхи, ни уговоры, ни взятки не могли отвратить от его цели. Энергия Хименеса также не ограничивалась светскими делами. Назначенный провинциалом францисканцев в 1494 году, он ревностно настаивал на реформе своего Ордена, который в последнее время отошел от своей примитивной суровости, владел большими поместьями и жил в роскоши и праздности. Теперь он расширил свои взгляды и нацелился на общую реформу не только францисканцев, но и монашеских орденов и светского духовенства в своей провинции. Несмотря на сильное противодействие не только со стороны генерала францисканцев, который напрасно посетил Кастилию, но и со стороны самого папы Римского, усилия Хименеса увенчались успехом. Кастильский писатель следующего столетия утверждает, что духовенство, монахи и монахини Кастилии, некогда самой распущенной в Европе, могли тогда наиболее выгодно отличаться от духовенства других стран. Энергия архиепископа также была направлена на развитие богословия и науки. Он настаивал на соблюдении папской буллы 1474 года, согласно которой в каждой главе должны были быть отведены места для литераторов, канонистов и богословов. Он реформировал старые университеты, основал и щедро одарил Университет Алкалы, основал другие школы и добился публикации знаменитой полиглотской Библии. Это было издание Священных Писаний на древних языках: Ветхий Завет в еврейском оригинале, версия септуагинты и халдейский пересказ с их латинскими переводами; Новый Завет в греческом оригинале и Вульгата Иеронима. Под его влиянием в Испании возникла школа католических гуманистов, свободных от налета ереси, и главным образом благодаря усилиям кардинала и его королевских покровителей протестантизм не получил распространения в стране и Испания стала центром будущей католической реакции.

К сожалению, рвение Хименеса не ограничивалось этими превосходными объектами. Он также горел желанием искоренить ересь. По условиям капитуляции Гранады в 1492 году маврам были обещаны значительные привилегии. Им была гарантирована свобода вероисповедания и образования, а также личная свобода. Они должны были жить по магометанским законам, управляться своими собственными судьями и предстать перед смешанными трибуналами. Довольные своим положением, мавры успокоились, и многие были обращены в христианство благодаря энергичной, но примирительной политике Талаверы, архиепископа Гранады. Но его меры оказались недостаточно строгими для вспыльчивого Хименеса. Обещания были нарушены. Арабские копии Корана и других теологических трактатов были собраны и преданы огню, и был призван террор для дальнейшего распространения прозелитизма. В 1500-1501 годах последовала серия восстаний, которые серьезно подорвали военную энергию Кастилии и обострили отношения двух национальностей. Наконец, в 1502 году, после подавления восстания, был издан указ, предлагавший несчастным маврам альтернативу крещения или изгнания. Тем временем инквизиция нападала на евреев и любого испанца, заподозренного в еретических взглядах.

Магометанство, таким образом, номинально изгнанное с полуострова, было естественным, что испанцы обратили свои взоры за узкий пролив, отделявший их от Африки. Завоевания в Африке. Опустошительные набеги мавританских пиратов на испанские побережья, стремление к национальному возвышению, зависть к заметным достижениям португальцев на восточных берегах Африки, дух крестоносцев, порожденный их прошлой историей, - все

эти мотивы побудили испанцев расширить свои владения на севере великого черного континента. И мы не можем удивиться, обнаружив, что Хименес, каким бы истинным кастильцем он ни был, горячо выступал за такую политику. По его наущению Мазаркивер, гнездо пиратов на Берберийском побережье, был взят в сентябре 1505 года. В 1509 году последовало гораздо более важное взятие Орана, в то время как в следующем году Алжир и Триполи покорились испанскому оружию.

Но хотя эти африканские подвиги заполняют страницы испанских хронистов, экспедициям Колумба и его последователей, получившим гораздо меньшую поддержку из королевской казны и привлечшим гораздо меньше внимания, было суждено сыграть гораздо большую роль в будущем Испании и Европы.

То, что открытие Америки так долго откладывалось, нас не удивит, если мы вспомним следующие факты. Карфагеняне, которые сделали что-то для исследования островов у берегов Африки, открытия Америки. Почему так долго откладывали. были свергнуты в своей борьбе с Римом. Римляне не были народом мореплавателей; Европа была достаточно велика, чтобы монополизировать их энергию, а в остальном их взор вполне естественно обращался к Африке или Востоку, которые были неразрывно связаны с их традициями. После падения Римской империи прошло много времени, прежде чем ее тевтонские завоеватели стали достаточно сильными или консолидированными, чтобы подумать об иностранном предприятии. Когда это время пришло, было вполне естественно, что они тоже посмотрели на восток. Восток был родиной их религии, а Палестина находилась в руках сарацин, а затем турок; Восток был легендарной сокровищницей богатства и роскоши. Поэтому авантюрист, торговец и пилигрим повернули на Восток и нашли в Средиземном море свой естественный путь.

Помимо всего этого, как покажет беглый взгляд на физический атлас, ветры и течения той части Атлантики, которая лежит на широте центральной Европы, неблагоприятны для западной предприимчивости. Там в течение всего года преобладают западные ветры, причем большей силы, чем те, которые время от времени дуют с севера и востока. Более того, великое океанское течение, известное как Гольфстрим, непрерывно движется на восток. К северу и югу от этих широт условия разные. На севере великое арктическое течение течет на юг от пролива Дэвиса к Гренландии, а оттуда к побережью Северной Америки. На юге экваториальное течение проходит от берегов Африки до Бразилии; в то время как непосредственно к северу от Экватора пассаты непрерывно дуют на юго-запад, а к югу от Экватора - на северо-запад. Следовательно, можно было предсказать, что Америка не будет открыта до тех пор, пока северные или южные широты не будут заняты какой-нибудь мореплавательной нацией, обладающей достаточными ресурсами и достаточными знаниями в области навигации, чтобы смело противостоять неизвестным опасностям океана.

Действительно, в десятом веке скандинавы открыли Лабрадор, Ньюфаундленд и даже материковую часть Северной Америки, которую они называли 'Вайнландией'. Но их было недостаточно, Европа предоставляла множество возможностей для их набегов и заселения, и воспоминания о Вайнленде остались только в их сагах. В южных широтах до конца четырнадцатого века возможностей для такого предприятия было мало. Однако затем, как показано на [стр. 85](#), генуэзцы, а впоследствии и португальцы начали продвигаться вдоль африканского побережья. Основной целью португальцев в их экспедициях были поиски океанического пути в Индию и на восток, который с момента появления замечательного труда Марко Поло в конце XIII века приобрел новое значение как земной рай, полный золота и прясностей.

Тогда считалось, что африканский материк не простирается южнее Экватора. Но по мере того, как континент продолжал расширяться перед исследователями во всю свою бесконечную протяженность, эти идеи угасли, и идея достичь Индии через Атлантику, оставленная португальцами, была подхвачена Колумбом. и лелеялись надежды найти Азию через Атлантику. Ибо вера в то, что Атлантика омывает восточные берега Азии, набирала силу в средневековой Европе. Эта идея, о которой догадывались некоторые древние, впервые была определенно возрождена Роджером Бэконом, францисканским схоластом из Оксфорда, в XIII веке. От него его перенял Петер д'Айи, ректор Парижского университета, в своем трактате *"О воображении мира"*, написанном в начале пятнадцатого века. Это, по-видимому, получило подтверждение в предании об островах, лежащих далеко в Атлантике, и в древесине, принесенной Гольфстримом к берегам Европы, и было определенно подтверждено Паоло Тосканелли, флорентийским астрономом, в письме монаху из Лиссабона, датированном 25 июня 1474 года. Однако к тому времени португальцы заметно продвинулись к западным берегам Африки, и, наконец, открытие мыса Доброй Надежды Бартоломью Диасом в 1486 году заставило их сосредоточить свои усилия на восточном маршруте.

Идея, от которой таким образом отказались португальцы, теперь должна была быть подхвачена Христофором Колумбом. Чтобы оценить точное место этого замечательного гражданина Генуи в истории открытий, мы должны помнить, что у него и в мыслях не было открывать новый континент. Найти более короткий путь в Индию было его единственной целью. Его взгляды в этом отношении соответствовали его возрасту. Его знания основывались на вышеупомянутых авторитетных источниках, и он отличается от своих современников только своей решимостью плыть строго на запад, пока не достигнет Азиатского континента. Колумб обращается к различным судам и, наконец, заручается поддержкой Испании. С этим намерением, снабдив трактат Д'Айи копией письма Тосканелли и картой, предоставленной ему автором, он сначала обратился в лиссабонский суд, где уже поселился со своим братом Бартоломью. Но Иоанн II. представитель Португалии, намеревавшийся совершить кругосветное плавание вокруг Африки, отклонил его предложение, и, если можно верить некоторым сообщениям,²⁸ его попытки получить помощь от Венеции и Генуи были одинаково безуспешными. Теперь, в 1484 году, он обратился к Англии и Испании.

Его брат Бартоломью отплыл в Англию, но, к несчастью, попал к пиратам в Ла-Манше. Вернувшись в Португалию, он сопровождал Диаса в его экспедиции, которая достигла Мыса, и хотя впоследствии он обратился ко двору Генриха VII, где его хорошо приняли, было уже слишком поздно: Кристофер уже вступил в переговоры с Фердинандом и Изабеллой. Дело действительно долго откладывалось. Испанские монархи прислушались к его заманчивому плану; но финансовые трудности, связанные с продолжавшейся в то время Гранадской войной, были серьезными, а условия Колумба - высокими. Он потребовал наследственной должности королевского адмирала и вице-короля во всех землях и островах, которые он мог бы открыть, и привилегий, которыми пользовался верховный адмирал Кастилии. Десятая часть всех сокровищ — золота или чего-либо другого - также должна была достаться на его долю. Однако при завоевании Гранады контракт был наконец подписан (апрель 1492 г.), и в следующем августе Колумб покинул рейд Палоса в своем памятном путешествии с тремя караками, ста двадцатью душами и провизией на двенадцать месяцев. Он привез с собой письмо католических монархов к хану Китая и объявил о своем намерении не только открыть Испании доступ к богатствам Индии, но и возглавить новый крестовый поход против неверных. Подробности его путешествия мы должны предоставить другим, а сами ограничимся самым кратким изложением.

В своей первой экспедиции, после пятинедельного плавания к западу от Канарских островов, он высадился на одном из островов Багамской группы (Его первая экспедиция состоялась в 1492 году) и вскоре после этого достиг Крукед-Айленда и Лонг-Айленда. Поняв по знакам туземцев, что золото можно найти на юго-западе, он достиг берегов Кубы, а оттуда острова Эспаньола, или Хайти. Здесь, в ночь на сочельник, его корабль налетел на песок и затонул. Пинзон, один из его подчиненных, бросил его, надеясь заранее сообщить новость в Испании; и Колумб, оставив команду затонувшей *Санта-Марии* в Хайти, вернулся в Испанию на *Нине*, своем единственном уцелевшем корабле.

В своем втором путешествии, в 1493 году, он открыл Ямайку и некоторые из группы Антильских островов. В своем третьем путешествии он, наконец, коснулся континента и исследовал побережье Венесуэлы. Его более поздние путешествия, 1493 год. Это было в 1498 году, в том же году, когда Васко да Гама, обогнув мыс, достиг Индии восточным путем. В 1502 году Колумб высадился на побережье Гондураса. Но хотя Колумб таким образом открыл континент Америка, на самом деле его опередил в этом его соотечественник Джон Кэбот, который отправился из Бристоля на жалованье Генриха VII, достиг побережья Северной Америки, недалеко от устья реки Святого Лаврентия, в 1497 году и проследил побережье, возможно, до Кейп-Кода на юге. Следовательно, Колумб не был первым, кто коснулся континента, и, более того, до дня своей смерти верил, что Куба была частью материковой части Азии и что Эспаньола и другие острова, которые он открыл, находятся в Азиатском архипелаге.

Тем временем его губернаторство в своей колонии на Эспаньоле было настолько неудачным, что в 1498 году он был смещен по приказу своих королевских хозяев. Хотя Фердинанда и Изабеллу можно обвинить в некоторой неблагодарности по отношению к тому, кто так много сделал для дела Испании, Колумб, безусловно, показал себя неспособным правителем, и не могло быть и речи о том, чтобы они выполнили все обещания, первоначально данные ему. Он действительно был бессознательным орудием в открытии Южной Америки, но решимость, которую он проявил в своем первом путешествии, составляет его лучшее право на славу, и истинную важность его открытия должны были оценить его преемники.

В 1500 году Винсент Пинзон, один из первых спутников Колумба, плывя дальше на юг, достиг мыса Сент-Агостино, на северной оконечности будущей Бразилии, и исследовал побережье на северо-западе между этой точкой и Венесуэлой. Дальнейшие открытия. В том же году португалец Кабрал, направлявшийся к Мысу, был отброшен на запад и снова достиг Бразилии, на которую затем претендовала Португалия, поскольку она находилась в пределах линии, проведенной Тордесильяским договором ([стр. 86](#)). В следующем, 1501 году, Америго Веспуччи исследовал страну более полно. Этот флорентинец, который когда-то служил в Испании, но дезертировал на службу Португалии, теперь проследил береговую линию вплоть до Рио-де-Жанейро - точки, расположенной гораздо южнее всех ранее достигнутых, - и по странному литературному пристрастию ему было суждено дать свое имя этому Новому Свету. Однако 'Новый Свет' по-прежнему считался либо огромным азиатским мысом, либо большим островом, лежащим в Атлантике. Пять лет спустя Колумб умер в Испании, в неизвестности и почти забытый. После его смерти открытия продолжались быстрыми темпами.

В 1512 году Понсе де Леон, колонист Эспаньолы, открыл или исследовал Флориду. Вскоре после этого в Мексиканский залив снова вошли, и была продемонстрирована преемственность между Северной и Южной Америкой. В 1513 году Васко Нуньес де Бальбоа пересек Дарьенский перешеек и с вершины Кордильер любовался водами Тихого океана.

Однако вера в колумбову гипотезу была настолько сильна, что многие до сих пор считали этот великий океан всего лишь внутренним морем.²⁹

Окончательный взрыв этой идеи, вероятно, произошел из-за продвижения Португалии на Восток. В первые годы шестнадцатого века они постепенно обходили Америку, открытую Магелланом как новый Континент в 1519 году, вокруг берегов Азии. Фернан де Андраде исследовал часть Азиатского архипелага и в 1517 году достиг Кантона. В некоторых из этих португальских экспедиций принимал участие Магеллан. Именно приобретенные таким образом знания о великом море к востоку от Азии привели его к задумке своего великого подвига - поиску западного подхода через недавно открытый мир Америки к Азии. Задетый отказом Эммануила Португальского увеличить ему жалованье, он поступил на службу к молодому Карлу V. и в сентябре 1519 года отправился в свое знаменательное путешествие. После тринадцатимесячного плавания он открыл проливы, известные под его именем. Ему потребовалось еще три месяца, чтобы достичь Филиппин. 27 апреля 1521 года бесстрашный моряк, к сожалению, был убит на одном из островов Ладроне при попытке помочь новообращенному местному христианину в борьбе с его врагами, и в конечном итоге только один из его флота из пяти кораблей вернулся в Испанию (сентябрь 1522 года). Наконец земной шар был совершен кругосветное плавание; и хотя потребовалось два столетия, чтобы определить точные размеры Америки и ее отношение к Азии, по крайней мере, было доказано, что это "Новый Мир" в смысле, о котором до сих пор никто и не мечтал. Тем временем Мексика была завоевана Кортесом (1519-21), а в 1524 году Писарро начал завоевание Перу.

Примерно через двадцать дней после возвращения Колумба из его последнего путешествия великая королева Кастилии скончалась (26 ноября 1504 г.) на пятьдесят четвертом году жизни, Смерть Изабеллы - 26 ноября 1504 г. Ее характер. и тридцатый год ее правления. Ни одна королева Испании и немногие королевы в Европе никогда не пользовались такой репутацией. Она поразительным образом отражает достоинства и слабости своего времени. Обладая искренним и непритворным благочестием; приветливая, но исполненная достоинства; строгая в исполнении своего долга; одаренная редкой силой духа, великодушием и бескорыстием, а также истинным пониманием потребностей своего королевства, она была восхитительна как женщина и до мозга костей была королевой. Единственный изъян в ее во всех остальных отношениях прекрасном характере заключается в ее духе преследования. Учреждение инквизиции, изгнание евреев и последующее нарушение условий, обещанных маврам при капитуляции Гранады, - все это встретило ее полное одобрение. Но, отдавая должное Изабелле, следует помнить, что она разделяла этот дух нетерпимости с лучшими людьми того времени и что еще не пришло время, когда о терпимости думали или, возможно, это было возможно.

Ее муж Фердинанд, переживший ее на двенадцать лет, далеко не был столь утонченным или привлекательным персонажем. Коварный характер Фердинанда в эпоху, примечательную своей дипломатической неверностью. он гордился тем, что часто обманывал других, при этом сам ни разу не был обманут. Подозрительный и часто неблагодарный к тем, кто служил ему лучше всего, с холодным и расчетливым сердцем, которое редко вызывало какие-либо благородные чувства, он казался недостойным своей жены. И все же следует помнить, что государственная хитрость тогда считалась добродетелью правителя; что его современники, если и были менее успешны в своей лживости, не были более честными; и что его государственная мудрость в целом основывалась на истинном понимании потребностей его страны. Он поддерживал и по большей части был инициатором планов укрепления

королевской власти и, пока была жива Изабелла, всем сердцем стремился к объединению двух королевств.

После ее смерти временами казалось, что он колеблется в своей политике. Осенью 1505 года он женился на Жермене де Фуа в надежде родить от нее сына, который мог бы унаследовать Арагон, Его политику после смерти Изабеллы. надежды, которые, если бы осуществились, разрушили бы союз двух королевств, ради которого он до сих пор работал. Однако ревность к Дому Габсбургов была объяснением этого шага. Со смертью Изабеллы корона Кастилии перешла к Джоанне. Поскольку у нее уже начали проявляться признаки безумия,³⁰ Фердинанд заявил о своих правах на регентство. Однако это было оспорено ее мужем, эрцгерцогом, и в конце концов, в июне 1506 года Фердинанду пришлось уступить. Смерть Филиппа, последовавшая 25 сентября следующего года, действительно развеяла более непосредственные опасения Фердинанда, но передала права эрцгерцога его младшему сыну Карлу. Разочарованный в своих надеждах на наследника мужского пола от своей второй жены, король на склоне лет, как говорят, подумывал о том, чтобы оставить свои владения Фердинанду, своему младшему внуку. Старый дипломат предвидел опасность как для Испании, так и для Европы, связанную с консолидацией столь обширных владений в руках Карла. Будь его воля, он бы укрепил Италию и Испанию за Фердинандом, младшим братом Карла, и таким образом уравновесил бы мощь Австрии мощью Испании и Франции. Но победа Франциска при Мариньяно (сентябрь 1515 г.) вновь пробудила в нем опасения по поводу французского превосходства. Советы Хименеса возобладали, и после его смерти (23 января 1516 г.) все великолепное наследство в целостности и сохранности перешло к Карлу Австрийскому.³¹

Правление Фердинанда и Изабеллы стало поворотным моментом в истории Испании. Унаследовав свои соответствующие владения после долгих периодов анархии и гражданских раздоров, они восстановили порядок, важность правления Фердинанда и Изабеллы. и обуздал буйство знати. Их королевства, которые были разделены давним национальным соперничеством, объединились, чтобы никогда больше не быть расчлененными. Границы их территории были расширены в результате завоеваний Гранады и испанской Наварры и теперь охватывали весь полуостров, за исключением Португалии. К этому были добавлены завоевания в Италии и на северном побережье Африки, в то время как открытия в Новом Свете вскоре должны были дать Испании владения, над которыми никогда не заходило солнце. Пехота и артиллерия, реорганизованные Гонсалво де Кордовой и Педро Наваррой, уже стали ужасом Европы, и Испания определенно и впервые утвердила свои позиции в качестве одной из ведущих держав Европы.

Однако среди всех этих проявлений внешнего величия можно было заметить признаки надвигающейся беды. Объединение королевств было не более чем личным делом. Не было достигнуто никакого конституционного единства, и национальное соперничество имело глубокие корни. Дворянство было сохранено под контролем, но их власть не исчезла, и отсутствие какой-либо реальной конституционной свободы должно было привести к восстанию 'коммунерос' при Карле V. Прежде всего, фанатизм, который привел к учреждению инквизиции, изгнанию евреев и проскрипции мавров, вскоре уничтожил всякую свободу мнений. Жадность к драгоценным металлам, сопровождавшая открытие Нового Света, уже привела к чрезмерной вере в их ценность, а также к пренебрежению и даже запрещению торговли, что вскоре привело к разрушению коммерческого процветания страны.

§ 3. Германия.

История Германии в рассматриваемый нами период (1494-1519) почти в точности охватывает правление императора Максимилиана I. Внутренняя история Германии в период правления Максимилиана, 1493-1519. Избранный римским королем при жизни своего отца, Фридриха III, он в последнее время практически контролировал дела, а после смерти Фридриха в 1493 году тихо наследовал ему. Наше внимание на протяжении всего царствования должно быть главным образом направлено на рассмотрение тех попыток реформирования имперской конституции, которые по своему происхождению и сравнительной неудаче убедительно демонстрируют слабость Германии и фатальный конфликт интересов, который преобладал.

В то время как другие королевства северной Европы консолидировались под сильным правлением монарха, с Германией было иначе. Император Священной Римской Империи, по крайней мере теоретически, временный глава Европы, и по-прежнему пользующийся значительным авторитетом на этой почве, до сих пор был Имперской конституцией. по мере того как росла его фактическая власть в Германии, он был самым слабым монархом в Европе. Эта должность считалась слишком почетной, чтобы переходить по наследству, и, как и должность папы Римского, духовного главы Европы, была выборной.³² Избирательная привилегия была предоставлена семи выборщикам; трем архиепископам Майнца (Mayence), Трира (Treves) и Кельна (Cologne), герцогу Саксонии, маркграфу Бранденбурга, графу Рейнскому Палатину и королю Богемии. Все эти семь выборщиков, за исключением короля Богемии, который не принимал участия в законодательных делах империи, сформировали первую коллегия сейма. Ниже него располагались две другие коллегии: коллегия принцев, духовная и светская, и коллегия имперских городов, которая лишь недавно получила свое место. Сейм обсуждал имперские вопросы, принимал законы с согласия императора и издавал имперский запрет в отношении непокорных. Но соперничество между тремя колледжами, а также между сеймом и императором препятствовало эффективному законодательству, и добиться соблюдения законов или исполнения запретов было еще труднее.

Сейм ни в коем случае не был представительным собранием в реальном смысле этого слова. За исключением депутатов имперских городов, которые были немногочисленны и играли незначительную роль, члены заседали сами по себе,³³ в то время как низшая знать, имперские рыцари, были полностью исключены. Этот многочисленный и влиятельный класс претендовал на непосредственную власть над императором и отказывался платить налоги, взимаемые сеймом. Владельцы, возможно, одной, возможно, нескольких деревень, они окопались в своих крепких замках, взимали пошлины и пользовались другими правами мелкого владычества и, пользуясь старой немецкой привилегией частной войны, тревожили страну своими ссорами и набегами. Не в лучшем положении была и система имперского правосудия. Это принадлежало императорскому двору, называемому с 1486 года Императорской палатой (*Reichskammergericht*). Но его юрисдикция не нравилась, поскольку слишком сильно находилась под контролем императора. Выборщики утверждали, что они свободны от его юрисдикции, за исключением случаев обжалования отказа в правосудии, а в других штатах добиться исполнения его приговоров было невозможно.

Слабость имперской системы проявлялась также в ее военной организации. Императорская армия комплектовалась путем набора людей от каждого курфюрста, князя или города. Но призывами часто пренебрегали, а если и подчинялись, то это приводило к скоплению толпы плохо вооруженных и плохо обученных солдат, без единой организации или даже общего комиссариата. Одним словом, если не считать нескольких случаев, когда национальный дух

действительно поднимался против турок, императорская армия была посмешищем Германии и всей Европы.

В то время как имперская власть, некогда — по крайней мере теоретически - являвшаяся центром единства и контроля, превратилась в условное обозначение, никакой эффективной замены ей не нашлось. Имперская конституция оказалась настолько неспособной поддерживать порядок, что Германия в последнее время защищала себя, создавая лиги. Обычно они ограничивались одним классом или сословием. Однако в 1488 году в Швабии был создан союз различных существующих лиг. Объединенная городами, рыцарями и принцами, она организовала общую армию, имела общий кошелёк и управляла своими делами федеральным собранием, состоящим из двух коллегий. Эта знаменитая Швабская лига пользовалась благосклонностью Фридриха III; она поддерживала некоторый порядок в округе, до сих пор одном из самых беспокойных в Германии, и ее власть была гораздо более реальной, чем власть самого сейма.

Однако правление Фридриха III стало свидетелем замечательной попытки со стороны курфюрстов провести реформу империи. противостоять самому серьезному злу своей страны. Эта попытка провалилась; теперь ее предстояло возродить. Цели этой партии реформ, ныне возглавляемой Бертольдом архиепископом Майнцским, Иоанном Баденским, архиепископом Тревским, Фридрихом Мудрым Саксонским и Иоанном Цицероном Бранденбургским, вкратце сводились к следующему:

1. Установить и обеспечивать "Общественный мир" и положить конец системе частной вражды.
2. Учредить федеральный суд, свободный от абсолютного контроля императора, для разрешения споров и поддержания мира.
3. Организовать более равную систему имперского налогообложения под контролем сейма.
4. Расширить и дополнить систему "Кругов" для административных целей.
5. Наконец, создать более эффективный Центральный совет Империи, который мог бы контролировать администрацию и сдерживать самого императора.

Одним словом, избиратели стремились заменить более эффективную систему правосудия и правительство, свободное от безответственного правления императора и представляющее новое единство, основанное на федеративной организации Германии.

Таковы были реформы, которых курфюрсты потребовали от Максимилиана, когда на сейме в Вормсе в 1495 году он обратился за помощью к Империи для своей экспедиции в Италию. Вормсский сейм 1495 года. Было бы хорошо для Германии, если бы эти реформы были проведены, - это вопрос, вызывающий много споров.³⁴ Конечно, неправы те, кто приписывает призыв к реформам исключительно эгоистичному желанию нескольких избирателей к личному возвышению и независимости. И все же кто может сомневаться в том, что движение, в случае успеха, привело бы к созданию аристократической федерации, в первую очередь в интересах выборщиков и высших князей — федерации, которая была бы непопулярна среди мелких князей, рыцарей и других классов ниже их? Вопрос о том, остановила бы такая федерация тенденции к разделению и дала бы Германии новый центр единства, должен всегда оставаться под вопросом. И все же история Германии отныне склоняет к мысли, что лекарство от немецкого зла следовало искать не в этом направлении.

В любом случае, противодействие Максимилиана было достаточно естественным. Он действительно проявлял некоторую симпатию к движению "Оппозиция Максимилиану" при жизни своего отца. и был не прочь провести реформы, пока они не ослабляли его собственный авторитет. Однако теперь он более ясно увидел их истинное значение. Они не только ограничили бы его императорские прерогативы, но и серьезно помешали бы его планам по возвышению своего Дома. Ибо, хотя в высшей степени романтический ум императора не остался равнодушным к великолепию императорского титула, его политика была действительно династической, а не имперской. Империю, которую он надеялся сделать практически, если не теоретически, наследственной в своей семье. Достоинство должности должно было поддерживаться ресурсами дома Габсбургов и тем временем использоваться для продвижения интересов Габсбургов. Обезопасить Нидерланды, вернуть Венгрию и, если возможно, Богемию, подтвердить свои притязания на Италию, свергнуть угрожающую мощь Франции - таковы были его нынешние цели; в то время как время от времени мечты о всемирной империи в будущем, основанной на череде блестящих браков и на расширенном наследственном владении, проносились перед его глазами. Таким образом, может быть частично реализована анаграмма его отца ЭЙУ: "Австрия - это император вселенной".³⁵

При столь фундаментально отличающихся целях настоящая гармония между Максимилианом и курфюрстами была невозможна. Из всех планируемых реформ только те, что касались налогообложения, встретили его сердечное одобрение, поскольку, вероятно, пополнят его вечно пустую казну и позволят ему сформировать более боеспособную армию для осуществления его собственных замыслов. И все же это была единственная реформа, которая волновала избирателей меньше всего. Поэтому, осуществят ли они свои проекты, зависело от судьбы Максимилиана. Пока он нуждался в их помощи в людях и деньгах, из его слабости можно было что-то вытянуть, но когда успех улыбался ему, он становился холодным и выступал против их планов или откладывал их на потом.

Когда в марте 1495 года он заседал на Вормсском сейме, ему нужна была помощь, чтобы присоединиться к Венецианской лиге, только что созданной для предотвращения чрезмерного расширения французского влияния в Италии. В обмен на установление Общего пенни (*der gemeine Pfennig*) — то есть налога на всю собственность по всей Империи и подушного налога для лиц с небольшим достатком, — он позволил Сейму провозгласить общественный мир и сделать его вечным. Те, кто нарушал его, должны были находиться под запретом Империи.

Чтобы устранить все предлоги для частной войны, Императорская палата должна была быть реорганизована. Император должен был сохранить за собой право назначать президента, шестнадцать ассессоров должны были быть избраны сеймом. Двор не должен был подчиняться императору, но должен был иметь определенное место заседаний и содержаться за счет имперских налогов. Он должен был обладать высшей юрисдикцией во всех делах, возникающих между штатами Империи, и рассматривать апелляции по всем причинам, возникающим в их судах, за исключением случаев, когда принц пользовался *привилегией не обращаться*; и он мог объявлять запрет Империи без согласия императора. Максимилиан также согласился на ежегодное заседание Сейма и предоставил ему право присваивать доходы от Общего Пенни.

Требование о создании Регентского совета (*Reichsregiment*) для контроля над центральной администрацией он отклонил, сочтя это слишком серьезным посягательством на его прерогативы. Аугсбургский сейм. Апрель 1500 года. Однако пять лет спустя, на Аугсбургском сейме 1500 года, его трудности были настолько велики, а потребность в помощи столь

велика, что он уступил даже в этом вопросе. Его итальянские экспедиции 1495 и 1498 годов потерпели неудачу. В день заседания Сейма, 10 апреля 1500 г., Людовико Сфорца был взят в плен (ср. стр. 38), и Милан снова оказался в руках французов.

Система единого пенни потерпела неудачу из-за трудностей сбора. Поэтому сейм постановил ввести набор мужчин на шесть месяцев. Каждые четыреста жителей должны были предоставить одного солдата, князя - кавалерию; с тех, кто не служил, также взимался налог. Взамен император согласился на создание Регентского совета (*Reichsregiment*). Этот постоянный Совет Империи должен был быть сформирован из президента, одного курфюрста, одного епископа, одного принца, одного графа и шестнадцати представителей Штатов. Он должен был созывать сейм, постоянным комитетом которого он служил, назначать членов Императорской палаты, собирать налоги, поддерживать порядок внутри страны и решать вопросы мира и войны. Хотя под председательством императора или его штатгальтера ничего важного не могло быть сделано без его разрешения, и таким образом он разделял с ним исполнительную власть.

Максимилиан, однако, не собирался допускать, чтобы его власть контролировалась таким образом, и этот неудачный Собор продлился всего несколько месяцев. 1502. Оппозиция Максимилиана. С этого момента, разочарованный скудной поддержкой, которую оказали его уступки — поскольку налог, объявленный в Аугсбурге, так и не был полностью собран, — он решил полагаться на свои собственные ресурсы. 'Как король римлян, - сказал он, - он испытал только унижение. В будущем он будет действовать как австрийский принц'. Соответственно, в 1502 году он отказался от своего имперского права созывать суды справедливости (*Hofgerichte*) и учредил постоянный суд, или Аульный совет (*Hofrath*), полностью находящийся под его собственным контролем, которому он передавал вопросы, относящиеся к его собственным территориям, и дела, которые он был призван рассматривать в качестве сюзерена.³⁶ Он даже подумывал о создании собственного Совета вместо Регентского. Compact at Gelnhausen. Июнь 1502 года. Курфюрсты, со своей стороны, заключили торжественный договор в Гельнхаузене (июнь 1502 г.) об объединении как один человек против опасных нововведений императора; вели переговоры с Людовиком XII от своего имени; а в 1503 году даже говорили о низложении Максимилиана и избрании вместо него его соперника, французского короля.

В этот момент положение Максимилиана начало улучшаться. Он обнаружил, что его поддерживают многие литераторы, которым дороги воспоминания об Империи, многие принцы, имперские рыцари и другие, кто боялся власти курфюрстов, и в 1504 году вопрос о наследовании Ландсхута дал ему возможность унижить своего главного врага, 1504 год. Успех Максимилиана в вопросе о наследовании Ландсхута. Курфюрст Палатинский, Фридрих Победоносный, или Нечестивый, как называли его противники. После смерти герцога Георга Богатого Ландсхутского (декабрь 1503 г.), не имевшего прямых наследников, появились три претендента: Руперт, второй сын курфюрста Палатинского, зять и племянник Георга, заявивший свои права по завещанию своего тестя; и два герцога Баварии, Вольфганг и Альберт, которые настаивали на своих правах как его ближайшие агнаты. Максимилиан поддержал дело Баварии; призвал князей, которые завидовали курфюрсту Палатинскому; с их помощью разбил его войска в битве, в которой был убит Руперт, его сын, и вынудил Кельнский сейм в 1505 году разделить территории Ландсхута между герцогами Баварскими и им самим; в то время как сын Руперта был вынужден довольствоваться небольшим округом верхний Пфальц на севере Дуная.

Это поражение видного курфюрста значительно повысило престиж Максимилиана. Более того, смерть Иоанна Баденского, курфюрста Тревского, в 1504 году. Смерть Бертольда

Майнцского и курфюрста Тревского. а смерть Бертольда Майнцского в 1504 году серьезно ослабила партию реформ. Положение императора за границей также казалось великолепным. Мирный договор в Блуа (сентябрь 1504 г.) обещал блестящую партию его внуку Карлу (ср. [стр. 61](#)), партию, которая должна была не только передать Бретань, Бургундию и французские владения в Северной Италии Габсбургам, но, возможно, даже улучшить положение Максимилиана. Максимилиан надеялся, что это приведет к объединению корон Империи и Франции. В следующем ноябре смерть Изабеллы сделала Джоанну, его невестку, королевой Кастилии; а преклонный возраст Ладисласа, короля Богемии и Венгрии, открывал перспективы скорейшего выполнения соглашения, заключенного этим королем пятнадцать лет назад, по которому Венгрия должна была перейти к дому Габсбургов в случае его смерти без потомства мужского пола.

В то время как Максимилиан предавался диким проектам создания вселенской империи, он был не в настроении выслушивать дальнейшие требования, а курфюрсты не были в состоянии привести их в исполнение. Конец попыток реформ. Таким образом, здесь можно сказать, что попытки реформ практически прекратились. Надежды Максимилиана на самом деле не оправдались. Соответственно, в 1507 году в Констанце мы видим, как он снова требует людей и денег от лжесвидетеля Людовика XII в обмен на обещание возродить Императорскую палату, в которой не проводилось заседаний в течение трех лет. Припасы предоставлялись уже не за счет обычных Пенни или взносов приходов, а по матрикулу, или списку, по которому отдельные штаты оценивались в соответствии с их ресурсами, - система, которая подчеркивала независимость отдельных штатов. Таким образом, Максимилиан еще раз вторгся в Италию, но потерпел еще более нелепую неудачу, чем раньше (ср. [стр. 65](#)); и сеймы с 1509 по 1512 год сопровождаются взаимными обвинениями — император резко критиковал сейм за отказ в надлежащей поддержке и за попытку ослабить его прерогативы; в то время как Сейм парировал, что его союзы и войны были заключены без его согласия и что он предотвратил проведение реформ, которые были приняты.

На диетах в Треве и Кельне (1512) действительно что-то было сделано. Деление империи на шесть кругов,³⁷ до сих пор использовавшееся только для выборов в Регентский совет и ассессоров Императорской палаты, было расширено, и административная и военная работа округов была передана в их руки. 1512. Создание Кругов. Даже тогда сеймы отказались предоставить Максимилиану привилегию назначать Капитанов кругов, или назначать капитан-генерала, который должен был быть верховным, или назначать совет восьми, который должен был действовать как Тайный совет под его контролем. Короче говоря, вечный конфликт продолжался; Максимилиан, хотя и не был против реформ, которые могли бы сделать исполнительную и судебную работу Империи более эффективной, отказался допустить, чтобы его прерогативы были затронуты, и сейм санкционировал только те, которые обеспечивали им некоторый контроль. Таким образом, эта мера оказалась мертворожденной, капитаны так и не были избраны, и создание кругов было окончательно осуществлено только в 1521 году, через три года после смерти Максимилиана.

Из реформ, предпринятых таким образом во время правления Максимилиана, Общий пенни и Императорский регентский совет были вновь возрождены при Карле V. Вскоре от них отказались навсегда; Постоянные результаты попытки Реформ. и хотя Имперской палате (*Рейхскаммере*), Городскому совету (*рейхсхофрату*), кружкам, системе налогообложения и сбору матрикул было суждено, с некоторыми изменениями, просуществовать столько же, сколько самой Империи, им не удалось спасти Империю от продолжающейся слабости и кишечных расстройств. Они не только не понравились императору в том виде, в каком были приняты, но и получили вялую поддержку большинства князей и столкнулись с

противодействием имперских рыцарей; в то время как города, которые опасались увеличения налогов, поскольку они, вероятно, лягут главным образом на их граждан, жаловались, что у них нет представителей среди заседателей Императорской палаты. Провал этих реформ подтверждает мнение о том, что идея примирения имперского единства с созданием аристократической федерации была безнадежной и что практически осуществимыми были только две альтернативы: либо объединение Германии в сильное концентрированное королевство под властью наследственного монарха; либо свержение национального единства и расчленение Империи на ряд мелких государств, практически суверенных и независимых.

Состояние отдельных штатов соответствовало состоянию Империи. Более могущественные избиратели и князья, Состояние штатов Империи. те, кто желал установить сильное правительство, встречали такое же противодействие со стороны своих вассалов, своих городов и даже своих крестьян, какое они сами предлагали императору; их провинциальные сеймы были раздираемы теми же разногласиями, что и те, которые нарушали Имперский сейм. И все же здесь более уверенно, чем в Империи, утверждалась власть правителя, основанная на том принципе независимого территориализма, который в конечном итоге восторжествовал.

Имперские рыцари, враги принцев, власти которых они боялись, были главными противниками такого объединения, и император не стыдился временами опираться на этих сомнительных союзников, которые своими набегами разрушали торговлю и приветствовали волков как своих товарищей. 'Удачи вам, мои дорогие товарищи', - крикнул Имперский рыцарь стае волков, которые, как он видел, напали на стадо овец. 'Удачи нам всем и везде'. Положение крестьян при таком положении вещей было, вероятно, более плачевным, чем в любой другой стране, и приводило к частым восстаниям и заговорам, таким как 'Бундшух' (крестьянский башмак) — восстаниям, которые, однако, жестоко подавлялись. Одним словом, Германия переживала муки распада. Старые институты приходили в упадок, новые еще не были созданы, и вскоре религиозные неурядицы должны были внести еще один элемент раздора и слабости.

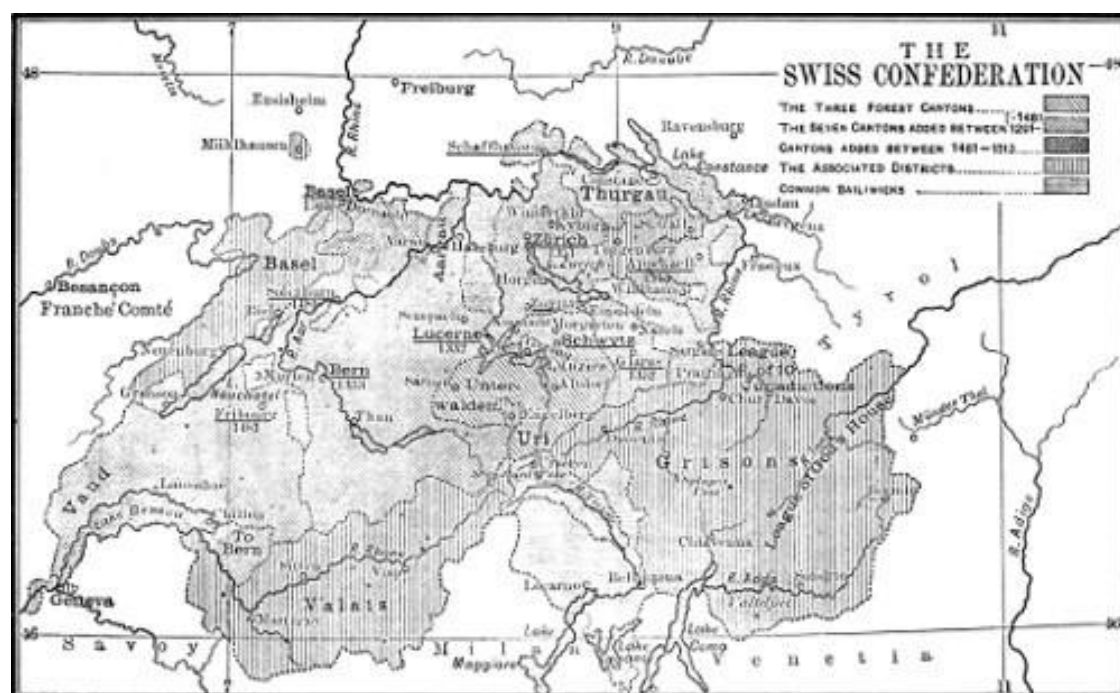
Но если Германия в конце XV века находилась в состоянии политической и социальной анархии, было бы ошибкой предполагать, что она находилась в состоянии варварства. Социальное и экономическое состояние Германии. Многие князья — нет, даже сам император Максимилиан — были покровителями искусства и литературы; в то время как города, по крайней мере, составляли исключение из царящей анархии. Они с некоторым успехом защищали себя от набегов рыцарей своими крепкими стенами, своими крепкими бюргерами и своими лигами; и, хотя и не избежали от ожесточенных столкновений между городскими властями и непривилегированными классами, которые стремились попасть в городские советы, эти гражданские волнения, как это часто бывает, не разрушили торговлю, на которой обогатились многие города и бюргеры.

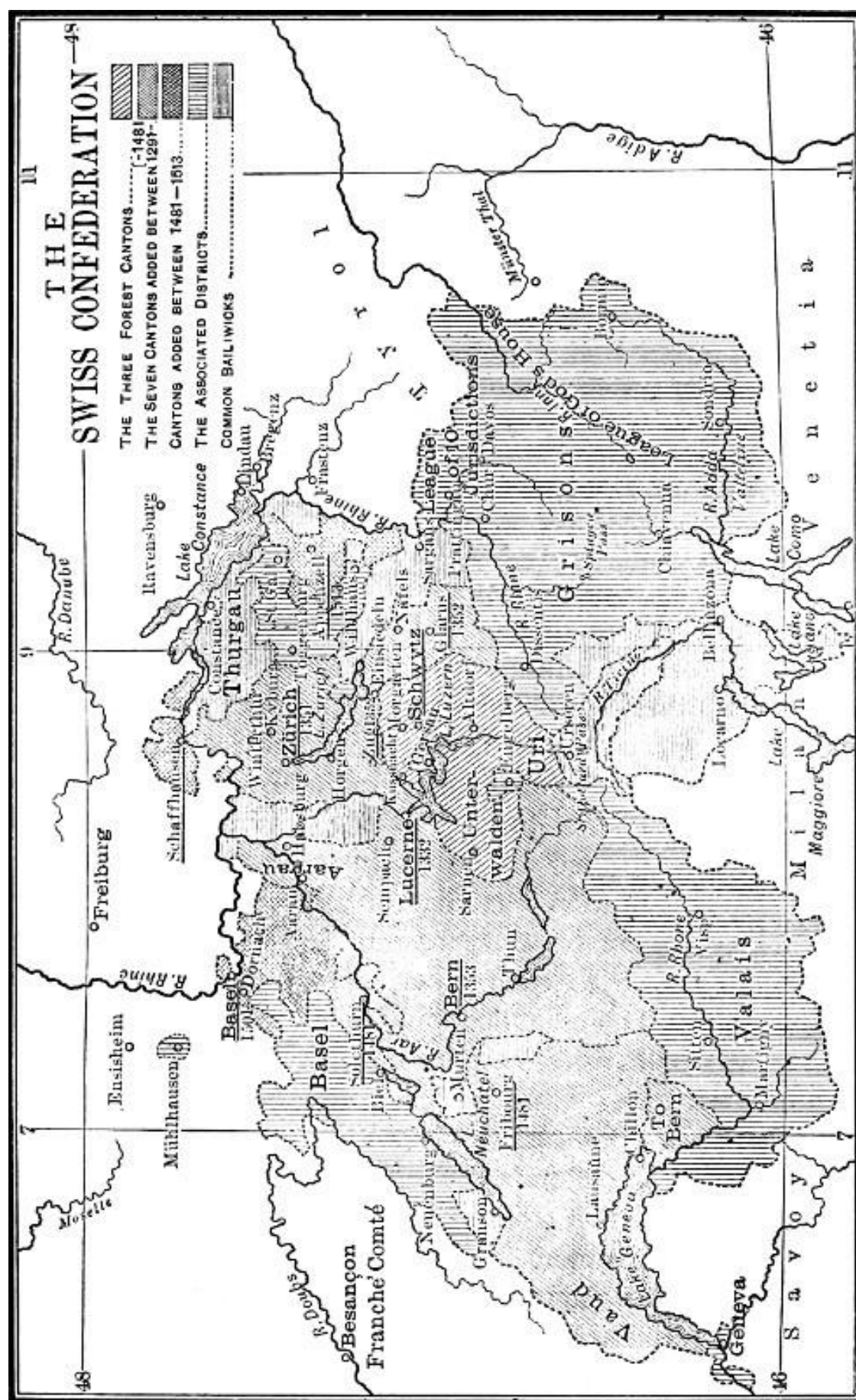
Города также были центром образования, литературы и искусства. В конце пятнадцатого века существовало шестнадцать университетов, девять из которых были недавно основаны. Отсюда вышли ученые-гуманисты Агрикола, Эразм, Рейхлин, Меланхтон и множество других, которые возродили знание древних языков и обогатили свой собственный родной язык своими перьями. В городах также процветали искусство книгопечатания, офорта, обработки металла и живописи — об этом особенно свидетельствуют имена Гольбейна, Альберта Дюрера и Питера Вишера, нюрнбергского мастера по металлу. Одним словом, Германия находилась в состоянии переходного периода, волнений, политических потрясений и в то же

время большого интеллектуального брожения, которое готовило ее к тому, чтобы возглавить Реформацию.

Правление Максимилиана также стало свидетелем фактической потери территории империей, поскольку именно тогда Швейцария практически установила свою независимость. Швейцарская конфедерация. Швейцарская конфедерация изначально была одной из многочисленных лиг, созданных в Германии для самозащиты по мере того, как Империя приходила в упадок. В 1291 году три Лесных кантона Ури, Швиц и Унтервальден, лежащие в верховьях Люцернского озера, 1291 год. Вечный договор трех Лесных кантонов. сформировали "Вечный договор", чтобы защитить себя, в частности, от могущественных графов Габсбург, которые со своим замком Габсбург в нижнем Аре владели большими владениями и пользовались значительной политической властью в этих округах и вокруг них. Борьба с домом Габсбургов. С тех пор, на протяжении примерно двухсот лет, противостояние этому агрессивному дому является ключом к истории Швейцарии. Победой при Моргартене в 1315 году и при Семпах в 1386 году, битвами при Моргартене в 1315 году и Семпах в 1386 году. они освободили себя от всех притязаний на политический контроль или юрисдикцию со стороны Габсбургов и любой другой власти, кроме императора. В 1468 году Сигизмунд Тирольский уступил им все земли, которыми он владел в Швейцарии, за исключением Фрикталя в Аргау. Их войны с Карлом Смелым. Своей знаменитой войной с Карлом Смелым, герцогом Бургундским, 1474-1477 гг. они не только создали репутацию своей грозной пехоты, но и закрепились на франкоговорящих территориях, принадлежащих Савойскому дому.

Первобытная Конфедерация трех Лесных кантонов к моменту восшествия на престол Максимилиана увеличила свою численность до десяти, что было условием существования Конфедерации при восшествии на престол Максимилиана. и правил участком страны, примерно ограниченным рекой Юра и озером Невшатель на западе, Бернскими Альпами на юге и Ретийскими Альпами, Боденским озером и Рейном на юго-востоке, востоке и севере.³⁸ Констанция была свободным имперским городом и не входила в Конфедерацию.

Конституция Конфедерации была основана на 'Вечном договоре' 1291 года, который был подтвержден и расширен последующими договорами Правительства Конфедерации. в частности, постановление пастора (*Pfaffenbrief*) от 1370 года, постановление Земпаха от 1393 года и Станцский договор 1481 года. Эти соглашения касались почти исключительно вопросов юрисдикции и полиции, а также взаимной помощи и совместных действий в отношении иностранных держав и скорее предполагали, чем определяли характер центральных учреждений, которые должны были санкционировать эти соглашения.

Сейм, состоявший из двух делегатов от каждого члена Конфедерации и по одному от каждого "Социуса", был немногим больше, чем встречей посланников, строго ограниченных их инструкциями. Меньшинство также не было связано решениями большинства, за исключением вопросов, касающихся 'Общих судебных решений'. Хотя все конфедераты были в союзе с тремя Лесными кантонами, они не обязательно были связаны друг с другом — так, Берн не заключал прямого союза с Цюрихом, а Люцерн - с Гларусом. Внутреннее устройство отдельных штатов также бесконечно различалось. Некоторые из них, такие как Лесные кантоны и Цюрих, были практически демократиями, в то время как Берном правила исключительно бюргерская аристократия. Таким образом, конституция представляла собой самую свободную 'Конфедерацию', союз между сообществами, практически суверенными, не связанными друг с другом и не одинаковыми по своей внутренней организации. Сложности, которые, несомненно, должны были возникнуть в результате этих особенностей, были еще более усугублены существованием других территорий, более или менее тесно связанных. Их было три вида:

1. 'Подвластные земли'. Некоторые из них принадлежали отдельным государствам; другие, "Свободные земли", такие как Тургау и Аргау, подвластные земли. находились в ведении нескольких или всех членов Конфедерации в качестве общих судебных приставов. Эти районы не пользовались никакими политическими правами и, как это часто бывает с зависимыми демократическими странами, управлялись крайне жестко.

2. На втором месте были "Ассоциированные районы" (*Zugewandte Orte*). Из них три действительно являются Ассоциированными Районами. аббат, город Сен-Галл и городок Бьенн (Биль) на одноименном озере были признаны "обществами" с одним голосом от каждого в сейме.

Но гораздо более многочисленный класс, "конфедераты", не пользовались привилегиями полноправного членства и все же были обязаны подчиняться приказам Конфедерации в вопросах мира и войны.³⁹

3. Наконец, появились "Защищенные районы", где связь была еще более слабой. Защищенные районы.

Вызванные таким образом чрезвычайные сложности и конфликт интересов время от времени приводили к серьезным спорам, как внутренним, так и внешним. Теперь им предстояло втянуть швейцарцев в войну с Империей.

Пока императорский титул находился в других руках, кроме ненавистных Габсбургов, швейцарцы оставались верны Империи, хотя и были практически свободны. Но в 1440 году избрание Фридриха III вновь пробудило их опасения. Причины войны с империей. Они опасались, что он воспользуется своей имперской властью, чтобы восстановить свою власть над ними. После уступки Сигизмундом Тирольским большей части семейных владений (ср.

стр. 118) последовал краткий период дружбы, который укрепился, когда "Вечным договором" 1475 года он подтвердил свое отречение и пообещал помощь против Карла Бургундского. Но поразительные успехи швейцарцев заставили императора и Сигизмунда отказаться от своего дела, и старая зависть возродилась. Конфедерация с неприязнью смотрела на образование Швабской лиги (1488) к северу от них, неприязнь, которая была усугублена открытым презрением, проявляемым немецкой знатью к этим выскочкам-швейцарцам. Претензии имперского города Констанца на юрисдикцию над округом Тургау, который был передан ему в залог Сигизмундом, вызвали дальнейшие трения. После смерти Фридриха III дела пошли еще хуже. Партия реформаторов среди выборщиков стремилась передать Швейцарию под юрисдикцию Имперской палаты и заставить Конфедерацию нести свою долю налогов, наложенных на империю Вормским сеймом (1495). Максимилиан попытался вести двойную игру. Он надеялся, что, позволив сейму выдвинуть эти требования, он сможет напугать швейцарцев, в то время как, воздержавшись от их приведения в исполнение, он сможет заручиться помощью Конфедерации против французов. В этом он допустил двойную ошибку. Избиратели, стремясь воплотить имперскую организацию в реальность, настаивали на исполнении постановлений сейма, и швейцарцы рассматривали его политику как нечестную попытку возродить притязания его дома. Они долгое время были практически, хотя и не юридически, свободны от всякой имперской юрисдикции и налогов. У них не было представителя в сейме, и их согласия никто не спрашивал. Налог в размере Простого Пенни они объявили замыслом князей обложить крестьян налогом. Короче говоря, их взгляд на этот вопрос был удивительно похож на взгляд американских колоний, когда в восемнадцатом веке Англия попыталась обложить их налогами. Швейцарцы, однако, не только сами отказались подчиниться, они даже заявили о независимости своего союзника Сен-Галля. Это, по крайней мере, не могло быть санкционировано, и в 1497 году Сен-Галль был запрещен империей. Максимилиан все еще продолжал свое двурушничество. Он откладывал исполнение запрета в тщетной надежде повлиять на швейцарцев, чтобы они заключили с ним личное соглашение и служили ему в его войнах. Между тем, другие разногласия ускорили кризис. Из нескольких лиг, выросших вокруг Лиги Швейцарской конфедерации, одними из наиболее важных были три Ретийские лиги: Лига Дома Божьего, "Готтсхаузбунд", вокруг Кура, от собора которого она получила свое название; "Грауэр Бунд", или Граубюндон, на Верхнем Рейне; и Лига десяти юрисдикций в Преттигау и долине Давоса. Наследование Максимилианом владений младшей ветви его семьи в Тироле после смерти Сигизмунда (1496), что вполне естественно, вызвало страх у этих Лиг, тем более что Максимилиан примерно в это же время получил часть Преттигау. Соответственно, в 1497 году Грауэр-бунд, а в 1498 году Лига Дома Божьего вступили в союз со швейцарцами и стали ассоциированными организациями (Confœderati). Таким образом, Швейцарская конфедерация была втянута в бесконечные споры о владениях и юрисдикции, которые существовали между этими двумя Лигами и Тиролем. Наконец, оккупация Мюнстертала — одной из долин, соединяющихся с верхней Адидже, — властями Инсбрука привела к военным действиям (1499).

Сначала войну вел Максимилиан как эрцгерцог Австрийский при поддержке Швабской лиги, и империя не принимала участия в ней до следующего года. Начало войны, 1499 год. Наилучшей политикой со стороны императора, вероятно, было бы сосредоточить свое наступление и попытаться перехитрить швейцарцев и сокрушить их в одном решающем сражении; ибо швейцарская армия, организованная в соответствии с государствами, в которых она была набрана, была лучше приспособлена для разрозненных предприятий, и ее командирам всегда не хватало стратегии. Вместо этого Максимилиан разделил свои силы и таким образом сыграл на руку своим врагам. Швейцарцы, наступающие плотной колонной или фалангами в эшелоне из трех дивизий, с четырьмя рядами пикинеров впереди,

вооруженных пиками длиной восемнадцать футов, поддерживаемых сзади алебардщиками с алебардами (комбинацией боевого топора и копья), Разгромили Швабскую лигу и Максимилиана. оказался более чем достойным соперником для немецких ландскнехтов. Французский король прислал деньги и артиллерию; даже венецианцы внесли деньги, не желая видеть усиления влияния Габсбургов в этих краях. Людовико Сфорца, герцог Миланский, единственный союзник Максимилиана, был в этот момент изгнан из Милана (2 сентября). Швабская лига потерпела поражение при Брудерхольце и при Дорнахе, недалеко от Базеля. Сам Максимилиан потерпел поражение при Фрастенце в Тироле, а затем снова в ущелье Кальвен в Мюнстертале, и 22 сентября 1499 года был вынужден примириться.

По Базельскому миру все спорные вопросы между Максимилианом и Ретианской лигами были переданы на арбитраж. Базельский мир, 1499 год. Все решения Имперской палаты против Конфедерации были аннулированы, и хотя ничего определенного не было сказано относительно ее будущих отношений с Империей, никогда больше не предпринималось попыток подчинить швейцарцев имперскому налогообложению, юрисдикции или военному сбору. Хотя номинально Конфедерация все еще оставалась членом империи, она пользовалась практической независимостью, которая была окончательно признана по Вестфальскому миру 1648 года.

В 1501 году с целью укрепления своих северных границ швейцарцы приняли Базель и Шаффхаузен в состав Конфедерации; а присоединение Аппенцелля в 1513 году увеличило число Конфедеративных штатов до тринадцати, и это число не увеличивалось до нынешнего столетия. Швейцарцы продолжали оставаться наемниками в Европе и в 1502 и 1512 годах, как мы видели, получили новые владения к югу от Альп (ср. [стр. 72](#)). По крайней мере, Максимилиан извлек урок из своих поражений. Он скопировал вооружение и в некоторой степени организацию швейцарцев и, таким образом, многое сделал для формирования той грозной пехоты, которая сослужила Карлу V хорошую службу в Италии. Однако даже в этом были свои недостатки, ибо немецкие ландскнехты, оказавшись в спросе, иногда перенимали наемнические привычки швейцарцев и поступали на службу к врагам своей страны.

Несмотря на привязанность Максимилиана к императорскому имени, о нем, как и о более раннем императоре, можно сказать, что политика Максимилиана по отношению к империи и его территориям Габсбургов. Карл IV., что он был 'отчимом' империи. Кроме того, его целью было унижить избирателей. Он лишил пфальцграфство права наследования Ландсхута (ср. [стр. 113](#)). Он обманом лишил курфюрста Саксонии его притязаний на Берг и Юлих, обеспечив престолонаследие герцогу Клевскому через брак и лишив опеки Филиппа Гессенского, объявив юного ландграфа совершеннолетним, когда ему было всего четырнадцать; и хотя он поддержал дом Бранденбургов (Гогенцоллернов), одобрив избрание Альберта, младшего члена дома, великим магистром Тевтонского ордена в Пруссии (1512), он вызвал его раздражение, подтвердив Торнский мир 1466 года, по которому молодой ландграф достиг четырнадцатилетнего возраста. рыцари были вынуждены уступить Западную Пруссию Казимиру Польскому и сохранить Восточную Пруссию в качестве феода этого короля. К этому его побудили семейные обстоятельства: Льюис, [40](#) племянник Сигизмунда, правящего короля Польши, недавно женился на внучке Максимилиана Марии, в то время как Анна, сестра Льюиса, вышла замуж за его внука Фердинанда с обещанием наследования Венгрии и Богемии, если Льюис умрет без наследников. Короче говоря, политика Максимилиана была в основном династической. Его успех как принца Габсбургов. Увеличить могущество и будущие перспективы своего дома было его главной целью — с помощью имперского положения, если это возможно; если нет, то с помощью завоеваний, политики и удачных браков. Его успех в этом проекте лучше всего проявится, если сравнить

положение, занимаемое его домом в 1485 году, с тем, которым он пользовался после его смерти в 1519 году.

В 1485 году, за год до избрания Максимилиана римским королем, Матиас Корвин не только удержал Венгрию и Богемию, которые принадлежали Габсбургам с 1437 по 1457 год, но и изгнал Фридриха III из Вены. Тироль и Эльзас находились в руках двоюродного брата Максимилиана Сигизмунда. Штирия и Каринтия были разорены турками, и сам Максимилиан, теперь, когда его жена Мария Бургундская умерла (1482 г.), был лишен управления Нидерландами и даже образования своего сына Филиппа. Совершенно иным было положение вещей в 1519 году. Была не только возвращена вся собственно Австрия, но и после смерти Сигизмунда в 1496 году император объединил в своих руках все владения Габсбургов, и опустошительные действия турок на время прекратились. Если он потерял Швейцарию и если его попытка восстановить свою власть в Италии нелепо провалилась, то это были потери скорее для Империи, чем для его дома.

Однако наибольшего успеха Максимилиан добился в своих брачных союзах. Брачные договоры с Ладисласом и его сыном Люисом, Его брачные союзы. упомянутые чуть выше (стр. 125), вскоре (1526 г.) должны были вернуть Венгрию и Богемию Габсбургам. Его жена Мария, дочь Карла Смелого, передала ему большую часть владений могущественного Бургундского дома, а Филипп, результат этого брака, женился на Иоанне Испанской. Уже в 1516 году Карл, их сын, правил в Нидерландах, Испании и Неаполе.⁴¹

Несмотря на его долгую борьбу с курфюрстами и провал его итальянских войн, Максимилиан не был непопулярен среди немцев. Его характер. Действительно, он, должно быть, был привлекательным персонажем, хотя и довольно раздражающим человеком, с которым приходилось иметь дело. Хотя его нельзя было назвать красавцем — кожа у него была бледной, а курносый нос возвышался над седой бородой, — черты его лица были мужественными, а активность и сила необычайными, что доказывают его подвиги в погоне за серной. Его интеллектуальная активность была не менее замечательной; хорошо образованный, говорящий на семи языках или диалектах; обладающий широкими интересами, живым сочувствием, рыцарским умом с богатым воображением и неиссякаемой энергией, его разносторонность завоевала ему поклонников среди всех слоев общества. Без сомнения, некоторые из этих качеств стояли на пути его успеха. Любитель вынашивать великолепные планы, многие из которых неосуществимы, сама его разносторонность и находчивость навлекли на него упрек в нерешительности и переменчивости. 'То, что он говорит ночью, не имеет значения завтра', - сказал Людовик XI. о нем. Его уверенность в себе научила его проявлять нетерпение к сильным людям; 'отвергать советы любого и все же быть обманутым всеми', - говорит Макиавелли. Его чрезмерные амбиции привели его к финансовым затруднениям, а те - к унижительным переменам, особенно в его отношениях с иностранными державами, которые называли его 'человеком с небольшим количеством пенсов' и обращались с ним как с назойливым попрошайкой, которого можно отправить на пенсию или откупиться по желанию. Но, по крайней мере, Максимилиан не обманывал себя. В своем эпосе о 'Теверданке', отважном рыцаре "славных помыслов", который отправляется на поиски своей невесты и, в конце концов, воюет с турками, он изображает самого себя и знакомит нас с самомнением и жадой приключений как с двумя великими опасностями, которые вместе с завистливыми интригами подстерегают его. Этот привлекательный, обаятельный, непрактичный, раздражающий человек мечты, нервной, хотя и плохо направленной энергии, является подходящим представителем того переходного периода, который, можно сказать, приходится на его правление.

С восшествием на престол Франциска в 1515 году и смертью Максимилиана в 1519 году мы определенно вступаем в новый период. Смерть Максимилиана в 1519 году знаменует начало нового периода. Интересным фактом является то, что Италия, родина того папства, которое вывело тевтонских варваров из состояния варварства, лелеяла их прежние времена и знакомила с бесценным наследием римского права, государственного управления и цивилизации, должна была стать сценой, на которой происходили изменения.

Именно в итальянских войнах европейские королевства впервые проявили полное осознание своей национальной идентичности. В них, несмотря на их смертельное соперничество, они узнали, что их судьбы неизбежно связаны друг с другом как членов европейского содружества наций. Отсюда система баланса сил, рождение современной дипломатии, фундамент системы международного права. Короче говоря, в этот период в Европе была создана та политическая система, которая сохранилась до сих пор. Кроме того, в итальянских войнах нации сочли необходимым держать большие армии в пешем строю, и военное искусство претерпело революцию благодаря более широкому использованию пороха.

Италия действительно ужасно пострадала. Никогда еще эгоизм наций не проявлялся так вопиюще, как в этих итальянских войнах. Полуостров стал добычей иностранцев, которым так и не удалось восстановить свою независимость до наших дней. И все же в разгар своей высшей агонии она преподнесла Европе бесценный подарок. Возрожденное знание греческого искусства и литературы, высочайшее совершенство живописи, новый стиль архитектуры, знание человека и дух критики — таково было ее последнее наследие Европе в движении Возрождения, которое было столь специфически итальянским.

Отныне главный интерес европейской истории больше не будет заключаться в Италии. Борьба за ее прекрасные равнины на самом деле не окончена. Папство по-прежнему будет требовать нашего внимания в его отношениях с Реформацией и Империей. Но Италия возвращается в подчиненное положение. Средиземноморье перестает быть торговым путем между востоком и западом. Наш взор направлен к северу от Альп, чтобы проследить за великой борьбой между домами Габсбургов и Валуа и за важными вопросами, которые были связаны с Реформацией.

27 Описание конституции Кастилии и Арагона см. *Cambridge Mod. История.*, том i. 348 и далее.

28 Эти предполагаемые визиты в Геную и Венецию весьма сомнительны.

29 По этому поводу см. Ruge, *Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen*, p. 458 ff.

30 Безумие Джоанны было опровергнуто Бергенротом, *Государственные документы*, Лондон, 1868, дополнение к тому i. II. Но ср. Gachard, *Sur Jeanne La Folle*, Brussels, 1869; Rösler, *Johanna die Wahnsinnige*, Vienna, 1870; Ranke, *Latin and Teutonic Nations*, Bk. II. глава ii., примечание.

31 Изабелла оставила Кастилию Иоанне, а после нее Карлу, и Фердинанд сделал то же самое с Арагоном. Но Хименес провозгласил Карла королем совместно с его матерью, и ее безумие сделало Карла практически единоличным королем.

33 Помимо князей, которые имели индивидуальное голосование (*Virilstimme*), было три коллективных голосования (*Curiatstimmen*) — прелатов, которые не были князьями, и прелатов швабских и веттерабских Грейвов и баронов.

³⁵ Это обычная интерпретация. Но Оттокар Лоренц, *Deutschland Geschichtsquellen im Mittelalter*, ii. 280, напоминает нам, что этого решения нет в "Дневнике императора". Ср. *Kollarii Analecta Monumentorum Vindobonensia*, ii. стр. 675.

37 Идея разделения Германии на круги возникла во времена правления Альберта II. Число четырех, учрежденных тогда, теперь увеличилось до десяти —

- Примечание. Богема не входила ни в какой круг.

38 Список кантонов в 1499 году с указанием даты их принятия в лигу:

1291.	{	Три	Три	Uri,	1335.	Цюр	1353.	Bern.
			}			их.		
		Fores		Schw	1352.	Glaru	1481.	Fribo
		t		ytz,	}	s.	}	urg.

	Cant ons	Unter wald en.	} Zug.	} Solot hurn.
1332.	Люц ерна .			

39 Список "Конфедератов" до 1497 года—

Лига Уоллиса, или Вале	Schaffhausen Аппенцель.	Ротвейль	Мюльхаузен 1497 год, Граубюндоны.
1498 год, Лига Дома Божьего.	.		

40

Казимир IV. король Польши, 1445-1492 гг.

Джон Альберт 1492-1501	Александр 1501-1506	Сигизмунд I. 1506–1548	Ладислас, король Венгрии и Богемии, 1471-1516
------------------------------	------------------------	------------------------------	--

Льюис = 1516-1526	Мэри , б-г Макс. 1516-1526	Анна, богиня Макса. = Фердинанда I.
----------------------	-------------------------------	--

41 Успех этих и других браков Габсбургов увековечен в строках:

‘Bella gerant alii, tu felix Austria nube,
Nam quæ Mars aliis, dat tibi regna Venus.’

ГЛАВА III

ОТ ИЗБРАНИЯ КАРЛА До БИТВЫ При ПАВИИ

Императорские выборы—Подготовка Карла и Франциска к войне, которая, однако, откладывается—Восстание коммунистов—Сейм Вормса—Регентский совет—Возрождение и Реформация-Эразм и Лютер—Императорский запрет—Война между Карлом и Франциском—Их союзы—Успехи императорских войск—Адриан VI. преемник Льва X.—Его ссора с Карлом—Битва при Бикокке—Виндзорский мирный договор—Лютер и Регентский совет—

Нюрнбергский сейм—Рыцарская война—Ратисбонский конгресс—Битва при Павии—Крестьянская война.

§ 1. Императорские выборы.

После смерти Максимилиана в январе 1519 года судьбы Европы оказались в руках трех молодых монархов, каждый из которых обладал ярко выраженной индивидуальностью и большими амбициями. Три кандидата на императорский трон. Из них Генрих VIII, которому сейчас шел двадцать восьмой год, был старшим. Глубокое впечатление, производимое на иностранцев его внешностью, вероятно, отчасти объясняется светлым цветом его лица, которым всегда восхищались на Континенте; но хотя после жизни он стал очень тучным, его яркий румянец, массивная голова и широко посаженные глаза, его высокое, мощное, но подвижное телосложение, должно быть, были достаточно поразительными. Если к этому добавить его мастерство в играх и рыцарских турнирах, его владение музыкой и языками, и, прежде всего, его властный характер, мы, вероятно, не сочтем оценку преувеличенной.

Франциск I был всего на три года моложе. Почти такой же высокий, как Генрих, его смуглый цвет лица, дородность и тонкие ноги особенно поражали современников. Покровитель искусства, любитель удовольствий, он был истинным сыном эпохи Возрождения в ее более мелких аспектах. Не обладая достаточной дальновидностью, благоразумием или государственной мудростью — плохой король и плохой человек — он был смел до опрометчивости, столь же амбициозен, как и его соперники, и все же был одарен определенным рыцарским духом, которого не хватало Карлу и который составлял испугительную черту его никчемного характера.

О Чарльзе в то время мало что было известно и мало чего ожидалось. Ему было всего девятнадцать, и он находился полностью под контролем своего фламандского советника Уильяма де Кроя, 'сьера де Кьевра'. Среднего роста, с сутуловатой походкой, его тонкий лоб и мощный орлиный нос были испорчены выступающей челюстью Габсбурга и мелкими гнилыми зубами. Неприятности его юности, ссоры между отцом и дедом Фердинандом, ревность, которую впоследствии проявлял к нему Фердинанд, безумие его матери сделали его замкнутым и серьезным и, возможно, разрушили энтузиазм юности. Эти качества производили впечатление глупости; однако вскоре ему предстояло показать миру, что под этой бесстрастной внешностью скрываются ясность ума, деловые способности и решительность, которые в сочетании с безразличием к чувствам должны были доказать, что он самый способный государственный деятель из трех.

Эти молодые короли были самыми важными кандидатами на императорский трон, освободившийся после смерти Максимилиана, избрание которого теперь монополизировало внимание Европы. Максимилиан растратил деньги и обещания, чтобы привлечь на свою сторону выборщиков, и наивно полагал, что заручился голосами пятерых из них за своего внука; но как только он умер, они отказались от своих обязательств и снова начали вымогать взятки. Генрих вряд ли был серьезным кандидатом; из двух других шансы Франциска поначалу казались наилучшими. Победа при Мариньяно и его стремление к военной славе сделали его наиболее вероятным лидером того Крестового похода, о котором Европа когда-либо говорила, хотя так и не предприняла; и Франциск поклялся, что в случае избрания он будет в Константинополе в течение трех лет. Лев X, хотя и не желал заявлять о себе, надеялся увидеть Франциска избранным. Владение Миланом французами делало их дружбу необходимой, если Медичи хотели быть в безопасности во Флоренции, и традиционной политикой пап было не допустить попадания Неаполя и Империи в одни руки. 'Ты знаешь,' спросил Лео, 'что от Рима до неаполитанской границы всего сорок миль?'

Курфюрсты, особенно Фридрих Мудрый Саксонский и Иоахим I Бранденбургский, были раздражены противодействием Максимилиана реформам и его общей политикой по отношению к ним (ср. [стр. 110](#) и далее). Рейнские курфюрсты, то есть три архиепископа Майнца, Трева и Кельна, а также курфюрст Палатинский, опасались мести Франциска, если они откажутся от своих голосов, а Рихард Грайфенклау, курфюрст Трева, был союзником герцога Гелдресского, заклятого врага Габсбургов.

Более того, Фрэнсис был полон решимости получить желанный титул. 'И он потратил три миллиона золотых, - сказал он, - он хотел стать императором'; и взятки, которые он предлагал избирателям, были выше, чем мог дать Карл. Перспективы Карла действительно казались настолько плохими, что некоторые убеждали его уйти в отставку в пользу своего брата Фердинанда, альтернативу, которую Карл с жаром отверг, как губительную для интересов его дома, хотя и пообещал, что в случае избрания он убедит Германию принять его брата в качестве своего преемника. Затем он проинструктировал своих агентов, поскольку сам находился в Испании, не жалеть усилий и не отказываться ни от чего, что могло бы обеспечить его избрание. Таким образом, бесчестная торговля продолжалась с избирателями, которые присутствовали на самих выборах, чтобы поклясться, что они отдали свои голоса без каких-либо обещаний, обязательств или задатков.

Чем мог бы закончиться этот вопрос, если бы его оставили на усмотрение избирателей, сказать невозможно. Но по мере приближения дня выборов настроения в Германии начали проявляться безошибочно. Немецкие настроения говорят в пользу Чарльза. За Карла выступили не только литераторы, но и Швабская лига пришла в движение. Эта могущественная Лига в мае прошлого года изгнала Ульриха, герцога Вюртембергского, из его герцогства из-за его жестокости и дурного правления и была в состоянии отстаивать свои взгляды. Лигой командовал герцог Вильгельм Баварский, с сестрой которого жестоко обращался ее муж, герцог Ульрих, и Франц фон Зикинген, знаменитый имперский рыцарь, который уже состоял на жалованье у Карла. Армия Лиги теперь заявила, что не подчинится избранию Франциска, и к ней присоединились швейцарцы. Конфедераты, как правило, были противниками Габсбургов, и в 1499 году Базельским миром, завершившим их последнюю войну с Максимилианом, получили свободу от имперских законов, правосудия и налогообложения (ср. [стр. 124](#)). Тем не менее, под влиянием Матиаса Шиннера, кардинала Сиона, они теперь поддерживали дело Карла.

На севере герцог Брауншвейг-Вольфенбюттельский также угрожал взяться за оружие в поддержку немецкого кандидата. Это сильное выражение немецких настроений, естественно, повлияло на избирателей. Поэтому они снизили свои требования и приняли от Карла меньшие суммы и обещания, чем предлагал Франциск; в то время как Фуггеры, Ротшильды того времени, отказались выполнять векселя французского короля. Лео тоже, видя, "что бесполезно биться головой о кирпичную стену", отказался от своего сопротивления Чарльзу.

Самым важным избирательным правом, которое удалось получить, было право архиепископа Майнцского, брата Иоахима Бранденбургского. Его голос, несомненно, поддержал бы голос колеблющегося Германа фон дер Вида, архиепископа Кельнского, и он мог бы иметь некоторое влияние на своего брата, хотя этот 'отец всей алчности' твердо обещал поддерживать французского короля. Франциск предложил архиепископу 120 000 флоринов и бессрочное легатство в Германии. Тем не менее, после долгих торгов он принял меньшее обещание Чарльза в размере 72 000 флоринов и легатства и отстаивал его дело в коллегии выборщиков, которая собралась 18 июня. Выборщики наконец избирают Чарльза. Здесь курфюрст Тревский, глубоко залезший во французские денежные мешки, поддержал

притязания Франциска и предположил, что, если он окажется неприемлемым, они должны избрать какого-нибудь другого немецкого принца, который, вероятно, будет менее опасен, чем Карл, — герцога Баварского, маркграфа Бранденбургского или курфюрста Саксонии. Это был последний шаг Фрэнсиса. Курфюрст Саксонии был единственным, кто с честью отказался от всех взяток, и так велика была репутация его добродетельной и благочестивой жизни, а также его исключительной мудрости, что, если бы он захотел, его могли бы избрать. Однако, слишком проницательный, чтобы согласиться на столь опасное положение, и достаточно патриотичный, чтобы пожелать, чтобы это место досталось немцу, он отклонил предложение и выступил в защиту Карла. Его поведение решило дело. Людовик, молодой король Богемии, женился на Марии, сестре Карла, и голосовал за своего шурина. Герман фон дер Вид, архиепископ Кельна, последовал примеру Майнца; три оставшихся выборщика, архиепископ Тревский, курфюрст Палатинский и маркграф Бранденбургский, последовали его примеру, и Карл был единогласно избран императором. Папское подтверждение больше не считалось необходимым для принятия титула императора, и, хотя Карл впоследствии был коронован папой в Болонье (1530), он сразу же принял титул не короля римлян, а Избранного императора. Так завершились самые запоминающиеся выборы в это императорское достоинство, которые быстро становились всего лишь тенью, — выборы, которые превзошли все остальные по сопровождавшим их бесстыдной коррупции и интригам и которые, как заявил агент Генриха Пейс, были "самым дорогим товаром, который когда-либо покупался".

Желание Франциска получить титул является доказательством отсутствия у него государственной мудрости. Его успех имел бы катастрофические последствия для его страны; возросла бы враждебность Германии и, вероятно, всей Европы, а ресурсы Франции были бы исчерпаны в борьбе, в которой она на самом деле не была заинтересована.

С избранием Карла отчасти осуществились великолепные мечты Фридриха III и Максимилиана. Дом Габсбургов теперь правил Германией, Нидерландами, Испанией, Неаполем и значительной частью Нового Света и снова носил титул императора Священной Римской Империи. И все же можно усомниться в том, действительно ли императорское достоинство было источником силы. В качестве платы за свое избрание Карлу пришлось подписать 'Капитуляции', которых отныне требовали от каждого избранного императора. Эти 'Капитуляции' хорошо иллюстрируют взгляды немецких князей. Капитуляции. Страх перед испанским и фламандским происхождением нового императора проявляется в их требованиях, чтобы немецкий или латынь были официальными языками, чтобы имперские должности были зарезервированы за немцами, чтобы Государства не подчинялись никакой иностранной юрисдикции и чтобы никакие иностранные войска не участвовали в имперских войнах без согласия сейма. Оппозиция папским притязаниям побудила князей настаивать на отмене всех нововведений, введенных римским судом, в нарушение конкордата, заключенного с Германией после Констанцкого собора (1418). Наконец, полные решимости сохранить свои привилегии, они потребовали, чтобы Карл подтвердил их суверенные права и назначил постоянный совет, который должен был участвовать в управлении страной. Эти последние требования имели серьезное значение и привели к серьезным разногласиям. В остальном, как покажет продолжение, многочисленные и разнородные владения и притязания Чарльза привели к трудностям, перед которыми он в конце концов уступил.

То, что избрание Карла V. приведет к войне, было почти неизбежно. Война неизбежна. Опасения французов не были вызваны противоестественным объединением притязаний Габсбургов и Испании в его лице, в то время как личное тщеславие Франциска было смертельно оскорблено избранием его соперника на престол Империи.

При таких обстоятельствах найти повод для ссоры было нетрудно. Условия Нойонского мирного договора (1516 г.) (ср. [стр. 83](#)) не были выполнены ни одной из сторон. Франциск мог жаловаться на то, что испанская Наварра так и не была возвращена Генриху д'Альбре, в то время как Карл утверждал, что Милан принадлежит ему как имперское феодальное владение, и требовал восстановления герцогства Бургундия как части его бургундского наследства. Тем не менее, Карлу явно было выгодно, чтобы война была отложена. Теперь, как и на протяжении всего его правления, сама протяженность его владений и количество его титулов были источником слабости. Чарльз хочет отсрочить войну. Испания, возмущенная правлением фламандцев, была на грани восстания; Германия, которую Карл еще не посетил с момента своего избрания, поскольку он все еще находился в Испании, была раздражена его продолжительным отсутствием; с сеймом приходилось считаться; и вопрос о "маленьком монахе Лютере" требовал немедленного внимания.

Франциск, напротив, с менее экстравагантными претензиями был хозяином объединенного королевства. Он пользовался гораздо менее контролируемыми прерогативами, особенно в том, что касалось финансов и армии, чем его соперник. Он занимал центральное положение и, пока удерживал Милан, отрезал императора от всех сухопутных сообщений между его германскими и итальянскими территориями. В этих обстоятельствах Кьер, вероятно, был прав, помимо особых интересов Нидерландов, желая, по крайней мере, отсрочить начало военных действий. Франция, с другой стороны, должна была начать войну немедленно. Но казна была истощена расточительностью короля, расходами, понесенными в последней войне, и сборами для Империи, и добавление новых налогов вызвало бы недовольство. Прежде всего считалось желательным, если это возможно, сначала заручиться союзом или, по крайней мере, нейтралитетом Англии. Карл тоже осознал важность английской помощи; и силы двух соперников были настолько равны, что перед Англией открылась возможность, какой никогда раньше не было, удержать равновесие.

Вулси с готовностью ухватился за эту возможность. Продолжать дружить с обеими сторонами, не обижая ни ту, ни другую; разлучать обеих, разжигая взаимные подозрения; Попытка Вулси сохранить мир. помешать кому—либо из них объявить войну, чтобы агрессор не обнаружил, что Англия ополчилась против него, и тем самым предотвратить, если возможно, если не отсрочить, начало военных действий; между тем, завоевать для Англии почетное положение арбитра в Европе - такова была цель Уолси, политика, которая в течение почти двух лет увенчалась таким успехом, что два самых могущественных монарха Европы стали смиренными поклонниками кардинала и его учителя.

В мае 1520 года Карл поспешил из Испании на встречу с Генрихом VIII. в Сэндвиче - акт снисхождения со стороны императора, вызвавший изумление Европы. Сразу после этого (7 июня) последовала беседа Генриха и Франциска на 'Поле золотой скатерти' близ Гиса в черте Кале — опять же, следует отметить, на английской земле. Важность, придаваемая этому знаменитому интервью, подтверждается не только великолепием показа, ратными подвигами, в которых принимали участие даже сами короли, к неудовольствию Франциска, но и вниманием, которое оно привлекло к себе со стороны художников и писателей того времени. Оттуда Генрих VIII перешел ко второй беседе с Карлом в Гравелине (10 июля). Фактические результаты этих встреч сомнительны;⁴² но вполне вероятно, что Вулси отказался от каких-либо определенных соглашений, поскольку его политика заключалась в том, чтобы не выступать ни с одной из сторон.

Таким образом, переговоры затянулись, к большому негодованию папы Льва X, который заключил договоры с обоими, но все же хотел, чтобы война началась без промедления,

чтобы он мог увидеть, кто, скорее всего, окажется победителем, прежде чем он зайдет слишком далеко.

Однако в конце 1520 года дипломатия Вулси начала давать сбой. Франциск решил перейти в наступление и обвинил Вулси в том, что тот выдал его тайну папе римскому; дипломатия Вулси не смогла предотвратить борьбу. в то время как Карл, который долгое время колебался, заключить ли предложенный брак с Марией Английской или жениться на инфанте Португальской, попытался втянуть Генриха в войну с Францией и потребовал, чтобы он выполнил свои обещания. Вулси, однако, не собирался попадаться в такую ловушку и отозвал Танстала, своего агента при императорском дворе. Однако Карл был не в том положении, чтобы объявлять войну, и фактическое начало военных действий было соответственно отложено до 1521 года.

Тем временем волнения в Испании, трудности с сеймом и вопрос об осуждении Лютера требовали внимания императора.

§ 2. Восстание коммунистов

Беспорядки в Испании начались сразу же после смерти Фердинанда. Несмотря на временный успех, сопутствовавший политике этого короля и его супруги, в Испании росло недовольство. работа по консолидации ни в коем случае не была завершена. Не только королевства Кастилия и Арагон были независимы друг от друга, но даже Валенсия и Каталония, хотя и находились в зависимости от Арагона, имели свои отдельные кортесы и характерные институты. Это внешнее разнообразие конституционного механизма было всего лишь символом глубоких и существенных различий — различий, которые были результатом физических особенностей различных стран, их расовых различий и их прошлой истории. Соперничество между Кастилией и Арагоном было давним, и в Европе нельзя найти более резкого контраста, чем тот, который существовал между примитивным и бедным населением Астурии, гордой кастильской знатю и деловитым торговцем Барселоны, демократической столицы Каталонии. Не было большего единства и внутри самих отдельных королевств. Социальные разногласия были глубже всего в Кастилии. Там знать пользовалась многочисленными исключительными привилегиями, в частности свободой от налогообложения. Доходы, получаемые от их обширных владений, были настолько велики, что в ряде случаев превышали доходы самой короны. Живя в гордой изоляции, они презирали городских бюргеров и их борьбу за конституционные права кортесов, заседания которых они сами давно перестали посещать.

В Арагоне дворяне были менее изолированы. Они по-прежнему были представлены в кортесах и объединились с депутатами от духовенства и городов в совместной защите своих политических прав. Однако даже здесь социальные расколы были глубокими, в то время как в Валенсии дела обстояли почти так же плохо, как в Кастилии. Недовольство достигает своего апогея с восшествием на престол Карла, особенно в Кастилии. Но если Испания и стала жертвой национальной и классовой зависти и разногласий, то от этого она не стала менее цепкой за свои привилегии, и смена правителей дала ей возможность вновь утвердить их. Поэтому, когда Карл приехал в Испанию через год после смерти своего деда (1517), он столкнулся со значительным сопротивлением. Кортесы Арагона согласились признать его королем вместе с его матерью только после того, как он поклялся подтвердить их свободы, и в Каталонии и Валенсии он столкнулся с аналогичными трудностями.

Между тем в Кастилии дела обстояли еще хуже. Кастильцев раздражало правление фламандца Къевреса — "козла", как они называли его в намеке на его имя, — который

управлял делами до прихода Карла в Испанию. Когда их новый король все-таки прибыл, он задел их гордость своим незнанием их языка, вызвал негодование многих своим бессердечным обращением с Хименесом, который был вознагражден за свою верную службу отправлением в свою епархию умирать (17 ноября), и оттолкнул всех, присвоив ненавистным фламандцам почести, которых кардинал придерживался. Престол Толедо был передан епископу Турне, племяннику Кьева; и Соваж, еще один фландец, сменил его на посту канцлера Кастилии. Соответственно, кортесы Вальядолида в 1518 году, признав Карла и его мать соправителями и назначив ему 'servicio', или денежное пособие, сроком на два года, потребовали, чтобы ни один иностранец не занимал должности; чтобы из Испании не вывозилось золото, серебро или лошади; чтобы Карл как можно скорее женился; и чтобы его брат Фердинанд действовал как его представитель, пока у него не появятся дети. Эти требования, если они когда-либо и были удовлетворены, не были выполнены. Между тем, выборы императора усилили их опасения. Император, по их словам, редко будет бывать в Испании, и им придется оплачивать расходы, связанные с этой честью, как и с выборами. Карл, стремящийся покинуть Испанию, чтобы встретиться с Генрихом VIII. в Сандвиче и для того, чтобы быть коронованным в Экс-ла-Шапель (Ахен), согласился созвать еще одно заседание кортесов перед тем, как покинуть страну. Он, однако, избегал крупных городов из-за их недовольства и вызвал его в Сантьяго (31 марта), в Галисии, а затем (25 апреля) перевел в Ла-Корунью, чтобы быть поближе к своим кораблям. Здесь он вымогал определенную сумму денег, обещая вернуться снова через три года, по воле короля, не назначать на должности иностранцев и расходовать 'servicio' только в интересах Кастилии. Кортесы, однако, ни в коем случае не были составлены в полном составе; депутаты Саламанки были исключены, а некоторые, такие как Толедо, отказались кого-либо направлять. Тем не менее, голосование было проведено лишь незначительным большинством голосов.

У города Толедо был особый повод для возмущения. Назначение племянника Кьевреса архиепископом было расценено как особое оскорбление, Толедо восстает. 21 апреля 1520 года. и посланникам, отправленным с увещеваниями Карлу, было отказано в аудиенции. Поэтому горожане восстали во главе с двумя дворянами, доном Педро Ласо де ла Вега и доном Хуаном де Падилья, сыном комендатора или губернатора Леона, чья бесстрашная жена вынудила его сделать карьеру, для которой он плохо подходил. Они захватили правительство от имени короля и королевы, изгнали королевского коррехидора из города и сформировали "Коммунидад" из депутатов от приходов города (21 апреля).

Теперь Чарльзу предстояло впервые, но не в последний раз, столкнуться с конфликтом тех противоречивых интересов, которые проистекали из его аномального положения. Как королю Испании, его присутствие там было действительно необходимо, но европейские интересы требовали его отъезда. Генрих VIII. он пообещал встретиться с Фрэнсисом в мае или начале июня, и, если не придется отказываться от конференции в Сэндвиче (ср. [стр. 136](#)), нельзя было терять времени. Соответственно, 19 мая он покинул Испанию почти беглецом, назначив Адриана, своего старого наставника, регентом в Кастилии, дону Хуана де Лануза вице-королем в Арагоне и дону Диего де Мендосу в Валенсии.

Отъезд короля только усилил недовольство. Испанцы почувствовали, что отныне их страна больше не будет центром его интересов, за отъездом Карла из Испании 19 мая последовало восстание Кастилии. но это была всего лишь провинция его обширной империи. Поэтому восстание быстро распространилось. В Сеговии был убит депутат, голосовавший за 'servicio'. Восстали Саламанка, Самора, Мадрид, Бургос и многие другие города; и, наконец, Вальядолид, тогдашняя резиденция правительства, взялся за оружие. Тем временем в Валенсии бушевала социальная война между знатью и простым народом, хотя беспорядки

там не имели никакой связи с беспорядками в Кастилии. В конце июля движения в Кастилии, до сих пор изолированные, объединились под руководством граждан Толедо, и в Авила была сформирована 'Хунта' депутатов из восставших городов. Хунта подставила Джоанну. Август 1520 года. В августе Падилья, двинувшись маршем на Тордесильяс, недалеко от Вальядолида, захватил мать Чарльза, Джоанну, которая теперь была совершенно слабоумной, и учредил революционное правительство от ее имени. С этим грозным восстанием Адриан был совершенно не в состоянии справиться; он остался без достаточных ресурсов в виде войск или денег, и ему даже не были доверены все полномочия. После бесплодной попытки подавить восстание он бежал в Медина-де-Рио-Секо и поспешно написал Чарльзу, требуя своего отзыва и призывая его приехать как можно скорее, иначе Испания будет потеряна. Чарльз, однако, был не в том положении, чтобы выполнить его просьбу или прислать подкрепление. Поэтому он попросил Адриана подождать. Он должен был созвать кортес, предложить отказаться от 'servicio' и пообещать управлять Испанией в соответствии с древними законами, но при этом никоим образом не затрагивать прерогатив короны. В то же время Чарльз назначил дону Фадрике Энрикеса, верховного адмирала, и дону Иниго де Веласко, верховного констебля Кастилии, соправителями, надеясь этим актом заручиться поддержкой знати. Тем временем "Хунта", после тщетных попыток доказать, что Джоанна вменяема, и посадить ее на трон, приступила к составлению хартии своих свобод. Они призвали Чарльза вернуться в Испанию, жениться на инфанте Португалии, хунта представила свою Хартию. сократить свои расходы и жить, как его предки, и приняла следующие указы. Ни один иностранец больше не должен был занимать должность; налоги должны были быть снижены, а льготы дворянства отменены; земли короны, которые были отчуждены, должны были быть восстановлены, а будущие отчуждения были объявлены незаконными; наконец, кортес, полностью представляющий три сословия дворян, духовенство и бюргерство, должен был собираться раз в три года. Эти указы были объявлены основными законами, которые никогда не могли быть отменены королем или кортесами, и принятие их Карлом было поставлено условием его возвращения.

До сих пор дворяне проявляли необычайную апатию. Они были раздражены политикой Фердинанда и Изабеллы, и если, за редким исключением, они не принимали никакого активного участия в восстании, то и Адриану никакой помощи не оказали. Но теперь их опасения начали усиливаться; некоторые из этих указов касались их привилегий, и движение в Кастилии угрожало последовать за движением в Валенсии, которое дворяне объявили против повстанцев. и принять характер социального бунта. Более того, назначение двоих из их числа соправителями указывало на изменение политики правительства и кое-что сделало для их примирения. Враждебность знати однажды пробудилась, положение 'комунерос' стало критическим, и их шансы на успех были еще более подорваны внутренними разногласиями, которые теперь вспыхнули.

Граждане Бургоса, столицы Старой Кастилии, позавидовали ведущей роли, которую взял на себя Толедо, столица Новой Кастилии, в то время как Педро Ласо, президент хунты, завидует ослаблению позиций повстанцев. который представлял более умеренную партию, был настроен против более крайних взглядов Падильи. Регенты, воспользовавшись случаем, сумели отделить Бургос от хунты (октябрь 1520 г.), а в декабре граф де Аро, сын констебля, отбил Тордесильяс и завладел Джоанной. И все же, несмотря на эти успехи, опасность отнюдь не миновала. Знать продемонстрировала свое нежелание объединяться, и даже констебль и адмирал поссорились. Повстанцы, с другой стороны, получили ценную поддержку не только графа де Сальватьерра, могущественного дворянина севера, но и Акуньи, епископа Саморы. Этот умный и амбициозный священнослужитель пытался придать движению более широкое значение и установить демократию, в то же время надеясь

получить для себя архиепископство Толедо, только что освободившееся после смерти племянника Кьевреса. В этих планах он заручился поддержкой Франциска и даже нейтралитетом папы Римского. Вдохновленные этим заметным пополнением своей партии, 'коммунерос' проявили новую энергию. Новая энергия "коммунерос". Март 1521 года. Падилья, двинувшись маршем на город Торрелобатон близ Вальядолида, захватил его и предал разграблению (3 марта 1521 г.); а город Бургос, разгневанный отказом роялистов подтвердить свои обещания, снова взялся за оружие. И снова дело короля, казалось, было проиграно. Незадолго до этого мятежники отказались от уступок, предложенных им его регентами, и были полны решимости выиграть все или проиграть все. Поэтому Чарльз вернулся к своей прежней политике пустить все на самотек, в то время как он отказался отказаться ни на йоту от своих прерогатив.

Эта политика упрямого бездействия увенчалась успехом, которого она не заслуживала. Общая судьба всех восстаний, когда ими не руководят лидеры с ярко выраженной индивидуальностью, - разваливаться на части. Провал восстания. Теперь это произошло в Испании. Лидеры восстания не обладали реальной силой. Падилья был непрактичным энтузиастом, а епископ Саморы - нечестным, своекорыстным человеком. В нем полностью отсутствовали государственная мудрость или самопожертвование. Хунта потеряла всякий контроль. Президент Педро Ласо, недовольный таким оборотом событий, начал колебаться, и за ним последовали многие, кто опасался, что наступит анархия. Знать, наконец, окончательно встревоженная, отложила свои распри и проявила единодушие, которое, проявись оно поначалу, подавило бы восстание в зародыше. Наконец, граф де Аро, подкрепленный войсками, присланными графом де Наджерой из Наварры, выступил против армии 'коммунерос', которая после падения Торрелобатона бездействовала. Встретившись с ними на равнине Вильялар, когда они попытались отступить к Торо, он одержал решающую победу. Превосходящие числом повстанцы, особенно в кавалерии, бежали, оставив своего командира Падилью в руках врага. Они терпят поражение при Вильяларе. 23 апреля 1521 года. На следующий день он был казнен. Поражения при Вильяларе и потери их лидера было достаточно, чтобы покончить с этим делом. Епископ Саморы был схвачен при попытке бежать во Францию и, убив начальника тюрьмы, был повешен. Город за городом капитулировали, и 27 апреля 1521 года вице-регенты вошли в Вальядолид.

В Толедо, первом поднявшемся городе, донна Мария Пачеко, бесстрашная вдова Падильи, все еще держалась. Но в октябре, сочтя невозможным держать граждан под контролем, она бежала в Португалию, и город и цитадель открыли свои ворота. Вскоре после этого восстание в Валенсии было подавлено, главным образом, самими дворянами.

Причину провала этого серьезного восстания можно выразить одним словом — разобщенность. Восстание было ограничено королевством Кастилия. Причины провала восстания. Ни Арагон, ни Каталония не сдвинулись с места, а повстанцы Валенсии сражались за свое дело и не оказывали никакой поддержки. Не были единодушны и 'коммунерос' Кастилии. Они были разделены в своих целях и не проявляли способности к сосредоточенным действиям, в то время как их дело было еще более ослаблено неспособностью и завистью их лидеров. Престиж монархии, укрепленный политикой Фердинанда и Изабеллы, был слишком велик, чтобы быть свергнутым таким образом. Действительно, если бы не европейские трудности Карла и вялость знати — отношение, которое в значительной степени следует отнести к их недовольству, — восстание либо никогда бы не произошло, либо было бы подавлено сразу.

Карл прибыл в Испанию только в 1522 году. Несколько повстанцев были казнены, поместья других конфискованы. Последующие меры Карла. Затем он созвал кортес, на котором

распорядился предоставить 'услугу' до того, как будут рассмотрены жалобы, и запретил всякое обсуждение в отсутствие президента, который должен был быть его кандидатом. В дальнейшем депутаты назначались правительством и часто подкупались; и место в кортесах стало настолько ценным, что в 1534 году мы находим депутата, давшего за свое место 14 000 дукатов. Дворяне, все еще настаивавшие на своей привилегии освобождения от налогов, продолжали исключаться из кортесов и быстро теряли всякое политическое влияние. После упадка военной мощи Испании высшее дворянство, 'ricos hombres', снова погрузилось в роскошную праздность; низшее дворянство, 'идальго', и рыцари, или "кабальерос", поступили на службу короне и стали ее креатурами, в то время как простолюдины стремились к дворянским титулам, чтобы они могли делиться служебным вознаграждением и пользоваться другими привилегиями дворянства. Церковь также не была более независимой. Корона использовала свою власть назначать бенефициев, наполняла их своими приверженцами и держала в состоянии раболепия. Инквизиция, однако, была самым эффективным оружием в руках короны. Это было полностью под контролем короля; имущество осужденных переходило к короне, и ни один подданный, священнослужитель или мирянин, не был свободен от ее юрисдикции. Карл действительно не вмешивался напрямую в конституцию Кастилии и был еще более осторожен в своем обращении с Арагоном. Заседания кортесов все еще продолжались, и Карл не отказался выслушать их петиции. Тем не менее власть бюрократии короны возросла, и Испания, измученная войнами Карла, готовилась к деспотизму Филиппа.⁴³

§ 3. Диета червей, 1521.

Карл был вынужден позволить восстанию 'коммунистов' в Испании идти своим чередом из-за серьезных проблем, в которые он был вовлечен своим положением австрийского принца и императора. Вормский рацион. Январь 1521 года. После его беседы с Генрихом VIII. в Гравелине в начале июля он отправился в Германию для коронации. Частично из-за нехватки денег, частично из-за вспышки чумы в Экс-ла-Шапель (Ахен), это было отложено до октября, и только в январе следующего 1521 года он впервые сел на диету в Вормсе. Тем временем он решил судьбу австрийских владений. Сначала он думал сохранить хотя бы часть этих земель в своих руках. В конце концов, однако, сохранив Нидерланды и Франш-Конте, он даровал своему брату Фердинанду все наследственные австрийские земли; к ним были добавлены претензии на Венгрию и Богемию, основанные на браке Фердинанда с принцессой Анной. Таким образом, Испания и Австрия, находившиеся в руках Карла в течение двух лет, были снова разделены, чтобы никогда больше не объединиться. Вопросы, которые стояли перед этим важным сеймом, было в основном три:

- (1) Утверждение Имперской конституции.
- (2) Война с Францией.
- (3) Отношение, которое следует принять к Лютеру.

1. Вопрос о реформе имперской конституции возродил те разногласия, о которых мы говорили, говоря о Максимилиане, и с очень похожими результатами. Карл пообещал в своих "Капитуляциях" (стр. 133), что Совет регентства (*Reichsregiment*), просуществовавший два коротких года, 1500-1502, должен быть восстановлен. Но здесь снова всплыли старые противоречия. Избиратели желали, чтобы Совет составлял высший административный орган во внутренних и иностранных делах, даже когда Карл находился в Германии, и чтобы его члены избирались Штатами, за единственным исключением президента, которого должен был выдвигать император. Карл, однако, был полон решимости защищать свои

императорские прерогативы. Его взгляды на императорскую должность были, по возможности, более возвышенными, чем у его деда. В своей вступительной речи 28 января, в день, посвященный памяти Карла Великого, он заявил, что 'ни одна монархия не может сравниться с Римской империей. Этому когда-то повиновался весь мир, и Сам Христос воздал ему почести и верность. К сожалению, теперь это была лишь тень того, чем она была раньше, но он надеялся с помощью тех могущественных стран и союзов, которые Бог даровал ему, возвысить ее до ее древней славы.' 'Моя воля, ' сказал он впоследствии, - состоит не в том, чтобы их было много, а в том, чтобы был один хозяин, как и подобает традициям Римской империи'. Тем не менее потребности Чарльза были велики, и если бы Сейм был единодушен, он мог бы навязать ему свои взгляды. Старая ревность, однако, все еще существовала, и Чарльз, играя на ней, смог заставить ее отчасти снизить свои требования. Соответственно, было решено, что император должен назначить не только Президента, но и двух заседателей. Из остальных двадцати членов каждый из семи выборщиков должен был прислать по одному делегату; шесть Кругов, включая Австрию и Нидерланды, - по одному от каждого. Из имперских городов должны были прибыть еще двое, в то время как поочередно одно место должен был занимать один курфюрст, один светский и один духовный князь. Созданный таким образом Совет должен был проявлять инициативу в переговорах об иностранных союзах и в разрешении феодальных вопросов, при условии, однако, утверждения императором. Его полномочия, по крайней мере в настоящее время, должны были сохраняться только во время отсутствия Чарльза. В то же время, Императорская палата (*Reichskammergericht*) была немного изменена. Император должен был назначить президента и двух ассессоров. Остальные должны были избираться выборщиками и Кругами, в то время как двое должны были представлять наследственные владения Дома Габсбургов. Оставался самый сложный вопрос. Как должны были оплачиваться члены этих организаций? Если бы не было установлено постоянных поступлений, непрерывность была бы невозможна, и если бы император стал их выплачивать, реальный контроль принадлежал бы ему. Соответственно, старые разногласия начались снова. После провала плана введения единого пенни (стр. 111) была предложена новая идея установления системы таможенных пошлин на весь импорт, поступающий в Империю. Если бы это было осуществлено, был бы создан своего рода таможенный союз (*Zollverein*), который со временем мог бы проложить путь к более тесному политическому союзу. Однако города и торговцы яростно воспротивились этому, заявив, что бремя ляжет на них и разрушит торговлю; и, соответственно, сейм вернулся к системе "матрикулы" 1507 года (ср. стр. 114).

2. Трудности возникли также в вопросе об армии. Война с Францией уже началась вторжением французов в испанскую Наварру и нападением Робера де ла Марка, сеньора Бульонского, на Люксембург. Карлу также не терпелось вступить в Италию, чтобы он мог решить это военным путем, 'должен ли он стать очень плохим императором, или Франциск - жалким королем'. Однако все, что мог обеспечить сейм, - это набор примерно 4000 кавалеристов и 20 000 пехотинцев, взимаемый с отдельных штатов в соответствии с системой "матрикула". Далее было постановлено, что каждый контингент должен подчиняться своим собственным офицерам, и что главнокомандующий, хотя и назначается императором, должен быть немцем. Этот 'матрикул', или имперский список, был последним из когда-либо составленных и, таким образом, стал образцом для будущих имперских призывов. Начиная с 1535 года, постепенно была принята система замены самих мужчин деньгами, необходимыми для выплаты контингента, — деньги начислялись отдельным штатам в соответствии с их ответственностью по списку 1521 года. Субсидии были названы "Римскими месяцами", потому что они были получены в результате голосования за римскую экспедицию 1521 года.

В этой конституционной борьбе Карл кое-чего добился. По крайней мере, ему удалось сохранить больший контроль над Регентским советом и Императорской палатой, чем это было у его деда. И все же сейм многого добился. Теперь у него была реальная доля в исполнительной и судебной администрации империи, и Карл чаще отсутствовал, чем присутствовал. В остальном, как и прежде, реформы проводились в основном в интересах выборщиков и более могущественных князей. Города, хотя и были представлены в Совете, легко могли получить перевес голосов, и, несмотря на настойчивые протесты, им не удалось заручиться поддержкой ни одного делегата в Императорской Палате. Лишенный народной поддержки, Императорский совет не смог обеспечить соблюдение своей судебной власти, в то время как следующие несколько лет должны были окончательно доказать, что Совет бессилен поддерживать порядок.

3. Последний вопрос — вопрос об отношении сейма к Лютеру — оказался гораздо более серьезным вопросом, чем кто—либо в то время мог себе представить, - вопросом, который должен был глубоко повлиять на будущую историю не только Империи, но и Европы.

Реформация была результатом действия двух сил, независимых по происхождению и никогда полностью не совпадавших: Возрождения и стремления к реформированию догм и практики. Эпоха Возрождения и Реформация. Из них первая обязана своим рождением Италии. Итальянцы, отчаявшись в политическом единстве или стабильности, но превосходя других людей в материальном достатке и комфорте, занялись изучением прошлого, для чего им хорошо подходили их неразрывная связь с языком и воспоминания о Риме. Это движение, начавшееся в первые десятилетия пятнадцатого века, добилось быстрых успехов, прежде чем закрылось, и было многогранным. В искусстве это было отмечено возвращением к изучению античности; в литературе - новым вкусом к прозе и поэзии, основанным на классических моделях; в науке это сопровождалось открытием древних рукописей и возрождением критики; в философии это привело к возрождению знаний Платона; в естествознании - к более критическому исследованию природы земли и ее отношения к системе вселенной.

Но принципы, лежащие в основе и приводящие в действие эти различные энергии, были одними и теми же. Средневековая мысль стремилась принести в жертву личность. Она научила людей распинать тело с его плотскими похотями, обуздывать мятежную страсть к независимости и индивидуальности. Он призывал людей безоговорочно признать авторитет Церкви и мирской власти. Новый дух восстал против всех этих доктрин. Он проповедовал достоинство человека и этой жизни. Она ставила под сомнение добродетель аскетизма и стремилась к миру в мыслях и поступках. Она провозглашала право личности думать, чувствовать и формировать свое вероучение в соответствии с требованиями разума. В нем были усвоены уроки исследования, критики, натурализма. Так воображению открылся новый рай, и люди стремглав устремились в него с приятным чувством свободы. В этом движении за освобождение было много ценного и действительно необходимого для прогресса. Это привело к более точным наблюдениям, к более тщательной критике, к большему уважению к литературе и к торжеству индивидуализма. Тем не менее, у этого была своя темная сторона. Это сопровождалось большим буйством и распушенностью. Чувственное наслаждение формой и цветом привело некоторых к чувственности; чрезмерная преданность вещам этого мира привела к приземленному языческому духу; критика - к скептицизму и неверию. Атмосфера Возрождения действительно была враждебна атмосфере христианской жизни, однако, за редким исключением, итальянцы не предпринимали прямых нападок на Церковь. Литераторы были вполне довольны тем, что оставили в покое учреждение, которое было так тесно связано с их прошлыми традициями и общей культурой того времени, и которое так

удобно покровительствовало им и даже терпело их сатиру, пока они оставляли в покое ее правительство и ее догмы. С философами все было по-другому. Однако даже они нападали скорее на христианство, чем на Церковь; и если Фичино пытался примирить христианство и платонизм, или Помпонацци ставил под сомнение бессмертие души, эти ученые делали вид, что проводят различие между наукой и религией, и, рассуждая как философы, заявляли, что верят как христиане. Таким образом, в Италии вряд ли найдется хоть один гуманист, если не считать Лаврентия Валлы, который критиковал претензии папы на вмешательство в мирские дела или традицию о том, что Апостольский символ веры был делом рук апостолов; и даже он, ради папской защиты, легко отказался от своих ошибок.

В остальном итальянские гуманисты едва ли были достаточно серьезны, чтобы взяться за реформацию Церкви. Их нрав был если не антирелигиозным, то нерелигиозным, а жизнь, за редким исключением, такой же разгульной, как у церковников, которых они высмеивали. Реформаторы действительно были в Италии, но они не имели никакого отношения к гуманистам. Это были люди типа Савонаролы, чья единственной идеей реформы была идея морали и жизни, и у которых не было разногласий ни с догмами, ни с организацией Церкви.

Как только эпоха Возрождения пересекла Альпы, в руках более серьезно настроенных немцев она стала более серьезной и более теологической, менее философской и более догматичной. Критику они теперь применили к Церкви, а в другом смысле и к Библии, с намерением не уничтожить христианство, а восстановить его первоизданную чистоту.

Среди многочисленных ученых, выросших в Германии в конце пятнадцатого века, Рейхлин и Эразм. двумя наиболее характерными представителями той эпохи были Джон Рейхлин (1455-1522) и Дезидериус Эразм (1467-1536). Рейхлин известен прежде всего своим возрождением изучения иврита, исследования, которое он применил к критике Вульгаты, и своей попыткой спасти еврейские писания от неизбежного уничтожения руками фанатичного доминиканца Хохстратена. Хотя он скорее филолог, чем теолог, его все же можно назвать отцом ветхозаветной критики, и во время борьбы за еврейскую литературу конфликт между старыми и новыми идеями сильно подчеркивался.

Но самым известным детищем немецкого возрождения является Эразм. Получив образование в школе Девентера, школе, обязанной своим происхождением братьям Общей жизни, он во времена Вормсской диеты считался величайшим ученым своего времени и пользовался такой репутацией, какой, вероятно, с тех пор не было. Если Рейхлина можно назвать отцом критики Ветхого Завета, то Эразма можно назвать отцом критики Нового Завета и научного богословия. В 1505 году он переиздал "Заметки Валлы о Новом Завете" - единственное произведение библейской критики, пришедшее из Италии. За этим, в 1516 году, последовало его греческое издание Нового Завета с латинским переводом и примечаниями. Целью этих работ было восстановить знания об оригинале и путем сопоставления тех рукописей, которые были доступны, представить как можно более правильную версию текста. В своих заметках Эразм применил каноны обычной критики к Новому Завету и тем самым заложил основы современной библеистики. Цель его третьей работы, "*Энхиридион Милитарис Кристи*", можно понять из письма его другу Коле, настоятелю собора Святого Павла: 'Я пишу, - говорит он, - чтобы исправить ошибку, которая ставит религию в зависимость от церемоний и соблюдения телесных актов, пренебрегая при этом истинным благочестием'. Придерживаясь таких взглядов, Эразм, естественно, был суровым критиком существующего положения вещей. Он сетовал на невежество многих церковников, которые боялись нового учения, не понимая его; которые зашли так далеко, что объявили иврит и греческий еретическими, потому что они не были языком Вульгаты, и чей фанатизм только что так явно проявился в споре о Рейхлине. Он презирал праздность

монахов и невыносимую ограниченность педантов-схоластов с их бесплодными диспутами и бесконечным расщеплением волос. Он обличал безумие той Церкви, которая настаивала на каждой черточке внешних церемоний и догм и в то же время пренебрегала практическим благочестием. Таковы были объекты его сатирического пера в его "*Похвале глупости*", написанной в Англии в 1509 году. В этой замечательной сатире Глупость, объявляющая себя истинным источником счастья, представляет себя виновницей всех суеверий, педантизма, праздности, лицемерия, которые были так процветающи в мире.

Сатира Эразма была не единственной, появившейся в это время. "*Корабль дураков*" Себастьяна Брандта в 1494 году и более известная *Эпистола Obscuroorum Virorum*, возникшая в результате полемики с Рейхлином, имеют дело во многом с теми же пороками, хотя и без литературной утонченности северных ученых; в то время как "*Корабль дураков*" особенно примечателен тем, что изначально был написан на немецком языке и, следовательно, для людей, а не для ученых. Но хотя эти и другие труды показывают, насколько глубоко Германия была потрясена развращенностью Церкви, и хотя они многое сделали для подготовки пути, пока еще не было мысли о том, чтобы порвать с ней. Мужчины по-прежнему рассчитывали на внутреннюю реформу с помощью Совета, а если нет, то каким-то другим методом.

Обычно Эразма обвиняли в половинчатости в деле религии, в беспечности в личной жизни и в том, что он тратил время на публичное поведение. В этом нападении, безусловно, есть доля правды, и, несомненно, он был не тем человеком, который поднял бы знамя открытого восстания. Как он сам признавался, он был не из того теста, из которого делают мучеников. Он был ученым, любившим мир, и в нем не было ничего от религиозного энтузиаста. Но помимо его характера, вся его интеллектуальная позиция была несовместима с позицией Реформации, как протестанты понимают значение этого слова. Эразм принадлежит к той школе широких церковников, которые не верили, что лекарство от назревающего зла можно найти в утверждении новых догматов. По их мнению, и без того было навязано слишком много догм. Многое было, по крайней мере, непонятно массе, и, если и могло быть изменено, то должно быть изменено медленным разложением ученой критики. Реформа для них означала постепенные осенние перемены, которые могли произойти без насильственного разрыва с прошлым, в то время как моральные принципы, признанные всеми, должны были быть усилены и стать более реальными. Короче говоря, Эразм - отец современного широтологизма, а также библейской критики. Вся его натура уклонялась от более жестоких методов, и он боялся их результатов. Он предвидел экстравагантность, споры и расколы, которые неизбежно последуют и задержат триумф рационального богословия. Реформация шестнадцатого века не могла быть направлена им; но, как хорошо было сказано, возможно, грядущая Реформация восходит к Эразму.

Окончательный разрыв с Римом произошел не со стороны ученых с мировым именем, а со стороны сына тюрингского крестьянина Мартина Лютера, 1483-1546 гг. несмотря на здравый ум, был равнодушным к греческому языку и не знал иврита. Имея дело с Мартином Лютером, важно помнить различные этапы его карьеры.

Движимый сознанием греха и желанием духовного покоя, он в возрасте двадцати двух лет вступил в орден монахов-августинцев в Эрфурте, во многом вопреки желанию своего отца (1505). Здесь он подверг себя строжайшей дисциплине, но безрезультатно. 'Если бы когда-нибудь монах попал на небеса через монашество, им был бы я, - сказал он впоследствии. - Все, что мог сделать монах, я сделал'. Неоднократные акты покаяния не спасали его от новых искушений, и Бог оставался в его глазах неумолимым судьей, требующим повиновения невыполнимому закону. Из этого состояния отчаяния Лютера вывел Штаупиц, генеральный

викарий его ордена, который посоветовал внимательнее изучать Библию, особенно труды святого Павла и отца латинской церкви святого Августина. Здесь, в учении Августина об оправдании верой, он наконец обрел покой; в тексте 'Праведный будет жить верой' появилось решение его трудностей. Грешник должен был быть спасен не своими собственными усилиями или работой, а безоговорочно вверив себя милости любящего Бога; таким образом, приведенный в состояние благодати, верующий находил покаяние уже не болезненным, а спонтанным актом любви, в то время как работа и жизнь только для Бога становились легкими. Позже он укрепился в этом мнении, обнаружив, что греческое слово, обозначающее *penitentia*, было *μετάνοια* — другими словами, эффективность епитимьи заключалась не во внешнем церковном наказании, а во внутреннем изменении сердца. Таким образом, утверждая августиновскую доктрину оправдания верой, Лютер лишь возрождал то, чего придерживались многие Отцы ранней Церкви — доктрину, которая действительно в последнее время была затуманена противоположной доктриной об оправдании делами, но которая никогда не была полностью отброшена. Несомненно, верно, что эти противоположные и противоречивые догмы неспособны к полному примирению, и ни одна из них не должна быть доведена до логического завершения, ибо, если мы оправданы только Божьей благодатью, в чем необходимость дел; и если только делами мы спасены, где необходимость в Исккупителе? Без сомнения, еще раз повторяю, доктрина оправдания верой, если ее довести до крайности, способна привести, и фактически привела, к фанатичному фатализму и антиномианству. Однако Лютеру казалось, что зло, следовавшее за принятием противоположной доктрины, было еще хуже; как будто немощные люди могли своими собственными усилиями вырвать спасение у Всемогущего. Придерживаться такой точки зрения означало лелеять ту самую духовную гордыню, которая была причиной существующей коррупции. Единственная надежда на нравственное преобразование заключалась в том, чтобы заставить человека поверить в свое полное недостойство перед Богом; только так он мог достичь того духа смирения, который был необходимым условием благочестивой жизни.

В 1508 году Штаупиц вызвал Лютера преподавать в Виттенбергский университет, только что основанный Фридрихом Мудрым Саксонским. В 1510 году он посетил Рим, и этот визит только укрепил его в убеждении, что духовная гордыня, характерный порок эпохи Возрождения, была врагом, которому следует противостоять, и усилил его неприязнь к тем церковным обрядам, которые освящали веру в действенность дел. Лютер вернулся в Виттенберг, чтобы продолжить свое учение, когда визит доминиканца Тецеля в Германию, предлагавшего папские индульгенции тем, кто внесет деньги на строительство собора Святого Петра в Риме, побудил его к немедленным действиям. Доктрина индульгенций возникла из вполне естественной точки зрения, что, хотя покаяние примиряет грешника с Богом, зло, причиненное человеку, еще не наказано, и что наказание, подобное наказанию за мирские проступки, может быть заменено штрафом. Но система подверглась позорному злоупотреблению. Церковь заявила, что в трудах по перевоспитанию верующих она обладает сокровищем, из которого она может черпать средства для смягчения наказаний, и в своем страстном желании заработать деньги небрежно предоставляла индульгенции, не настаивая на предварительном раскаянии преступника. Она даже утверждала, что обладает властью отменять наказание тех, кто находится в чистилище. Что бы ни говорили в защиту примитивной системы индульгенций, нельзя отрицать, что в своей преувеличенной форме они вели к тяжким злоупотреблениям и влекли за собой категорическое отрицание необходимости благодати. Соответственно, Лютер, следуя академическому обычаю, прибил к дверям церкви в Виттенберге свои знаменитые девяносто пять тезисов, в которых он оспаривал теорию индульгенций и призывал всех желающих опровергнуть правильность его утверждений (17 октября 1517 г.).

Взгляды Лютера не были оригинальными. Несколько богословов до него, даже сам кардинал Хименес, протестовали против скандального злоупотребления индульгенциями. Лютер также не мечтал о восстании против Матери-Церкви. Он не отрицал ценность индульгенций полностью, но заявил, что, по его мнению, папа не может таким образом снять вину за грех или смягчить наказания тех, кто уже перешел на их счет. Далее он заявил, что экстравагантные взгляды, с которыми он боролся, были изобретением схоластов, а не Церкви, которая никогда официально не принимала их. Поэтому он потребовал выражения мнения Папы и Церкви по этому поводу. Лютер потребовал обсуждения и аргументации; он был встречен утверждениями и осуждениями. Тецель в своем ответе вообще отказался обсуждать вопрос об индульгенциях и подтвердил притязания папы определять мнения и толковать Священное Писание. Доминиканские приори заявили, что ни Собор под председательством папы Римского, ни сам Папа Римский не могут ошибаться, когда он выносит официальное решение, и заклеили всех тех еретиками, которые не принимают доктрины Церкви и пап как правило веры. Кардинал Каэтан, который был направлен в качестве папского легата на сейм Аугсбурга в 1518 году, хотя и был втайне согласен с Лютером относительно злоупотребления индульгенциями, отказался от любых споров и потребовал отречения и молчания на будущее. Последующее обещание Лютера хранить молчание со своей стороны, если оно будет выполнено с другой стороны, вряд ли могло быть выполнено, и дискуссия вскоре разгорелась с новой силой.

Тем временем почва для споров изменилась. Речь шла уже не об индульгенциях, а о папской власти и авторитете традиции. Экстравагантные утверждения папских защитников были встречены более откровенными, более жестокими, а иногда и непристойными высказываниями со стороны Лютера. Более широкое чтение теперь убедило его в том, что его взгляды не были новыми, но были предвосхищены другими, такими как Ян Гус, Джон Вессель и даже гуманист Лаврентий Валла; в то же время его укрепляла растущая поддержка, которую он встречал в Германии. Ульрих фон Гуттен, человек, чья любовь к сатире превзошла его лучший вкус, обострил полемику едкими эпиграммами в своем "*Вадискусе*" (1519): "Три вещи поддерживают достоинство Рима — авторитет папы, мощи святых, продажа индульгенций. В Риме опасаются трех вещей — Генерального собора, реформы Церкви, открытия глаз немцам. В Риме отлучены от церкви три вещи — нужда, первобытная Церковь и проповедь истины." Наконец, Лютер в своем *Обращении к христианской знати немецкой нации* (июль 1520 г.), а еще больше в своем трактате о *вавилонском пленении* (октябрь 1520 г.) был склонен не только отрицать авторитет папы Римского, но и подвергать сомнению божественный институт священства и авторитет традиции, а также нападать на средневековую доктрину пресуществления. Нельзя отрицать, что Лютер теперь определенно поставил себя вне Церкви. Тем не менее, по крайней мере, следует помнить, что он был доведен до своего окончательного положения знанием того, что он уже осужден и что Булла об отлучении от церкви была издана еще в июне 1520 года, хотя и не была опубликована в Германии гораздо позже. Поэтому Лютер, отбросив все надежды на примирение, объявил Буллу подделкой, а ее автора антихристом, и 10 декабря 1520 года публично сжег ее в Виттенберге.

Можно ли, учитывая характер Лютера, его серьезность, прямоту, бесстрашие, недостаток научной утонченности и его жестокость, остановить его более примирительным отношением со стороны его противников; или, опять же, если бы он был примирен, не возник бы другой лидер в существующем брожении немецких чувств, - это вполне может быть поставлено под сомнение. Но, по крайней мере, поведение папского двора не могло быть более нескромным или менее подобающим государственному деятелю. Сам Лев X, с его циничным безразличием к подобным вопросам, вполне возможно, поступил бы иначе; но атака на

индульгенции угрожала всему механизму папских финансов и администрации, и чиновники Курии подталкивали его к этому. Мы не можем не сожалеть о том, что Церковь, которая могла бы снисходительно относиться к неортодоксальности в таких фундаментальных вопросах, как бессмертие души, отказалась выслушать критику своей системы индульгенций, тем более что мы знаем, что эта система, во всяком случае, своими злоупотреблениями затронула совесть стольких ее самых верных сынов. То, что поведение Лютера можно обвинить, должно быть допущено. То, что он слишком легкомысленно отбросил традиции Церкви и слишком самоуверенно верил в возможность найти все необходимое для спасения и для организации Церкви только в Библии; что многие из его доктрин были преувеличены и привели к большому злу; что непосредственными результатами Реформации не были ни содействие образованию, ни продвижение духа терпимости — всего этого нельзя отрицать. Мы все должны сожалеть о том, что восстание, начавшееся таким образом, должно было нарушить единство Церкви, привести к бесконечному расколу и, поистине, принести меч на землю. Но Рим, по крайней мере, решил, что так и должно быть; и мы можем справедливо усомниться в том, что реформа этой коррупции, которая так глубоко въелась в его систему, могла быть осуществлена менее дорогой ценой.

Таково было положение дел, когда соблюдалась Диета из Червей. Вопрос заключался в том, приведет ли сейм в исполнение Буллу и подвергнет ли Лютера запрету Империи — вопрос, сопряженный с важными проблемами. Лютер и Сейм. Лев X, не позволив выслушать Лютера в целях самозащиты, призвал Карла казнить Буллу. Но хотя сам император выступал за такой курс и его поддерживал его духовник Глапион, многие из его советников, особенно Кьевр и Гаттинара, его канцлер, придерживались противоположного мнения. Они знали о поддержке, которую Лютер уже получил в Германии от более бедных дворян, поэтов, юристов и литераторов, и в чем заключалась эта поддержка, мы можем узнать от папского агента Алеандра: 'Девять десятых Германии поддерживают Лютера; а другая десятая, если ей и безразличен Лютер, то, по крайней мере, кричит "Долой римский суд" и требует созыва Собора в Германии'. Нельзя было ожидать, что Сейм осмелится пренебречь этим популярным чувством. Более того, хотя большинство было полностью против доктринальных взглядов Лютера, многие его члены сочувствовали его стремлению к реформам в вопросах церковного управления и дисциплины. Поэтому сейм потребовал заслушать Лютера, заявив в то же время, что, если он будет упорствовать в своих еретических взглядах, противоречащих доктрине и вере, "которых придерживались они, их отцы, и отцы отцов", они готовы осудить его. Помимо всего этого, советники Карла не были слепы к политическим выгодам, которые можно было извлечь из сложившейся ситуации. Максимилиан однажды сказал: 'Пусть о виттенбергском монахе хорошенько позаботятся; возможно, когда-нибудь он нам понадобится', — и этот день настал. Лев все еще колебался между союзом Карла и Франциска, и угроза передачи всего вопроса на рассмотрение Генерального совета могла быть использована, чтобы заставить его действовать.

Соответственно, Лютер был вызван в Вормс под обещание охранной грамоты. Если бы теперь он согласился отказаться от своих доктрин в вопросах веры и ограничился вопросом внутренней реформы, он, вероятно, получил бы сердечную поддержку сейма. Но это было далеко от его намерений, и его бескомпромиссное поведение на данный момент сыграло на руку Риму. Он ожидал, что от него потребуют защиты его мнений; ему было приказано отказаться от своих ересей по вопросам доктрины. Он отказался это сделать. На требование признать императора и Сейм судьями его доктрин он ответил, что не позволит людям судить о слове Божьем. Он даже отказался подчиняться решениям Генерального совета, "если только его взгляды не были опровергнуты Священным Писанием или убедительной причиной". Таким образом, он стал в глазах Карла не только еретиком, но, что еще хуже,

мятежником; а теперь, когда союз с папой был тайно заключен, Лютер больше не был нужен в политических целях. Поэтому Карл страстно желал обнародования запрета и издания приказа о сожжении книг еретика. Однако отвращение сейма к непопулярности этого акта было настолько велико, что Карлу удалось добиться его согласия только на последнем заседании (25 мая), после того как Фридрих Саксонский и курфюрст Палатинский ушли. Лютер тем временем бежал в замок Вартбург в Саксонии, где прятался под защитой Фридриха Мудрого. Теперь он был отлучен от церкви, и это отлучение было утверждено сеймом. Будущее состояло в том, чтобы посмотреть, сможет ли император привести в исполнение решение сейма в Германии.

§ 4. Война, 1522-1523гг.

В этот момент внимание Карла было приковано к войне против Франциска. Унижение его соперника и завоевание Италии были первоочередными задачами; пока они не были достигнуты, дело Лютера могло подождать. Французы первыми перешли в наступление. Уже в мае они вторглись в Наварру, в то время как в предыдущем марте Роберт де ла Марк, сеньор Бульона, напал на Люксембург. Однако обе эти экспедиции потерпели неудачу, и Карл теперь заключил союз не только с колеблющимся папой, но и с Генрихом VIII. Лев X и Генрих VIII, объединившись с Карлом V. Лев X был удовлетворен публикацией запрета против Лютера. Он убедил себя, что победа французов в Италии будет более катастрофической, чем победа Карла, и 25 мая определенно присоединился к императору. Феррара и Парма должны были быть возвращены папе. Милан должен был стать феодальным владением империи Франческо Сфорца, сына Людовико Моро; французам должны были изгнать из Генуи, а Антонио Адорно провозгласить дожем; император обещал защитить Медичи во Флоренции и присоединиться к папе в искоренении ереси Лютера.

В ноябре Вулси, после тщетных попыток продолжить свою политику посредничества на Конференции в Кале, был вынужден, наконец, заявить о себе. Он присоединился к лиге императора и папы и пообещал помочь Карлу в совместном вторжении во Францию: император, со своей стороны, обручился с принцессой Марией.

Англичане не двинулись с места; но в Италии императорские и папские войска добились успеха. Успех императорских и папских войск в Италии. Лотрек, французский командующий, покинутый швейцарцами, которым власти на родине запретили воевать против своих соотечественников, был вынужден покинуть Милан, за исключением цитадели (19 ноября), а вскоре сдались Парма и Пьяченца.

В этот момент, когда фортуна, казалось, улыбнулась Льву X., его свалила лихорадка (1 декабря). Характер его понтификата таков, какого мы должны ожидать от сына Лоренцо Великолепного. Смерть Льва X. 1 декабря 1521 года. Его имя всегда будет ассоциироваться с художественными триумфами Рафаэля и запомнится его покровительством литературе; но это его единственная претензия на почет. Его характер хорошо иллюстрируется его высказыванием при избрании: 'Давайте наслаждаться папством теперь, когда мы его получили'. Хотя сам он не был расточительным, он потворствовал расточительству в других, и никогда еще роскошь не была более обильной, а жизнь в Риме - более беспечной. Он жил для удовольствия; духовные обязанности своего служения его мало интересовали. Серьезные проблемы того времени он оказался неспособным осознать. Если его беспечная щедрость принесла ему популярность, это серьезно обременяло папские финансы; и если, когда он умер, небо казалось ясным, то это была всего лишь ясность, которая часто предшествует буре — буре, которая была в значительной степени вызвана недостатком у него серьезности, проницательности и государственной мудрости.

Ко всеобщему удивлению, его преемником был выбран Адриан Утрехтский, некогда наставник Карла, а впоследствии его вице-король в Испании. Избрание Адриана VI. Январь 1522. Его избрание было связано с невозможностью найти кого-либо еще, кто мог бы получить достаточное количество голосов в коллегии выборщиков. Вулси, который был серьезным кандидатом, получил только семь. Джулио Медичи и Александр Фарнезе, которым в конечном итоге суждено было носить тиару, как Клименту VII и Павлу III, потерпели одинаковую неудачу. Длительная вакансия считалась опасной, и кардинал Медичи, который, несмотря на горячую поддержку императора, отчаялся в собственном успехе, передал свои голоса Адриану. Таким образом, два фламандца, до сих пор тесно связанные, теперь занимали два высших поста в христианском мире, и от такого знаменательного события можно было многого ожидать. Этим ожиданиям, однако, не суждено было сбыться. Новый папа, действительно, представлял собой разительный контраст со своим предшественником; но сам этот контраст лишь усугубил его трудности. Римляне были раздражены избранием 'варвара'. Их опасения по поводу того, что Адриан может перенести резиденцию папства в Испанию, выразились в сатирической рекламе 'Roma est locanda', размещенной на стенах Ватикана. Кардиналы, которые сначала в страхе за свою жизнь бежали от римского населения, вскоре пожалели о своем решении и возненавидели этого сурового папу-реформатора, который пытался урезать им зарплаты и пенсии, в то время как сам проявлял благосклонность к своим фламандским последователям. Литераторы были возмущены отсутствием у него сочувствия к новому учению. Даже его прямота и святость жизни не смогли завести ему друзей среди тех, кто желал реформ. Его экономность объяснялась скупостью; его замкнутые привычки и отсутствие реальной инициативы и характера лишили его той поддержки, которая в противном случае могла бы быть ему оказана. Не было более удачным и его отношение к Лютеру или к политическим проблемам того времени. Полностью убежденный в необходимости внутренней реформы злоупотреблений, он, тем не менее, был лишен сочувствия к новой теологии. Будучи инквизитором в Испании, он перенял испанские взгляды и считал, что репрессии должны предшествовать реформе; когда от еретика избавятся, папа сможет начать наводить порядок в своем доме.

По этому пункту император согласился с ним, но на этом соглашение прекратилось. Адриан хорошо служил ему в качестве наставника, а затем в качестве его вице-короля в Испании; Причины разногласий с Карлом. и теперь, когда его слуга воссел на папский престол, он надеялся на продолжение этого служения. Он забыл, что между Адрианом, вице-королем короля Испании, и Адрианом, папой римским, была огромная разница. Их взгляды также не совпадали. Карл был полон решимости стать хозяином Италии; для этого не только лютеранский вопрос, но даже война против турок должна была подождать, какой бы угрожающей ни была позиция Солимана в этот момент. Адриан, напротив, не стремился видеть императора слишком могущественным в Италии и стремился освободить папство от политических оков, в которые его вовлекли поздние папы. Добиться примирения между двумя соперниками, а затем сплотить весь христианский мир в крестовом походе против турок - об этом мечтал Адриан. С этой целью он занял нейтральную позицию и попытался провести посредническую работу. Результаты этой политики были самыми плачевными. Французская партия в Италии подняла голову; герцог Феррарский начал движение (февраль 1522 г.); противники Медичи во Флоренции и Сиене возобновили свои интриги с Франциском; швейцарцы снова перешли на службу к Франции и послали в Италию контингент, который был дополнен Венецией. Все выглядело настолько серьезно, что дон Мануэль, написав из Рима, посоветовал заключить перемирие с Франциском.

Однако в этот момент победа при Бикокке вернула Карлу удачу. В марте Лотрек выступил против Милана, который тогда удерживал Колонна для императора. Битва при Бикокке. 27 апреля 1522 года. Сфорца немедленно выступил из Павии на смену Колонне и после некоторых маневров укрепился на вилле Бикокка, в нескольких милях от города. Позиция была сильной. Но швейцарцы проявили неподчинение и настояли на атаке, от которой Лотрек не посмел отказаться. Швейцарцы просчитались в своих силах и были отброшены. Лотрек, который сделал обход со своими французскими солдатами с целью занять позицию в тылу, откуда только и представлялся возможным выход, задержался и был вынужден столкнуться с объединенными силами противника, разгоряченными победой над швейцарцами. Он был отброшен с серьезными потерями, и имперские войска остались хозяевами первого важного сражения войны. Поражение погубило французское дело. Они все еще удерживали миланскую цитадель и город Новара, но были вынуждены эвакуировать остальных миланцев, и вскоре после этого (30 мая) они были изгнаны из Генуи. Французы эвакуируют миланцев. Дождь Оттавио Фрегозо, лидер французской партии, был взят в плен, так же как и Педро Наварра, великий испанский генерал, которого скупость Фердинанда вынудила перейти на службу Франции. Антонио Адорно был провозглашен дожем, вассалом Карла, и Франция, таким образом, потеряла важную гавань, которая до сих пор давала ей легкий доступ в Италию. Победа Карла только усилила стремление Адриана к миру, но ни один из соперников его не послушал. Виндзорский мирный договор. Июнь 1522 года. В июне 1522 года Карл, находившийся тогда на пути в Испанию, подписал Виндзорский мирный договор. Генрих и император согласились, что унижение Франциска было необходимой подготовкой к войне против турок. Соответственно, они пообещали предпринять совместное нападение на Францию и заручиться союзом папы Римского и Венеции. Даже падение Родоса, важного форпоста против мусульман, удерживаемого рыцарями Святого Иоанна в Средиземном море (20 декабря), хотя и вызвало большое смятение в Европе и горькую печаль для Адриана, не заставило две великие державы отказаться от своих раздоров; Лига августа 1523 года. Смерть Адриана, 14 сентября 1523 г. и, наконец, в августе Адриан, предупрежденный интригами французских партизан в Италии о том, что любая идея посредничества тщетна и что в случае победы французов Папская область окажется в опасности, вступил в оборонительный союз с императором, в который вошли Англия, Милан, Генуя, Флоренция и Венеция. Шесть недель спустя Адриан умер (14 сентября 1523 г.).

Несмотря на свою ограниченность и недостаток государственной мудрости, Адриан был хорошим человеком и искренне желал реформ. Однако это желание лишь навлекло на него закоренелую ненависть кардиналов и римской черни, которые украсили дверь его врача венком, посвященным 'освободителю его страны'. Жалкий провал папы Адриана, возможно, является лучшим подтверждением восстания Лютера.

§ 5. Лютер и Регентский совет.

Отсутствие Карла в Испании, где он оставался в течение семи знаменательных лет (с июля 1522 по август 1529 года), наиболее убедительно указывает на то, где лежали его истинные интересы. Жестоко обойдясь со всеми, кто принимал участие в восстании коммунаров, он после смерти Кьереса в 1521 году стал истинным испанцем, испытывающим симпатии. В том же году он окончательно уступил Фердинанду австрийские земли своего Дома и отныне смотрел на Испанию как на настоящий центр своей империи. Карл пробыл в Испании семь лет, 1522-1529. Гордость испанцев, их решимость искоренить ересь — прежде всего, их страсть господствовать над миром — он полностью разделял; и именно от испанских войск и

испанских денег он в основном зависел в своих войнах. Большую часть своей жизни он провел в Испании. Он удалился туда и там умер.

Таким образом, в этом факте и в его императорском положении кроется лучший ответ на насмешку Наполеона о том, что Карл был дураком, не приняв протестантизм и не основав на этой основе сильную монархию. Ответ на насмешку Наполеона. В успехе такой политики со стороны Карла можно усомниться. Против него ополчилось бы большинство курфюрстов и принцев, которые, каковы бы ни были их религиозные взгляды, больше всего на свете боялись сильного монархического правления; и наши сомнения усилятся, если мы вспомним будущую политику Католической лиги во время Тридцатилетней войны. Но, как бы то ни было, Наполеон не оценил характера Карла. С таким же успехом можно было бы попросить леопарда сменить свои пятна, как Карла попросить возглавить национальное немецкое движение против всего, чем были дороги императоры и короли Испании.

Чтобы понять возможные альтернативы, нам нужно только вспомнить политическое состояние Германии, возможные альтернативы для Германии. уже описано на [страницах 106](#) и далее. Мы там заметили четыре силы, борющиеся за господство:—

1. Династические цели Габсбургов, направленные на установление централизованной монархии.
2. Конституционные идеи избирателей, направленные на создание аристократической конфедерации.
3. Анархические элементы, представленные постоянной частной войной и социальными беспорядками в "Bundscheue", или крестьянских ассоциациях.
4. Стремление к территориальной независимости, разделяемое большинством князей.

От вопроса, какая из них в конечном итоге возьмет верх, в значительной степени зависела судьба Реформации в Германии. Триумф первого, без сомнения, привел бы к искоренению ереси и установлению автократического правления, как церковного, так и гражданского. Если бы второе увенчалось успехом, оставалась некоторая надежда на протестантскую реформатскую церковь, основанную на реформированной империи, и возрожденный дух немецкой национальности, направленный как против папы, так и против императора. Третье, если его не подавлять или не направлять, несомненно, привело бы к вспышке религиозного фанатизма и к религиозному, а также политическому хаосу. Последнее, которое, как мы увидим, в конечном итоге восторжествовало, установило протестантизм на принципе "cuius regio, ejus religio", то есть территориальной независимости как Церкви, так и государства.⁴⁴

Отъезд Карла в Испанию дал некоторую надежду на то, что реформа Церкви может идти рука об руку с реформой Империи. Регентский совет во время отсутствия Карла. В его отсутствие власть перешла в руки Регентского совета под председательством Фердинанда, которого Карл назначил своим штатгальтером. В состав Совета входили некоторые, кто желал продолжить уже начатые политические реформы и кто также не был враждебен Лютеру; Нюрнбергский сейм, ноябрь 1522 г. в то время как ортодоксальная партия, хотя и по-прежнему составляла большинство, была слишком сильно встревожена растущей популярностью лютеранских взглядов, чтобы занять решительную позицию. Таким образом, несмотря на увещевания Адриана о том, что они приведут в исполнение Вормсский эдикт, Совет решил после бурных дебатов передать этот вопрос в Сейм, который собрался на свою вторую сессию в Нюрнберге 17 ноября. В Рационе питания снова началась борьба с аналогичными результатами. Православная партия по-прежнему составляла большинство,

но, за исключением Иоахима, курфюрста Бранденбургского, архиепископа Тревского и Георга, герцога Саксонского, не желали переходить к активным действиям. Все делегаты от имперских городов поддержали Лютера. Нюрнберг, где заседал сейм, горячо поддерживал его, и многие князья-миряне боялись идти наперекор чувствам своих подданных.

Соответственно, после долгих дебатов и ссылок на комитеты сейм ответил папе следующим образом: они сожалеют о неразберихе, вызванной лютеранским движением, но воздержались от приведения в исполнение эдикта, опасаясь гражданской войны. Сам папа Римский признал существование зла в Церкви, и это должно быть исправлено. Поэтому они попросили созвать в Германии свободный христианский совет, в котором должны быть представлены как миряне, так и священнослужители, для обсуждения жалоб. Тем временем не следует больше печатать лютеранских книг или разрешать проповеди, которые могли бы подтолкнуть народ к восстанию.

В то же время светские сословия представили свои сто 'Гравамин', перечисляя основные папские злоупотребления, от которых пострадала Германия. Сто Гравамин. Неверно говорить, как уже было сказано, что Сейм выступил в защиту Лютера, поскольку он был приговорен к молчанию, и Сейм не имел намерения покидать Рим; но приведение в исполнение Эдикта было отложено, а отсрочка была всем, что требовалось его делу. Его приверженцев быстро увеличивалось: как сказал Фердинанд, "Нет ни одного человека из тысячи, который в той или иной степени не был бы заражен лютеранской ересью", и это объясняет нежелание сейма выступить против него. Действительно, если бы Сейм, и в особенности Регентский совет, действительно представлял общественное мнение, Реформация могла бы начаться по национальному признаку. Этому помешала конституция Сейма. Более того, уважение Германии к Совету было утрачено из-за ее неспособности подавить "Рыцарскую войну".

Франц фон Зикинген, знаменитый имперский рыцарь, сыгравший столь заметную роль в избрании Карла, принял взгляды Лютера под руководством Ульриха фон Гуттена, Регентского совета и 'Рыцарской войны'. Сентябрь 1522 г. эта странная литературная вольница на стороне реформатора. Верный традициям своего ордена, Зикинген ненавидел курфюрстов, князей и города. Соответственно, он организовал Лигу рыцарей Верхнего Рейна и соседних округов. Лига требовала восстановления старых свобод Империи, отмены торговых монополий, отмены иностранного законодательства, сокращения числа духовенства и монахов, прекращения утечки денег через индульгенции и другие папские поборы. Видя свою возможность в слабости Совета, Зикинген решил напасть на владения курфюрста Тревского, полагаясь на поддержку сформировавшейся там лютеранской партии. Если бы ему удалось завоевать страну, он сразу же утвердил бы реформатские взгляды и завоевал бы для себя великолепную территорию. Соответственно, в сентябре 1522 года он осадил город Трев. Тщетно Совет приказывал ему воздержаться. Город, однако, выстоял. Тем временем принцы встревожились; они опасались, что следующим может наступить их черед, и взяли дело в свои руки. Несмотря на приказы Совета сохранять мир, они восстали и во главе с Филиппом, ландграфом Гессенским, разгромили Зикинген, который вскоре после этого погиб при защите своего замка Эбернбург в апреле 1523 года. Хаттен бежал в Швейцарию, где вскоре после этого трагически погиб. Совет также попытался, хотя и безуспешно, помешать Швабской лиге взять на себя обязанность подавления тех рыцарей, находящихся под ее юрисдикцией, которые присоединились к Зикингену.

Не сумев таким образом добиться повиновения или поддерживать порядок, Совет лишился всякой поддержки. Некоторые выступали против нее из-за того, что она не смогла сделать, другие из-за страха перед тем, во что она может превратиться. Она никогда не отражала

общественное мнение, а теперь стала не нравиться самой Диете. Провал Регентского совета. Города всегда возражали против этого из-за необходимости взимания налогов. Большинство князей не торопились со своими взносами и опасались, что Совет может выступить против них. Даже выборщики отчаялись в намеченных ими реформах. Соответственно, вскоре ее покинули наиболее видные члены. Курфюрст Палатинский, который был назначен вице-президентом, покинул его; а курфюрст Тревский, Георг Саксонский и Филипп Гессенский выступили против этого. Наконец, сейм Нюрнберга на своей третьей сессии (март-апрель 1524 г.) постановил, что его члены должны быть переизбраны и что ни один из нынешних членов не должен быть переизбран. Новый Собор был не более успешным, и хотя он просуществовал до 1531 года, он пользовался небольшим авторитетом. Дух независимости и территориализма был слишком силен, и всякой надежде на то, что Реформация может идти рука об руку с национальным движением, основанным на конституционной реформе Империи, пришел конец.

Но это был не единственный вопрос, стоявший перед этой диетой. Адриан VI. умер 14 сентября 1523 года. Новый папа, кардинал Джулио Медичи, принявший имя Климент VII. (избран в ноябре 1523 г.), Климент VII. и Нюрнбергский сейм. Март-апрель 1524 года. послал Кампеджио, своего легата, потребовать скорейшего исполнения Вормсского эдикта. Приверженцы Рима, хотя все еще составляли большинство, не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы полностью выполнить приказ папы. Они, правда, пообещали, что Эдикт будет исполняться, насколько это возможно, и что еретические книги должны быть запрещены; но, "чтобы хорошее не смешивалось с плохим", они снова настояли на созыве Генерального совета в Германии, а тем временем предложили созвать в Шпайерсе другой сейм для решения религиозных вопросов. Климент не был чем-то неестественно недоволен и в основном пользовался поддержкой Карла, который в июле издал указ, предписывающий строгое подчинение Вормсскому эдикту. Император осудил Лютера в самых решительных выражениях, запретил заседание сейма в Шпайерсе и заявил, что, хотя он не был полностью против созыва Генерального собора, решать этот вопрос должны он и папа, поскольку для Германии было бы самонадеянно самой вносить изменения в христианские таинства. В то же время он написал Клименту, сказав, что перед ними стоят только две альтернативы: либо он (Карл) должен отправиться в Германию и подавить еретиков силой, что было бы не только опасно, но и невозможно; либо следует созвать Генеральный собор. Совет, который, по его предположению, мог быть созван в Тренте, а затем перенесен в Рим. Однако Климент не пожелал принять этот курс католического конгресса в Ратисбоне. Июнь 1524 г. и Кампеджио, по его приказу, уже начал вести переговоры с князьями, наименее благосклонными к Лютеру, которые собрались на Конгресс в Ратисбоне в июне 1524 г. Решив начать реформу некоторых из худших злоупотреблений христианской дисциплиной и системы индульгенций, они запретили чтение книг Лютера и запретили студентам посещать еретический университет Виттенберга.

Этот конгресс в Ратисбоне знаменует собой дальнейший этап полемики. До сих пор вопрос о Лютере рассматривался как вопрос, представляющий национальный интерес. Здесь мы встречаемся с первой попыткой организовать оппозиционную партию; лютеране были вынуждены последовать их примеру; и Германия начала распадаться на два враждебных лагеря, так что всякая надежда разрешить религиозный вопрос, не разрушая единства империи, потерпела крушение. Однако реформа злоупотреблений определенно обсуждалась, и если бы папа и император были заодно, из этого могло бы что-то получиться; но этому помешали политические проблемы, которые снова разлучили их и настолько завладели вниманием Карла, что, как он сказал, 'Сейчас было не время говорить о Лютере'.

§ 6. Победа при Павии.

Карл возлагал большие надежды на избрание Климента VII. Но он забыл, что имеет дело с Медичи. Карл разочаровался в своих надеждах на поддержку со стороны Климента VII. Целью Климента было продвижение интересов Папской области и своего Дома во Флоренции, куда он отправил в качестве губернатора Алессандро, младшего сына своего двоюродного брата Лоренцо, герцога Урбино, под опеку кардинала Кортонского. Для достижения этих целей он, как и Лев. X., надеялся уравновесить силы Франциска и Карла. Хотя он делал вид, что стремится к миру, на самом деле он опасался достижения взаимопонимания между соперниками. И все же впервые добился успеха в Италии в 1524 году. Тем временем он вел выжидательную игру и, стремясь оказаться на стороне победителя, проводил робкую, вероломную политику интриг, которая никого не обманывала и должна была довести папство до глубочайшего унижения.

Поначалу Удача была на стороне Чарльза. В 1523 году герцог Бурбонский, самый могущественный вассал французской короны,⁴⁵ Верховный камергер и коннетабль Франции, поссорился со своим королем и перешел на сторону императора. Теперь он был назначен генералиссимусом итальянской армии. В мае французы, разбитые в нескольких сражениях, в одном из которых шевалье Байяр нашел смерть, единственную, по его мнению, достойную рыцаря, были вынуждены покинуть Ломбардию.

Успех Карла побудил Генриха возобновить свой союз, к большому разочарованию Уолси, Генриха VIII. возобновляет свой союз с Карлом. который хотел сохранить руку Англии свободной и не допустить, чтобы ни один из соперников не получил слишком большого перевеса. Король Англии пообещал еще раз вторгнуться во Францию и снабдить Карла деньгами, в которых он так остро нуждался; в то время как Бурбон должен был засвидетельствовать почтение английскому королю как королю Франции.

В июле Бурбоны пересекли Альпы, вторглись в Прованс и атаковали Марсель — важную гавань, основу операций французского флота, после неудачной атаки Бурбонов на Марсель. Июль 1524 г. в Средиземном море, откуда он угрожал союзам. Вопреки ожиданиям, "Марсель" выстоял. Маркиз Пескара, который был следующим по старшинству, посоветовал Бурбону не пытаться штурмовать его, в то время как его солдаты, лишенные жалованья и продовольствия, отказались.

Тем временем Уолси был против английского нападения на Пикардию; Карл не мог сотрудничать из Испании; а при приближении Франциска со своей армией Бурбон был вынужден поспешно отступить через Альпы, потеряв большую часть своей артиллерии. Франциск пересекает Альпы и въезжает в Милан. 29 октября 1524 года. Франциск наступал ему на пятки и, перейдя Альпы через долину Дюранс, достиг Пиньероля 17 октября 1524 года. Милан в тот момент был разорен чумой, и его с трудом удавалось удержать. Поэтому империалисты, отправив силы численностью около 6000 человек под командованием Антонио де Лейвы для удержания Павии, бросили часть войск в ее цитадель и отступили под Ланнуа и Пескарой к Лоди, в то время как Бурбон поспешил в Германию за свежими силами.

29 октября французы вошли в Милан через одни ворота, в то время как последние империалисты покинули его через другие. Если бы Франциск воспользовался своим преимуществом, он мог бы уничтожить своего врага; но в роковой момент адмирал Бонниве, французский командующий, убедил его атаковать Павию, и у Пескары появилось время

собрать свои измотанные войска. 'Мы разбиты,' сказал Пескара, 'но скоро мы станем победителями'. Однако, как и в 1521 году, так и сейчас, Карл, казалось, снова мог потерять миланцев. Климент, опасаясь мести французов, сначала попытался выступить посредником. Климент VII. порывает с Карлом. Он предложил Карлу уступить Милан Франциску и довольствоваться Неаполем. Когда Ланнуа, наместник Карла в Неаполе, отказался принять столь унижительное предложение, папа предложил свой союз французам и попытался привлечь на свою сторону Венецию. Свое поведение он пытался оправдать ссылкой на необходимость. Он заявил императору, что искренне желает мира, и призвал Бога в свидетели честности его мотивов. Чарльз, однако, не был обманут и поклялся, что "отомстит этому трусливому папе и, возможно, когда-нибудь Мартин Лютер станет достойным человеком".

Положение императора действительно казалось отчаянным. На союз с Англией он не мог положиться. В Германии уже началось крестьянское восстание. Судьба Карла была восстановлена победой при Павии, 24 февраля 1525 года. Он сам был болен лихорадкой в Испании: прежде всего, он не знал, куда обратиться за деньгами, чтобы заплатить пешим войскам, которые у него были. Даже Ланной предупредил его, что он, скорее всего, потеряет корону в попытке спасти герцогство. Два месяца спустя победа при Павии перевернула все это и поставила Карла в положение, о котором он едва ли мог мечтать. В январе 1525 года Бурбоны вернулись из Германии с таким количеством войск, что армия империалистов почти сравнялась с французской, за исключением артиллерии и латников. Но у него не было денег, чтобы заплатить своим людям. Тут Пескара пришел ему на помощь. Ему удалось убедить солдат подождать с получением жалованья до 10 февраля, к этому дню Павия должна была быть освобождена; и сразу же был отдан приказ о наступлении. Город все еще удерживался Антонио де Лейвой, но позиции французской армии, осаждавшей его, были настолько сильны, что Ланнуа не решался атаковать. Однако все попытки заставить Франциска снять осаду отвлекающим маневром провалились, и гарнизон оказался в таком бедственном положении, что вскоре, должно быть, капитулировал. Соответственно, после трехнедельной задержки было решено рискнуть возможностью помолвки. В ночь на 23 февраля в стенах парка Мирабелло, который простирался к северу от французских окопов, была пробита брешь, и на следующее утро был отдан приказ о наступлении. Франциск, введенный в заблуждение Бонниве, опрометчиво покинул свои укрепленные позиции и решил принять предложение о сражении. Открытая местность поначалу благоприятствовала его артиллерии и передвижениям латников. Империалисты дрогнули при первом натиске, и король, уверенный в победе, воскликнул: 'Сегодня я назову себя герцогом Миланским'. Но Пескара переформировал свою испанскую пехоту; немецкие ландскнехты под командованием Фрундсберга поддержали их, и французские латники были отброшены назад. В последовавшем за этим ударе пехоты швейцарцы, находившиеся на жаловании у Франции, первыми уступили дорогу, а итальянские войска оказали лишь слабую поддержку. Ландскнехты во французской армии некоторое время держались стойко, пока вылазка Лейвы из осажденного города не завела их в тыл, и французская армия не была разбита. Франциск, когда пытался возобновить сражение, получил под собой пулю в голову и был взят в плен. Он пал бы в общей резне, если бы его не узнал один из людей Бурбона. Потери французов были тяжелыми, так как пощады не было. Французский командующий Бонниве, Ла Палис и Ла Тремуль, которые оба состарились в итальянских войнах, Франциск Лотарингский и многие другие известные люди были убиты; среди пленных был и Анри д'Альбре Наваррский.

Битва, разыгравшаяся в двадцатипятилетний юбилей Чарльза, казалось, воплотила в жизнь самые смелые мечты Максимилиана. Никогда со времен Карла Великого идея создания

Западной империи не была так близка к реализации. Не только Италия, но и Франция, казалось, были во власти Карла, и, если бы Франция подпала под его власть, Европа вряд ли смогла бы избежать рабства. Но победа была слишком полной. Европа, встревоженная за свою безопасность, сплотилась для самообороны, и безнадежность мечты Максимилиана вскоре была продемонстрирована.

§ 7. Крестьянская война.

В то время как эти важные вопросы решались в Италии, Германия была ареной серьезной вспышки, которая угрожала всей структуре общества. Причины крестьянской войны. Причины крестьянского восстания были в первую очередь социальными. Еще до появления Лютера мы слышим о 'Бундсхухе' и других организациях крестьян, а также о восстаниях против их господ. Их жалобы были обычными для класса вилланов во всех феодальных обществах: тяжелые повинности, ущемление прав на спортивные состязания и огораживание общих земель их лордами. Действительно, с самого начала высшее духовенство было специально выделено для нападения. Епископ и настоятель объединяли в своих лицах положение духовного настоятеля и феодала. Как феодалы, они взимали пошлыны, требовали услуг и судили правонарушителей в своих судах. Как церковные начальники, они требовали десятину, наказывали церковные правонарушения в своих церковных судах и угрожали отлучением от церкви нераскаявшимся или непокорным. Более того, большие взносы, которые требовал от них Рим, вынуждали их полностью выплачивать свои взносы. Однако поначалу не было никакой связи между этими социальными проблемами и религиозным недовольством. Однако было неизбежно, что со временем они стали идентифицироваться. Более фанатичные учителя новых доктрин, такие как Карлштадт, были привлечены к движению. Они ссылались на Священное Писание как на оправдание восстания и учили крестьян буквально толковать духовные предписания Евангелия и бороться за религиозную и политическую свободу и за социальное равенство под одним знаменем. Таким образом, в Германии, как и везде, религиозный мотив вышел на первый план, дал выражение страданию, пока еще невнятного, и снабдил недовольных евангелием.

Восточные районы Шварцвальда, расположенные между водоразделами Рейна и Дуная, первыми поднялись в мае 1524 года. Восстание в Шварцвальде. Май 1524 года. Их взгляды были сравнительно умеренными и впоследствии были сформулированы в 'Двенадцати статьях'. В этом документе, после обращения к Священному Писанию в обоснование своих требований, они заявляли о праве избирать своих собственных министров и просили об отмене малой десятины, о свободе охоты, рыбной ловли и рубки леса, о замене личной крепостной зависимости, о сокращении услуг вилланов и сборов, о восстановлении общинных прав. Восстание даже здесь сопровождалось некоторым насилием, но если бы оно было встречено духом примирения со стороны лордов и твердостью со стороны правительства, его, вероятно, можно было бы остановить. Дворяне, однако, цеплялись за свои привилегии; Совет был недееспособен, и Фердинанд сосредоточил свою энергию на снабжении войск и денег для итальянской кампании.

Беспорядки, соответственно, быстро усилились осенью 1524 года, а к февралю 1525 года Восстание получило широкий размах. Они распространились по всей Германии, от левого берега Рейна до Тироля и от Боденского озера до Тюрингии и Саксонии. Требования крестьян становились все более экстремальными, более умеренные теряли контроль, и лидерство брали на себя фанатики или проектировщики.

Во Франконии, среди насильственных эксцессов, мы находим требования социальных реформ, связанных с планом политического восстановления империи - повстанцами

Франконии и Тюрингии. на демократической основе — схема, которая выдает руку более образованного человека. Но именно в Тюрингии и районе вокруг гор Гарц экстравагантность достигла своего апогея. Лидер, Томас Мюнцер, проповедовал доктрины, подрывающие всякую власть в Церкви и государстве, а также существующие условия в обществе. Принятый в Мюльхаузене в Тюрингии как пророк, он предложил сделать этот город центром своей власти, откуда он должен был править своим королевством в соответствии с откровением.

На мгновение социальная структура Германии оказалась под угрозой. Крестьяне торжествовали со всех сторон. Знать была либо изгнана из своих цитаделей под угрозой социальной анархии. или вынуждена вступить в лиги как 'братья'. Небольшие города, многие из которых страдали от тех же притеснений, что и крестьяне, — даже некоторые из небольших имперских городов - присоединились к движению. Ульрих Вюртембергский воспользовался возможностью, чтобы попытаться вернуть владения, которых он лишился из-за неправильного правления (ср. [стр. 131](#)), и призвал повстанцев к себе на помощь.

Германии действительно угрожала анархия; однако сомнительно, чтобы у крестьян были какие-либо шансы на постоянный успех. Причины провала восстания. Лидеры были по большей части дальновидными и невежественными фанатиками. Мюнцер не был ни пророком, ни генералом, и у повстанцев не было эффективной организации. Более того, средний класс во главе с Лютером выступил против них. Сначала Лютер проповедовал умеренность и примирение. Осуждая восстания против власти как противоречащие божественному закону, он упрекал принцев и лордов в их притеснении и призывал их удовлетворить претензии своих подданных. Однако расточительность крестьян вскоре вызвала у него отвращение и ужас. Ему не нравились их взгляды, и он опасался, что его собственное положение и работа могут быть скомпрометированы. Он указал, что духовные принципы христианства не могут быть без риска перенесены в сферу общества и политики; и что, если Евангелие требует свободы души, оно тем самым не освобождает тело от контроля закона. Он осудил мятежников со свойственной ему яростью в выражениях и призвал власти отбросить все угрызения совести и "колоть, убивать и душить" без пощады.

В этот момент известие о победе при Павии укрепило дело порядка. Швабская лига подняла оружие против герцога Ульриха. Швейцарцы, которые поначалу проявляли некоторое сочувствие к крестьянам и поддерживали герцога, теперь вывели свой контингент, частично из-за беспорядков дома, частично из страха перед местью Карла, и Ульрих был вынужден поспешно отступить. Поражение при Лейпхайме. 4 апреля. 4 апреля армия Лиги нанесла решительное поражение крестьянам в Лейпхайме, недалеко от Ульма. 15 мая принцы, снова возглавляемые Филиппом Гессенским, разгромили армию Мюнцера близ Франкенхаузена. Мюнцер был взят в плен и казнен в Мюльхаузене. Герцог Лотарингии захватил Цаберн в Эльзасе и восстановил порядок в Вогезах. Взятие города Вюрцбург объединенными силами Швабской лиги, курфюрста Тревского и курфюрста Палатинского 7 июня решило судьбу Франконии; и вскоре после этого крестьяне Верхнего Рейна и Шварцвальда либо смирились, либо были разгромлены. Принцы и знать, вновь ставшие хозяевами, соперничали в жестокости с мятежниками. Множество несчастных крестьян было безжалостно вырезано, а жалобы выживших остались, за редким исключением, без ответа.

Но хотя крестьяне потерпели неудачу в своей попытке, влияние восстания на ход Реформации было глубоким. Влияние крестьянского восстания на Реформацию. Полная недееспособность Совета была еще раз продемонстрирована, в то время как поражение крестьян спасло Германию от религиозной и социальной анархии. Из четырех возможных результатов лютеранского движения, которые мы указали выше ([стр. 165](#)), теперь остались

только два. Вопрос заключался в том, удастся ли Чарльзу полностью восстановить свою власть, или дух территориализма окажется для него слишком сильным. Дело принцев действительно укрепилось. Снова, как и в случае с Рыцарской войной, они утвердили свою власть и вместе со Швабской лигой показали себя настоящими хозяевами страны. Лютер до некоторой степени утратил поддержку низших классов и был вынужден еще больше опираться на князей. И все же положение императора было наиболее угрожающим. Противники Лютера со скудной справедливостью возложили ответственность за беспорядки на него, и многие из наиболее робких и утонченных были отстранены от его дела. Сам Карл еще больше убедился в том, что ересь и мятеж - синонимы. Поэтому он был полон решимости искоренить ересь, и победа при Павии, казалось, предоставила ему блестящую возможность. Все зависело от того, каким должен быть исход этой победы.

⁴² Ср. кембриджскую современную историю, ii. 416.

⁴³ По этому поводу см. Армстронг, *Карл V.*, II в. до н. э. III в.

⁴⁴ Чтобы понять дальнейший ход Реформации в Германии, необходимо изучить карту и отметить—

а. необычайное количество княжеств, на которые была разделена Германия.

б. Разделение владений великих князей между ветвями одной семьи, многие из которых приняли противоположные стороны. Лучше всего это видно из следующей таблицы:—

ПРОТЕСТАНТ.

КАТОЛИК.

Дом Веттинов в Саксонии.

Эрнестина, избирательное
отделение
в Виттенберге.

Albertine, at Meissen.

Эрнест, 1464-1468.

Альберт, 1485-1500гг.

Фридрих Мудрый, 1486-1525.

Герцог Георг, 1500-1535.

Джон, его брат, 1525-1532.

Генри, его брат, 1535-1541,
становится протестантом.

Джон Фредерик. 1532–1554.

Морис, 1541-1553, обеспечивает
электорат.

Hohenzollern.

Младшие ветви.

Избирательная ветвь власти.

(1) Альберт Прусский, великий

Альберт Ахилл, 1470-1486.

магистр Тевтонского ордена,
1512-1568. Секуляризует свое
герцогство в 1525 году.

(2) Альберт Алкивиад, маркграф
Кульмбахский, 1536-1557.

(3) Иоанн Кюстринский,
маркграф Ноймарк, брат
Иоахима II., 1571.

Виттельсбах.

Иоанн Цицерон, 1485-1499.

Иоахим I., 1499-1535.

Joachim II., 1535–1571.
Становится протестантом в 1539
году, хотя никогда не порывает с
императором.

(1) Бавария.

Albert II., 1460–1508.

Вильгельм I., 1508-1550.

(2) Пфальц.

Фридрих Победоносный, 1451-
1476.

Филипп, его племянник, 1476-
1508.

Льюис V., 1508-1544.

Фридрих II., его брат, 1544-1556,
становится протестантом.

Благополучие.

Герцог Эрнест I. Люнебургский,
1532-1541.

Duke Henry IV., of Wolfenbüttel,
1514–1568.

Wurtemberg.

Ульрих I., 1503-1550, стал
протестантом в 1534 году.

с.Количество церковных государств. Три великих выборных архиепископства Трев, Майнц, Кельн — с епископствами Мец на Мозеле, Страсбург и Вормс - настолько доминировали в верхнем Рейне и его притоках, что дали ему название Priest Street. Епархии Утрехта, Бремена, Мюнстера и Падерборна тянулись почти непрерывной линией на северо-запад. К ним мы должны добавить Хильдесхайм, Хальберштадт, Магдебург, Вюрцбург, Бамберг в центральной Германии; а на юге - архиепископство Зальцбург и епископство Трент. Существование этих многочисленных церковных княжеств имело двоякий эффект. Это вызвало в Германии

сильное недовольство папскими притеснениями, жертвами или проводниками которых были епископства; в то время как желание князей расширить свои владения путем секуляризации этих церковных государств оказало мощное влияние на многих курфюрстов и князей, как католических, так и протестантских. Кроме того, во многих случаях епископы были родственниками князей, и их политика руководствовалась семейными интересами или соперничеством.

45 Он был лордом 2 княжеств, 2 герцогств, 4 графств, 2 виконтий и 7 светлостей.

Посмотреть [Карту Франции](#).

Причина ссоры между Франциском и Бурбонами.—Карлу, графу Монпансье, Людовик XII разрешил жениться на Сюзанне, наследнице герцога Питера Бурбонского. После смерти его бездетной жены королева-мать Луиза Савойская заявила права на часть его владений как племянница герцога Питера. Фрэнсис, имея на то больше прав, потребовал восстановления других во исполнение первоначального обещания герцога Питера, что в случае отсутствия потомства мужского пола он оставит все отчуждаемое имущество своего Дома Короне.

ГЛАВА IV

ОТ МАДРИДСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА К КРЕСПИЙСКОМУ

Мадридский мирный договор—Коньячная лига—Разграбление Рима—Медици изгнаны из Флоренции—Битва при Аверсе—Барселонский мирный договор—Камбрэйский мир—Карл коронован императором—Сеймы Шпайерса и Аугсбурга—Лига Шмалькальде—Цвингле в Швейцарии—Нюрнбергский мир—Барбаросса в Алжире—Возобновление войны между Карлом и Франциском—Перемирие в Ницце—Восстание в Генте подавлено—Анабаптисты в Мюнстере—Ратисбонский сейм—Кампания 1542 года—Креспийский и Ардресский договоры.

§ 1. Мадридский мирный договор и коньячная лига.

Чарльз при известии о своей удаче сохранил то же невозмутимое самообладание, что и в те дни, когда поражение, казалось, смотрело ему прямо в лицо. Поведение и трудности Карла после победы при Павии. Он запретил всякое публичное ликование. Он приписывал все Богу и заявлял, что его единственным желанием было установление прочного мира, чтобы он мог обратить оружие христианского мира против турок. Но он и раньше утверждал, что единственная надежда на мир заключается в подчинении Франции, и он не изменил своего мнения. И все же, как было осуществить это подчинение? О войне в данный момент не могло быть и речи. У Карла не было денег, и даже выплата жалованья войскам задерживалась. Крестьянская война в Германии все еще продолжалась, и Фердинанд ничем не мог помочь. Генрих VIII, возможно, его можно было бы убедить вторгнуться во Францию, если бы император признал его притязания на французский трон; но Карл не желал, чтобы Англия таким образом возвеличивалась, и отказался от всех определенных обещаний. Поэтому Вулси добился своего и в августе заключил союзный договор с регентом Франции, по которому Генрих в обмен на ежегодную пенсию обещал потребовать свободы короля на почетных условиях. Италия формировала лигу самообороны, и было известно, что Клемент, хотя и по-прежнему был полон обещаний, вел двойную игру. Франция, хотя и потеряла

армию и своего короля, все еще оставалась Францией и была полна решимости сопротивляться вторжению до последнего пенни в своем кошельке и до последней капли своей крови. О войне тогда не стоило и думать; да и перспективы Карла добиться своей цели мирным путем казались ненамного лучше. Его требования о передаче ему Бургундии и Артуа и о том, чтобы Бурбоны владели Провансом независимо от Франции, были с негодованием отвергнуты. Французы не подчинились разграблению своей территории, и французский король заявил, что он скорее умрет в плену, чем купит свою свободу таким бесчестьем. Фрэнсис, однако, не обладал такой силой характера, как его соперник, и вскоре начал тосковать по свободе. Услышав, что его предлагается отправить пленником в Неаполь, он уговорил Ланноя отправить его вместо этого в Испанию (июнь), поскольку он возлагал большие надежды на личную беседу с Чарльзом. Он не понимал человека, с которым имел дело. Нет ничего более примечательного, чем упорство, часто доходящее до упрямства, с которым Чарльз цеплялся за однажды принятое решение. Он считал свои притязания на Артуа и Бургундию справедливыми; особенно Бургундия была колыбелью его расы и была несправедливо отнята у его бабушки, Марии Бургундской; она должна быть возвращена ему. Тщетно Франциск и французские посланники умоляли о некотором смягчении его требований. Карла это не тронуло: он даже отказывался видеть короля Франции, пока серьезный приступ лихорадки не угрожал жизни заключенного. Известие о том, что Климент и итальянцы заключают союз с Францией, что Франческо Мария Сфорца из Милана, его собственная креатура, восстает против него; попытка Мороне, миланского канцлера, запятнать честь своего лучшего генерала Пескары — попытка, которую Пескара, 46 лет, побуждаемый чувствами лояльности или своекорыстия, предал своему повелителю, — все это не произвело никакого эффекта на Карла. Мороне был схвачен, Сфорца был объявлен лишившимся своего герцогства и был осажден в своей цитадели имперскими войсками.

Фрэнсис, оправившись от своей тяжелой болезни, попытался сбежать, но его план был нарушен. Ему ничего не оставалось, как покинуть Бургундию, и к этому его теперь подталкивала королева-мать Луиза Савойская. Франциск соответственно уступил; но, утверждая, что он один может получить согласие своего народа на уступку, предложил оставить двух своих старших сыновей в качестве заложников и пообещал вернуться в плен, если это согласие не будет получено. Карл крайне не желал соглашаться даже на это, и его поддержал его канцлер Гаттинара, который предсказал результат. Однако положение Италии было отчаянным. Пескара умер 3 декабря, почти на последнем издыхании убеждая своего хозяина заключить мир с Францией, если он спасет Италию; все остальные его советники придерживались того же мнения. Карл, соответственно, уступил и согласился на Мадридский мирный договор.

По этому договору Франциск должен был уступить Турне, "восстановить" Бургундию в полном суверенитете, отказаться от всех претензий на Италию, а также от сюзеренитета над Фландрией и Артуа. Мадридский мирный договор. 14 января 1526 года. Он должен был отказаться от защиты своих союзников, выплатить долг, понесенный Карлом Англии в последней войне, и помочь ему в борьбе с турками. Герцог Бурбонский должен был вернуть свои утраченные владения и получить в придачу Миланское герцогство. Ратифицируя договор, Франциск пообещал жениться на Элеоноре, овдовевшей королеве Португалии, сестре императора, и оставил своих сыновей в качестве заложников для выполнения договора. Однако этот договор не стоил бумаги, на которой он был написан. Хотя Карл заставил Франциска поклясться рыцарской честью и Евангелием выполнить соглашение или вернуться в плен, как только последний снова оказался на свободе, он отказался от него. За день до того, как он подписал его, он заявил протест своим собственным послам, что не будет рассматривать вырванные у него таким образом обещания как обязательные к

исполнению, и уведомил их, что не намерен их выполнять. Мы удивлены, обнаружив, что такое поведение не вызвало удивления в Европе. Уолси фактически призвал Франциска избрать этот курс, и Климент освободил его от клятвы.

Таким образом, освобождение французского короля лишь ободрило врагов Карла, а 22 мая - и Коньячную лигу. 22 мая 1526 года. Папа Римский, Франциск, Сфорца, Венеция и Флоренция заключили Священную лигу Коньяка под 'защитой Генриха Английского'. Сфорца должен был утвердиться во владении Миланом; все итальянские государства должны были быть восстановлены в том положении, которое они занимали до войны; Карл должен был освободить молодых французских принцев за определенную сумму денег и выплатить свой долг Англии в течение трех месяцев. Участники Лиги заявили о своем желании обеспечить прочный мир. Поэтому Чарльзу и всем другим принцам была предложена возможность присоединиться к Лиге. Но если император откажется, он будет изгнан не только из Милана, но и из Неаполя, который тогда должен был принадлежать папе за счет выплаты ежегодного дохода Франции.

Теперь Карлу угрожала коалиция, более грозная, чем любая предыдущая. И это было еще не все. Его армия находилась в состоянии мятежа из-за нехватки жалованья и продовольствия, а также в опасности из-за решительной враждебности итальянцев. Колонна и Пескара, два его лучших генерала, были мертвы, а Бурбон поссорился с Ланнуа, вице-королем Неаполя. В Венгрии Солиман был близок к победе в битве при Мохаче (28 августа 1526 г.) — победе, которая должна была отдать ему большую часть этой страны; Франциск вел переговоры с этим врагом христианского мира, и даже Венеция заявила, что предпочитает быть вассалом турка, а не императора.

К счастью для Карла, члены Лиги не были горячими сторонниками общего дела. Франциск, казалось, был полон решимости скрасить тоскливые дни заключения и проводил время на охоте и в других развлечениях. Он выразил самые замечательные чувства относительно необходимости немедленных действий и воспользовался Лигой, чтобы попытаться выманить у Карла более легкие условия, но ничего не предпринял. Уолси не намеревался открыто порвать с Карлом и уговорил Генриха VIII. отказаться от должности протектора Лиги. Вопрос о разводе уже возник, и если это повлияло на Вулси, чтобы предотвратить примирение между папой и императором, это также дало ему веские причины не раздражать Чарльза понапрасну. Наконец, герцог Урбинский, командующий венецианской армией, то ли из-за некомпетентности, то ли из-за нежелания чрезмерно расширять власть папы, не смог энергично вести войну. Таким образом, империалисты смогли сосредоточить свои усилия на Миланской цитадели, и 24 июля Сфорца был вынужден капитулировать. Милан капитулирует перед империалистами. 24 Июля 1526 года колонези, возглавляемые кардиналом Помпео, восстали, и их поддержал дон Уго де Монсада, преемник Пескары. 22 августа они притворились, что пришли к соглашению; но не успел Климент распустить свои войска, как Монсада и кардинал, соперничая с вероломством Франциска, предстали перед стенами Рима вместе с армией Колонези. Горожане, уверенные, что Колонези пришли только для того, чтобы избавить их от тирании папы, и пригрозившие уничтожением, если они пошевелиятся, не оказали сопротивления; папский дворец, дома кардиналов и послов были разграблены; церковь Святого Петра была разграблена, а Войско осквернено; и Климент, совершенно беззащитный, был вынужден подчиниться условиям, продиктованным победителями (21 сентября). Он пообещал отозвать свои войска из Ломбардии, заключить с императором четырехмесячное перемирие и помиловать Колонези. Однако известие о взятии Кремоны армией Лиги вдохновило его в недобрый момент нарушить свои обещания.

Он послал свои войска опустошать территории Колонези и лишил кардинала Помпео его сана.

Монсада велел императору дезавуировать свое нападение на Рим. Карл так и сделал, но в то же время предупредил Коллегию кардиналов, что если что-то случится с христианским миром, то это будет вина папы, который, вступив таким образом в Лигу, "стремился скорее к удовлетворению своих собственных желаний, чем к чести Христа и благу его народа". Император также отправил шесть тысяч испанских солдат в Италию и приказал Фердинанду отправить восемь тысяч немцев под Фрундсберг. Разграбление Рима. 6 мая 1527 года. В ноябре этот враг папства перешел Альпы с армией, набранной в основном из разбойничьих крепостей Германии, в которых было много лютеран. К концу декабря он добрался до Пьяченцы, несмотря на слабые попытки сил Лиги остановить его. В то же время Ланной высадился в Сан-Стефано, в Тоскане, с рекрутами из Испании. Климент был сейчас 'в таком состоянии, что не понимал, где находится', - говорит очевидец. В какой-то момент он торговался об условиях мира с Ланной, в другой - угрожал ему и его войскам отлучением от церкви. Наконец, однако, 15 марта он заключил восьмимесячное перемирие. Это, однако, его не спасло. К Фрундсбергу в феврале присоединились Бурбоны с войсками из Милана. Их первой идеей было напасть на Флоренцию. Однако, услышав, что город готов к сопротивлению и находится под защитой армии Лиги под командованием герцога Урбино, Бурбон повернулся к Риму, заявив, что его войска взбунтовались и тащат его туда. По мере того как он продвигался вперед, его армия пополнялась итальянцами, жаждущими грабежа. 6 мая, после двойного отражения, укрепления Вечного города были взяты, хотя Бурбон пал, и Рим в течение восьми дней находился в руках опустошителей. В древности она много страдала от варваров, но, вероятно, никогда еще не подвергалась такой жестокости, как сейчас, от рук христиан. Смерть Бурбона и отсутствие Фрундсберга, который был оставлен смертельно больным в Болонье, лишили его единственных людей, которые могли бы сдерживать ярость солдат. Испанцы отличались жестокостью, лютеране - богохульством и святотатством. Они грабили без различия друзей или врагов. "В Риме нет, - говорит современник, - ни одного дома, ни одной церкви или монастыря, ни римлян, ни иностранцев, больших или малых, которые не были бы разграблены". 'Кардиналы,' говорит другой, 'епископы, монахи, священники, старые монахини, младенцы, дамы, пажи, слуги, самые бедные были замучены с неслыханной жестокостью, часто трижды: сначала итальянцами, затем испанцами, а затем копейщиками. Наконец, пришли злодеи Колонези, умирающие от голода, и разорили то, что другие солдаты не соизволили взять.' Можно сказать, что разграбление Рима положило конец периоду величия Италии. Ей больше не суждено было стать лидером новой науки и искусства.

Тем временем несчастный папа находился в осаде в замке Святого Анджело. Он мог бы сбежать, пока город разграблялся; но он медлил, надеясь, что армия Лиги поспешит ему на помощь. Наконец это действительно произошло; но герцог Урбинский, заявив, что у него недостаточно сил для атаки, отступил, и 7 июня Климент был вынужден капитулировать. Он пообещал выплатить требуемые суммы денег, сдал шесть городов в качестве залога и согласился оставаться пленником вместе со своими тринадцатью кардиналами до тех пор, пока не будет выплачен первый взнос. Некоторые теперь советовали императору отобрать земли папства и низвести папу до его духовных функций; или, по крайней мере, "держать апостольский престол на таком низком уровне, чтобы он всегда мог распоряжаться им и командовать им". Но хотя Карл объявил разграбление Рима судом Божиим, он, вероятно, искренне сожалел об этом,⁴⁷ и даже если бы он хотел пойти на крайности, он был бы готов. я не в том положении, чтобы делать это. Действительно, поимка папы обещала принести ему так же мало пользы, как и захват короля Франции. Известие о разграблении Рима, наконец,

пробудило жаждущего удовольствий Франциска и заставило Англию изменить свою политику виртуозного бездействия. К этому Вулси подтолкнул его властный хозяин. Генрих VIII. вступает в союз с Франциском. Апрель–май 1527 года. Генрих VIII. теперь он был намерен развестись с королевой Екатериной, тетей Карла; поэтому важно было не только заручиться поддержкой Франциска, но и, по возможности, заслужить благодарность папы Римского. Соответственно, по договорам от 30 апреля и 29 мая Генрих отказался от своих притязаний на французский трон в обмен на бессрочную пенсию; малолетняя принцесса Мария была обручена со вторым сыном французского короля; и Англия пообещала предоставить Франциску деньги для его итальянской кампании. В следующем августе Вулси провел конференцию в Амьене с французским королем. Конференция в Амьене. Август 1527 года. Было решено, что во время пребывания папы в плену никакая Булла, ущемляющая интересы обоих королей, не должна допускаться на их территории, что Церквями Франции и Англии должны управлять их епископы и что решения, вынесенные Вулси в его легатских и архиепископских судах, должны исполняться, несмотря на любой папский запрет. Договаривающиеся стороны также решили, что папу римского, находящегося в плену, следует попросить передать свою власть другому лицу, которое должно предпринять шаги для удовлетворения насущных потребностей. Вулси даже предложил назначить его самого папским викарием. Предлогом для этих странных предложений послужило опасение, что Чарльз может использовать духовные силы своего пленника себе во вред, но нет никаких сомнений в том, что Вулси также надеялся таким образом получить полномочия для немедленного урегулирования вопроса о разводе.

Тем временем новая французская армия под командованием Лотрека вторглась в Италию и вскоре захватила всю Ломбардию, за исключением самого Милана, который стойко защищал Антонио де Лейва. Французы снова входят в Италию. 30 июля. Если бы Лотрек сосредоточил все свои усилия на взятии города, как его уговаривали Сфорца и герцог Урбинский, он, несомненно, пал бы, поскольку у Лейвы была лишь горстка людей, а также не хватало денег и припасов. Однако было известно, что Лейва будет сражаться до последнего; и Лотрек, не желая ослаблять свои силы столь отчаянным столкновением, повернул на юг, на помощь Клеману (октябрь 1527 г.). Положение папы было действительно плачевным. Денег у него не было, и без выплаты выкупа он не мог вернуть себе свободу. Рим, тем временем, продолжал оставаться жертвой безжалостных солдат. Герцог Феррарский захватил Реджо и Модену; и даже венецианцы, хотя и были союзниками папы, заняли Равенну и Червию под предлогом того, что они сделали это, чтобы спасти эти города от попадания в руки Феррарезе.

Хуже того, флорентийцы в мае снова восстали против Медичи, изгнали двух двоюродных братьев папы, Алессандро и Ипполито, из города и восстановили Республику под руководством ветерана Николо Каппони. Медичи снова были изгнаны из Флоренции. 17 мая 1527 года. Климент пожертвовал интересами Церкви в своей попытке укрепить светскую власть и возвеличить свою семью, и вот результат. Однако до того, как Лотрек добрался до Рима, папа, по крайней мере, вернул себе свободу. Карл понимал, что ничего не добьется, держа Климента в плену; он искренне желал заключить с ним мир и приступить к искоренению ереси. Поэтому он приказал Монсаду попытаться договориться, предупредив его в то же время остерегаться, чтобы Франциск не обманул его, как это было с ним самим.

Соответственно, 26 ноября было заключено следующее соглашение. Папа должен был немедленно выплатить определенную сумму денег и пообещать больше. Климент договаривается с Карлом, 26 ноября. Но улетает в Орвието, 6 декабря. Он обязался не противодействовать планам императора в отношении Италии; он предоставил ему ‘крусаду’

из церковных доходов Испании и половину церковной десятины Неаполя; Остия, Чивита-Веккья и Чивита-Кастеллана должны были быть оставлены в руках Карла в качестве гарантий, а также пятерых кардиналов; папа должен был быть освобожден 7 числа следующего месяца. Предыдущей ночью, опасаясь, что его все еще могут держать в плену, он переодетый бежал в папскую крепость Орвието.

Несмотря на это, дела Карла шли плохо. Флоренция, хотя и изгнала Медичи, не покинула Лигу. Лейва все еще удерживал Милан, но предупредил Чарльза, что "Бог творит чудеса не каждый день", что является критическим состоянием империалистов в Италии. и что, если его войска не будут быстро освобождены, они, хотя и не сдадутся, умрут с голоду. Геную еще раз отвоевал для французов Андреа Дориа. Ланнуа, вице-король Неаполя, только что умер от чумы, и императорская армия, выступившая под командованием принца Оранского на помощь Неаполю, была окружена французской армией под командованием Лотрека. Неаполь казался обреченным, и Франциск ликовал.

Однако, как это случалось во время каждого важного кризиса в этой долгой борьбе, французы, когда были наиболее уверены в себе, были близки к поражению. Хотя войскам императора плохо платили и плохо кормили, и по этой причине они были непокорны и готовы к грабежам, они явно превосходили войска Франциска как по силе выносливости, так и на поле боя. До сих пор они были в меньшинстве, но их выносливость истощила врагов, и вскоре они должны были быть в состоянии встретиться с ними в поле. Судьба Неаполя зависела от господства на море, и теперь оно находилось в руках Андреа Дориа и его племянника Филиппино. Франциск ссорится с Дориа. Андреа Дориа возглавил революцию, которая недавно вернула Геную французам. Вскоре он раскаялся в своем поступке. Франциск не только лично оскорбил его, отказавшись должным образом заплатить ему за использование его галер и отказав в выкупе захваченных им пленных, но и задел его патриотизм, пренебрегши Генуей и попытавшись сделать Савону, которую французы недавно завоевали, ее торговым соперником. По настоянию Дориа Франциск послал бретонца принять командование французским флотом в Средиземном море и даже подумывал об аресте дожа. Соответственно, Дориа прислушался к заманчивым предложениям принца Оранского и 4 июля приказал своему племяннику отплыть из Неаполя. Его отъезд сразу же позволил городу обеспечить себя продовольствием с Сицилии, и опасность голода была устранена. В этот критический момент французская армия, которая также страдала от нехватки припасов, подверглась жестокой вспышке чумы. Лотрек с несколькими своими офицерами пал жертвой этого, и армия была настолько разбита, что маркиз Салуццо, который сменил его на посту командующего, решил отступить к Аверсе (28 августа).

Когда французы попытались осуществить это движение, арьергард под командованием Педро Наварры был настигнут противником и вынужден сдаться. Битва при Аверсе, 28 августа. Французы эвакуируют Неаполь. Принц Оранский, развивая свой успех, преследовал отступающего противника и вынудил его капитулировать по собственному усмотрению. Маркиз Салуццо оставался пленником в его руках вместе с Педро Наваррой, и вскоре оба умерли. Остальной части армии было разрешено вернуться по домам под обещание пока не служить против императора. Теперь Дориа отплыл в Геную и поднял город против французов. 28 октября губернатор Тривульцио был вынужден капитулировать, французы окончательно были изгнаны из Генуи. 28 октября. и Дориа добился успеха в создании правительства, которое, хотя и было несколько олигархическим, по крайней мере, защищало город от тех жестоких партийных группировок, которые годами раздирали его, и обеспечивало его независимость до 1796 года. Затем Дориа захватил Савону, и французы были изгнаны с

лигурийского побережья. В Ломбардии борьба продолжалась некоторое время. Здесь Лейве, который все еще удерживал Милан, противостояли войска Лиги под командованием Сфорца, герцога Урбинского с венецианскими войсками и графа де Сен-Поля с новыми рекрутами из Франции. Армии Лиги, отвоевав Павию, окружили Милан, но не решались атаковать грозную Лейву. Битва при Ландриано. 20 июня. В июне следующего года граф де Сен-Поль, опрометчиво попытавшийся совершить отвлекающий маневр на Геную, был застигнут врасплох Лейвой, который получил информацию о его передвижениях, и был полностью разбит при Ландриано (20 июня). Осаждавшие армии отступили, и Милан был спасен.

Карл еще не был полным хозяином Италии. Асти и Алессандрия все еще находились в руках французов. Лоди, Кремона и Павия находились под властью Сфорца; республика во Флоренции все еще не пускала Медичи, а Венеция все еще цеплялась за восточное побережье Апулии. Дальнейшее сопротивление со стороны Лиги было, однако, безнадежным, если ее не поддержат более важные члены, а они вскоре должны были покинуть ее. Англия никогда не намеревалась играть главную роль в войне и, конечно, не могла этого сделать в настоящее время: она была ослаблена серьезной вспышкой потливости, а внимание ее короля было поглощено вопросом развода.

Еще более роковым для дела Лиги было окончательное примирение Климента с императором. Истинным желанием Климента с момента его побега из Рима было сохранять нейтралитет до тех пор, пока не будет объявлен мир. Это, однако, было нелегко, поскольку его осаждали назойливые агенты Лиги и Карла. Более того, Климент заботился главным образом о мирских интересах папства и возвышении своей семьи. Чтобы вернуть себе владения, которых у него отняли, восстановить власть Медичи во Флоренции — об этом, а не о свободе Италии, Климент и император договорились по Барселонскому мирному договору. или свержение ереси - таковы были его цели. Поскольку Лига не могла добиться этого, папа после долгих колебаний решил прийти к соглашению с императором, тем более что конечный успех Карла казался несомненным. Нельзя также отрицать, что на этот раз личные интересы Климента совпали с интересами Церкви, поскольку примирение с Карлом давало единственную надежду противостоять грозному Лютеру. Его единственным опасением было то, что Карл приведет в исполнение свою угрозу созвать Генеральный совет, угрозу, которую он подкрепил своими обещаниями сейму Спайрса в июне 1526 года. В этом вопросе агентам императора удалось развеять опасения папы, и в договоре, который был заключен в Барселоне 29 июня 1529 года, не было никакого упоминания о Соборе. По этому договору папа обещал наделить Карла Неаполитанским королевством и короновать его императором. Карл обязался вернуть земли, захваченные у Папской области герцогом Феррарским и Венецией; он также пообещал восстановить власть Медичи во Флоренции. В конце концов, они оба согласились направить свои объединенные силы против неверных и еретиков. Однако этот договор должен был привести к новому расколу. 16 июля Климент, уступив желанию Карла, отозвал полномочия, которые он дал Вулси и Кампеджио для рассмотрения вопроса о разводе Генриха в Англии, и передал дело в Рим. Мечта Уолси о получении папской санкции рухнула, и вскоре Генриху предстояло взять дело в свои руки и отказаться от папского превосходства.

Тем временем между императором и Франциском продолжались переговоры о мире. Однако годом ранее соперники вызвали друг друга на поединок в Камбре. 3 августа 1529 г. и их честь не позволяла им лично переписываться. Таким образом, переговоры вели две женщины — Маргарита, гувернантка Нидерландов, тетя Карла, и Луиза Савойская, мать французского короля, обе они стремились к миру. Франциск крайне не желал соглашаться на требуемые

условия, но он был не в состоянии продолжать войну, и примирение папы и императора вынудило его отказаться от своих сомнений и подписать Камбрэйский мир, или Женский мир, 3 августа 1529 года.

Французский король действительно был освобожден от необходимости уступать Бургундию и вернул своих сыновей, которые были оставлены заложниками в руках Карла, в обмен на определенную сумму денег. Другие условия были, однако, достаточно унижительными. Франциск не только отказался от всех притязаний на Италию и на господство в Артуа и Фландрии; но ему также пришлось отказаться от своих союзников; он даже обязался, в случае необходимости, заставить венецианцев отказаться от завоеваний, которые они недавно совершили на неаполитанском побережье, и это несмотря на его торжественное обязательство честью короля включить их в любой договор, который он мог бы заключить. Франциск, надо признаться, довольно низко ценил слово короля. Брак, впервые заключенный по Мадридскому мирному договору, был ратифицирован; была выражена надежда, что если Элеонора, овдовевшая сестра Карла, выйдет замуж за Франциска, то семейные узы смогут послужить преодолению личной вражды этих двух государей, соперничество которых ввергло Европу в восьмилетнюю войну.

Прежде чем переговоры завершились успешно, Чарльз покинул Испанию. Это было его искреннее желание закончить войну самому и получить императорскую корону из рук папы римского. Карл уезжает из Испании в Италию. Август 1529 года. Таким образом, именно в Пяченце он окончательно ратифицировал мирный договор. Теперь Италия была во власти Карла. Однако он был достаточно мудр, чтобы проводить примирительную политику по отношению ко всем ее государствам, за исключением Флорентийской республики. Венеция действительно была вынуждена уступить Карлу свои завоевания на восточном побережье Неаполя и вернуть Равенну и Червию папе, но дальнейшего наказания не понесла. Урегулирование итальянских дел. Франческо Марии Сфорца было оставлено миланское герцогство, за исключением Монцы, которая была пожалована Антонио де Лейве, храброму генералу Карла, и цитаделей Милана и Комо, которые Карл держал в своих руках.⁴⁸

Эта политика принесла свои плоды. По договору от 23 декабря 1529 года Венеция и Сфорца присоединились к папе римскому в заключении оборонительного союза с Карлом; в то время как Савойя была укреплена как форпост против Франции приобретением графства Асти. Дела Флоренции еще предстояло уладить. Карл с радостью нашел бы какой-нибудь средний путь. Но флорентийцы отказались вновь принять Медичи даже в качестве частных лиц, и Климент настоял на том, чтобы они были восстановлены у власти. Город, укрепленный фортификациями, спроектированными Микеланджело, и защищаемый ополчением, сформированным по совету Макиавелли, выдержал восьмимесячную осаду, во время которой был убит принц Оранский, генерал Карла. Однако никто не пришел на помощь несчастной Республике, которая была вынуждена признать герцогом Алессандро, двоюродного брата папы римского, женившегося на Маргарите, незаконнорожденной дочери императора.⁴⁹

Тем временем 23 февраля папа римский короновал Карла императором в Болонье, а на следующий день, в годовщину своего рождения, Карл короновался императором в Болонье. 23 февраля 1530 года. и после победы при Павии получил железную корону Италии.

Во время этой долгой войны, длившейся восемь лет, мы видим, что одна и та же история повторяется снова и снова. Трижды французы, казалось, были близки к успеху, но только для того, чтобы потерпеть сокрушительное поражение, которое отняло у них все, чего они

достигли. Империалистические армии, независимо от того, состояли ли они из немцев или испанцев, им плохо платили и плохо кормили, они часто поднимали мятежи и опозорили свои ратные подвиги грабежами и зверствами всех видов; однако, как только им приходилось встречаться с врагом, они доказывали свое превосходство как в оборонительных, так и в наступательных операциях; при этом ими, как правило, лучше руководили.

Франциск после своего пленения при Павии больше никогда не появлялся на поле боя, и хотя его подчиненные были гораздо лучше снабжены деньгами, чем Карл, он был слишком беспечен и слишком любил удовольствия, чтобы в полной мере использовать свое преимущество. Что касается Карла, то он вообще не принимал активного участия в военных кампаниях. Находясь в Испании, окруженный трудностями, которые влекла за собой обширность его Империи, и постоянно остро нуждаясь в деньгах, иногда казалось, что он забывает о войне и пренебрегает своими солдатами. И все же под этой черствой внешностью скрывались решимость и непоколебимость цели, которые ничто не могло поколебать, и которые, хотя иногда это казалось чистой глупостью, в конце концов все же увенчались успехом.

В то время как армии Карла, таким образом, были заняты отвоевыванием Италии у его христианского соперника, Вена, казалось, могла попасть в руки неверных. Солиман вторгается в Венгрию. Май 1529 года. В мае 1529 года Солиман Великолепный вступил в союз с господарем Молдавии и с Яном Запольей, воеводой Трансильвании, заклятым врагом Габсбургов, и вторгся в Венгрию. Его притязания не знали границ. "Как есть только один Бог на Небесах, так и на земле должен быть только один господь, и Солиман - этот господь", - гордо заявил он, и это хвастовство он надеялся воплотить в жизнь, сократив владения императора в Германии. Австрийцы, боясь доверять верности венгерских войск, не смогли противостоять туркам и отступили из страны. Солиман, владея священной короной Венгрии, которая была вручена ему венгерским епископом, проследовал в Австрию и 20 сентября осадил Вену. Но какой бы разделенной ни была Германия, она не настолько потеряла стыд, чтобы позволить установить Полумесяц на стенах австрийского города. Реформаторы, хотя и были раздражены обращением с ними со стороны второго сейма Шпайерса (ср. [стр. 198](#)), откликнулись на призыв Фердинанда и на предписания Лютера. Осада Вены снята. 14 октября 1523 года. Вена храбро удерживалась; и Солиман, которому угрожали войска, пришедшие к нему на помощь, был вынужден отступить после двадцатичетырехдневной бесплодной осады (14 октября). Вена действительно была спасена, но Венгрия удерживалась Запольей, а Хорватия и Богемия находились под угрозой.

§ 2. Ход реформации в Германии.

В разгар волнений итальянской кампании и перед лицом враждебности папы ни о каких решительных действиях против реформаторов не могло быть и речи. По крайней мере, необходимо было тянуть время. Диета в Шпайере, август 1526 года, и перерыв. Соответственно, на сейме в Шпайере (август 1526 г.) император пообещал через своих представителей созвать Генеральный совет, но тем временем привести в исполнение уголовные статьи Вормского эдикта. В то же время он предупредил Климента VII, что если христианская республика пострадает из-за того, что Собор не будет созван, вина должна лечь на него. На самом сейме католики оказались в большинстве во всех палатах, за исключением палат имперских городов, однако они не были готовы выступать за крайние меры. В [перерыве](#)⁵⁰ говорилось, что до проведения заседания Совета каждое государство должно в вопросах, относящихся к Вормскому эдикту, "жить, править и вести себя так, чтобы быть готовым отвечать перед Богом и его Императорским Величеством". Ошибочно

полагать, что реформаторам таким образом было разрешено создать свои новые церковные организации. Уступка была чисто временной, и они должны были ответить перед императором за то, что они сделали. Тем не менее, курфюрст Саксонский и Филипп Гессенский приступили к созданию своих лютеранских церквей и присвоению монастырской собственности для этой цели — политике, которой вскоре последовали другие, особенно Альберт Прусский, который в 1525 году уже секуляризировал владения тевтонских рыцарей и преобразовал свое владичество в герцогство.

Таким образом, Диета Спайерса делает важный шаг вперед в истории Реформации. Если, с одной стороны, теперь было ясно, что Германия не должна принадлежать исключительно лютеранам, то, с другой стороны, был дан большой импульс принципу территориализма (*cujus regio, ejus religio*), на котором в конечном итоге должно было основываться церковное урегулирование Германии. Три года спустя положение дел существенно изменилось. Заметное продвижение реформатских взглядов возбудило опасения католиков, в то время как успехи императора в Италии и его примирение с папой укрепили их дело. Быстрый рост цвинглианских взглядов на юге Германии, взглядов, которые были совершенно неприятны Лютеру, ослабил евангелическую партию, а опрометчивый призыв к оружию со стороны Филиппа Гессенского, чтобы противостоять предполагаемому заговору против тех, кто думал вместе с ним, вызвал раздражение князей.

Эта реакция общественного мнения выразилась во втором Рационе Spires. Перерыв 1526 года был отменен, все дальнейшие нововведения были запрещены, а 'секте' цвинглианцев было отказано во всякой терпимости. Вторая диета Спайерса. Февраль 1529 года. Меньшинство, действительно, заслужило здесь свое название "*протестанты*" своим протестом против этих декретов — протестом, который был подписан Иоанном, курфюрстом Саксонии, Филиппом Гессенским, Георгом, маркграфом Бранденбурга, Эрнестом Люнебургским, Вольфгангом Ангальтским и четырнадцатью городами империи. Встреча в Шмалькальде, декабрь 1529 года. Но протест был отклонен как сеймом, так и императором; и было настолько очевидно, что Карл только ждал возможности предпринять решительные действия, что в Шмалькальде был созван митинг, на котором обсуждалась законность сопротивления, от которого, однако, пока отказались из уважения к щепетильности Лютера.

Когда 30 июня 1530 года Карл, после восьмилетнего отсутствия, лично встретился с аугсбургским сеймом, казалось, настал момент для окончательного урегулирования его трудностей. Италия была у его ног; Карл на сейме в Аугсбурге. Июнь 1530 года. Франциск наконец принял его условия; папа пообещал присоединиться к нему в подавлении ереси и короновал его императором; и если Венгрия была в руках Солимана, то Германия, по крайней мере, была свободна от его нападения. Протестанты, сознавая свою слабость, желали примирения. Это решительно отстаивал Меланхтон и сквозило в каждой строке 'Исповеди Аугсбурга', которая была представлена сейму по просьбе Карла, чтобы протестанты выразили свои мысли в письменной форме. В этом знаменитом Исповедании доктрина Оправдания была изложена в определенных выражениях; воздавание почестей Святым не было полностью запрещено; хотя были приведены причины, по которым лютеране разрешили мирянам возносить Чашу, заключать браки духовенству и секуляризировать церковные земли, а также отвергли обеты и частные мессы, не было сделано определенного утверждения относительно количества Таинств или по вопросу о папской власти; в то время как решение других спорных вопросов должно было быть оставлено на усмотрение Генерального собора. Тон документа был откровенно оборонительным, и его целью было скорее показать, что лютеранские доктрины не являются еретическими, чем атаковать доктрины Церкви.

Первоначальным намерением Чарльза было выступить в качестве посредника и уладить религиозные разногласия честными и щадящими средствами. Он попросил евангелическую партию выразить свою точку зрения. Теперь он хотел, чтобы их оппоненты выдвинули против реформаторов внятное обвинение, которое позволило бы ему взять на себя роль арбитра. Но католики в сейме отказались; они заявили, что у них нет ничего нового, чтобы предложить, и соответственно подготовили опровержение, в котором, действительно, они несколько приблизились к лютеранскому взгляду на доктрину Оправдания, но в других отношениях настаивали на старых доктринах и требовали, чтобы протестанты вернулись к единству веры. Теперь император отказался от роли посредника и попытался запугать непокорных угрозами. Встревоженный, однако, решительным, хотя и уважительным отношением протестантских князей, сейм предпринял еще одну попытку примирения, и был назначен небольшой комитет. По вопросу о догмате, казалось, существовал некоторый шанс на достижение согласия, и Генеральный собор, возможно, сломил бы сопротивление протестантов. Но, хотя император искренне желал этого, папа и не думал выполнять его желание; в то время как в вопросах, касающихся конституции и практики Церкви, примирение, вероятно, было безнадежным. Католики считали их Божественным установлением; протестанты, с другой стороны, смотрели на них как на дело рук человеческих и, следовательно, способные к модификации. Эразм в своих письмах горько жалуется на отсутствие умеренности с обеих сторон; однако это не единственный случай, когда попытки достичь компромисса по серьезным религиозным вопросам потерпели неудачу. Аугсбургский переворот. В конце концов Карл согласился с мнением большинства, и на Аугсбургских каникулах было объявлено о его намерении привести в исполнение Вормсский эдикт. Протестантам было дано время до следующего апреля, чтобы обдумать, вернуться ли они добровольно в католическую церковь. После этой даты должны были быть приняты меры по искоренению их секты. Но, хотя большинство членов Сейма, таким образом, проявило враждебность к реформаторам, Реорганизация Императорской палаты. 19 ноября 1530 г. они не решались вложить оружие в руки императора, с помощью которого он мог бы привести в исполнение Эдикт; скорее они предложили использовать для этой цели Императорскую палату. Этот суд был соответственно реорганизован и увеличен в количестве; заседателям, подозреваемым в лютеранских наклонностях, было сделано предупреждение, и Палате было приказано объявить перерыв.

В ответ на это протестантские князья и городские депутаты встретились в Шмалькальде 22 декабря 1530 года. Они назначили прокураторов для защиты своих интересов в Императорской палате; Образование Лиги Шмалькальде. 22 декабря 1530 г. они договорились защищать друг друга от любых попыток с его стороны принудить Аугсбург к отступлению и после долгих дебатов решили, что сопротивление законно даже для самого императора, если он обратится к оружию. До сих пор Лютер и теологи проповедовали доктрину пассивного повиновения. Но гражданские лица приводили аргументы, доказывающие, что власть императора ограничена законом. Его титул был не наследственным, а выборным; он согласился на капитуляцию при своем избрании; следовательно, если он действовал незаконно, ему могли оказать сопротивление. Убеденный этими аргументами, Лютер уступил, и за ним последовало большинство присутствующих, за исключением маркграфа Бранденбурга и города Нюрнберга. Так возникла Лига Шмалькальде, которая была окончательно сформирована в марте 1531 года и окончательно организована в декабре следующего года. Ее члены должны были быть представлены в сейме. Они пообещали вносить взносы в общий фонд и поручили верховное командование своими войсками Иоанну, курфюрсту Саксонии, и ландграфу Филиппу Гессенскому. Образование Лиги Шмалькальде знаменует новый период в борьбе. Несмотря на щепетильность Лютера, движение приобрело политический характер. Отныне Германия

должна была быть разделена на два враждебных лагеря, каждый со своим центром единства, и протестанты приняли меры для их общей защиты, при необходимости с оружием в руках.

Следующий важный вопрос заключался в том, следует ли включать в эту Лигу всех тех как в Швейцарии, так и в Верхней Германии, кто разделял взгляды Цвингле. Хотя можно усомниться, что об этом Реформаторе когда-либо слышали бы, если бы не импульс, приданный призыву к Реформе появлением Лютера, Цвингля. тем не менее, эти два движения были в значительной степени независимы друг от друга и с самого начала представляли существенные различия. Сын 'амтмана' из деревни Вельденхаус, недалеко от Санкт-Галла, Цвингле родился в 1484 году, через несколько недель после Лютера. В молодости он находился под влиянием литературного движения гуманистов и хорошо разбирался в классике. Выбранный викарием конгрегации Гларуса в 1506 году, он сопровождал своих соотечественников в нескольких итальянских экспедициях, особенно в той, которая так катастрофически закончилась в Мариньяно, и с тех пор не переставал предостерегать своих сограждан от деморализующего влияния этой наемнической системы ведения войны.

Однако его карьера реформатора началась с назначения на должность викария в Цюрихе (1519-1525). Начав, как и Лютер, с крестового похода против злоупотребления индульгенциями, Цвингле стал викарием в Цюрихе. 1519–1525. вскоре он начал переходить на другую почву. В то время как Лютер не отрицал Реального Присутствия, Цвингле рассматривал Причастие просто как праздник памяти и довел лютеранский взгляд на Оправдание до его логического завершения — доктрины избрания и отрицания свободной воли человека. Лютер был готов принять все, что не могло быть доказано вопреки его толкованию Священного Писания; Цвингле не принимал ничего, кроме того, что он там находил. Лютер испытывал глубокое почтение ко Вселенской Церкви и покинул ее только после борьбы; Цвингле основывал право каждой общины на независимые действия в религиозных вопросах на республиканской организации деревни. Лютер пытался отделить религиозные вопросы от политики и, когда его в конце концов свергли с этой позиции, встал на сторону власти, представленной князьями. Религиозные идеи Цвингле были тесно связаны со схемой установления более основательной и представительной демократии в Швейцарии, при которой Лесные кантоны должны были потерять свою привилегию иметь столько же голосов в федеральном сейме, сколько другие, более крупные кантоны. К концу 1530 года мнения Цвингле были приняты не только кантонами Цюрих, Базель, Берн и Шаффхаузен, а также многими жителями Аппенцелля, Гларуса и Граубюндена, но и распространились во многих городах южной Германии, особенно в Констанце, Ульме, Аугсбурге и Страсбурге.

Общая опасность на мгновение объединила сторонников этих двух реформаторов, чтобы защитить себя от Перерыва во втором сейме Спайерса. Временному союзу между последователями Лютера и Цвингле вскоре приходит конец. Но постоянный союз между столь сильно расходящимися взглядами был едва ли возможен. Филипп Гессенский, который сам склонялся к мнению Цвингле, попытался добиться примирения в своем замке Марбург в 1529 году. Попытка провалилась — Лютер проявил самую бескомпромиссную враждебность к цвинглианскому учению о таинствах, — и вскоре после этого Цвингле пришлось столкнуться с реакцией в своей собственной стране. Как и многие реформаторы, он потерпел крушение на отмени политики. Лесные кантоны с самого начала были решительными противниками нового учения, реакцией против Цвингле в Швейцарии. не только потому, что они были убежденными католиками, но и потому, что политические

реформы Цвингле, если бы они были проведены, разрушили бы положение, которым они до сих пор пользовались в федеральном парламенте. Его политические взгляды также потеряли его сторонников в тех кантонах, которые поддерживали его доктринальную позицию. Габсбурги умело поддерживали эти разногласия; последовала война, и, наконец, в битве при Каппеле цюрихская армия, которая одна поддерживала его до последнего, потерпела поражение, а сам Цвингле был убит (октябрь 1531 г.). Битва и второй Каппельский мирный договор. октябрь 1531 года. По второму Каппельскому мирному договору было решено, что каждый кантон волен сохранять свое вероисповедание. В 'Общих бейливиках' вероисповедание должно было определяться большинством. Но сила не должна была применяться, и городские кантоны должны были отказаться от своих иностранных союзов.

Теперь Швейцария была окончательно разделена на католический и протестантский кантоны. Католики вернули утраченные позиции и получили семнадцать из двадцати девяти голосов в сейме. Евангелическая партия удержала Цюрих, Берн, Базель и Шаффхаузен, в то время как Тургау, Гларус и Аппенцелль разделились. Всем надеждам на то, что Швейцария поддержит протестантов Германии, теперь пришел конец; тем не менее города южной Германии, лишенные своих швейцарских союзников, были вынуждены присоединиться к лютеранам и увеличить численность Лиги Шмалькальде. Таким образом, к началу 1532 года положение протестантов в Германии улучшилось.

Если бы руки Карла были сейчас свободны, он, несомненно, обратился бы к суду меча. Но и здесь политическая необходимость встала у него на пути. Трудности в Европе помешали Карлу предпринять действия против протестантов. Мир с Францией отнюдь не был надежным; более того, Франциск даже интриговал со Шмалькальдской лигой. Солиман снова угрожал вторгнуться в его владения. Испания, как обычно, жаловалась на его отсутствие. В Африке пиратство Барбароссы требовало его внимания. Карл также не мог рассчитывать на безоговорочную поддержку католических князей. В июне 1531 года он с трудом добился избрания своего брата Фердинанда римским королем пятью выборщиками. Но против выборов протестовал Иоанн Саксонский, и к нему присоединились два герцога Баварии и другие, которые, несмотря на свои католические симпатии, боялись усиления власти Габсбургов. Разочарованный в своих надеждах разрешить религиозные разногласия император был вынужден тянуть время. Нюрнбергский мир. Июль 1532 года. При заключении Нюрнбергского мира (1 июля 1532 г.) он пообещал приостановить работу Императорской палаты до созыва Генерального совета; в то время как на последовавшем затем Ратисбонском сейме он обязался, в случае, если такой Совет не будет созван папой в течение шести месяцев, созвать генеральную ассамблею Империи для урегулирования религиозных трудностей.

Карл был, по крайней мере, вознагражден лояльной поддержкой протестантов против турок. Его армия, набранная испанцами, итальянцами и нидерландцами, была самой многочисленной силой, которой он когда-либо командовал, и Солиман, отбитый храбрыми защитниками Гюкса, отступил, не осмелившись вступить в решительный бой. Однако император был не в том положении, чтобы воспользоваться своей победой. Дела Италии и Испании настоятельно требовали его присутствия. Соответственно, осенью 1532 года он пересек Альпы, чтобы снова быть вовлеченным в европейские осложнения, и еще семь лет протестантизм оставался неприкосновенным.

Вскоре после заключения Нюрнбергского мира скончался Иоанн Стойкий Саксонский. Он пошел гораздо дальше в направлении протестантизма, чем его брат, Фридрих Мудрый, Смерть Иоанна, курфюрста Саксонии, 1532 год. которому он наследовал в 1525 году. Фридрих никогда полностью не порвал с Римом; Иоанн был одним из лидеров Лиги

Шмалькальде и организовал Евангелическую церковь на своих территориях. Тем не менее, до последнего он пытался придерживаться умеренной линии политики и надеялся найти место для протестантских церквей, не разваливая Империю и не выходя из повиновения императору. Не обладая выдающимися интеллектуальными способностями — тучный и несколько тугодумный, — простота и честность его характера и мужество, с которым он цеплялся за свои убеждения, делают его в некотором роде героем; и, пожалуй, нет никого, кому Лютер и протестанты Германии были бы обязаны больше, чем этому простому и целеустремленному человеку.

§ 3. Европейские осложнения и судьбы протестантов с 1532 года до Креспийского мирного договора.

Никогда в карьере Карла V. противоречия и трудности, окружавшие его, не были проиллюстрированы лучше, чем в период с 1532 года до Креспийского мирного договора. Европейские осложнения Карла. Если бы его притязания были менее обширными, он мог бы добиться большего успеха; но само величие его притязаний препятствовало полному осуществлению любого из них. Как глава Священной Римской империи, он был обязан защищать единство Церкви, искоренять ересь и поддерживать папскую власть. Тем не менее, его положение короля Германии вынудило его отложить подавление ереси из-за настоятельной необходимости заручиться поддержкой протестантов против турок; в то время как его притязания на Италию привели его к постоянному конфликту с папой римским. Как король Германии, он стремился укрепить королевскую власть и подавить тенденции к разрушению, а как правитель австрийских территорий — продвигать семейные интересы Габсбургов; но обе эти цели вызвали враждебность многих, даже католических князей. Как король Испании и повелитель Италии, он был обязан обезопасить свои владения и Средиземноморье от пиратских набегов мавров. Однако здесь и повсюду ему постоянно мешал его упорный соперник Франциск I. Который не только интриговал против него с папой римским, но и, преследуя реформаторов у себя дома, вступал в союзы с протестантами Германии, королем-раскольником Англии и даже с самим неверным.

С реальными событиями этого периода мы должны остановиться очень кратко. Сами по себе они не имеют большого значения. Едва ли речь идет о каком-либо новом вопросе, за исключением вопроса об Африке, и положение европейских дел существенно не изменилось. Карл на данный момент сдержал нападение мусульман с Востока. Теперь он был вынужден обратить свое внимание на их движение на юго-западе. Благодаря завоеваниям Фердинанда Католика испанцы приобрели владения на побережье северной Африки от Мелильи до Триполи в борьбе с Барбароссой. Июнь–август 1535 г. и низвел правителей Алжира и Туниса до положения вассалов. Однако с 1510 года испанцы столкнулись со многими неудачами, особенно после возвышения двух Барбароссов. Эти двое мужчин, сыновья греческого или албанского ренегата, сделали себя хозяевами Алжира. Хурок, старший, был убит в 1518 году, но Хайрадин, его младший брат, вмешался в династические споры Туниса и в 1534 году присоединил эту страну к своему королевству. Чтобы заручиться поддержкой Солимана, он согласился удержать от него свои завоевания и в 1533 году получил командование турецким флотом. Тем временем его собственные корабли угрожали Средиземному морю, нападая на побережья Испании и Италии и увозя христиан на невольничьи рынки Африки и Востока. Этот подъем новой магометанской власти в Африке, власти, с которой Франциск не стыдился кокетничать, потребовал немедленного внимания. Поэтому Карл возобновил свой союз с новым папой Павлом III. (Фарнезе) и

уладил, насколько это было возможно, дела Италии, переданные Испании. Оттуда, с флотом под командованием Андреа Дориа и армией, которая была не только набрана из различных частей его владений, но и к которой присоединились мальтийские рыцари, он отплыл в Африку (июнь 1535 г.), номинально в поддержку Мулей-Хассана, одного из претендентов на королевство Тунис. Экспедиция увенчалась блестящим успехом. Солиман не смог прислать помощь, а Франциск либо побоялся, либо постыдился прийти на помощь. Гавань Голетта была взята штурмом, и армия Барбароссы потерпела поражение на поле боя. Христианские пленники в Тунисе восстали против своих похитителей, и Барбаросса был вынужден покинуть страну, которая была передана Мулей-Хасану под сюзеренитет Испании (август 1535 года). Но хотя экспедиция вызвала большой переполох и повысила репутацию императора, она существенно не улучшила его перспективы в Европе.

Франциск никогда не собирался соблюдать Камбрейский мирный договор и был полон решимости попытаться вернуть, по крайней мере, миланское герцогство. Интриги Франциска. Соответственно, он долгое время интриговал как в Германии, так и в Италии. Чтобы заручиться поддержкой Климента VII, он согласился женить своего второго сына, Генриха Орлеанского, на Екатерине Медичи при условии предоставления герцогу княжества в Италии, княжества, которое, возможно, включало Милан; но смерть папы (25 сентября 1534 г.) лишила его надежд в этом направлении. Франциск также начал переговоры с членами Лиги Шмалькальде, которые, однако, отказались поддержать того, кто преследовал протестантов в его собственном королевстве, и заключил торговый договор с Солиманом, в котором обсуждался план совместного нападения на миланцев. Затем Франциск начал безуспешную интригу с Франческо Сфорца и после казни своего секретного агента Маравильи объявил этому принцу войну. Чтобы добраться до Миланцев, необходимо было пройти через владения герцога Савойского. Со времен правления французского короля Карла VIII Савойя была дружественна Франции и предоставляла свободный проезд ее войскам. Но нынешний герцог, Карл III, женился на Беатрисе Португальской, сестре жены императора, и теперь отказался от такого проезда. Поэтому Франциск решил оккупировать Савойю и Пьемонт. В то же время он поддержал женевских кальвинистов, которые подняли восстание против герцога Савойского и их епископа, и подтолкнул бернских швейцарцев к вторжению в округ Во.

В этот момент смерть Сфорца Миланского (24 октября 1535 г.) изменила положение дел. Он был последним прямым потомком Дома, и Милан, соответственно, перешел к Карлу как сюзерену. Смерть Сфорца. 24 октября 1535 года. Император, который только что завершил экспедицию против Барбароссы, стремился выиграть время и развлекал короля переговорами. Франциск потребовал Милан для Генриха, герцога Орлеанского, своего второго сына. Карл предложил даровать его герцогу Ангулемскому, третьему сыну французского короля, при условии его женитьбы на австрийской принцессе.

Тем временем французы пересекли Альпы через перевал Суза и заняли Турин (апрель 1536 г.). Теперь Карл сбросил маску. Французы переходят Альпы и занимают Турин. Апрель 1536 года. Он назвал короля неверующим человеком, союзником еретиков и безбожников и вызвал его на личный поединок, предложив, чтобы призом за победу стали Бургундия и Милан. Получив отказ, Антонио де Лейва пересек Сесию во главе императорских войск (май 1536 года). Маркиз Салуццо, командовавший французской армией в Пьемонте, дезертировал к императору, а Карл, Шарль предпринимает безуспешное наступление на Прованс. Июль–сентябрь 1536 г. пренебрегая обеспечением безопасности Турина, продвигался в Прованс в надежде привести Франциска к решающему сражению. Французы, вопреки своей обычной практике, приняли политику Фабиана. Отступая, они опустошили

страну и заняли сильные позиции в Авиньоне и Валансе. Не имея возможности штурмовать эти места, императорская армия начала страдать от нужды и болезней, которым скончался сам де Лейва (10 сентября 1536 года). Карл, отчаявшись в успехе, был вынужден покинуть страну (23 сентября) и удалился в Испанию, "чтобы похоронить там свою честь, которую он потерял в Провансе".

Нападение империалистов на Пикардию и Лангедок было столь же безуспешным, хотя во время кампании в Пикардии были проведены кампании в Пикардии, Лангедоке, Артуа и Пьемонте. Франциск потерял Робера де ла Марка, 'Молодого авантюриста', военного товарища своей юности и автора Мемуаров, носящих его имя. В 1537 году французы вторглись в Артуа. Война в Пьемонте все еще продолжалась, и Солиман, в соответствии со своим недавним договором, послал Барбароссу атаковать побережье Неаполя, в то время как вскоре после этого он лично вторгся в Венгрию и нанес поражение Фердинанду⁵¹ году при Эссеке (8 октября). Солиман побеждает Фердинанда при Эссеке. Октябрь 1537 года. Этот союз французов с Солиманом вызвал возмущение Европы. Павел III, до сих пор занимавший нейтральную позицию, теперь вмешался в качестве посредника. Франциск не отказывался лечь, и Карлу нечего было надеяться на продолжение войны. Восстание в Генте, 1537 год. Лютеране с каждым днем набирали силу; нападение мусульман угрожало имперской власти над Неаполем; в то время как на севере жители Гента восстали против налогов, введенных регентом Нидерландов (1537).

Соответственно, в Ницце было заключено перемирие на десять лет (18 июня 1538 г.). Этим перемирием был подтвержден Камбрейский мир. Соперники бросили своих союзников, и каждый должен был сохранить завоевания, которых они достигли. Ниццкое перемирие. 18 июня 1538 года. Таким образом, герцог Савойский был сделан козлом отпущения. Савойя и две трети Пьемонта были оставлены Франциском, швейцарцы отныне оккупировали округ Во, а император удерживал остальное, за исключением Ниццы, которая единственная досталась несчастному герцогу. Последовала конференция в Эг-Морте (июль 1538 г.), на которой Франциск, надеясь добиться примирения того, чего ему не удалось добиться оружием, занял самое дружелюбное отношение к Карлу. Маршал де Монморанси, получивший большую известность во время кампании в Провансе, убеждал короля вступить в союз с Карлом и даже предложил совместное вторжение в Англию, где проводились антипапские мероприятия Генриха VIII. а казнь епископа Фишера и сэра Томаса Мора вызвала большое недовольство. Хотя Франциск не остановился на этом, он остался глух к петиции о помощи, которую ему прислали граждане Гента, и вскоре после этого предоставил императору свободный проезд туда через Францию.

При приближении Карла город, разочарованный в своих ожиданиях французской помощи, подчинился (6 февраля 1540 г.), чтобы дорого заплатить за свою опрометчивость. Карл подавляет восстание в Генте. 6 февраля 1540 года. Четырнадцать видных горожан были казнены, гражданских привилегий лишены, наложен крупный штраф, а в стены города введен гарнизон. Это завершило разрушение древнего города, чье коммерческое превосходство наряду с превосходством Брюгге уже перешло к Антверпену вследствие революции в торговых путях, вызванной открытием пути вокруг мыса.

Теперь на мгновение показалось, что король и император отложат в сторону свое давнее соперничество и объединятся, чтобы противостоять как еретикам, так и туркам. Неудивительно, что Карл вынашивал такую идею. Солиман, воодушевленный союзом с Францией, снова угрожал Венгрии, а Барбаросса по-прежнему угрожал Средиземноморью из Алжира. Продвижение протестантизма в Германии. Не уменьшилась опасность и дома. Протестантизм добился заметных успехов после заключения Нюрнбергского мира 1532 года.

В 1534 году герцог Ульрих Вюртембергский был восстановлен в своем герцогстве, из которого он был изгнан Швабской лигой в 1519 году и которое было пожаловано Фердинанду, брату Карла. Реставрация была осуществлена Филиппом Гессенским, который разбил войска Фердинанда в битве при Лауфене (май 1534 г.), но она также была одобрена Иоанном курфюрстом Тревским, который, хотя и был католиком, был рад видеть смирение Дома Габсбургов. Герцог Ульрих немедленно установил протестантизм в своем герцогстве; Тюбингенский университет стал оплотом реформаторов, и клин был вбит в фалангу католических государств Южной Германии.

На севере, действительно, вспышка анабаптистской революции в Мюнстере под руководством Иоанна Лейденского весной 1534 года угрожала скомпрометировать лютеранскую партию. Анабаптисты в Мюнстере, 1534 год. Этот фанатик, сочетавший необузданную распущенность со странными религиозными взглядами, попытался создать своего рода социалистическое государство, пророком и царем которого он провозгласил себя. Но только самые горячие сторонники могли найти какую-либо связь между взглядами Лютера и этого дикого фанатика. Как и в случае с крестьянским восстанием, Филипп Гессенский, один из самых выдающихся членов лиги Шмалькальде, встал на защиту порядка. Иоанн Лейденский был казнен, его последователи рассеяны, а Мюнстер возвращен своему епископу в 1535 году. Освобожденные от всякого соучастия с анабаптистами в результате подавления восстания, лютеране продолжали привлекать новых новообращенных на севере Германии. В 1535 году умерли Иоахим I, курфюрст Бранденбургский, и в 1539 году Георг, герцог Саксонии, из альбертинской ветви дома, оба убежденные католики. Георг, герцог Саксонии, и Иоахим I., курфюрст Бранденбурга, умирают, и им наследовали Генрих и Иоахим II. 1535-1539. Из их преемников Генрих Саксонский фактически принял лютеранское вероучение, а Иоахим II проводил примиренческую политику; в то время как его младший брат Иоанн, маркграф Ноймарк, стал преданным приверженцем новых взглядов. За ними последовали многие другие более мелкие князья, и к концу 1539 года единственными важными католическими государствами были Австрия, Бавария, Пфальц, герцогство Брауншвейг-Вольфенбюттельское и три церковных курфюршества; более того, было известно, что курфюрст Кельна Герман фон дер Вид колебался. Вскоре после этого и он, и курфюрст-палатин встали на сторону протестантов.

Кризис требовал немедленных действий. Но это было невозможно, если не удастся обеспечить нейтралитет Франции. Соответственно, Чарльз предложил руку своей старшей дочери третьему сыну Фрэнсиса, Чарльз, стремящийся к свободе действий, безуспешно заигрывает с Фрэнсисом, который после смерти дофина во время кампании в Провансе стал герцогом Орлеанским. Он пообещал уступить герцогу Франш-Конте и Нидерланды, если Франциск, со своей стороны, предоставит ему герцогство Бургундское, откажется от всех притязаний на Милан и сюзеренитет Фландрии и вернет завоевания в Савойе и Пьемонте герцогу Савойскому. Это означало бы возрождение старого герцогства Бургундия, но уже как феодального владения империи, и сомнительно, что Франциск в любом случае смирился бы с окончательной потерей не только своих завоеваний в Пьемонте, но и Милана. Короче говоря, претензии к Италии препятствовали какому-либо соглашению. После утомительных торгов относительно того, должен ли герцог Орлеанский получить немедленное владение и должны ли территории вернуться к Карлу в случае смерти герцога без наследства, Карл передал Филиппу, своему сыну, миланское герцогство (октябрь 1540 г.), и Франциск решил снова обратиться к оружию.

Перед лицом перспективы войны император признал невозможность применения силы против протестантов. Попытка примирения с протестантами на Ратисбонском сейме 1541 года. Примирение, если это возможно на основе взаимопонимания, было единственной альтернативой; и с этой целью он созвал Ратисбонский сейм весной 1541 года. На мгновение шансы на примирение показались радужными. В последнее время в Италии поднялась партия реформ, возглавляемая Реджинальдом Поулом, в то время бежавшим из Англии, венецианцем Контарини, в данный момент папским легатом в Германии, и Мороне, епископом Модены. Эта группа литераторов, которые представляли реакцию против скептического духа, господствовавшего в Италии во времена Льва X., очень близко подошли к взглядам Лютера на доктрину оправдания и так же, как и он, стремились исправить злоупотребления, уродовавшие Римскую церковь. Даже Павел III заявлял о своем желании что-то предпринять. В Ратисбоне под председательством Гранвеля состоялась конференция теологов, на которой выступили Меланхтон, Буцер и доктор Экк,⁵² старый оппонент Лютера, и было достигнуто соглашение по трем спорным статьям — Первородный грех, Искупление и Оправдание. В самом сейме большинство выборщиков и депутатов городов высказались в пользу этого соглашения, и Поул радовался приближению мира и согласия. Но этим надеждам не суждено было сбыться. В Княжеской палате оппозиция была очень серьезной. Папа настаивал на том, что следует признать его верховенство и римский взгляд на Таинства, а Лютер не мог заставить себя поверить в искренность католиков. Даже если бы этот вопрос не был связан политическими соображениями, очень сомнительно, что можно было бы прийти к какому-либо удовлетворительному выводу, и политику нельзя было бы исключить. Примирение с протестантами сделало бы Карла слишком могущественным как повелителя объединенной Германии, чтобы не столкнуться с яростным сопротивлением, как внутри Империи, так и за ее пределами. Франциск и папа римский обрушили свои интриги на принцев, многие из которых завидовали влиянию Габсбургов и боялись потери своих политических привилегий. Тщетно император предлагал, чтобы статьи, по которым пришли к согласию богословы, были приняты в настоящее время и чтобы в отношении других сторон допускались различия во мнениях. Соглашение было отклонено Княжеской палатой, к большому негодованию Карла. Таким образом, был упущен последний шанс на примирение между двумя религиозными партиями, потерпевшими крушение из-за политического соперничества, — примирение, которое могло бы изменить историю Германии и даже Европы. И все же, несмотря на это, протестанты многого добились. Карл, стремясь заручиться их поддержкой в предстоящей борьбе, издал декларацию, согласно которой введение в действие Аугсбургского перемирия было еще более отсрочено. Тем, кто секуляризировал церковную собственность, разрешалось сохранять ее до окончательного урегулирования; лютеране должны были допускаться в качестве заседателей в Императорскую палату; и до заседания Генерального совета никому нельзя было препятствовать в принятии лютеранства. Протестанты были настолько уверены в силе своего дела, что, когда герцог Брауншвейгский попытался, вопреки этому Перерыву, навязать Гослару решения Императорской палаты, он был изгнан из своего герцогства Шмалькальдской лигой (лето 1542 г.), и католики, таким образом, потеряли единственное важное светское княжество, которым они владели в Северной Германии.

В то время как Франциск делал все возможное, чтобы увековечить религиозные разногласия в Германии, он усердно готовился к войне. Маршал Монморанси, выступавший за дружбу с Карлом, был опозорен; Франциск снова объявляет войну. Июль 1541 года. с нетерпением искали союзов; и, наконец, убийство французского агента, когда он проезжал через Милан по пути в Константинополь (3 июля 1541 г.), дало французскому королю достойный предлог для нарушения Ниццкого перемирия. Война, однако, фактически не была объявлена до 1542 года. За это время Карл потерпел два поражения от магометан. В Венгрии Солиман, выступив

на поддержку сына Запольи (умершего в 1540 году), нанес сокрушительное поражение Фердинанду при Буде (30 июля 1541 г.), а в октябре экспедиция, которую император лично возглавил против Барбароссы в Алжире, провалилась, главным образом из-за непогоды на африканском побережье.

Попытки Франциска заполучить союзников были не очень успешными. Генрих VIII., в этот момент участвовавший в войне с Яковом V. которая закончилась поражением шотландцев при Солуэй-Мосс (декабрь), Попытки Франциска заполучить союзников. был не в настроении поддерживать французов, своих союзников.⁵³ Более того, старая причина ссоры между английским королем и императором, возникшая из-за развода Екатерины Арагонской, была частично устранена ее смертью, и всякая идея союза Англии с протестантами была отброшена с разводом Анны Клевской и падением Кромвеля в 1540 году. Поэтому Генрих отклонил предложения Франциска и возобновил свой союз с Карлом. Протестанты Германии, удовлетворенные уступками императора, сохраняли спокойствие. Папа Павел III придерживался своей политики нейтралитета. Таким образом, Солиман, короли Дании и Швеции и герцог Клевский были единственными союзниками Франции. Из них датский король Кристиан III был раздражен поддержкой, которую Карл оказал притязаниям пфальцской ветви семьи Виттельсбахов на его трон; шведский король Густав Васа - благосклонностью, которую Карл проявил к восстанию своих крестьян; в то время как герцог Клевский оспаривал притязания императора на возвращение Гельдреса в силу завещания Карла Гельдереского, который умер бездетным в 1538 году.

Франциск, вопреки своей обычной стратегии, воздержался от прямой атаки на миланцев и, пока он действовал в обороне в Пьемонте, сосредоточил свое главное внимание на Нидерландах и Руссильоне. Кампания 1542 года. Результаты первой кампании 1542 года были неважны. Люксембург был завоеван только для того, чтобы быть потерянным, а вторжение в Руссильон было сорвано сопротивлением Перпиньяна. Тем не менее в начале 1543 года положение Карла было достаточно серьезным. Солиман был хозяином большей части Венгрии и готовился к решающему удару; Барбаросса был близок к тому, чтобы присоединиться к французам в нападении на Пьемонт; папа, разгневанный отказом Карла передать его внука Оттавио Фарнезе Милану, его уступками протестантам и требованием созвать Генеральный совет, склонялся на сторону Франции; Дания закрыла пролив для немецких кораблей; более того, было очень сомнительно, что Филипп Гессенский и Иоанн Фридрих Саксонский позволят свергнуть герцога Клевского, тем более что герцог был прав. был шурином Джона Фредерика и, как было известно, питал сильные протестантские симпатии.

Император, однако, преуспел в своих переговорах с Англией. После смерти короля Шотландии Якова V. В 1542 году регентша Мария де Гиз отвергла все заигрывания английского короля, и Генрих вступил в союз с Карлом. Февраль 1543 г. и продолжил союз с Францией. Соответственно, Генрих снова обратился к Карлу. По мирному договору от 11 февраля 1543 года император и король договорились потребовать, чтобы Франциск отказался от своего союза с турками, возместил Империи суммы, понесенные ею в турецкой войне, и, в качестве обеспечения долгов, которые он задолжал королю Англии, передал Булонь и другие города. Если Франциск отвергал эти условия, союзники обязывались продолжать войну до тех пор, пока Бургундия не будет возвращена Карлу, а Англия не предъявит свои давние претензии на Нормандию и Гиенну, а также на корону Франции.

В мае Чарльз поспешно покинул Испанию и прибыл в Германию. Он добился нейтралитета Иоанна Фридриха Саксонского, вторгся на территорию герцога Клевского и вынудил его отказаться от своих притязаний на Гелдрес (Август). Военные события 1543 года. В сентябре

совместное наступление Барбароссы и графа Энгиенского во главе французских войск на Ниццу было сорвано приближением Дориа с испанским флотом и армией Милана. Франциск не имел даже утешения в виде успеха, который мог бы вознаградить его за ту ненависть, которую он навлек на себя своим союзом с неверным. В Венгрии, действительно, наступление Солимана не было остановлено, и к концу августа почти вся эта страна была завоевана. Но даже этот успех дорого обошелся Франциску. Сейм в Шпайерсе, февраль 1544 г. Карл получает помощь империи против Франции. На сейме в Шпайерсе, состоявшемся в феврале 1544 года, Карл осудил короля Франции как врага христианского мира. Он сообщил протестантам о предложениях, которые Франциск сделал в 1539 году, помочь ему в борьбе с ними, если он уступит Милан, и тем самым пошел на дальнейшие уступки в религиозном вопросе. Он пообещал, что должен быть созван всеобщий *свободный* христианский собор и что, если папа будет медлить, он в следующем году созывает Сейм для окончательного урегулирования религиозного вопроса. Протестанты выразили свой ужас по поводу нечестивого союза с турками, и император снова заручился помощью Империи в своей борьбе с французами. В то же время Дания отказалась от французского союза. Франциску теперь угрожала серьезная комбинация. Действительно, в Пьемонте граф Энгиенский одержал решающую победу над маркизом де Гуасто и миланской армией при Серизоле (11 апреля). Успех империалистов. Но в июне империалисты, захватив Люксембург, вторглись в Шампань и продвинулись до Марны, в то время как англичане высадились на побережье. Если бы Генрих сдержал свое обещание и сотрудничал с Карлом в совместном наступлении на Париж, столица могла бы пасть. Однако, руководствуясь своими собственными планами, он отложил осаду Булони, которая сдалась только в сентябре. Возмущенный таким нарушением веры, стремясь разорвать опасный союз между Франциском и турком и получить свободу действий в отношениях с протестантами в Германии, Карл, который, к тому же, испытывал серьезную нехватку денег, теперь предложил мир.

Фрэнсис, во многом из-за своего невоздержанного образа жизни, был серьезно болен. Его любовница, мадам д'Эстамп, опасалась, что после его смерти все влияние перейдет к ее ненавистной сопернице, Диане де Пуатье, некогда любовнице короля, а теперь всемогущей у дофина. Поэтому она стремилась обеспечить Орлеану, второму сыну, независимость. Он был во вражде со своим братом и мог быть ей полезен в будущем. Поэтому она убедила короля принять условия императора. Франциск прислушался; и 18 сентября 1544 года Креспийский мирный договор положил конец последней войне между двумя соперниками. Все завоевания, достигнутые после Ницкого перемирия, должны были быть отменены. Император отказался от своих притязаний на Бургундию, а Франциск отказался от своих притязаний на Неаполь по Креспийскому мирному договору. 18 сентября 1544 г., а также сюзеренитет Фландрии и Артуа. Император также пообещал герцогу Орлеанскому либо руку его дочери с Нидерландами и Франш-Конте, либо руку его племянницы, дочери Фердинанда, с миланским герцогством. Карл сохранил за собой право решать, какой из этих двух браков должен быть заключен; и по завершении соглашения Савойя и Пьемонт должны были быть возвращены герцогу Карлу III. Наконец, соперники обязались объединиться для защиты христианского мира от турок и восстановления мира и единства в Церкви.

Генрих, горько жалуясь на дезертирство императора, продолжал войну с Франциском до лета 1546 года. Ардрский мирный договор, 7 июня 1546 года. Затем он пообещал вернуть Булонь Франциску в течение восьми лет при условии выплаты определенной суммы денег и бессрочной пенсии, уже обещанной в 1525 и 1527 годах.

Орлеанскому браку, на который так надеялся французский король, помешала смерть герцога (сентябрь 1545 года). Франциск, действительно, больше не был обязан отказываться от своих завоеваний в Пьемонте и Савойе, но это была слабая компенсация за четыре изнурительные войны, которые, как говорят, стоили Франции 200 000 человек.

Франциск пережил Креспийский мирный процесс на два с половиной года, но эти годы примечательны только преследованиями гугенотов во Франции, о которых речь пойдет ниже. Смерть Франциска I. 31 марта 1547 года. 31 марта 1547 года он скончался от болезни, которая была результатом его беспечной жизни, как раз в тот момент, когда он готовился еще раз вмешаться в дела Германии. Немногие короли Франции были так популярны при жизни или сохранили такое место в истории; и все же можно усомниться в том, заслуживал ли Франциск своей репутации. Его характер, хотя и не отличался некоторой внешней привлекательностью, был поверхностным и совершенно лишенным высоких принципов. Его щедрость привела его к вопиющей расточительности. Его галантность была испорчена полным отсутствием утонченности и морали. Его рыцарственность и любовь к мужественным видам спорта и охоте, даже его литературные и художественные вкусы, хотя и достойны похвалы сами по себе, он разделяет со многими ничемными персонажами. Нелегко также понять, какую пользу он принес своей стране, если не считать его покровительства искусству и литературе и основания Французского колледжа по изучению языков и естественных наук. Несомненно, его правление отмечено великим взрывом ренессансной архитектуры, лучшими примерами которой являются Лувр и некоторые 'замки' на Луаре. В литературе Рабле; в живописи два Клуэ; в скульптуре Жан Гужон заслужили европейскую репутацию; в то время как из иностранцев художники Леонардо да Винчи и Андреа дель Сарто, а также Бенвенуто Челлини, мастер по металлу и скульптор, были радушно приняты при дворе. Однако может возникнуть вопрос, было ли это художественное возрождение вызвано королевским покровительством, и, по крайней мере, в более серьезных сферах государственного управления имя Франциска не ассоциируется ни с какими важными реформами. Во время его правления продажа должностей вошла в обычай, коррупция королевских чиновников усилилась, а налоги выросли. Независимость Галликанской церкви была разрушена Конкордатом. Генеральные штаты были вызваны всего дважды и больше не получили никаких привилегий. Дворян, это правда, держали в узде и развлекали в заграничных войнах или при дворе; они потеряли большую часть своей власти, которая перешла к бюрократии; но, потеряв ее, они потеряли и свою полезность; они сохранили свои привилегии, они раздули фракции при дворе и образовали беспокойный класс, который должен был беспокоить Францию в течение многих лет. Низшие классы, действительно, занимали некоторое положение на службе государству; но они были могущественны только как слуги короля и как члены бюрократии, которая душила всю местную жизнь и конституционные свободы. Короче говоря, во время правления Франциска абсолютизм короны усилился без того благотворного управления, которое одно может его оправдать. И его внешняя политика больше не заслуживает похвалы. Возможно, это правда, что он сорвал попытку Карла установить всеобщее господство испанской монархии Габсбургов в Европе, но мы едва ли можем простить ему союз с Портой. Когда мы вспоминаем его жестокие преследования гугенотов на родине, трудно оправдать его поддержку лютеран в Германии. Завидуя могуществу Карла, он втянул свою страну в войну так же беспечно, как рыцарь древности выходил на ристалище, и, несмотря на уроки прошлого, он ухватился за безделушку королевства за Альпами и пренебрег укреплением или расширением истинных границ своей страны. Хороший командир дивизии, а не генерал: приятный, умный, но порочный человек и плохой король, 'Королевский галантный человек' оставил после себя абсолютную монархию, неконтролируемую и не поддерживаемую никакой конституционной системой, обремененные доходы, большие долги, коррумпированное правительство,

безнравственный суд, фракционную знать и нацию, охваченную жаждой войны и раздираемую религиозными раздорами. Беды, обрушившиеся на Францию после смерти короля, по крайней мере частично, связаны с его политикой, и все же именно эти беды, напротив, заставили историков судить о его правлении более благосклонно, чем оно того заслуживает.

46 К вопросу о мотивах Пескары, см. Баумгартен, *Дело Карла Против*, ii. 453.

47 Об ответственности Карла за разграбление Рима см. "Карл V" Армстронга, i. 172.

48 После смерти Франческо в 1535 году герцогство было аннексировано императором.

49 После убийства Алессандро в 1537 году Козимо из младшей ветви Медичи стал герцогом.

50 Перерыв (*Reichsabscheid*) представлял собой сборник постановлений сейма, получивших одобрение императора (*Reichsschlüsse*).

51 Фердинанд был признан королем Венгрии после смерти Людовика при Мохаче (ср. стр. 184). Но его притязаниям воспротивился Заполя, воевода Трансильвании, которого поддержал Солиман.

52 Эк, однако, всегда выступал против этого. Канцлер Гранвель, Гроппер и Пфлюг, два католических священнослужителя, были за это.

53 Джеймс женился на (1) Магдалине, дочери Франциска I.; (2) Марии де Гиз.

ГЛАВА V

ОТ ШМАЛЬКАЛЬДСКОЙ ВОЙНЫ ДО КАТО - КАМБРЕЗИЙСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

Карл и протестанты—Тридентский собор, вторая сессия—Победа Мориса—Смерть Лютера—Начало войны при Шмалькальде—Карл добился успеха в Южной Германии—Совет перенесен в Болонью—Битва при Мюльберге—Сейм Аугсбурга—Карл и Павел III.—Переходный период—Карл и Юлий III.—Конец второй сессии Тридентского собора—Морис присоединяется к протестантам—Фридвальдский мирный договор—Политика Фердинанда—Карл улетает из Инсбрука—Пассауский мирный договор—Смерть Мориса—Сейм и Аугсбургский мир—Перемирие в Вос—Отречение и смерть Карла—Последняя война между Францией и Испанией—Битвы при Гравелине и Сен—Кантене-Като-Камбрезийский мирный договор.

§ 1. Шмалькальдская война и битва при Мюльберге.

После подписания Креспийского мира руки императора наконец были свободны в обращении с протестантами в Германии. Карл наконец был свободен в обращении с протестантами. Чтобы понять поведение Чарльза на данном этапе, необходимо напомнить себе о главной цели его жизни. От Максимилиана он унаследовал идею установления всеобщего господства в Западной Европе; от своей бабушки Изабеллы - суровый дух

ортодоксальности, столь характерный для испанской нации. Для человека с подобными взглядами лютеранское движение было одинаково неприятно, как с политической, так и с религиозной точки зрения; и, если бы он был в состоянии следовать своим собственным убеждениям, он предпринял бы немедленные шаги, чтобы искоренить новые взгляды в 1521 году. Но Карл не был фанатиком, и политические требования момента заставили его прислушаться к советам своих министров, особенно Гаттинары, который советовал ему повременить и попытаться вернуть лютеран на свою сторону примирительными мерами. С того дня и по сей день было необходимо следовать тем же путем, в то время как в последнее время он лелеял идею понимания и, возможно, разрешения религиозных трудностей с помощью национальной диеты [стр. 204, 212, 216].

Но хотя эта политика служила политическим целям императора и помешала лютеранам присоединиться к его врагам на поле боя, ей не удалось вернуть их в лоно церкви. В своей решимости положить конец расколу, при необходимости силой, император никогда не отступал. В последнее время, особенно после смерти Гаттинары (1530), он научился больше полагаться на себя, и теперь, наконец, настал момент действовать. Тем временем испанские пристрастия Карла усилились. С момента передачи австрийских земель Фердинанду в 1521 году он рассматривал Испанию как центр своего правления и отождествлял себя с интересами Испании в Церкви и государстве. Именно Испания главным образом поддерживала его в его европейской борьбе, и теперь он прибыл сюда скорее как король Испании и император Запада, чем как немецкий принц, чтобы восстановить единство Империи и древней Церкви. Карл, однако, был слишком хорошим государственным деятелем, чтобы погубить свое дело чрезмерной поспешностью. Он оценил силу позиции протестантов и понял, что должен действовать осторожно. Немцы часто ходатайствовали о созыве Генерального собора, и если бы Собор удалось созвать сейчас, он мог бы провести определенные реформы, которые могли бы примирить более умеренных и укрепить их позиции. Соглашение с Папой Римским. Для этого было необходимо согласие папы римского. Соответственно, Карл пообещал Парму и Пьяченцу Оттавио Фарнезе, внуку Павла, и папа согласился повторно созвать Собор в Тренте, [54](#) в марте 1545 года. Тем временем император собрал свой сейм в Вормсе. Надежды императора в отношении Собора не оправдались. Его сессия открылась только в декабре. Вторая сессия Тридентского собора. Декабрь 1545. На нем присутствовало мало людей; прибыло всего около сорока епископов, и среди них испанцы и итальянцы составляли решительное большинство. Поэтому протестанты отказались признать его свободным и всеобщим Советом, тем более что было решено, что его члены должны голосовать как отдельные лица, а не как нации, - процедура, которая обеспечила бы победу папской партии. Более того, желание Карла, чтобы Собор отложил рассмотрение догмы и сначала приступил к реформе злоупотреблений, было отклонено. Было решено, что обе темы следует рассматривать вместе; и по вопросу об авторитете традиции и доктрины оправдания возобладали взгляды Рима.

Карл, тем временем, добился большего успеха в Германии в своих попытках привлечь немецких князей на свою сторону. Вильгельм, герцог Баварский, которому после смерти своего брата (1545) Карлу удастся завоевать расположение многих принцев Германии, особенно Морица Саксонского. стал единоличным правителем герцогства, до сих пор, хотя и был католиком, кокетничал со Шмалькальдской лигой. Теперь его привлекло обещание руки дочери Фердинанда для его сына с возвращением Богемии, если Фердинанд умрет, не оставив наследников мужского пола, и возлагаемые на него надежды, что, если курфюрст-палатин останется упрямым протестантом, избирательное право должно быть передано от палатина баварской ветви семьи Виттельсбахов. Иоанн Бранденбург-Кюстринский, маркграф Ноймарк, и Альберт Алкивиадес Бранденбург-Кульмбахский, два младших члена

дома Гогенцоллернов, недовольные восстановлением герцога Вюртембергского (ср. стр. 210), также присоединились к императору. Карлу также удалось добиться нейтралитета Иоахима, курфюрста Бранденбургского, Фридриха, курфюрста Палатинского, и некоторых городов, которые были членами Лиги.

Однако из его союзников самым важным был Морис Саксонский. История Дома Веттинов в Саксонии наиболее убедительно иллюстрирует пагубные последствия столь распространенного среди немецких князей обычая делить свои территории между сыновьями. В 1464 году Фридрих II, герцог Саксонии умер, оставив свои территории двум своим сыновьям, Эрнесту и Альберту, и с того дня ревность между этими двумя линиями стала невыносимой. В первые дни лютеранского движения, в то время как курфюрсты Фридрих Мудрый, Иоанн и Иоанна Фредерика, представители старшей, или эрнестинской, ветви, в своей столице Виттенберге были искренними сторонниками реформы, Георг, представитель линии альбертинцев в Мейсене, был одним из самых преданных защитников древней веры. Эта причина разногласий была лишь частично устранена, когда Генрих, брат герцога Георга, сменивший его в 1539 году, принял лютеранство. Морис, сменивший своего отца Генриха в 1541 году, также объявил себя протестантом и женился на дочери ландграфа Филиппа Гессенского. Тем не менее, он отозвал некоторых священников своего дяди-католика Джорджа, и среди них Карловица. Он также отказался присоединиться к Лиге Шмалькальде, какой бы слабой и разделенной она ни была из-за зависти, и всегда занимал независимую позицию, что не нравилось его двоюродным братьям в Виттенберге. Отчуждение, возникшее таким образом между ним и Джоном Фредериком, курфюрстом, усугублялось более личными причинами ссоры. Ни один из немецких князей не использовал призыв к секуляризации церковной собственности в большей степени, чем эти саксонские князья, и это привело к новым разногласиям между двумя кузенами. Епископство Наумбург было секуляризовано Джоном Фридрихом; Морис стремился сделать то же самое с епископством Мерзебургским. Они также поссорились из-за своих притязаний в пределах Мейсенского престола, который находился под общей юрисдикцией обеих ветвей; в то время как обе стремились получить во владение два епископства Магдебургское и Хальберштадтское, которые приняли протестантизм и лежали совсем рядом.

Императору, искусно сыграв на этой ревности и щедрыми обещаниями, удалось купить союз Маврикия. Он согласился назначить его опекуном епископств Хальберштадта и Магдебурга, принял предложение передать ему епископства Мерзебург и Мейсен в качестве наследственных герцогств и, наконец, пообещал передать ему избирательное звание, которое сейчас занимает Иоанн Фридрих. Что касается вопроса о религии, то успокоить опасения саксонского герцога было нетрудно. В юности он подвергался различным влияниям; его мать, Екатерина Мекленбургская, была убежденной протестанткой; его дядя, католик Георг, был его любимцем и пытался повлиять на его религиозные взгляды. Поэтому неудивительно, что Морис, хотя его ни в коем случае нельзя было назвать нерелигиозным человеком, не имел твердых убеждений в догматических вопросах и что он рассматривал вопросы скорее с точки зрения государственного деятеля, чем теолога. Он принял лютеранство, потому что этого хотел его народ, и обещания императора, казалось, давали все, что было необходимо. В религиозных вопросах Морис не должен был допускать никаких дальнейших нововведений до окончательного урегулирования, которое должно было быть передано на рассмотрение Совета, 'и, если какие-то моменты оставались неурегулированными в настоящее время, Морис не должен был испытывать опасений'. Условия действительно были расплывчатыми; но когда люди хотят быть удовлетворенными, они не очень требовательны. Таким образом, на этих условиях Морис согласился

присоединиться к императору в его нападении на курфюрста Джона Фредерика. Однако он не разорвал таким образом свой союз с ландграфом и не объявил войну Лиге Шмалькальде.

Пока продолжались эти переговоры, Карл сидел на диетах и разрабатывал компромиссные планы. Карл предпринимает действия против протестантов. Июнь 1546 года. Однако его попытки добиться взаимопонимания либо через Совет, либо через Сейм потерпели неудачу, и наконец настал момент для действий. С Солиманом было заключено перемирие; Франция и папа были дружественны, и уступки Карла привлекли на свою сторону нескольких его противников. Поэтому, вопреки желанию Гранвеля, он сбросил маску и в Ратисбоне опубликовал императорский запрет против тех, кто отказывался признавать юрисдикцию Императорской палаты. Даже сейчас он не говорил о войне как о религиозной; он действовал, по его словам, не против тех, кто был послушными подданными, а против тех, кто не желал подчиняться имперским законам; он собирался пресечь неповиновение, а не наказать ересь. Нет необходимости обвинять Карла в преднамеренной лжи; действительно, пока Морис был на его стороне, это вряд ли можно было назвать войной против протестантов. С другой стороны, было бы также несправедливо обвинять протестантов в том, что они взялись за вопрос о реформе исключительно из политических побуждений, продолжая свою старую борьбу против императора. Тем не менее, дело религиозной независимости теперь было настолько тесно отождествлено с делом территориальной независимости, а единство Церкви в сознании Карла было так тесно связано с единством Империи, что религиозные и политические вопросы больше нельзя было различать. Вопрос, поставленный на карту, заключался в следующем: следует ли заставить Германию принять средневековую систему единой империи и единой Церкви или князьям следует отстаивать свои права на политическую и религиозную автономию?

По странному совпадению, Лютер, который был главным инициатором разногласий и все же так долго стремился отделить религиозный вопрос от политики, и так неохотно санкционировал призыв к оружию, Смерть Лютера. 18 февраля 1546 года. скончался до фактического начала военных действий. 18 февраля 1546 года он скончался в своем родном городе Айсслебен на шестьдесят четвертом году жизни. Каким бы ни был наш взгляд на доктринальную позицию Реформатора, отрицать его величие так же бессмысленно, как и принижать важность движения, которое он породил. Из его недостатков, а их у него было много, некоторые были присущи его классу и его возрасту, некоторые были полностью его собственными. Лютер был сыном саксонского крестьянина и так и не освободился от домашней грубости своего раннего окружения. Грубость в спорах была обычаем того времени, и Лютер не поднимался выше общепринятых стандартов, в то время как природа наделила его бескомпромиссным, диктаторским и несколько вспыльчивым характером. И все же он не был лишен более приятных качеств. Его гостеприимство, его щедрость, его сердечность и привязанность сделали его любимым дома и среди друзей; в то время как его более суровые добродетели — его честность, его набожность, его искренние убеждения, его неослабевающее трудолюбие и, прежде всего, его непоколебимое мужество — даже его противники не смогли опровергнуть. Также было бы ошибкой воображать, что у него не было утонченности. Достаточным доказательством этого являются его гимны, многие из которых нам знакомы, и, прежде всего, его немецкий перевод Библии. Этого великолепного труда, который много сделал для возвышения и закрепления литературного стиля Германии, самого по себе достаточно, чтобы занять Лютеру высокое место среди литераторов.

Позиция Лиги Шмалькальде по поводу объявления имперского запрета была серьезной. Они слишком легко поверили обещаниям императора, критическому состоянию Лиги Шмалькальде. и теперь оказались неподготовленными к войне. Уступки Карла сократили их

ряды, и единственными членами Лиги, которые действительно взяли за оружие, были Иоанн Фридрих, курфюрст Саксонии, Филипп, ландграф Гессенский, герцог Ульрих Вюртембергский, а также жители городов Аугсбург, Страсбург, Ульм и Констанц. Тем не менее, если бы протестанты смело перешли в наступление, они могли бы захватить Верхний Инн и выход из перевала Бреннер и таким образом предотвратить марш войск из Италии, без чего император мало что мог сделать; или, опять же, они могли бы окружить его в Ратисбоне, где у него было мало войск. Но организация Лиги была очень несовершенной, было много зависти и ссор, а Джон Фредерик не был ни государственным деятелем, ни генералом. Армия Лиги, таким образом, заняла слабую оборонительную позицию и окопалась между Дунаем и Рейном. Карл, воспользовавшись медлительностью своих врагов, успел сосредоточить свои войска из Испании, Италии и Нидерландов, а затем благодаря превосходной стратегии, в которой ему помогал Альва, смог избежать решающего сражения, пока события на севере не вынудили его врагов отступить.

Только после того, как Морис получил определенное обещание избирателей, 27 октября он заявил о себе. Вооруженный приказом Карла занять конфискованные поместья Джона Фредерика, он затем обратился к своим собственным подданным. Он предупредил их об опасности отказа и, взяв на себя обязательство не вмешиваться в их религию, в конце концов заручился их согласием действовать. Наконец, когда Джон Фредерик презрительно отверг его предложение тихо оккупировать электорат, он объединил свои силы с силами Фердинанда и быстро захватил всю территорию, за исключением Виттенберга, как заявляет Морис 27 октября 1546 года. И опережает электорат, ноябрь. Эйзенах и Гота (ноябрь 1546). Получение этого известия наполнило членов Лиги тревогой, и после того, как Карл отверг их мирные попытки, ландграф Филипп и Джон Фредерик поспешили на север, в то время как остальные конфедераты рассеялись, чтобы защитить, по возможности, свои собственные территории. Это позволило императору детально разобраться со своими противниками и стать хозяином на юге. Города Лиги были быстро заняты. Успех Карла на Юге. Герцог Вюртембергский и курфюрст-палатин, которые, хотя и не принимали активного участия сами, помогли Лиге войсками, подчинились. Они обязались подчиняться сейму и решениям Императорской палаты и заплатить штраф; а Карл, со своей стороны, пообещал, как он обещал Морису, что в отношении религиозных вопросов их оставят в покое до окончательного урегулирования. В то же время Герман фон дер Вид, архиепископ Кельна, сложил с себя полномочия (январь 1547 г.), и ему наследовал католик.

Однако в других местах дела у Карла шли не так хорошо. Иоанн Фридрих по возвращении не только легко вернул свои владения, но и Успехи Иоанна Фридриха в Саксонии. но вторгся на территорию Мориса, где его хорошо приняли; Фердинанд, отозванный протестантским восстанием в Богемии, не смог оказать никакой помощи; и Морис за несколько недель потерял все свои земли, кроме Лейпцига и Дрездена, которые были слишком сильны, чтобы их можно было внезапно ослабить. Ссора Карла с Павлом III. мешает ему помогать Морису. Карл также не мог сразу откликнуться на призыв Мориса о помощи. Его союз с папой, казалось, вот-вот распадется. Интересы Павла III как итальянского монарха требовали, чтобы ни Франция, ни Испания не стали слишком могущественными; как Фарнезе, он стремился увеличить могущество своей семьи. Таким образом, отказ Карла назначить Оттавио Фарнезе штатгальтером Милана после смерти маркиза де Гуасто в марте 1546 года и назначение Гонзаги, старого врага Фарнезе и решительного сторонника имперских притязаний в Италии, вызвали раздражение папы, в то время как успехи империи теперь встревожили его. Император и папа также расходились во мнениях относительно Тридентского собора. Карл больше всего беспокоился о том, чтобы Собор не продвинулся дальше в определении догмы, чтобы тем самым не вызвать слишком преждевременных опасений умеренных

протестантов; Павел, менее заботящийся о положении Карла в Германии, желал сохранить непогрешимость папы и Церкви и не решался затрагивать щекотливый вопрос внутренней реформы; он также опасался, что император, одержавший победу на севере, может прибыть в Трент и заявить права на председательствование. Таким образом, верный традициям папской политики, Павел начал колебаться. По истечении срока, на который он предоставил свои войска (декабрь 1546 г.), он отозвал их и отказался посылать кого-либо еще. Он отказался санкционировать выделение церковных доходов из Испании, которые Карл потребовал для ведения войны; Тридентский собор переехал в Болонью. Март 1549 года. и поскольку Трент был окружен австрийскими землями, в марте он перенес Собор в Болонью. И на этом папа не остановился. Он даже вступил в интриги с Франциском, который, разочаровавшись в своих надеждах относительно Милана из-за смерти герцога Орлеанского (сентябрь 1545 г.), снова вел переговоры со Шмалькальдской лигой и разжигал восстания в Генуе, Сиене и Неаполе.

К счастью для Карла, медлительность и недостаток полководческих способностей Джона Фредерика спасли Мориса от разорения до смерти Франциска I. (март 1547 г.) Карл выступает на Север. Апрель 1547 года. избавил императора от страха перед нападением французов; и он смог, хотя его мучила подагра и он был бледен как привидение, выступить на север в апреле 1547 года. Даже тогда императорская армия насчитывала всего около 16 000 человек, в основном итальянцев, испанцев и венгров; в то время как курфюрст располагал гораздо большими силами. Этот недостаток в численности был, однако, полностью компенсирован превосходством ветеранов Карла и полным отсутствием полководческого мастерства, продемонстрированного его противником. Курфюрст не только отправил значительный отряд на помощь богемии против Фердинанда, но и еще больше ослабил свои силы, пытаясь удержать открытые города. Когда успех Карла, вошедшего в Саксонию с юга и быстро сократившего эти позиции, вынудил его, наконец, сосредоточиться на Мюльберге, городе к востоку от Эльбы, недалеко от Дрездена, он даже тогда не использовал все свои войска, чтобы оспорить переправу через реку, где Карлу, возможно, удалось бы успешно противостоять. Когда император переправился через реку, курфюрст тщетно пытался отступить. Battle of Mühlberg. 24 апреля 1547 года. Он был вынужден принять сражение, в котором его личное мужество и мужество его войск были бессильны против хорошо дисциплинированных ветеранов его врага. После короткой борьбы саксонцы уступили; у курфюрста, окруженного и раненого, не было иного выбора, кроме как сдаться; а Карл и его иностранная армия одержали решающую победу, потеряв около пятидесяти человек. Всерьез обсуждалось, не должен ли Джон Фредерик ответить головой за свой мятеж. Такое снисходительное наказание, убеждал Педро де Сото, духовник Карла, возымело бы превосходный эффект. Но Виттенберг был силен, и слишком суровое обращение могло вызвать дальнейшее сопротивление; соответственно, по совету Гранвеля и Алвы его жизнь была сохранена. Несмотря на это, условия были достаточно суровыми. Город Виттенберг должен был сдаться немедленно; Иоанн Фридрих должен был отказаться от избирательного сана и большей части своих территорий, из которых те, что в Богемии, должны были отойти к Фердинанду; он должен был подчиниться решению Императорской палаты и оставаться узником до конца своей жизни. На этих условиях город Гота и округ вокруг него, с пенсией, которая должна была выплачиваться из других территорий, были закреплены за его наследниками, и должно было быть предусмотрено его собственное содержание.

Вскоре за пленением Джона Фредерика последовала покорность ландграфа. До сих пор он отвергал предложения Карла. Теперь, когда сопротивление казалось безнадежным, Фердинанд и Морис убедили его принять условия императора, какими бы суровыми они ни были. Большая часть гессенских крепостей должна была быть сдана, а их укрепления

разрушены; ландграф должен был признать императорскую власть и подчиниться постановлениям Императорской палаты; он должен был освободить герцога Брауншвейгского, уплатить штраф и передать себя в руки императора. Говорят, что Карл, некогда владевший личностью ландграфа, воспользовался некоторой слабостью в соглашении и, вопреки четкому обещанию Фердинанда и Мориса, отказался предоставить ему свободу, заявив, что он только пообещал не держать его в тюрьме вечно.⁵⁵ Не похоже, что Карл на самом деле нарушил свое слово, и главная вина за ошибку, по-видимому, должна падать на Фердинанда и Мориса, которые давали обещания Филиппу без всяких полномочий. Тем не менее, Морис понимал Шарля иначе. Он считал, что его одурачили, и Германия в это верила. Морис так и не простил императора, и Германия не забыла.

§ 2. От Аугсбургского сейма до Аугсбургского мира.

Когда 1 сентября 1547 года Карл собрал свой сейм в Аугсбурге, казалось, что он наконец-то осуществит свою мечту о восстановлении единства Церкви. Сейм Аугсбурга. Сентябрь 1547 - июнь 1548. Все его противники были либо побеждены, либо пришли к соглашению, и все согласились принять решения Генерального совета. Сейм единогласно высказался в том же духе и потребовал отозвать Совет в Трент. Палата принцев далее настаивала на пересмотре решений, уже опубликованных Советом. Миряне-выборщики считали, что Священное Писание должно быть единственным авторитетом в вопросах догматики, и желали реформы Церкви в 'Главе и членах'; депутаты от имперских городов требовали, чтобы Совет состоял из ученых людей всех сословий. Некоторые желали, чтобы Совет проходил под председательством императора, и хотя этого не требовал весь сейм, ничего не говорилось о необходимости папского одобрения.

Император, вооруженный этой поддержкой, попросил Павла отозвать Собор из Болоньи в Трент. Он прямо заявил, что не одобряет всего, что было сказано против папской власти, Возобновившейся ссоры между папой и императором. но призвал Папу воспользоваться этой неожиданной уступкой со стороны Германии. Нельзя отрицать, что в этой просьбе был замешан серьезный принципиальный вопрос. Хотя император определенно не претендовал на право президентства, все же требование о возвращении Собора в Трент, где все еще оставались некоторые испанские и неаполитанские епископы, практически предполагало, что Собор в Болонье не был настоящим Собором. Выполнение требования Карла подчеркнуло бы контроль мирской власти над духовной и нанесло бы удар по независимости Церкви, которая утверждала, что ее направляет Святой Дух. И все же, если бы папа действительно был в полном согласии с императором по другим вопросам, один из многих предложенных компромиссов, вероятно, мог бы быть осуществлен искусной дипломатией Мендосы, императорского посла в Риме. К сожалению, дела Италии вновь встали на пути к тому примирению между папой и императором, которое было так желательно для благополучия Церкви. 10 сентября Пьерлуиджи Фарнезе, которому его отец Павел подарил Парму и Пьяченцу, пал жертвой заговора. Он был центром антиимпериалистических интриг зимой и весной 1546-1547 годов; и Гонзага, имперский губернатор в Милане, который с согласия императора поддержал заговор, но не покушение, немедленно оккупировал Пьяченцу, якобы для сохранения мира, но на самом деле преследуя амбициозные цели распространения императорской власти на север Италии. Разгневанный папа сразу же вступил в переговоры с Генрихом II. король Франции. Было даже слышно, как он говорил, что призовет сам ад, чтобы отомстить за него своему врагу. В то же время болонские прелаты, движимые, надо признать, более достойными мотивами, ответили на требование императора, призвав тех священнослужителей, которые остались в Тренте, присоединиться к ним в Болонье, чем они могли показать, что Германия намерена подчиняться Собору. Карл

мог бы теперь попытаться сформировать собственный Собор в Тренте, но он был слишком добрым католиком, чтобы думать о начале раскола. Заявив поэтому, что он должен принять меры для защиты той Церкви, которой пренебрегал папа, он решил уладить дело по-своему. Его духовник Педро де Сото предложил ему запретить все лютеранские проповеди, настоять на восстановлении секуляризованной собственности и католических ритуалов, а затем предоставить каждому думать так, как ему заблагорассудится. Но для этого, сказал Фердинанд, потребуется еще одна война. Поэтому император отклонил предложение своего брата попытаться найти какую-то почву для объединения Германии независимо от папы. Промежуточный период. 19 мая 1548 года. Последовал Промежуточный документ, составленный богословами с обеих сторон и принятый без обсуждения сеймом 19 мая. В нем утверждалось, что "Есть только одна Церковь, главным епископом которой является Папа; но власть находится в Церкви, находящейся под опекой Святого Духа, а не в Папе". Настаивая на семи таинствах в католическом смысле, оно согласилось с доктриной оправдания верой в несколько расплывчатых выражениях и заявило, что вопросы безбрачия духовенства и Причащения в обоих видах следует оставить нерешенными до созыва будущего свободного христианского собора. Не следует предполагать, что Карл намеревался сделать это урегулирование постоянным; он рассматривал его лишь как временную меру, которая могла бы побудить протестантов вернуться к повиновению Церкви и Империи. Тем не менее, если бы вся Империя, католическая и протестантская, приняла Временное решение, был бы сделан решительный шаг к созданию национальной Церкви под контролем императора, а не папы Римского. Любому подобному результату, однако, помешал отказ католиков признать Временное соглашение обязательным для них в отношениях со своими подданными, и единственный вопрос заключался в том, насколько Карл добьется успеха у протестантов.

Попытки Карла восстановить свою власть не ограничивались церковной сферой. Он также обратился к сейму с планами укрепления императорской власти. Ему не удалось получить всего, чего он желал. Его желание возродить и, по возможности, расширить организацию Швабской лиги (которая в последнее время прекратила свое существование), хотя и было одобрено мелкими князьями, встретило решительное сопротивление многих крупных, даже самого Морица, и от него пришлось отказаться. Тем не менее Чарльз многого добился. Ему было разрешено назначать на этот срок заседателей Императорской палаты, при условии, что они были католиками, и был предоставлен 'римский месяц' в качестве фонда на случай непредвиденных расходов в будущем. Он также достиг своей цели в отношении Нидерландов, которые теперь определенно были организованы как одно из Окружений Империи, находились под защитой империи и должны были вносить свой вклад в имперское налогообложение. Но хотя таким образом Карл надеялся заручиться поддержкой Империи для этих наследственных владений, все же они должны были сохранить свои собственные привилегии; и хотя их правитель должен был получить место в сейме, они должны были быть свободны от его контроля и юрисдикции Императорской палаты. В июне 1548 года сейм был распущен, и Карл приступил к введению Временного режима в отношении протестантов. На юге, где события предыдущего года сделали его хозяином, он смог добиться повиновения, частично изгнав лютеранских проповедников, частично произведя революцию в городских советах, частично с помощью своих испанских солдат. На севере у него было больше трудностей. Но даже там, за исключением Магдебурга и нескольких имперских городов, он в конце концов добился общего согласия с измененной формой Временного соглашения, составленной Меланхтоном и названной "Лейпцигским временным соглашением".

В ноябре 1549 года положение императора значительно укрепилось в связи со смертью Павла III. Смерть Павла в ноябре 1549 года и избрание Юлия III укрепили позиции Карла. Этот папа, в тщетной надежде убедить императора освободить Парму и Пьяченцу от их

зависимости от Милана, на мгновение занял примирительную позицию и заговорил о подтверждении Временного положения и отзыве Тридентского собора. Многие в Риме считали эти уступки опасными и выступали против такой политики, и после отказа Карла выполнить его требования в отношении Пармы и Пьяченцы папа объявил их присоединенными к папскому престолу и обратился за помощью к Франции. Таким образом, его смерть стала приятной новостью для Карла, особенно после того, как кардинал Монте, сменивший Юлия III, в феврале 1550 года, вопреки всем ожиданиям, выступил в поддержку империалистов. Вторая сессия сейма Аугсбурга. Июль 1550 г. Он пообещал созвать Совет в Тренте, рассмотреть вопрос о внутренней реформе и прийти к соглашению относительно временного правительства. Укрепленный этим необычным союзом, Карл без особых трудностей оказал влияние на сейм (который в июле был повторно созван в Аугсбург), чтобы тот подчинился Тридентскому собору; протестанты даже обязались явиться туда и отстаивать свое дело.

Успех его церковной политики теперь позволил Карлу вернуться к своей любимой идее установления наследственного правления Габсбургов над Западной империей. Династические идеи Карла. Но центром этой империи должна была стать не Германия, а Испания и Италия, а ее представителем после его смерти должен был стать не его брат Фердинанд, а его сын Филипп. Давно вынашиваемый план неуклонно претворялся в жизнь. В 1540 году Филипп был признан герцогом Милана. Когда Карл покинул Испанию в 1543 году, он доверил управление страной своему сыну, хотя тогда ему было всего шестнадцать лет. В 1548 году он послал за Филиппом, чтобы тот стал известен в Германии, и, хотя и с трудом, добился для него присяги на верность от Нидерландов. Между тем, интимная переписка между ними полностью пропитала Филиппа идеями его отца. Теперь император надеялся завершить свой план, обеспечив своему сыну наследование империи. Первоначально он намеревался вынести этот вопрос на рассмотрение сейма, но сначала было необходимо преодолеть вполне естественное противодействие Фердинанда. После долгих трудностей между двумя братьями был достигнут компромисс (9 марта). Было решено, что после смерти Карла императором должен стать Фердинанд; однако он должен был сделать Филиппа императорским наместником и поддержать его избрание римским королем. Филипп, со своей стороны, пообещал сделать то же самое для Максимилиана, сына Фердинанда, когда тот сам взойдет на императорский трон. Карл, хотя и не получил всего, чего хотел, — поскольку Империя должна была быть поделена по очереди между двумя ветвями семьи, — судя по всему, склонил Фердинанда к его плану будущего объединения империи с испанской монархией Филиппа. Но на самом деле он возбудил ревность Фердинанда, который заинтриговал курфюрстов, чтобы сорвать план, который он обещал осуществить, и с тех пор перестал поддерживать своего брата, как делал это до сих пор. Разгоревшаяся таким образом семейная ссора вскоре дорого обошлась Чарльзу.

Когда в ноябре 1551 года Карл отправился в Инсбрук, чтобы понаблюдать за Собором, который вновь собрался в Тренте в сентябре, он вполне мог думать, что победил; единство Церкви, казалось, вот-вот будет восстановлено, возобновились ссоры с папой по поводу Тридентского собора. Сентябрь 1551- апрель 1552 гг. и возрождение императорской власти, основанной на поддержке испанской монархии. Однако в следующие несколько месяцев эта надежда развеялась. Провал Собора состоял в том, чтобы доказать непрактичность его церковной политики; европейская оппозиция - в том, чтобы разрушить его схему политического превосходства. От дружбы папы римского и отзыва Собора в Тренте Карл ожидал великих свершений. Будучи скорее государственным деятелем, чем богословом, он не понимал трудностей, связанных с вопросом о догме, равно как и тех, которые касались независимости Церкви как организации божественного установления. Будучи сам строго

ортодоксальным, он не видел необходимости в дальнейшем определении доктрины и, прежде всего, не желал, чтобы делалось что-либо, что могло бы вызвать раздражение протестантов, до тех пор, пока Собор не рассмотрит вопрос о реформе. Злоупотребления Церкви, которые, как он знал, были основной причиной лютеранского восстания, и подлинная реформа их, как он полагал, позволила бы ему успешно преодолеть все дальнейшее сопротивление в Германии. Соответственно, он поддержал требование протестантов о том, чтобы они были услышаны и чтобы решения последней сессии были пересмотрены, в то же время он призвал Юлия немедленно заняться вопросом реформы. Не следовало ожидать, что эта политика найдет одобрение среди более ортодоксальных людей, а тем более у папы Римского. Когда, наконец, в январе 1552 года протестанты, вымогая обещание о безопасности, явились на Собор, сразу стало ясно, что компромисс невозможен ни по вопросу догмы, ни по вопросу устава Собора, ни даже по форме процедуры. Требования реформаторов о том, что Писание должно быть единственным эталоном истины, что миряне должны иметь право голоса и что папа не должен претендовать ни на президентство, ни на вето, 'поскольку Собор выше Папы', казались ортодоксам безбожными и дерзкими; и Юлий был полон решимости противостоять этой серьезной атаке на папскую позицию. Требования Карла и его испанских епископов также не были более приемлемыми. Идея реформы императора была основана на церковной организации Испании. Там короне служила церковь, дисциплина в которой была реформирована Хименесом и которую можно было использовать как оружие для расширения королевской власти и даже для сдерживания папских притязаний. Юлий решительно воспротивился более конкретному требованию о том, чтобы епископы были постоянными жителями и чтобы папа отказался от права раздачи всех пособий; 'вместо того, чтобы терпеть это, мы будем терпеть все несчастья', - сказал он. Папский двор существовал за счет иностранных бенефиций, поскольку итальянские епископства были бедны, а независимость национальных церквей разрушила бы папскую власть. Более того, папа был встревожен отказом Генриха II. признать Собор или разрешить французским епископам присутствовать на нем, и благодаря этим приготовлениям короля к возобновлению войны в Италии. Очевидно, от Собора ничего нельзя было ожидать. Это лишь послужило иллюстрацией противоречивых интересов папы и императора и безнадежности всякого примирения с протестантами. При таких обстоятельствах оно вскоре было оставлено немецкими епископами и тянулось до тех пор, пока ход событий в Германии не привел к его второму приостановлению (28 апреля 1552 г.).

В то время как церковная политика Карла, таким образом, рушилась, вся структура его политической схемы, частью которой были его церковные взгляды, превращалась в руины. Провал политических планов Карла. Хотя Генрих II. король Франции с опаской относился к растущим притязаниям Карла, он еще не чувствовал себя достаточно сильным для активной оппозиции. Летом 1551 года, однако, в Италии вспыхнули военные действия из-за бесконечного вопроса о Парме и Пьяченце, в котором Генрих II. поддержал дело Оттавио Фарнезе. Но у Карла не было денег, чтобы послать Гонзаге, Юлию III. больше всего на свете Генрих стремился сохранить дело в тайне; и Генрих, собираясь вторгнуться в Германию, согласился на перемирие (апрель 1552 г.), по которому Оттавио должен был оставаться во владении Пармой на два года.

Генрих II. справедливо рассудил, что проблему следует решать на севере. Здесь быстро росло возмущение против испанского правления и политики Карла. Вмешательство Генриха II. в Италии и Германии. 1551–1552. Временное правительство никогда не пользовалось популярностью даже у католических князей; оно было принято без согласия Церкви, и уступки лютеранам считались опасным компромиссом с ересью. Протестанты считали многие из его положений папистскими и возмущались тираническими средствами, с

помощью которых они были применены. Прежде всего, поведение Карла по отношению к ландграфу раздражало всех; Карл не только держал его в плену, но и заставлял следовать за собой в его продвижениях и обращался с ним с открытым презрением. Недовольство Карлом в Германии. Действительно, поведение Карла изменилось. Уверенность в успехе заставила его отказаться от всякой мысли о примирении, и, мучимый подагрой и другими недугами, он стал более раздражительным, более диктаторским и более властным, чем когда-либо прежде.

Уже в феврале 1550 года Иоанн Кюстринский и Альберт Алкивиад Кульмбахский сформировали оборонительную лигу для защиты своих общих интересов и решили обратиться к французскому королю. Интриги Мориса с протестантами. Между тем отношения между императором и Морисом с каждым днем становились все более напряженными. Победа Мюльберга была одержана, Шарль очень не хотел делать Мориса слишком сильным и, соответственно, не решался выполнить свои обещания. Право защиты Магдебурга и Хальберштадта предоставлено не было; представители Иоанна Фридриха не были вынуждены признать своего нового хозяина; и император, как слышали, говорил, что в Иоанне Фридрихе 'у него был медведь, которого он мог выпустить против Маврикия'. С другой стороны, молодой курфюрст обнаружил, что его положение среди протестантов и в его собственных владениях с каждым днем становится все более трудным. Непопулярность императора перешла к нему; обращение с ландграфом было возложено на его плечи; на него смотрели как на главного предателя, погубившего протестантское дело; и строились планы изгнать его из его несправедливо нажитых владений с помощью Франции. Морис начал опасаться, что его новоиспеченный электорат может быть отнят у него либо императором, либо протестантскими князьями. Помимо этих личных мотивов, которые были сильны, нельзя отрицать, что Морис также думал о деле протестантизма, которое оказалось бы под серьезной угрозой, если бы Чарльз стал полным хозяином положения. Таким образом, интересы единоверцев Мориса, так же как и его собственные, побудили его предложить принцам свой союз при условии, что они гарантируют ему мирное владение его недавно завоеванными территориями. Соответственно, с весны 1550 года он делал успехи. Тем не менее, протестантские князья вполне естественно подозревали его, тем более что Карл доверил ему введение Временного режима в городе Магдебурге. Таким образом, только 20 февраля 1551 года Морис смог развеять опасения протестантов. Затем он убедил их, что поход против города был направлен лишь для того, чтобы усыпить подозрения Карла; он пообещал им, что религия жителей никоим образом не будет нарушена и что он будет верен делу протестантизма. Двумя договорами (февраль и май 1551 г.) князья согласились объединиться для общей защиты протестантской религии и свобод Германии, и Морис получил защиту в своем электорате от всех притязаний эрнестинской ветви.

Осада Магдебурга продолжалась. В ноябре 1551 года город сдался. Граждане пообещали просить императора о помиловании, заплатить штраф и подчиниться Временному соглашению. Магдебург сдается Морису. Ноябрь 1551 года. В то же время они получили тайные заверения от Мориса, что их не лишат их привилегий и не будут мешать исповедовать их религию. Кроме того, они избрали Мориса своим бургграфом - титул, которым обычно обладала избирательная палата Саксонии, что давало ему значительную юрисдикцию над городом и его зависимостями.

Тем временем обсуждался вопрос, должна ли Лига оставаться оборонительной и ограничиваться Германией, или же ей следует обратиться за помощью извне. Морис считал, что для победы протестанты должны заручиться помощью Франции. Несмотря на противодействие Иоанна Кюстринского, который отказался заходить так далеко, совету

Мориса последовал Фридвальдский мирный договор. Январь 1552. а переговоры были начаты в октябре 1551 года, которые привели в январе 1552 года к Фридвальдскому мирному договору. Генрих II. имел наглость требовать, чтобы религиозные дела Германии были переданы под его защиту; но это протестанты отказались предоставить преследователю их единоверцев на родине, и никаких упоминаний о религиозных вопросах в договоре сделано не было. Генрих II. пообещал помочь в освобождении ландграфа из тюрьмы и в защите свобод Германии. Цена французского короля была высока. Он был уполномочен занимать в качестве наместника империи Камбре, Мец, Туль и Верден — с оговоркой, однако, об имперском суверенитете, — и князья пообещали при следующей вакансии в Империи поддержать его кандидатуру или кандидатуру кого-либо, кто ему понравится. Часто и сурово обвиняли в передаче трех епископств Меца, Туля и Вердена, которые доминировали в Лотарингии. Но мы должны, по крайней мере, помнить, что французский был общим языком в этих округах, что чувство немецкой национальности, никогда не отличавшееся особой силой, было ослаблено борьбой Реформации, и что союз с Францией был необходим, если Карлу нужно было успешно противостоять его попытке подчинить Германию иностранному испанскому правлению. Морис, однако, не был удовлетворен союзом с Францией. Фердинанд получил от него обещание, что он будет сопротивляться плану Карла относительно наследования империи. Дружеские отношения, которые были установлены таким образом, Морис обратил во благо и, заверив Фердинанда, что на него не будет совершено никакого нападения, обезопасил себя от активной враждебности со стороны австрийского принца.

Пока Морис создавал эту грозную коалицию против императора, отношения между ними были строго дружескими. И все же было бы ошибкой предполагать, что Чарльз оставался в неведении относительно того, что происходило дальше. Однако в этот момент Чарльз был болен и находился в одном из своих приступов нерешительности и апатии. Более того, ослепленный успехом своей политики после битвы при Мюльберге, он слишком легкомысленно относился к заговору и надеялся расправиться со своими противниками так же, как он поступил в 1546 году. Он верил, что сможет либо привлечь Мориса на свою сторону дальнейшими уступками, либо разорить его, освободив Джона Фредерика и вернув ему его избирательные владения. Император не понимал, как изменились обстоятельства с 1546 года; он не осознавал, насколько непопулярными стали его испанское правление, его своеволие и его схема престолонаследия в Германии, даже при его брате Фердинанде; он не учитывал союз с Францией в своих расчетах; наконец, он неправильно понял человека, с которым имел дело. При всех своих амбициях Морис действительно заботился о деле протестантизма и был полон решимости защищать своих подданных в их религии. Было маловероятно, что он когда-либо пожертвовал бы этим ради какой-либо личной выгоды. Чарльз также забыл, что он преподавал урок дипломатической тактики, который его ученик усвоил слишком хорошо; сам будучи мастером дипломатии, он был справедливо побежден этим тридцатилетним молодым человеком. Морис до последнего соблюдал приличия; он даже делал вид, что выполняет просьбу императора приехать в Инсбрук для обсуждения ситуации. Морис объявляет о себе и 18 марта выступает на юг. Генрих II. вторгается в Лотарингию. Затем, внезапно собрав свою армию, которую он держал вместе со времен осады Магдебурга, он двинулся на юг (18 марта), и к нему присоединился молодой Вильгельм Гессенский в Бишофсхайме. В тот же момент Генрих II. вторгся в Лотарингию. Французский король заявил, что прибыл защищать свободу Германии, и принцы выпустили манифест, в котором они осудили "позор и необоснованность заключения ландграфа" и "иностранное звериное (*viehische*) наследственное рабство", религиозное и политическое, которое Карл пытался навязать Германии. В Ротенбурге к Морису присоединился Альберт Алкивиад из

Кульмбаха и двинулся к Аугсбургу, "сторожевой башне имперской власти", которая была поспешно эвакуирована имперским гарнизоном.

Именно теперь Фердинанд занял ту позицию, которая была результатом его ревности к Карлу и его предыдущих переговоров с Морисом, Политики Фердинанда. позицию, которую он должен был сохранять до окончательного отречения своего брата. Стремясь защитить свои собственные интересы и интересы своего Дома, Фердинанд предложил вмешаться в качестве посредника; договориться с протестантами и, имея за спиной объединенную Германию, расстроить план Карла по наследованию престола и выступить против Турецкой конференции в Линце. 18 апреля. Соответственно, он убедил Мориса провести конференцию в Линце 18 апреля, на которой они согласовали общие условия будущего мира, и Морис согласился на приостановку вооружений 26 мая, когда переговоры должны были быть возобновлены в Пассау. Шарль уполномочил своего брата вести переговоры, надеясь таким образом выиграть время, но результаты конференции были не совсем ему по душе, и Морис вновь одержал дипломатическую победу. Нейтралитет Фердинанда был практически обеспечен, в то время как у Мориса было время действовать до 26-го числа. Двинувшись на Эренберг, он захватил замок, который контролировал перевал в Инсбрук, где находился император; Бегство Карла в Филлах. а Чарльз, слишком больной подагрой, чтобы ездить верхом, после тщетной попытки бежать на север, в Нидерланды, с трудом добрался на носилках через Бреннер в Филлах. Мориса убедили покончить с этим делом, схватив самого императора. "У меня нет клетки, достаточно большой, чтобы вместить такую птицу", - ответил он и предпочел угостить.

1 июня в Пассау снова возобновились переговоры между Фердинандом и Морисом, на которых присутствовали курфюрсты, многие представители города и большинство князей. Пассауский мирный договор. 2 августа 1552 года. Иногда говорят, что Карл в отчаянии передал переговоры Фердинанду и позволил событиям идти своим чередом. Нет ничего более далекого от истины. Никогда в его жизни упорство и упрямство его характера не проявлялись лучше, чем в этот момент, особенно если вспомнить, как он был болен. Не желая отказываться от своего любимого плана восстановления единства Церкви и верховенства императорской власти, он отстаивал каждую уступку пункт за пунктом; всегда мечтая о мести, он старался выиграть время, интригуя и пытаясь организовать оппозицию со всех сторон. Но все напрасно. Германия слишком сильно пострадала от его правления, чтобы снова за нее бороться. Политические тенденции того времени слишком сильно склонялись к автономии церкви и государства; и Пассауский мирный договор в основном связан с ростом промежуточной партии, как католической, так и протестантской, которые устали от войны, им не нравились политические планы Карла и они видели необходимость компромисса — партии, выражавшей настроения Германии в целом. Однако в одном пункте император был непреклонен. Он отказался признать авторитет конференции в Пассау как окончательного; он подчинился бы только решениям сейма, а условия, установленные в Пассау, должны были быть только временными. Морис, который в отчаянии от упрямства Карла снова взялся за оружие и осадил город Франкфурт-на-Майне (17 июля), не чувствовал своего положения в достаточной безопасности, чтобы отказаться от уступок, и 2 августа согласился на условия, предложенные императором. Конфедераты должны были сложить оружие до 12 августа, когда ландграф должен был быть освобожден; через шесть месяцев должен был состояться сейм, на котором должны были быть окончательно решены спорные вопросы, и, если решение не будет принято, нынешний порядок должен был сохраниться. Тем временем все те, кто придерживался Аугсбургского исповедания, должны были оставаться неприкосновенными, а протестанты должны были быть допущены в качестве заседателей в Императорскую палату. Даже в последний момент Карл подумывал отказаться

от его согласия и прибегнуть к оружию. Однако, уступив просьбам Фердинанда, который предупредил его, что ему придется сражаться с подавляющим большинством князей, как католических, так и протестантских, он, наконец, ратифицировал мирный договор (15 августа) и освободил курфюрста Иоганна Фридриха, а также ландграфа.

Пассауский мирный договор, вне всякого сомнения, отражал общее желание Германии, как католической, так и протестантской. Это получило сердечное одобрение всех, за исключением нескольких преданных католиков и тех, кто, подобно Джону Фредерику, надеялся вернуть то, что они потеряли, или, подобно Альберту Алкивиаду из Кульмбаха, надеялся извлечь выгоду из продолжения войны. Как бы Чарльзу ни не нравился мир, любая попытка присоединиться к недовольным была бы безумием. И все же с упорством, которое, казалось, росло в нем с годами, он не оставлял надежды. Франция не была включена в этот договор. Успешная война, ведущаяся против них, все же могла бы вернуть ему популярность и дать возможность еще раз побороться за все, что ему было дорого.

К счастью для дела протестантизма и интересов Германии, военные предприятия Карла провалились. Он действительно заручился помощью Альберта Кульмбахского, но неудачи Карла помешали ему нарушить Мирный договор. и в октябре 1552 года осадил Мец. Но мастерство и энергия герцога де Гиза, который здесь завоевал свое военное имя, свели на нет усилия Карла. Наступила зима, жестоко испытывавшая испанские и итальянские войска; и в декабре 1552 года Карл отказался от этой попытки, с горечью заявив, что 'Фортуна, как и женщины, благоволит молодому королю, а не старому императору'. Не более успешно его оружие действовало и в Италии. Сиенская республика, раздираемая внутренними раздорами, перешла под защиту императора и приняла отряд солдат под командованием Мендосы, императорского посла в Риме. Но суровость правления Мендосы вскоре заставила сиенцев раскаяться; они обратились за помощью к Франции, изгнали испанские войска и присягнули Франции; в то время как Солиман, снова в союзе с французами, послал флот, который угрожал, хотя и безуспешно, городу Неаполю. В 1553 году императору, удалившемуся в Нидерланды, повезло несколько больше, и он захватил город Теруэн. Но в Италии все попытки вице-короля Неаполя и Козимо, герцога Флоренции, вытеснить французов из Сиены оказались тщетными; Неаполю снова угрожал турецкий флот, и французы завоевали часть Корсики. В Венгрии Изабелла, вдова Запольи, и ее сын, опираясь на поддержку Турции, в конце концов овладели Трансильванией; и сама Вена могла подвергнуться новому нападению, если бы Солиман не был отозван войной с персами и отвлечен домашними неурядицами, которые привели к казни его собственного любимого сына Мустафы.

В этот момент произошла смерть Мориса, событие, которое при более благоприятных обстоятельствах могло бы дать Карлу возможность одержать окончательную победу. В разгар внешней войны Карл не переставал интриговать с недовольными, особенно с Альбертом Кульмбахским. В обмен на помощь, которую принц оказал ему перед Мецем, он подтвердил те денежные и земельные пожалования, которые Альберт вымогал у епископов Бамберга и Вюрцбурга. Эти притязания Альберт теперь продолжал отстаивать с оружием в руках, несмотря на приказ Императорской палаты; после чего в феврале 1553 года Фердинанд и Морис, которые вместе с другими князьями юга Германии сформировали Гейдельбергскую лигу для обеспечения соблюдения Пассауского мирного договора, выступили против него и разбили его при Зиверсхаузене, в герцогстве Люнебургском (9 июля). Победа, однако, досталась дорогой ценой, поскольку Морис скончался через два дня от полученных ран. Смерть Мориса при Зиверсхаузене. 9 июля 1553 года. Таким образом, в возрасте тридцати двух лет скончался принц, игравший ведущую роль в истории Германии с

1546 года. По сей день его цели и характер являются предметом горячих споров. Некоторые считают его способным учеником Макиавелли, человеком, лишенным религиозных убеждений или каких-либо принципов, кроме расчета на собственные интересы. Другие представляют его как величайшего государственного деятеля того времени; как человека, который первым разгадал замыслы Карла и чье предательство в 1546 году на самом деле было лишь первым и необходимым шагом к окончательному отстаиванию дела протестантизма, навязанным ему необходимостью занять прочное положение, прежде чем он сможет надеяться противостоять императору. Как это часто бывает с яростными пристрастиями, истина лежит на полпути между этими двумя крайними взглядами. Хотя у Мориса не было очень твердых убеждений по спорным вопросам между приверженцами двух враждебных вероисповеданий и, без сомнения, им руководило честолюбие, все же несправедливо обвинять его в принесении религии своих подданных в жертву личным целям. В любом случае, что бы мы ни думали о его мотивах, его способность управлять государством неоспорима. Однажды обманутый Карлом, он быстро узнал о нем, и в конце концов ему удалось перехитрить этого мастера дипломатии. По крайней мере, Морису протестантизм был обязан своим окончательным признанием, а Германия - избавлением от испанской тирании Карла. Не пострадал от его рук и саксонский электорат. Страной хорошо управляли, и образование было развито. Более того, если бы Морис прожил дольше или ему наследовали люди такого же калибра, как он сам, Саксония, вероятно, не увидела бы, как ее соседи, бранденбургские курфюрсты Гогенцоллерны, затмили бы ее в семнадцатом и восемнадцатом веках. Правда ли, что в момент своей смерти он мечтал о еще более великих вещах и что он вместе с Фердинандом интриговал с Францией, чтобы обеспечить себе императорское достоинство, мы не можем сказать. Морис был слишком хорошим дипломатом, чтобы раскрыть свои карты до решающего момента. Но, по крайней мере, мы можем верить, что Германия не пострадала бы при нем как императоре.

Ни Альберту, ни Шарлю смерть Мориса не пошла на пользу. Первый вскоре был изгнан из Германии, чтобы закончить свои дни на пенсии у французского короля, в то время как его владения во Франконии перешли к его двоюродному брату Георгу Фредерику Анспакскому; и Карл, отчаявшись сопротивляться единой воле Германии, наконец смирился с неизбежным. Он отказался от своей схемы наследования престола и перестал выступать против постоянного урегулирования религиозных трудностей. К такому курсу он был тем более склонен, что теперь думал женить Филиппа на Марии, английской королеве-католичке, и таким образом объединить Англию с испанской монархией. С этим изменением политики соперничеству между ним и его братом пришел конец, и Фердинанду была предоставлена полная свобода действий в Германии.

Сначала требовали внимания дела Саксонии. Иоанн Фридрих, несмотря на его протесты, был вынужден довольствоваться некоторыми территориальными уступками, в то время как остальные владения с избирательными титулами отошли к Августу, брату Маврикия.

Удовлетворительно решив этот вопрос, Фердинанд убедил своего брата созвать сейм в Аугсбурге в феврале 1555 года. Аугсбургский сейм. Февраль–сентябрь 1555 года. Карл, однако, отказался принимать какое-либо участие в переговорах и предоставил Фердинанду председательствовать и улаживать дела по своему усмотрению, предупредив, что он не должен делать ничего против своей совести.

За немногими исключениями, все в Германии, как католики, так и протестанты, искренне желали урегулирования религиозного вопроса и установления мира, который мог бы защитить их от таких мятежных духов, как Альберт Бранденбургский. И все же попытка примирить конфликтующие интересы двух религий — всегда трудное дело — стала вдвойне

трудной из-за сложного характера имперской конституции. Поэтому, как только началось обсуждение, возникли разногласия, которые были подогреты папской партией. Смерть Юлия III в марте 1555 года облегчает дело. К счастью, смерть Юлия III в марте вынудила его легата, кардинала Мороне, удалиться из Аугсбурга. Следующий папа, Марцелл II, прожил всего двадцать дней, и хотя его преемник Павел IV. (Караффа), пытавшийся чинить всяческие препятствия на этом пути, смог лишь ограничить уступки, предоставленные протестантам.

По двум пунктам договориться было сравнительно легко. Было объявлено, что отныне все религиозные споры должны разрешаться мирными средствами, и с этой целью по всем спорам между католиком и лютеранином Императорская палата должна была состоять из равного числа заседателей от обеих сторон. Остальные вопросы представляли большие трудности. Первоначально лютеране хотели, чтобы каждому человеку было позволено придерживаться вероисповедания Аугсбурга, независимо от того, является ли он подданным протестантского государства или нет. Но этого опасались те католические князья, в чьих владениях лютеранство добилось больших успехов, и реформаторы были вынуждены довольствоваться условием, что каждому светскому князю или имперскому городу должно быть позволено решать, какая из двух религий должна быть принята в пределах их юрисдикции, и что тем, кто не мог подчиниться, должно быть позволено уехать со своим имуществом. Был также достигнут компромисс в отношении секуляризации церковной собственности, находящейся в юрисдикции светских князей. Вся такая собственность, которая была секуляризована до Пассауского мирного договора 1552 года, должна была оставаться таковой, но дальнейшее осуществление этого права не допускалось. Протестанты, признавая этот пункт, требовали, чтобы церковным князьям, подобно светским князьям, было позволено устанавливать в пределах своей юрисдикции ту религию, которая им нравится, и чтобы любой церковный князь или епископ, принявший лютеранское исповедание, сохранял свои достоинства и доходы. Это, однако, нанесло бы смертельный удар по всей структуре империи, и католики и сам Фердинанд оказали им упорное сопротивление. Поскольку лютеране выступили против, Фердинанд всерьез подумывал отложить рассмотрение этого вопроса, чтобы не потерять остальную часть договора. В конце концов, однако, был достигнут неудовлетворительный компромисс. Было постановлено, что если какой-либо священнослужитель впоследствии откажется от католической религии, он должен отказаться от своей должности вместе с соответствующими доходами и покровительством. Этот пункт лютеране разрешили включить в договор, но только в знак протеста против того, что они не считают оговорку обязательной для себя; и далее добились уступки в том, что те подданные церковных князей, которые уже приняли лютеранство, не должны подвергаться притеснениям, и что тем, кто впоследствии может стать лютеранами, должно быть разрешено эмигрировать.

Аугсбургским миром попытке Карла восстановить единство Церкви на основе возрожденной Западной империи был нанесен окончательный смертельный удар; и принцип автономии в церковных вопросах был определенно признан. Если бы Карл одержал победу над своими внешними врагами, по всей вероятности, он добился бы своего, по крайней мере на какое-то время. Если бы он был менее амбициозен и сосредоточил свое внимание на Германии, ему, возможно, удалось бы сокрушить лютеранство. Но само величие его целей помешало их осуществлению. Снова и снова, когда он собирался нанести удар, вмешивались какие-то политические соображения, чтобы помешать ему; и в конце концов принцип территориализма, поддержанный иностранцем, оказался слишком сильным. И все же было бы несправедливо обвинять протестантов в том, что они использовали религиозный призыв для достижения своих политических целей. В Германии, как и везде в Европе, религиозный элемент волей-неволей соединился с политикой. Реформация придала символ веры и новый

энтузиазм уже существующим политическим устремлениям и в конечном итоге принесла победу тем политическим тенденциям, которые были наиболее сильными. Если бы Чарльз был другим человеком, он мог бы принять протестантизм и на этом основании основать соединенное королевство в Германии. Но этому препятствовали его характер и испанские симпатии, и, если не считать полной победы с его стороны, альтернативы, кроме децентрализации, не было. Отныне Германия отказалась от всякой надежды примирить две религии посредством общего или даже национального совета в Германии. Лютеранская церковь получила юридическое признание, и протестантские государства заявили, что будут следовать своим курсом без вмешательства какой-либо внешней церковной власти. Таким образом, средневековая концепция Церкви и государства была полностью преобразована, и светская власть обрела независимость, которой она раньше не обладала. Тем не менее, урегулирование ни в коем случае не было окончательным и несло в себе семена будущих разногласий. Принцип индивидуальной терпимости не был принят. Если князья обычно принимали религию большинства своих подданных, права меньшинства не соблюдались. Впоследствии было ясно, что 'церковная оговорка' приведет к серьезным спорам. Прежде всего, кальвинисты, которым вскоре предстояло стать самыми активными реформаторами, не были включены в мирный процесс. Религиозные распри, возникшие между ними и лютеранами, усилили уже существовавшую политическую зависть. Католики воспользовались этим, и в Германии еще предстояло пережить ужасы Тридцатилетней войны, прежде чем религиозный вопрос получит свое окончательное разрешение.

В то время как Германия была поглощена этими важными вопросами, война с Францией продолжалась на границах Нидерландов и в Италии с различными результатами. Водельское перемирие. Февраль 1556 года. В апреле 1555 года Сиена была возвращена империалистам Козимо, герцогом Флоренции. В других местах события были незначительными, и в 1556 году перемирие, заключенное в Воселе, привело к кратковременному прекращению боевых действий. Однако к этой дате Карл перестал быть королем Испании.

Разочарованный провалом всех своих планов, страдающий подагрой, астмой и другими недугами, он решил оставить еретическую Германию Фердинанду, чтобы подготовить Карла к его отречению, и передать управление другими своими территориями своему сыну. Карл наивно надеялся, что Филипп, объединившийся с королевой Англии и находящийся в полном расцвете юности, все же сможет основать великую католическую монархию с центром в Испании и противостоять опасному распространению ереси; более того, однажды сможет поставить короля Франции на колени и установить господство Испании в Европе. Милан и Италия уже были переданы Филиппу после его женитьбы на Марии Английской, но разделение полномочий привело к трудностям и некоторым ссорам между отцом и сыном. Таким образом, в октябре 1555 года, через месяц после заключения Аугсбургского мира, королева Венгрии Мария сложила с себя полномочия регента Нидерландов, и управление этими территориями, которые только что снова были отделены от империи, было передано Филиппу.

Даже тогда Карл, очевидно, намеревался подольше удерживать правительство Испании в своих руках, но Италию и Нидерланды вряд ли можно было защитить без испанского оружия и денег; январь 1556 г. Филипп признан королем Испании. Сентябрь: Карл отказывается от императорского трона. соответственно, в январе следующего (1556) года Филипп был признан королем Испании. Наконец, в сентябре того же года Карл отказался от императорской короны, хотя из-за определенных технических сложностей Фердинанд не был избран в течение двух лет. Этим актом амбициозная идея, впервые вынашиваемая Максимилианом, объединить под единым правлением Испанию, Италию и Нидерланды с

немецкими владениями Габсбургов была отброшена, и был осуществлен возврат к более разумной политике Фердинанда Католика. Отныне, вплоть до исчезновения испанской линии в 1700 году, дом Габсбургов был разделен на две ветви, из которых австрийская управляла семейными территориями в Южной Германии и обеспечила себе выборный трон империи; в то время как испанцы правили Италией, Франш-Конте, Нидерландами и завоеваниями в Новом Свете. Вероятно, для Испании было бы лучше, если бы у нее никогда не было германского императора в качестве короля; в то время как Нидерландам, всему, что теперь оставалось ей от наследства эрцгерцога Филиппа, еще предстояло стать источником слабости и унижения.

Карл, переложив бремя правления на более молодые плечи, в сентябре 1556 года удалился в иеронимитский монастырь Юсте в провинции Эстремадура. Чарльз в Юсте. Сентябрь 1556 - сентябрь 1558. Традиционная история его жизни там требует некоторой корректировки. Он жил не в монастыре, а в доме, приготовленном для него неподалеку. Хотя он жил религиозной жизнью, регулярно посещал церковные службы и даже подвергал себя епитимье бичевания, в остальном его повседневная участь не была сопряжена с чрезвычайными трудностями. Особенно в том, что касается диеты, он не только отказывался от голодания якобы по соображениям здоровья, но и потакал, за свой счет, своей любви к жирным и нездоровым блюдам. Он ни в коем случае не отгораживался от всех мирских забот, но поддерживал активную переписку со своим сыном и дочерью Джоанной, которая исполняла обязанности регента Кастилии во время отсутствия Филиппа. Он был самым энергичным в сборе необходимых налогов для кампаний 1557 и 1558 годов, и одним из его последних действий было обращение к регенту с призывом искоренить лютеранскую ересь, смерть Карла V. 21 сентября 1558 года, который появился в Испании. Сохраняя в своем уединении ту же непоколебимую приверженность принципам, которыми руководствовался всю свою жизнь, Карл, наконец, на пятьдесят восьмом году жизни скончался от недугов, которые одолевали его в последнее время (21 сентября 1558 г.).

Император так часто выступал перед нами, что нет необходимости говорить о нем здесь подробнее. Его характер развивался поздно, и только на Вормсской диете 1521 года он начал проявлять свои способности. Однако с этого момента он подчинился ошеломляющим трудностям своего положения с целеустремленностью, которая становится тем более примечательной, если вспомнить его врожденную лень и нерешительность. Именно конфликт между этими тремя качествами — его упрямством, вялостью и нерешительностью — объясняет противоречивость его поведения. Обладающий самообладанием и замкнутостью, но с пылким характером, который временами выдавал себя, мало кто, кроме двух его канцлеров, Гаттинары и Гранвелле, и его духовника Педро де Сото, был допущен к его советам. Если не считать его жены Изабеллы Португальской, умершей в 1539 году, его сына и сестер, у него было мало близких привязанностей, и его сердце редко волновали какие-либо чувства. Он никогда не прощал обид; он редко совершал великодушные поступки. Он был человеком, вызывающим страх и даже восхищение, но не вызывающим привязанности. Сначала нидерландец, но никогда не немец, он вскоре стал чистокровным испанцем и смотрел на Испанию как на образец, который он хотел бы навязать Европе.

§ 3. Последняя война между Францией и Испанией.

Желание Карла обеспечить своему преемнику мир на несколько лет не было выполнено. Этому помешал герцог де Гиз, Павел IV. вступает в союз с Францией против Филиппа. Июль 1556 года. представитель партии войны во Франции и его брата кардинала Лотарингии, но особенно Павла IV. Этот пламенный прелат, которому сейчас шел восьмидесятый год, хотя и был лидером католической реакции, на протяжении всей своей жизни был ярким

противником испанца в Италии. Членнеаполитанской семьи (Караффа), которая всегда поддерживала анжуйскую партию в этом королевстве, он рано навлек на себя неудовольствие Карла, который добился исключения его имени из состава Правительственного совета и сопротивлялся его выдвижению на архиепископскую кафедру Неаполя. При таких обстоятельствах неудивительно, что, став папой, он принял ту антииспанскую политику, которая теперь стала почти традиционной для папства. Он помнил дни свободы Италии и считал испанца самым опасным из ее врагов. 'Французы, - сказал он, - могут быть легко вытеснены в будущем; но испанцы подобны траве, которая обязательно пустит корни, где бы она ни была брошена'. Руководствуясь этими мотивами, он в декабре 1555 года заключил секретный договор с Францией, целью которого было изгнать испанцев из Италии, и теперь убеждал Генриха II. нарушить его перемирие с Испанией. Гизы перешли на сторону войны; и в июле 1556 года, следуя фантастическому плану возрождения французских притязаний на Неаполь, был заключен договор, по которому это королевство должно было быть отторгнуто от Филиппа и передано одному из сыновей Генриха, за исключением некоторой части северной границы, которая должна была отойти папе в качестве его доли добычи.

Павел не ждал, пока этот союз начнет военные действия или покарат Колонези, которые поддерживали дело империи. В ответ на это герцог Альва, который только что был назначен губернатором Неаполя, вступил в Папскую область (сентябрь), и, в отсутствие французов, герцог Альва вторгается в Папскую область. Сентябрь 1556. занимал главные места в Кампании. Действительно, если бы не щепетильность герцога или, скорее, его царственного повелителя, сам Рим мог бы быть взят; но приказ Филиппа состоял в том, что он должен был склонить папу к соглашению, а не разорять его. Соответственно, Альва прислушался к неискренним предложениям папы и отложил дальнейшие операции до тех пор, пока наступление французской армии под командованием герцога де Гиза в начале нового года не вынудило его отступить на юг. Теперь Альва играл в выжидательную игру и, отказываясь встретиться с французами в решительном сражении, постепенно измотал их, как это сделал Гонсалво в 1503 г. Французы вторгаются в Неаполь, но о них напоминает поражение при Сен-Кантене. Январь-август 1557 года. Герцог Гиз, потерпев неудачу в своей попытке взять город Чивителла (15 мая) и утомленный такой тактикой, был вынужден покинуть Неаполитанское королевство, а вскоре после этого был отозван во Францию (15 августа) из-за известий о поражении при Сен-Кантене, "мало сделав для своего короля, еще меньше для Церкви и ничего для своей чести". Павел, покинутый своими союзниками, был вынужден принять предложенные ему условия, которые, однако, были настолько выгодными, что Павел примирился с Альвой. как с горечью заметил Альва. "похоже, что они были продиктованы побежденным, а не победителем". Территории Церкви должны были быть восстановлены в неприкосновенности; оставшимся французским войскам должен был быть разрешен свободный проход во Францию; дело о Колонези должно было быть передано на рассмотрение Филиппа и папы римского. Герцог Альва действительно должен был просить прощения и получить отпущение грехов у папы римского за то, что осмелился поднять против него оружие.

Эта последняя война за обладание Италией на долгие дни примечательна странными противоречиями, которые она представляет. Мало того, что самый фанатичный из пап выступает против самого фанатичного из королей; он даже призывает к себе на помощь неверных и протестантских наемников Германии; в то время как его противник по приказу своего господина Филиппа ведет войну против папы со всеми проявлениями почтения и, когда диктует мир, Сицилия, Неаполь, Милан, наконец, находятся в руках Испании. делает это, как проситель, стоя на коленях. И все же, несмотря на свое надменное поведение, Павел

потерпел неудачу. Французы отныне прекратили борьбу за Италию; Сицилия, Неаполь и Милан оставались в руках испанских Габсбургов до исчезновения их рода в 1700 году.

В войне, которая тем временем разразилась на восточной границе Франции, истощение этой страны было ясно видно. Феодалные рекрутские отряды реагировали, но слабо; провинциальные пехотные легионы, организованные Франциском I в 1534 году, так и не добились успеха; а из французского крестьянства только гасконцы появились в каком-либо количестве. Таким образом, Франция была вынуждена отступить от шести тысяч немецких наемников. Кампания на восточной границе Франции. Испанская победа при Сен-Кантене, 10 августа. Эммануэль Филиберт, лишенный собственности герцог Савойский, мужчина двадцати девяти лет, командовавший армией Филиппа, располагал гораздо большими силами, собранными из различных стран, находившихся под властью Испании, и ему помогал контингент англичан, которых с трудом удалось уговорить помочь мужу их королевы. Финансовое положение двух воюющих сторон было во многом одинаковым, но благодаря энергии Карла во время его отступления при Сен-Жюсте удалось выжать из испанцев значительную сумму денег. При приближении герцога Савойского Колиньи бросился в город Сен-Кантен (2 августа), важный город, служивший перевалочным пунктом для торговли между Францией и Нидерландами. Но опрометчивая попытка маршала де Монморанси, который был верховным командующим, сменить его гораздо меньшими силами привела к его полному поражению (10 августа). Сам маршал, многие дворяне и тысячи простых солдат были взяты в плен; еще столько же было убито. Одним словом, Франция не терпела такого поражения со времен Павии. 'Разве мой сын не в Париже?' - спросил Карл, получив известие о победе; и если бы командовал сам Карл, Париж мог бы пасть. Но Филипп, всегда больше любивший переговоры, чем войну, откладывал до тех пор, пока не станет хозяином Сен-Кантена. Город, защищаемый энергией и способностями Колиньи, не подвергался штурму до 27 августа - и эта задержка спасла Париж. Впоследствии в испанском лагере вспыхнули ссоры, которые привели к отступлению англичан. Немцы жаловались на нехватку жалованья; многие перешли на службу к французам; и, заняв еще несколько мест, армия Филиппа перешла на зимние квартиры. В январе неожиданный захват Кале герцогом де Гизом обратил вспять, по крайней мере, по мнению французов, катастрофу при Сен-Кантене. Англичане, в чрезмерной самонадеянности, в последнее время пренебрегали обороной этого города и зимой имели обыкновение отводить часть войск, а Кале был взят герцогом де Гизом. 1-8 января 1558 года. потому что тогда болота считались непроходимыми. Герцог, узнав об этом, внезапно появился перед стенами и взял штурмом два форта Ньюмен-Бридж и Рисбанк, которые защищали Кале соответственно с моря и с берега. Лорд Вентворт, отчаявшись удержать город теперь, когда его позиция была под контролем, капитулировал 8 января. Возвращение этого города, находившегося в руках англичан со времен Эдуарда III, вполне естественно, вызвало безграничное ликование во Франции. В июне последовало взятие Тионвиля герцогом де Гизом, а в июле маршал де Терм, командовавший гарнизоном Кале, овладел Дюнкерком и Мардайком. Французы потерпели поражение при Гравелине. 13 июля 1558 года. Но маршал неосмотрительно углубился слишком далеко в страну врагов и оставил Гравелин незамеченным позади себя. Когда он попытался отступить, он был зажат между гарнизоном Гравелина и фламандскими войсками, собранными графом Эгмонтом, и был полностью разбит, сам попав в руки врагов (13 июля).

Это было последнее действие в войне. Филипп не стремился к возобновлению военных действий, и теперь он вдвойне стремился к миру. Трудности с обеспечением деньгами, которые всегда были серьезным делом, теперь были настолько велики, что Филипп

признался своим министрам, что находится на грани разорения. Смерть его отца Карла 21 сентября потребовала его присутствия в Испании, а Англии нельзя было доверять продолжение войны, тем более что Мария была очень больна. Франции также нечего было надеяться на продолжение борьбы теперь, когда папа заключил мир с Филиппом. Ее финансы были истощены, ее народ устал от борьбы, которая не приносила ему никакой пользы. Помимо всего этого, ересь появилась как во Франции, так и в Испании. Генрих II. поэтому прислушался к совету Монморанси и кардинала Лотарингии. Первый, как пленник и соперник победоносного герцога Гиза, имел личные причины желать мира; второй убеждал Генриха посвятить свое внимание искоренению ереси.

Переговоры были начаты в октябре, но были отложены из-за смерти Марии Английской в ноябре и отказа королевы Елизаветы признать капитуляцию Кале. Мирный договор в Като-Камбрези. 3 апреля 1559 года. Филипп, возможно, надеясь таким образом добиться ее руки, предложил поддержать английскую королеву и разорвать переговоры, но только при условии, что она будет поддерживать его всеми своими силами до тех пор, пока будет продолжаться война. Это не устраивало осторожную и скупую королеву, и в конце концов она согласилась оставить Кале на восемь лет в руках Франции. Император Фердинанд также разрешил Франции сохранить три лотарингских епископства - Мец, Туль и Верден, но ей пришлось уступить Филиппу и его союзникам все остальные свои завоевания, за исключением Турина, Салуццо, Пиньероля и нескольких других важных мест в Пьемонте. Они должны были оставаться у нее до тех пор, пока не будет принято решение о притязаниях Генриха на это княжество через его бабушку, Луизу Савойскую, — притязание, в серьезность которого он вряд ли мог поверить. Таким образом, Филипп вернул себе города, захваченные Францией в Люксембурге; Монферрат был возвращен герцогу Мантуанскому; Генуя вернула себе Корсику. Со своей стороны, Филипп сдал те несколько мест, которые он удерживал в Пикардии. Далее оба короля обязались сделать все возможное, чтобы обеспечить созыв Общего собора, который был необходим как для исправления злоупотреблений, так и для восстановления союза и согласия в Церкви. Мирный договор должен был быть ратифицирован двойным браком; Филипп должен был жениться на Елизавете, старшей дочери Генриха II, тогда тринадцатилетней девочке, которую сначала предлагали в качестве невесты его сына Дона Карлоса; Маргарита, сестра французского короля, должна была выйти замуж за Эммануэля Филиберта, герцога Савойского. На турнире, который проводился в честь бракосочетания Филиппа с французской принцессой Генрихом II. получил рану, от которой скончался, и ему наследовал его сын Франциск II, шестнадцатилетний юноша, который в 1558 году женился на Марии, королеве Шотландии.

Като-Камбрезийский мир, по которому Франция 'потеряла столько провинций, сколько вернула городов', был гораздо более невыгодным, чем оправдывало военное положение, несмотря на поражения при Сен-Кантене и Гравелине. Поэтому вполне естественно, что большинство французских писателей считают ее бесчестной. Это еще раз напоминает нам о насмешке Макиавелли о том, что французы не мастера дипломатии, и, возможно, является подходящим дополнением к той долгой борьбе между Домами Валуа и Габсбургов, которая началась с глупой экспедиции Карла VIII и в которой Франция постоянно была агрессором. Ее единственными постоянными завоеваниями были Кале и три лотарингских епископства; и они, уравновешенные потерей испанской Наварры, были завоеваны ценой истощения казны и обнищания народа. Она, без сомнения, сыграла ведущую роль в сопротивлении опасному господству Австро-Испанского дома и в срыве попытки Карла установить универсальную монархию в Европе. И все же можно усомниться в том, что она не смогла бы добиться этого более эффективно, если бы держала руки подальше от Италии и укрепила и расширила свои границы, завоевав Руссильон и Франш-Конте, а также продвигаясь к Рейну. Играя роль

соперницы Дома Габсбургов, она не только способствовала успеху реформаторов в Германии и продвижению турок в Венгрии, но и позволила протестантизму прочно утвердиться у себя дома и воспитала воинский дух среди мелкой знати, что придало религиозной борьбе во Франции некоторые из ее худших черт.

На протяжении всей долгой борьбы ничего не было сделано для укрепления правительства Франции или развития конституционной жизни. Монархия вышла из войны банкротом, а правительство — добычей соперничающих группировок - группировок, которые, если и не были причиной религиозных войн, то, несомненно, затягивали их, и Франции, раздираемой гражданскими и религиозными распрями, пришлось ждать правления Генриха IV. прежде чем она смогла принять то участие в европейских делах, на которое давали ей право ее центральное положение, способности ее народа и великолепные природные ресурсы.

Положение Испании было не намного лучше. Действительно, внешне власть Филиппа казалась подавляющей. Он был королем всего Испанского полуострова, за исключением Португалии;⁵⁶ Король Неаполя и Сицилии и герцог Милана, должность, которая позволяла ему контролировать политику полуострова;⁵⁷ Мастер Франш-Конте и Нидерландов. В Африке он владел Тунисом и Ораном, местами на Берберийском побережье, островами Кабо-де-Верд и Канарскими островами; в то время как в Тихом океане под его властью находились Филиппины. В Америке Испания удерживала большую часть восточного побережья, за исключением Бразилии, которая принадлежала Португалии, всех островов в Мексиканском заливе и Карибском море, а также королевств Мексика и Перу, которые были завоеваны во время правления Карла. Испанская пехота считалась самой грозной в Европе, а сокровища Индии считались неисчерпаемыми. И все же Испания серьезно пострадала от длительной борьбы. Ее ресурсы были почти так же ограничены, как и у Франции; ее правительство, хотя и лучше организованное, было столь же деспотичным, а всякая религиозная свобода была подавлена; и вскоре ей предстояло продемонстрировать свою слабость неспособностью подавить восстание Соединенных провинций и поражением Армады жалкими кораблями Англии.

Таким образом, мир Като Камбрези завершает одну эпоху и начинает другую. На сцену вышли новые действующие лица.⁵⁸ Борьба за превосходство приостановлена на некоторое время. Германия и Испания навсегда разделены; Турецкая империя вскоре перестает быть агрессивной и начинает страдать от внутреннего распада. Оставшиеся тридцать девять лет, которые нам предстоит охватить, в основном посвящены Контрреформации и борьбе, породившей это движение, религиозным войнам во Франции и восстанию Нидерландов против религиозной и политической тирании Испании.

⁵⁴ Оно уже созывалось в 1542 году, но было отложено.

⁵⁵ Вопрос о том, использовал ли Чарльз слова 'nicht einiges" (любой) или "nicht ewiges" (вечный) Гефангнисс, "кажется, это запоздалая мысль. Ср. Армстронг, ii. 156.

⁵⁶ О характере испанского правления в Италии см. Armstrong, *Charles V.*, II. стр. 291 и далее.

⁵⁷ Поскольку далее нам придется очень мало говорить об Италии, возможно, будет полезно кратко привести названия главных зависимых или независимых государств:

1. Пьемонт в руках Эммануила Филиберта Савойского.
2. Генуя и Венеция, независимые республики.

3. Парма и Пьяченца под властью Оттавио Фарнезе; из них Парма была возвращена ему Павлом III, а Пьяченца - Филиппом II в 1556 году.
 4. Мантуя в руках Фридриха, первого герцога Мантуанского, который также получил Монферрат от Карла V. в 1536 году, женившись на наследнице Вильгельма VII. (Палеолог), маркиз Монферратский.
 5. Флоренция при герцоге Козимо деи Медичи, который только что завоевал Сиену и принял титул великого герцога Тосканы в 1569 году.
 6. Герцогство Урбино, папский феодал, в руках Гвидобальдо делла Ровере.
 7. Герцогства Феррара, Модена и Реджо в руках Эрколе II. Герцогство Эсте. После прекращения прямой линии в 1597 году Феррара была захвачена папой Климентом VIII. Модена и Реджо перешли к Карлу Эсте в качестве залога.
- 58 Чарльз и Мария, королевы Англии, умерли в 1558 году, Павел IV. и Генрих II. в 1559 году.
-

ГЛАВА VI

КОНТРЕФОРМАЦИЯ И КАЛЬВИНИЗМ

Контрреформация в Испании и Италии—Театинцы—Иезуиты—Последняя сессия Тридентского собора—Инквизиция—Иоанн Кальвин и Женева—Характеристики кальвинизма.

§ 1. Контрреформация.

С отречением и смертью Карла V. История Европы теряет то единство, которое она получила благодаря всесторонности его политики и его яркой личности. Тем не менее, главный интерес для нас представляет движение Контрреформации, которое затрагивает всю Европу и сосредотачивает политические движения на следующие тридцать или более лет. Испания, родина контрреформации. Контрреформация нашла свой импульс в том глубоком чувстве неудовлетворенности состоянием Церкви, которому сам протестантизм был обязан своим происхождением. Подобно двум орденам доминиканцев и францисканцев XIII века, это движение зародилось в Испании и Италии. Во времена Александра VI, когда папство было поглощено светскими интересами и быстро теряло уважение Европы, Фердинанд и Изабелла начали основательную реформу Церкви в Испании, которая была проведена благодаря энергии и преданности кардиналу Хименесу. Под этим влиянием сформировалась школа теологов, которые возродили учение великого доминиканца XIII века Фомы Аквинского и соединили ученость с жизнью в чистоте и усердии. Поначалу это движение не получило большой поддержки со стороны папства. Короли Испании были полны решимости сохранить свою независимость в церковных вопросах и действовали независимо и часто даже вопреки воле папы. Однако дух реформ вскоре распространился по Италии. Адриан VI. будучи регентом в Испании, находился под влиянием этого движения и, будучи папой римским (1522-1523), тщетно пытался распространить реформу на Церковь в целом. Под руководством Караффы (1555-1559), который до того, как стать папой, провел несколько лет в Испании, и еще больше под руководством Лойолы, Лайнеса и Ксавье, испанских

основателей ордена иезуитов, Контрреформация должна была стать большой опорой папской власти.

Италию никогда особо не привлекали спекулятивные трудности Лютера. Без сомнения, Ораторское искусство Божественной Любви, небольшая группа литераторов во главе с Контарини, распространилось по Италии. Они приняли Доктрину оправдания верой, но их партия была небольшой и не представляла какой-либо важной части общественного мнения в Италии. Те из ее детей, кто вообще подходил к вопросу теологии, шли дальше и глубже; они подвергали сомнению истинность христианства или обсуждали бессмертие души. Между тем большинство наиболее серьезно настроенных людей, удовлетворенных догматами Церкви и находящихся под влиянием духа реформ, распространившегося из Испании, стремились, подобно Савонароле, внедрить доктрину в жизнь и поведение.

С этой целью в Италии в начале шестнадцатого века было сформировано множество обществ, из которых Театины являются наиболее интересными. Театины. Члены этого братства, одним из основателей которого был Караффа, будущий папа Павел IV (1524), были не монахами, а светским духовенством. Они посвятили себя проповеди, совершению таинств и уходу за больными и не давали никакого другого обета, кроме обета бедности. Даже из францисканцев, самого коррумпированного из старых орденов, возник реформированный орден капуцинов.

Однако общество, которому предстояло сыграть гораздо большую роль в грядущем движении и в будущей истории, должно было быть основано испанцем. Игнатий Лойола (дон Иниго Лопес Рикальде-и-Лойола), воспитанник высшего дворянского дома, родившийся в 1491 году, в юности посвятил себя профессии военного со всем пылом рыцарского духа. Тяжелое ранение, полученное при осаде Пампелуны (1521) иезуитами, искалечило его на всю жизнь. И Лойола, лишенный всяких надежд на военную карьеру, обратился с энтузиазмом, присущим его романтической и взвинченной натуре, к служению Пресвятой Деве и младенцу Христу, пережив почти такой же моральный кризис, какой пережил Лютер. Вернувшись в Испанию после паломничества в Иерусалим (1523), его первая попытка проповеди привела к подозрению в ереси, и ему было приказано пройти курс теологии, прежде чем он возобновит свое преподавание. В 1528 году он приехал в Париж, чтобы продолжить учебу. Здесь он познакомился с тремя людьми, на которых оказал глубокое влияние, — Питером Фабером, сыном савойского пастуха, Франческо Ксавье и Яго Лайнцем, его соотечественниками. В августе 1534 года четверо друзей, из которых Фабер поначалу был единственным членом ордена, образовали общество. Они давали обет целомудрия и обязывались по окончании учебы провести свою жизнь в бедности в Иерусалиме, посвятив себя заботе о христианах или обращению неверных; или, если это было невозможно, предлагать свой труд в любом месте, куда их пошлет папа. Три года спустя (1537) общество, теперь увеличенное до десяти человек, отправилось в паломничество в Святую Землю и было рукоположено с этой целью. Война между Венецией и турками, однако, помешала их отъезду; и Лойола и его братья, познакомившись с Караффой и театинцами, изменили свою цель и решили посвятить свою энергию христианскому миру. Но даже на этом их трудности не закончились. Их обвинили в ереси, и, хотя они были оправданы, только в 1540 году они с трудом добились подтверждения своего 'общества Иисуса' от папы Павла III и того, что Игнатий был избран первым генералом. Общество было организовано по шести классам: послушники, схоласты, коадьюторы-миряне, которые распоряжались доходами колледжей, чтобы остальная часть общества была свободна от подобных забот, духовные коадьюторы и исповедующие три и четыре обета. Из них духовные наставники были обычными активными членами общества, и из их числа избирались ректоры колледжей. Исповедующие три обета

состояли из людей, которые по исключительным причинам были приняты в орден, не пройдя низших ступеней, и занимали положение, аналогичное положению духовных наставников. Только те, кто исповедовал четыре обета, пользовались всеми привилегиями ордена. Они одни избирали генерала; из их числа провинциалы каждой провинции, на которую был разделен христианский мир, избирались генералом; и только они, помимо трех обетов бедности, целомудрия и послушания, принимали четвертый обет особого послушания папе, хотя его власть была ограничена властью, предоставленной исключительно генералу, посылать или отзывать миссионеров. Чтобы достичь этой высшей ступени, человек должен, если только он не был допущен к числу исповедующих три обета, пройти все остальные, кроме обета мирян—коадьюторов - испытательный срок в тридцать один год - и не был рукоположен, пока не стал духовным коадьютором. Высшим должностным лицом ордена был генерал, избираемый из числа принявших четыре обета провинциалов и по два члена от каждой провинции. Правила этого замечательного общества были сформулированы таким образом, чтобы сочетать принцип абсолютного повиновения с максимальной свободой действий. В подражание театинцам, чьи взгляды, однако, иезуиты продвинулись гораздо дальше, они отвергли монашескую рясу и были освобождены от более обременительных и аскетических религиозных практик; им было запрещено ослаблять свое тело постами и бдениями, и они были освобождены от рутинных религиозных упражнений и ежедневного богослужения. Исповедующие религию также не ограничивали себя какими-либо особыми обязанностями. Но если таким образом они пользовались свободой, в которой было отказано членам других религиозных орденов, то эта свобода контролировалась абсолютной властью самого общества. Им не разрешалось занимать какой-либо церковный сан без специального разрешения генерала; у них не должно было быть собственной собственности; они должны были отрезать себя от родных и беспрекословно подчиняться приказам начальства, провинциалов и генерала, даже вопреки своему разуму и совести. 'Ваш долг - немедленно повиноваться зову вашего начальника, даже если при этом вам придется оставить незаконченной букву алфавита'. 'Если,' сказал Игнациус, 'моя совесть запрещает мне подчиняться, я должен, по крайней мере, высказать свое мнение одному или нескольким начальникам. В противном случае я далек от совершенства'. Даже их самые сокровенные мысли не были их собственными. Никто не мог написать или прочитать письмо иначе, как под присмотром настоятеля, и долгом их духовника и каждого члена церкви было раскрыть генералу все, что он мог пожелать узнать об их поступках или мыслях. Сам генерал, хотя и полностью подчинялся правилам общества и обладал правом назначать и отзывать провинциалов и вышестоящих должностных лиц, не мог изменять конституцию общества без консультации с Генеральным советом. Он находился под постоянным наблюдением помощников, избранных для этой цели, и наставника, и мог быть смещен общей конгрегацией исповедующих. Таким образом, вся индивидуальность была растворена в компании, и послушание узурпировало место разума, привязанности и импульса. Скованное железной цепью повиновения, скованное системой шпионажа, это чудесное общество отправилось направлять человечество и править им. На молодежь они влияли под влиянием образования, на стариков - проповедью и исповедью. Веря, что тот, кто завоевывает молодежь, имеет будущее, они основали школы и колледжи, где образование, как и другая их работа, было бесплатным; они проникли в университеты и сели в профессорские кресла. Чтобы сделать исповедь эффективным инструментом для управления совестью людей, они вскоре разработали систему казуистики, в которой грехи людей были тщательно взвешены, а принципы морального поведения подрывались, по крайней мере, предположением, что цель оправдывает средства. Иезуиты, однако, не ограничивались образовательными или духовными функциями. Они не только стали исповедниками королей, но и вмешивались в жизнь общества и политики; их можно было найти при каждом дворе Европы,

поддерживающих ортодоксов и замышляющих свержение тех, кто им не нравился. Рост компании был таким же удивительным, как и ее принципы. Когда Лойола умер в 1556 году, через шестнадцать лет после своего основания, общество насчитывало две тысячи обычных и сорок пять профессиональных членов; в нем было двенадцать провинций и более ста колледжей и учебных заведений. При Лайнесе, сменившем Лойолу на посту генерала, организация была завершена, и ее рост был еще более быстрым, особенно в Италии и Испании. Вскоре не только Европа, но и Индия и Америка получили своих миссионеров. Общество, как и следовало ожидать, поначалу было встречено с большой враждебностью, особенно со стороны старых монашеских орденов и монахинь; в более поздние времена, из-за занимаемой им независимой позиции, оно часто находилось в серьезных разногласиях с папством. И все же, по крайней мере на то время, папство получило армию преданных солдат. Теперь Церкви оставалось определить свои военные уставы и предоставить более эффективное оружие. Тридентский собор должен был сделать первое; инквизиция - последнее.

Вторая сессия Тридентского собора была разогнана в 1552 году из-за неразберихи, вызванной наступлением Морица Саксонского на Инсбрук ([стр. 242](#)). Третья сессия Тридентского собора. Январь 1562 - декабрь 1563. В январе 1562 года Пий IV. открыл свою третью и последнюю сессию. Больше не было никакого вопроса о допуске представителей протестантов; и все же его работа, если она ограничивалась католическими странами, не была ни незначительной, ни легкой. Он должен был определить отношения между Папой и Церковью; урегулировать догматы веры, которые все еще оставались спорными, и провести те внутренние реформы, необходимость которых признавали все. Как и следовало ожидать, эти вопросы привели к серьезным спорам. Император Фердинанд и французский король Карл IX желали такой реформы Церкви, которая, возможно, привела бы к примирению или, по крайней мере, к компромиссу с протестантами. Поэтому они требовали, чтобы был разрешен брак духовенства; чтобы мирянам было предоставлено причастие в обоих видах; чтобы богослужения в их Церквях проводились на родном языке. Французы, возглавляемые кардиналом Лотарингским, пошли дальше и выдвинули требование, выдвинутое на Констанцском (1414-1418) и Базельском (1431-1443) соборах, о превосходстве Генерального собора над папой. Испанцы, хотя и выступали против многих требований немцев и французов и стремились предотвратить любое изменение доктрины, возражали против чрезмерных притязаний папства и желали, чтобы епископы были признаны обладающими духовной властью в соответствии с божественным установлением, а не просто делегатами папы. Папская партия, напротив, стремилась утвердить верховенство папы, а затем распустить Собор как можно скорее. Если бы их противники были едины и если бы немецких и французских представителей было больше, что-то можно было бы сделать, поскольку все были полны решимости утвердить независимость Собора от папского контроля; они также хотели ограничить власть папы и устранить многие злоупотребления, особенно финансовые вымогательства, со стороны Римской курии. К сожалению, их разногласия дали папе возможность, которой он с готовностью воспользовался и которая была с пользой использована кардиналом Мороне, который был назначен президентом в 1563 году. Старательно разжигались споры за первенство между представителями Франции и Испании. С Фердинандом и Карлом были начаты сепаратные переговоры; их предупредили об опасности, которая может исходить от слишком могущественного епископата, и напомнили, что эти продолжающиеся раздоры между католиками только благоприятствуют ереси; их призвали обращаться к папе, а не к Собору за реформами, в которых они нуждались. Поскольку Собор объявил, что вопрос о даровании Чаши мирянам должен быть оставлен на усмотрение папы римского, Фердинанду было обещано, что он будет разрешен сразу после закрытия Собора; также должно быть подтверждено избрание Максимилиана,

его сына, королем римлян. Кардиналу Лотарингии, главному представителю французской церкви на Соборе, было обещано назначение во Францию и даже возвращение папского престола; и в соответствии с политикой своей семьи, Гизов, он присоединился к папской партии и повлиял на отношение французского двора. Чтобы еще больше примирить государей Европы, были отменены некоторые статьи, которые были приняты и которые чрезмерно затрагивали светскую власть. Таким образом, оппозиция Франции и императора была частично устранена, и триумф папской политики был обеспечен. Итальянцы, численно превосходившие остальных, почти единодушно были на стороне папы, что также было поддержано мощной защитой иезуита Лайнца и Карло Борromeо, святого архиепископа Милана. С помощью испанских представителей, которые до сих пор были согласны с ними, итальянцам удалось определить некоторые из наиболее важных доктрин в соответствии со своими собственными взглядами и противостоять всем реформам, за исключением некоторых незначительных внутренних.

Получив теперь все, на что можно было надеяться, папа стремился закрыть Собор. Против этого возражали только испанцы. Собор закрылся. Его результаты. Филипп был озабочен тем, чтобы заседания продолжались до тех пор, пока не будут урегулированы все спорные доктрины и не будет проведена тщательная реформа Церкви и папской курии. И здесь папская партия одержала победу. Сообщение о серьезной болезни папы римского, наконец, преодолело сопротивление Филиппа; поскольку вакансии во время заседания Собора все еще могла привести к серьезным трудностям. Соответственно, 3 декабря 1563 года Собор был окончательно закрыт. Хотя некоторые пункты доктрины остались нерешенными, те, что касались индульгенций, чистилища, таинств и призывания святых, были подтверждены с новой точностью. Спорные вопросы были заменены догмами, сомнительные традиции - определенными доктринами, и в вопросах веры установилось доселе неизвестное единообразие. Если в вопросе реформы низшему духовенству была навязана более строгая дисциплина и было пресечено злоупотребление множественностью, то ничего не было сделано, чтобы затронуть прерогативы папы или кардиналов. Таким образом, можно сказать, что Тридентский собор определил статьи Контрреформации. Отныне Католической церкви Запада предстояло разделиться, и можно сказать, что это положило начало Римской церкви.

Решения Тридентского собора были безоговорочно приняты главными государствами Италии, Португалией и Польшей. В Германии они были ратифицированы католическими князьями на сейме в Аугсбурге в 1566 году. Филипп также подтвердил их, 'сохранив прерогативы короны'. Во Франции было проведено различие; декреты, которые касались догм, были признаны и, более того, впоследствии было объявлено, что они не нуждаются в подтверждении светской властью; однако те, которые касались дисциплины и которые вмешивались в Галликанскую церковь, были отвергнуты 'Парламентами' и некоторыми представителями низшего духовенства. Хотя они постепенно принимались на практике и даже были признаны духовенством на Генеральных штатах 1615 года, они так и не были официально ратифицированы короной.

Для обеспечения соблюдения принципов этой недавно организованной Церкви уже существовал инструмент. 21 июля 1542 года папа Павел III по совету кардинала Караффы учредил инквизицию. Буллой санкционировал создание 'Верховного трибунала инквизиции'. Его организация была основана на суде, учрежденном в Испании Фердинандом и Изабеллой в 1483 году. Шесть кардиналов были назначены вселенскими инквизиторами по обе стороны Альп, с правом делегирования своих полномочий другим священнослужителям. Все, от высшего до низшего, были объявлены подвластными их юрисдикции; ни одна книга не могла быть напечатана без их разрешения; они могли карать

тюремным заключением, конфискацией имущества и смертной казнью; и на их приговор можно было подать апелляцию только к папе римскому. Насколько широко эти огромные полномочия могли быть реализованы в различных странах Европы, зависело, без сомнения, от позиции светских государей, но в Италии с этим не было особых трудностей. Испанская инквизиция охотно сотрудничала, и принципы Собора соблюдались с беспощадной строгостью.

Влияние контрреформации проявляется в возрождении апостольского благочестия и миссионерского рвения такими людьми, как Карло Борромео, племянник Пия IV, папы Контрреформации. Архиепископ Милана (1538-1584), а также в изменившемся характере пап. Из них Павел IV (1555-1559), Пий V. (1566-1572), Сикст V. (1585-1590) являются истинными представителями своего времени; в то время как другие, Пий IV (1559-1565) и Григорий XIII (1572-1585), хотя и не отличались выдающимся рвением, не смогли устоять перед тенденцией эпохи. Политика всех этих пап была во многом одинаковой. Они отказались от пагубной системы кумовства — Пий V окончательно запретил любое отчуждение церковной собственности; они реформировали Римский суд; они усилили дисциплину в Церкви и улучшили ее службы; они содержали кардиналов в порядке, настаивали на том, чтобы епископы проживали в своих епархиях, и, в остальном, дали Папским государствам организованную систему управления и финансов, в которой им до сих пор не хватало. Отказавшись от идеи возвеличить себя в Италии, они больше не боролись против испанского владычества. Хотя у них были свои трудности со светскими суверенами Европы, они, тем не менее, поддерживали дело власти и православия. Они вступили в союз с православными королями и князьями, младших сыновей которых они наделили епископскими кафедрами и предоставили им налоги из церковных доходов. Таким образом, Римская церковь определила свою веру, исправила некоторые из своих наиболее вопиющих злоупотреблений, организовала внутри себя отряд преданных слуг и вооружилась ужасами инквизиции. Укрепленная таким образом, а также возрожденными ассоциациями и энтузиазмом прошлого, Церковь в союзе с монархами Европы выступила вперед, чтобы остановить распространение ереси и, по возможности, отвоевать позиции, которые она утратила из-за своих *нападений*.

Что касается Контрреформации, то двумя великими представителями в области мирской политики являются Филипп Испанский и семья Гизов во Франции. Целью Филиппа всегда было осуществить планы своего отца с такими изменениями, каких требовали изменившиеся обстоятельства. Потеря Империи и Германии вынудила его в большей степени опираться исключительно на Испанию; триумф протестантов в Германии и Англии разрушил все надежды вернуть их в лоно церкви, кроме как силой, а это поначалу было невозможно. Но Филипп никогда не оставлял надежды восстановить авторитет католической церкви, подкрепленный сильной и всеобъемлющей монархией под его собственным контролем. Политические амбиции Гизов и их попытка посадить Марию, королеву Шотландии, на английский трон возбудили опасения Филиппа, который надеялся закрепить эту страну за собой, и поначалу препятствовали его сердечному сотрудничеству с их попыткой овладеть Францией. Но со временем эти опасения рассеялись, и, наконец, эти два представителя католической реакции сформировали "Лигу" и объединились, чтобы навязать свое правление Европе. Именно это является связующим звеном между восстанием в Нидерландах и гражданскими войнами во Франции и придает единство истории до конца нашего периода.

§ 2. Кальвин и Женева.

В то время как Римская церковь таким образом собирала свои силы, та форма протестантизма, которая отныне должна была стать ее самым смертельным врагом, получала свою организацию от Джона Кальвина.

Примечательным фактом является то, что лютеранство никогда не совершало никаких постоянных завоеваний за пределами Германии и скандинавских королевств, что является причиной провала лютеранства. и что даже в Германии число его приверженцев уменьшилось после середины шестнадцатого века. Для этого можно предложить три причины:—

(1) Многие доктрины Лютера, особенно те, которые касаются оправдания и Евхаристии, были компромиссами слишком тонкой природы, чтобы понравиться обычным умам, даже среди самих немцев, и привели к сухим спорам и постыдным разделениям.

(2) Более того, в силу обстоятельств, вытекающих из политических условий Германии, движение слишком тесно объединилось с интересами князей и с властью, чтобы апеллировать к демократическим импульсам. Неспособность лютеранства добиться сплочения низших классов была проиллюстрирована даже в самой Германии восстанием крестьян, подъемом анабаптистов и временным успехом реформы Цвингле. От их сумасбродства Лютер с ужасом отступал и, становясь с каждым днем все более консервативным, в значительной степени потерял поддержку более восторженных и последовательных людей.

(3) Наконец, у Лютера были серьезные сомнения по поводу применения силы, и хотя он в конце концов санкционировал обращение к оружию, война должна была носить оборонительный характер, вестись теми, кто обладал властью, а не в союзе с повстанцами. Лютер не имел ни малейшего представления о том, чтобы возглавить религиозный и политический крестовый поход или продвигать миссионерскую деятельность за пределами Германии. Для этого миру пришлось искать что-то другое.

Французы всегда были самыми успешными толкователями новых идей в Европе. Их логическая проницательность, их методическое мастерство, их организаторские способности, а также их язык с его несравненной ясностью и эластичностью хорошо приспособили их для этой должности; и теперь эти способности должны были быть в высшей степени продемонстрированы их великим соотечественником Джоном Кальвином.

Этот сын нотариуса епископального суда Нуайона в Пикардии родился в 1509 году. В возрасте двенадцати лет он был назначен капелланом в кафедральный собор Джона Кальвина. и принял постриг. Но, хотя впоследствии он стал кюре, он так и не продвинулся дальше в канцелярском служении; поскольку его отец, считая, что профессия юриста более перспективна, отправил его в Орлеан, а затем в Бурж изучать право в 1529-1531 годах. Именно в эти годы Кальвин попал под влияние лютеранских учителей, особенно Жака Лефевра, такого же уроженца Пикардии, как и он сам, и одного из отцов французского протестантизма. В 1534 году Кальвин был изгнан из своей страны гонениями, начатыми Франциском I. И удалился в Базель. Здесь в возрасте двадцати пяти лет он опубликовал первое издание своего великого труда "*Институты*", руководства по христианской религии, которое, хотя и было впоследствии расширено, содержит полное изложение его теологической системы и которое, вероятно, оказало более глубокое влияние, чем любая другая книга, написанная столь молодым человеком. В 1536 году, когда он проезжал через Женеву, его побудили к этому торжественные заклинания Уильяма Фареля из Дофине,

самого французского изгнанника, проживавшего в Женеве. бросить учебу, которую он так горячо любил, и посвятить себя миссионерской деятельности. Имперский город Женева имел важное значение, потому что он господствовал над долиной Роны и торговыми путями, которые там соединялись; он пользовался муниципальным самоуправлением, но находился под церковной юрисдикцией своего епископа и находился под угрозой со стороны герцога Савойского, который владел прилегающей страной и обладал определенными судебными полномочиями в самом городе. Более полное освобождение от этого двойного ига церковной и светской власти было постоянной целью патриотов Женевы, и с этой целью они заключили союз с кантоном Фрейбург в 1519 году и с кантоном Берн в 1526 году. Последовала периодическая борьба, которая была озлоблена принятием городом лютеранской доктрины в 1535 году по наущению Фареля. В 1536 году разразилась война между герцогом и кантоном Берн, когда швейцарцам удалось завоевать всю страну Во и таким образом избавить Женеву от любой непосредственной опасности со стороны герцога.

Кальвин, вынужденный в этот момент остаться в Женеве, немедленно приступил к основанию христианской церкви по образцу *институтов*; но строгость его системы вызвала реакцию и привела к изгнанию его и Фареля в 1538 году. Три года спустя (сентябрь 1541 г.) город, раздираемый внутренними раздорами и боящийся быть завоеванным либо герцогом, которого поддерживали католики в крепостных стенах, Кальвином в Женеве в 1536-1538, 1541-1564 гг., либо Берном, который ухаживал за протестантами, отозвал Реформатора и принял его систему церковного управления. Оставив муниципальное управление городом в неприкосновенности, он учредил рядом с ним церковную консисторию, состоящую из пасторов и двенадцати старейшин, избранных от двух советов города по представлению духовенства. Юрисдикция этой консистории номинально ограничивалась вопросами морали и регулирования церковных дел. Она могла наказывать только епитимьей и исключением из Причастия, но поскольку исполнение своих решений было обязанностью светской власти, каждый грех становился преступлением, караемым со всей строгостью. Закон обязывал всех посещать публичные богослужения и принимать участие в Вечере Господней. Носить запрещенную одежду, танцевать на свадьбе, смеяться над проповедями Кальвина стало преступлением, наказуемым по закону. Изгнание, тюремное заключение, иногда смерть были наказаниями за нецеломудрие, и ребенку отрубали голову за то, что он ударил своих родителей. Когда за подобные преступления так сурово наказывали, мы не можем удивляться, что ересь не избежала наказания. В 1547 году Гру был казнен, а в 1553 году Сервет был сожжен. Эта безжалостная тирания, которая сильно напоминает правление Савонаролы, была установлена не без сопротивления. Была сформирована партия, получившая название "Либертинцы", которая стремилась ослабить суровость дисциплины и отстоять независимость светской власти. Тем не менее Кальвин, которому помогли французские изгнанники, которые столпились в Женеве и получили свободу города и долю в правительстве, успешно сохранял свое господство до своей смерти в 1564 году, когда ему наследовал его ученик Теодор Беза.

Женева была избавлена от страха нападения со стороны герцога Савойского благодаря французскому завоеванию его страны в 1543 году, и хотя в октябре того года, когда умер Кальвин, герцог добился от Берна восстановления всей территории к югу от Женевского озера, захваченной им в 1536 году, он не предпринимал никаких покушений на сам город. Женева продолжала оставаться независимой республикой, время от времени заключая союзы с некоторыми швейцарскими кантонами, до 1815 года, когда она, наконец, стала членом Швейцарской конфедерации.

Преобладающая характеристика учения Кальвина заключается в его эклектизме. В его доктринальных взглядах: в его догматах о Предопределении, евхаристии, Характеристиках кальвинизма. принимая во внимание непререкаемый авторитет Священного Писания, исключая традицию, он скорее придерживался взглядов Цвингле, чем Лютера. Но хотя при этом он представляет собой самый бескомпромиссный и ярко выраженный антагонизм римскому учению, все же в своем убеждении, что вне Церкви нет спасения, и в подавляющем авторитете, который он ей приписывает, он подтверждает самые экстравагантные догматы католицизма и возрождает дух еврейства. То, что религия, которую он основал, была если и не совсем аскетичной, то сверх всякой меры мрачной; что она не вдохновила ни на какое искусство, за исключением, возможно, определенных форм литературы; что его принципы церковного управления, хотя и основывались на демократической основе, на практике уничтожали всякую свободу личности; что, будучи столь далекими от продвижения духа терпимости, они неизбежно влекли за собой преследования, — все это должно быть признано. Его сильные предопределяющие взгляды, если следовать логике, должны были бы привести к фаталистическому духу, наиболее опасному для морали, и парализовать действия, как, возможно, это произошло в нескольких случаях. Но мало кто из здравомыслящих людей когда-либо считал себя вечно порочными или действовал так, как будто они не верили в свободу воли. Таким образом, практическими результатами кальвинизма стали люди, подобные самому основателю, Джону Ноксу и Теодору Беза, люди замечательной силы воли, необычайной преданности и неукротимой энергии, а также кредо для самых бескомпромиссных противников Рима.

Отныне Женеве предстояло стать цитаделью реформаторов; убежищем тех, кто был вынужден бежать из других стран; домом печатного станка, откуда рассылались бесчисленные брошюры; школой, откуда отправлялись проповедовать миссионеры; представителем самой воинственной формы протестантизма на республиканской основе; естественным и неизбежным врагом контрреформации, которая была союзницей иезуитов, и монархических сил католической Европы во главе с Испанией.

ГЛАВА VII

ФИЛИПП И ИСПАНИЯ

Преследование протестантов—Тайна Дона Карлоса—Войны с маврами и турками—Освобождение Мальты—Преследование и восстание Мориско—Битва при Лепанто—Завоевание Португалии—Внутреннее управление Испанией и ее зависимостями при Филиппе II.

§ 1. Преследование протестантов —Инквизиция.

На момент заключения Като-Камбрезийского мирного договора (5 апреля 1559 г.) Филиппу шел тридцать второй год. Он уже женился и потерял двух жен. Его первая, Мария Португальская, умерла при родах Дона Карлоса 8 июля 1545 года; его вторая, Мария Английская, 17 ноября 1558 года. Уладив дела с правительством Нидерландов (ср. [стр. 319](#) и далее), Филипп отправился в Испанию. Филипп приземляется в Испании. 29 Августа 1559 года. Яростная буря встретила его прибытие; девять судов его флота были потеряны; а сам

король высадили на берегах своего королевства, которое ему больше никогда не суждено было покинуть, в маленькой лодке.

Филипп до сих пор не проявлял тех фанатичных взглядов, выразителем которых он отныне стал. Во время своего краткого пребывания в Англии он в тщетной попытке умиротворить англичан выступал против политики преследования, принятой его несчастной женой, или делал вид, что выступает против нее. Он вмешался, чтобы защитить принцессу Елизавету, и после ее восшествия на престол сначала предложил ей жениться, а когда это было отклонено, продолжал поддерживать дружеские отношения. Он даже оказал кальвинистам Шотландии молчаливую поддержку в борьбе против Марии де Гиз и ее дочери. Он посвящает себя искоренению протестантизма. Однако не успел он окончательно обосноваться в Испании, как все изменилось. Испания была представителем всего самого фанатичного в Европе, и Филипп охотно перенял взгляды этой страны. С этого момента рост его собственного авторитета и продвижение католицизма стали отождествляться; реформатские взгляды были в его глазах евангелием бунта и противостояния власти, и искоренение этой пагубной ереси под его абсолютным правлением стало принципом его жизни.

В первые годы правления Карла V. Несколько испанцев за границей приняли реформатские взгляды, такие как Фрэнсис де Энзинас, переводчик Нового Завета на испанский, а впоследствии профессор греческого языка в Оксфорде (1520-1522); в то время как в 1553 году антитринитарный Сервет пострадал в Женеве. Но только в 1558 году протестантизм, по-видимому, приобрел большую популярность в самой Испании. Однако к тому времени в Испании были распространены не только испанские переводы Нового Завета и различных протестантских книг, но и тайно сформирована значительная конгрегация реформаторов, особенно в городах Севилья, Вальядолид и Самора, а также в королевстве Арагон. Получив известие об этом новом гнезде еретиков, папа Павел IV. в феврале 1558 года он опубликовал краткое послание, в котором призывал генерального инквизитора не жалеть усилий для искоренения этого зла; и умирающий император, забыв о своей неприязни к папскому вмешательству, умолял регента Иоанну и самого Филиппа прислушаться к увещаниям папы. Филип не нуждался в уговорах. Он опубликовал эдикт, заимствованный из Нидерландов, который приговаривал к костру всех, кто покупал, продавал или читал запрещенные книги, и возродил закон, по которому обвинитель должен был получать четвертую часть имущества осужденного. Павел ввел закон в действие своей Буллой 1559 года, повелевая всем исповедникам призывать своих кающихся к обязанности доносить на подозреваемых лиц. Он также уполномочил инквизицию передавать в руки светской власти даже тех, кто отрекся от своих ошибок, "не по убеждению, а из страха наказания", и выделил субсидию из церковных доходов Испании для покрытия расходов инквизиции.

Этот ужасный трибунал, который был учрежден в своей окончательной форме Фердинандом и Изабеллой в 1478 году и освобожден от апелляции к Риму в 1497 году, состоял из Верховного совета, сформированного из юристов и богословов, в основном доминиканцев, ордена, к которому Филипп проявлял особое расположение. Инквизиция. Во главе этого Совета стоял Великий инквизитор, назначенный самим королем, с многочисленными подчиненными трибуналами, охраняемыми вооруженными 'фамильярами'. Их судебные процессы проводились тайно. Людей соблазняли или принуждали угрозами выдавать своих врагов, друзей и даже родственников; прибегали к системе шпионажа; свободно применялись пытки для вымогательства признаний у обвиняемых; и самые безобидные слова часто превращались в неортодоксальность благодаря тонким изощрениям доминиканских теологов. Они наказывали конфискацией имущества, епитимьей, тюремным заключением и, в качестве последнего средства, передавали осужденного в руки светских

властей для сожжения на *аутодафе*. Поддерживаемый этой необычной гармонией между папой и королем, великий инквизитор дон Фернандо Вальдес, архиепископ Севильи, энергично взялся за работу. Только в Севилье 800 человек были арестованы в первый день, а 21 мая 1559 года на улицах Вальядолида состоялся первый из *автопробегов*; еще один был отпразднован по прибытии Филиппа в Испанию, а третий - среди *праздников*, посвященных его свадьбе с третьей женой, Елизаветой Французской, в 1560 году. Действительно, в течение нескольких лет ни одна великая церемония не считалась завершенной, если не была освящена *аутодафе*, и испанцы предпочитали его бою быков. Возможно, жестокость инквизиции и была преувеличена, но, по крайней мере, мнения, к которым в других странах относились бы терпимо, были безжалостно подавлены. Мало того, что на все научные спекуляции было наложено табу, и испанским ученым было запрещено посещать другие страны, но и малейшее отклонение от строжайшей ортодоксальности подвергалось суровому наказанию. Инквизиция использовалась даже против Церкви. Хотя число духовенства и монахов было очень велико, а их богатство, особенно в Кастилии, огромно, ни одна Церковь в Европе не находилась более полно под королевским контролем. Выдвижение кандидатов на церковные должности было исключительно в руках короля; папскому вмешательству, за исключением случаев с его разрешения, оказывалось решительное сопротивление; и, если Церковь была богатой, по меньшей мере треть ее доходов поступала в королевскую казну. Инквизиция и испанская церковь. Власть короны также была усилена преданностью иезуитов королевскому делу. Однако Филипп в основном полагался на доминиканцев. Невежество и фанатизм членов этого монашеского ордена в Испании сравнимы только с их подчинением королевской воле. Они доминировали в Священной канцелярии инквизиции и подчинили ее дисциплине не только Терезу, одну из самых преданных испанских святых, но и членов могущественного Общества Иисуса и даже саму епископальную коллегия. Не менее девяти епископов были приговорены к различным актам покаяния; даже Карранса, архиепископ Толедо, подвергся нападению. Этот ученый и ревностный прелат, принимавший важное участие в некоторых заседаниях Тридентского собора и на руках которого скончался Карл V. В августе 1559 года был обвинен в неортодоксальных взглядах. После того как судебный процесс над ним затянулся более чем на семь лет, Пий V. настоял на передаче дела в Рим. Но смерть папы снова отложила рассмотрение этого вопроса, и только в апреле 1576 года папское решение было окончательно принято. Архиепископ был признан виновным в том, что придерживался доктрин, сходных с доктринами Лютера, и должен был отречься от шестнадцати положений, содержащихся в его трудах; он должен был совершить определенные акты покаяния; быть отстранен от своих епископских функций еще на пять лет, а тем временем быть заключенным в доминиканский монастырь его собственного ордена в Орвието.

Усилиями инквизиции удалось сокрушить протестантизм в Испании; и ее успех, к сожалению, опровергает утешительную доктрину о том, что преследования бессильны против твердых убеждений. Но успех повлек за собой уничтожение всякой интеллектуальной независимости; Испания вскоре стала одной из самых отсталых стран Европы, и, если не считать Сервантеса, автора "*Дон Кихота*", и Кальдерона - поэта, она не дала рождения ни одному выдающемуся писателю. Святая канцелярия также не ограничивалась искоренением ереси или жестким контролем духовенства. Инквизиция использовалась для наказания за политические преступления. Сформированная исключительно из выдвиженцев короны,⁵⁹ она стала инструментом в королевских руках для финансового вымогательства и преследования политических преступников. Так, таможенные чиновники предстали перед инквизицией за то, что позволили лошадям пересечь границу под предлогом того, что они предназначались для службы гугенотам; Антонио Перес, печально известный секретарь Филиппа, предстал перед арагонской инквизицией; а иностранным

послам было предписано подчиняться ее приказам. Временами папа протестовал против этих злоупотреблений Святой Канцелярии, которые подрывали папские притязания. Но Филипп ответил, что "своей щепетильностью его Святейшество разрушил бы религию"; и еще долго после правления Филиппа инквизиция, так же как и Церковь, оставалась смиренной служанкой королевских prerogatives.

§ 2. Тайна Дона Карлоса. 60

Согласно некоторым источникам, усердие Филиппа не пощадило его собственного сына и наследника, дона Карлоса. История этого несчастного принца была настолько искажена врагами его отца Филиппа при его жизни, Дона Карлоса. 1545-1568. и с тех пор стал настолько излюбленной темой романов, что в некоторых моментах трудно докопаться до истины. Некоторые заявляют, что отчуждение между отцом и сыном было вызвано подозрением в преступной страсти между принцем и его мачехой Елизаветой Французской, и этой точки зрения придерживались те, кто, подобно Шиллеру, сделал Дона Карлоса героем романтической трагедии.

Мы находим, что на переговорах по заключению Като-Камбрезийского мирного договора было предложено, чтобы дон Карлос женился на французской принцессе. Идея была отвергнута по причинам его тюремного заключения. Январь 1568 г. Впоследствии рука Елизаветы была дарована Филиппу, отцу принца. Тем не менее, утверждается, что Элизабет научилась любить сына; что дон Карлос так и не простил своего отца за то, что тот отнял у него невесту; и что ревнивый муж бросил своего сына в тюрьму из мести и в конце концов добился отравления не только своего сына, но и его неверной жены. Однако эту трагическую историю следует отвергнуть. На момент заключения Като-Камбрезийского мирного договора дону Карлосу было всего двенадцать лет, и эта история не подтверждается никакими современными источниками. Даже Вильгельм Оранский, который в своей "Апологии" обвиняет Филиппа в отравлении обоих, умалчивает о мотивах.

Менее невероятной является история о том, что дон Карлос тайно симпатизировал фламандским недовольным или, по крайней мере, немного склонялся к протестантской ереси. Это, как говорят, объясняет желание дона Карлоса, чтобы ему доверили управление Нидерландами, нежелание Филиппа обнародовать причину своего обращения с сыном и его письмо своей тете, королеве Португалии, в котором он говорил о том, что "приносит в жертву Богу свою плоть и кровь, предпочитая служение Богу и благополучие своего народа всем человеческим соображениям". Эти выражения, однако, вполне совместимы с третьей и гораздо более вероятной гипотезой о том, что Дон Карлос был сумасшедшим. Два его брата умерли от эпилепсии. Дон Карлос, родившийся в июле 1545 года, был болезненным ребенком, подверженным серьезным приступам лихорадки и желчи; с годами он стал, несмотря на некоторую безрассудную щедрость и экстравагантную привязанность к немногим, высокомерным, жестоким и неуправляемым. Падение с лестницы на голову в апреле 1562 года, которое потребовало операции трепанации, усилило его буйство, и с этого момента его действия были действиями сумасшедшего. Он оскорблял высокопоставленных женщин оскорбительными эпитетами. Дважды проглотил дорогие украшения. Он заставил сапожника съесть тушеные полоски от пары сапог, потому что они не подходили по размеру. Он жестоко напал на герцога Альва, потому что герцога отправили в Нидерланды вместо него самого и даже дона Джона, к которому он был очень привязан. Он заявил, что обдумывал убийство человека, которого ненавидел, и заранее просил отпущения грехов. Он пытался бежать из Испании и, вероятно, восстать против своего отца. В его безумии был убежден венецианский посол, и то, что это объяснение тайны, находит подтверждение в секретном письме Филиппа Папе римскому, оригинал которого, хотя и исчез, сохранился перевод, и в

котором безумие упоминается как оправдание обращения с принцем; хотя, конечно, мы не можем удивляться, что Филипп стремился сохранить в секрете тот факт, что безумие Джоанны вновь проявилось у ее правнука? Также, насколько мы можем видеть, фактическое обращение с доном Карлосом во время пребывания в тюрьме не выглядит особо жестоким. Без сомнения, за ним наблюдали самым тщательным образом. Ему не разрешалось говорить о политике или узнавать какие-либо новости из внешнего мира; ему разрешались только книги религиозного характера; но его опекунами были люди хорошего происхождения, им было предписано скрашивать его заточение беседами, и его не пытали и не морили голодом.

Нам еще предстоит разобраться с обвинением в том, что несчастный принц был отравлен по приказу своего отца. Об этом прямо заявил Вильгельм Оранский, был ли он отравлен? и Антонио Пересом, который в момент смерти дона Карлоса находился на службе у короля Филиппа, и этой истории поверили многие современники. Тем не менее, и Вильгельм Молчаливый, и Перес были, когда писали, смертельными врагами короля, и хотя Филипп, к сожалению, не гнушался прибегать к убийству для достижения своих целей, мы можем, по крайней мере, допустить, что обвинение в этом деле не доказано.

Дон Карлос умер 24 июля 1568 года, и менее чем через три месяца за ним последовали в могилу Элизабет, Смерть дона Карлоса, 24 июля 1568 года; и Изабелла, 3 октября 1568 года. его мачеха, умершая при родах 3 октября 1568 года. Два года спустя Филипп женился на своей четвертой жене, Анне Австрийской, своей племяннице и дочери императора Максимилиана. Она умерла 26 октября 1580 года. Все ее дети умерли молодыми, за исключением Филиппа, который наследовал своему отцу.

§ 3. Войны против мавров и турок.

Восстание мориско.

Согласно указу 1502 года, опубликованному Фердинандом после подавления мавританского восстания в Гранаде (ср. [стр. 96](#)), Положение Мориско. маврам была предложена альтернатива крещения или изгнания, и эта альтернатива была распространена на Арагон и подчиненные ему королевства Валенсия и Каталонию в начале правления императора Карла. Для продолжения работы по обращению были построены церкви в районах, наиболее населенных маврами, и туда были направлены миссионеры. Попытка, однако, увенчалась небольшим успехом. Горькие воспоминания о прошлом, глубокая расовая ненависть, несовершенное знакомство проповедников с языком мавров, различия в употреблении и обычаях представляли непреодолимые трудности. Соответственно, в 1526 году была предпринята попытка принуждения. Был издан эдикт, предписывающий маврам отказаться от своих национальных обычаев, одежды и языка, и исполнение этого эдикта было поручено инквизиции. Однако на тот момент возобладали более мудрые советы. Эдикт не был приведен в исполнение, и правительству пришлось довольствоваться внешним согласием, а это было все, на что можно было в данных обстоятельствах рассчитывать. 'Новые христиане', или мориско, как называли мавров, по крайней мере, не нарушали мир. Воспользовавшись странным пунктом Гранадского мирного договора, который освобождал их от определенных пошлин, уплачиваемых христианами при торговле с Берберийским побережьем, они посвятили себя торговле с этой страной. Но особенно преуспели они как ремесленники и в сельском хозяйстве. Как ремесленники, они проявили свое мастерство во многих ремеслах; в то время как благодаря орошению и земледелию они превратили склоны и возвышенности Сьерры в Гранаде в одну из самых плодородных частей Испании. Инжир, гранат, апельсин и виноград росли бок о бок с кукурузой и коноплей; их стада овец-мериносов были знамениты; тутовое дерево легло в основу обширного производства шелка. Мы вполне можем сожалеть

о том, что от этой политики отказались; и все же на фоне фанатизма, вызванного крестовым походом против протестантов, возможно, удивительно, что это продолжалось так долго. Более того, в этот момент возобновление борьбы с маврами в Африке и с турками в Средиземноморье, естественно, возродило национальную антипатию к мориско.

Непрекращающиеся набеги корсаров с берберийского побережья не только сделали море небезопасным, но и опустошили берега Италии и Испании. Экспедиции против берберийских корсаров. 1560–1564. Соответственно, против них из Неаполя были отправлены две экспедиции, которые не увенчались большим успехом. Первая, под командованием герцога Медина Сидонии, вице-короля Неаполя, была направлена против Триполи, который тогда удерживал грек по имени Драгут, в молодости попавший в плен к корсарам и обратившийся в магометанство. Герцог был вынужден отступить из-за неблагоприятных погодных условий; впоследствии его корабли были обращены в бегство турецким флотом под командованием Пиали, другого отступника, который приплыл на помощь Драгуту, и остров Джерба (Гелвес), который был оккупирован, был отбит турками (29 июня 1560 г.). Вторая экспедиция, начавшаяся в 1562 году, была почти уничтожена штормом. В следующем году (апрель 1563 г.) дей Алжира, воодушевленный этими бедствиями испанцев, попытался изгнать их из Орана и соседней крепости Мазарквивир (Мерс-эль-Кебир), двух завоеваний кардинала Хименеса, которые вместе с Голеттой близ Туниса и Мелильей в Марокко были единственными оставшимися испанскими владениями на африканском побережье. Мазарквивир был почти потерян, когда в последний момент 8 июня его освободил испанский флот, и в два последующих года (1564 и 1565) усилия испанцев были несколько более успешными. В сентябре 1564 года островная крепость Пеньон-де-Велес, лежавшая к западу от испанских владений, была взята доном Гарсией де Толедо, сменившим Медину Сидонию на посту вице-короля Неаполя; а в следующем году устье Тетуана, еще один оплот корсаров, было блокировано и приведено в негодность. Дальнейшее предприятие на побережье Африки было остановлено известием о том, что Мальта подверглась жестокой осаде турок. После потери Родоса в 1522 году рыцари Святого Иоанна получили пожалование острова Мальта от Карла V. (1530); Освобождение Мальты. Сентябрь 1565 г. С этого времени они образовали оплот против турок с востока и участвовали в большинстве недавних экспедиций против Берберийского побережья. Солиман I, которого часто призывали захватить это важное место, наконец, направил против него мощный флот в мае 1565 года. Пиали, отступник, который уже отличился в 1560 году, разделил командование с Мустафой, испытанным ветераном семидесяти лет, в то время как Драгут из Триполи также добавил свой контингент. Напрасно великий магистр Жан де ла Валетт взывал о помощи для отражения атаки. Екатерина Медичи в этот момент интриговала с турками, и Венеция боялась вызвать гнев султана. Даже Филипп, казалось, не был склонен слушать; дела в Нидерландах и во Франции требовали его внимания; возможно, он не хотел помогать Ордену, который, как это было в то время, в основном состоял из французов. В конце концов, однако, он прислушался к предупреждению дон Гарсии де Толедо о том, что Мальта, попав в руки Турции, никогда не будет возвращена, и передал султану командование этой частью Средиземного моря; и 8 сентября 1565 года дон Гарсия освободил Мальту, когда она была доведена до последнего вздоха. Неудивительно, что эти события пробудили неприязнь испанцев к мориско у себя на родине и что возникли подозрения о какой-то переписке между ними и маврами Африки. Также при этих обстоятельствах не может быть выдвинуто никаких серьезных возражений против первых двух постановлений - Эдиктов 1560-1567 годов. закон 1560 года запрещал мориско приобретать негритянских рабов на том разумном основании, что таким образом число неверных постоянно увеличивалось; закон 1563 года запрещал мориско владеть оружием без разрешения генерал-капитана. Эти меры, однако, не удовлетворили ни дон Педро Герреро, архиепископа Гранады, ни духовенство

его епархии, и во исполнение меморандума, который они представили, правительство издало следующий поразительный указ. Были восстановлены положения опрометчивого эдикта 1526 года; национальные песни и танцы мориско были запрещены; их свадьбы должны были проводиться публично в соответствии с христианским ритуалом, а их дома должны были оставаться открытыми в течение дня церемонии, чтобы все могли войти и убедиться, что не совершаются никакие неосвященные обряды; их женщины должны были появляться на публике с непокрытыми лицами; и, наконец, бани, в которых мориско получали удовольствие, было приказано уничтожить на том основании, что они использовались для распущенных целей. Более того, словно для того, чтобы оскорбить чувства мориско, указ был опубликован 1 января, в годовщину взятия столицы Гранады. Похоже, что многие представители местной знати протестовали против исполнения этого чудовищного эдикта, и что маркиз де Мондехар, генерал-капитан Гранады, и даже сам Альва были против него. Ожидать, что мориско смирятся с таким вмешательством в их самые дорогие обычаи — вмешательством, которое не уважало даже внутреннюю неприкосновенность их домов, — было абсурдно, и если предполагалось использовать неповиновение как предлог для их изгнания, армию следовало, по крайней мере, увеличить. Великий инквизитор Эспиноса был, однако, выше подобных соображений, и исполнение приказа было поручено Диего Дезе, аудитору Святой канцелярии, который был назначен президентом канцелярии Гранады. Сочтя все протесты напрасными, Мориско начали подготовку к восстанию в июне 1569 года. Восстание Мориско. Декабрь 1568 года. К сожалению, некоторые из наиболее вспыльчивых, во главе с красильщиком по имени Абен-Фаракс, не могли смириться с промедлением и в декабре 1568 года предприняли попытку преждевременного восстания в мавританском квартале (Альбайсин) Гранады. "Вас слишком мало, и вы пришли слишком рано", - сказали мориско из Гранады и отказались двигаться с места. Разочаровавшись в захвате города, повстанцы отступили за город, где встретили еще больший отпор и ознаменовали свой успех ужасающей свирепостью. При этом не учитывались ни пол, ни возраст; и христиан, как нам рассказывают, продавали в рабство алжирским корсарам по цене карабина за штуку.

Теперь Мориско избрали своим королем Абен-Хумею, молодого человека двадцати двух лет, потомка древнего дома, который когда-то правил Испанией. Абен-Хумея избран королем. Молодой король действительно отправил Абен-Фаракса в отставку и предпринял кое-что, чтобы обуздать жестокость его последователей. Восстание было ограничено несколько ограниченной территорией. Его главный оплот находился в Альпухаррасе, невысокой горной гряде, лежащей между более высокими вершинами Сьерра-Невады и морем; Границы восстания. отсюда она распространилась на окрестности Альмерии на востоке и Велес-Малаги на западе. Мориско не владели большими городами и лишь изредка совершали набеги на богатую равнину Ла Вега, на которой находился город Гранада, и на города на морском побережье. Если бы султан Селим II прислушался к призывам Абен-Хумеи и с энергией бросился в борьбу, правление магометан могло бы быть восстановлено в Гранаде. Турки, однако, были в это время слишком увлечены кипрской войной, и мориско получили лишь несколько турецких наемников и недостаточную помощь от берберийских корсаров; они были плохо вооружены, и их дело постоянно ослаблялось внутренними распрями и личным соперничеством.

При таких обстоятельствах, если бы совету маркиза де Мондехара последовали, восстание, по всей вероятности, вскоре было бы подавлено. Советы маркиза де Мондехара были отвергнуты. Не желая доводить мавров до отчаяния, он выступал за политику примирения и пытался, хотя и не всегда успешно, обуздать фанатизм и жестокость своих солдат. К сожалению, ему яростно воспротивился Диего Деза, который призывал к войне на

уничтожение. Желание Диего возобладало, и маркиз Лос-Велес, местный дворянин, занимавший должность Аделантадо в соседней провинции Мурсия, был назначен командующим армией, которая должна была действовать с востока. Суровый старый ветеран продолжал вести войну с такой свирепостью, что заслужил прозвище 'Железноголовой дьявол'. Испанским солдатам, состоявшим в основном из местных рекрутов, слуг знати и добровольцев, было позволено удовлетворить свою неутолимую ненависть к мориско, и они стали соперничать, если не превосходить, в зверствах повстанцев. Разграблению подвергались даже мирные деревни: мужчин убивали без угрызений совести; женщин, избежавших худшей участи, продавали в рабство. Тем временем в самом городе Гранада около ста пятидесяти мавров, арестованных по подозрению, устроили резню заключенных в Гранаде. были хладнокровно убиты по приказу Дезы (март 1569 г.). Смерть в открытой войне была лучше, чем такая участь. У мавров, доведенных до отчаяния, не было иного выхода, кроме как сражаться до последнего. Война не была отмечена какими-либо крупными сражениями; повстанцы, удержавшие лишь несколько городов и неспособные встретить врага в открытом поле, ушли в холмистые районы, где велась запутанная, хотя и упорная борьба рас и вероисповеданий. Однако правительство вряд ли добьется успеха до тех пор, пока будут продолжаться распри между Мондехаром и его соперниками. Весной 1569 года Филипп, желая проверить эти интриги, назначил дону Джона, своего сводного брата, Доном Джоном, назначенным верховным командованием. Весна 1569 года. незаконнорожденный сын Карла V. Назначен верховным главнокомандующим. В то же время ему было запрещено выходить на поле боя, и поскольку ему было всего двадцать два года, им должен был руководить военный совет, членами которого были Деза и Мондехар. Таким образом, единственным результатом изменения было то, что ссора была перенесена из лагеря в совет, где, наконец, взгляды Дезы восторжествовали. В июне 1569 года все мавританские жители города Гранада, мавританское население Гранады переселилось в глубь страны. насчитывавшим около трех с половиной тысяч душ было приказано покинуть город и отправиться в глубь страны, где они должны были найти новые дома. Мондехар, протестуя против этого акта, был смещен со своего поста; и 19 октября Филипп, который прибыл в Кордову, чтобы быть ближе к месту боевых действий, издал указ, в котором провозгласил, что отныне война будет вестись с "огнем и кровью".

Теперь Филипп окончательно разделил взгляды Дезы; однако из-за неспособности Лос-Велеса королевская армия не добилась большого успеха. После убийства Абен-Хумей Абен-Абу добивается успеха. В конце года Абен-Хумей пал жертвой мести одной из женщин его сераля. Его смерть не стала потерей для дела Мориско, ибо, хотя он был человеком большой энергии и определенных способностей, успех опьянил его, а его ревность, эгоизм, распушенность и жестокость лишили его популярности, которой он когда-то пользовался. Абен-Абу, сменивший его на посту короля, был человеком большей честности и патриотизма, а также большего постоянства и мужества. Ему удалось получить санкцию на свое избрание от алжирского паши от имени султана, и при его правлении восстание распространилось на восток до самых границ Мурсии и приняло более грозный характер, чем когда-либо.

Наконец Филипп, убедившись в неэффективности Лос Велеса, отстранил его от командования и позволил дону Джону выйти на поле боя, Дон Джон выходит на поле боя. Январь 1570 г. при содействии герцога Сесского, внука Гонсалво де Кордовы. В то же время из городов Андалусии были собраны новые рекруты, и многие дворяне со своими слугами стеклись под знамена молодого и популярного дона Иоанна, который сразу же двинулся в район к востоку от Альпухаррас и, несмотря на несколько неудач, постепенно подавил

мятежников. 28 января был взят укрепленный город Галера, который пал 7 февраля после отчаянной борьбы; последовало взятие Серона, и вскоре вся страна к востоку от Альпухарраса была вновь завоевана. Тем временем герцог Сесский добился не меньшего успеха и на севере. Постепенно прокладывая себе путь через Альпухаррас, он закрепил свои завоевания линией фортов и в мае объединил свои силы с силами дона Джона в Падулесе. В то же время была предложена амнистия тем, кто сложит оружие. Дело Мориско было теперь безнадежным. 19 мая Эль Хабакин, ведущий мавританский вождь, согласился от имени Абен-Абу на суровые условия, выдвинутые завоевателем. 'Маленький король', как называли мавританского принца, Покорение Мориско. Май 1570 года. заключалось в публичном подчинении дону Иоанну; жизни мориско следовало сохранить, но, подобно их соотечественникам из Гранады, они должны были быть вывезены из своего родного района и распределены по всей Испании. В последний момент Абен-Абу отказался от этих унижительных условий и попытался еще раз поднять знамя восстания, но только для того, чтобы пасть от руки одного из своих подданных, подкупленного правительством.

Теперь восстание подошло к концу. Указом от 28 октября каждый мориско из беспокойных районов,⁶¹ включая тех, кто остался лояльным, должен был быть удален во внутренние районы. Их дома и земли были объявлены конфискованными в пользу короны, но их стада и зерно, если они того пожелают, подлежали оценке. Мориско поселяются в других частях Испании. Эдикт от 28 октября 1570 года. Однако было приказано не разделять семьи, и переселение, по-видимому, было произведено настолько гуманным способом, насколько это было возможно. Районы, назначенные для их поселений, находились на территории Ламанчи, на северных границах Андалусии, в Кастилии, Эстремадуре и Галисии. Любому мавру, который самовольно покинет свое жилище, грозили порка и принудительные работы на галерах, а любому, кто осмеливался приблизиться ближе чем на десять лиг к Гранаде, - смерть. Эдикт 1566 года продолжал действовать; и последующим эдиктом хранение арабской книги было объявлено преступлением, наказуемым побоями и четырьмя годами каторги. Андалусия теперь превратилась в пустыню. Между тем, несмотря на эти жестокие законы, изгнанники обогащали свои новые дома своим земледелием и трудолюбием до 1609 года, когда фанатизм и национальная ненависть испанцев привели к окончательному изгнанию этого несчастного народа из самой Испании. Обращение испанцев с мориско является одним из самых печальных эпизодов в истории; однако, справедливости ради, англичанину следует помнить, что обращение Кромвеля с ирландцами, если ему предшествовали более серьезные провокации, было не менее жестоким.

§ 4. Возобновление борьбы с турками.

Победа при Лепанто, 1571-1574 гг..

Если нетерпимость Филиппа ответственна за жестокое запрещение протестантов и морисков, то его политические интересы, по крайней мере, не привели его к такой непоследовательности, как у других европейских монархов. Действительно, если мы рассмотрим отношение великих держав Европы к туркам в этот момент, мы придем к выводу, что их политика по отношению к еретикам, так же как и к неверным, руководствовалась скорее политическими, чем религиозными соображениями. Французы, преследуя гугенотов в своей собственной стране, всегда вступали в союз с турками, чтобы противостоять испанцам. Елизавета Английская, без сомнения, оказывала неохотную помощь кальвинистам за границей и установила форму протестантизма в Англии; тем не менее, она запрещала крайних кальвинистов у себя дома и временами искала союза с турками; тогда как, если Филипп был гонителем как протестантов, так и неверных, необходимость защиты

Италии и Испании, по крайней мере, сделала его решительным противником неверных в Средиземноморье.

Восстание Морисков еще не было подавлено, когда 1 мая 1570 года посланец Пия V. достиг Испании, моля о помощи самого христианского короля против турок. Лига Испании — папа и Венеция против турок. 25 мая 1571 года. Солиман Великолепный завершил свою долгую и триумфальную карьеру в 1566 году. Хотя его преемник, Селим II, не обладал ни одним из качеств своего отца, энергия покойной администрации все еще была представлена великим визирем Магометом; и в конце 1569 года Пиали, один из командиров нападения на Мальту, а ныне шурина султана, предпринял экспедицию против Кипра. Филипп с готовностью откликнулся на папский призыв, но тем временем Никосия, одна из важнейших кипрских крепостей, пала (сентябрь 1570 года). Венеция в отчаянии попыталась, хотя и безуспешно, заключить сепаратный договор с султаном; и только 25 мая 1571 года трудности и зависть были преодолены и Лига была окончательно заключена. Венеция желала, чтобы Лига ограничилась защитой Кипра; но Филипп, что вполне естественно, стремился расширить сферу ее действия; и соответственно Испания, папа римский и Венеция согласились заключить бессрочный союз против мавров Туниса, Триполи и Алжира, а также против турок. Они согласились защищать территории друг друга и не заключать сепаратного мира; каждая держава должна была назначить генерал-капитана, и они должны были вместе принять решение о плане операций, в то время как верховное командование должно было быть передано дону Джону Австрийскому. Наконец, чтобы покрыть расходы Филиппа, Пий предоставил *cruzada* и *excusado*.⁶² Мирный договор был подписан слишком поздно, чтобы спасти остров Кипр; ибо 30 июля Фамагуста пала, когда с Брагадино, главнокомандующего, заживо содрали кожу, набили чучело и отправили в качестве трофея в Константинополь. Только 16 сентября следующего года флот Лиги окончательно покинул Мессину. По прибытии на Корфу были получены разведданные о том, что турецкий флот находится в заливе Лепанто. Вопреки совету Джона Эндрю Дориа, командовавшего генуэзским контингентом, дон Джон стремился сблизиться со своим противником. Его мнение поддержали маркиз Санта-Крус, великий командующий Рекесенс и молодой Александр Пармский, а также другие генерал-капитаны, и 7 октября два флота оказались в поле зрения друг друга. Флот христиан состоял из 264 судов всех размеров, на борту которых находилось 26 000 солдат и 50 000 гребцов и матросов. У турок около 300 судов и не менее 120 000 человек.

В последовавшем сражении целью турецкого адмирала Пиали было развернуть фланги своего противника. Это движение, однако, было сорвано Барбариго в битве при Лепанто. 7 октября 1571 года. который командовал венецианскими галерами слева, и Джоном Эндрю Дориа справа. Они прижались к берегу, и завязалась ужасная борьба, в которой союзники жестоко пострадали. Наконец, венецианцы отбросили своих врагов, и хотя Барбариго был смертельно ранен, его потеря была компенсирована смертью Магомета Сирокко, противостоявшего ему турецкого адмирала. Тем временем центр, возглавляемый доном Джоном, после отчаянного столкновения в ближнем бою, которое больше напоминало битву на суше, чем на море, добился такого же успеха. Пиали пал, и большинство мусульманских кораблей сдались или были уничтожены. Наконец Улуч Али, алжирский дей, который жестоко расправился с противостоявшими ему генуэзцами, видя, что все кончено, обратился в бегство, и христиане остались победителями в одном из величайших морских сражений столетия. Важность битвы при Лепанто, длившейся более четырех часов, будет лучше всего оценена, если вспомнить, что до сих пор турки никогда не терпели поражения на море. Хотя точный подсчет потерь невозможен, можно с уверенностью утверждать, что потери турок были более чем в два раза тяжелее, чем у их противников, и что спаслись не

более пятидесяти их судов. Нам сообщили, что среди пленников было найдено 12 000 христиан, приговоренных к галерам.

Некоторые теперь думали, что за этим сокрушительным поражением должно последовать немедленное наступление на Константинополь. Однако сезон затянулся из-за задержек и зависти союзников. и было решено отложить дальнейшие операции до весны. Задержка оказалась фатальной. Была предпринята попытка подкупить Улуча Али, калабрийского ренегата, который не забыл своих родителей-христиан, с которыми его разлучили в юности. Предложение было отклонено, и Улуч вскоре принял командование новым флотом, который турки с поразительной быстротой вывели в море. Поведение союзников было совершенно иным. В Испании царила обычная прокрастинация. Интересы Испании и Венеции также не совпадали; Филипп желал выступить против мавров Африки и расширить там свои завоевания; Венеция заботилась лишь об укреплении своих позиций в Леванте. Тщетно престарелый понтифик пытался примирить эти противоречивые взгляды. Он умер в мае следующего года, и хотя опасения Филиппа, что его преемником станет папа, отвечающий интересам Франции, были устранены избранием кардинала Буонкампаньо (Григорий XIII.), папские 'Огненные записки' не принесли особой пользы. Союзники, действительно, наконец отправили еще одну экспедицию под командованием Дона Джона, которая обнаружила турецкий флот у берегов Модона 7 октября 1572 года, в годовщину победы при Лепанто. Но Улуч Али отказался от состязания; он остался под прицелом крепости, и в конце месяца союзники снова разошлись. Венеция заключает сепаратный договор с турками. 7 марта 1573 года. В марте следующего года всякая надежда на согласованные действия была разрушена известием о том, что Венеция договорилась с султаном; она сдала Кипр и согласилась выплачивать Порте дань в течение трех лет. Турки едва ли могли надеяться на лучшие условия, если бы выиграли битву при Лепанто.

Покинутый своими союзниками, дон Джон в октябре следующего года отплыл к африканскому побережью и легко захватил город Тунис. Дон Джон захватывает Тунис в октябре 1573 года; но он и Голетта отбиты Улуч Али в сентябре 1574 года. Теперь он мечтал получить от своего сводного брата титул правителя африканского королевства. Ревность Филиппа мгновенно пробудилась; он настаивал на том, чтобы крепости Тунис и Голетта были демонтированы, и, хотя этого сделано не было, они остались с такими недостаточными силами, что Улуч Али без особых трудностей не только отвоевал Тунис, но и взял крепость Голетта (сентябрь 1574 г.). Таковы были плачевные результаты победы при Лепанто. Это не спасло остров Кипр, который отныне принадлежал Порте; победа при Лепанто была бесплодной победой. за этим последовала потеря Голетты, одного из немногих оставшихся завоеваний Карла V. на побережье Африки; это лишь еще раз продемонстрировало зависть европейских народов; и если в течение семидесяти лет турки не продвигались дальше и никогда больше серьезно не угрожали юго-западным берегам Европы, то это было связано гораздо больше с внутренним распадом Османской империи, чем с победой при самом Лепанто.

§ 5. Завоевание Португалии.

4 августа 1578 года Себастьян, молодой король Португалии, был убит в битве при Алькасар-Кебире, когда он проводил безумную кампанию против Абд-эль-Мелека, султана Марокко. Смерть Себастьяна, короля Португалии. 4 августа 1578 года. Смерть молодого короля, который, по-видимому, был наполовину сумасшедшим, сразу же пробудила в Филиппе решимость заполучить корону Португалии и таким образом окончательно

объединить Пиренейский полуостров под одной рукой. Преемником Себастьяна стал его двоюродный дедушка Генрих. Он был кардиналом, и ему было более шестидесяти шести лет. Тем не менее, была надежда, что у него все же могут быть дети, и папу попросили разрешить его брак. Кардинал Генрих добивается успеха, но умирает. 31 января 1580 года. Филипп выразил свое возмущение таким вмешательством папства в то, что было "столь явно мирскими делами", но был избавлен от дальнейших опасений смертью короля-кардинала 31 января 1580 года. Единственным претендентом, которого Филиппу теперь следовало опасаться, был Антонио, приор Крато.⁶³ Он был незаконнорожденным сыном от обращенной еврейки Льюиса, герцога Бежи, двоюродного деда Себастьяна, но был тайно узаконен своим отцом, вступил в орден Святого Иоанна Мальтийского и был приором богатого командорства Крато. Если удастся установить его законность, то, без сомнения, он будет следующим наследником мужского пола. Филипп, однако, отказался удовлетворить его притязания, Филипп претендует на корону и посылает армию под командованием герцога Алвы. и заявил о своем собственном праве на трон через свою мать, дочь короля Эммануила. Чтобы подкрепить это утверждение, на границе была собрана армия под командованием герцога Альвы, которая выступила в поход, как только поступило известие о смерти кардинала. С теми, кто не подчинился, обращались как с мятежниками, и когда город Сетубал оказал некоторое незначительное сопротивление, он был отдан на разграбление, "потому что отказать солдатам было бы большой несправедливостью" (16 июля 1580 г.).

Тем временем разношерстное собрание крестьян в Сантарене провозгласило Антонио королем и направилось в Лиссабон. Антонио провозгласил себя королем. Тщетно папа Григорий XIII. попытался выступить посредником. Чтобы умиротворить Филиппа, питавшего страсть к реликвиям, он прислал самый драгоценный подарок - часть тела одного из Святых Невиннорожденных; Филипп принял дар, но отклонил его посредничество и на этот раз не стал медлить. Маркиз Санта-Крус был отправлен с флотом в Сетуваль. Там он взял на борт герцога Алва и его войска и отплыл в Лиссабон. Лиссабон капитулирует перед Алвой. Антонио тщетно пытался сопротивляться. Жители Лиссабона не хотели сражаться; они просили об условиях, но были вынуждены капитулировать по своему усмотрению; и Антонио, с трудом спасшись, после долгих скитаний добрался до Кале. Город Лиссабон был частично спасен от разграбления Алвой, но соседние деревни были разграблены с такой безжалостной жестокостью, что это даже превзошло все, что Алва мог себе представить; и неповиновение солдат было таким, что герцог заявил, что у него не хватит веревки, на которой он мог бы повесить своих взбунтовавшихся солдат. В Порту те же сцены повторили войска под командованием Санчо д'Авилы, офицера, который уже заработал дурную репутацию за мятеж в Нидерландах. 29 июня 1581 года Филипп въехал в Лиссабон. С теми немногими дворянами, которые осмелились выступить против него, обращались с безжалостной жестокостью; большинство не пыталось сопротивляться, и народ угрюмо подчинился. Филипп въезжает в Лиссабон. 29 июня 1581 года. Антонио, за голову которого была назначена награда, бродил от двора к двору, умоляя о помощи, чтобы вернуть себе корону. В июне 1582 года ему удалось заручиться помощью французского флота, который отплыл к Азорским островам. Флот, однако, был рассеян маркизом Санта-Крусом, и на всю оставшуюся жизнь несчастный претендент нашел убежище по большей части в Англии. Филипп добился своего, и Португалия на какое-то время объединилась с Испанией. Испанцев, однако, никогда не любили в Португалии; зверства, сопровождавшие восшествие на престол Филиппа, превратили неприязнь в ненависть; и прошло не так много лет, прежде чем Португалия снова сбросила ненавистное иго и раз навсегда провозгласила свою независимость.

§ 6. Внутреннее правление Филиппа II.

Хотя правительство Филиппа II. было практически деспотичным, было бы ошибкой предполагать, что никаких конституционных ограничений не существовало или что они были совершенно бесполезны. Правительство деспотично; однако конституционные формы сохранились в Испании и ее зависимых странах. Кортесы Кастилии и Арагона все еще существовали, и даже в подчиненных провинциях старые собрания не были упразднены. В Кастилии кортесы номинально обладали совещательными полномочиями; по конституции никакой указ не мог быть издан иначе как по их ходатайству, и никакие налоги не взимались иначе как с их согласия. И все же, если Филипп часто вызывал их, если он не вмешивался в их дебаты, если он выслушивал их прошения, они постоянно игнорировались под предлогом того, что их удовлетворение было нецелесообразным; и, когда этого требовали обстоятельства, издавались королевские указы и вводились новые налоги, не дожидаясь их согласия.

Конституционные права Арагона и его зависимых территорий, Валенсии и Каталонии, были еще более обширными. Любой член кортесов мог представить меморандум с жалобами; до тех пор, пока эти жалобы не будут устранены, сессия не могла быть закрыта; и никакой закон не мог быть принят или налог введен иначе, как единогласным голосованием собрания. Королевские суды подчинялись суду Юстиции, и любой, кто ступал на территорию Арагона, мог избежать юрисдикции королевских судов, "заявив об этом", то есть обратившись к нему за помощью. Ни один иностранец не мог занимать должность в Арагоне; инквизиция, хотя и была создана, встречала постоянное противодействие. Из-за этих привилегий Филипп вступил в открытый конфликт, когда в апреле 1590 года Антонио Перес, его секретарь, бежал в Арагон и потребовал защиты Юстиции (ср. [стр. 307-9](#)). Под предлогом того, что Перес в оправдании, которое он только что опубликовал, был виновен в богохульстве, он был по требованию инквизиторов Арагона переведен в их собственную тюрьму. Граждане Сарагосы немедленно восстали против этого нарушения их "фуэрос". Восстание в Сарагосе, 1591 год. На Юстису напала толпа за то, что она выдала заключенного; королевский представитель, маркиз Альманара, был убит; и инквизиторы, опасаясь за свою жизнь, вернули Переса в 'Альхаферию', или тюрьму Юстисы. Четыре месяца спустя еще одна попытка со стороны инквизиторов (сентябрь 1591 г.) привела к возобновлению восстания, которое было поддержано новым юстициарием, только что назначенным. Филипп немедленно приказал армии выступить в поход (24 октября). У повстанцев не было ни армии, ни организации, и они не нашли большой поддержки, за исключением некоторых наиболее жестоких крестьян, которые занялись разбоем. Соответственно, королевская армия не встретила сопротивления, и когда она достигла Сарагосы 12 ноября 1591 года, город сдался, не нанеся ни одного удара. Хотя Филипп объявил амнистию, все видные деятели, принимавшие какое-либо участие, были освобождены; а сам Юстиза был казнен в нарушение закона, согласно которому он даже не мог быть арестован иначе, как по приказу кортесов. Вмешательство в привилегии Арагона. Последовало заседание этого органа. Несмотря на правило, согласно которому на нем должен председательствовать сам король или принц крови, кафедру занял Чинчон, архиепископ Сарагосы, и кортесы согласились на последующее посягательство на их привилегии. Королю должно было быть разрешено назначать иностранцев своими заместителями; должно было быть установлено определенное время для подачи жалоб; за исключением голосования по налогам, право любого члена парламента наложить вето на любую меру было отменено, и вопросы должны были решаться большинством голосов каждого сословия. Эта последняя уступка практически сделала короля хозяином их решений, поскольку он имел право увеличивать число депутатов от каждого сословия, вызывая своих кандидатов. Наконец, для назначения депутатов юстиции была создана

сложная система, которая практически передала выдвижение кандидатов в руки короля и сделала их исполнителями королевской воли. Таким образом, на этом закончилась действительная независимость кортесов Арагона и их Юстиции. Правда, страна не была обложена такими суровыми налогами, как Кастилия; тем не менее, как и в самой Кастилии, оставалась только тень конституционной свободы, в то время как реальность исчезла.

Аналогичную политику, хотя и в более преувеличенной форме, проводил Филипп на Сицилии, в Неаполе и в Милане. Правительство Неаполя, Сицилии и Милана. Удовлетворенный тем, что контроль над центральными судами и высшей исполнительной властью перешел в руки его выдвиженцев, Филипп позволил сохранить старые собрания, феодальные и муниципальные привилегии. В остальном королевская власть поддерживалась вице-королем. Он использовал классовую и местную зависть; он противопоставлял дворянство бюргеру и крестьянину, мирян духовенству; он прибегал к повальной коррупции и содержал армию, в основном состоящую из испанцев, чтобы прибегнуть к последнему средству; и, если в какой-то момент вице-король становился слишком непопулярным, его всегда можно было сделать козлом отпущения и убрать. Именно в Неаполе власть вице-короля была наименее бесконтрольной, коррупция - самой глубокой, а налоги - самыми тяжелыми; в то время как Милан был защищен привилегиями города и притязаниями архиепископа, особенно при хорошо известном прелате Карло Борромео; а на Сицилии феодальные права и муниципальные привилегии таких городов, как Мессина и Палермо, были слишком сильны, чтобы их можно было полностью свергнуть.

При такой системе правления, как эта, было неизбежно, что реальная власть должна была принадлежать королю и тем центральным советам, которые контролировали административную и судебную систему в различных частях империи. Центральные Советы. Из них было целых одиннадцать,⁶⁴ из которых наиболее важными были следующие три: Государственный совет, Совет Кастилии и Совет инквизиции. Инквизиционный совет уже был описан (стр. 279). Государственный совет ограничивался по большей части иностранными делами. Но поскольку Филипп рассматривал Кастилию как центр своей империи, было вполне естественно, что Совет Кастилии стал самым важным. Его функции были в основном судебными; он рассматривал апелляции судов низшей инстанции и при Филиппе II. в основном состоял из юристов. Однако он обладал другими полномочиями; он контролировал Церковь, разрабатывал законы и, как правило, с ним консультировались по всем вопросам, представляющим государственный интерес. Фактически, он стал практически Государственным советом по внутренним делам. Выдвижение членов этих Советов находилось исключительно в руках короля. За исключением Государственного совета, они состояли как из духовенства, так и из мирян, но дворяне редко находили там место.

Полностью исключенный из кортесов Кастилии и имеющий очень ограниченное представительство в кортесах Арагона,⁶⁵ испанское дворянство принимало лишь незначительное участие в политических делах дома. Отстранение дворян от политической власти. У них были огромные доходы; они были освобождены от налогов; они занимали большинство должностей в королевском доме; они часто командовали королевскими армиями и флотами за границей; они действовали как послы и вице-короли в зависимых государствах и колониях; но внутри страны они имели небольшое влияние. Им больше не разрешалось носить оружие или набирать своих вассалов, за исключением королевской службы; и, за исключением особых случаев, таких как восстание Мориско, они редко появлялись на поле боя, разве что на дипломатической службе. Время, которое они не проводили при дворе, проводилось в их обширных владениях, где они в небольших

масштабах копировали великолепия и придворный этикет. Живя таким образом в гордой изоляции, имея много богатства, но мало власти, они отказывались смешиваться или вступать в браки с низшими классами и быстро превратились в вырождающийся и бесполезный класс, подобный французской знати в восемнадцатом веке.

Таким образом, Советы, зависевшие от королевской воли, были заполнены по большей части подбострастными слугами подозрительного хозяина, который мог погубить их по своему усмотрению, если, конечно, как это иногда случалось, им не удавалось раскинуть вокруг короля сеть интриг, которую он, по крайней мере на время, был не в состоянии разорвать. Если Филипп обычно спрашивал совета у своих советников, он придерживался наставления своего отца "не зависеть ни от кого, кроме самого себя". Он не часто появлялся на их заседаниях; иногда он изменял депеши, прежде чем представить их своим Советам; обычно он получал их мнения через комитет или, что чаще, требовал письменного отчета, который относил в свой личный кабинет и комментировал комментариями на полях. Верный своему хвастовству, что "с помощью клочка бумаги он правил обоими полушариями", он часами просиживал за своим письменным столом, иногда с помощью секретаря, иногда со своей любимой дочерью Изабеллой, часто совершенно один, и покрывал государственные бумаги пометками своим корявым почерком с усердием клерка и нередко с банальностями, которых мог бы устыдиться школьник. В этих обстоятельствах фактическая власть, осуществляемая любым человеком, зависела от его личного влияния и влияния его клики на короля. Хотя Филипп позволял своим министрам значительную свободу действий, пока доверял им, его подозрения легко возбудить. Он использовал одного министра против другого; он узнавал от каждого по отдельности взгляды и убеждения других; он применил в отношении них ту же систему шпионажа, что и за границей, через своих тайных эмиссаров, и, как только возникало подозрение, падение министра или вице-короля было не за горами.

Из министров, которые в основном пользовались его доверием, можно упомянуть следующих. В начале его правления наиболее влиятельными были три человека: главные министры. герцог Альва, Руй Гомес де Сильва, принц Эболи и Эспиноса. Герцог Альва был доверенным советником Карла и служил ему в его войнах. Герцог Альва. Соответственно, он рекомендовал его своему сыну как самого способного государственного деятеля и лучшего солдата в своих владениях. Любовь Альвы тщательно взвешивать все стороны, прежде чем прийти к решению, в сочетании с его решимостью выполнять королевскую волю сделали его человеком, близким по духу. Он был главным распорядителем дома и членом Государственного совета и первые несколько лет пользовался большим влиянием. Однако с самого начала он нашел соперника в Гомесе. Руй Гомес, принц Эболи. Этот дворянин, происходивший из младшей ветви португальской семьи, обосновавшейся в Кастилии, будучи императорским пажом, стал фаворитом Филиппа, когда тот стал принцем. Достигнутое таким образом господство он впоследствии поддерживал благодаря своему знанию нравов своего хозяина, его уступчивости, подбострастности и ловкости; в то время как благодаря своей приветливости к другим ему удавалось сохранять популярность. После женитьбы на Анне Мендоса, принцессе Эболи, женщине, замечательной своим умом и красотой, несмотря на потерю глаза, он был провозглашен принцем Эболи, стал членом Государственного совета и первым кавалером опочивальни. В целом выступая за мирные меры, он был против политики репрессий в Нидерландах, которую одобрял Альва. В этом вопросе совет Альвы возобладал; но с его отъездом для проведения политики, которую он отстаивал, влияние герцога пошло на убыль. Король, возможно, научился возмущаться его надменным поведением; во всяком случае, Альва перестал играть важную роль в государственных делах.⁶⁶ Влияние принца Эболи теперь было наивысшим; и благодаря своей ловкости и, если мы можем кому-то верить, угодливости его жены вниманию короля,

он продолжал сохранять свою власть до своей смерти в июле 1573 года. Третьим известным человеком в ранние годы правления Филиппа был Диего де Эспиноса, который привлек внимание короля своей необычайной трудоспособностью и способностями. Кардинал Эспиноса. Он стал президентом Совета Кастилии и Индии; он также был генеральным инквизитором, членом Государственного совета и епископом Сигуэнсы и, наконец, был назначен кардиналом. Это быстрое возвышение, однако, сделало его настолько высокомерным, что вскоре он навлек на себя неприязнь своего хозяина, и после того, как король на открытом совете уличил его во лжи, Эспиноза слег в постель и умер от огорчения в сентябре 1572 года.

После смерти Руя Гомеса в июле 1573 года его политику продолжили маркиз де Лос Велес, мажордом королевы, и Антонио Перес. Антонио Перес. История последнего настолько характерна для отношений Филиппа со своими министрами, что требует более подробного описания. Антонио Перес, незаконнорожденный сын Гонсало Переса, архидьякона Сепульведы — одного из государственных секретарей Карла V, а впоследствии и его сына, — научился своему делу на службе у принца Эболи. После смерти своего отца в 1566 году Перес приступил к некоторым своим обязанностям, а после смерти своего покровителя, принца Эболи, он занял его место и продолжил его политику, поддерживаемый влиятельной поддержкой своей вдовы. Слепо преданный службе королю и искусный в той системе шпионажа, которую любил Филипп, он искал доверительных сведений, чтобы выдать их своему господину, и не гнушался никакой низостью, оказывая ему услугу. Из этих презренных поступков самым вопиющим примером могут служить отношения Переса с доном Джоном. Мы обнаружим (стр. 353), что именно Перес питал ревность Филиппа к своему сводному брату; что он использовал Эсковедо, секретаря дона Джона, чтобы подтолкнуть дона Джона к опрометчивым заявлениям только для того, чтобы они были доведены до сведения короля, и, наконец, что именно он видел, как выполнялся приказ Филиппа убить несчастного секретаря. Однако с этого момента Перес не знал покоя. Его враги в совете распространили слух, что он был убийцей Эсковедо, и взывали к правосудию короля. Филипп сначала пообещал поддержать свое оружие или, скорее, сообщницу, но внезапно передумал и приказал арестовать его и принцессу Эболи (28 июля 1579 г.). Объяснение этого странного поведения до сих пор остается одной из загадок того царства таинственности. Распространенное мнение, что это было вызвано уязвленной обидой монарха, который был оскорблен тем, что овдовевшая принцесса Эболи предпочла объятия секретаря объятиям своего хозяина, не очень вероятно. Отчет был основан на смутных догадках и не подкреплен никакими определенными доказательствами; принцесса была уже в годах и была матерью десяти детей; жена Переса оставалась постоянной защитницей своего мужа; также нелегко поверить, что духовник Филиппа, брат Диего де Чавес, проявил бы такую активность в этом вопросе, если бы причина преследования Эсковедо носила столь позорный характер. Более вероятным представляется то, что Филипп убедился, что Перес и принцесса обманули его в деле Эсковедо и что, возможно, чтобы освободиться от соперника, они своей клеветой способствовали смерти несчастного. Поведение короля, по-видимому, подтверждает эту точку зрения. Очевидно, опасаясь компрометирующих разоблачений относительно своего обращения с доном Джоном и убийства Эсковедо, он сначала, казалось, был склонен простить Переса и даже вернуть его к работе; и только в ноябре 1581 года, по настоянию своего духовника, он решился на более строгий курс. С этого момента дело превратилось почти в личную борьбу между королем и Пересом. В течение пяти лет тянулось это постыдное дело, пока Филипп собирал улики против своего секретаря. Затем (23 января 1585 г.) Перес был приговорен к штрафу и двум годам тюремного заключения с последующим восьмилетним изгнанием. Даже тогда была предпринята попытка завладеть всеми компрометирующими бумагами и письмами. Они были спрятаны

женой Переса в начале романа, но, несмотря на заключение в тюрьму, она отказалась выдать их даже после получения разрешения своего мужа. Тем временем самому Пересу удалось сбежать из своего дома, где он был заключен, и найти убежище. Однако это правило было нарушено, и Перес был схвачен и подвергнут пыткам. Тем не менее, 20 апреля 1590 года ему удалось сбежать от своих мучителей, переодевшись в одежду жены, и бежал в Арагон, где мы с ним уже встречались (с. 300). После подавления восстания в этом королевстве ему еще раз удалось бежать, на этот раз во Францию. Филипп все еще яростно преследовал его; он подкупал агентов, чтобы убить его; он пытался заманить его в ловушку с помощью женщины из По, но все было напрасно. Впоследствии Перес отправился в Англию, где уговорил Елизавету отправить экспедицию в Кадис (ср. стр. 374). В конце концов он пережил своего преследователя и попытался помириться с Филиппом III, предложив выдать государственные тайны стран, предоставивших ему убежище. Филипп, тем временем, лишившись своей добычи, отомстил принцессе Эболи и героической жене секретаря. С первой обращались все более сурово, и она умерла восемнадцать месяцев спустя (февраль 1592 г.); вторая была заключена в тюрьму вместе со своими детьми до конца жизни Филиппа.

С падением Переса в 1579 году партия, первоначально возглавляемая Руем Гомесом, потеряла влияние в королевских советах. Их места заняли Гранвелла, дон Хуан де Идиакес и Кристовал де Мура. Смена министров и политики после падения Переса в 1579 году. Из них кардинал Гранвель, сын канцлера Карла V. и уроженец Франш-Конте, кардинал Гранвель, 1579-1586. уже служил Филиппу в качестве члена Консульства во Фландрии в 1559-1563 годах (ср. с. 321). С тех пор он занимал пост вице-короля Неаполя, где отличился, создав лигу, которая привела к битве при Лепанто (ср. стр. 293). Теперь он был назначен президентом Совета Кастилии. Идиакес, сын государственного секретаря при Карле V. Место Переса на посту секретаря сменили Идиакес и Кристовал де Моура. в то время как португалец Моура был назначен членом Финансового совета и принимал активное участие в завоевании своей родной страны (ср. стр. 297). Эта смена министерства ознаменовалась полной революцией в политике короля. Филипп до сих пор проводил мирную политику в Европе; но с этого момента он начал предпринимать попытки стать хозяином Франции и Англии, которые в конце концов закончились полным крахом.

Гранвель вскоре оказался вытеснен своими коллегами, а после его смерти (22 сентября 1586 г.) Идиакесом и Моурой с добавлением графа де Шиншона, Ночной хунты. уроженец Арагона, сформировал триумvirат, известный как Ночная хунта, которому передавались все важные дела из каждого ведомства. При правлении этой хунты, которое длилось до конца правления, администрация стала более коррумпированной, а ссоры между подчиненными участились, в то время как нерешительность и промедление короля усилились по мере того, как его здоровье начало ухудшаться.

Однако мы не смогли бы оценить влияние, которое окружало Филиппа, если бы опустили его исповедников. Это были два монаха—доминиканца - брат Бернардо де Фреснеда до 1577 года; Исповедники короля. с этой даты до 1595 года - брат Диего де Чавес. Оба эти человека добавили к своему положению исповедников должность в гражданской администрации. Первый — ‘толстый епископ Куэнки’, которого агент Сесила объявил одним из ‘главнейших’ министров, был назначен членом Военного совета и генеральным комиссаром доходов, получаемых от Крузады. Второй имел еще большее влияние. Назначенный членом государственного совета в 1584 году, мы находим Де Шава принимающим главное участие в деле Переса, в подавлении восстания в Арагоне и в завоевании Португалии. Он без колебаний выдавал своему хозяину секреты, которые узнал на исповеди, но в обмен на эту преданность иногда требовал повиновения. Таким образом, в 1591 году мы обнаруживаем,

что он фактически отказывает Филиппу в причастии до тех пор, пока король не последует его пожеланиям относительно назначения президента Совета Кастилии.

Этому деспотическому правлению не хватало только одной вещи — постоянной армии, — и даже с этого было положено начало. Хотя отец Филиппа держал в пешем строю большие силы, это было началом постоянной армии. Он использовался только на дипломатической службе и был размещен за границей. Что касается службы на родине, то Карл зависел от сборов в городское ополчение и феодальной службы знати и их вассалов. К ним Филипп добавил 'Гвардию Кастилии', значительный отряд латников со своими приверженцами, а также несколько эскадронов легкой кавалерии, которые были переведены на постоянную основу и оставлены дома. Отныне у правительства была под рукой армия, с помощью которой можно было подавить любые внутренние беспорядки. Но если правление Филиппа можно справедливо назвать деспотизмом, то и здесь, как всегда, проявились пороки абсолютного правления Филиппа. Этот деспотизм включал в себя ограничения и интриги бюрократии — бюрократии, которая, хотя и назначалась королем, иногда становилась его хозяином. Пожалуй, нигде нельзя найти более поразительной иллюстрации пагубных последствий абсолютного правления, особенно когда оно находится в руках человека небольшого интеллекта, узких и фанатичных взглядов и подозрительного темперамента, но при этом с непоколебимой любовью к власти и неутомимым, хотя и неправильно направленным усердием. Чарльз действительно правил деспотически и с некоторым успехом. Но сын походил на своего отца только в одном - в самообладании. Ни хорошие, ни плохие новости не вызывали у него никаких эмоций; в лучшем случае, когда объявлялось о каком-нибудь неприятном событии, было видно, как он хватается за бороду. В остальном Филип не обладал талантами своего отца, и с таким человеком последствия системы были катастрофическими. Его решимость взять бразды правления в свои руки, по крайней мере, внешне, неизбежно приводила к задержкам; и вкупе с его досадным заблуждением, что "время и он сам были равны любым двум другим", привело к той роковой привычке откладывать дела на потом и нерешительности, которые часто разрушали его самые заветные планы. Как бы сильно он ни любил власть, он не всегда был достаточно силен, чтобы самому брать на себя руководство; отсюда и его страстное желание узнать мнение своих советников. Без сомнения, он воображал, что окончательное решение остается за ним; однако на самом деле часто им руководил человек, который в данный момент прислушивался к его мнению. При таких обстоятельствах вокруг него неизбежно собирались интриги и коррупция, пока они часто не становились слишком сильными, чтобы им можно было противостоять. Тем временем в низших слоях бюрократии это зло быстро росло, и это признавал даже сам Гранвелла.

Тем не менее, поскольку нельзя отрицать, что Филипп решал, какие влияния должны быть рядом с ним, и таким образом задавал общий тон характеру администрации, он должен нести главную ответственность за ее вредные действия. Мы уже показали, как поощрялась изоляция знати; как абсолютная власть, которую Филипп осуществлял над Церковью, в сочетании с полномочиями инквизиции, подавляла всякую независимость мысли; как узкая бюрократическая система лишала людей сущности политической власти.

Остается сказать несколько слов о коммерческой и финансовой политике этого правления. Распространенное в то время в Европе мнение о том, что золото и серебро были наиболее желанными из всех форм богатства, определяло финансовую и торговую политику Филиппа. и в том, что страна выигрывала, когда импорт этих металлов превышал ее экспорт, была определенная практическая правда. Следует помнить, что при отсутствии бумажных денег количество металлической валюты, необходимое внутри страны, по отношению к объему

торговли было бы тогда больше, чем сейчас. Более того, поскольку государственные займы находились только в зачаточном состоянии, а государственный долг был неизвестен, хорошо наполненная казна была необходима для решения серьезных чрезвычайных ситуаций, таких как война. Прежде всего, в тех странах, которые сами не владели никакими рудниками, единственным способом получения драгоценных металлов был обмен на товары собственного производства или торговля. Следовательно, в таких странах доктрина имела тенденцию стимулировать, а не ограничивать промышленное предпринимательство. Однако случай Испании был иным. Рудники Нового Света давали ей драгоценные металлы, и поэтому у нее возникло искушение воспрепятствовать импорту из-за рубежа и даже запретить вывоз золота и серебра. И это еще не все. Доверяя продукции рудников, испанцы как дома, так и в колониях поощряли свою национальную неприязнь к более трудоемким, хотя и более производительным отраслям промышленности, и национальная леность росла. Более того, рудники оказались далеко не такими производительными, как ожидалось, и Филипп вскоре узнал, что богатство, получаемое фламандскими ткацкими станками, было бесконечно большим, чем богатство, получаемое на знаменитых рудниках Мексики и Перу.

Абсурдные правила в отношении торговли, которые, однако, не были новыми, также привели к катастрофическим результатам. В тщетной надежде снизить цены был запрещен экспорт кукурузы и крупного рогатого скота и даже торговля кукурузой внутри страны; также был запрещен любой импорт с Берберийского побережья. Результатом этих и других абсурдных ограничений стало то, что выращивание запрещенных продуктов было остановлено, и эта торговля постепенно перешла в руки иностранцев. Многие из них в обмен на займы получали от короля лицензии на экспорт, в то время как спрос на иностранные товары давал иностранцу возможность управлять импортной торговлей. Все предметы роскоши поступали из-за границы, и мы знаем, что повстанцы Нидерландов вели процветающую торговлю теми самыми боевыми припасами, которые Испания использовала в своей попытке сокрушить их. Было подсчитано, что пять шестых внутренней и девять десятых индийской торговли были монополизированы иностранцами. Таким образом, Испания, отнюдь не богатая от природы, не смогла обогатиться за счет торговли и мануфактур и оставалась в бедности. Это зло усугублялось непомерными налогами, вызванными войнами Филиппа, и придворными расходами. Эти налоги в большей степени падали на Кастилию и Неаполь и взимались такими злыми и коррумпированными методами, что, хотя народ сильно страдал, правительство часто получало очень мало.

Общий эффект политики Филиппа внутри страны заключался в том, что он поощрял и преувеличивал все худшие черты испанского характера — его нетерпимость, общие результаты внутренней политики Филиппа. его невежество, его леность и его гордыня; и если в начале его правления Испания, казалось, достигла вершины своего величия, то к концу его она сделала большой шаг к своему будущему упадку. Теперь мы должны перейти к рассмотрению политики Филиппа в Нидерландах и за границей, проследить провал его попытки низвести эти провинции до состояния других его зависимостей и крах его дикой идеи подчинить Англию и Францию своему деспотическому правлению.

59 Великими инквизиторами во время правления Филиппа были:—

1. Дон Фернандо Вальдес, архиепископ Севильи, 1547-1566.
2. Эспиноса, королевский секретарь, епископ Сигуэнсы и кардинал, 1566-1573.

3. Кирога, архиепископ Толедский, 1573-1594.

60 О тайне Дона Карлоса см. Прескотт, *Филипп II.*, ок. vi.; Форнерон, *Филипп II.*, ок. xi.; Гашар, *Дон Карлос и Филипп II.*

61 В других частях Испании, особенно в Мурсии, Валенсии и даже в Веге Гранады, были мориско, которых никто не беспокоил.

62 *крусада* - это разрешение, выданное папским распоряжением, разрешающее употреблять яйца и молоко в определенные дни. Эта лицензия была продана королем, и чтобы побудить людей покупать ее, каждого заставляли покупать эти продукты независимо от того, ели они их или нет. *excusado* - десятина с одного владения в каждом приходе Испании, предоставляемая королю.

63 Были и другие возможные претенденты — Эмануэль Филиберт, герцог Савойский, и сыновья Александра Фарнезе, которые могли претендовать по женской линии, но не сделали этого. Даже Екатерина Медичи делала вид, что основывает свой титул на происхождении от далекого короля Португалии, но в то время не настаивала на этом. Вопрос о престолонаследии и тесных взаимоотношениях между королевскими семьями Испании и Португалии лучше всего будет понятен из следующей таблицы:—

Эмануэль Португальский	=	{	Изабелла, дочь Фердинанда и Изабеллы.
			Мария, дочь Фердинанда и Изабеллы.
			Элеонора, сестра Карла V.
			,
			с
			е
			с
			т
			р
			а
			К
			а
			р
			л
			а
			V
			.

Иоанн III.	=	Екатерина,	Льюис,	Генрих,	Изабелла	=	Карл V.
1521–1557.		сестра	герцога	Кардинал,			
		Карл V.	Беджа.	157			

Филипп II. = Мария	Эммануил	=	Joanna, сестра	Antonio, насто- ятель	Philip II.	Дж оан на = Эм ану эль
из Испании.	Иоанна, †1554.		Филипп II.	Кристо- Притворщи- к.		Джон.

Себастьян,
1557-1578.

64 Остальными были:—

1. Хазиенда для управления доходами и судебного разбирательства связанных с ними дел.
2. Совет орденов для управления тремя военными орденами Святого Яго, Калатравы, Алькантары.
3. Палата, первоначально входившая в состав Совета Кастилии, впоследствии стала практически отдельным советом.
4. Военный совет.
- 5, 6, 7, 8. Советы Арагона, Италии, Фландрии и Португалии. Совет Португалии был создан после завоевания этой страны. Положение во Фландрии вскоре перестало иметь большое значение.
9. Совет Индии для общего управления Индией и для рассмотрения гражданских и церковных дел, возникающих оттуда.

65 Только восемь титулованных домов грандов могли претендовать на место. Из идальго, или мелкой знати, пришли только те, кого король решил призвать.

66 После возвращения Алвы из Нидерландов между ним и королем вспыхнула ссора по поводу брачных дел его сына, и ему было приказано жить на пенсии в Узаде в 1579 году. Там

он оставался до тех пор, пока его услуги не потребовались для завоевания Португалии в 1580 году. Он умер в декабре 1582 года.

Typo. Lithing Co.

Typo. Etching Co. & Co.

ГЛАВА VIII

ВОССТАНИЕ В НИДЕРЛАНДАХ

Политика Карла V.—Регентство Маргариты Пармской—Генеральные штаты 1559 года и их жалобы—Гранвелла уходит в отставку—Эдикт Сеговии—Конфедераты в Сент-Тронд—Альве-Казнь Эгмонта, Хорна и Монтины—Емминген—‘Нищие’ захватывают Бриль—Союз с Францией—Сент Варфоломей—Падение Монса—Осада Харлема—Дон Рекезенс—Военные события—Конференция в Бреде—Подвиги Мондрагона—Разграбление Антверпена—Умиротворение Гента—Дон Джон—Бессрочный эдикт—Эрцгерцог Матиас—Гемблур—Александр Пармский—Аррасский и Утрехтский союзы—Суверенитет, предложенный герцогу Анжуйскому—Французская ярость—Убийство Оранского—Успехи Пармы—Генрих III. и Елизавета отказываются от Суверенитета—Лестер в Нидерландах—Армада—Успехи Мориса—Смерть Пармы—Эрцгерцоги Эрнест и Альберт—Перемирие 1609 года—Состояние Нидерландов.

Восстание в Нидерландах обычно рассматривалось как выдающийся пример сопротивления демократии религиозным преследованиям. Это утверждение, однако, требует некоторой модификации. Религиозный элемент, без сомнения, был источником энтузиазма для многих, особенно в северных провинциях. Тем не менее, преследования не были основной причиной недовольства, и многие католики поначалу, во всяком случае, присоединились к партии сопротивления;⁶⁷ в то время как олигархический характер правительства многих городов и влиятельное положение, занимаемое дворянами, особенно в южных и западных провинциях, напоминают нам, что движение было гораздо более олигархическим по своему характеру, чем часто это разрешалось.

Из семнадцати провинций, образовавших Нидерланды при восшествии на престол Филиппа II, большее число было постепенно собрано могущественными герцогами Бургундии в течение пятнадцатого века, предшествующего истории Нидерландов. удачными браками, уступкой и завоеванием. После брака бургундской наследницы Марии с Максимилианом они перешли к дому Габсбургов, а оттуда, благодаря браку эрцгерцога Филиппа и Иоанны, к их сыну Карлу V. Узы, связывавшие эти провинции вместе, были чисто личными. Они носили разные титулы.⁶⁸ Их населяли народы разной расы и языка; голландцы на северо-востоке, фламандцы в Брабанте, валлонцы и немцы в западных и южных провинциях. Социальные условия также различались. Во Фландрии и Брабанте сельские районы находились в руках могущественной знати, города, населенные промышленными и беспокойными людьми, контролировались богатыми бюргерами. На севере преобладал демократический элемент, особенно во фризских провинциях, и жители проводили свою жизнь либо в рыбной ловле и торговле на море, либо в спасении своей страны от его набегов. Эти различия, социальные и политические, нашли отражение в разнообразии их институтов. В каждой провинции было свое особое правительство. Многие обладали особыми привилегиями, гарантированными им хартией, и ни один уроженец одной провинции не мог по конституции занимать должность в другой.

Попытка герцогов Бургундских установить более централизованную систему правления и сплавить эти разнородные элементы в большее единство встретила яростное сопротивление, особенно со стороны бюргеров Брабанта и Фландрии, и отношения между провинциями и их правителями часто были сильно натянутыми. Во время правления эрцгерцога Филиппа (1494-1506) борьба утихла, но с восшествием на престол Карла V.

Политика консолидации и централизации была вновь возобновлена. Политика Карла V. Границы были расширены за счет приобретения Западной Фрисландии в 1524 году, лордства Гренинген в 1536 году, герцогства Гелдрес и графства Зутфен в 1543 году. По Мадридскому мирному договору (1526) Артуа, Фландрия и Турне были освобождены от своей зависимости от Франции, а в 1528 году Карл получил временные владения Утрехтского епископства и графство Овериссель. В 1548 году все Нидерланды были объединены в Бургундский круг, сохранив при этом свою независимость от Сейма и Императорской палаты, и Карл думал о превращении их в среднее королевство с отдельным правительством — политика, которая, к сожалению, была отменена, когда в 1555 году Карл решил оставить эти провинции своему сыну. Из-за своего вынужденного отсутствия в стране император оставил управление правительством в руках гувернанток — своей тети Маргариты Савойской, правившей с 1506 по 1530 год; своей сестры Марии Венгерской, вдовы Льюиса, с 1530 по 1555 год, — однако политика централизации неуклонно проводилась. Были созданы Генеральные штаты, состоящие из духовенства, знати и городских представителей от каждой провинции, хотя их заседание не увенчалось успехом. В Мехлине вновь был учрежден Центральный суд, которому были объявлены подчиненными все провинциальные суды. Контроль над администрацией был передан в руки трех советов: Тайного совета, который действовал как министерство полиции и юстиции; Финансового суда над финансовыми палатами провинций; и Государственного совета, состоящего в основном из высшей знати, который под председательством регента должен был управлять иностранными делами и осуществлять общее руководство другими советами. Провинции были переданы в руки государственных держателей, назначаемых из рядов знати самим императором. Другие должностные лица, как муниципальные, так и судебные, обычно назначались им. Привилегии городов постепенно ограничивались, и попытка Гента отказаться от налога, за который проголосовали Генеральные штаты, и вообще противостоять централизующей политике императора была безжалостно пресечена в 1540 году; иммунитеты и привилегии города были объявлены недействительными, а исключительное назначение десяти магистратов перешло в руки императора (ср. [стр. 209](#)).

Однако именно в вопросе о ереси Карл проявил себя наиболее неумолимо. Среди нидерландцев рано распространилось не только учение Лютера, но и более экстремальные взгляды Кальвина, которые еще лучше соответствовали гению и характеру народа; в то время как экстравагантные и анархические взгляды анабаптистов Мюнстера появились в Амстердаме и в других местах. Не стесненный политическими трудностями, которые окружали его в Германии, Карл стремился искоренить эти мнения. Серия эдиктов, названных 'Плакатами', кульминацией которых стал указ 1550 года, угрожала смертью от ямы, огня или меча всем, кто был уличен в ереси или укрывательстве еретиков, торговле еретическими книгами, посещении собраний, диспутах о Священных Писаниях или взломе изображений. Попытка, действительно, назначить одного генерального инквизитора с бесконтрольными полномочиями по приведению в исполнение этих эдиктов привела к такому недовольству, что инквизитору пришлось бежать, и Карлу пришлось довольствоваться разделением должности между четверьмя, которые не должны были выносить приговор без согласия провинциального совета. Если число жертв под этими 'Плакатами' было сильно преувеличено, то, по крайней мере, Чарльз не воздержался от преследований. Тем не менее, он не был непопулярен в Нидерландах; религиозные и политические претензии к нему еще не были выявлены. Карл был уроженцем Фламандии; в юности он был полностью в руках своих фламандских советников, и если в последнее время острота его европейского положения вынуждала его проживать в другом месте, он часто посещал дом своего рождения; и не только воздерживался от назначения иностранцев на должности в Нидерландах, но и раздражал своих испанских подданных, выдвигая фламандцев на высшие

посты в Испании. Его постоянные войны давали профессию тем, кто был неравнодушен к оружию, а обширные территории его империи открывали коммерческие возможности, которыми трудолюбивые фламандцы стремились воспользоваться. Никогда еще Нидерланды не были так процветающи; ткацкие станки в западных городах никогда не работали так активно; земли Фландрии и Артуа были богаты зерном; северо-восточные провинции поставляли обильные запасы масла и сыра, в то время как рыбаки обогащались на ловле сельди. Антверпен, который в последнее время занял место Брюгге в качестве торгового центра, стал одним из самых густонаселенных и процветающих городов Европы; его набережные были переполнены кораблями, а банковские дома - бизнесменами всех стран. Богатство Нидерландов можно оценить, вспомнив, что за несколько лет они внесли в финансы императора не менее двадцати четырех миллионов дукатов. Эти взносы, однако, вымогались с трудом; Нидерланды жаловались, что их доходы расходовались на войны, в которых они не участвовали; религиозные трудности возрастали; и когда Карл в 1555 году передал правительство своему сыну, было совершенно ясно, что сохранить лояльность этого процветающего, но беспокойного и независимого народа можно было только с помощью умной и примирительной государственной мудрости.

Наследование престола Филиппом II. в этот критический момент было самым неудачным. Его холодное и высокомерное поведение контрастировало с более добродушными манерами великого императора; Филипп сразу же отверг симпатии нидерландцев. он не делал секрета из своей преданности Испании и презрения к своим фламандским подданным, в то время как его фанатичная приверженность католической вере была доказана возобновлением эдиктов 1550 года во всей их строгости. Даже война с Францией не была популярна в Нидерландах; они жаловались, что их интересы были принесены в жертву интересам Испании, и сопротивлялись требованиям, предъявляемым к их кошелькам. Мирный договор в Като-Камбрези (1559) еще больше усилил это недовольство. По этому договору герцог Савойский, который был регентом в Брюсселе с 1555 года, был восстановлен в своих владениях в Италии. Поэтому возникла необходимость выбрать другого регента.

Представилась возможность примирить нидерландцев, назначив какого-нибудь фламандского дворянина, из которых по крайней мере двое были вполне пригодны для этой должности. Вильгельм Нассауский после смерти своего двоюродного брата Рене в 1544 году унаследовал не только обширные владения в Голландии и Брабанте, но и богатые земли Шалон во Франции и княжество Оранское на Роне. Назначенный Карлом V государственным деятелем Голландии, Зеландии, Утрехта и Западной Фрисландии, он получил от него военное командование и руководство дипломатическими миссиями - занятие, к которому он проявил особый дар. По характеру и положению он превосходно подходил бы на должность регента. Уступив ему, был Ламораль, граф Эгмонтский и государственный деятель Фландрии и Артуа, который, хотя и уступал принцу Оранскому по способностям и силе характера, приобрел большую репутацию в битвах при Сен-Кантене и Гравелине и был, благодаря своему добродушному и импульсивному характеру, всеобщим любимцем.

Филипп, однако, не собирался назначать никого, кто мог бы оказаться слишком могущественным или независимым, и в конце концов выбрал регентом свою сводную сестру Маргариту, Маргариту Пармскую. 1559–1567. Герцогиня Пармская, незаконнорожденная дочь Карла V. и жена Оттавио Фарнезе, внука папы Павла III. Маргарет, которой в то время было тридцать восемь лет, была дочерью фламандской леди. Она была воспитана двумя регентами Нидерландов, Маргаритой Савойской и Марией Венгерской, и ее назначение не вызвало недовольства. Но, несмотря на мужественную внешность и голос, она не обладала большими политическими способностями и была склонна принять политику любого, кто на данный момент был наиболее влиятельным, а к сожалению, те, кто находился у власти, были

наиболее непопулярны. Филипп дал указания, что она должна править с помощью трех советов: Финансового, Тайного и Государственного. Государственный совет состоял из нескольких представителей высшей знати, наиболее известными из которых были принц Оранский и Эгмонт. Номинально это был высший орган власти в Нидерландах; Консультат. но Филипп отдал приказ, чтобы все наиболее деликатные государственные вопросы находились в ведении внутреннего совета, называемого Консулата, в состав которого входили графы Берлаймон, Виль и Гранвель. Из этого триумvirата граф Берлаймон, президент Финансового совета, был фламандцем из хорошей семьи, честным человеком, но с узкими и деспотическими взглядами. Виль, президент Тайного совета, был юристом и гуманистом с определенной репутацией и другом Эразма; однако он был настолько скуп, что принимал заказы, чтобы пользоваться доходами нескольких благотворительных организаций; ему не хватало инициативы, и он был скромным последователем Гранвеля. Этот человек, сын канцлера Шарля, родился в 1517 году в Безансоне, во Франш-Конте. Возведенный на престол Арраса в возрасте двадцати пяти лет, он на склоне лет своего отца и после его смерти в 1550 году пользовался доверием императора и был им особо рекомендован Филиппу, который назначил его президентом Государственного совета. Хотя он был трудолюбивым и способным государственным деятелем с утонченными и вкрадчивыми манерами и искренне интересовался благосостоянием Нидерландов, он был амбициозен, любил власть, коррумпирован и жаден. Голландцы не любили его как бургундца и ненавидели как представителя взглядов Филиппа. непопулярные меры Филиппа. Политика короля также не была рассчитана на то, чтобы смягчить уязвимость фламандцев. Испанские войска, присутствие которых было вызвано войной, не были выведены после заключения мира и восполнили задолженность по жалованью вымогательством и грабежом; в то время как хорошо известное намерение Филиппа искоренить ересь вызвало широко распространенные опасения. Жалобы, представленные Генеральными штатами 1559 года. Эти и другие жалобы нашли выражение на заседании Генеральных штатов, которое было созвано в Генте в августе 1559 года. Филипп действительно пообещал вывести войска — обещание, которое из-за его промедления не было выполнено до октября 1560 года, — но другие обиды он не соизволил заметить. Скорее, чем царствовать над еретиками, он заявил своим министрам, что предпочел бы вообще не царствовать; в то время как противодействие, оказанное иностранцу, заставило его заметить: 'Я тоже иностранец; неужели они откажутся повиноваться мне как своему Суверену?' Пройгнорировав таким образом жалобы своего народа, Филипп покинул Нидерланды, чтобы никогда больше не возвращаться, после того, как обвинил Вильгельма Оранского, если верить современному автору, в том, что он был реальной движущей силой оппозиции, которая проявила себя в Генеральных штатах.

За уходом короля последовала еще одна мера, которая серьезно усилила недовольство. Церковная организация Нидерландов была очень несовершенной. План церковной реформы Филиппа. Существовало всего три епархии — Аррасская, Турнейская и Утрехтская, и их епархии были слишком велики, чтобы ими можно было эффективно управлять. Только Утрехт включал в себя триста городов, обнесенных стенами, и тысячу сто церквей. Другие части Нидерландов находились либо под юрисдикцией епископа Камбре, свободного имперского города, либо под юрисдикцией иностранных епископов, таких как Льеж, в то время как герцогство Люксембург входило в состав четырех иностранных епархий. Путаница и конфликты в связи с апелляциями еще больше усилились из-за того факта, что эти епископства находились под юрисдикцией иностранных митрополитов: первые два подчинялись архиепископству Реймса, Утрехт - архиепископству Кельна. Карл V сам

планировал реформу; однако времени и возможностей у него не было, и Филиппу пришлось проводить ее на более широкой основе. Число епископств должно было быть увеличено до пятнадцати; они должны были быть освобождены от всего иностранного контроля и быть организованы под управлением трех архиепископств — Мехлина, Камбре и Утрехта, из которых Мехлин с Гранвеллем в качестве архиепископа должен был пользоваться главенством; необходимые доходы должны были поступать с земель аббатств в пределах каждой епархии, а аббатства должны были быть переданы приорам, зависящим от епископов: каждый епископ должен был назначить девять дополнительных пребендариев, двое из которых должны были быть инквизиторами и помогать ему в работе. о искоренении ереси. Объявление об этой схеме было встречено бурей неприятия как со стороны католиков, так и со стороны протестантов. Епископы, как было объявлено, будут креатурами короны; в то время как аббаты, место которых они должны были занять, были избраны монахами и представляли местные интересы в провинциальных ассамблеях и в Генеральных штатах. Присвоение доходов аббатств было осуждено как акт грабежа, особенно знатно, чьи сыновья часто занимали место настоятеля. Наиболее беспечные и невежественные представители духовенства опасались более строгого надзора и дисциплины, которые за этим последуют. Прежде всего, эта мера была осуждена как попытка ввести испанскую инквизицию. Несомненно, верно, что требовалась некоторая реформа и что большая часть оппозиции была вызвана заинтересованными мотивами; тем не менее было неразумно, если не сказать неконституционно, вносить такие радикальные изменения в церковную организацию страны без одобрения Генеральных штатов или даже Государственного совета. Это изменение, несомненно, усилило бы деспотическую власть короны; в то время как инквизиторские полномочия, данные епископам в тот самый момент, когда Филипп сокрушал протестантизм в Испании, имели опасное значение. Одним словом, эта мера была несвоевременной, если только она не была явно направлена на то, чтобы служить интересам власти и преследований, а если она была таковой, то потребовала самого решительного противодействия. Соответственно, план встретил такое сопротивление, что его не удалось осуществить в полной мере; Антверпен, который был специально защищен от усиления церковной власти "La Joyeuse Entrée" (брабантская хартия), Гелдрес, Утрехт и пять других мест спаслись. Но даже в таком искаженном виде эта мера способствовала объединению религиозных и политических недовольных и серьезно усилила непопулярность правительства.

В апреле 1562 года в Валансьене была предпринята первая попытка спасти жертв инквизиции; в то же время оппозиция знати Гранвелю стала более решительной. Как архиепископа Мехлинского, на него смотрели, хотя и ошибочно, как на главную движущую силу в этом вопросе; как на председателя Государственного совета он нес ответственность за все ненавистные меры короля; в то время как его принятие кардинальской шапки в 1561 году еще больше возбудило зависть его врагов. Недовольные нашли лидера в лице принца Оранского. В 1561 году он взял в качестве своей второй жены Анну, дочь Морица Саксонского, старого противника Карла V. Вильгельм Оранский возглавляет оппозицию. Гранвель выступал против этого брака, считая, что это могло усилить протестантские симпатии принца, и с этого времени между ними началась открытая война. Наконец, в марте 1563 года Оранж, Эгмонт и Хорн направили Филиппу письмо, в котором требовали отставки кардинала и отказались явиться в Государственный совет до тех пор, пока их требование не будет удовлетворено. Даже регентша Маргарет, которая до сих пор была яркой сторонницей Гранвеля, покинула его и поддержала просьбу знати. Гранвель уходит в отставку. Март 1564 года. В марте 1564 года, после долгих проволочек, Филипп наконец согласился уволить своего министра. Это, однако, возымело лишь незначительный эффект, ибо Берлаймон и Виль все еще оставались, в то время как Гранвель из своего убежища продолжал давать

советы королю; система правления осталась неизменной, коррупция продолжалась, и преследования не прекращались. В следующем августе Филипп усилил недовольство, приказав единолично опубликовать Постановления Тридентского собора. Этот акт вызвал всеобщее неодобрение не только со стороны протестантов, но и со стороны католиков, которые рассматривали его как посягательство на их свободы. Вильгельм Оранский выразил общее мнение, когда заявил в Государственном совете, что при существующем состоянии общественного мнения Тридентские декреты и указы против ереси не могут быть приведены в исполнение и что настало время прекратить коррумпированную систему правления, извращение правосудия и споры между Советами. Чтобы исправить такое положение вещей, дворяне во главе с принцем Оранским и графами Эгмонтом и Хорном настаивали на необходимости созыва Генеральных штатов и увеличения их полномочий, реформирования Государственного совета путем принятия большего числа представителей местной знати и более полного подчинения ему других Советов. Маргарет, которая теперь полностью отождествляла себя с олигархической партией, Эгмонт отправил в Испанию в январе 1565 года. Филипп отказывается слушать, принял их взгляды, и Эгмонт был отправлен в Испанию, чтобы убедить Филиппа принять их (январь 1565 года). Если бы Филипп согласился, Нидерланды могли бы остаться лояльными; но реформы повлекли бы за собой свержение существовавшей до сих пор бюрократической системы; местная знать вернула бы себе власть в Генеральных штатах и в реформированном Государственном совете, и за этим должно было последовать смягчение законов против ереси. Поэтому Филипп не желал подчиняться. В июне 1565 года он отправил Алву на Конференцию в Байонну и убедил Екатерину Медичи принять строгие меры против гугенотов, и он вряд ли стал бы унижать себя, терпя ересь в своих собственных владениях. Поначалу ему действительно казалось, что он хочет потянуть время. Брат Гранвеля в отчаянии писал: 'Все продолжается с утра до завтра: единственное решение - оставаться в нерешительности'. Возможно, Филипп медлил в надежде привлечь на свою сторону Эгмонта. Сеговийский эдикт. Как бы то ни было, в октябре король сбросил маску и в своих знаменитых депешах из леса Сеговии запретил любые изменения в системе управления и приказал со всей строгостью исполнять эдикт против ереси.

'Сейчас мы увидим начало прекрасной трагедии', - сказал Вильгельм Оранский. Регент и даже Берлаймон и Виль были встревожены и настаивали на том, чтобы Филиппа предупредили о возможных последствиях. Но Вильгельм заявил, что, 'поскольку слово его величества было столь недвусмысленно выражено, все, что им оставалось, - это привести его в исполнение'. Принято считать, что принц Оранский хотел ускорить события; в любом случае его пророчество должно было быстро исполниться. В последовавшей за этим волнении мы обнаруживаем появление нового элемента. Общая оппозиция. До сих пор оппозиция по большей части ограничивалась высшей знатью, людьми, занимавшими какие-то должности и которым было что терять; теперь зашевелилась мелкая знать. Они, подобно мелкому дворянству во Франции, ранее находили занятие в войнах, где составляли знаменитую кавалерийскую силу. Мирный период уничтожил эту оккупацию, и многие вернулись в свои дома с мятежным духом, любовью к экстравагантности и распущенности, порожденной войной, и готовыми к любой возможности восстановить свое пошатнувшееся состояние. Другие, однако, были более серьезного склада ума, которые во время своего пребывания за границей изучили и ревностно приняли протестантские взгляды, в то время как все они были вдохновлены непоколебимой любовью к свободе. Из менее респектабельных людей Генри, виконт Бредероде, представляет собой прекрасный тип. Филипп ван Марникс, лорд Сент-Альдегонды, представлял фанатичную партию, в то время как Людовик Нассауский, порывистый брат Вильгельма Оранского, был единственным государственным деятелем среди них. Компромисс. Их взгляды были выражены в

"Компромиссе", документе, который был очень часто подписан католиками, а также протестантами, и в котором говорилось, что злые советники побудили Филиппа учредить инквизицию в нарушение его клятвы, и что они будут сопротивляться этому.

Не похоже, чтобы кто-либо из высшей знати подписал этот Компромисс. Сам Вильгельм Оранский открыто осудил жестокость его тона; однако его влияние, вероятно, прослеживается в более умеренной петиции, которую конфедераты, возглавляемые Бредероде, представили регенту 5 апреля 1566 г. Петиция конфедератов, 5 апреля 1566 г., отправленная в Испанию Бергеном и Монтиньи. В этой петиции, заявляя о своей лояльности, они выразили свои опасения по поводу всеобщего восстания и потребовали отправить послов к Филиппу, чтобы убедить его в необходимости отмены инквизиции и созыва Генеральных штатов с целью смягчения эдиктов. Регент согласился отправить маркиза де Бергена и барона де Монтиньи в Испанию и пообещал тем временем смягчить эдикты. Монтиньи прибыл в Испанию 17 июня. Но Филипп, со своей обычной медлительностью, не удостоил ответа до 31 июля. Затем он пообещал, что инквизиция должна быть упразднена и что он удовлетворится инквизиторскими полномочиями, предоставленными епископам. Высказывались некоторые надежды на то, что суровость эдиктов будет смягчена, и было обещано помилование любому, кого Маргарет сочтет заслуживающим этого, при условии, что они покинут Лигу Конфедератов и окажут поддержку правительству. На созыв Генеральных штатов он ни в коем случае не дал бы согласия.

Нет особых оснований предполагать, что эти условия удовлетворили бы нидерландцев, даже если бы король был искренен. Но теперь мы знаем, что он протестовал в присутствии герцога Альвы, нотариуса и двух юристов, заявив, что, поскольку эти уступки были предоставлены не по его собственной воле, он не чувствует себя связанным ими. Он написал папе римскому о том же и немедленно начал тайные приготовления к отправке Альвы для наказания тех, кому только что было предложено помилование. Тем временем в Нидерландах произошли события, которые, к сожалению, в какой-то мере оправдали поведение Филиппа. Конфедераты во время одной из тех попоек, которыми они были слишком склонны разжигать свой патриотизм, приняли имя Ле Ге, возможно, в намек на замечание Берлаймона о том, что они были не чем иным, как толпой нищих. В июле они провели еще одно собрание в Сен-Тронде, недалеко от Льежа, где, несмотря на противодействие многих католиков, особенно графа Мансфельда, они решили настаивать на полной терпимости и на какой-либо гарантии от мести Филиппа. Собрание конфедератов в Сен-Тронде. Июль 1566 года. 28-го, возглавляемые Людовиком Нассауским, они представили свою петицию регенту, но были плохо приняты; и они были настолько убеждены, что Филипп не будет долго откладывать свою месть, что Людовик продолжил субсидировать отряд наемников в Германии.

В этот момент вспышка неистового фанатизма погубила их дело. Активность и жестокость проповедников, которые в последнее время росли, привели в первые дни августа к реакции "Иконоборчество вызывает реакцию". к серьезной вспышке иконоборчества. Начавшись в Сент-Омере, зараза быстро распространилась, и за две недели только во Фландрии были разграблены четыреста церквей, в то время как в Антверпене у собора отобрали все его сокровища. Изображения, реликвии, святыни, картины, рукописи и книги постигла общая участь. Уцелели лишь несколько южных провинций. К фанатикам присоединились преступные классы, и на какое-то время безраздельно воцарилась анархия. Маргарет, склонившись перед бурей, последовала совету Уильяма. Она пообещала, что реформаторам будет разрешено проводить свои собрания в тех местах, где они проводили их до сих пор, до тех пор, пока король и Генеральные штаты не прикажут иное. Дворяне Конфедерации, пообещав помилование, обязались помочь правительству, и государственным служащим,

разосланным по своим провинциям, удалось — некоторым путем уступок, некоторым с помощью более строгих мер - частично восстановить порядок. Насилие, однако, сделало свое дело. Католики, потрясенные экстравагантностью и ненормативной лексикой бунтовщиков, с отвращением покинули движение. Лютеране, стремясь свалить вину на кальвинистов, к которым они испытывали мало симпатии, последовали их примеру. Эгмонт и Хорн поспешили сплотиться вокруг правительства; даже Вильгельму пришлось казнить некоторых зачинщиков в Антверпене, прежде чем он смог восстановить порядок. Маргарита, воспользовавшись этой реакцией, заняла более смелую позицию и приказала, чтобы города, которым меньше всего можно было доверять, были заняты королевскими гарнизонами, набранными в валлонских и католических провинциях.

Дворяне Конфедерации, которые не были непосредственно замешаны в этих беспорядках, зная, что, тем не менее, они будут привлечены к ответственности, теперь поднялись. Конфедераты восстают, но терпят поражение. Однако, скомпрометированные экстравагантным поведением фанатиков и не совсем готовые действовать заодно с ними, они не смогли заручиться адекватной поддержкой. Вильгельм запретил жителям Антверпена выступать на защиту патриотов, захвативших близлежащую деревню АуSTRUВИЛ (13 марта 1567 года). Они были разбиты королевскими войсками, а их предводитель, брат святой Альдегонды, был убит. 2 апреля Валансьен, отказавшийся впустить королевские войска, был взят; и вскоре регентша стала практически хозяйкой страны, за исключением провинции Голландия и города Антверпен. В главных городах были построены крепости; собрания кальвинистов разгонялись, и многие погибли на эшафоте или от рук безжалостных солдат.

Однако Филипп не был удовлетворен. В течение некоторого времени он был полон решимости заменить Маргарет более сильной рукой, и, несмотря на противодействие своего главного министра, принца Эболи, Филипп решается на жесткие меры. чтобы без промедления отомстить не только виновникам недавних эксцессов, но и более крупной знати, которую он считал ответственной за беспорядки. Об этом намерении Вильгельм Оранский был полностью проинформирован через своих тайных и платных агентов в Мадриде, Вильгельм Оранский удаляется в Нассау. 30 апреля 1567 г. и, отчаявшись в успешном сопротивлении на данный момент, он решил уйти в отставку. Его поведение подверглось суровой критике. Говорили, что если бы он остался и поднял знамя гражданской войны, то жестокое правление Альвы можно было бы предотвратить, или борьба закончилась бы раньше и с более блестящим успехом. Следует признать, что в пользу этой точки зрения есть что сказать. Последующие события показали, что политические и религиозные проблемы в конечном итоге должны быть выявлены; и если это так, то чем раньше это произойдет, тем лучше. Правительство все еще было плохо обеспечено войсками, на которые оно могло бы положиться, и победа в этот момент сплотила бы под знамена принца многих, кто еще не заявил о себе, и все же сделала бы его достаточно сильным, чтобы подавить самых экстравагантных из его сторонников. Уильям, возможно, решился бы на это, если бы Эгмонта можно было убедить переехать. Эгмонт отказывается переезжать. Но Эгмонт был католиком, и движение стало решительно антикатолическим; он все еще помнил примирительное отношение к себе в Испании: он все еще верил в милосердие Филиппа и боялся открытого восстания. Без Эгмонта Уильям не желал предпринимать никаких действий. В душе он был аристократом: он стремился к реформированию должным образом представительного Генерального штаба и испытывал отвращение к господству толпы, которое царило в последнее время. Хотя он, вероятно, к этому времени принял лютеранство, он не испытывал симпатии к кальвинистским догматам и едва ли осознавал их силу как воинствующего кредо тех, кто боролся за политическую свободу. Более того, он оттолкнул кальвинистов своим поведением во время недавних смут,

и было сомнительно, что они искренне сплотятся вокруг него. Наконец, на лютеранских князей Германии нельзя было положиться, и он отчаялся добиться успеха без иностранной помощи. С такими взглядами у него не было другого выхода, кроме как бежать; и после тщетных предупреждений Эгмонта о том, что он опасается, что Филипп просто "строит из него мост, по которому он может попасть в Нидерланды", он укрылся вместе со своим братом и некоторыми другими союзниками в своем графстве Нассау (30 апреля 1567 г.).

Вильгельм ушел, всякому сопротивлению пришел конец. Антверпен открыл свои ворота в день его отъезда в Германию. Бредероде, который выстоял в Виане в Голландии, бежал в Германию, где летом 1568 года умер, став жертвой своего невозддержанного образа жизни; и вскоре после этого вся Голландия покорилась. Церкви теперь были отобраны у кальвинистов; регент издал новый эдикт, который угрожал смертью всем кальвинистским проповедникам и всем, кто участвовал в недавнем кощунственном нападении на церкви. Принц Оранский уехал не слишком скоро. За три дня до того, как он пересек границу, Альва выехал из Испании (27 апреля). Альва отправлен в Нидерланды. Апрель 1567 года. Вопрос об отправке Альвы обсуждался в королевском совете. Руй Гомес, принц Эболи, главный министр Филиппа, и другие настаивали на том, что фламандцев скорее можно победить милосердием, чем оружием. Такого же мнения была и Маргарет, которая сообщила Филиппу, что порядок теперь восстановлен и что все, что нужно, - это "не армия, а бдительная полиция". Филип, однако, был другого мнения. Он с самого начала был недоволен ограничениями, налагаемыми на его деспотическую власть привилегиями и независимым духом нидерландцев, особенно в вопросе налогообложения. Он был полон решимости искоренить там ересь, как он это сделал в Испании. Прежде всего он стремился без промедления отомстить дворянам, которых считал истинными виновниками смуты и главными препятствиями на пути к торжеству произвола. Для этой задачи нельзя было найти более подходящего агента, чем герцог Алва. Жаждавший мести отец воспитал его в войнах с маврами. В возрасте тридцати девяти лет он возглавил армию Карла V. против лютеран при Мюльберге и с тех пор управлял Италией железным жезлом. С возрастом его суровость только возрастала; и теперь, в возрасте шестидесяти лет, хороший полководец, суровый сторонник дисциплины, враг любой политической свободы и узкий фанатик, он был человеком по сердцу Филиппу и мог добиться успеха, если суровость без государственной мудрости могла привести к успеху. Назначенный в первую очередь генерал-капитаном с высшим контролем над военными делами, он был более поздней комиссией от 1 марта 1567 года наделен высшим контролем и над гражданскими делами, и всем властям, включая саму регентшу, было приказано подчиняться его командам. Он должен был расследовать причины недавних беспорядков, предать подозреваемых суду с полным правом наказания или помилования и привести страну к покорности.

С этими обширными силами и с армией численностью около 10 000 человек, в основном состоящей из испанских ветеранов, Альва достиг Генуи 17 мая. Оттуда он двинулся к горе Сени и, перейдя Альпы, двинулся на север. Его продвижение сразу вызвало серьезные опасения у города Женевы и французского двора. Конде, действительно, предложил собрать войска и сокрушить его, когда он развернется с горных перевалов. Но Екатерина отказалась и удовлетворилась тем, что набрала отряд швейцарских католиков для наблюдения за его продвижением. Алва прибывает в Брюссель 22 августа 1567 года.

Маргарет уходит в отставку, декабрь. Альва, однако, старался не давать повода для нападения; соблюдая строжайшую дисциплину, он проследовал через Франш-Конте и Лотарингию в Люксембург. Туда он прибыл 8 августа, а 22-го въехал в Брюссель. Маргарет, обиженная тем, как с ней обошлись, потребовала отозвать ее. Ее просьба была удовлетворена только в декабре 1567 года, но ее власти пришел конец, и даже ее протесты

против тирании и жестокости правления Алвы были проигнорированы. Последовавшие за этим ужасы, возможно, помогли представить ее восьмилетнее правление в слишком выгодном свете. И все же, если сначала она молча согласилась с непопулярными мерами Гранвеллы, то впоследствии присоединилась к более крупной знати и поддержала их требования о некотором смягчении мер инквизиции и о вызове Генерального штаба. Она действительно суровой рукой подавила иконоборцев, но в этом ее поддерживала высшая знать, и, вероятно, она не отмежеввалась бы от их дела. Не обладая большими административными способностями и некоторым недостатком инициативы, она была по-настоящему заинтересована в своей подопечной и верила в лояльность высшей знати и в их пригодность для управления страной. Вероятно, она не стала бы полностью возражать против их просьбы о расширении полномочий Генерального штаба, о реформе Государственного совета и о некоторой терпимости; и, если бы они были удовлетворены, беспорядки могли бы прекратиться. Однако не было никакой перспективы, что Филипп пойдет на такие уступки, и при таких обстоятельствах продолжение ее правления было невозможно.

Не успел Альва добраться до Брюсселя, как план Филиппа быстро развернулся сам собой. Несмотря на протесты Маргариты, валлонские солдаты в главных городах были заменены испанскими солдатами, которые немедленно компенсировали ограничения, наложенные на них во время похода, безрассудной жестокостью и вседозволенностью, о которых сожалел даже Альва. Эгмонт и Хорн, соблазненные честными обещаниями, были арестованы 9 сентября вместе с секретарем Эгмонта Бакерцеллем и Ван Страленом, бургомистром Антверпена. Арест Эгмонта и Хорна состоялся 9 сентября 1567 года. Создан Совет Крови. Нельзя было доверять обычным судам судить таких преступников. Соответственно, Алва создал "Совет его Превосходительства" или "Беспорядков", который стал широко известен как Совет крови. Этот ужасный трибунал номинально состоял из двенадцати судей. Двое из них, Берлаймон и Нуаркармес, были дворянами, а шестеро - юристами страны; но эти восемь действовали только как ассессоры, или заместители комиссаров, и право голоса по этим делам было предоставлено трем испанцам, Хуану де Варгасу, Дель Рио и Ла Торре, а окончательная ратификация их решений оставалась за Алвой, который был президентом. Из этой троицы Хуан де Варгас, председательствовавший в отсутствие Альвы, был негодяем, который, надругавшись над своей подопечной, сиротой в Испании, скрылся от правосудия и заработал иммунитет подчинением воле короля. У него была привычка скрашивать монотонную работу кровью жестокими шутками за счет обвиняемых; в то время как другой судья, Хесселс, который впоследствии пользовался большим влиянием, как сообщается, проснувшись от дремоты в суде, машинально выкрикнул: 'На виселицу, на виселицу'. Чтобы представить жертв для этого суда, комиссары, разосланные по провинциям, арестовали по обвинению в государственной измене всех проповедников или их укрывателей, всех членов кальвинистских консисторий, всех, кто участвовал в разрушении католических или в строительстве протестантских церквей, и всех, кто подписал Компромисс. За исключением более важных случаев, комиссары или местные власти выносили решения, причем пересмотр их приговоров оставался исключительно за самим Советом; и редко, если вообще когда-либо, пересмотр осуществлялся в сторону милосердия. Наказанием была смерть и конфискация имущества, и Алва надеялся из этого источника пополнить истощенную казну. Что касается точного числа жертв, то с уверенностью говорить невозможно. Говорят, Альва хвастался, что за период своего правления он казнил 18 600 человек. Вероятно, это преувеличенное утверждение, но не подлежит сомнению ни то, что жертвы исчисляются тысячами, ни то, что судебные процессы и казни сопровождались всеми изощрениями, какие только может предложить жестокость. Действительно, трудно найти в истории параллель этому безответственному и тираническому суду, который был

создан по простому слову Альвы, даже без авторитета его письменного документа, не говоря уже о королевском ордере, и который нарушил все конституционные привилегии Нидерландов. Альва действительно преуспел в своих замыслах 'заставить каждого мужчину почувствовать, что в любой день его дом может рухнуть с треском'. Под давлением этих жестоких проскрипций волна эмиграции, начавшаяся еще при правлении Маргариты, приняла такие масштабы, что уже в октябре 1567 года был издан указ, угрожающий конфискацией и смертной казнью всем, кто покинет страну или подстрекает к этому других. Это, однако, только усилило панику; и к концу правления Альвы Гранвелла заявил, что в Англии находилось 60 000 беглецов, а в Германии - еще больше.

Однако месть Альвы и его господина не могла быть утолена до тех пор, пока не пали головы самых выдающихся. С момента ареста графов Эгмонта и Хорна, судебное разбирательство против них медленно затягивалось, но в начале лета 1568 года произошли события, которые ускорили руку Альвы. Вильгельму Оранскому и его брату Людовику к концу апреля удалось собрать разношерстные силы из немцев, гугенотов и изгнанников из Нидерландов, и теперь они предприняли тройную атаку в надежде спровоцировать восстание против испанского владычества. Людовик Нассауский выигрывает битву при Хайлигерли. 23 мая 1568 года. Две попытки (Хогстратена на Брабант и Коквиля с его гугенотами на Артуа) провалились, последняя была рассеяна французским корпусом, посланным Карлом IX. Но 23 мая Людовику Нассаускому удалось разгромить отряд испанских солдат при Хайлигерли под командованием графа Аремберга, губернатора Гронингена, который сам пал в бою.

Поражение Хайлигерли ускорило судьбоносный исход двух поединков. Альва, стремившийся лично разобраться с катастрофой, был полон решимости не оставлять их в живых. Эгмонт и Хорн осуждены и казнены. 5 июня 1568 года. Адвокаты заключенных до сих пор откладывали представление своих показаний, вероятно, в надежде, что усилия, предпринятые в пользу их клиентов герцогом Лотарингским, многими немецкими князьями,⁶⁹ и даже самим императором, по крайней мере, обеспечат им суд над орденом Золотого руна, членами которого они были. Однако в этой привилегии им было отказано на том основании, что она не распространялась на обвинения в государственной измене. 1 июня был опубликован указ, объявляющий, что время, отведенное для вызова свидетелей, истекло. На следующий день Варгас и дель Рио признали заключенных виновными в государственной измене, и приговор был утвержден Альвой. Они были осуждены за то, что оказали поддержку дворянам-конфедератам, подписавшим Компромисс; за то, что оказали благосклонность сектантам в своих соответствующих правительствах Фландрии и Артуа, Гелдреса и Зютфена; и за участие в заговоре принца Оранского. 5 июня их повели на казнь на рыночной площади Брюсселя. Несколькими днями ранее секретарь Эгмонта Бакерцелль и бургомистр Антверпена разделили ту же участь после того, как были подвергнуты жестоким пыткам в тщетной надежде выудить у них показания против Эгмонта и Хорна. Тот факт, что суд и осуждение этих двух дворян были вопиюще незаконными, не подлежит сомнению. Это нарушало древнюю привилегию, согласно которой ни один фламандец не должен быть судим иностранным судьей, и право, определенно признанное законом 1531 года, рыцарей Золотого руна судить их собственным орденом, закон, который сам Филипп подтвердил в 1550 году. Более того, суд был созван без королевского ордера, и дело было рассмотрено до того, как подсудимые представили свои доказательства. Также не похоже, что, помимо технических аспектов вопроса, Эгмонт и Хорн были виновны в государственной измене. Как католики, они, безусловно, не испытывали симпатии к сектантам; и это показывает их поведение во время иконоборческих бунтов; и если они косвенно поддерживали движение конфедератов, подписавших "Компромисс", нет никаких доказательств того, что они намеревались взяться за оружие или сбросить испанское иго — или что они делали что-то большее, чем

настаивали, возможно, с несколько чрезмерной горячностью, на конституционных привилегиях своей страны.

Оставался еще один дворянин, крови которого жаждал Филипп. Из двух посланников, отправленных в Испанию в 1566 году (ср. [стр. 327](#)), маркиз Берген умер в мае 1567 г. Монтины был осужден и тайно казнен в Испании. Март 1570 года. В сентябре следующего года, как только в Испании стало известно об аресте Эгмонта и Хорна, компаньон Бергена, барон де Монтины, брат графа Хорна, был схвачен. Но только в феврале 1569 года против него было возбуждено судебное разбирательство. Результаты допроса, которому он затем был подвергнут, были отправлены Совету Крови, который после годичной задержки приговорил его к смертной казни (4 марта 1570 г.), не дав ему возможности защитить себя. Приговор держался в секрете, и в конце концов Филипп приказал, чтобы его тайно казнили в Испании. Это было представлено несчастному как акт милосердия, посредством которого он был бы спасен от унижения публичной казни, в то время как публично было объявлено, что он умер естественной смертью. Однако его имущество, как и имущество маркиза Бергена, было конфисковано. Секрет хранился настолько успешно, что об этом акте вероломства и тирании никто не знал до 1844 года, когда испанское правительство предоставило доступ к архивам Симанкаса. Теперь Филипп мог тешить себя надеждой, что избавился от всех своих врагов, но Гранвель с более проницательным взглядом заметил, что "поскольку они не поймали Уильяма, они не поймали ничего".

После трагедии на рыночной площади Брюсселя Альва выступил против Людовика Нассауского и 21 июля нанес ему поражение в битве при Еммингене. Людовик Нассауский потерпел поражение при Еммингене. 21 июля 1568 года. Напрасно Вильгельм Оранский пытался исправить это несчастье. Несмотря на прямой приказ императора Максимилиана, который пытался выступить посредником, он пересек Маас 5 октября 1568 года и вошел в Брабант с отрядом немецких наемников, к которым впоследствии был добавлен отряд гугенотов под командованием графа де Жанлиса. Бесплодная экспедиция Вильгельма Оранского. Октябрь 1568 года. Преимущество Оранского над своим противником было просто в численности, но ни в чем другом. Альва избежал серьезного сражения и со своими ветеранами полностью перехитрил плохо дисциплинированные войска Уильяма, которые вскоре стали проявлять неподчинение и начали дезертировать. Ни один город не открыл своих ворот; и принц, обескураженный отсутствием поддержки, которую он получил, был вынужден отступить в Страсбург, откуда, распустив большую часть своих никчемных войск, он и его брат присоединились к Колиньи и приняли участие в кампании 1569 года во Франции.

Экспедиции Вильгельма и Людовика были преждевременными. Нидерланды, напуганные недавним царством террора и всегда медлительные в действиях, не откликнулись на их призыв, и Алва чувствовал себя в такой безопасности, что решил предоставить Филиппу осязаемые доказательства своего успеха. Он долго говорил о 'потоке глубинных сажений' богатства, который он заставит потечь из Нидерландов. Финансовая тирания Алвы. Конфискации нелояльных не оправдали его ожиданий, и теперь он предложил обложить налогом всеобщее богатство. В марте 1569 года, в спешном порядке собрав поместья в каждой провинции, он потребовал налога в размере одного процента. на все имущество, движимое и недвижимое, налог в размере пяти процентов. с каждой продажи земельной собственности и один из десяти процентов. с каждой продажи движимого имущества. Первые два были достаточно тяжелыми, но третий означал не что иное, как запрет на всякую торговлю. Прежде чем товар попадет в руки потребителя, он должен был бы уплатить налог по меньшей мере четыре раза — сначала как сырье; затем, когда он переходил от

производителя к оптовому дилеру; снова, когда он продавался розничному дилеру; и, наконец, когда он был куплен потребителем. Абсурдность этого налога была очевидна всем, кроме Алвы. Виль и даже Берлаймон и Нуаркарм пытались отговорить его от его намерения; и, хотя большинство провинциальных собраний, вдохновленных страхом, сначала согласились, противодействие Утрехта, которому вскоре подражали, вынудило Алву отложить приведение его в исполнение на два года в обмен на указанную сумму. В июле 1570 года была объявлена амнистия, хотя и с таким количеством исключений, что это делало ее необязательной; и как только Алва по истечении двухлетней отсрочки попытался ввести ненавистный налог (31 июля 1571 года), поднялась буря сопротивления. Напрасно Алва предлагал снизить налог на сырье, а также на кукурузу, мясо, вино и пиво. Несмотря на угрозу штрафа для тех, кто отказывался продавать, торговцы отказывались заключать сделки, магазины закрывались, торговля застопорилась, должники не могли расплатиться со своими кредиторами, и многие банки разорились. Бедствие, вызванное отсутствием работы, также усугубилось в северных провинциях страшным наводнением, вызванным северо-западным штормом, который разрушил дамбы зимой 1570 года. Численность "диких нищих" — и без того значительная — серьезно возросла, в то время как испанские войска, разъяренные из-за своего жалованья, которое Алва был не в состоянии обеспечить, с каждым днем становились все более непокорными. Теперь слова Маргарет сбылись. 'Этот человек,' сказала она, - настолько ненавистен народу, что опозорит само имя испанца'. Даже сам Альва признал, что все отвернулись от него, и потребовал его отзыва. Филипп, осведомленный о всеобщем недовольстве, в сентябре 1571 года назначил герцога Медина Чели преемником Альвы, но его любовь к проволочкам привела к задержке, и герцог еще не покинул Испанию, когда пришло известие, что Брилле схвачен "Морскими попрошайками".

Из тех, кто бежал от тирании Альвы, некоторые ушли в море и вели организованную пиратскую деятельность против испанской торговли. Брилле захвачен "Нищими". 1 апреля 1572 года. Хотя общий страх перед Гизами привел к дружеским отношениям между Филиппом и Елизаветой в начале ее правления и все еще предотвращал открытую вражду между ними, Елизавета, особенно после свержения Марии Стюарт при Карберри-Хилл (июнь 1567 г.), молчаливо одобряла нападения английских моряков на испанские поселения и торговлю, укрывала голландских каперов и даже позволяла им продавать награбленное на английских рынках. В 1568 году она фактически захватила генуэзский заем, который был на пути в Нидерланды. Филипп в отместку поддержал заговор Ридольфи 1571 года в пользу Марии, королевы Шотландии, и герцога Норфолка. Заговор действительно провалился, но в этот момент Елизавета не стремилась открыто бросать вызов испанцу. Поэтому она приказала голландским каперам, находившимся в то время под командованием Уильяма де Ла Марка, известного и беспринципного флибустьера, покинуть берега Англии. Флот из двадцати четырех судов соответственно вышел в море, и Ла Марк, атаковав испанский торговый флот, который он встретил в ла-Манше, внезапно захватил город Бриль в устье Мааса (1 апреля 1572 г.). Захват Брилля не был санкционирован Вильгельмом Оранским, который еще не был готов к активным операциям, и поначалу это не было чем-то большим, чем временный рейд. Тем не менее, это был первый акт восстания в Нидерландах. Вест о подвиге 'Нищих' распространилась со скоростью пожара. Всеобщее восстание в Северных провинциях. Флашинг, откуда открывается Шельда, восстал первым; вскоре за ним последовал Энхейзен, испанский арсенал на Зюйдер—Зее, а вскоре за ним главные города Голландии и Зеландии, за исключением Амстердама и Миддлбурга, а также города Гельдерланда, Оверисселя, Утрехта и Фрисландии, заявили о поддержке принца Оранского.

С этого времени восстание в Нидерландах становится тесно связанным с более широким кругом европейской политики, а также с дипломатическими отношениями великих держав

Франции, Испании и Англии. Как более полно объясняется в главе о религиозных войнах во Франции (стр. 411, 429), французы поддерживают повстанцев. политика французского двора в этот момент была направлена на поддержку Нидерландов. После заключения Сен-Жерменского мирного договора (август 1570 г.) Колиньи находился у власти и убедил Екатерину и ее слабого сына Карла IX отвлечь внимание французов от их гражданских и религиозных проблем дома, возродив дремлющую враждебность к Испании. Даже Елизавета Английская, разгневанная поддержкой, которую Филипп оказал заговору Ридольфи, и стремящаяся предотвратить либо страшный союз Франции и Испании, либо включение какой-либо части Нидерландов во Францию, прислушалась к этим планам и вынашивала идею выйти замуж за Анжу или его брата Алансона, которому должен был быть предложен суверенитет Нидерландов. Вильгельм Оранский горячо поддержал союз с Францией; и результатом переговоров стало взятие Монса, Людовик Нассауский берет Монс. 24 мая 1572 года. столица Эно была взята 24 мая Людовиком Нассауским при поддержке войск гугенотов под командованием графа де Жанлиса. 15 июля дворяне и депутаты из шести городов северных провинций встретились в Дорте. Все еще признавая суверенитет Филиппа, они признали Вильгельма своим штатгальтером, выделили ему денежную сумму и дали полномочия принимать меры по освобождению страны от испанской тирании. Вильгельм, уверенный в поддержке северных провинций и верящий в сотрудничество французов, уже 7 июля переправился через Рейн с намерением поднять южные провинции. Однако его ожидало горькое разочарование. Генлис потерпел поражение при Монсе. 19 июля. 19 июля Генлис потерпел поражение и был взят в плен при попытке освободить Монс, который был захвачен сыном Алвы; и хотя наступление Уильяма в следующем августе было хорошо встречено большинством южных городов, его надежды внезапно рухнули из-за известия о резне Святого Варфоломея (24 августа 1572 г.).

Причины этого поразительного переворота в политике французского двора рассматриваются в другом месте (ср. стр. 413 и далее). Нас здесь интересует его влияние на борьбу в Нидерландах. Изменение политики французского двора. Известие о Варфоломеевской резне обрушилось на Вильгельма Оранского 'подобно удару кувалды'. Последствия Варфоломеевской резни. Он действительно продолжил свой поход на смену Монсу, но Алва, принявший командование 27 августа, по своему обыкновению избежал крупного сражения; войска Вильгельма, обескураженные дезертирством французов, стали проявлять неповиновение; самого принца от внезапной ночной атаки спасла только бдительность его спаниеля, и он был вынужден отступить в северные провинции. Людовик Нассауский, покинутый своим братом и больше не надеявшийся на помощь Франции, капитулировал 19 сентября. Падение Монса. Сентябрь. 19. Его войскам было позволено отступить, несмотря на вероломную просьбу Карла IX. что они должны быть разбиты на куски, но с городом жестоко обошлись в нарушение условий капитуляции. Падение Монса решило судьбу южных провинций. Город за городом возвращались к своей верности и допускались к помилованию, за исключением города Мехлин. Сокращение Южных провинций. Этот процветающий город, чтобы он мог служить примером, был отдан на три дня на разграбление по приказу Альвы; церкви и монастыри были безжалостно разграблены, и от рук жестоких солдат пострадали как католики, так и протестанты.

Борьба вокруг Монса, по крайней мере, дала северным провинциям время укрепиться, и принц Оранский удалился в Голландию, чтобы организовать сопротивление. Теперь план Алвы состоял в том, чтобы попытаться изолировать восстание, захватив главные города на севере, и таким образом поместить недовольные провинции между двух огней. Кампания донна Фредерика на Севере. Выполнение работ было поручено его сыну, дону Фредерику. Зютфен был взят, а его гарнизон предан мечу. Провинции Гельдерланд, Овериссель и

Гронинген покорились, и дон Фредерик двинулся на запад, в Голландию, где Амстердам был единственным городом, удерживаемым испанцами. Сравнив с землей небольшой городок Наарден в нарушение условий, на которых он капитулировал, дон Фредерик осадил важный город Харлем. Осада Харлема. 9 декабря– 14 июля. Город расположен на самой узкой части перешейка, отделяющего Зюйдер-Зее от Немецкого океана, ширина которого в этом месте составляет всего пять миль. Его оккупация испанцами привела бы к полной изоляции северной части Голландии. Альва, полностью осознавая стратегическое значение города, приказал своему сыну, у которого было 30 000 человек, взять его во что бы то ни стало. Задача, однако, оказалась чрезвычайно серьезной. С востока город был защищен большим, хотя и неглубоким озером Харлем, а по суше к нему можно было подступиться только с запада. Жители, предупрежденные опытом Зутфена и Наардена, что они не могут ожидать пощады, решили сопротивляться до последнего; и хотя гарнизон составлял всего около 4000 человек, испанцам потребовалось более семи месяцев, прежде чем они смогли взять город (9 декабря– 14 июля). Осада была отмечена большой жестокостью с обеих сторон; и после капитуляции город превратился в руины, более 2000 человек были хладнокровно убиты. Говорят, что известие о падении Харлема подняло Филиппа с одра болезни, но город был завоеван дорогой ценой. Дон Фредерик потерял 12 000 человек, и жестокость победителей только подстегнула нидерландцев к еще большим усилиям. 'Наши города,' сказал Вильгельм, 'поклонились друг другу выдержать любую осаду, отважиться на все, перенести все возможные страдания, да, скорее поджечь все наши дома и погибнуть вместе с ними, чем когда-либо подчиниться указам этого жестокого тирана'. Действительно, можно сказать, что независимость Голландии была завоевана в результате обороны Харлема. Через пятнадцать дней после падения города испанские солдаты, разъяренные задержкой жалования, подняли мятеж. Разгром испанского флота у Энкхейзена. Они были умиротворены обещанием разграбления города Алкмар, если им удастся его взять, но этого им не удалось сделать; и 11 октября Алва потерпел еще более серьезное поражение, уничтожив свой флот у Энкхейзена.

Филипп, обескураженный неспособностью подавить восстание и осыпанный со всех сторон жалобами на дьявольскую жестокость и неспособность Альвы, после долгих колебаний решил сместить его. Герцог де Медина Чели находился в Нидерландах с июня 1572 года; но, поскольку считалось неразумным менять хозяев в такой критический момент, он воздержался от передачи бразд правления и оставался очень недружелюбным критиком администрации Альвы до августа 1573 года, когда он вернулся в Испанию, чтобы увеличить число тех, кто осуждал политику неизбирательной мести. Наконец, 17 ноября новый вице-губернатор Альва был заменен Рекесенсом. 17 ноября 1573 г. Дон Луис де Рекесенс, великий командующий Сантьяго, прибыл в Брюссель. Алва покинул страну, как он горько жаловался, не получив одобрения короля, в то время как навлек на себя всеобщее отвращение "как к католикам, так и к протестантам, как к духовенству, так и к мирянам". Тирания и свирепость его правления почти превосходят всякое представление. Все формы пыток, какие только могла изобрести изобретательность, были применены к его несчастным жертвам, и он навсегда останется в истории как воплощение дьявольской жестокости. И все же следует, по крайней мере, признать, что политика, которую он проводил, была по душе Филиппу во всем, кроме ее провала, и что ему, по крайней мере, удалось восстановить власть короля в южных провинциях.

Это было общепризнанное намерение нового генерал-губернатора отказаться от системы массовых запретов, проводимой Алвой, и попытаться вернуть Нидерланды с помощью примирительных мер. Военные события 1574 года.
Взятие Миддлбурга, 24 февраля.

Поражение при Мукер-Хейде, 14 апреля.

Осада Лейдена, ноябрь 1573- 3 октября 1574. Тем не менее, поначалу его внимание было неизбежно направлено на военные дела. На севере дело патриотов процветало. 21 февраля 1574 года Мондрагон, удерживавший важный город Миддлбург, был вынужден капитулировать, и таким образом весь остров Вальхерен, господствующий над двумя устьями Шельды, был окончательно потерян для Испании; в то время как город Лейден, который был осажден с ноября 1573 года, все еще удерживался принцем Оранским. Эти успехи на севере были, однако, сведены на нет ужасной катастрофой при Мукер-Хейде на Маасе (14 апреля 1574 г.). Здесь Людовик Нассауский, пытавшийся пробиться к своему брату во главе разношерстного отряда французских и немецких наемников, был полностью разбит испанским генералом Санчо де Авила. Сам Людовик со своим братом, графом Генрихом, и герцог Кристофер, сын курфюрста Палатинского, были среди убитых. Смерть Людовика, "нидерландского баярда", была серьезным ударом для Вильгельма, который к этому времени потерял на поле боя трех братьев; ⁷⁰ и Рекезенс, с трудом подавив серьезный мятеж войск-победителей, приказал реинвестировать Лейден (26 мая 1574 г.), который был приостановлен из-за наступления Людовика. По мнению Рекезенса, религия имела мало общего с восстанием. Соответственно, он предложил всеобщую амнистию всем, за несколькими исключениями, кто вернется к Матери-Церкви. Но хотя эта точка зрения Великого командующего была достаточно правильной в отношении первоначальных причин восстания, ситуация изменилась, во всяком случае, в северных провинциях. Там быстро проявлялось религиозное и политическое недовольство, и уже летом 1572 года Уильям пожаловался на жестокость, применяемую патриотами к священникам и монахам. Поэтому предложения генерал-губернатора были отклонены, и с криком: 'Лучше турки, чем паписты, лучше утонуть, чем быть взятыми в плен', жители Лейдена приготовились держаться до последнего вздоха. Все надежды на помощь по суше были разрушены поражением при Мукер-Хейде. Тем не менее, море осталось. Это действительно было в пятнадцати милях отсюда; но дамбы были прорублены; и после долгой и тревожной задержки ветер переменился на северо-западный; два яростных шторма 18 сентября и 1 и 2 октября помогли обрушить воды океана на сушу и позволили флоту адмирала Буазо приблизиться. Испанцы во главе со своим командиром Вальдесом обратились в бегство при наступлении этого нового врага, и город был спасен (3 октября).

Освобождение Лейдена, самый блестящий успех войны — успех, отмеченный основанием университета, - убедительно доказал, что, хотя испанцы могли побеждать на суше, они не могли сравниться с "Морскими попрошайками" везде, где мог плавать корабль. Пока продолжалась эта памятная осада, Рекезенс пытался примирить южные провинции. Собрание сословий Брабанта. Июнь 1574 года. 7 июня в Брюсселе состоялось собрание сословий Брабанта. Было опубликовано упомянутое выше королевское помилование, обещано упразднение Совета Крови и налог в размере десятой копейки. Сословия, недовольные этим, требовали вывода испанских войск, отстранения иностранцев от должностей и восстановления муниципальных привилегий городов, в то время как они были скупы на денежные предложения. Рекезенс не имел полномочий удовлетворить эти требования, и попытку полного восстановления королевской власти на юге пришлось отложить. Альтернативой было заключение мира с Вильгельмом и северными провинциями. С этой целью переговоры начались еще прошлой осенью, и, наконец, в марте 1575 года в Бреде была проведена конференция. Конференция в Бреде. Март–июль 1575 года. Уполномоченные, назначенные сословиями Голландии и Зеландии, потребовали увольнения иностранца, созыва генеральных штатов всех провинций и терпимости к кальвинистским взглядам. Королевские уполномоченные предложили распустить иностранных солдат, если принц распустит немецких и других иностранных наемников, находящихся у него на службе,

и они согласились на созыв Генерального штаба. Они, однако, потребовали, чтобы в обмен на гарантию королевского указа и обещание императора о том, что королевские обещания будут выполнены, принц предоставил заложников и сдал некоторые из самых важных городов, которые он удерживал. Таким образом, Уильям вряд ли лишил бы себя эффективных средств сопротивления, и соглашение было крайне маловероятным на таких условиях, даже если бы религиозные трудности не представляли непреодолимого препятствия. Максимум, что могли предложить королевские уполномоченные, - это разрешить тем, кто не захочет возвращаться в католическую церковь, продать свое имущество и покинуть страну. Рекезенс, сам отчаявшийся в заключении мира на таких условиях, сделал Филиппу любопытное предложение передать Нидерланды какому-нибудь другому правителю, который не испытывал бы таких же угрызений совести в отношении терпимости. 'Они могут быть обменены на Пьемонт у герцога Савойского или переданы второму сыну Филиппа'. "Моему сыну — никогда", - написал Филипп на полях депеши. "Я бы предпочел, чтобы он был нищим, чем еретиком". И в своем ответе Рекесенсу он предположил целесообразность последовать последнему совету Алвы сжечь все города, которые невозможно удержать; затем, тайно соблазнив приверженцев принца получить прощение, убив их господина, он впал в один из своих долгих периодов молчания. В этих обстоятельствах мир был явно невозможен. Переговоры были прерваны в июле 1575 года, и Рекезенс с тяжелым сердцем, с взбунтовавшейся солдатней, пустой казной и разоренным кредитом приготовился к дальнейшим операциям.

Тем временем Голландия и Зеландия предприняли шаги по созданию союза и реорганизации правительства. В последнее время со стороны бюргерской аристократии наметилась тенденция ограничивать власть принца. Возросшие полномочия принца Оранского. Но он отказался принять на себя ответственность за правление в таких условиях; и соответственно, в июне 1575 года ему была доверена абсолютная власть во всех вопросах, касающихся обороны страны, подчиняющаяся только власти кошелька, которая была зарезервирована за Сословиями. Магистраты и другие должностные лица должны были назначаться им из списка, предоставленного Сословиями. Сословия также потребовали, чтобы он пресек открытое исповедание 'римской религии'. Уильям, однако, настоял на замене этих слов словами "любая религия, расходящаяся с Евангелием". Этот пункт, даже с внесенными в него поправками, очень ясно показывал, что религиозный вопрос все больше и больше выдвигался на передний план, и трудность любого компромисса по этому вопросу не только с королем, но и с теми южными провинциями, где католицизм был силен. В октябре того же года поместья Голландии и Зеландии предприняли еще более решительный шаг. До сих пор они объявляли себя верноподданными короля Филиппа; теперь они решили оставить короля и добиваться верховной власти какого-нибудь другого принца. Но их усилия не увенчались успехом. Елизавета, которой они первой предложили верховную власть, вела свою обычную игру. Она милостиво выслушала их предложения; она разрешила им закупать оружие и набирать солдат за свой счет в Англии; но по вопросу о суверенитете она отложила свое решение 'до тех пор, пока не сделает все, что в ее силах, чтобы добиться соглашения между ними и их королем' (апрель 1576 г.). Предложение, сделанное при французском дворе герцогу Алансонскому, не имело большего успеха; и пока продолжались эти бесплодные переговоры, патриоты потерпели серьезное поражение на севере Зеландии. Из трех островов, Толена, Дуйвеланда и Схоувена, лежащих между северным устьем Шельды и Мааса, последний оставался в руках испанцев. Мондрагон удерживает острова Дуйвеланд и Схоуven. Октябрь 1575—июнь 1576. В сентябре 1575 года оттуда была предпринята атака под предводительством Мондрагона и при поддержке флота на Дуйвеланд, который был взят в октябре. Затем была произведена высадка десанта на Шувен, и город Зирикци был осажден, который пал в июне следующего 1576 года. Благодаря этому отважному подвигу Мондрагона

островная провинция Зеландия была разделена надвое, и северный выход Шельды стал господствующим.

В разгар этого мимолетного успеха Рекезенс внезапно скончался от лихорадки, усугубленной тревогами на его посту (5 марта). Смерть Рекезенса, 5 марта 1576 г., за которой последовало восьмимесячное междуцарствие. Филипп позволил пройти нескольким месяцам, прежде чем окончательно определился со своим преемником. Тем временем Государственный совет продолжал управлять страной. Из старых членов остались только герцог Эршо, граф Берлаймон и Виль. К ним были добавлены несколько нидерландцев и один испанец, Жером де Рода; в то время как графу Мансфельду, немцу, было доверено верховное военное командование. Хотя Государственный совет, таким образом, был сформирован почти исключительно из местных жителей, его администрация все еще была очень непопулярна. Эршо был тайным сторонником Вильгельма. Два других первоначальных члена были связаны с кардиналом Гранвеллой, а Берлаймон, кроме того, был одним из судей Совета крови. Несмотря на желание большинства кардинально изменить политику, Совет был разделен, ему не хватало возможностей и абсолютно не хватало средств. Прежде всего, он потерпел неудачу в поддержании дисциплины в испанских войсках. Как только пал город Зирикци (21 июня), солдаты, разъяренные из-за задолженности по жалованью, снова взбунтовались, покинули Мондрагон и покинули Зеландию, направляясь в Брабант (15 июля). Мятеж быстро распространился, и вся Фландрия была захвачена. Возмущение и страх, вызванные таким образом, побудили поместья Брабанта, находившиеся тогда в Брюсселе, принять меры самозащиты. Восстание испанских солдат. Июль 1576 года. 26 июля они вынудили дрожащий Государственный совет издать указ против мятежников. Затем они угрожали испанцам в городе, ввели войска и, наконец, 4 сентября арестовали самих членов Совета. Это только еще больше разозлило солдат. Офицеры, и без того ревниво относившиеся к назначению Мансфельда, теперь, за редким исключением, объединились со своими мятежными войсками, особенно с Санчо де Авилей, который командовал цитаделью Антверпена. Многие немецкие и валлонские наемники присоединились к нему, в то время как Де Рода, летевший из Брюсселя в Антверпен, объявил себя единственным представителем короля и открыто поддержал д'Авилу. Мятежники теперь удерживали цитадели почти во всех важных городах юга, за исключением Брюсселя, и во многих случаях овладели самими городами, с которыми они обращались с большой жестокостью. Тем временем "оранжевые" воспользовались возможностью, чтобы попытаться привлечь на свою сторону южные провинции. Хотя религиозные разногласия между севером и югом в последнее время усилились, все они были, по крайней мере, едины в своем желании изгнать чужеземцев, особенно иностранных солдат, и восстановить свои политические привилегии. Уильям, апеллируя к этому общему мотиву, призвал их забыть обо всех разногласиях и с единым сердцем и волей трудиться ради освобождения своей страны. Вдохновленные его волнующими словами, делегаты от сословий южных провинций прибыли в Гент в середине октября, чтобы посоветоваться с представителями, присланными сословиями севера. Едва началось их совещание, как ярость мятежников достигла своего апогея. 4 ноября войска в Алосте двинулись на Антверпен, объединились с гарнизоном под командованием д'Авилы, разгромили немецкие и валлонские полки, присланные поместьями Брабанта для удержания города, и с криками: 'Святой Яго, Испания, огонь, убийства и мародерство' обрушили свою месть на город. Мятежники разграбляют Антверпен. 4 ноября 1576 года. Католики и протестанты, местные и иностранные торговцы, женщины и дети, бедные и богатые подвергались нападениям без какой-либо дискриминации. Восемь тысяч человек были убиты; лучшие здания сожжены; имущество стоимостью в двенадцать миллионов было разрушено или конфисковано; и Антверпен, богатейший город Нидерландов и "одно из украшений Европы", стал "самым заброшенным городом христианского мира".

Разграбление Антверпена послужило, по крайней мере, делу Вильгельма. 8 ноября делегаты северных и южных провинций, собравшиеся в этом городе, подписали соглашение об умиротворении Гента. Умиротворение Гента. 8 ноября 1576 года. По этому знаменитому договору было решено, что испанцы должны быть любой ценой изгнаны из Нидерландов и что должны быть созваны генеральные штаты всех провинций для принятия мер по обеспечению общей безопасности и будущего правительства. Принц Оранский должен был оставаться лейтенантом, адмиралом и генералом его Величества в Голландии и Зеландии. Между провинциями должна быть свобода торговли и сообщения. Все заключенные должны быть освобождены, а все конфискованное имущество возвращено. Действие плакатов и постановлений против ереси должно быть приостановлено до тех пор, пока Генеральные штаты не примут решения по этому вопросу. Однако не следует нападать на католическую религию за пределами провинций Голландия и Зеландия, и если имущество прелатов и других священнослужителей на севере было отчуждено, это не должно быть сделано без компенсации. Наконец, ни одна провинция не должна была пользоваться преимуществами этого договора до тех пор, пока она не объявит о своем присоединении. Установление мира в Генте было встречено с энтузиазмом всеми Нидерландами; и, хотя религиозная проблема была скорее отложена, чем решена, казалась разумной перспектива того, что и католики, и протестанты наконец объединятся на основе взаимной терпимости, чтобы сбросить испанское иго. За умиротворением сначала последовали обнадеживающие результаты. 11 ноября испанский гарнизон сдал цитадель Гента. Город Валансьен был куплен у немецкой солдатни, благодаря Успехам патриотов. и в то же время острова Шоувен и Дуйвеланд были покинуты Мондрагоном. Вся Зеландия, за исключением Толена, снова была свободна от испанского владычества. Вскоре после этого Фрисландия и Гронинген были возвращены национальной партией; а в январе 1577 года умиротворение Гента было подтверждено Брюссельской унией, которая была неоднократно подписана во всех провинциях, за исключением Люксембурга.

Тем временем прибыл новый губернатор. За день до Антверпенской резни и за четыре дня до публикации Гентского мирного договора дон Джон Австрийский прибывает в Люксембург. 3 ноября 1576 года. незаконнорожденный сын Карла V. въехал в Люксембург, пересекши Францию в костюме мавританского раба. Филипп наконец-то решился склониться перед бурей. Он надеялся, что демонстративным примирением и восстановлением правительства в том состоянии, в котором оно находилось после смерти Карла V. Он сможет обеспечить себе власть короны и исключительное исповедание католической религии и в то же время восстановить послушание Нидерландов. Дон Джон казался вполне пригодным для проведения этой политики. Великая, хотя и несколько незаслуженная репутация, которую он приобрел благодаря подавлению мавританского восстания в Гранаде и победе при Лепанто, его императорское происхождение, очаровательные манеры сделали его повсеместно популярным, и он приступил к выполнению своего поручения со всем энтузиазмом баловня судьбы и двадцатидевятилетнего молодого человека.⁷¹ Его амбиции не ограничивались Нидерландами. Он мечтал, после быстрого разрешения возникших трудностей, либо жениться на Елизавете Английской, либо свергнуть эту королеву-еретичку и взойти на трон в качестве мужа ее соперницы Марии, королевы Шотландии. Однако вскоре его грубо разбудили. Он даже не осмелился покинуть Люксембург и был вынужден довольствоваться переговорами оттуда с Генеральными штатами. Это собрание, предупрежденное принцем Оранским не доверять обещаниям, потребовало следующих уступок в качестве платы за их послушание (6 декабря 1576 г.): испанские войска должны быть немедленно выведены; все заключенные должны быть освобождены; и Гентский мирный договор должен быть

подтвержден. По крайней мере, одно из этих требований - увольнение испанских солдат - дон Джон был готов удовлетворить. И все же, осуществляя свой план вторжения в Англию, он хотел, чтобы они отправились морем и чтобы для этой цели были предоставлены корабли. Сословия, не знавшие об этом плане, подозревали какое-то будущее покушение на Нидерланды и настояли на своем отъезде по суше. Филипп безапелляционно распорядился о размещении, а дон Джон - о Бессрочном эдикте. 17 февраля 1577 г. вынужденный отказаться от планируемого вторжения в Англию, подписал Бессрочный эдикт 17 февраля 1577 г. Испанские солдаты должны были уйти по суше; все заключенные должны были быть освобождены с обеих сторон; все привилегии и хартии должны были быть подтверждены, и должны были быть созданы Генеральные штаты, как это было во времена Карла V. На этих условиях восставшие провинции обещали признать дона Иоанна генерал-губернатором, сдать крепости, которые они удерживали, распустить свои собственные войска и принести присягу поддерживать католическую религию.

Испанские солдаты ушли в конце апреля, и дон Джон, войдя в Брюссель 1 мая, поначалу добился такого успеха в своей политике примирения, что Дон Джон входит в Брюссель. 1 мая 1577 года. что он, похоже, добавит умиротворение Нидерландов к другим своим лаврам. Но, помимо внутренней трудности попытки, на его пути стояли два роковых препятствия — осторожность его врага Вильгельма Молчаливого и подозрительность его хозяина. Уильям был сбит с толку подписанием Бессрочного эдикта, который был подписан без его одобрения или одобрения его заместителей. Он не ожидал, что дон Джон окажется таким уступчивым, иначе он выдвинул бы свои условия. Уильям отвергает Бессрочный эдикт. Из перехваченных им писем следовало, что у него были веские основания не доверять искренности испанца, и он знал, что мир на таких условиях означал бы его собственную гибель. Соответственно, он отказался признать Эдикт или опубликовать его в провинциях Голландия или Зеландия, и теперь он приступил к принятию мер против него. Он обратился к низшим классам и возбудил их сопротивление; он вступил в переговоры с Англией и Францией и даже составил заговор, чтобы заручиться личностью дона Джона. С другой стороны, дон Джон слушал о планах убийства принца, в то время как он писал Филиппу, называя нидерландцев "пьяницами и винными бурдюками" и призывая его готовиться к войне. Наконец, 10 июля генерал-губернатор отправил своего секретаря Эсковедо в Мадрид, чтобы тот изложил свои взгляды испанскому королю. К сожалению, Филипп тем временем испытывал глубокую ревность к своему сводному брату. Он подозревал его в каком-то замысле против правительства или короны Испании - подозрения Филиппа в отношении дона Джона. подозрение, которое старательно поддерживал Антонио Перес, его министр и доверенный советник. Поэтому заявления Эсковедо были проигнорированы, настоятельные просьбы дона Джона о совете или помощи оставались без ответа более трех месяцев, а в марте следующего года сам Эсковедо был убит по приказу Переса и при попустительстве короля.

Блестящие мечты дона Иоанна действительно были грубо рассеяны, и когда 23 сентября Вильгельм Оранский после восемнадцатилетнего отсутствия вступил в Брюссель, столицу Брабанта, это вызвало разлад в Нидерландах. казалось, что скоро все Нидерланды будут потеряны для Испании. Но близкая перспектива успеха лишь возродила те чувства разобщенности и личной зависти, которые были временно отброшены под давлением испанской тирании. Следует помнить, что северные провинции лишь недавно были объединены с южными. Из южных провинций те, что лежали ближе всего к Голландии и Зеландии, были населены людьми действительно родственной расы, но говорившими на другом диалекте, фламандском; в то время как в более южных и восточных провинциях было сильное влияние романской крови, а общий язык - французский. Эти расовые различия и

прошлая история были проиллюстрированы религиозными пристрастиями людей. На севере преобладала протестантская религия, на юге - католическая, и теперь, когда страх перед Испанией пошел на убыль, с обеих сторон начал проявляться узкий дух нетерпимости. К этим причинам разобщенности мы должны добавить олигархическую зависть южной знати, в основном католического толка, к растущему значению и демократическим пристрастиям принца Оранского — зависть, которая привела к странной идее предложить пост генерал-губернатора эрцгерцогу Матиасу, брату императора Рудольфа, при условии более полного одобрения короля Филиппа. Эрцгерцог Матиас избран губернатором. 18 января 1578 года. Однако ловкость Вильгельма позволила ему обратить этот ход своих противников в свою пользу. Он открыто поддержал кандидатуру эрцгерцога, который был избран генерал-губернатором 18 января. Тем временем восстание в Генте против недавно назначенного губернатора, герцога Эршота, одного из тех, кто призвал эрцгерцога Матиаса, — восстание, тайно одобренное Вильгельмом, — показало, что последний пользовался поддержкой низших классов. И Матиас, боясь выступить против столь популярного человека, не только подтвердил его избрание "Рувартом" Брабантским, должность, которую обычно занимал наследник правящего принца, и штатгальтером Фландрии, но признал его своим генерал-лейтенантом и пообещал править с согласия Генеральных штатов и Государственного совета. В то же время, благодаря Новому или более тесному Союзу Брабанта, католики и протестанты обязались уважать и защищать друг друга от всех врагов, какими бы они ни были.

Однако, пока Вильгельм таким образом расправлялся с теми группировками, которые угрожали погубить его дело, испанцы снова готовились к войне. Филипп, наконец очнувшийся от своей странной апатии, приказал испанским ветеранам возвращаться из Италии. Усиленный этими войсками, которыми командовал Александр Пармский, и другими войсками из Франции под командованием Мансфельда, дон Джон выступил против плохо дисциплинированной армии Штатов и, благодаря умелому полководчеству Александра, нанес поражение Жамблуру. 31 января 1578 г. нанес им сокрушительное поражение при Жамблуре, близ Намюра. Победа закрепила за собой долину реки Самбр, вынудила Вильгельма и эрцгерцога покинуть Брюссель и пошла далеко, разрушив дело свободы в южных провинциях. Однако на севере обратная сторона Гемблур скорее способствовала продвижению интересов Уильяма. В марте его брат, граф Джон, был избран губернатором важной провинции Гельдерланд; а в мае сторонникам принца удалось свергнуть католических магистратов Амстердама и таким образом закрепить столицу Голландии, а также Харлем за протестантами.

Тем временем католическая знать, разочаровавшись в своих ожиданиях от Матиаса, обратилась к Франциску, герцогу Анжуйскому, брату Генриха III Французского. Герцог Анжуйский назначен защитником свобод Нидерландов. Июль 1578 года. Никогда со времен кратковременного правления Колиньи Екатерина полностью не отказывалась от идеи воспользоваться беспокойным положением Нидерландов для расширения французского влияния в валлонских провинциях Эно, Артуа и французской Фландрии. В этот момент она, вероятно, предпочла бы добиться своей цели дружескими переговорами с Филиппом и, возможно, женитьбой одного из своих сыновей на испанской принцессе. Но Анжу был мало доволен своим положением во Франции; его привлекла надежда создать для себя новое княжество, и, приняв предложение, он прибыл в Монс, в Эно, в июле 1578 года. Уильям, хотя и не желал видеть французское влияние преобладающим в этих краях, не считал политичным выступать против Анжу и надеялся, что это предприятие может возбудить ревность Елизаветы, которая, хотя и кокетничала с герцогом как с претендентом на ее руку, была полна решимости не видеть Нидерланды под контролем Франции и уже пообещала

некоторую помощь Уильяму. Герцог Анжуйский был соответственно признан 'защитником свободы Нидерландов от тирании испанцев'. Он был уверен в предложении суверенитета, если Нидерланды сочтут необходимым свергнуть верховенство Испании. Тем временем он пообещал не вносить никаких изменений в управление страной и удерживать все завоевания, которые он сможет совершить для Штатов (20 августа). Прежде чем эти запутанные переговоры привели к какому-либо определенному результату, дон Джон, измученный болезнью, Умер Доном Джоном. 1 октября 1578 г. Наследовал Александр Пармский. и с болью в сердце из-за провала его великолепных планов, из-за пренебрежения, проявленного к нему королем Филиппом, и из-за убийства Эсковедо скончался. Он умер в своем лагере в Бужесе, близ Намюра, 1 октября 1578 года в возрасте тридцати одного года, назначив своим преемником своего племянника Александра Пармского. Хотя слухи о том, что он был отравлен по приказу Филиппа, не соответствуют действительности, подозрительность и пренебрежение, с которыми к нему относились, по крайней мере, способствовали его смерти.

Александр Пармский, сменивший дону Джона на посту губернатора, был сыном Оттавио Фарнезе и Маргариты Пармской, первой регентши во время правления Филиппа II. Он вырос в Испании вместе со своим двоюродным братом Доном Карлосом и дядей доном Джоном Австрийским. Его любовь к приключениям и военным упражнениям в прежние дни проявлялась в чрезмерной страсти к дуэлям; но война с турками предоставила ему более почетное поприще, и в битве при Лепанто он отличился замечательной личной храбростью. Теперь, в возрасте тридцати трех лет, он был более чем равен своему дяде, дону Джону, как солдат и бесконечно превосходил его как дипломат и государственный деятель. Однако, какими бы великими ни были способности нового губернатора, следует помнить, что положение дел в тот момент давало ему возможности, которых было лишено его предшественникам. Расовые и религиозные различия между северными и южными провинциями с каждым днем становились все более заметными. В южных и западных провинциях быстро распространялось разобщение. Решения Генеральных штатов, особенно в отношении налогообложения, практически не соблюдались. Солдатам плохо платили, они были плохо дисциплинированы и бунтовали; нетерпимость католиков и кальвинистов становилась все более выраженной; социальное и политическое соперничество с каждым днем все более выпячивалось на передний план и угрожало гражданской войной или анархией. В последнее время Уильяму приходилось опираться на низшие классы, и он был не в состоянии держать их под контролем. В Генте, особенно, волнения достигли апогея при демагоге Имбизе, которого поддерживал Иоанн Казимир Пфальцский, амбициозный и слабый принц, только что прибывший с разношерстным отрядом немецких наемников и английских солдат, присланных королевой Елизаветой. Подъем этой фанатичной партии не только вызвал возмущение католиков, или 'джеков-патерностеров', которые все еще представляли большинство в южных провинциях, но и оттолкнул многих "недовольных" дворян, которые до сих пор поддерживали национальное дело. Этими разногласиями Александр быстро воспользовался. Частично путем примирения, более успешно путем подкупа деньгами или обещаний продвижения по службе, ему удалось примирить многих дворян. Среди них мы можем особенно отметить Эгмонта, дегенеративного сына своего отца, и Шампани, брата Гранвеллы, в то время как Парма даже обращался к самому Вильгельму с блестящими предложениями, если бы он только оставил дело.

Наиболее заметным результатом дипломатии Александра стала Аррасская уния (6 января 1579 г.) между валлонскими провинциями Артуа и Эно, а также городами Лилль, Дуэ и Орши во Французской Фландрии — Лига, которая в мае следующего года заключила соглашение с Александром при условии, что иностранные войска будут распущены, и провинциальные

привилегии будут соблюдены. В ответ на это северные провинции Гелдерланд, Голландия, Зеландия, Утрехт и Фрисландия образовали Утрехтский союз (29 января). Аррасская уния, 6 января, на которую ответила Утрехтская уния, 29 января 1579 г. Целью унии было объявлено усиление умиротворения Гента. Верность Испании не была нарушена, но провинции обязались защищать друг друга от любой силы, применяемой против них либо от имени короля, либо от имени иностранных властителей. Каждая провинция, отказываясь от своего права заключать отдельные договоры, сохраняла свои особые свободы и привилегии и сама решала, какую религию ей следует принять, хотя индивидуальная свобода совести должна была быть разрешена; римско-католическим провинциям было предложено присоединиться на тех же условиях. Конфедерация должна была управляться Генеральной ассамблеей, сформированной из депутатов от каждой провинциальной ассамблеи. У нее должны были быть общая валюта, общая система налогообложения и исполнительный совет, ответственный перед Генеральной Ассамблеей. Этот знаменитый документ первоначально подписали только пять северных провинций, но впоследствии к ним присоединились две другие — Гронинген и Овериссель, а также города Гент, Брюгге, Ипр и Антверпен. Хотя изначально предполагалось, что Союз будет временным, он стал основой для будущей федеральной конституции Семи Объединенных провинций, поскольку Аррасский союз заложил зародыш будущих восстановленных испанских Нидерландов.

В то время как, таким образом, наметился неизбежный раскол между северо-восточными и юго-западными округами, Парма добилась заметных успехов в центральных провинциях. Успех Пармы в юго-западных провинциях и на севере. Летом 1579 года Маэстрихт на Маасе пал после четырехмесячной осады, а Мехлин был предательски сдан Де Буром. В мае следующего года знаменитый гугенот Де ла Нуэ был взят в плен близ Ингельмюнстера. Даже на севере граф Реннебург предал город Гронинген, и Иоанн Нассауский, брат Вильгельма, возмущенный отсутствием патриотизма у народа и их недисциплинированностью, отказался от своего штатгальтерства в Гелдерланде и удалился в Германию.

Воодушевленный своим успехом, в июне 1580 года Филипп предпринял решающий шаг, опубликовав запрет против принца Оранского. Он был объявлен предателем и негодяем. Филипп публикует запрет Вильгельма Оранского. Июнь 1580 года. Всем верноподданным было запрещено общаться с ним, давать ему пищу или кров, а кошелек с двадцатью пятью тысячами золотых крон и дворянский патент были предложены любому, кто доставит его в руки Филиппа живым или мертвым. Филипп в этом действовал по совету Гранвеллы, который заявил, что Уильям был трусом и что страх перед покушением либо заставит его подчиниться, либо 'умереть по собственному желанию'. Тем не менее, хотя этот запрет вполне можно назвать смертным приговором принцу, он нисколько не встревожился. Уильям публикует свою *Апологию* и вступает в переговоры с герцогом Анжуйским. В *Апологии*, которая вскоре появилась, Уильям смело бросил вызов своему врагу. Он утверждал, что Филипп убил своего сына Дона Карлоса, свою жену Елизавету и императора Максимилиана. Он заявил, что, поскольку притязания Филиппа на управление Нидерландами были утрачены из-за его тирании, он больше не был их законным королем, а сам он не был мятежником. Наконец, заявив, что он с радостью перенес бы вечное изгнание или смерть, если бы мог таким образом избавить свой народ от постигших его бедствий, он отдал себя в руки Бога, "который распорядился бы им и его имуществом так, как сочтет наилучшим для Своей собственной славы и своего спасения". Уильям также не ограничивался словами. Он давно был убежден, что, если не удастся получить иностранную помощь, по крайней мере, южные провинции будут потеряны. Герцог Казимир из-за своей неспособности причинил делу больше вреда, чем пользы, и покинул страну, даже не

заплатив 'своим 30 000 чертей' немецким наемникам. Эрцгерцог Матиас, очевидно, был не тем человеком, который мог бы укрепить какое-либо дело, и дальнейшей помощи Германия оказывать не стала. Осталась только Франция. Соответственно, были снова возобновлены переговоры с герцогом Анжуйским, который в 1579 году уехал из Нидерландов в Англию, прельщенный надеждой, что Елизавета, если бы только смогла увидеть его, могла бы принять его руку. Конечно, внешность герцога вряд ли способствовала его сватовству, поскольку, хотя он обладал любезными манерами, присущими всем принцам Валуа, и был 'хорошим парнем и похотливым принцем', он был тщедушного роста, его лицо было изрыто оспой, и у него был огромный нос. Более того, Королева-девственница играла с ним. Выйти замуж за Анжу и помогать ему в Нидерландах без определенного обещания французской помощи означало бы слишком опрометчиво навлечь на себя вражду Филиппа II и Генриха III. не стал бы обещать; позволить ему завоевать Нидерланды для Франции было невыносимо. Она пробудила в своем возлюбленном надежды только для того, чтобы выманить его из Фландрии, и не было другого выхода, кроме как держать его в качестве своего поклонника, и ничего больше. Анжу был соответственно отпущен со справедливыми обещаниями и, в надежде заполучить свою невесту, охотно принял предложения Штатов.

По Плесси-ле-Турскому мирному договору (сентябрь 1580 г.), который был ратифицирован в январе следующего года, герцогу был предоставлен наследственный суверенитет над Нидерландами. Суверенитет над Нидерландами предоставлен герцогу Анжуйскому по Плесси-ле-Турскому мирному договору. Сентябрь 1580 года. Он должен был всегда проживать в стране, не назначать ни одного иностранца на должность, не пытаться произвести какие-либо изменения в правительстве и не вмешиваться в привилегии провинций; он должен был заручиться помощью короля Франции, но не допускать присоединения территории к этой стране. Любое нарушение этих условий приводило к немедленной утрате его суверенитета. 26 июля следующего (1581) года Поместья окончательно отказались от своей верности Филиппу, и эрцгерцог Матиас покинул Нидерланды в октябре, хотя Анжу был окончательно принят только в феврале 1582 года. Северные провинции крайне неохотно принимали этого иностранного правителя. В июле 1581 года Уильям уже, после многочисленных отказов, принял титул графа Голландии и Зеландии с сохранением суверенитета во время войны. Таким образом, эти провинции согласились признать герцога Анжуйского только на недвусмысленных условиях, что не должно быть внесено никаких изменений в практическое верховенство принца Оранского. Тройной раздел Нидерландов. Таким образом, фактически Нидерланды теперь были разделены на три части: западные провинции, которые снова подчинились испанскому правлению; северо-восточные при Вильгельме; и центральные, которые признавали суверенитет французского принца. Политика Вильгельма в этом вопросе подвергалась суровой критике, и, конечно, предыдущее поведение Анжу во Франции (ср. [стр. 418](#) и [423](#)) не внушало особых надежд. И все же, несмотря на отчаянное средство, союз с Францией был не совсем плохой идеей. Была некоторая надежда, что католический монарх, который согласился бы терпимо относиться к протестантам, мог бы еще раз объединить все элементы оппозиции Испании. Екатерина и король Генрих III в то время были наполовину определенно склонны проводить антииспанскую политику (ср. [стр. 426](#)); в то время как, если бы брак с англичанами также состоялся, идея Колиньи о большой коалиции против Испании могла бы наконец осуществиться. К сожалению, все обернулось к худшему. Елизавета, еще раз послав за Анжу и даже обменявшись обручальными кольцами со своим возлюбленным, отказалась от решительного шага, и Анжу в конце концов уехал из Англии в Нидерланды. Там фламандцы и французы поссорились; религиозная нетерпимость усилила раздор; успехи Пармы продолжались; и Анжу, раздраженный наложенными на него ограничениями, опрометчиво и безрассудно предпринял попытку *государственного*

переворота. 'Французская фурия'. 16 января 1583 года. Он преуспел в некоторых небольших городах, но потерпел неудачу в Брюгге; в то время как в Антверпене горожане восстали и зарубили почти 2000 его солдат (16 января 1583 года). Анжу с бесстыдной наглостью пытался свалить вину на своих подданных, в то время как сам интриговал с Пармой и предлагал присоединиться к нему в обмен на уступку некоторых городов на французской границе. Даже тогда Уильям не считал разумным раздражать французов. Переговоры были продолжены после отъезда герцога во Францию (28 июня) и завершились только после его смерти в июне следующего года. Анжу покидает Нидерланды. 28 Июня 1583 года. До этого события Парма, воспользовавшись неразберихой и недоверием, вызванными "французской яростью", частично с помощью оружия, частично подкупа, вернула себе почти все центральные провинции, за исключением Фландрии, и даже там Брюгге был сдан из-за предательства Шимэ, сына герцога Эршота.

Через месяц после смерти Анжу был убит Вильгельм Оранский. Запрет был его смертным приговором. Было предпринято не менее пяти попыток покушения на Вильгельма Оранского. 10 июля 1584 г., одно из которых едва не стало фатальным для принца и, судя по вызванному им беспокойству, способствовало, по крайней мере, смерти его жены, Шарлотты Бурбонской. Наконец, 10 июля 1584 года, когда ему был пятьдесят один год, он был застрелен в Делфте Балтазаром Жераром, фанатиком Франш-Конте, который долгое время считал себя предназначенным совершить это деяние.

Великий человек, ушедший из жизни таким образом, является хорошим примером карающего влияния жизни, полной ответственности и опасностей. Беды его страны и тревоги, которые они навлекли на него, отучили его от экстравагантности и беспутства его юности и углубили его характер. Католик скорее по рождению, чем по убеждениям, он принял лютеранство, а впоследствии кальвинизм, вероятно, отчасти из-за политических интересов; и хотя нет причин сомневаться в искренности его окончательных убеждений, его прошлый опыт привел его к осознанию, как это сделали немногие из его современников, ценности терпимости — веры, которая стоила ему поддержки некоторых из его наиболее фанатичных последователей. Мало кто станет отрицать, что он был амбициозен, но его неоднократный отказ принять предложенный ему суверенитет — отказ, который некоторые считают ошибочным, — доказывает, по крайней мере, что он знал, как держать свои личные интересы под контролем. То, что он не был великим полководцем и что ему не хватало военной храбрости, может быть правдой; однако, если вспомнить, что он командовал наемниками, которым нельзя было доверять, или гражданскими войсками, которые действительно могли защитить город, но едва ли были приспособлены для встречи с испанскими ветеранами в открытом поле, мы, вероятно, поаплодируем его мудрости избегать крупных сражений. Однако именно как государственный деятель и дипломат он преуспел. Абсолютная прямота трудна в дипломатии, но Вильгельм был бесконечно более прямолинейным, чем изворотливая Елизавета, макиавеллистка Екатерина или вероломный Филипп; в то время как его постоянство в любых ситуациях, несмотря на врожденную склонность к депрессии, по праву дает ему право на его девиз: 'Je maintiendrai'. Экстравагантные обвинения принца со стороны его врагов можно рассматривать как показатель его способностей; количество его преданных последователей - как показатель его личного обаяния; будущую славу 'Объединенных Нидерландов' - как неоспоримое доказательство величия человека, которого по праву называют их 'Отцом'. Тем не менее маловероятно, что Вильгельм, будь он жив, отвоевал бы юго-западные провинции. Раскол, как мы видели, уже начался — раскол, который, как показала дальнейшая история, был глубоким и постоянным, - и успех Пармы на юго-западе казался уже вполне обеспеченным. Без сомнения, Вильгельм надеялся на союз с гугенотами и с Генрихом Наваррским, который

после смерти Анжу стал наследником французской короны, и эта идея объясняет его брак с дочерью Колиньи.⁷² Он, кажется, даже искал коалицию всех протестантских держав. Но у Генриха было достаточно дел дома, а Елизавета была сломленной тростинкой; в то время как ссоры между лютеранами и кальвинистами и усиление католической реакции, вероятно, помешали бы эффективной помощи со стороны Германии. Вильгельм заложил фундамент независимости Семи Соединенных провинций, и если бы он был жив, то, по всей вероятности, сделал бы не более чем на несколько лет раньше признания этой независимости.

‘Если бы Уильяма убили двумя годами раньше, - сказал Филип, ‘я был бы избавлен от многих неприятностей; но лучше поздно, чем никогда’. Мориса избрали генерал-капитаном Голландии и Зеландии. Его второму сыну, Морису, который был избран генерал-капитаном Голландии и Зеландии и главой Государственного совета, который был назначен временно, было всего семнадцать; Гогенло, зять Уильяма, который был назначен главнокомандующим, был пьяницей; в то время как Треслонг, адмирал, поссорился с Сословиями, и его место занял Джастин, незаконнорожденный сын Уильяма, человек без опыта. Естественно, возникшей неразберихой "Парма" хорошо воспользовалась. Самыми важными городами на Юге, которые остались непокоренными, были Дендермонде, Гент, Брюссель, Мехлин и Антверпен, успех Пармы. все они лежат на Шельде или ее притоке Сенне. Александр предложил хорошие условия; он обещал уважать их привилегии, не обращаться к совести и освободить их от иностранных гарнизонов. Многие старые приверженцы Оранского в отчаянии бросили дело, и к концу июля 1585 года все эти города сдались или были взяты, за исключением Антверпена. Против этого важного места Парма теперь сосредоточил все свои усилия. Осада Антверпена. 17 августа 1585 года. Предприятие было трудным; у Пармы не было флота; Филипп, в этот момент занятый делами Лиги во Франции (ср. [стр. 428](#)), оказал ему скудную помощь; и, если бы жители Антверпена последовали примеру жителей Лейдена в 1574 году и полностью наводнили страну, он вряд ли смог бы приблизиться к городу. Однако к такой жертве они не были готовы, и принятые ими полумеры принесли больше вреда, чем пользы. Соответственно, Парма смогла добраться до Шельды со стороны моря от города и начала строительство моста, который должен был отрезать всякое сообщение с морем. Осажденные, когда было уже слишком поздно, предприняли энергичные попытки помешать его замыслу, и однажды с помощью грозных брандеров им почти удалось прорваться через барьер. Но Парму было не остановить. Несмотря на все их усилия, мост был достроен, и после шестимесячной осады бургомистр Сент-Альдегонде сдался (17 августа). Победа не была омрачена никакими безобразиями. Была объявлена амнистия, хотя городу пришлось заплатить штраф; все религии, кроме католической, были запрещены, но тем, кто не подчинился, была предоставлена отсрочка на два года. Но если капитуляция Антверпена подняла военную славу Пармы на самый высокий уровень и практически закрепила Брабант за испанцами, то фактический выигрыш был не очень велик. Остенде и Слейс все еще держались, и хотя впоследствии они были выиграны (Слейс в августе 1587 года), голландцам удалось надолго удержать Флашинг и вход в Шельду. Поступая таким образом, они не только уничтожили торговое значение Антверпена, которое зависело от его сообщения с морем, но и способствовали упадку промышленности других крупных фламандских городов. Теперь Амстердам занял место Антверпена; Шельда была закрыта для фламандской торговли, и до наших дней, когда эта река была наконец объявлена открытой, Антверпен никогда больше не становился тем центром торговли, которому так хорошо соответствует его географическое положение.

Пока продолжалась эта памятная осада, суверенитет Нидерландов был на грани краха. Теперь там возникли две партии: те, кто возлагал свои надежды на помощь Франции,

суверенитет, от которого отказался Генрих III. в октябре 1584 года Елизавете был предложен суверенитет. и те, кто смотрел на Англию. Французская партия поначалу добилась успеха. Не смущенные предательством Анжу и несмотря на сопротивление провинции Голландия, они предложили суверенитет Генриху III "на условиях, которые должны быть установлены впоследствии", октябрь 1584 г. Столь блестящее предложение было действительно заманчивым, и, будь руки Генриха свободны, он, вероятно, принял бы его. Но последний из Валуа попал в сети Католической лиги. После долгих колебаний он в июле 1585 г. подчинился его диктовке (ср. [стр. 429](#)) и, соответственно, отказался от предложенного сана.

Разочаровавшись в своих надеждах на помощь Франции, голландцы обратились к Англии. Елизавета с удовлетворением восприняла известие об отказе французского короля от суверенитета. Хорошо зная о замыслах Филиппа в отношении Англии, она стремилась спасти Соединенные провинции от отвоевания Пармой и была готова помочь им людьми и деньгами. Тем не менее, со своей обычной скупостью она была полна решимости получить хорошее обеспечение для погашения долга, которое должно было принять форму городов-предостережений, в то время как она боялась признать суверенитет, чтобы такой шаг не слишком привязал ее к определенной антииспанской политике. Однако это было как раз то, чего нидерландцы больше всего желали. Таким образом, переговоры, начавшиеся еще до падения Антверпена, затянулись надолго, и только в ноябре 1585 года голландцы наконец согласились на ее условия. Королева обязалась содержать постоянные силы численностью 5000 пеших и 1000 всадников в провинциях за свой счет; Елизавета отказывается от суверенитета, но отправляет графа Лестера. 9 декабря 1585 г. для возмещения понесенных таким образом расходов Брилл и Флашинг должны были быть переданы в ее руки для размещения дополнительного контингента; она также должна была иметь право назначить двух членов Государственного совета из восемнадцати человек, которому было поручено управление делами после смерти Вильгельма Молчаливого. Граф Лестер, фаворит королевы, был назначен командующим вооруженными силами; губернаторство Флашинга было доверено его племяннику сэру Филипу Сидни, а губернаторство Брилла - сэру Томасу Сесилу, сыну лорда Берли.

9 декабря экспедиция отплыла. Голландцы, однако, еще не были удовлетворены. Желая, очевидно, еще больше скомпрометировать королеву в своем деле, они предложили Лестеру пост генерал-губернатора Соединенных провинций, Лестер соглашается на пост генерал-губернатора. с высшим военным командованием на суше и на море и высшей властью в вопросах гражданских и политических. Он должен был поклясться соблюдать древние законы и привилегии страны и управлять с помощью Государственного совета; однако он мог созвать Генеральные штаты по своему желанию и должен был пользоваться правом назначения на все должности, гражданские и юридические, из списка, представленного ему штатами провинции, где должна была появиться вакансия. Граф не только принял блестящее предложение, но и, воодушевленный оказанным ему великолепным приемом, даже заявил, что его семья была несправедливо лишена короны Англии.⁷³ Такое поведение пробудило чувствительность Элизабет. Возмущение Елизаветы. Как королева, она была разгневана "великим и странным презрением" своего подданного, который осмелился принять 'абсолютное' правительство без ее разрешения; как женщина, она завидовала своему фавориту, который искал почестей не из ее рук; как дипломат, она боялась, что этот опрометчивый поступок Лестера разрушит ее игру и что Филипп нанесет удар по Англии. Поэтому она безапелляционно приказала ему 'публично подать в отставку' со своего поста. В течение двух месяцев королева была неумолима. Однако, наконец, самое секретное письмо от ее 'милого Робина' успокоило ее женскую гордость. Берли и Уолсингем предупредили ее о фатальных последствиях ее капризного поведения, и она согласилась, чтобы граф, по

крайней мере временно, сохранил за собой власть "абсолютного правителя" (10 апреля). Мы даже находим, что впоследствии она заявила, "что ей не понравилось не столько название, сколько невыполнение" голландцами своих обещаний.

Ссоре между королевой и ее фаворитом пришел конец, но не ее последствиям. Авторитет графа был подорван унижительным положением, в которое он был поставлен собственным тщеславием и опрометчивостью, а также обидой своей любовницы. Лестер теряет поддержку партии 'Штаты'. Подозрение и отвращение, зародившиеся таким образом среди нидерландцев, усилились из-за сообщений о переговорах между Елизаветой и Пармой - сообщений, которые были слишком хорошо обоснованы; поскольку по мере того, как предполагаемое вторжение в Англию становилось все более определенным, усилия королевы по предотвращению удара путем мирных переговоров возрастали. Ничто не могло быть более прискорбным, чем принятая таким образом политика. Целью Филиппа было просто выиграть время, пока он не будет готов к своему великому удару; и, хотя Елизавета надеялась включить Нидерланды в любой мирный процесс, который она могла бы заключить, ее предыдущее поведение, безусловно, не давало гарантии, что она откажется пожертвовать их интересами в случае необходимости. Эти опасения, естественно, наиболее остро ощущались "Штатами—участниками", то есть правящими классами, которые были представлены в провинциальных сословиях и в Генеральных штатах — такими людьми, как Пол Байс, бывший адвокат, и Джон Ван Олден Барневельд, адвокат Голландии. Эта партия до сих пор возглавляла борьбу против Испании и, хотя по-прежнему выступала за союз с Англией, не желала, чтобы их страна стала жертвой женской обиды или дипломатии вероломной королевы. Лестер опирается на демократическую партию. Лестер, уязвленный их упреками, с тем тщеславием и любовью к лести, которые были его главными недостатками, соответственно обратился к народу и принял демократическую политику, которая была еще более неприятна официальным классам и патрицианским бюргерским семьям. В нарушение закона, согласно которому никто не должен занимать должность в провинции, уроженцем которой он не является, он привел к власти трех своих подчиненных: Девентер, уроженец Брабанта, был назначен бургомистром Утрехта; Даниэль де Бургграф, фламандец, был назначен его личным секретарем; а Рено, еще один фламандец, ренегат, который когда-то служил у Гранвеллы и Алвы, был поставлен во главе новой Финансовой палаты - палаты, которую Лестер построил в надежде положить конец коррупции. махинации с доходами и поиск "золотых гор". Купцы были еще более раздражены отказом Елизаветы вывезти основные материалы для английской ткани из Эмбдена, что в Восточной Фрисландии, в Амстердам или Делфт, а также запретом любого экспорта на испанские территории — мерой, которая нанесла гораздо больший вред голландской торговле, чем испанской, и которая была настолько непопулярна, что вскоре ее пришлось отменить. Сам будучи кальвинистом, граф с радостью принял взгляды демократической партии в религиозных вопросах. Заявив, что паписты являются сторонниками Испании, он изгнал семьдесят человек из города Утрехт и жестоко обращался с ними в других местах; в то время как с целью объявления кальвинизма государственной религией он созвал религиозный синод в Гааге. Таким поведением он отказался от принципа веротерпимости, который всегда отстаивал Вильгельм Молчаливый; он поставил под угрозу компромисс, достигнутый при Утрехтской унии (ср. [стр. 358](#)), согласно которому каждой провинции было позволено решать религиозный вопрос самой, и он оттолкнул лучших государственных деятелей того времени, людей, которые возражали против влияния Церкви в светских делах, которые боялись неумеренного рвения кальвинистских священников и хотели избежать установления теократии по женевскому образцу. Приверженцы графа на этом не остановились; они отрицали власть Генеральных штатов и Провинциальных сословий и заявляли, что суверенитет принадлежит народу. В соответствии с этими теориями в правительстве Утрехта,

где обычно проживал Лестер, произошла революция, и Пол Байс, один из самых видных представителей бюргерской партии — захваченный, по крайней мере, с молчаливого согласия Лестера, — был продержан шесть месяцев в тюрьме без суда. Таким образом, граф, вместо того чтобы объединить все партии в общей оппозиции испанцу, стал приверженцем партизан, нажил врагов среди тех, кто был наиболее ярыми сторонниками союза с Англией, и углубил те провинциальные, классовые и религиозные различия, которые отныне должны были стать главным бедствием Голландии. Лестеру также не повезло в отношениях с собственными подчиненными; Лестер ссорится со своими подчиненными. он поссорился с сэром Джоном Норрисом, который командовал английским контингентом до его прибытия, с братом рыцаря Эдвардом и его дядей-казначеем, а также с Уилксом, одним из английских членов Государственного совета. Хотя Лестер не был полностью ответственен за эти разногласия, они не улучшили мнения голландцев о нем и, вдобавок к скудости припасов Элизабет, серьезно подорвали его усилия на местах. К счастью, в этих обстоятельствах Филипп был слишком поглощен обеспечением победы Лиги во Франции и подготовкой к выступлению Армады, чтобы послать действенную помощь в Парму. Как бы то ни было, 1586 год был катастрофическим для патриотов. Катастрофы 1586 года. 7 июня Могила была предательски сдана Александру ее губернатором. 28-го Венлу капитулировал, и Парма стала хозяином Мааса почти до его устья. Наконец, попытка Лестера взять город Зутфен на реке Иссель, который все еще удерживался Пармой, привела к гибели сэра Филипа Сидни, блестящего племянника графа, который был смертельно ранен, когда принимал участие в героической, хотя и безуспешной попытке перехватить конвой с провизией, переброшенный в город Пармой (2 октября). Единственными успехами английской стороны были внезапный захват Акселя 17 июля, взятие Дусбурга 12 сентября и взятие некоторых отдаленных фортов города Зютфен.

Единственным средством от причиненного зла было то, что Елизавета должна была признать верховную власть и послать на поле боя хорошую армию. Этим Лестер серьезно надавил на королеву, и предложение встретило поддержку Берли. Елизавета, однако, возражала против первого, "потому что это вызывало сомнение в вечной войне"; против второго, "потому что это требовало увеличения расходов"; а отъезд Лестера с визитом в Англию в конце ноября только усилил неразбериху и разногласия в Нидерландах. Правительство на время его отсутствия номинально было передано Государственному совету. Сэру Джону Норрису было поручено командование английскими войсками, Гогенло - голландскими и немецкими войсками. Лестер временно покидает Нидерланды. 24 ноября 1586 года. Недовольство растет. Лестер, однако, зная, что большинство в Совете было против него и что эти два офицера были его смертельными врагами, оставил секретный документ, в котором запрещал Совету отменять какие-либо назначения в командование фортами и городами без его согласия. К сожалению, двое из его последних кандидатов оказались предателями. Сэр Уильям Стэнли сдал город Девентер, недалеко от Зутфена, а Роуленд Йорк предал форт Зутфен Тассису, испанскому коменданту города (29 января). Эти акты предательства со стороны собственных кандидатов от Лестера, добавленные к переговорам Елизаветы Петровны с Пармой, которые теперь были хорошо известны, довели негодование государств-участников в Голландии до предела. Барневельд заявил, "что французы никогда так не обманывали страну, как сейчас англичане, и что правительство стало невыносимым". К Елизавете были отправлены послы с резким протестом, и Морис снова был временно назначен генерал-губернатором, а Гогенло - его генерал-лейтенантом. Визит посланников был в высшей степени некстати. В момент их прибытия английскую королеву волновал вопрос о судьбе Марии, королевы Шотландии, которая была осуждена за соучастие в заговоре Бабингтона. Через четыре дня после их прибытия Елизавета наконец согласилась подписать смертный приговор (11 февраля), и 17-го числа голова Марии упала на эшафот.

Теперь считалось настоятельно необходимым умиротворить Филиппа или задействовать все ресурсы Англии для защиты от вторжения, которое в противном случае было бы неизбежно. В этих обстоятельствах Елизавета была не в настроении выслушивать ни протесты голландцев против поведения ее фаворита, ни их требования увеличить помощь и деньги. "Ни одна причина, порождающая обвинения, - сказал Уолсингем, - ни в коем случае не может быть переварена". Действительно, в марте лорд Бакхерст был отправлен в Голландию и своей мудрой и примирительной политикой многое сделал для залечивания разрыва. Лестер возвращается. Июль 1587 года. Недовольство нарастает. Но с возвращением "Лестера" в июле снова вспыхнули ссоры. Его попытка освободить город Слейс, который он обнаружил захваченным герцогом Пармским⁷⁴ по возвращении провалилась, и 4 августа эта важная база для нападения на Англию была в руках Пармы. Падение Слейса привело к взаимным обвинениям между Лестером, Морисом и Гогенло. Тем временем препирательства с государствами-участниками продолжались, в то время как продолжающиеся переговоры между Елизаветой и Пармой усилили подозрения против англичан. Голландцы даже заявили, что целью Елизаветы было завладеть большим количеством городов, чтобы таким образом она могла заключить более выгодную сделку для себя, принося в жертву своих союзников. То, что сама королева придерживалась столь низменных идей, не доказано; однако у нас есть собственные слова Лестера, показывающие, что он, по крайней мере, не отказался бы от такого курса, "если бы дело дошло до худшего". Поэтому, когда осенью 1587 г. Лестер предпринял тщетную попытку произвести революцию в правительствах Амстердама и Лейдена (октябрь 1587 г.), как он ранее сделал в случае с Утрехтом, поднялся крик, что он снова играет в игру ложного Анжу (ср. [стр. 361](#)), и у него не было другого выхода, кроме как уйти в отставку. Лестер, наконец, отозван. декабрь 1587г. Соответственно, в декабре он был отозван своей любовницей, чтобы погреться в ее королевской улыбке, хотя фактически сложил свои полномочия только 31 марта следующего года. Элизабет не желала слышать ни слова против своего фаворита. В своем отзывном письме она полностью возложила вину на своих союзников; она упрекала их за неблагодарность, вероломство, лживую и злобную клевету на графа и завершила это замечательное послание милостивым обещанием, что "из сострадания к их жалкому положению она пока продолжит свои субсидии и что, если она заключит мир с Испанией, она будет заботиться об их стране так же, как и о своей собственной".

Было бы несправедливо возлагать на Лестера всю ответственность за провал этой злополучной экспедиции. Некоторые из ведущих деятелей, такие как Гогенло, были жестокими людьми, о чем свидетельствует его администрация. особенно когда они были не в своей тарелке; партии и фракции, разделявшие нидерландцев, были созданы не Лестером; сложный и распушенный характер правительства и религиозные трудности, несомненно, привели бы к неприятностям; за исключением провинций Голландия и Зеландия, в это время не проявлялось особого рвения в этом деле, и Стэнли и Йорк были не единственными предателями. Но если задача, возложенная на Лестера, была деликатной, то, конечно, ни один человек не был менее приспособлен для ее выполнения, чем он. Его высокомерие, властность и неумолимый нрав нажили ему много личных врагов и заставляли его сопротивляться любому контролю или противоречию; его тщеславие заставляло его прислушиваться к лести своих созданий и порывать с ведущими государственными деятелями того времени, потому что они осмеливались критиковать его поведение; его сильные кальвинистские предрассудки плохо подходили ему для того, чтобы удерживать равновесие среди религиозных партий Нидерландов; и если он был смелым и открытым, он определенно не был ни способным государственным деятелем, ни хорошим генералом. И все же, в конце концов, главная вина крылась в политике самой королевы. Ее отказ признать суверенитет и всем сердцем посвятить себя делу Нидерландов, скудость ее припасов и

суровость ее условий — прежде всего, ее подозрительные переговоры с Пармой - вот главные причины жалоб. Такое поведение не было результатом простого каприза. Хорошо зная о приготовлениях Филиппа против Англии, она все еще тщетно надеялась, что, если она воздержится от непоправимого шага - принятия суверенитета, она сможет использовать свое положение в Нидерландах, чтобы обеспечить прочный и почетный мир для себя и для них. Соответственно, она позволила ввести себя в заблуждение комедией переговоров, которую Александр разыгрывал по приказу своего господина с единственным намерением обмануть ее до тех пор, пока не созреет время действовать. С той же напрасной надеждой она дезавуировала действия сэра Фрэнсиса Дрейка, который в апреле прошлого года 'подпалил Филиппу бороду', войдя в порты Кадиса и Лиссабона и уничтожив около двухсот пятидесяти судов. Ее поведение соответствовало ее политике по отношению к протестантам в Шотландии и Франции — политике, которую все хвалили, если не за ее честность, то, по крайней мере, за ее ум. Утверждалось, что таким урезонивающим отношением она предотвратила коалицию объединенных сил католицизма, перед которой Англия должна была пасть; каким бы правдивым это ни было в первые годы ее правления, это, безусловно, было уже не так, поскольку Филипп теперь был полон решимости вторгнуться в Англию. Когда-то, действительно, он опасался замыслов Гизов; Филипп решает вторгнуться в Англию. но герцог де Гиз теперь был у него на жалованье. В январе 1584 года Мендоса, посол Филиппа, который был в срочном порядке уволен из Англии из-за его известной связи с заговором Трогмортон, сообщил Елизавете, 'что, поскольку он не смог угодить королеве как министр мира, она в будущем заставит его попытаться удовлетворить ее в войне', и он был верен своему слову. Переехав во Францию, он стал с тех пор самым активным агентом Филиппа в приготовлениях. В мае 1586 года королева Шотландии уступила Филиппу все свои притязания на корону Англии, если только Джеймс не примет католицизм до ее смерти, и ее казнь окончательно развеяла все его сомнения. В этих обстоятельствах Филипп был полон решимости больше не терпеть плохо замаскированных актов вражды со стороны английской королевы. Она помогала мятежникам в Нидерландах; она поддерживала претендента на корону Португалии; более того, пиратские нападения английских морских волков обескровили Испанию. Англия должна быть завоевана. Если бы это удалось осуществить, Нидерланды были бы вскоре покорены; и, поскольку победа Лиги во Франции казалась обеспеченной, Филипп вполне мог надеяться вскоре стать хозяином Лондона, Амстердама и Парижа. Если бы Елизавета во время похода Лестера отбросила все опасения и раз и навсегда направила свою энергию на сторону Генриха Наваррского и Нидерландов, у Филиппа были бы слишком заняты руки, чтобы нанести удар. Как бы то ни было, Александру помешали участвовать в нападении на Англию те самые голландцы, симпатии которых Елизавета сделала все возможное, чтобы оттолкнуть.

Через пять месяцев после отъезда графа армада под командованием герцога Медина Сидония вышла в море. План вторжения в Англию был тщательно разработан Филиппом и Пармой. Армада отплывает. 30 мая 1588 года. Армада должна была проследовать из Лиссабона к устью Ла-Манша, недалеко от Кале. Там он должен был дожждаться Александра, который должен был выступить со своей армией, насчитывающей около 17 000 человек, погрузиться на подготовленные им плоскодонные лодки и принять командование всей экспедицией. Затем предстояло пересечь Ла-Манш. Герцог Пармский должен был высадиться и двинуться на Лондон, в то время как Медина Сидония должен был охранять гавани от голландского и английского флотов. Первый опыт испанского флота не был обнадеживающим. Многие корабли оказались немореходными, Медина был вынужден зайти в Корунью для ремонта, и только 28 июля армада увидела "Ящерицу". Армада нацелилась на Ящерицу. 28 июля. Задержка была ценной. Елизавета, хотя и продолжала переговоры с Пармой до последнего, сделала некоторые приготовления. На суше, действительно, было

сделано мало; но когда испанцы появились у Плимута, был собран разношерстный флот примерно из ста девяноста семи кораблей. Из них только тридцать четыре принадлежали правительству; остальные были предоставлены лондонскими купцами и другими городами или частными лицами.

Однако, похоже, что сила Армады была преувеличена. Хотя невозможно говорить с абсолютной точностью, представляется, что количество испанских судов, действительно участвовавших в бою, составляло около ста двадцати, в то время как у английских было около ста семидесяти. Тоннаж отдельных испанских кораблей был больше, но во всем остальном преимущество было на стороне Англии. У них было больше ружей — оружия, которое испанцы, полагавшиеся на abordaj своего противника, презирали. Количество эффективных бойцов, вероятно, было больше, чем у испанцев, если не считать галерных рабов; безусловно, соотношение матросов к солдатам в английском флоте было больше; матросы были гораздо лучшими моряками, чем на испанских кораблях, и у них были среди своих капитанов такие люди, как Дрейк, Хокинс и Фробишер, которые провели свою жизнь в море. Испанские корабли, хотя и были выше и имели большие размеры и, следовательно, опасны на близком расстоянии, были громоздкими и недостаточно укомплектованными. Одним словом, как хорошо сказал Дрейк, если бы англичане могли 'сражаться свободно и на свободе', их победа была бы обеспечена; и в этом они преуспели. Продолжающееся сражение вверх по Ла-Маншу. 30 июля–авг. 6. В беглом сражении вверх по Ла-Маншу, длившемся восемь дней, англичане окружили испанский флот, как правило, с наветренной стороны от него, всадили свой заряд в корпуса испанских кораблей и снова ушли, прежде чем понесли серьезное наказание. Англичане стреляли низко; испанцы, стремясь вывести из строя своих врагов перед abordajем, стреляли по мачтам и такелажу и часто промахивались. Итак, когда Армада наконец достигла дорог Кале, Армада на дорогах Кале. 6-7 августа. Брандеры. абсурдность идеи о том, что они могут вытеснить английский флот с моря, уже была очевидна; и если бы это не было сделано, со стороны герцога Пармского было бы безумием выходить в море на своих плоскодонных лодках, как бы обременены они ни были войсками. Это он сам предвидел, но в любом случае скопление голландских судов, выстроившихся вдоль побережья, помешало ему совершить эту попытку. Ничего очевидного нельзя было сделать, если бы Армада не могла господствовать на море, а этого она совершенно не смогла сделать. В ночь на 7 августа англичане послали шесть брандеров против своих врагов, стоявших на якоре. Брандеры легко могли быть отбуксированы лодками, поскольку на борту у них не было взрывчатки. Но испанцы вспомнили о брандерах Антверпена; постыдная паника охватила матросов; огромные суда сорвались с якорей; два были подожжены, другие сцепились друг с другом, а остальной флот был отброшен в море сильными шквалами, налетавшими с запада-юго-запада. На следующее утро англичане бросились в погоню; и в последовавшем за этим сражении, в то время как англичане не потеряли ни одного судна и едва ли сотню человек, произошло Окончательное сражение. 8 августа. шестнадцать кораблей испанцев были выведены из строя, и они потеряли от четырех до пяти тысяч человек. К сожалению, у англичан теперь не хватало пороха, дроби и провизии.⁷⁵ Однако лорд-адмирал, лорд Говард Эффингемский, 'напустил на себя хвастливый вид и погнался за ними, как будто им ничего не было нужно', и испанцы, боясь снова столкнуться с английскими кораблями, были вынуждены отступить перед ветром, который вскоре начал усиливаться до половины штормового с запада и угрожал выбросить флот на зеландские пески. Внезапная смена ветра на юго-западный спасла их от этой катастрофы; но перемена была лишь прелюдией к сильному шторму, который, наконец, обрушившись на полуразрушенные корабли 14 августа, разметал их повсюду. Из ста тридцати четырех судов, покинувших Ла-Корунью в июле, около пятидесяти трех в одиночку,

с трудом и одно за другим, вернулись в Испанию, и даже они были настолько повреждены, что стали бесполезны.

Великое предприятие Филиппа было сорвано совместными действиями англичан и голландцев. Однако, к сожалению, разногласия, вызванные экспедицией Лестера, надолго улетучились. После отставки графа Морис Нассауский, который уже был государственным деятелем Голландии и Зеландии, был назначен генерал-капитаном этих провинций;⁷⁶ но его власть оспаривалась партией Лестера, особенно в провинциях Утрехт, Фрисландия и в Северной Голландии. Беспорядки в Голландии после отъезда Лестера. Они заявили, что граф лишь временно ушел в отставку, и отказались повиноваться Морису и Генеральным штатам. Трудности еще больше усугубились из-за ссор с лордом Уиллоуби, которого оставили командовать английскими войсками, и который сам был сторонником графа. При таких обстоятельствах Александр легко подчинил себе большинство непокорных городов, и 10 апреля ссора между Морисом и английским офицером, сэром Робертом Вингфилдом, позволила ему захватить важный город Гертруйденберг. Голландско-английская экспедиция в Португалию. Апрель–июль 1589 года. Однако в том же месяце была предпринята совместная голландско-английская экспедиция против Португалии, которая, хотя и не достигла своей непосредственной цели — восстановления на престоле претендента дона Антонио, — нанесла некоторый ущерб испанскому судоходству и дала надежду на улучшение отношений между этими двумя странами, интересы которых были так тесно связаны. Бреда взята под контроль хитростью. 28 февраля 1590 года. В феврале следующего года благодаря хитроумной стратегии, героически проведенной в жизнь, патриоты отвоевали Бреду, а в течение следующего лета Морис начал демонстрировать свою военную мощь, захватив несколько важных мест. Тем не менее разногласия все еще продолжались. Два английских члена совета и командующий английскими вспомогательными силами, которые, согласно первоначальному договору, все еще сохраняли за собой место в Государственном совете, постоянно ссорились с голландцами. Провинция Голландия, которая внесла по меньшей мере половину расходов на войну, не считала свое представительство в Государственном совете адекватным; Генеральные штаты, в которых преобладало влияние делегатов Голландии, начали пренебрегать авторитетом Совета, в то время как его авторитет, в свою очередь, часто оспаривался Советами других провинций. При таких обстоятельствах было удачно, что внимание Филиппа в это время было направлено в другое место. Только во Франции его состояние, казалось, процветало. Если удастся обеспечить победу Лиги в этой стране, Англия и Нидерланды еще могут быть завоеваны. Кроме того, Филипп начинал ревновать к герцогу Пармскому. Никто не мог долго служить Филиппу, не вызвав у него подозрений; и у Александра не было недостатка во врагах, которые распространяли слухи о его намерении добиться независимости в Нидерландах.⁷⁷ Поэтому им пренебрегли, а поскольку войска взбунтовались из-за нехватки жалованья, крупномасштабные операции были невозможны. Фарнезе вступает во Францию. 3 августа 1590 года. Наконец, несмотря на его протесты, Фарнезе было приказано "больше не говорить о трудностях", а выступить во Францию на помощь герцогу Майеннскому 3 августа 1590 г. (ср. стр. 434), и хотя 3 декабря Парма вернулся из своей французской экспедиции, его здоровье пошатнулось, средства истощились, а численность армии серьезно сократилась.

Морису наконец представился удобный случай. Эта вторая⁷⁸ сын Вильгельма Молчаливого и, по линии своей матери, внук Мориса Саксонского, на которого он был похож чертами лица и характером, Ранняя жизнь Мориса. пока что он не привлекал особого внимания. Некоторые действительно считали его не более чем вздорным и невоспитанным школьником; более проницательные наблюдатели, однако, признавали, что он был человеком "глубокого, хотя и угрюмого" ума и что, повзрослев, он не предавался пороку запоя, столь распространенному

среди голландцев того времени. Политикой он до сих пор интересовался мало и довольствовался тем, что следовал примеру Барневельда. Тем временем он посвятил себя математике, науке фортификации и тактике, а впоследствии, при содействии своего двоюродного брата Льюиса Уильяма, государственного деятеля Фрисландии — странного маленького человечка с круглой головой и блестящими глазами, провел военные реформы. и лохматая каштановая борода — перешли к военной реформе. Была введена более сложная система муштры, которая могла бы придать армии большую гибкость в полевых условиях; высоко оценивая ценность огнестрельного оружия, он увеличил соотношение мушкетеров и пикинеров в пехоте и вооружил кавалерию карабинами. К этому он добавил умение пользоваться лопатой, которое до сих пор считалось ниже достоинства солдата, и основал школу инженеров. В своем стремлении положить конец системе грабежей, которая позорила армии того времени и наводила ужас на испанцев, он сурово наказывал за подобные проступки; в то же время, чтобы устранить все предлоги для такого поведения, он заботился о предотвращении казнокрадства, которое было распространено среди офицеров, и настаивал на том, чтобы солдатам вовремя платили. С помощью этих средств ему удалось, несмотря на обильную враждебную критику и насмешки, сделать небольшую армию голландцев вполне боеспособной; в то время как сам он в возрасте двадцати трех лет стал мастером научной фортификации и осадных операций. Теперь настал момент использовать его обновленные силы. Подвиги Мориса. Май–июль 1591 года. 24 мая 1591 года он осадил Зутфен на реке Иссель и за шесть дней взял этот город, который до сих пор оказывался неприступным. Взятие Девентера на той же реке последовало 10 июня. Шестнадцать дней спустя он предстал перед стенами Гронингена и захватил несколько населенных пунктов по соседству. Фарнезе, воодушевленный известием о своих подвигах, продолжил успех Мориса. Сентябрь–октябрь 1591 г. в июле попытался совершить отвлекающий маневр, атаковав форт Кнодсенбург на Ваале, но был перехитрен своим молодым противником и вынужден был отступить, а в августе из-за болезни был вынужден удалиться в Спа. 24 сентября Морис взял город Хульст, а 21 октября - Нимвеген, на границе Нидерландов, на реке Ваал.

В январе 1592 года Филипп безапелляционно приказал герцогу Пармскому еще раз продвинуться во Францию, и Морис, таким образом, свободный от всяких опасений, снова выступил в поход. Второй поход Александра во Францию. Дальнейшие завоевания Мориса. После сорокачетырехдневной осады город Стинвик пал (3 июля), 26-го числа капитулировала крепость Коурден, и, таким образом, ключи от округов Фрисландия, Гронинген и Дренте оказались в его руках. Таким образом, за два лета Морис не только вновь установил контроль над Ваалем, но и изгнал испанцев из большинства опорных пунктов, которые они до сих пор удерживали в северных провинциях Гельдерланд, Овериссель и Дренте; остался только Гронинген, и он должен был быть захвачен в следующем году.

Зимой 1592 года Александр, герцог Пармский, единственный человек, военного гения которого Морису стоило опасаться, скончался. Он вернулся из своей второй французской экспедиции в конце мая, Смерть Александра Пармского. 3 декабря 1592 г. умирающий человек, но даже если бы он был самим собой, подозрения Филиппа фактически парализовали бы его усилия; ибо этот ревнивый король, убежденный врагами герцога в том, что он замышляет посягательство на суверенитет Южных Нидерландов, уже назначил его преемника и намеревался сместить его силой, если необходимо. Никогда еще подозрения не были более несправедливыми; и Фарнезе, повинувшись приказу своего господина, готовил третью экспедицию во Францию, когда его внезапно сразили под Аррасом (3 декабря). Таким образом, в возрасте сорока семи лет скончался первый солдат своего возраста и один из самых преданных слуг, когда-либо имевшихся у Филиппа. Единственным пятном на его

политической карьере является беспринципный характер его дипломатии. Но даже здесь он был, по крайней мере, верен в своей низости; если он и обманывал других, то только повинаясь приказам своего господина, и подозрительность, с которой Филипп относился к нему в последние минуты жизни, была столь же жестокой, сколь и несправедливой. Четырнадцать лет губернаторства Пармы можно рассматривать как критический период правления Филиппа; они стали свидетелями последнего хода в политической игре, которую король Испании вел за господство над Западной Европой, и когда Парма умер, игра была почти проиграна. И все же таким успехом, какого добился Филипп, он был во многом обязан Александру. Хотя герцог потерпел неудачу в невыполнимой задаче подчинения северных провинций, он, по крайней мере, закрепил за Испанией южные и западные провинции и отложил триумф Генриха Наваррского. Если бы у Филиппа было больше таких слуг, он, возможно, добился бы большего успеха.

После смерти Пармы правительство было временно передано в руки графа Питера Эрнеста Мансфельда, ветерана, ныне пребывающего в старческом маразме. Эрцгерцог Эрнест назначен губернатором. Январь 1594 года. Настоящим преемником должен был стать эрцгерцог Эрнест, брат императора Рудольфа. Эрцгерцог был племянником Филиппа. Он предложил женить его на Инфанте и получить для него корону Франции (ср. [с. 435](#)). Таким образом, Филипп надеялся, что Испанские Нидерланды будут объединены с Францией и ими будут править покорные родственники. По крайней мере, Филипп, казалось, решил, что новый генерал-губернатор не должен вызывать у него опасений. Эрцгерцог был совершенно неспособен, очень ленив, очень толст, любил выпить и поиграть в азартные игры; к тому же был меланхоликом, страдал подагрой и плакал, когда ему жаловались. Только в январе 1594 года эрцгерцог прибыл в Брюссель. К тому времени его шансы на французский трон казались ничтожными, и своим прибытием без войск и денег Морис сокращает Гертруденберг 24 июня 1593 года и Гронинген 22 июля 1594 года. но 'с 670 джентльменами, пажами и поварами и 534 лошадьми, запряженными в его кареты', это не предвещало ничего хорошего. Последовала ревнивая борьба за места; гордые испанские и фламандские дворяне были оскорблены его невежливостью, а солдаты взбунтовались из-за нехватки жалованья. В этих обстоятельствах Морису удалось сократить единственные два важных места, которые испанцы занимали в северных провинциях. 24 июня 1593 года успешная осада Гертруденберга дала ему командование над Маасом. 22 июля следующего (1594) года взятие города Кронинген после шестидесятипятидневной осады практически обезопасило эту провинцию.

После смерти эрцгерцога Эрнеста, которая произошла 20 февраля 1595 года, внимание Филиппа вновь было сосредоточено на Франции. Смерть эрцгерцога Эрнеста, 20 февраля 1595 года. Преемником эрцгерцога кардинала Альберта стал январь 1596 года. В январе Генрих IV. наконец-то он объявил открытую войну Испании, и для борьбы с ним потребовалась армия Нидерландов. Таким образом, Фуэнтес, временно занимавший пост губернатора, и кардинал-эрцгерцог Альберт, брат Эрнеста, который был назначен в январе 1596 года, оба принимали участие в кампаниях на востоке Франции (ср. [с. 440](#)), и у них было мало времени, чтобы уделить Нидерландам. Голландская и английская экспедиции в Кадис. Июль 1596 г. свободные от немедленных опасений, они, таким образом, смогли принять участие в блестящей английской экспедиции в Кадис, которая закончилась уничтожением испанского флота и разграблением города (2 июля 1596 г.). Действительно, в августе эрцгерцогу Альберту удалось отвоевать город Халст у Мориса; но в октябре Голландия присоединилась к Лиге, которую возглавил Генрих IV. а Элизабет выиграла у Испании в августе прошлого года Тройную лигу против Испании. Август–октябрь 1596 г. а 24 января следующего (1597) года Морис нанес решительное поражение эрцгерцогу при Тюрнхауте

близ Гертруйденберга. За этой важной победой последовала трехмесячная кампания, с августа по октябрь 1597 года, Успешная кампания Мориса. Январь–октябрь 1597 года. на границах герцогства Клевское, которое испанцы использовали в качестве базы для операций против непокорных провинций, — кампания, в ходе которой, взяв девять городов и пять замков, Морис существенно укрепил свою восточную границу по Рейну.

Голландцы вступили в Союз с Францией и Англией в надежде, что с помощью такой помощи они смогут наконец добиться признания своей независимости. Но Генрих теперь устал от войны и уже начал переговоры, которые, несмотря на протесты голландцев, не были включены голландцами в Вервинский мирный договор. 2 мая 1598 г. завершился Вервинским миром (2 мая 1598 г., ср. с. 444). Поскольку им было отказано в признании их независимости, голландцы отказались принимать участие в договоре. Тем не менее, заключение Мира сопровождалось некоторым изменением положения послушных провинций; поскольку Генрих больше не желал мириться с присутствием испанского короля на своей восточной границе, необходимо было урегулировать управление послушными провинциями. Филипп согласился отказаться от своих притязаний на них, а также на Франш-Конте, при условии, что суверенитет будет передан эрцгерцогу Альберту, который должен был жениться на инфанте Кларе Евгении Изабелле (май 1598 г.). Однако было оговорено, что эти провинции снова перейдут к Испании в случае, если брак не будет заключен; у Филиппа были основания полагать, что у эрцгерцога не может быть детей, и по секретному договору его племянник признал сюзеренитет Испании и пообещал разрешить испанским гарнизонам удерживать города Антверпен, Гент и Камбре. Беспорядочная война, которая существенно не повлияла на проблему, продолжалась между испанцами и непокорными провинциями до 1609.1609 года. Двенадцатилетнее перемирие. Затем двенадцатилетнее перемирие фактически признало независимость Объединенных Нидерландов — независимость, которая, однако, не была официально признана до Вестфальского мира 1648 года.

Семью Соединенными провинциями, которые таким образом отделились от Испании, были Гельдерланд, Утрехт, Фрисландия, Овериссель, Гренинген, Зеландия и Голландия. Границы семи Соединенных провинций. Они занимали участок страны на берегу Германского океана, простиравшийся от герцогства Восточная Фрисландия до устья Шельды, оба берега которой они удерживали. Таким образом, они полностью контролировали различные устья Рейна, а также Мааса и Шельды. На востоке и юге их границами были Восточная Фрисландия, территории епископства Мюнстер, герцогство Клеве, епископство Льеж и Южный Брабант. Для Соединенных провинций море было одновременно и врагом, и другом; значительная часть их территории была отвоєвана из его объятий, и сдерживали ее только дорогостоящие дамбы. Часть воды из Рейна приходилось даже отводить в море по каналам выше уровня полей (polders), но все же настолько ниже уровня прилива, что ее приходилось сдерживать воротами, которые открывались и закрывались по мере того, как вода прилиwała и отлиwała. И все же это было то самое море, которое они так часто призывали на помощь в борьбе со своими врагами-людьми и которое дало им торговлю, от которой зависело их процветание. Состояние этих провинций, по сравнению с состоянием послушных провинций, претерпело удивительные изменения со времени восшествия на престол Филиппа. Контраст в состоянии Соединенных Нидерландов и Испанских Нидерландов. В начале его правления Фландрия и Брабант были, безусловно, самыми богатыми районами; Антверпен был одним из крупнейших торговых центров Европы, а другие их крупные города были центрами оживленной промышленности; в то время как их взносы в королевскую казну равнялись взносам всех остальных провинций вместе взятых. К концу борьбы эти провинции превратились в пустыню; волки, как нам говорят, бродили по пустым полям; ткацкие станки

молчали, и целые улицы в городах опустели; торговля переместилась на север, и Амстердам узурпировал место Антверпена. Голландцы уже становились носителями Европы и возглавляли колонизацию на востоке. Однако молодому государству угрожало множество опасностей. Конституционные и другие трудности. Ревность Англии к своей торговле, вероятно, оказалась огромной, а внутренних опасностей было много. Правительство представляло собой свободную федерацию провинций с очень неравными размерами и богатством, а каждая провинция - федерацию муниципальных советов, которые, за исключением советов в Оверисселе и Гронингене, заполнялись путем кооптации или выборов на очень узком избирательном праве. Таким образом, власть Генеральных штатов, которые были законодательным собранием федерации, и власть Совета штатов, который формировал Исполнительную власть, постоянно оспаривались провинциальными советами; в то время как бюргерская аристократия, правившая городами, не нравилась знати в стране, и на нее с завистью смотрели люди, не имевшие избирательных прав. Преобладающая власть провинции Голландия, на долю которой приходилось более половины годового бюджета, и существование государственного деятеля и генерал-капитана,⁷⁹ которые обладали высшей военной и исполнительной властью, без сомнения, придавали правительству практическое единство. Но со стороны штатгальтера всегда существовала тенденция отделиться от бюргерской аристократии и основать более расширенный суверенитет и более объединенное королевство на поддержке непривилегированных классов. Религиозные различия усугубляли эти разногласия; бюргеры в целом поддерживали взгляды новых арминиан, штатгальтеры - взгляды более крайних кальвинистов; и таким образом возникли две партии, чьи ссоры в будущем часто сотрясали федерацию до основания.

⁶⁷ Английский посланник лорд Бакхерст заявил, что еще в 1587 году число католиков в непокорных провинциях превышало число протестантов.

⁶⁸ Было четыре герцогства: Брабант, Гельдерланд, Лимбург, Люксембург. Пятеро были лордствами: Западная Фрисландия, Мехлин, Утрехт, Овериссель, Гронинген. Шесть были графствами: Фландрия, Артуа, Эно, Голландия, Зеландия, Зютфен. Антверпен и Намюр были маркграфствами. Из них Фрисландия, Гронинген, Утрехт, Гельдерланд, Зютфен были добавлены Карлом V.

⁶⁹ Шурин Эгмонта был герцогом Баварским.

⁷⁰ Адольф пал при Хайлигерлу в 1568 году.

⁷¹ Некоторые, однако, указывают дату рождения дона Джона двумя годами ранее, в 1545 году.

⁷² Уильям был женат четыре раза:—

1. Анна Эгмонтская.
2. Анна, дочь Морица Саксонского.
3. Шарлотта Бурбонская, дочь Людовика, герцога Монпансье.
4. Луиза, дочь адмирала Колиньи.

Из его одиннадцати детей наиболее важными являются следующие:—

1. Филипп Уильям, сын Анны Эгмонтской, в плену в Испании с 1567 года; об. ст. 1618.
2. Морис, сын Анны Саксонской, государственный деятель с 1587 по 1625 год.
3. Фредерик Генри, сын Луизы де Колиньи, государственный деятель с 1625 по 1647 год.

73 Граф Лестер был братом Гилфорда Дадли, мужа леди Джейн Грей, казненной в 1554 году.

74 Александр стал герцогом Пармским после смерти своего отца Оттавио в сентябре 1586 года.

75 Обычно это приписывают бережливости королевы. Но об этой и других популярных ошибках см. *Государственные документы, касающиеся разгрома Испанской армады*, Военно-морское архивное общество, Введение.

76 В 1590 году Морис также был назначен статхолдером и генерал-капитаном Гельдерланда, Утрехта, Оверисселя; но он так и не был назначен генерал-капитаном всего Союза.

77 То, что к Александру обращались по этому поводу, верно; но то, что у него когда-либо было такое предложение, не имеет ни малейшего доказательства.

78 Старший сын Филипп был похищен из школы и отправлен в Испанию в 1567 году. Когда он вернулся в 1596 году, он стал католиком и сторонником испанского правления.

79 Морис после 1590 года был статхолдером и генерал-капитаном Голландии, Зеландии, Гелдерланда, Утрехта и Оверисселя, но никогда не был генерал-капитаном или статхолдером Союза.

ГЛАВА IX

РЕФОРМАЦИЯ И ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ

Франциск и реформаторы—Резня водуа—Генрих II. и реформаторы—Партии при восшествии на престол Франциска II.—Беспорядки в Амбуге—Восшествие на престол Карла IX.—Генеральные штаты и Коллоквиум в Пуасси—Резня в Васси—Первая гражданская война—Дре—Убийство Франциска де Гиза—Умиротворение Амбуга—Вторая гражданская война—Сен—Дени—Эдикт Лонжюмо—Третья гражданская война—Жарнак и Монконтур—Сен—Жерменский мир—Варфоломеевская резня—Четвертая гражданская война—Ла—Рошельский мирный договор—Изменение взглядов гугенотов—Пятая гражданская война—Восшествие на престол Генриха III.—Мир Месье Гиза и католических лиг—Шестая и Седьмая гражданские войны—Бержерак и Флейский мирный договор—Франция и Нидерланды—Католическая лига—Жуанвильский мирный договор—Восьмая гражданская война—Куртрас—Баррикады—Убийство Генриха Гиза и Генриха III.—Генрих IV. и Лига — Девятая гражданская война—Арк и Иври—Генрих "получает инструкции" и вступает в Париж—Война с Испанией—Нантский эдикт—Вервинский мир—Заключение.

§ 1. Восстание гугенотов во время правления Франциска I.

В то время как Франция, проводя свою политику противодействия Дому Габсбургов, вступала в союз с протестантами Германии, ересь стремительно разрасталась в пределах ее собственных границ. Первые французские реформаторы. Жак Лефевр из Эпля может справедливо претендовать на титул отца французского протестантизма. Будучи лектором теологии в Париже, он в комментарии к Посланиям святого Павла (1512) изложил доктрину оправдания верой за пять лет до того, как Лютер осудил индульгенции. В 1521 году он под покровительством епископа Брисонне собрал небольшую группу людей в Мо в Шампани, из которых Фарель из Дофине был самым важным, а также оказал влияние на Луи де Беркена, друга Эразма, который был дворянином и придворным.

Распространение этих новых мнений сразу же вызвало опасения Сорбонны, или теологического факультета Парижского университета, и парижского "парламента". Франциск поначалу был склонен к терпимости. Но Франциск не испытывал любви ни к одному из этих институтов. "Парламент" выступил против него в вопросе Конкордата (ср. [стр. 81](#)), Сорбонна с завистью смотрела на его новый фонд, "Коллеж де Франс" (ср. [стр. 218](#)). Более того, он недолго любил монахов и пастырей, в то время как его симпатия к литературе и культуре, искупительные черты его никчемного в остальном характера, а также влияние его сестры, Маргариты Наваррской, заставляли его терпимо относиться к новым мнениям; более того, говорят, что он вынашивал идею основать литературное и философское учреждение во Франции с Эразмом во главе. Соответственно, в 1523 году он спас де Беркена от "парламента", и если бы он одержал победу при Павии, то, возможно, продолжил бы эту политику терпимости. Его поражение и тюремное заключение, Преследования начинаются в отсутствие Франциска. 1525. однако положение протестантов изменилось к худшему, поскольку его мать, Луиза Савойская, воспользовалась его отсутствием, чтобы искоренить ересь. Леклерк, чесальщик шерсти из Мо, был сожжен в июле 1525 г.; Брисонне было приказано разогнать братство Мо (октябрь 1525 г.); а де Беркен был снова арестован (январь 1526 г.). Действительно, Франциск снова спас его от врагов, который по возвращении во Францию даже назначил Лефевра наставником своих детей. Но вскоре политика непостоянного короля изменилась. Франциск проводит политику преследований. 1529. Его политические потребности требовали союза с папой римским, который формировал Священную лигу против императора (ср. [стр. 184](#)), и с местным духовенством, которое могло снабдить его деньгами для продолжения войны. Он никогда не сочувствовал религиозным взглядам реформаторов, а только литературной стороне движения; в то время как иконоборческие и другие экстравагантности некоторых наиболее горячих реформаторов придавали окраску предположению, что движение имело политическое значение. Де Беркен, хотя и не был никоим образом причастен к этим сумасбродствам, отказался прислушаться к робкому предостережению Эразма "не беспокоить шершней", и в результате был снова схвачен и казнен (апрель 1529 г.).

В 1534 году невоздержанный плакат о злоупотреблениях в церкви естественным образом усилил негодование короля; в 1535 году восстание анабаптистов в Мюнстере еще больше напугало его; а в январе 1545 года, убежденный искаженными заявлениями "парламента" Экса о том, что водюа Прованса пытаются установить республику, он отдал роковой приказ, который, намеренно или нет, привел к массовому убийству водюа. 1545. привело к резне. Более двадцати городов и деревень были разрушены, и около трех тысяч протестантов в долине Дюранс погибли. Правление Франциска завершилось в следующем году казнью 'четырнадцати' бедных ремесленников в Мо, колыбели французского протестантизма.

§ 2. Правление Генриха II., 1547-1559гг.

Тем временем французские протестанты попали под влияние Кальвина. В 1535 году он посвятил свои *Институты* Франциску I. Говорят, в надежде, что французский протестантизм станет кальвинистским и агрессивным. Убедить короля в том, что его доктрины не опасны, и с этого момента французы быстро усвоили учение своего великого соотечественника. Французский протестантизм теперь отделился от литературного движения, с которым он до сих пор был связан, его церкви были организованы по демократической системе Женевы, и вскоре движение впервые стало политическим и агрессивным. При таких обстоятельствах неудивительно, что преследования усилились после смерти Франциска I. Особенно если вспомнить, что молодой король (ему было двадцать девять) не разделял литературных симпатий своего отца и что коннетабль де Монморанси и Гизы, которые были в немилости в последние годы правления Франциска, были снова отозваны. Соответственно, в начале правления Генриха II усилились гонения при Генрихе II. для рассмотрения дел о ереси была создана специальная палата "Парламента", получившая название 'Горячей палаты' из-за количества жертв, которых она отправляла на костер. В 1551 году эдикт Шатобриана предоставил церковным судам юрисдикцию в вопросах ереси без обжалования в 'Парламенте', а в 1557 году была предпринята попытка ввести инквизицию во Францию; Павел IV. опубликовал Буллу о назначении комиссии, состоящей из трех кардиналов Лотарингии, Бурбона и Шатийона, с правом делегирования своих полномочий.

Несмотря на эти суровые меры, число обращенных быстро росло, и это было главным мотивом, побудившим Генриха II. заключить мирный договор в Като-Камбрези в апреле 1559 года. Хотя, по-видимому, нет оснований утверждать, что короли Франции и Испании связали себя секретным пунктом этого договора объединиться против еретиков, тем не менее переговоры на этот счет, безусловно, последовали.

В июне Филипп предложил французскому королю помощь в истреблении протестантов; и Генрих, отклонив это предложение, предложил совместную экспедицию против Женевы. Политическое соперничество, однако, двух стран было слишком глубоким, чтобы в настоящее время допустить совместные действия, и Генрих продолжал свой курс в одиночку. Оппозиция парижского парламента. Здесь он столкнулся с неожиданным противодействием со стороны 'Парламента'. Ересь во Франции до сих пор находилась в ведении гражданских судов, и поэтому "Парламент" протестовал как против эдикта Шатобриана, так и против Буллы Павла IV. По последнему пункту король уступил, но другая причина спора осталась, и она усугубилась появлением умеренной партии в "Палате Турнель", или преступном заседании "Парламента", которые заявили, что преследование было неэффективным и что они не будут карать ересь смертью. Король был крайне возмущен и собирался выступить против лидеров, Дю Фора и Анны де Бур, когда на турнире, проводимом в честь заключения мира, копье Монтоммери повергло его в прах и передало корону его сыну, Франциску II., шестнадцатилетнему юноше (июль 1559 г.).

§ 3. Правление Франциска II, июль 1559–декабрь 1560

Протестанты, или гугеноты,⁸⁰ как их стали называть, были теперь слишком могущественны, чтобы их можно было подавить такими гонениями, какие только были возможны. Их насчитывалось около 400 000 человек - состояние гугенотов при восшествии на престол Франциска II. большая часть из которых были либо состоятельными бюргерами и торговцами, либо принадлежали к мелкому дворянству, военному сословию, которое было слишком готово прибегнуть к оружию. Не были они лишены и лидеров из высшей знати и

влиятельных лиц при дворе, в частности Конде и Колиньи. И все же, если бы на престол пришел сильный и популярный король или если бы во Франции существовала прочная и здоровая конституция, какой-то компромисс мог бы быть достигнут, или, в противном случае, новые мнения могли бы быть немедленно подавлены энергичным применением силы. Но Франция страдала от пагубных результатов затянувшейся внешней войны, дезорганизованного состояния Франции. и от ошибочной политики ее королей со времен Людовика XI. Финансовые трудности, тяжелое и неравномерное налогообложение, которое ложилось почти исключительно на низшие классы, вызвали широкое недовольство правительством. Бюрократия и судебная система, в значительной степени благодаря системе подкупа, были безнадежно коррумпированы и потеряли уважение. Церковь, хотя и была чрезвычайно богата (ее доходы составляли две пятых всех доходов страны), страдала от последствий Конкордата; ее бенефиции были монополизированы знатью и придворными и сосредоточены в нескольких руках; таким образом, Иоанн, кардинал Лотарингии, владел тремя архиепископствами, семью епископствами и четырьмя аббатствами. Его лидеры были по большей части людьми светских интересов, находившимися под влиянием придворных фракций и мало заботившимися о духовных нуждах своих епархий. Генеральные штаты в последнее время созывались редко и утратили всякую конституционную жизнь. Города, не имевшие реальной доли в управлении страной, были склонны держаться особняком и полагаться только на себя. Высшее дворянство стремилось либо установить контроль над короной, либо, если это не удастся, утвердиться в качестве наследственных губернаторов своих провинций. Мелкое дворянство, отстраненное от торговли и от всех профессий, кроме армии и Церкви, теперь, когда война закончилась, либо устремилось в Церковь, чтобы более полно секуляризировать ее, либо образовало буйный военный класс, который приветствовал возможность возобновления войны. Короче говоря, Франция, номинально находившаяся под контролем строго централизованной монархии, страдала от той худшей формы анархии, которая возникает у бюрократии, когда она становится дезорганизованной. В довершение несчастий Франции Дом Валуа был представлен четырьмя мальчиками без характера, интеллекта или телосложения, которые стали жертвами придворных интриг и фракций, которые должны были сделать корону еще более непопулярной и вскоре ввергнуть страну в гражданскую войну.

Три наиболее влиятельные партии среди знати возглавляли бурбоны, констебль Анна де Монморанси и Гизы. Бурбоны. Из них бурбоны стояли ближе всех к трону. Старший, Антоний Бурбонский, был королем Наварры по праву своей жены Жанны Наваррской, дочери Маргариты, терпимой сестры Франциска I. Но, хотя он принял кальвинистские взгляды своей жены, был популярен и хорошим солдатом, его слабости и нерешительность не позволили ему занять руководящую должность, которая досталась его младшему брату Луи де Конде, который также склонялся к новым взглядам и был человеком с гораздо большим характером. Второй брат Шарль, кардинал Бурбонский, оставался католиком, отмежевываясь от политики своей семьи и впоследствии стремился в течение короткого сезона называться Карлом X. французским. Тесно связанными с бурбонами были два племянника коннетабля — Гаспар де Колиньи, адмирал Франции, и Д'Андело, генерал-полковник пехоты, оба убежденные гугеноты. Старший Одетт, кардинал Шатийонский, хотя и симпатизировал реформаторам, никогда не пользовался большим весом.

Констебль Анна де Монморанси, возглавлявшая вторую группу, была преданной католичкой и суровым солдатом, чья суровость и набожность во время войны заставили людей говорить "Констебль Анна де Монморанси". ' Остерегайтесь патер Ностеров констебля. Его политика всегда была политикой союза с Испанией и подавления ереси — политика, которая недавно

восторжествовала при заключении мира в Като Камбрези. И все же его ревность к Гизам и королеве-матери заставила его в настоящее время присоединиться к партии бурбонов.

Наконец появились Обличья. Эта семья, младшая ветвь Лотарингского дома, была основана Клодом, вторым сыном Рене Лотарингского, внуком Рене ле Бона, Гизов. анжуйский, через свою дочь Иоланту. Клод заработал репутацию, защищая восточную границу после поражения при Павии в 1525 году, и выдал свою дочь Марию замуж за Якова V Шотландского. В награду за свои услуги Франциск I. возвел Гиз, Омаль и Майенну в герцогства, которые Клод оставил после своей смерти (1550 г.) двум своим сыновьям, Франциску, герцогу Гизу, и Клоду, герцогу Омальскому; в то время как двое других, Шарль и Людовик, вошли в лоно Церкви, чтобы стать кардиналами Лотарингии и Гиза. Герцог Франциск превзошел славу своего отца обороной Меца (1552-1553) и взятием Кале (1558). Напыщенный и открытый, он добивался популярности, и то, чего ему не хватало в государственной мудрости, восполнял его младший брат Карл, кардинал, который, несмотря на свою скупость и высокомерие, был скрупулезен во внешнем соблюдении своих канцелярских обязанностей, мастер дипломатии и искусный знаток убедительной речи. Хотя мы должны дождаться следующего поколения для полного развития планов этой амбициозной семьи — планов, которые, без сомнения, расширялись по мере того, как появлялись возможности, — тем не менее, основы уже были заложены этими двумя замечательными людьми. Ключ к политике Гизов следует искать в том факте, что они были французами лишь наполовину и имели лишь отдаленное отношение к королевской семье. Старшая знать считала их выскочками и, боясь быть отстраненными от власти бурбонами, они заявляли о своем происхождении от Анжуйского дома и даже от Каролингов. Семья Анжу, если бы все еще существовала по мужской линии, была бы ближе к трону, чем сами Бурбоны. Но мужская линия вымерла вместе с Карлом Мэн (1481), и, соответственно, Гизы настаивали на требованиях женской линии, по которой они могли проследить свое происхождение от Рене Анжуйского. Их наполовину иностранное происхождение представляло большие трудности. Они, без сомнения, частично устранили их благодаря своим военным подвигам при защите Франции. Теперь, когда война закончилась, они, естественно, встали на сторону католицизма, что придало им определенную популярность среди низших классов, особенно в Париже, который повсюду оставался сильно католическим. Их внешняя политика, хотя и католическая, в то время не была испанской, поскольку они мечтали поддержать притязания Марии, королевы Шотландии, жены Франциска II, на английский трон и объединить три страны в сильную монархию, которая могла бы уравновесить австро-испанскую мощь.

Среди этих конфликтующих группировок, не принадлежа ни к одной из них, но стремясь контролировать их все, стояла Екатерина Медичи, королева-мать. Екатерина Медичи. 'Что?' переспросил Генрих IV. о ней впоследствии говорили: "могла ли это сделать бедная женщина, когда ее муж мертв, у нее на руках пятеро маленьких детей и две семьи, которые замыслили захват трона — наша собственная и Гизы? Я удивлен, что она не поступила еще хуже'. Ключ к политике этой женщины, подвергшейся жестокому обращению, кроется в ее иностранном происхождении и ее прошлой жизни. Флорентийка и Медичи, она была непопулярна во Франции, в то время как ей не удалось завоевать любовь своего мужа, Генриха II, и ее влияние затмила Диана де Пуатье, его любовница. Это исключение из-под всякого влияния, воздействовавшее на ревнивую натуру, породило сильную страсть к власти. Если бы теперь для нее было возможно прямое правление, Кэтрин, возможно, преуспела бы; ибо, хотя она и была лишена морального возвышения, она не была порочной. Она была очень трудолюбивой и кропотливой и стремилась понравиться. Она хотела сохранить независимость страны вопреки замыслам Испании, а также авторитет короны,

которой угрожали внутренние группировки; если бы она была католичкой, она, конечно, не была фанатичкой и, вероятно, проявила бы по крайней мере презрительную терпимость к гугенотам. Но когда ей отказали во власти и ее положение оказалось под угрозой, она, как истинная Медичи, пустилась в интриги — так часто это средство слабых — и проводила политику равновесия, которая была тем более фатальной, что не увенчалась успехом.

Поскольку Франциску было больше тринадцати, в регентстве не было необходимости. Тем не менее, было бы естественно, если бы Антоний Наваррский, как ближайший совершеннолетний родственник мужского пола, был призван к власти. Обличья власти. Этому, однако, помешали Личины. Дядьям королевы удалось установить полный контроль над молодым королем; и Екатерина, видя, что они слишком сильны, чтобы им можно было противостоять, ревнуя к Наварре и недолюбливая Монморанси за его дерзкое поведение по отношению к ней при жизни ее мужа, прибегла к их поддержке. Монморанси был уволен и удалился в свои поместья в Шантийи; Колиньи был лишен поста губернатора Пикардии, почти все губернаторы, от которых Гизы не могли зависеть, были смещены, и пока герцог контролировал армию, кардинал Лотарингии стал главой гражданской администрации. Монополизировав таким образом управление королевством, Гизы возобновили процедуру против непокорных членов 'парламента', которая была приостановлена смертью Генриха II. Анн де Бург, осужденный специальной комиссией, был казнен, несмотря на его апелляцию против законности решения суда, а остальные были отстранены от должности или заключены в тюрьму.

Но триумфу Гизов не суждено было остаться неоспоримым, и возникло мощное противодействие, в котором их политические и религиозные противники объединили усилия. Дворянство было возмущено тем, что их лишили губернаторских постов, и отстаивало права принцев крови против этих выскочек-иностранцев. Высокие налоги и слабый успех войны в Шотландии, где Мария де Гиз с помощью своих братьев вела неравную борьбу против 'Лордов Конгрегации', усугубили недовольство. Те, кто хотел возродить авторитет Генеральных штатов, воспользовались случаем, чтобы напасть на деспотическое правительство Гизов, и религиозное недовольство послужило объединяющим фактором. Весной 1560 года Де ла Реноди, дворянин из Перигора, организовал заговор с целью смещения короля. Беспорядки в Амбуге. 17 марта 1560 года, который был в Амбуге, вырвался из рук Гизов и поставил принца Конде во главе правительства. Заговор, однако, был раскрыт. Де ла Реноди был убит в перестрелке, а другие заговорщики жестоко наказаны, некоторых повесили на балконе замка.

Хотя 'Беспорядки в Амбуге' ни в коем случае не ограничивались исключительно протестантами, они знаменуют момент, когда они окончательно превратились в политическую и агрессивную партию и когда к ним присоединилась мелкая знать провинций; в то же время это дало правительству предлог заявить, что интересы монархии и католической церкви идентичны. На данный момент Гизы сделали вид, что несколько изменили свою политику. Впервые услышав о заговоре, они издали эдикт от имени короля, обещающий прощение за все прошлые деяния; и, хотя Эдикт Роромантена, последовавший в мае 1560 года, предоставлял исключительную юрисдикцию в вопросах совести церковным судам, он настоятельно рекомендовал действовать мягко в этом вопросе. Гизы даже прислушались к требованиям Колиньи, которые были поддержаны Екатериной и Мишелем Лопиталем, только что ставшим канцлером, созвать Генеральные штаты и Совет французских прелатов для обсуждения жалоб, политических и религиозных. Однако они согласились с этими предложениями, полагая, что смогут отложить церковный собор под предлогом того, что вскоре должен был возобновиться Тридентский собор, и что они смогут

обеспечить себе подчиненное большинство в Генеральных штатах, повлияв на выборы, а также исключив и заключив в тюрьму тех, кто не подпишется под символами католической веры.

Смерть Марии, регентши Шотландии (10 июня 1560 г.), и Лейтский мирный договор (6 июля), по которому французы должны были покинуть Шотландию, а король Франциск и его жена Мария Стюарт должны были отказаться от своих притязаний на английский трон, рассеяли опасения Филиппа. Поэтому он предложил помощь Гизам в обеспечении их власти. Папа и герцог Савойский должны были послать войска для истребления водуа и нападения на Женеvu, в то время как Филипп должен был вторгнуться в Наварру. Конде и король Наваррский опрометчиво откликнулись на вызов в Орлеан, где двор собрался на заседание Генеральных штатов, но триумфу Гизов помешала смерть Франциска II. 5 декабря 1560 года. были схвачены; была предпринята неудачная попытка покушения на Наварру; и Конде, представший перед специальной комиссией за соучастие в последнем заговоре, был приговорен к смертной казни. Триумф Гизов казался обеспеченным, когда он был прерван внезапной смертью молодого короля от болезни уха (5 декабря 1560 г.).

§ 4. Карл IX, декабрь 1560–май 1574.

Гизы, лишившись своей добычи, поначалу ушли в таком страхе за свою жизнь, что заперлись в своем дворце, и Екатерине, казалось, наконец представился удобный случай. Как Карл IX. было всего десять, регентство было необходимо, и, вне всякого сомнения, Екатерина правила от имени Карла IX. должность должен был занимать Антоний Наваррский. Но он согласился уступить свое право королеве-матери, оставив за собой только должность генерал-лейтенанта. Екатерина была в восторге. 'Он такой послушный,' писала она своей дочери, королеве Испании, - что я распоряжаюсь им, как мне заблагорассудится'. Теперь она надеялась выступить в роли посредника между двумя религиозными партиями и, разыгрывая личины против бурбонов, править страной. Ее первая трудность заключалась в отношении Генеральных штатов. Вызванные 15 декабря 1560 года в Орлеан, они были задержаны до следующего августа, когда снова встретились в Понтуазе.

Это первое заседание Генеральных штатов за семьдесят семь лет примечательно как иллюстрация политических идей гугенотов, которые оказались в большинстве Генеральных штатов. Август 1561 г. и за предложенные замечательные реформы, которые, в случае их проведения, могли бы спасти Францию от гражданской войны и изменить ее будущую историю. Дворяне, настаивая на своих привилегиях, настаивали на реформировании судебной системы и замене выборной магистратуры той, которая благодаря системе выкупа быстро становилась наследственной; они осудили придиричивость церковных судов и злоупотребления множественностью и отсутствием места жительства; они ходатайствовали о том, чтобы дворянам, предпочитающим кальвинистское богослужение, было разрешено пользоваться церквями для своих служб.

Требования государственных органов пошли дальше. Они просили ограничить эту Прерогативу созываемыми раз в три года собраниями сословий и назначением Совета, из которого должно быть исключено духовенство. Они ходатайствовали о продаже церковных земель. Из процентов с полученного таким образом капитала духовенству должны были выплачиваться фиксированные стипендии, а остаток должен был быть потрачен на уплату долгов короны и на займы главным городам для развития их торговли. Они требовали прекратить преследования, поскольку 'неразумно принуждать людей делать то, что в глубине души они считают неправильным', и созвать национальный совет, в котором должны быть голоса как мирян, так и духовенства, и в котором единственным руководством

должно быть Слово Божье, для окончательного урегулирования религиозных вопросов. Это означало бы утверждение реформатских взглядов во Франции, а к этому Екатерина, конечно, не была готова, поскольку гугеноты, в конце концов, представляли лишь примерно одну тридцатую часть нации.

Также результаты "Коллоквиума в Пуасси", который проходил неподалеку в то же время, не вселяли больших надежд на то, что понимание будет возможным. Коллоквиум в Пуасси. На этой конференции присутствовали одиннадцать служителей, среди которых были Теодор Беза, ученик Кальвина, и Петр Мученик Итальянец, а также двадцать два мирянина. Но, как и следовало ожидать, эта попытка скорее послужила тому, чтобы подчеркнуть различия между двумя вероучениями. Единственным практическим результатом Беседы стало то, что епископы, чтобы удовлетворить требования третьего сословия в отношении церковной собственности, обязались выплатить в рассрочку сумму, необходимую для выкупа тех земель короны, которые были отчуждены для удовлетворения государственных кредиторов.

Понимание было явно невозможно. Оставалось выяснить, возможна ли терпимость. Это было предпринято Январским эдиктом 1562 года, который является Эдиктом от января 1562 года. хотя он настаивал на том, чтобы гугеноты сдали церкви, которые они занимали, разрешил им, до решения Генерального совета, собираться для богослужения в любом месте за пределами городов, обнесенных стенами. Таким образом, политика Лопиталья, казалось, восторжествовала. Гугеноты получили юридическое признание и перестали быть вне закона. Но видимость была обманчивой, и январский эдикт на самом деле лишь ускорил гражданскую войну. Сам Л'Опиталь признался на открытии Генеральных штатов, что "Было бы безумием надеяться на мир между людьми разных религий. "Французы англичанин, - сказал он, - исповедующие одну религию, испытывают больше привязанности друг к другу, чем граждане одного города или вассалы одного и того же лорда, придерживающиеся разных вероисповеданий". И это еще не все. Религиозные различия во многих случаях усугублялись личным соперничеством, эгоистичными интересами и политическими предрассудками, и все это усугублялось требованиями третьего сословия. Если бы эти требования были удовлетворены, они произвели бы революцию в конституции страны, и они могли бы быть успешными только при поддержке нации. Но третье сословие, выдвинутое по большей части муниципальной олигархией, не отражало ни взглядов крестьян в сельских районах, ни взглядов низших классов в городах, которые в основном были католиками. Те, чьи интересы и предрассудки они затрагивали, составляли подавляющее большинство нации, и с тех пор они научились смотреть на гугенотов как на своих смертельных врагов. Высшее дворянство было напугано требованием вернуть коронные земли, многие из которых находились в их руках; Церковь возмутилась криками о лишении прав; юристы были возмущены нападениями на их привилегии и, как всегда, ревниво относились к притязаниям Генеральных штатов управлять страной. Фактически, именно с этого времени мы должны датировать бескомпромиссную враждебность к реформаторам этих трех могущественных организаций — дворянства, духовенства и юристов, — многие из которых до сих пор не были лишены желания оказывать некоторую благосклонность гугенотам. Единственный шанс гугенотов теперь зависел от поддержания мира. Хотя они не получили всего, чего желали, и хотя Эдикт был лишь временным, их приверженцев становилось все больше так быстро, что через короткое время они могли надеяться завоевать уважение. Говорили, что один архиепископ — Эксский — и шесть епископов, помимо кардинала Шатийонского, поддерживают новые взгляды. Трогмортон сообщил английской королеве, что даже Карл IX. он сам колебался. Екатерина не возражала против того, чтобы ее дамы читали Новый Завет и пели псалмы гугенота Маро, и, конечно, она без колебаний продолжила бы свою политику веротерпимости, если бы могла таким образом укрепить свой авторитет. К сожалению,

администрация была недостаточно могущественна, чтобы обеспечить соблюдение закона, а религиозная и политическая вражда была слишком глубокой. Лидеры гугенотов не могли полностью контролировать более вспыльчивых духов, и произошли иконоборческие беспорядки, особенно на юге; в то время как католики были полны решимости как можно скорее отменить эдикт.

Уже в апреле 1561 года Монморанси примирился с Гизами. Теперь им удалось привлечь на свою сторону нестабильного короля Наварры, предложив ему остров Сардиния и королевство в Африке или, возможно, развод с его женой-протестанткой Жанной д'Альбре и руку Марии, королевы Шотландии, с короной Шотландии, а когда-нибудь и Англии. На юге происходили массовые убийства и безобразия; и, наконец, резня в Васси. 1 марта, 1562 г. в воскресенье, 1 марта, герцог де Гиз, наткнувшись на нескольких гугенотов, которые молились в амбаре в Васси, в Шампани, приказал своим последователям разогнать собрание как противоречащее закону. Гугеноты, хотя и были безоружны, вероятно, оказали некоторое сопротивление, и дело закончилось резней примерно пятидесяти или шестидесяти мужчин и женщин, в то время как еще двести были серьезно ранены. Поскольку город Васси, по-видимому, не был обнесен "стеной", гугеноты, вероятно, были в пределах своих прав. В любом случае, герцог не имел полномочий брать исполнение закона в свои руки. Возможно, это правда, что он не хотел, чтобы его последователи доходили до таких крайностей, но, по крайней мере, он никогда не осуждал и не наказывал виновных. В остальном, резня в Васси была не единственной, произошедшей после Эдикта, и это важно только потому, что она была совершена с молчаливого согласия одного из великих партийных лидеров, и потому, что, таким образом, переноса ссору из страны в суд, это делало войну неизбежной. Вопрос заключался в том, кто должен охранять личность короля? Герцог, быстро продвигавшийся вперед, вступил в Париж (16 марта), несмотря на приказ Екатерины об обратном. Герцог де Гиз входит в Париж 16 марта; и обеспечивает безопасность личности короля. 6 апреля. Когда она удалилась с молодым королем в Фонтенбло, он последовал за ней; и королева-мать, не видя другой альтернативы, согласилась вернуться в Париж (6 апреля) Карла IX. плакал, 'как будто они везли его в тюрьму'. Кэтрин, попытавшись поддержать более слабую сторону, в конце концов, по своему обыкновению, встала на сторону более сильной.

Тем временем Конде отступил из Парижа (23 марта) в Орлеан. К нему присоединились Колиньи и д'Андело, он опубликовал манифест, в котором оправдывал свой призыв к оружию, Манифест Конде. Март. и заявил, что сделал это, чтобы освободить короля из незаконного заключения "Триумвиратом" — Гизом, Монморанси и маршалом Сент-Андре. Таким образом, если католики первыми нарушили мир в Васси, то гугеноты первыми обратились к оружию. Многие обвиняли их в недостатке терпения и считали, что, если бы они воздержались от поднятия знамени восстания, со временем они обрели бы терпимость. Кальвин всегда был против войны, и Колиньи согласился только после долгих колебаний, подавленный, как говорят, мольбами своей жены. Но крайне сомнительно, могли ли они таким образом прекратить преследование; католическая партия была полна решимости искоренить ересь; и, как бы то ни было, жертвы 1562 года превысили жертвы резни Святого Варфоломея. Более серьезное обвинение состоит в том, что гугеноты, прикрываясь религией, преследовали политические цели; но это утверждение может быть с равной справедливостью выдвинуто против всех партий в религиозной борьбе века. Во Франции, как и везде, религиозное недовольство стало точкой опоры и символом веры для всего тлеющего недовольства в стране. У одних сильнее всего проявлялся религиозный, у других - политический и даже личный элемент. "Вельможи, - говорит венецианский обозреватель, - приняли реформу ради честолубия, средние классы - ради церковной собственности,

низшие классы - ради Рая'. Более того, обвинение было бы в равной степени справедливо и в отношении католиков. Если Конде боролся за контроль над правительством, у него были более справедливые права на это, чем у полуиностранных Личин. Политические цели гугенотов, представленные в Орлеане, были более достойны поддержки, чем абсолютистские взгляды Гизов. Если в один момент гугенотов можно было обвинить в возрождении феодализма, а в другой - в том, что они были республиканцами, то поначалу эти личности боролись как за политическую, так и за религиозную тиранию, а в последнее время маскировались под поборников чистой демократии. Наконец, дело гугенотов, хотя и принадлежавшее меньшинству — и, следует признать, непопулярному меньшинству, — все же было делом национальной независимости, которой угрожал постоянно укрепляющийся союз Гизов с Филиппом Испанским. Не следует также предполагать, что ни с той, ни с другой стороны не было ничего более глубокого; на самом деле, именно наличие религиозных убеждений придавало борьбе одновременно серьезность и свирепость.

Географическое распределение двух партий не подтверждает идею о существовании естественного родства между протестантизмом и тевтонскими расами, а также между кельтскими и романскими нациями и католицизмом. Географическое и социальное распределение двух партий. Это правда, что низшие классы кельтской Бретани были убежденными католиками, но таковым был и северо-восток Франции, в котором был силен тевтонский элемент, в то время как гугеноты находили свою главную поддержку на юго-западе, который был романским. Главный оплот гугенотов можно описать как квадрат, заключенный между Луарой, Соной и Роной на севере и востоке; Средиземным морем, Пиренеями и Бискайским заливом на юге и западе; в то время как Дофине и Нормандия были их форпостами. Однако даже здесь только в Восточном Лангедоке и в Дофине, а позже и в Ла-Рошели они твердо стояли на своем или их поддерживало большинство населения, как знатного, так и незнатного. В других местах, в тех провинциях, где дворяне склонялись к протестантизму, крестьяне, как правило, оставались католиками. Хотя у гугенотов было, за исключением Конде и его родственников, мало приверженцев среди вельмож, свою основную поддержку они находили в мелком дворянстве и в городских торговых кругах. Из них дворяне сформировали, по своему усмотрению, самую замечательную легкую кавалерию и, несмотря на слабость своего вооружения, доказали во многих битвах, что они более чем равны облаченным в кольчуги латникам. К сожалению, их бедность, нелюбовь к дисциплине и местные интересы сделали их непригодными для длительной кампании, и это объясняет тот факт, что их победы часто приводили к таким плачевным результатам.

На стороне католиков были представители высшей знати, Церкви и официальные классы магистратуры и бюрократии, крестьяне сельских округов, за исключением Севенн и Дофине, и низшие классы городов, особенно Парижа, а позже Орлеана и Руана. Сильный католицизм в этих и других городах объясняется влиянием религиозных домов, а в Париже - Университета, который с его шестьюдесятью пятью колледжами образовывал почти отдельный город и вместе с монастырями владел значительной частью города и его пригородов. Моральная сила католицизма зависела от консервативных инстинктов народа и от его религиозных традиций, которые были так тесно переплетены с бизнесом и радостями жизни и которые были потрясены иконоборчеством гугенотов; в то время как феодальные, сепаратистские и республиканские тенденции гугенотов сразу же помешали гармонии между собой и навлекли на них обвинение во вражде к единству и централизации, которые всегда были дороги французскому уму. Католики также владели личностью короля и финансовыми ресурсами правительства и Церкви, и им помогали субсидии Филиппа II. Наконец, католики смогли набирать свои войска наемниками не только из католических государств Германии, но и из лютеран, которые оказывали лишь скудную поддержку своим

братьям-кальвинистам. То, что при этих обстоятельствах, в сочетании с тем фактом, что они никогда не насчитывали более одной десятой населения, гугеноты продолжали борьбу так долго, как это было возможно, в основном объясняется рвением и преданностью многих, особенно министров, упрямству *буржуазии*, превосходством их кавалерии и способностями их лидеров, особенно Конде и Колиньи.

Война началась в августе взятием Пуатье Сент-Андре и капитуляцией Буржа, в результате чего центр Франции, вплоть до ворот Орлеана, перешел к католикам. Первая гражданская война. Август 1562–март 1563. В сентябре гугеноты заручились союзом Елизаветы Английской, которая опасалась, что триумф Гизов может означать, что все ресурсы Франции будут использованы для возведения Марии, королевы Шотландии, на английский трон. И все же со своей обычной осторожностью Елизавета потребовала уступки Дьеппа и Гавра в качестве платы за свою помощь. Однако возмущение, вызванное уступкой этих городов, едва ли было уравновешено скудной помощью, которую королева оказала протестантам; Руан был взят католиками. 26 октября 1562 г. а 28 октября католики добились блестящего успеха, захватив Руан, столицу Нормандии, которая отныне стала 'одним из очей католиков'. Потеря города была, однако, в достаточной степени компенсирована смертью непостоянного Антония Наваррского от раны, полученной при осаде, поскольку, таким образом, главенство в его доме перешло к Конде и его собственному сыну, будущему Генриху IV, десятилетнему мальчику. В декабре попытка Конде нейтрализовать последствия потери Руана нападением на Нормандию привела к битве при Дре, Battle of Dreux. 19 декабря 1562 г. на Эвре, которая действительно стала победой католиков. Потери с их стороны действительно были тяжелее: маршал Сент-Андре был убит, а констебль Монморанси взят в плен. Тем не менее, сам Конде попал в руки врага, и Колиньи был вынужден отступить к Орлеану. В феврале следующего года Колиньи снова вернулся и захватил несколько важных городов в Нормандии. Убийство Франциска, герцога де Гиза. 18 февраля 1563 года. Но герцог де Гиз воспользовался его отсутствием, чтобы осадить Орлеан (5 февраля), и город казался обреченным, когда герцог был убит фанатиком по имени Польтро, который верил, что воля Божья в том, чтобы он избавил мир от "мясника из Васси".

Смерть лидера католиков возродила надежды Екатерины на то, что ей удастся сохранить равновесие между двумя партиями. Умиротворение Амбуаза. 12 марта 1563 года. Соответственно, 12 марта был подписан мир в Амбуге. По этому договору Конде и Монморанси были обменены; дворянам разрешалось проводить протестантские службы в своих домах; в каждом *сенешале*,⁸¹ должен был быть предоставлен один город, в пригородах которого гугеноты могли совершать богослужения; и в каждом городе, где протестантская служба проводилась в марте прошлого года, одно или два места должны были быть переданы быть назначенным королем, где это могло бы быть продолжено *внутри* стен. Однако из этих положений Париж должен был быть исключен. За договором последовало совместное наступление на Гавр, из которого англичане были изгнаны 25 июля, и Елизавета была вынуждена отказаться от своих притязаний на возвращение Кале. Колиньи был против этого договора. Это, по его мнению, не давало достаточной безопасности протестантам; но Конде, который был столь же опрометчив в заключении мира, как и в объявлении войны, подпал под роковое влияние мадемуазель. де Лимей, одна из дам из свиты Екатерины, была введена в заблуждение обещанием, что он будет назначен генерал-лейтенантом и тогда сможет следить за интересами своей партии. В этом он был разочарован, ибо Екатерина, чтобы нарушить свое обещание, объявила Карла, которому теперь исполнилось тринадцать, совершеннолетним; и хотя она сама стремилась предотвратить любые дальнейшие военные действия, этого не желали ни папа, ни Гизы, ни Филипп.

На конференции, состоявшейся в Байонне в июне 1565 года, Альва от имени своего хозяина призвал королеву-мать уволить канцлера Лопиталья, 'показать себя доброй католичкой' и принять строгие меры против гугенотов. Вполне возможно, что она согласилась бы, если бы Филипп согласился содействовать ее династическим целям, отдав руку дону Карлоса своей второй дочери, а руку его сестры, вдовствующей королевы Португалии, ее любимому сыну Генриху Анжуйскому; Филипп, однако, отклонил это предложение, а Екатерина отказалась последовать его совету. Тем не менее тревога протестантов была естественной; ходили слухи, что был заключен Союз и принято решение о резне протестантов, и, наконец, о наборе некоторых швейцарских католических войск, о заговоре Мо и Второй гражданской войне. Сентябрь 1567–март 1568. якобы для наблюдения за маршем Альвы из Пьемонта в Нидерланды (ср. [стр. 332](#)), что привело к заговору Мо в сентябре 1567 года. Протестантские лидеры предлагали арестовать личность короля, настаивать на смещении кардинала Лотарингского и требовать предоставления неограниченной свободы совести. Двор, предупрежденный в последний момент об опасности, с трудом добрался до Парижа в сопровождении швейцарских войск, а кардинал, едва спасшись, бежал в Реймс. Затем Конде двинулся на Сен-Дени, где был атакован коннетаблем превосходящими силами (10 ноября 1567 г.). Битва при Сен-Дени. 10 ноября 1567 года. Но гугеноты сражались так упорно, а парижские рекруты - так плохо, что битва оказалась нерешительной. На стороне гугенотов погибло больше известных людей, но на стороне католиков констебль Монморанси был смертельно ранен. Смерть Монморанси на мгновение укрепила руки Екатерины и влияние Опиталья. Эдикт Лонжюмо. Март 1568 года. Соответственно, в марте 1568 года Эдикт Лонжюмо подтвердил Амбуазский мирный договор, который должен был действовать "до тех пор, пока Божьей милостью все подданные короля не воссоединятся в исповедании единой религии".

Екатерина надеялась, что католическая партия будет ослаблена смертью Монморанси. Она оставила должность констебля вакантной и присвоила герцогу Анжуйскому, брату короля, менее амбициозный титул генерал-лейтенанта. Но ее надеждам на поддержание таким образом мира не суждено было сбыться. 'Парламенты' по всей Франции выступили против эдикта Лонжюмо, а эдикт Тулузы зашел так далеко, что казнил королевского посланника по обвинению в ереси. Гугеноты, что вполне естественно, отказались сдать все города, как они обещали в договоре. Кардинал Лотарингии вернулся, и в августе 1568 года был составлен заговор с целью захвата Конде и Шатийонов, которым удалось бежать в Ла-Рошель только из-за внезапного разлива Луары. Опиталь в отчаянии удалился; и Екатерина была снова вынуждена принять политику Гизов. Третья гражданская война. Сентябрь 1568–август 1570. Эдикты о веротерпимости были отменены, и 'Заштопанному миру', как его называли, пришел конец. В этой, третьей гражданской войне, Орлеан, который был сдан после последнего перемирия, стал одним из форпостов католиков; в то время как Ла-Рошель, которая перешла на сторону гугенотов только в феврале 1568 года, была главным протестантским оплотом. Однако до весны 1569 года серьезных сражений не происходило. Битва при Жарнаке. 13 марта 1569 года. Затем герцог Анжуйский, восемнадцатилетний юноша, выиграл битву при Жарнаке на Шаранте (13 марта), в которой Конде был убит после того, как сдался. Смерть Конде рассматривалась как серьезный удар по делу гугенотов. Но сомнительно, чтобы они много потеряли, поскольку, хотя Конде был популярен и не приносил, в отличие от своего брата, свои религиозные убеждения в жертву личным интересам, он был честолюбивым человеком, и его цели были главным образом политическими. Более того, его моральные качества были слабыми; и, хотя он был храбрым солдатом, он не был генералом первого ранга, в то время как как государственный деятель его поведение часто граничило с безрассудством.

Ожидания католиков, что победа при Жарнаке положит конец войне, не оправдались. Битва была не более чем кавалерийской перестрелкой. Смерть Конде оставила Колиньи верховным командующим и послужила, как говорит современник, 'выявлению во всем блеске достоинств адмирала', который во всех отношениях, за исключением дипломатии, превосходил своего предшественника. Даже потеря д'Андело, который к этому моменту умер от лихорадки, не помешала гугенотам поначалу добиться значительного успеха.

В мае 1569 года Вольфганг, герцог Цвайбрюккенский (Deux Ponts), вступил во Францию во главе "рейтеров" из нижней Германии и "ландскнехтов" из верхней Германии, экспедиции герцога Цвайбрюккенского и Вильгельма Оранского. Май 1569 г. и отряд французских и фламандских войск под командованием Вильгельма Оранского и Людовика Нассауского. Пробившись к Луаре, они захватили Ла-Шарите, место значительного значения, поскольку оно контролировало переправу через реку из Бургундии и Шампани, и, хотя сам Вольфганг умер от лихорадки во время кампании, его войска заключили союз с Колиньи близ Лиможа (12 июня). К сожалению, вместо того, чтобы атаковать Сомюр, который контролировал дорогу на Анжу и Бретань, они повернули на юг, к Пуатье. Город храбро удерживал Генрих, герцог де Гиз, юный сын Франциска, который здесь впервые проявил свой военный гений; и через семь недель Колиньи был вынужден снять осаду из-за наступления герцога Анжуйского. Колиньи стремился избежать сражения, поскольку Вильгельм Оранский отбыл собирать свежие войска в Германии; его потери под Пуатье были значительными; и, как обычно, ему было трудно долго удерживать свои войска на поле боя. Но немцы потребовали жалованья, которого он не мог дать, или чтобы их повели против врага; и Колиньи, вынужденный принять вызов Анжу с гораздо меньшими силами, принял битву при Монконтуре. 3 октября 1569 года. потерпел серьезное поражение при Монконтуре (3 октября), где был тяжело ранен. Если бы Анжу сразу же пустился в погоню, гугеноты могли бы быть полностью разгромлены; к счастью, то ли из-за зависти Гизов к этому успеху Анжу, то ли нет, но сначала было решено взять Сен-Жан д'Анжели. Город действительно пал после семинедельной осады, но 'как осада Пуатье была началом неудач гугенотов, так и осада Святого Жана д'Анжели стала средством растратить удачу католиков'. Ла-Рошель все еще держалась; наступила зима; герцог Анжуйский сложил с себя командование, в то время как его преемник, герцог Монпансье, удалился в Анже.

Тем временем в октябре Колиньи, уже оправившийся от ран, отправился в блестящую экспедицию. Он пересек юг Франции, его армия росла как снежный ком, Экспедиция Колиньи. Октябрь 1569–июнь 1570. и достиг Роны; оттуда, держась правого берега Соны, он двинулся на север к Арне-ле-Дюку, где нерешительное столкновение с маршалом де Коссе (25 июня) вынудило его отступить к Ла-Шарите, а оттуда к своему собственному замку в Шатийон-сюр-Луар. Колиньи, правда, не преуспел в осуществлении своего плана объединения с Вильгельмом Оранским, который собирал силы на границе с Германией, и прорыва к Парижу, но кампания убедительно показала, что гугеноты еще не разбиты.

Филипп II. он не посылал католикам ничего, кроме обещаний; королева Елизавета, не желая видеть гугенотов полностью разбитыми, рассматривала вопрос о помощи им; Карл завидовал военным успехам своего брата Анжуйского; и Екатерина не пожалела прислушаться к совету Франциска Монморанси, старшего сына старого коннетабля, снова прийти к соглашению.

По Сен-Жерменскому миру (8 августа 1570 г.), положившему конец третьей гражданской войне, гугеноты не только вернули себе все, что они получили по Эдикту Лонжюмо, Сен-Жерменскому миру. 8 Августа 1570 года. но им разрешили отслужить свои службы в двух городах каждой из двенадцати провинций Франции и получили в качестве ценных бумаг

четыре города, которые они должны были удерживать в течение двух лет — Ла-Рошель, Монтобан, Коньяк и Ла-Шарите. Им также должны были быть возвращены все их имущество, почести и должности, и им было предоставлено право отвода определенного числа судей в 'парламентах' и право обжалования в парламенте Тулузы, который был наиболее жестоким. Таким образом, гугеноты, наконец, получили свободу совести и условия проведения богослужений, которые, если и не были полностью удовлетворительными, то, возможно, были максимальными, на какие они могли рассчитывать. Более того, они вполне могли надеяться, что на этот раз условия будут соблюдены, поскольку за Сен-Жерменским мирным договором последовало полное изменение внешней политики двора.

До сих пор Кэтрин придерживалась двух линий поведения. Одно время она пыталась выступить посредником между двумя религиозными партиями; в другое - поддержать более слабую, изменить политику французского двора. и таким образом сохранить равновесие. Но обе потерпели неудачу. Корона была недостаточно могущественна для первого, и вместо того, чтобы преуспеть во втором, она была вынуждена присоединиться к более сильной партии. Оставался третий вариант. Неужели невозможно возродить национальную вражду к Испании; погасить религиозные разногласия в иностранной войне; сформировать великую протестантскую лигу против папы Римского и Испании; разделить Нидерланды с Англией и Вильгельмом Оранским; а дома обеспечить власть короны? Таковы были взгляды Колиньи, которые теперь должны были быть приняты королем и Екатериной. Карл IX, каким бы слабым он ни был, не был лишен некоторых признаков лучших качеств; он всегда питал отвращение к гражданской войне и видел, что Испания больше всего выиграла от раздоров во Франции, поскольку, как давным-давно сказал маршал Вьельвиль, "в одном сражении пало столько доблестных джентльменов, сколько хватило бы, чтобы изгнать испанцев из Фландрии". Победа испанцев при Лепанто над турками в октябре 1571 года только усилила страх Карла перед Филиппом. Более того, как мы видели, он завидовал славе, которую его брат, герцог Анжуйский (любимец его матери), приобрел в ходе последней кампании, и надеялся, что сможет затмить ее, возглавив национальную войну против испанцев. Но поддержка короля не имела бы большого значения, если бы Екатерина также не одобряла замыслы Колиньи. Филипп отказался отстаивать ее династические интересы на конференции в Байонне в июне 1565 года (ср. [стр. 407](#)). Его третья жена, Елизавета Французская, умерла в 1568 году. Теперь он отказался либо жениться на Маргарите Валуа, второй дочери Екатерины, либо настаивать на притязаниях этой дамы на молодого короля Португалии. Соответственно, Екатерина пожелала выдать ее замуж за молодого короля Наварры, первого принца крови, чьи владения⁸² простирались от Пиренеев до другого берега Гаронны, и дружба которого, независимо от того, был он обращен или нет, могла бы оказать ей большую помощь. Однако его мать, Жанна д'Альбре, опасалась влияния развращенного французского двора на своего сына и справедливо подозревала характер юной принцессы; и Екатерина, стремясь заручиться поддержкой адмирала, который один мог преодолеть угрызения совести королевы Наваррской, прислушалась к его предложениям, и начались переговоры с Вильгельмом Оранским и с Англией. Принц горячо приветствовал эти предложения. Он давно понял, что восстание Нидерландов против Испании не будет успешным, если оно будет вестись исключительно по религиозным мотивам. Протестанты были для этого слишком рассеяны и слишком сильно разделены между собой; и единственный шанс состоял в ведении политической войны против испанской тирании в союзе с иностранными державами. Соответственно, Людовик Нассауский был послан на переговоры, и пошли разговоры о союзе Франции, Англии и Империи и о разделе Нидерландов между ними. В соответствии с этим планом обратились к Елизавете Английской; но хотя в то время она ссорилась с Филиппом из-за подвигов "морских волков" на испанском Мейне и была разгневана поддержкой, которую он оказал заговору Ридольфи в 1571 году, у нее были

непреодолимые возражения против того, чтобы Антверпен и Шельда находились в руках Франции. Поэтому было предложено, чтобы она вышла замуж за герцога Анжуйского и чтобы он был объявлен сувереном Нидерландов (ср. [стр. 338](#)). К этому предложению Елизавета отнеслась более благосклонно, и Уолсингема, ее агента во Франции, тщательно расспросили о внешности герцога. Переговоры действительно сорвались в январе 1572 года из-за предпочтения Анжу, находившегося под влиянием Гизов, руки королевы Шотландии, "законной королевы Англии", но даже тогда был предложен Алансон, младший брат Анжу; и переписка по этому вопросу, которая, по крайней мере со стороны Елизаветы, была начата только для того, чтобы выиграть время, продолжалась до тех пор, пока не была прервана Варфоломеевской резней.

Пока Элизабет подстригалась, события развивались стремительно. 1 апреля 1572 года граф де ла Марк, фламандский беженец, изгнанный из Дувра со своими кораблями, захватывает Бриль. 1 апреля 1572 г. по приказу английской королевы, которая еще не была готова к открытому разрыву с Филиппом, были захвачены Брилл и Флашинг, а Голландия и Зеландия восстали. В мае Людовик Нассауский, собрав при попустительстве Карла войска, в основном из гугенотов, во Франции, взял Монс, столицу Эно, в то время как Елизавета, не желая отставать, позволила английским добровольцам переправиться во Флашинг. Мечта Колиньи, казалось, могла осуществиться, и Карл, казалось, был готов объявить войну Испании.

К сожалению, тем временем у Кэтрин возникли опасения. Она согласилась на Сен-Жерменский мирный договор, потому что боялась Гизов; Екатерина встревожена растущим влиянием Колиньи. теперь ей угрожало еще более неприятное господство Колиньи, который, если можно верить Таванну, посоветовал Карлу, что он никогда не станет настоящим королем, пока не освободится от контроля своей матери. Поэтому она вернулась к идее, которую часто поддерживала и на которую часто давили, избавиться от лидеров гугенотов, особенно от Колиньи. В какой день она окончательно решила на этот курс, с уверенностью сказать невозможно, но есть свидетельства того, что схема приобрела практическую форму уже в феврале 1572 года. Даже тогда, если бы движение в Нидерландах увенчалось полным успехом, король Карл, возможно, решился бы объявить войну Испании; Елизавета могла бы отбросить свои сомнения, и некоторые протестантские принцы Германии присоединились бы к альянсу. Положение Колиньи тогда было бы слишком сильным для Екатерины, которая, как она часто делала раньше, могла бы смириться с неизбежным, и надежды Берли и Уолсингема отбросить католицизм за Альпы и Пиренеи могли бы осуществиться. К сожалению, де ла Нуэ был изгнан из Валансьена, Жанли потерпел поражение и взят в плен. 19 июля 1572 года. французский отряд под командованием графа Генлиса был разбит на куски сыном Алвы при попытке освободить Монс (19 июля), а сам Генлис попал в плен. Руки Екатерины теперь были свободны, и она планировала убийство Колиньи вместе с герцогом Анжуйским и Генрихом де Гизом. Покушение на Колиньи. 22 августа 1572 года. Попытка была предпринята в разгар торжеств, последовавших за бракосочетанием Генриха Наваррского и Маргариты. Была ли бы Екатерина удовлетворена, если бы это удалось, или же она надеялась, что убийство вызовет восстание протестантов и таким образом даст католикам повод для дальнейших действий, сказать невозможно. В любом случае, убийца промахнулся; Колиньи отделался серьезным ранением, и необходимо было переходить к дальнейшим крайностям. В сопровождении герцога Анжуйского, миланца Бираго, преемника Лопиталья на посту канцлера, и других лиц королева-мать посетила короля и угрозами и обвинениями в том, что он слишком робок, чтобы действовать, наконец убедила его. 'Клянусь смертью Господа,' сказал он, 'раз вы настаиваете на том, что адмирал должен быть убит, я согласен; но вместе с ним должны погибнуть все гугеноты во Франции, чтобы не осталось никого, кто мог бы упрекнуть меня в его смерти, и что бы вы ни делали, проследите, чтобы это было

сделано быстро.’ Резня святого Варфоломея. 24 августа 1572 года. Получив согласие короля, план был быстро согласован Екатериной Анжуйской, Генрихом де Гизом, и Шарроном, ‘маршалом Парижа’. Сомнительно, даже тогда предполагалось избавиться не только от некоторых лидеров, но, когда приказ был отдан, фанатичную толпу Парижа уже нельзя было сдержать. Утром в воскресенье, 24 августа, началась резня, которая впоследствии была продолжена в провинциях.

Такова, по-видимому, истина в отношении причин этой прискорбной трагедии, которая, по мнению некоторых, была преднамеренной еще при заключении Сен-Жерменского мирного договора. Однако все прямые доказательства были уничтожены, а факты были настолько искажены партийностью, что уверенность больше невозможна. Число жертв называлось по-разному, но по самым низким подсчетам их было не менее 1000 в Париже и 10 000 в других местах. Среди жертв, помимо Колиньи, были Телиньи, его зять, и Ларошфуко, высокопоставленный дворянин Пуату. Наварра и молодой Конде были спасены, но вынуждены были отречься от протестантизма и практически оказались пленниками в руках Екатерины и Гизов. Что касается какой-либо будущей политики, то Суд еще не принял решения. Говорят, Екатерина надеялась, что, если ответственность можно будет возложить на Гизов, гугеноты схватятся за оружие и нападут на них, и тогда начнется упорная борьба, которая ослабит обе фракции и оправдает вмешательство короля для восстановления порядка; таким образом, обе партии могут быть уничтожены, а она и ее любимый сын Анжу останутся без опасных соперников. Соответственно, король сначала объявил, что это дело стало результатом давней ссоры между Гизами и Шатийонами, которую правительство сделало все возможное, чтобы подавить. Но поскольку Гизы не хотели брать на себя ответственность, король изменил свой тон, оправдал преступление, заявив, что гугеноты составили заговор против короны, и с необычайной низостью призвал Альву предать смерти всех пленных гугенотов, которых он захватил перед Монсом. Никаких изменений во внешней политике не предвиделось. В то же время Екатерина стремилась не отталкивать протестантов от себя за границей. Она рассматривала резню как бытовой инцидент и не отказалась продолжить политику Колиньи теперь, когда его не стало. Это ей тем более хотелось сделать, что теперь она лелеяла идею закрепить корону Польши, только что освободившуюся после смерти последнего из ее наследственных королей, Ягеллонов, за своим любимым сыном Анжу. Поэтому было объявлено, что Амбуазский эдикт будет сохранен, и переговоры были продолжены с протестантскими державами. Эта политика увенчалась некоторым успехом.

Правители Европы выражали восторг или неодобрение в зависимости от своих чувств, но вели свою политику так, как того требовали их интересы. Позиция европейских держав. Филипп сначала был вне себя от радости; по его мнению, это означало конец союза Франции с Нидерландами; однако Альва предупредил его, что свержение гугенотов слишком сильно укрепит Францию. Елизавета заявляла о своем отвращении, но не могла позволить себе ссориться с Францией; в то время как Вильгельм Молчаливый Анжуйский был избран королем Польши. 9 мая 1573 г. особенно после падения Монса 19 сентября, был не в состоянии отказаться от всех надежд на помощь Франции. Протестантские князья Германии сначала проявили большое возмущение, но ничего не сделали, чтобы помешать кандидатуре герцога Анжуйского, который был избран королем Польши (9 мая 1573 г.).

Дома Екатерина не добилась такого успеха, и ‘Франция,’ говорит Сюлли, - искупила резню двадцатью шестью годами бедствий, последствий Резни для Франции. резня и ужас.’ Узнав о резне, выжившие взяли за оружие, но они были недостаточно сильны, чтобы встретить своих врагов в поле, и сопротивление было ограничено несколькими городами, из которых

Ним и Монтобан на юге, 4-я гражданская война. Август 1572–июнь 1573. Сансер и Ла-Рошель на западе были самыми важными. Правительство тщетно пыталось их сократить. Осада Ла-Рошели стоила жизни примерно 20 000 человек и более 300 отличившихся офицеров. Сансер был доведен до такого положения, что были съедены кошки, крысы, мыши и даже собаки; последние, по словам Жана де Лери, чей рассказ вполне уместно назвать кулинарной книгой для осажденных, оказались довольно сладкими и безвкусными. Наконец, 24 июня 1573 года правительство, отчаявшись в успехе и не желая, чтобы польские послы нашли своего нового короля, герцога Анжуйского, который командовал армией, осаждавшей протестантский город, заключило Ла-Рошельский мирный договор. Ла-Рошельский мирный договор. 24 июня 1573 года. По этому договору гугенотам была обещана свобода совести на всей территории Франции и право проводить службы в Ла-Рошели, Ниме и Монтобане. Эти города также должны были быть освобождены от королевских гарнизонов. В августе при посредничестве польского посла Сансер был принят на тех же условиях. Но договор не мог продлиться долго. Было сомнительно, что правительство было искренним, и маловероятно, что гугеноты согласятся отказаться от своих прав на вероисповедание. Помимо всего этого, их дело укреплялось подъемом 'Политических сил', подъемом политиков. или "Мирных католиков", как они себя называли. Эта партия, порожденная ужасом и усталостью, вызванными Гражданской войной, стремилась установить мир на основе взаимной терпимости. Ее лидерами были два сына старого коннетабля, Франциск, маршал Франции и губернатор Парижа, и Генри Дамвиль, губернатор Лангедока. Их ревность к Личинам, которые они унаследовали от своего отца, и в то же время их представления о терпимости были бы ему крайне неприятны, а еще больше - мнения двух его младших сыновей, Уильяма (Торе) и Шарля (Меру), принявших веру гугенотов. Политика была наиболее сильной на юге, где приверженцы двух вероучений были более уравновешены и где борьба была наиболее ожесточенной. В целом они не руководствовались высокими принципами. Если они и приняли взгляды Лопиталя, то скорее из циничного безразличия к религии, чем из убежденности в достоинствах терпимости, и лидеры, по крайней мере, находились под большим влиянием амбиций или личных мотивов. Действительно, за Варфоломеевской резней последовало общее понижение тона и морали по всей Франции.

Тесно связанными с политикой были Наварра и Генрих Конде, которые были вынуждены отречься от своей веры и практически оказались пленниками в королевских руках, а также брат короля, герцог Алансонский, который эгоистично встал на сторону гугенотов в надежде получить корону после смерти Карла IX. В это время результаты резни также проявились в полной трансформации взглядов гугенотов. Изменился характер и взгляды гугенотской партии. До сих пор в партии доминировало дворянство, большое и малое, которые, несмотря на феодальный колорит, который они придавали движению, утверждали, что борются не против короны, а за смещение иностранных и непопулярных министров, в то время как третье сословие ограничивало свои требования расширением полномочий Генеральных штатов. Но теперь многие из высшей знати пали, и многие отреклись от своей веры. Следовательно, значение *буржуазии* и министров возросло, и под их влиянием республиканские идеи стали более заметными; в то время как феодальный элемент, который все еще был представлен мелким местным дворянством, усилил сепаратистские тенденции. Это изменение сопровождалось появлением многочисленных политических памфлетов, из которых наиболее яркими были *Франко-Галлия* из Hotman, и *Vindiciæ contra Tyrannos* из-под пера лангет, или, возможно, Дюплесси-Морней, верный советник Генриха Наваррского.

В "*Франко-Галлии*", применяя исторический метод, утверждается, что тевтонские нации спасли Францию от тирании Рима, возродили свободные институты галлов, Франко-Галлии и защитили тиранов. и установил выборную монархию, которая управляла через народ и для

народа, в котором в конечном итоге находится суверенитет. Упадок этой свободной конституции начался с королей Капетингов, которые со временем отменили привилегии сословий и ввели деспотическое правление короля и 'Парламента'. Далее автор иллюстрирует на примере истории Франции пагубные последствия правления женщин и считает, что именно это является причиной их отстранения от престола, а не какой-либо фундаментальный закон, такой как Салический закон, который противоречит изначальному праву на свободные выборы.

Автор второго трактата, "*Виндиции*", применяет противоположный метод и стремится доказать свою точку зрения с помощью дедуктивного аргумента. И король, и народ заключили договор с Богом: король должен хорошо управлять своей страной, народ - свергать его, если он не в состоянии этого сделать. Следовательно, сопротивление тирану - это долг. Тем не менее, право на сопротивление принадлежит не отдельным лицам, за исключением, конечно, действий против захватчика, узурпатора или женщины, если таковые вопреки закону стремятся править страной; ибо они находятся вне закона. В других случаях судить о нарушении контракта должны не отдельные лица, а их представитель, магистратура. Таким образом, хотя доктрина сопротивления четко сформулирована, сопротивление должно исходить от должным образом сформированных властей, и автор возражает против всего, что отдает анабаптизмом или другими крайними взглядами.

Гугеноты не ограничивались теорией. 24 августа 1573 года, в годовщину Святого Варфоломея, протестанты Лангедока и Верхней Гиенны образовали две федеративные республики - Политическую организацию гугенотов. каждая была разделена на епархии с небольшими совещательными собраниями, которые должны были посылать депутатов в центральные собрания в Ниме и Монтбане. Они, с избираемым губернатором, должны были иметь право набирать войска и облагать налогами как протестантов, так и католиков. Эта республиканская форма правления, в которой мы видим пресвитерианские идеи церковного управления, применяемые к светской политике, должна была быть распространена на все части Франции, которые впоследствии могли завоевать протестанты. Установив таким образом порядок в правительстве юга, гугеноты направили королю петицию с требованием полной свободы совести и вероисповедания по всему королевству и передачи двух крепостей в каждой провинции в качестве гарантии. В то же время "Политика" опубликовала манифест с требованием терпимости. "Если бы Конде был жив и владел Парижем, он не просил бы так много", - сказала Екатерина. И в феврале 1574 года разразилась пятая война. Пятая гражданская война. Февраль 1574–май 1576. Неудачная попытка Наварры и Алансона бежать из Сен-Жермена привела к тюремному заключению маршала Монморанси и маршала де Коссе, другого политика. Генрих Конде совершил свой побег и вел переговоры с немецкими князьями о помощи. Однако до смерти Карла IX. 30 марта 1574 года. произошло какое-то важное событие, и несчастный король Карл IX скончался (30 марта 1574 г.), до последнего терзаемый угрызениями совести и напуганный видениями резни, на которую в недобрый час он согласился.

§ 5. Правление Генриха III, март 1574–июль 1589гг.

Смерть Карла IX дала Генриху повод поспешно покинуть Польшу, где он уже стал непопулярен. Однако он, похоже, не спешил достичь своего нового королевства. Генрих III. покидает Польшу и достигает Франции. Сентябрь 1574 г. Предупрежденный матерью избегать Северной Германии, поскольку 'у немецких князей было слишком много причин для ссор с Францией', он проехал через Австрию и Италию. В Венеции он потратил два месяца

на роскошь и разврат и, как говорят, был развращен распущенностью этого города. По прибытии во Францию (сентябрь 1574 г.) на мгновение показалось, что он склонен к примирительной политике. Но его мать, теперь, когда ее любимый сын стал королем, надеялась, что в случае победы над гугенотами ее влияние будет первостепенным, и ожидала всего от героя Жарнака и Монконтур. Поэтому король объявил, что признает свободу совести, но не потерпит религиозных обрядов, отличающихся от католицизма, и что он будет говорить о мире, когда его замки и города будут восстановлены.

Таким образом, война затянулась, хотя и без каких-либо решающих событий, и вскоре Генрих III начал жаждать мира, чтобы предаваться своим удовольствиям. Определенный союз политиков с южными гугенотами, который состоялся в декабре, позволил повстанцам выстоять. В сентябре 1575 года Алансон, а в феврале следующего года Наварра совершили побег. Тем временем герцог Казимир, сын курфюрста Палатинского, мечтавший возглавить агрессивную кальвинистскую партию в Европе, вторгся во Францию, разорил Бургундию и бурбонну, а в марте присоединился к Алансону при Созе. Наконец, благодаря усилиям маршала Франциска Монморанси, который был освобожден королем, Мир Месье. Май 1576 года. Монсеньерский мирный договор (май 1576 г.) предоставил гугенотам лучшие условия, чем они получали до сих пор. Им разрешалось молиться, где им заблагорассудится, за исключением пределов двух лье от Парижа и владений любого лорда, который мог отказать в своем разрешении. Дела, в которых участвовали протестанты, должны были рассматриваться "Палатами ми-партий" в каждом "парламенте", то есть судами, состоящими из равного числа судей двух религий. Сословия должны были собраться в Блуа, и восемь городов должны были удержаться гугенотами в залог выполнения договора. Герцог Алансонский, или Анжуйский, каким он теперь стал вследствие восшествия на престол Генриха Анжуйского, должен был получить герцогства Беррийское, Туреньское и Анжуйское с сохранением прав сюзеренитета над короной. Генриху Наваррскому было передано губернаторство Гиенны, а Генриху Конде - Пикардии с Пероном в качестве резиденции. Последняя уступка была важной, поскольку Пикардия до сих пор придерживалась очень католических взглядов и отделила гугенотов от их протестантских союзников в Нидерландах. Заключение мира с Месье было встречено католиками Франции с негодованием и привело к волнениям, которые были направлены почти в такой же степени против короны, как и против гугенотов.

Идея создания ассоциаций 'Лучших католиков' не была новой. Вскоре после Амбуазского эдикта, в 1563 году, мы находим упоминания о нескольких из них, таких как Братство Святого Духа в Бургундии и Христианская и королевская лига Шампани. После Варфоломеевской резни эти ассоциации пришли в запустение; теперь их предстояло возродить в гораздо более важных масштабах. Католические лиги. Первой из этих новых лиг была лига Перонна, организованная Юмьером, старым губернатором, который отказался сдать крепость Конде (1576). Примеру быстро последовали в других странах и образовали аналог федерации гугенотов на юге (ср. [стр. 419](#)). Организация этих лиг была военной. Их целями были объявлены: защита Римско-католической и Апостольской церкви; сохранение Генриха III в повиновении его подданных, а после него "всего потомства Дома Валуа"; выполнение постановлений, которые должны были быть представлены Сословиями, которые собирались встретиться; и восстановление древних свобод, как они существовали во времена Хлодвиг, первого христианского короля. Гизы придерживаются демократических взглядов. В этой декларации нам напоминают о новом повороте в политике Гизов. До сих пор они пытались закрепить свою власть в качестве первых министров короны и поддерживали принципы деспотического правления. Но Генрих III пригрозил освободиться от их влияния и уже опирался на своих фаворитов 'Миньонов'. Соответственно, Генрих де Гиз, который после

смерти своего дяди, кардинала, в 1574 году был несомненным лидером своего дома, занял позицию антагониста по отношению к короне и даже начал мечтать о том, чтобы когда-нибудь самому занять трон. Непопулярность, которую Генрих III навлек на себя из-за Мира Месье и его щегольских выходок, заставила герцога опереться на народную поддержку, в то время как многие дворяне-католики присоединились к Политике. Таким образом, партия Гизов, не порвав полностью с высшими классами, начала искать точку опоры в низших слоях.

Перемены отражены не только в статьях этих католических лиг, но и в католических брошюрах того времени, которые начали заимствовать популярные доктрины *Франко-Галлии* и других гугенотских сочинений. Отрицая применение Салического закона к Франции, они утверждали, что титул Лотарингского дома выше титула Бурбонов и даже самого Дома Валуа, поскольку он может вести свое происхождение по женской линии от самого Карла Великого. Перед лицом этих новых событий Генрих III. некоторое время придерживался колеблющейся политики. Генрих III. пытается использовать Генеральные штаты. Сначала он запретил все ассоциации. Впоследствии он отказался от этой идеи и попытался использовать их с целью повлиять на выборы в Генеральные штаты, которые должны были собраться в Блуа в соответствии с Договором, в надежде с помощью полученного таким образом католического большинства свергнуть как гизов, так и гугенотов. В этом он преуспел лишь частично. Действительно, гугеноты, отчаявшись добиться успеха из-за терроризма и интриг Лиги, отказались даже прислать депутатов от тех округов и городов, которые находились в их власти, а католики, оказавшиеся в большинстве, потребовали, чтобы во Франции была только одна религия. Тем не менее, неприязнь к продолжению войны была настолько велика, что они отказались от необходимых поставок и выдвинули конституционные требования, которые заставили Генриха III только радоваться, что он избавился от них (март 1577 г.).

В войне, разразившейся тем временем, король добился несколько большего успеха. Герцог Анжуйский (Алансонский), который теперь дезертировал от гугенотов во время Шестой гражданской войны 1577 г., принял командование королевской армией; аристократические предрассудки и религиозное безразличие политиков плохо согласовывались с серьезностью республиканцев и кальвинистских бюргеров; и Дамвиль, который после смерти своего брата стал герцогом Монморанси и маршалом Франции, вскоре отказался от союза и заключил мир со двором (май 1577 г.). В этих обстоятельствах гугеноты потеряли позиции. В мае пал Ла-Шарите на Луаре; в августе - Бруаж, место, следующее по значимости после Ла-Рошели; и только отсутствие единства среди самих католиков и крайняя усталость страны позволили гугенотам добиться таких благоприятных условий, каких они добились по Бержерак-скому мирному договору (17 сентября 1577 г.). Их право на отправление культа действительно было ограничено владениями знати по Бержерак-скому договору. 17 сентября 1577 года. во все города, где богослужения проводились в день заключения мира, и в другие места — в один город или его пригороды в каждом сенешале, за исключением самого Парижа. 'Палаты ми-партий' также были ограничены четырьмя южными 'парламентами', где гугеноты были сильнее всего. Но у них все еще было восемь городов, переданных им в залог на шесть лет, и Конде получил Сен-Жан д'Анжели вместо Перонна. Король, вероятно, был искренен в желании сохранить мир в Бержераке, поскольку он стремился, если возможно, вырваться из рабства Гизов, а имевшие место нарушения договора были вызваны неподчинением губернаторов провинций, народным фанатизмом и упрямой недоброжелательностью судебных органов.

В 1580 году действительно разразилась 'Война влюбленных'. Однако это было вызвано, скорее, ссорами между королем и Генрихом Наваррским по поводу приданого Маргариты, Седьмой гражданской войной в апреле 1580 года и Флейским миром в ноябре 1580 года. и примечательно, что великий протестантский лидер де ла Нуэ не одобрял этого и что ни Ла-Рошель, ни южные города не принимали в этом участия. Она завершилась Флейским миром в Перигоре (26 ноября 1580 г.), который подтвердил Бержерак-ский мирный договор и положил конец Седьмой гражданской войне.

За Флайкским миром последовали пять лет лихорадочного мира, которые послужили лишь иллюстрацией полной дезорганизации страны и деморализации всех классов. Дезорганизация Франции. Хотя недостатка в искренних, хотя и фанатичных приверженцах двух вероучений не было, они составляли все меньшее меньшинство; и по большей части, как сообщает нам компетентный наблюдатель, "Люди сражались не за веру и не за Христа, а за командование". Из более крупной знати Гизы пытались внушить благоговейный страх короне, если не захватить ее для себя; остальные, такие как маршал Анри де Монморанси и герцог Меркюр, стремились добиться независимости в провинциях, губернаторами которых они были. Мелкая знать играла в ту же игру, но с менее пышным размахом, и в некоторых случаях выродилась в разбойников; в то время как многие, как большие, так и малые, проводили свой досуг в дуэлях и убийствах, часто вызванных какой-нибудь постыдной интригой. Даже женщины прибегали к кинжалу, чтобы освободиться от неудобного любовника или отомстить за какой-нибудь акт неверности. В то время как высшие классы, таким образом, тревожили страну своими амбициями и пороками, низшие классы оплакивали свои социальные обиды и угрожали социальной войной. Во главе этой бурлящей массы беззакония, политической, социальной и моральной анархии стояли колеблющийся, женоподобный король и интригующая королева-мать.

Генрих III. в прошлой жизни проявил некоторый характер. Он был гораздо способнее своих братьев, несчастного Карла IX или герцога Анжуйского (Алансонского), и отличился в битвах при Жарнаке и Монконтуре. Однако его природные дарования были заглушены распущенностью и роскошью, и с момента своего восшествия на престол он становился все хуже и хуже. Он одевался скорее как женщина, чем как мужчина; он окружал себя любимцами и комнатными собачками; он нарушал монотонность своего разгула нелепыми покаяниями и суевериями, которые никого не вводили в заблуждение. Без сомнения, идея привести к власти новых людей, чтобы уравновесить амбиции старой знати, была не совсем глупой, и некоторые из фаворитов, такие как Эпернон, Жуазе и маршал де Бирон, были людьми способными. Но другие, такие как Вилькье и Д'О, опозорили бы любой двор, в то время как все они руководствовались грязными и недостойными мотивами. Рядом с королем стояла королева-мать, все еще стремившаяся к власти, хотя жизнь быстро шла на убыль, и прибегавшая к искусству сводницы, чтобы завоевать своих противников. Ясно, что у Франции не было никакой надежды до тех пор, пока не исчезнет последний представитель этой выродившейся расы Валуа. Единственный шанс на сохранение внутреннего мира, каким он был, заключался в энергичной внешней политике, которая могла бы монополизировать внимание мятежных настроений и поставить короля во главе объединенного народа.

Для этого предложение о суверенитете Нидерландов герцогу Анжуйскому в сентябре 1580 года предоставило возможность, которую Екатерина, Суверенная королева Нидерландов, приняла от Анжу. Сентябрь 1580–февраль 1582. разгневан недавней оккупацией Португалии Филиппом (ср. [стр. 298](#)), горячо принят. Даже сам король одобрил это; в то время как Елизавета благосклонно приняла предложения Анжу о ее руке. Суверенитет был

окончательно передан герцогу в феврале 1582 года. В июне того же года Екатерина отправила экспедицию на Азорские острова в поддержку Антонио, Экспедиция на Азорские острова. Июнь 1582 года. Претендент на престол Португалии. Вильгельм Оранский вполне мог надеяться, что Франция вот-вот вернется к политике Колиньи и, в союзе с протестантской королевой Англии и Нидерландами, наконец, объединится с представителем католической реакции. Однако его надеждам не суждено было сбыться. Генрих III. не был готов к столь смелому поступку и отчасти завидовал своему брату. Елизавета замышляла лишь то, чтобы предотвратить присоединение Нидерландов к Франции и, по возможности, поссорить Францию с Филиппом, и, несмотря на все свои любовные похождения, на самом деле не собиралась выходить замуж за Анжу. Французская ярость. 16 января 1583 года.

Анжу покидает Нидерланды в июне 1583 года и умирает.

Убийство Вильгельма Оранского. 10 июля 1584 года. Экспедиция на Азорские острова, а также другая, отправленная в июне 1583 года, были уничтожены испанским флотом под командованием маркиза де Санта-Круса. Анжу, недовольный предоставленной ему ограниченной властью, опрометчиво попытался занять более независимое положение, захватив Брюгге и Антверпен (16 января). Попытка провалилась, и в июне 1583 года Анжу удался из Нидерландов, чтобы умереть в июне следующего года. Месяц спустя (июль 1584 г.) Вильгельм Молчаливый пал жертвой пистолета Бальтазара Жерара.

Смерти Анжу и Вильгельма Молчаливого привели к самым важным последствиям. Первый сделал предполагаемым наследником протестанта Генриха Наваррского и сделал возобновление гражданской войны почти неизбежным; за вторым последовало предложение суверенитета Нидерландов Генриху III. Суверенитет Нидерландов предложен Генриху III. Октябрь 1584. Отнюдь не казалось невозможным, что Генрих III. примирится со своим наследником-еретиком и примет сделанное ему предложение. Сразу же возникли опасения у французских католиков, у Гизов и Филиппа, и результатом стало создание Католической лиги. Следуя модели католических ассоциаций 1576 года, Лига была сформирована в Париже. Католическая лига. Город был разделен на пять округов: президент каждого из них при содействии выборного совета из Одиннадцати человек сформировал знаменитые *Шестнадцать*. Этот Совет обсуждал меры, которые необходимо было принять, и его решения были доведены до сведения верующих через посредство профессиональных ассоциаций. Примеру Парижа быстро последовали в провинциальных городах, и Франции угрожала тирания центрального клуба с аффилированными с ним обществами, авторитет которых поддерживался частично терроризмом, частично фанатизмом, возбуждаемым проповедями монахов и иезуитов.

Хотя Генрих де Гиз не совсем одобрял демократические принципы, принятые Католической лигой, его интересы требовали, чтобы он поставил себя во главе нее. Но это было не единственное важное изменение в политике Гизов. Репутация семьи изначально была создана на защите Франции от Испании, и Франциск, герцог де Гиз, всегда придерживался антииспанских взглядов; в то время как Филипп, со своей стороны, крайне не желал видеть Марию, королеву Шотландии, их родственницу, торжествующей в Англии, и даже посылал тайную помощь шотландским повстанцам. Однако в последнее время более настоятельная необходимость помешать французам оказывать помощь голландцам или включить какую-либо часть Нидерландов во Францию заставила Филиппа изменить свои взгляды. Соответственно, переговоры с Генрихом де Гизом были начаты еще в конце 1581 года, и Филипп притворился, что одобряет семейные планы в пользу Марии Стюарт, ныне пленницы в руках Елизаветы. Смерть Анжу и опасность примирения между Генрихом III и еретиком Генрихом Наваррским еще больше возбудили опасения Филиппа. Жуанвильский мирный

договор. Январь 1585 года. Поэтому он одобрил организацию Лиги и в январе 1585 года заключил Жуанвильский мирный договор с Гизом. Союзники обязались искоренить ересь и провозгласить кардинала Бурбонского, католического дядю Генриха Наваррского, королем в случае кончины Генриха III.; виконтство Беарн и французская Наварра должны были быть переданы Филиппу в качестве платы за его помощь. В марте 1585 года члены Лиги выпустили манифест, в котором они заявили о своем намерении восстановить достоинство и единство короны, обеспечить дворянству их древние привилегии, изгнать недостойных фаворитов от двора, освободить страну от новых налогов и предотвратить будущие проблемы, установив престолонаследие короля-католика и обеспечив проведение регулярных сессий Генеральных штатов.

Тем временем, чтобы утвердить свои взгляды, они захватили три епископства - Мец, Туль и Верден, большинство городов Пикардии, всю Шампань и большую часть Бургундии, Нормандии и Бретани; в июне они предъявили королю ультиматум, настаивая на отмене последнего Эдикта о веротерпимости. Грозное движение, которое было начато таким образом, стало результатом союза трех сил:

1. Решимость католической партии выступить против притязаний наследника-еретика.
2. Ревность Гизов к королевским "Миньонам".
3. Европейская политика Филиппа II, который не только опасался союза Франции с Нидерландами, но и опасался, что это может привести к определенному союзу с протестантской королевой Англии и, таким образом, разрушить его надежды на восстановление своей власти и власти Католической церкви.

Оставалось выяснить, какую линию поведения изберет Генрих III. перед лицом этого грозного заговора. Сикст V, который только что сменил папу Григория XIII. (26 августа 1585 г.), не совсем одобрял Лигу. "Боюсь, - сказал он, - что дело пойдет так далеко, что король, каким бы католиком он ни был, будет вынужден обратиться к еретикам за помощью, чтобы избавиться от тирании католиков", и это ни на мгновение не показалось невозможным. Генрих III. зашел так далеко, что признал Генриха Наваррского своим законным преемником и посмеялся над заявлениями кардинала как над заявлениями 'старого дурака'. Он запретил все Лиги и объединения и даже предпринял безуспешную попытку захватить герцога Гиза в Меце. Но от такого короля вряд ли можно было ожидать продолжения столь смелой политики. Елизавета, хотя и могла ругать Генриха за то, что он подчинился мятежникам в его королевстве, не отступала от своей позиции сомнительного нейтралитета; Генрих Наваррский, хотя и заявлял о своей готовности "получить наставления", отказался объявить себя католиком; в то время как Екатерина, которая надеялась обеспечить престолонаследие своей дочери Клод и ее мужу герцогу Лотарингскому, предупредила короля об опасности выступать против столь могущественной коалиции. Генрих III подчиняется Лиге. 5 Июля 1585 г.

Сикст бывший коммуникейтс Генрих Наваррский. 9 сентября 1585 года. Генрих, к своему разорению, прислушался к совету своей матери и позволил ей уступить от его имени требованиям Лиги на конференции в Немуре (5 июля 1585 года). Эдикты о веротерпимости были отменены, и те гугеноты, которые не хотели подчиняться, должны были покинуть страну. Сикст, теперь частично избавившийся от своих опасений, издал Буллу об отлучении Генриха Наваррского.

Капитуляция Генриха III. Вступление в Лигу выдвинуло Генриха Наваррского на передний план. Он уже проявил свои военные способности во время Войны влюбленных, и в 1581 году его назначили 'Защитником церквей'. Теперь он стал представителем всех тех, чей фанатизм

или интересы не уничтожили их патриотизм. Изменилась позиция гугенотов и католиков. Интересно отметить, насколько полностью поменялась позиция двух сторон. Обвинения в противодействии законному преемнику, в приверженности республиканским доктринам и в союзе с иностранцами, некогда выдвигавшиеся против гугенотов, теперь могли быть предъявлены католикам; в то время как гугеноты могли утверждать, что борются за принцип законности и национальной независимости. Соответственно, Наварру поддерживали политики и коннетабль Генрих Монморанси, который, однако, находился главным образом под влиянием личной зависти к Гизам. Даже парижский парламент протестовал против нетерпимости Эдикта и Папской буллы. Хотя его члены, как и прежде, выступали против предоставления протестантам права отправления культа, они выступали за свободу совести и, как всегда, возмущались притязаниями папы на вмешательство во внутренние дела Франции. Таким образом, партия гугенотов ни в коем случае не была презренной. Центр их положения находился на территориях, принадлежащих Генриху Наваррскому или находившихся под его контролем. Они, простиравшиеся от испанской границы до Дордони и от Бискайского залива до Лангедока, включали Нижнюю Наварру и Беарн, которыми Генрих владел по своему праву, и семь феодальных владений, принадлежавших ему от короля Франции. Он также был губернатором Гиенны, и у него не было приверженцев в Нормандии и Бретани, в то время как Лангедок находился под контролем констебля. И все же положение гугенотов было достаточно обескураживающим. Если их партия не ограничивалась представителями их религиозной профессии, это только усиливало разногласия, которые всегда ослабляли их. Католики удерживали гораздо большую часть Франции; в Нидерландах Александр Пармский захватил Антверпен (август 1585 г.) и угрожал уничтожить все перед собой, и если бы его задача в Нидерландах была выполнена, как они могли бы противостоять объединенным силам Лиги и Филиппа II.? Что удивительного, если многие отступили или бежали, а борода Генриха Наваррского побелела от беспокойства. Филипп уже мечтал о свержении Елизаветы Английской, о возведении Марии, королевы Шотландии, на английский трон и о подчинении Франции своему наместнику, герцогу де Гизу. Однако, к счастью, король Испании, как обычно, медлил и предпочел добиться своего дипломатией и взятками, а не оружием. Личины не вполне соответствовали ему и Генриху III. сам он с каждым днем становился все нетерпеливее к ярму. Этим причинам и личным способностям короля Наваррского следует приписать спасение Франции.

Генрих III. надеялся в разразившейся войне смирить гугенотов и в то же время обуздать амбиции Гизов. Восьмая гражданская война. Война трех Генрихов.

- 1585– 30 апреля 1589. Соответственно, он передал герцогу де Жуаезу, своему фавориту, командование армией, которая должна была выступить против гугенотов, в то время как сам выступил против немецких 'рейтеров', которых Казимир, брат курфюрста Палатинского, послал на помощь протестантам. К несчастью для короля, Жуаез потерпел поражение и был убит Генрихом Наваррским при Куртрассе на острове (20 октября 1587 г.), и хотя "рейтеры" были вынуждены отступить, битва при Куртрассе продолжилась. 20 октября 1587 года. Гизам удалось добиться признания своего отступления. 'Саул, ' кричали фанатики Парижа, 'убил тысячи своих, но Давид - десять тысяч'. Филипп в этот момент был озабочен тем, чтобы предотвратить какое-либо вмешательство в его планы относительно Армады. Поэтому его посланник Мендоса призвал герцога де Гиза предъявить королю дополнительные требования; и поскольку тот колебался выполнить их, герцог вступил в Париж, вопреки королевскому приказу (12 мая). Попытка короля восстановить свою власть, приказав муниципальной гвардии и швейцарцам обеспечить безопасность важных пунктов города, была встречена "баррикадами"; Баррикады. 12 августа 1588 г. и Генрих III, почувствовав себя больше не хозяином своей столицы, удалился в Шартр, чтобы никогда больше не появляться в Париже. Вынужденный на данный момент подчиниться Лиге, слабый монарх затем

попытался перекупить Гизов у депутатов Генеральных штатов, которые собрались в Блуа 16 сентября 1588 года. Убийство Генриха де Гиза. 23 декабря 1588 г. Но взгляды, принятые Лигой в тот момент, были настолько экстремальными, что это оказалось невозможным. Соответственно, король прибегнул к последнему средству труса и приказал убить Генриха де Гиза в его королевском дворце в Блуа (23 декабря 1588 года). Кардинал де Гиз, брат герцога, был казнен на следующий день, а кардинал Бурбонский находился в плену. 'Теперь, наконец, я король', - сказал Генрих. Иллюзия вскоре развеялась, ибо убийство герцога привело к открытому восстанию Лиги. Поддержанный решением Сорбонны, он провозгласил, что корона является выборной; и когда 'Парламент' оказал сопротивление, его наиболее упрямые члены были заключены в тюрьму. Герцог Майенский, старший из оставшихся в живых братьев убитого герцога, был произведен в генерал-лейтенанты королевства и правил Парижем с помощью Совета из сорока человек, сформированного из депутатов от ассоциированных обществ Лиги. Примеру Парижа последовали и в других местах, и Лига захватила большинство важных городов центра и юга Франции. Тем временем неудача королевской армии в Гиенне уничтожила последний шанс сохранить независимость, и король наконец сделал то, что должен был сделать четыре года назад, и бросился в объятия Генриха Наваррского. Десятилетнее перемирие. 30 апреля 1589 года. Между двумя Генрихами было заключено перемирие на год (30 апреля 1589 года). Король пообещал не беспокоить гугенотов, и Наварра выступила против герцога Майенского. Армии двух королей вскоре после этого двинулись на Париж, который, казалось, был обречен, когда кинжал доминиканца, Смерть Екатерины, 5 января; Убийство Генриха III. 31 Июля 1589 года. Жак Клеман, эмиссар Лиги, отомстил за убийство герцога де Гиза (31 июля). Смерти последнего короля Валуа всего за несколько месяцев предшествовала смерть Екатерины Медичи, его матери. Она умерла (5 января 1589 г.), и в ее ушах звенели упреки кардинала Бурбонского: "Если бы вы не обманули нас и не привезли сюда (в Блуа) прекрасными словами, два брата (Гизы) не были бы мертвы, а я была бы свободным человеком".

§ 6. Генрих IV. и Лига, июль 1589—май 1598.

В результате убийства Генриха III Генрих Наваррский стал законным королем Франции. Вопрос заключался в том, удовлетворит ли он свои притязания. Если бы он теперь пожелал объявить себя римским католиком, он сразу же привлек бы на свою сторону наиболее консервативных людей, поскольку Лига с каждым днем становилась все более анархичной; кардинал Бурбонский, которого она признавала королем Карлом X., был всего лишь марионеткой Испании; а испанский союз становился все более непопулярным. Но обращение, вероятно, лишило бы его поддержки гугенотов, в то время как оно не приобрело бы более фанатичных членов Лиги. Соответственно, Генрих отказался. Он предложил признать католицизм; предоставить гугенотам никаких привилегий, кроме тех, которые они получили до сих пор; и подчиниться 'указаниям' Национального или Генерального совета. Действуя таким образом, он руководствовался политикой, а не убеждениями; и толкование, которое он придаст своей любимой фразе 'получение инструкций', будет зависеть от его успеха в этой области.

Не чувствуя себя достаточно сильным, чтобы атаковать сам Париж, Генрих решил удержать Пикардию, Шампань и Нормандию, откуда столица черпала припасы. 9-я и последняя гражданская война 1589-1595 годов. Поэтому герцог Лонгвиль был отправлен в Пикардию, маршал д'Омон - в Шампань, в то время как сам Генрих вернулся в Нормандию и занял Дьепп, самый важный из нормандских портов, ценный из-за своей близости к Англии. Попытка герцога Майенского сместить его была пресечена в битве при Аркесе (21 сентября).

В следующем марте 1590 года - еще более блестящая победа при Иври, близ Дре, битва при Арке, 5 сентября 1589 года; и при Иври, март 1590 года. убедительно доказано превосходство Генриха над его антагонистом. Генрих, возможно, 'совершил самую смелую глупость', которая когда-либо была, поставив судьбу королевства на карту в одном сражении, в котором у него были намного меньшие силы; но, по крайней мере, его бесстрашие снискало ему восхищение соотечественников. Возможно, если бы он сразу же двинулся в наступление, Париж был бы взят; но Генрих не обладал способностью извлекать максимум пользы из победы и предпочитал продолжать свою более осторожную политику морения города голодом, чтобы заставить его подчиниться. Он занял Корбей, Ланьи и Крей, которые господствовали над верховьями Сены, Марны и Уазы, и к концу августа Париж оказался в ужасном положении. 'Ничто не стоило дешево, кроме проповедей'. Осада Парижа. Как и в Сансере, собаки, кошки, крысы и мыши были жадно съедены; некоторые, как говорят, даже ели мясо детей; и люди громко требовали мира или хлеба, когда приближение Александра Пармского из Нидерландов лишило Генриха его добычи и вынудило его удалиться (10 сентября). В 1592 году Парма снова вошла во Францию и спасла Руан из лап Генриха. Смерть Александра Пармского. декабрь 1592. Однако в декабре смерть великого полководца освободила короля от немедленного ареста и оставила Лигу без лидера, который мог бы сравниться с ним на поле боя. Тем не менее, казалось, что война затянется на неопределенный срок. Партия Лиги действительно угрожала распасться. Майенну не нравилось испанское влияние, и с каждым днем все большее отвращение вызывала экстравагантность Лиги в Париже. В ноябре прошлого года "Шестнадцать" даже осмелились казнить Бриссона, председателя "Парламента", и двух других судей, которые выступали против них, и установили режим террора. Соответственно, Майенн вошел в город, схватил и приговорил четверых из Шестнадцати к смертной казни и восстановил свою власть. Однако, несмотря на ненависть фанатиков, он был не в том положении, чтобы энергично вести войну, если не прибегнет к помощи Испании, без которой он не хотел обойтись.

Генри тоже набирал популярность. Хотя его чувственность, отсутствие у него подлинной убежденности, его циничное безразличие не позволяют нам вообще сделать героем короля Наваррского, Положение Генриха Наваррского. его неиссякаемая энергия, его великолепное мужество, его откровенность, приветливость и подлинная человечность в сочетании с его едким остроумием уже вызвали расположение к нему соотечественников. И все же он был недостаточно силен, чтобы завоевать свою страну мечом; католики не согласились бы видеть еретика на троне Франции; его Декларация Манта. Июль 1591 г. попытка разрешить религиозную проблему с помощью Мантийской декларации (июль 1591 г.), которая признавала католическую религию государственной, в то время как сам он оставался протестантом, не понравилась ни одной из сторон. Слишком многие, подобно маршалу Бирону и Д'О, которые контролировали финансы, были заинтересованы в продолжении войны, чтобы возвращение мира не лишило их работы или надежды сколотить состояние для себя.

Тем временем Франция была на грани разорения. Торговля остановилась. Даже самые патриотичные из дворян — будь то католики или протестанты - отчаявшись в мире, стремились к собственной независимости, а враги Франции воспользовались ее слабостью; Филипп II. надеялся посадить на трон своего кандидата и обезопасить Бретань; герцог Савойский пытался вторгнуться на ее юго-восточную границу; и даже Елизавета Английская требовала Кале или какой-либо другой ответной помощи, какой бы скупой и нерегулярной она ни была. Поэтому искреннее желание всех умеренных католиков Франции, которые не были проданы Филиппу, чтобы Генрих 'пошел к мессе', не может вызывать

удивления. Генеральные штаты. 26 января 1593 года. Весной 1593 года заседание Генеральных штатов, созванное для решения вопроса о престолонаследии, привело к кризису. Кардинал Бурбонский умер в 1590 году, и, согласно католической точке зрения, трон оставался вакантным в течение трех лет. Поэтому Филипп II поручил своему представителю герцогу Ферия предложить возложить корону на Инфанту (которая через свою мать представляла Дом Валуа по женской линии). Если, однако, Салический закон не мог быть нарушен, он должен был предложить избрать королем эрцгерцога Эрнеста, губернатора Нидерландов и брата императора Рудольфа, или, в противном случае, молодого герцога Гиза, который должен был сделать Инфанту своей королевой. По всей вероятности, если бы герцог Ферия сразу предложил герцогу де Гизу стать королем, он был бы принят, но, к счастью для Генриха IV. сначала он предложил Инфанту и тем самым вызвал негодование "парламента" и всех тех, кто заботился об основных законах страны и не был полностью продан Испании. Убеденный, что промедление опасно, Генрих IV. 'получает инструкции'. 23 июля 1593 года. Теперь Генрих принял предложения депутации Генерального штаба, посланной для проведения совещания с ним в Сюрене, и пообещал 'получить инструкции' в течение двух месяцев, в то же время укрепив свои позиции, заняв Дре. 23 июля Генрих IV. признал Католическую, Апостольскую и Римскую Церковь истинной и пообещал повиновение. 27 февраля следующего года он был помазан в Шартрском соборе, поскольку Реймс, где должна была состояться эта церемония, все еще находился в руках Лиги.

Говоря об оправдании 'обращения' Генри, всегда следует помнить, что, хотя он ни в коем случае не был неверующим, у него не было твердых убеждений относительно относительных достоинств католицизма и кальвинизма, и он был человеком, к религиозным щепетильностям которого относились несколько легкомысленно. Таким образом, для него этот вопрос обязательно должен быть решен исходя из соображений политической целесообразности. Но некоторые могут быть склонны думать, что, даже если бы Генрих был убежден в превосходстве веры гугенотов, его долгом все равно было бы руководствоваться в своей политике теми же соображениями. Было сказано, что любой человек в его положении имел бы право принять католицизм в качестве государственной религии, если бы у него были веские основания полагать: во-первых, что не было другого способа установить мир в его стране; и, во-вторых, что он мог, официально признавая католицизм, обеспечить полную и длительную терпимость к гугенотам. В первом было нетрудно убедить самого себя. Он пытался завоевать Францию с оружием в руках и потерпел неудачу. Мы должны также помнить, что гугеноты, в конце концов, представляли лишь небольшое меньшинство нации, и что большое количество католиков предпочитали герцога Гиза с его женой-испанкой королю-еретику. Нелегко также поверить, что, если бы Генрих пожелал исчезнуть, можно было бы достичь любого соглашения, на которое согласились бы гугеноты. По второму пункту мнения, вероятно, всегда будут расходиться. Опасность заключалась в том, что, приняв католицизм, он возродил бы идею о тесной связи между Церковью и государством во Франции, которая заставляла людей смотреть на ересь как на государственную измену. Мы знаем, что Нантский эдикт просуществовал недолго; но была ли отмена неизбежна, и если да, то следовало ли Генриху это предвидеть, вполне может быть поставлено под сомнение.

Таким образом, король Наварры был наконец признан королем Франции. Своим 'обращением' он привлек на свою сторону всех католиков, за исключением самых фанатичных членов Лиги и тех, кто, подобно герцогам Майеннскому и Меркюрскому, руководствовался своими личными интересами. Таким образом, хотя Генрих, насколько это было возможно, сдерживал все враждебные операции, он неуклонно проводил давно принятую им политику подкупа тех, чьего сопротивления все еще следовало опасаться.

Губернаторы провинций были утверждены в своих губернаторских должностях или им были предложены пенсии; мелкая знать соблазнилась подчиненными должностями и деньгами; городам было обещано освобождение от чрезвычайных налогов и свобода от гугенотского богослужения в их стенах. Мудрость и даже необходимость этого курса подвергались сомнению, и, конечно, его пагубные последствия - независимость знати, продажность правительства, серьезное финансовое напряжение — надолго пережили самого короля. И все же, по крайней мере, следует признать, что политика увенчалась успехом. 17 марта Руан сдался, и Генрих захватил всю Нормандию. Четыре дня спустя Бриссак, только что назначенный герцогом Майеннским губернатором Парижа, принял предложения Генриха, передал дела парижским магистратам, Генрих захватил Руан 17 марта; и вошел в Париж 21 марта 1594 г. и открыл ворота. Сам герцог уже уехал, испанские войска были вынуждены покинуть город вместе с примерно шестьюдесятью наиболее выдающимися игроками Лиги, и Генрих наконец стал хозяином своей столицы. 'То, что принадлежит цезарю, было отдано цезарю', - сказал один царю. - Отдан? - переспросил он, глядя на Бриссака. - Нет, продан, и за хорошую цену.

Генрих, стремясь обезопасить свою восточную границу, которой постоянно угрожали из Нидерландов, затем осадил Лаон, который сдался 2 августа 1594 года. Две недели спустя Амьен и другие города Пикардии последовали его примеру. Весна 1595 года ознаменовалась гораздо более важным событием. Генриху удалось примирить герцога Лотарингского и молодого герцога Гиза. Герцоги Лотарингии и Гиз приходят к соглашению. Первый восстановил города Туль и Верден; второй отказался от своего губернаторства в Шампани в обмен на губернаторство в Провансе, где он вскоре доказал свою лояльность, изгнав Эпернона, одного из 'миньонов' Генриха III, который, присоединившись к Генриху IV, обманул его. Единственными важными дворянами, которые все еще держались, были герцоги Майеннский и Меркюрский, оба члены Дома Гизов, и герцог Немурский. Двое первых не желали отказываться от амбиций своей семьи и надеялись с помощью Испании превратить свои губернаторства Бургундию и Бретань в наследственные княжества. Герцог Немурский при поддержке Савойи угрожал стране вокруг Лиона. Поэтому Генрих после нескольких безуспешных переговоров с Испанией, в ходе которых обсуждалась идея женитьбы Генриха на Инфанте, решил объявить Испании открытую войну. Открытая война, по его мнению, была гораздо предпочтительнее продолжения необъявленных военных действий; Иезуиты изгнаны. декабрь 1594г.

Испании объявлена война. 17 января 1595 г. мог возникнуть национальный энтузиазм против иностранца; все те, кто продолжал сопротивляться, были бы обвинены в предательстве своей страны; в то время как англичане и голландцы обещали свою помощь. Войне предшествовало изгнание иезуитов. Введен во Францию Генрихом II. они нажили много врагов; 'парламент' возражал против их экстравагантных заявлений о папском верховенстве и их нападок на прерогативы короны; епископов возмущали их притязания на свободу от епископской власти; старые ордена завидовали их популярности, университету - успехам в образовании. Хотя не похоже, что иезуиты принимали какое-либо заметное участие в организации Лиги, и хотя они, по сути, в то время были в немилости в Испании, где выступали против тирании инквизиции, они, тем не менее, были осуждены как орудия Филиппа. Попытка покушения на Генриха IV. Предпринятая одним из их учеников, хотя, по-видимому, и не спровоцированная ими, привела к кризису. Они были осуждены "Парламентом" за попытку ниспровергнуть законы Церкви и государства, за подстрекательство к восстанию и убийствам и были изгнаны из королевства (29 декабря 1594 г.).

Война Испании была объявлена 17 января 1595 года. Молодой маршал Бирон, которому было доверено губернаторство Бургундии, изгнал герцога Майенского из Бургундии. удалось

изгнать Майенну из этой провинции. Король, отправившийся поддержать его при нападении испанских войск под командованием дона Фернана де Веласко, констебля Кастилии, был почти застигнут врасплох в Фонтен-Франсез. Однако он спас себя благодаря своей отваге, и испанский генерал отступил, к большому неудовольствию Майенна. Генрих вступил теперь во Франш-Конте; но швейцарцы, которые были гарантами нейтралитета страны, запротестовали, и король, не желая навлекать на себя их враждебность, отступил. Его присутствие действительно было необходимо в другом месте. Герцог Лонгвиль после успешной кампании в Артуа умер в апреле; а Тюренн, герцог Бульонский, потерпел сокрушительное поражение от испанцев при Фуэнтесе, Фуэнтес берет Дуленс в июле 1595 года; и осаждают Камбре. в попытке снять осаду Дуленса (24 июля 1595 г.). Дуленс пал, и Фуэнтес осадил Камбре, который находился в руках франции со времен экспедиции герцога Анжуйского в 1581 году (ср. [стр. 361](#)). Король, слишком поздно успевший спасти Камбре, который капитулировал в октябре, осадил Ла-Фер, крепость на Уазе, которую Лига сдала испанцам, и осада затянулась на всю зиму. Успехи Генриха на поле брани не были блестящими. Он был более успешен в дипломатии. В сентябре 1595 г. Климент VIII. наконец согласился даровать ему отпущение грехов, и в январе следующего года герцог Майенский наконец заключил мир. Герцог Майенский подчиняется. Январь 1596 года. Условия, которые он получил, были слишком высоки. Его долги, которые были огромными, были выплачены; он был назначен губернатором острова Франс и получил три крепости в качестве мест безопасности. Эпернон, который вскоре последовал примеру Майенна, был столь же щедро вознагражден. Действительно, Генрих учил свой народ, что мятеж, если он затянется, - это путь к королевской милости.

Теперь не осталось другого важного военного вельможи, кроме герцога Меркура; и победа молодого герцога де Гиза при Марселе, которая также произошла в январе, заставила Генриха заявить, 'что Бог действительно сжалился над Францией'. И все же перспективы были не очень многообещающими. Финансовые трудности были серьезными: Елизавета не хотела, а голландцы не могли оказать никакой эффективной помощи; в то время как гугеноты становились все более беспокойными. Они были шокированы желанием Генриха IV. развестись со своей неверной и ненавистной женой Маргаритой Валуа, чтобы он мог жениться на своей любовнице Габриэль д'Эстре; они были возмущены медлительностью короля в удовлетворении их претензий, в то время как мятежные члены Лиги получали все, что могли пожелать, и они даже говорили о том, чтобы подкрепить свои требования оружием.

В апреле 1596 года новый губернатор Нидерландов, кардинал эрцгерцог Альберт, вторгся во Францию и нанес серьезный удар по престижу армии Генриха, взяв Кале. Эрцгерцог Альберт берет Кале. Апрель 1596 года. Город можно было бы спасти, если бы Елизавета не потребовала его владения в качестве платы за свою помощь и не торговалась, пока не стало слишком поздно. В следующем месяце Генрих в какой-то мере компенсировал эту серьезную потерю, взяв Ла-Фер и оттеснив эрцгерцога через границу; но он был совершенно неспособен выбить испанские гарнизоны из Кале или из Дулена. Если война должна была продолжаться энергично, то, по крайней мере, должны были быть найдены деньги; и к этой цели барон де Росни (Сюлли), который недавно был назначен "управляющим" финансами, теперь обратил свое внимание. Были созданы новые офисы, которые продавались тому, кто предлагал самую высокую цену. У богатых вымогали кредиты. Финансовые реформы Салли. Те, кто набил свои карманы мошенничеством с казначейством, были вынуждены отдать часть своих доходов, полученных нечестным путем, и были предприняты некоторые попытки положить конец подобной коррупции в будущем. Был повышен налог на соль, и осенью Собрание знати даровало королю 'Панкарте", или пошлину в размере 5%. на все товары, выставленные на продажу.⁸³

Однако то, что Генри нажил одной рукой, он с присущим ему безрассудством был готов потратить другой. Большая часть полученных таким образом денег была выброшена на дорогостоящие празднества в Париже, Порто Карреро захватывает Амьен. 11 марта 1597 года, когда внезапно пришло известие, что Порто Карреро, губернатор Дуленса, захватил важный город Амьен путем хитроумного *государственного переворота* (11 марта 1597 г.). 'Хватит, - сказал Генрих, - разыгрывать из себя короля Франции; пора снова быть королем Наварры'. Бирона немедленно отправили осаждать Амьен. В июне король последовал за ним сам с армией, в составе которой присутствие Монморанси, Майенна и Эпернона показало, что старые фракции были почти уничтожены. Англичане и голландцы также послали подкрепление в соответствии с союзным договором, который они заключили в предыдущем году (август-октябрь 1596 г.). 3 сентября Порто Карреро умер. Эрцгерцог Альберт, неспособный получить припасы даже в кредит из-за запоздалого акта отказа Филиппа, не мог продвинуться на помощь гарнизону до 12 сентября; затем, оказавшись в присутствии превосходящих сил, он отступил 'как священник', и 19 сентября 1597 года Амьен был взят. 19 сентября 1597 года. Амьен был наконец восстановлен. Теперь Генрих решил воспользоваться своим успехом для переговоров с Испанией. Филипп не отказался от его предложения. Измученный болезнью, зная, что его конец приближается, что Испания больше не может выносить тяжесть войны и что его слабый сын вряд ли добьется успеха там, где потерпел неудачу он, он стремился оставить свою страну в покое. Филипп соглашается на перемирие. Соответственно, он согласился на перемирие и провести конференцию в Вервине в январе следующего года для окончательного согласования условий мира. Дела Бретани Генрих был полон решимости уладить без какого-либо иностранного вмешательства, и это ему удалось сделать, не обнажая меча. Бретонцы, отчаявшись в успешном сопротивлении теперь, когда помощь Испании была отозвана, герцог де Меркюр подчиняется. 20 марта 1598г. дезертировал от герцога Меркура, который был вынужден примириться в Анже (20 марта). Он передал губернаторство Бретани вместе с рукой своей дочери Цезарю, незаконнорожденному сыну короля от Габриэль д'Эстре, и взамен получил пенсию. Таким образом, наконец всякое сопротивление прекратилось, и Франция вновь стала единой.

Теперь король был в состоянии удовлетворить претензии гугенотов. По прибытии в Париж он переиздал Нантский эдикт 1576 года. 15 апреля 1598 года. с поправками, внесенными к нему Бержерак-ским и Флейским договорами. Поскольку он больше не мог быть их Защитником или позволять кому-либо другому занимать эту должность, он также разрешил гугенотам объединиться в федеративную систему обороны, и было сформировано десять провинций, каждая со своим избранным собранием и Генеральным советом из десяти человек, назначенных собраниями. Но гугеноты не были удовлетворены; они жаловались, что этих уступок было недостаточно и что они часто нарушались. Всем членам Лиги, дворянам или горожанам, которые пришли к соглашению, было разрешено запретить исповедование протестантской религии в пределах своей юрисдикции, и какая безопасность была у гугенотов, что тот, кто мог так легко изменить свою собственную религию, заботился или осмеливался защищать религию других? Поэтому они потребовали более формальной ратификации уже предоставленных им привилегий, распространения системы "Палат мипартий" на все 'Парламенты' Франции и приема на все должности. Король, несмотря на серьезное недовольство, которое временами грозило перерасти в открытую войну, до сих пор отказывался удовлетворить их требования; до тех пор, пока католики не будут полностью примирены, такая политика могла быть опасной и, конечно же, бесполезной, поскольку Генрих был недостаточно силен, чтобы выполнить свои обещания. Однако теперь, когда он действительно стал хозяином Франции, у него не было ни оправдания, ни желания больше медлить. Переговоры, действительно, продолжались некоторое время и, наконец, привели к

Нантскому эдикту, который был опубликован 15 апреля 1598 года. Положения этого знаменитого эдикта в точности повторяли положения Бержерак-ского мирного договора 1577 года. Гугенотам было разрешено проводить богослужения во всех городах, указанных этим договором, или в тех, где они проводились в 1596 и 1597 годах; и, кроме того, по одному городу в каждом бейливики и во владениях протестантской знати. В этих привилегированных городах им также разрешалось основывать колледжи и школы и печатать книги. Париж, однако, как и прежде, с кольцом в пять лье, был специально освобожден до 1606 года, когда король разрешил построить храм в Шарантоне, в пяти милях от него. Министры-гугеноты должны были быть освобождены от военной службы, и король обещал ежегодно выделять определенную сумму на их содержание, в то время как протестанты, со своей стороны, должны были платить десятину. В 'Парламентах' Парижа, Руана и Ренна должны были быть созданы специальные "Судебные палаты", одним из судей которых должен был быть протестант, для рассмотрения дел, в которых участвовали гугеноты; в то время как три 'Палаты представителей' в Кастре, Бордо и Гэпе должны были осуществлять аналогичную юрисдикцию на юге. Наконец, гугенотам должно было быть разрешено проводить синоды, иметь допуск во все колледжи и школы; для них должны были быть открыты все должности, и они никоим образом не должны были страдать за свою религию. Они должны были удерживать восемь городов, которыми владели, в течение восьми лет, но позволить католическому богослужению продолжаться там. Учитывая, что гугеноты составляли не более двенадцатой части населения Франции, условия, которых они таким образом добились, были настолько благоприятными, насколько они могли ожидать, и все, что было возможно при существующем положении Франции.

Но принцип, на котором был основан Эдикт, был в корне ошибочным. Вряд ли это можно назвать Эдиктом всеобщей терпимости, поскольку никакая другая религия, кроме кальвинизма, не допускалась. Более того, уступка привилегии отправления культа отдельным дворянам и конгрегациям в отдельных городах имела тенденцию подчеркивать независимость и изоляцию гугенотов и увековечивать центробежные тенденции как феодализма, так и федеративного республиканизма, которые усилили религиозные войны и которые еще не доставляли хлопот Франции. Пока на троне находился король, желающий и способный обеспечить соблюдение Эдикта, компромисс оставался вполне удовлетворительным. Но после того, как он ушел, шансов на то, что Эдикт останется постоянным, день ото дня становилось все меньше. Гугеноты, отчасти в целях самообороны, отчасти во исполнение политических целей, которым способствовал Эдикт, попытались объединить дарованные им города в полунезависимую федерацию; и когда, чтобы помешать этому, Ришелье лишил их этих обязательств по выполнению Эдикта, он оставил их беззащитными перед тиранией и фанатизмом Людовика XIV.

В то время как Генрих устранял таким образом последние следы оппозиции во Франции, продолжались переговоры с Испанией; Вервинский мир. 2 мая 1598 г. а 2 мая был подписан Вервинский мир. Испания отказалась от всех завоеваний, сделанных ею во Франции во время последней войны, за исключением Камбре; Генрих, со своей стороны, восстановил графство Шароле. Герцог Савойский пришел к соглашению в то же время; он сдал Берре, единственное место, которое он удерживал в Провансе; в то время как вопрос о маркизате Салюс, который он захватил в 1588 году, был передан на рассмотрение папы римского.⁸⁴ Ни голландцы, ни англичане не были включены в Мирный договор. Голландцы отказывались заключать какие-либо договоры, которые не признавали бы их независимость, в то время как Елизавета не была против продолжения войны между Францией и Испанией. Она даже попыталась извлечь выгоду из переговоров, зайдя так далеко, что предложила Филиппу уступить Кале в обмен на Бриль и Флашинг, которыми она все еще владела. Соответственно,

Генрих удовлетворился тем, что обеспечил право своих союзников стать участниками договора в течение шести месяцев.

Заключение.

Вервинский мирный договор едва ли внес какие-либо изменения в политическую географию Европы. Его важность заключается скорее в изменившихся условиях, которые сопровождали его и последовали за ним. Состояние Европы при Вервинском мире. Через несколько месяцев после подписания этого договора Филипп II. умер (12 сентября 1598 г.) на семьдесят втором году жизни в Эскуриале — этой великолепной, хотя и несколько странной смеси 'дворца, монастыря и гробницы', которая является главным архитектурным памятником его правления. Если бы Филипп был более мудрым человеком, он мог бы сохранить повиновение Нидерландов и извлечь выгоду из их промышленности и их колоний. Он мог бы развить ресурсы и конституционные свободы своей страны и обогатить ее за счет торговли с Америкой. Он мог бы обратить ее оружие против турок, стать хозяином Средиземноморья и оставить Испанию консолидированной и процветающей. Закат Испании. Однако, намереваясь осуществить более грандиозные планы, он потерпел катастрофическую неудачу. Его попытка возглавить католическую реакцию и восстановить единство Церкви на основе испанского господства закончилась катастрофой. Поражение Армады спасло Англию как от Испании, так и от Рима. Соединенные провинции фактически завоевали свою религиозную и политическую свободу, а Генрих IV. выставил испанца за дверь. Тем временем Испания, измученная постоянным истощением, вызванным масштабными попытками, и разоренная катастрофической политикой, проводимой внутри страны (ср. [гл. vii.](#)), быстро приходила в упадок. После смерти Филиппа ее королевская раса быстро деградировала; и с сокращением населения, парализованной промышленностью и истощением ресурсов она была вынуждена отойти в сторону и предоставить борьбу за господство другим.

И все же католическая реакция, лидером которой был Филипп, не обошлась без успехов. Если Англия, то успехи католической реакции. Соединенные Нидерланды и скандинавские королевства решительно откололись от Рима, протестантизм был полностью подавлен в Испании и Италии, а в 1587 году католицизм был окончательно восстановлен Сигизмундом в Польше. Во Франции, если гугеноты и добились терпимости, этой терпимости не суждено было продлиться долго; и католицизм не только захватил короля, но и снова был признан государственной религией. В Германии также с середины века наступление протестантизма было приостановлено. Иезуиты к этому времени дали о себе знать не только своей миссионерской и просветительской работой среди народа, но и политикой князей. В Баварии Альберт III (1550-1579) изгнал протестантов и превратил свое герцогство в оплот католицизма. В 1576 году Рудольф II. наследовал своему отцу, Максимилиану II, в самом важном из австрийских владений,⁸⁵ и был избран императором. Максимилиан был наполовину склонен к лютеранству. Рудольф, получивший образование под влиянием своей матери, дочери Карла V. Впоследствии при испанском дворе, был убежденным католиком. Он выгнал протестантских проповедников из Вены и поддержал католическую политику в империи. Продвижению католицизма также способствовали разногласия между лютеранами и кальвинистами, которые возглавляли соответственно курфюрсты Саксонии и Пфальца. При таких обстоятельствах ссоры из-за спорных пунктов Аугсбургского мира были неизбежны (ср. [стр. 248-9](#)). Католики поставили под сомнение право епископа Магдебургского на место в сейме и в 1581 году изгнали Гебхарда Трюхзесса с его выборного престола в Кельне, потому что эти два прелата приняли протестантизм.

День ото дня отношения между приверженцами двух вероучений становились все более натянутыми. Уже тридцать лет Германия находилась в неорганизованном состоянии. вдали маячила война, в которой протестантизму действительно предстояло выстоять, но ценой уничтожения немецкой национальности и единства, почти потери независимости Германии и нанесения ущерба национальному процветанию и интеллектуальному росту на более чем столетие.

Франция, это правда, серьезно пострадала от гражданской войны, длившейся тридцать шесть лет. Торговля и промышленность были разрушены, а ее финансы находились в тяжелом финансовом положении. Положение Франции. Продажность ее административной системы возросла. Генеральные штаты и 'Парламенты', представители конституционной жизни, были дискредитированы; первые из-за крайних взглядов, которые они порой принимали, и из-за их подчинения Лиге. Власть и самомнение знати возросли во время гражданских войн и благодаря системе, принятой Генрихом IV. путем подкупа их оппозиции. Стремление к федеративному республиканизму росло с ростом кальвинизма. Все это было результатом религиозных войн. И все же, в конце концов, именно королевская власть и престиж больше всего выиграли от внутренних разногласий. Возрождение королевской власти. Именно Генрих наконец-то даровал своей стране мир и тем самым заслужил благодарность своего народа; именно он в основном выиграл от дискредитации органов конституционной жизни, а также от разногласий своих подданных. Дворяне, действительно, были опасны, но Генрих IV. преуспел в разгроме их интриг. Его способный, хотя и самодостаточный и эгоистичный министр Салли реорганизовал финансы и сделал что-то, чтобы обуздать существовавшие продажность и коррупцию. Чудесные восстановительные силы страны пришли ему на помощь, и Франция под умным, хотя и несколько циничным правлением своего великого короля снова стала первоклассной державой. Если бы Генрих прожил дольше или если бы ему наследовал способный сын, Тридцатилетняя война, вероятно, не произошла бы или закончилась бы раньше. Дом Габсбургов мог быть повержен в прах, а Франция могла установить опасное господство в Европе. Убийство Генриха IV. в 1610 году этому помешало; Франция после его смерти стала жертвой слабого меньшинства и беспокойного регентства; и Европе не угрожало французское господство до правления Людовика XIV.

80 Вероятно, искаженное немецкое слово "Eidgenossen" (союзники), впервые примененное к протестантской партии в Женеве.

81 Ср. Приложение I. чтобы понять смысл этого.

82 Генрих самостоятельно владел Нижней Наваррой и княжеством Беарн, а в качестве феодальных владений - герцогствами Вандомским, Бомоном и Альбре; графствами Бигор, Арманьяк, Руэрг, Перигор и Марль; виконтствами Лимож и другими владениями. Посмотреть [Карту Франции](#).

83 В то время как Салли что-то делал для пополнения казны короля Генриха, его антагонист Филипп попытался применить более упрощенный метод. 20 ноября 1596 года он публично отменил все уступки, или закладные, по которым налоги с королевских владений были заложены за выданные ему деньги. Предлогом для этого массового отречения было то, что его усилия ради христианства довели его до нищеты, в то время как ростовщики богатели за его счет. Этот поступок, однако, вызвал панику. Крупнейшие торговцы и банкиры

приостановили платежи, и кредит Испании испытал шок, от которого ему было нелегко оправиться.

84 Маркизат Салуццо в Пьемонте был передан Франции по Като-Камбрезийскому мирному договору, см. [стр. 257](#). Генрих IV. в 1601 году обменял его у герцога Савойского на Бресс, Буги и Гекс.

85 Его братья, Фердинанд и Карл, получили Тироль и Штирию. Они были воссоединены с собственно Австрией при Фердинанде II., и австрийские владения были объявлены неделимыми в 1621 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КОНСТИТУЦИЯ ФРАНЦИИ В ПЯТНАДЦАТОМ И ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКАХ.

Cf. Gasquet, *Institutions Politiques et Sociales de la France*.
Chéruel, *Dictionnaire Historique des Institutions de la France*.

I. Центральное управление.—*Королевский совет* (King's Council) или *Государственный совет*. Высший исполнительный совет королевства. Он также осуществлял *законодательную* власть посредством своих Постановлений и высокую *судебную* власть до организации Большого совета.

1. Иногда заслушиваются окончательные апелляции из Суверенных судов.
2. Возбуждал дела в других судах, в которых были затронуты общественные интересы.
3. Заслушал жалобы на королевских чиновников.

Впоследствии Эти судебные полномочия были переданы...

α. Великий совет. — Окончательно организован в 1497 году для решения вопросов спорной юрисдикции между другими суверенными судами, но никогда не был очень важным. Состоит из констебля (главного военного чиновника), канцлера (Высшего гражданского должностного лица), принцев Крови, государственных чиновников.

β. Частный совет или партия. Судебный комитет Совета, созданный в семнадцатом веке.

Ряд клерков (метрдотелей) при Королевском совете работали в различных департаментских советах, таких как Военный и финансовый.

II. Центральные суды.

A. Парламент Парижа.— Центральный судебный орган Королевства, разделяющий с Великим советом право рассмотрения апелляций всех нижестоящих судов.

Он также

(1) издал Предписания.

(2) Зарегистрировал все королевские указы,

мирные договоры и другие публичные документы; и, начиная с правления Людовика XI, заявил о праве отказа в регистрации — праве, которое постепенно переросло в право вето. Король, однако, всегда мог преодолеть свое вето, проводя "Lit de Justice" — *то есть* созвав парламент на торжественное собрание перед пэрами Франции и государственными чиновниками и приказав ему зарегистрироваться.

Его члены занимали свои должности пожизненно и со времен правления Людовика XI были несменяемы, если только не были осуждены за какое-либо уголовное преступление. Поскольку членство, как правило, приобреталось у короля, они стали продаваемыми, а после правления Генриха IV - практически наследственными.

Парламент был разделен на пять судов:—

1. *Большая палата*.—Здесь рассматривались все апелляции большой важности и дела первой инстанции, которые касались пэров; дела о государственной измене; и уголовные обвинения против королевских чиновников и членов парламента.

2. *Chambre des Requêtes*.—Рассматривал более мелкие дела в первой инстанции.

3. *Chambre des Enquêtes*.—Рассматривал более мелкие апелляционные дела и готовил более важные апелляции для Большой палаты.

4. *Chambre de la Tournelle*.—Рассматривал менее важные уголовные дела.

5. *Судебная палата*.— Учреждена после Нантского эдикта 1598 года для рассмотрения дел между католиками и гугенотами. Один или двое судей должны были быть протестантами.

Б. *Счетная палата*. —Осуществляла юрисдикцию по всем финансовым вопросам, связанным с королевскими владениями, и проверяла счета Бальи и сенаторов; регистрировала указы, касающиеся королевских владений, и фиксировала верность и почтение главных арендаторов. Юрисдикция гражданская, а не уголовная.

С. *Суд помощников*.—Осуществлял гражданскую и уголовную юрисдикцию по делам, связанным с налогообложением, и проверял счета элит, которые собирали прямые налоги.

III. Местное правосудие и административная деятельность.

1. *Парламенты провинций*, обладающие теми же полномочиями, что и парламент Парижа в своих округах, существовали в пятнадцатом веке в...

Тулуза	для провинции	Лангедок,	учреждена	в 1443 году.
Гренобль	„	Дофине,,,	„	1453.
Бордо	„	Гиенна,,,	„	1462.
Дижон	"	Бургундия",	"	1477.

И следующие были добавлены в шестнадцатом веке в...

Экс для Прованса, 1501.

Руан для Нормандии, 1515.

Ренн для Бретани, 1553.

Впоследствии были добавлены еще пять—

Pau for Béarn, 1620.

Metz „ 3 Bishoprics, 1633.

Douai „ Flanders, 1686.

Besançon „ Franche-Comté, 1676.

Nancy „ Lorraine, 1769.

В большинстве этих провинций были свои отдельные счетные палаты и суды помощников.

2. *Балли или сенаторы* (с Прево под их началом).

(а) Собирал пошлины с королевских владений (в то время как Элус собирал обычные прямые налоги).

(б) Рассматривал мелкие дела.

(с) Управляли гражданскими и военными делами своих управлений или Сеньории.

Их юрисдикция была подчинена юрисдикции парламентов, и их финансовые отчеты находились в ведении Счетной палаты, в то время как счета Элиты проверялись Службой помощников.

Франциск I, однако, назначил новых должностных лиц — *лейтенантов, гражданских и уголовных*, которым указом 1560 года были переданы судебные функции балли и сенаторов. После этой даты значение балли и сенаторов быстро пошло на убыль, особенно после окончательного учреждения интендантов Ришелье.

Франциск I. также назначил двенадцать *генеральных* лейтенантов над приграничными провинциями. Во время Гражданской войны они были распространены на большинство провинций; и *губернаторы*, как их теперь называли, стали настолько могущественными, что стали ‘настоящими королями’. Генрих IV. сделал все возможное, чтобы подкупить этих губернаторов; но их власть не была окончательно свергнута до времен Ришелье.

3. В 1551 году Генрих II. учреждены *Президентские трибуналы* в качестве промежуточных судов между парламентами и палатами балли или сенаторов.

4. Дворяне по-прежнему сохраняли свои сеньориальные суды; но они, за которыми ревниво наблюдали балли и сенаторы, ограничивались спорами между сеньором и его иждивенцами.

5. В городах существовало муниципальное управление, которое сильно различалось, но обычно состояло из Общего собрания, которое избирало городской корпус, который, в свою очередь, избирал муниципалитет, состоящий из мэра и эшевинов (шерифов). В Париже Прево де Маршан занял место мэра. Однако избирательное право с каждым днем становилось все более призрачным. Чиновники обычно назначались короной, часто в обмен на деньги. В городах также были свои суды, но судебные полномочия, всегда ограниченные, в конечном итоге были отменены.

В Париже, однако, существовал особый Суд, суд *Шатле*, подчинявшийся Прево Парижа (следует отличать от Прево де Маршан). У прево Парижа не было над ним ни Бейли, ни сенешаля. Он руководил городской полицией и рассматривал апелляционные дела в сеньориальных судах города и округа, а также некоторые дела, специально отведенные для *Шатле*, такие как приданое, права наследования имущества и т.д.

The Estates-General (États Généraux).

Состоит из трех палат, состоящих из депутатов от трех сословий: дворянства, духовенства, Государственных слоев (Третье сословие).

Способ избрания.— В назначенный день дворяне, духовенство и горожане встречались в главном городе Байяже или Сенешоссе.

*Дворяне и духовенство путем прямых выборов.*Дворяне и духовенство составляли свои cahiers (петиции) и избирали своих депутатов отдельно.

Уровни устанавливаются путем двойного избрания.— Горожане выбрали группу выборщиков, которые составили устав и избрали депутата.

После 1484 года крестьяне деревень принимали участие в выборах Выборного органа.

В некоторых провинциях преобладала иная система. Так, в Лангедоке и Шампани три ордена избирали своих депутатов совместно; в Бретани депутаты одного ордена избирались двумя другими орденами.

Процедура.— На собрании генеральных штатов три ордена были вызваны на Королевский сеанс, на котором были указаны причины вызова.

Затем приказы разделились, и каждый приказ приступил к составлению своего общего регламента отдельно. После того как королю были представлены три кавалера, Генеральные штаты были распущены.

Силы.—Первоначально Генеральные штаты были созваны не для обсуждения, а для того, чтобы выслушать волю короля и высказать претензии.

Эти петиции имели значительную ценность, поскольку, хотя Генеральные штаты были отклонены без получения ответа короля, cahiers часто служили основой для королевских постановлений. В разное время Генеральные штаты пытались получить те же полномочия, что и те, которые в конечном итоге были предоставлены английским парламентом:

1. Частые и регулярные сеансы.
2. Чтобы на их петиции были даны ответы.
3. Контроль за налогообложением и политикой.
4. Назначение или, по крайней мере, ответственность министров.

Но, несмотря на заметные попытки, особенно в 1355-1358, 1484, 1561 (стр. 398), 1576-7 (стр. 423), 1588 (стр. 431), Генеральные штаты потерпели неудачу в достижении своей цели, и после 1614 года их перестали созывать до 1789 года.

Причины неудачи Генеральных штатов.— Иногда говорят, что Генеральные штаты не представляли Францию; правильнее сказать, что они слишком хорошо представляли Францию — с ее недостатком сплоченности, классовыми разногласиями, отсутствием местного самоуправления. Обстоятельства пятнадцатого и шестнадцатого веков также не были благоприятными. В тот период столетняя война и религиозные войны заставили народ Франции опереться на короля; привилегии феодальной знати препятствовали какому-либо единодушию между высшими и низшими классами и позволили бюрократии набрать такую силу, что впоследствии ее было невозможно свергнуть.

Таким образом, причины отказа могут быть сведены в таблицу следующим образом:—

1. Существование трех Палат препятствовало единодушию, особенно потому, что они представляли собой глубокие классовые разногласия. Дворянство было кастой, зависящей от крови; в то время как высшие должности в Церкви также занимали дворяне.
2. Не было такого класса сельской знати, как в Англии, из которого избирались рыцари графства и которые объединялись с горожанами в Палате общин.
3. Число королевских чиновников, избранных депутатами государственных уровней, как правило, было очень большим.
4. Генеральный совет Орлеана (1439 г.), учреждая постоянную армию Ордонансом жандармерии, как считалось, предоставил королю постоянный налог, *Taille*; и это, несмотря на несколько протестов, впоследствии было увеличено по королевской воле.
5. Поскольку дворяне и духовенство были освобождены от уплаты налога — первые потому, что они служили в феодальном строе; вторые из—за своих клерикальных привилегий, - депутаты этих двух сословий не поддерживали государственные власти в их попытке контролировать кошельки. Таким образом, Генеральные штаты потеряли контроль над кошельком.
6. Там не было эффективного местного самоуправления, подобного английскому графству. Реальная власть находится в руках королевских чиновников, балы и сенаторов, а позже и интендантов.

Провинциальные поместья.— Это правда, что изначально во всех провинциях Франции провинциальные поместья состояли из трех сословий.

(1) Но во многих провинциях они были искусственными созданиями.

(2) Они были ослаблены теми же классовыми разделениями, что и Генеральные штаты.

Соответственно, после пятнадцатого века многие провинции потеряли свои Поместья, и, в конце концов, только около четырех пережили правление Людовика XIV, да и те имели лишь небольшую власть, кроме оценки состояния Земли.

Церковь.—У Церкви были свои

(1)*Церковные суды*, которые, как и везде в Европе, пытались очень широко распространить свою юрисдикцию не только на духовенство, но и на мирян. Однако к концу пятнадцатого века их юрисдикция ограничивалась преступлениями священнослужителей или мирян против морали, закона или доктрины Церкви, а также делами, касающимися брака и смертного одра -*например*, развод, завещания и т.д.; любая попытка церковных судов

вторгнуться в сферу светской юрисдикции пресекалась апелляциями *comme d'abus* (злоупотребление), которые были представлены парламенту Парижа.

(2) Его Собрания, на которых в XVI веке и после него духовенство голосовало за "*dons gratuits*" (добровольные пожертвования) короне.

Отношения Церкви с короной и папой в дальнейшем определялись Прагматической санкцией Буржа и Болонским конкордатом (ср. [стр. 81](#)).

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ.

Доходы в пятнадцатом и шестнадцатом веках поступали из следующих источников:—

I. Королевские владения.

(a) Феодалные инциденты.

(b) Выгоды правосудия.

(c) Права, принадлежащие королю как суверену —*например*, наследования имущества иностранцев, умирающих без наследников, и всех бастардов; штрафы за землю, предоставленную посмертно.

II. Прямые налоги.

(1) *Тайль*, который был двух видов—

(a) В государственных платежах обычно это был налог на стоимость земли, определяемый регулярными оценками по распоряжению Провинциального собрания.

(b) В других частях Франции (*избирательный округ*) это был налог, взимаемый с предполагаемого дохода, получаемого из любого источника, и весьма произвольно начисляемый высшими должностными лицами, которые были ответственны перед Судом помощников.

От уплаты налога освобождались дворяне, следующие за оружием, духовенство, студенты университетов, королевские чиновники, муниципальные власти. Таким образом, налог падал практически на низшие классы.

(2) *Dons Gratuits*.—Налоги на духовенство, утвержденные церковными собраниями.

III. Косвенные налоги.

(1) *Помощники*.— Пошлины, взимаемые с продажи продуктов питания, вина и других товаров.

(2) *Габеллы*.—Соль была королевской монополией; и каждая семья должна была покупать столько соли, сколько нужно каждому члену семьи старше восьми лет. Цена была очень высокой, но в разных провинциях варьировалась, как и количество покупаемых товаров.

(3) *Таможни* на границах каждой провинции. В более поздние времена они были настолько тяжелыми, что бочка с вином окупала бы свою стоимость еще до того, как попала бы в Париж.

(4)*Продажа офисов.*— К концу шестнадцатого века едва ли оставался хоть один королевский офис, который не был бы продан.

Помощники, Габеллы и таможня находились в руках сборщиков налогов, которые занимались большим вымогательством.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

КОНСТИТУЦИЯ ФЛОРЕНЦИИ В ПЯТНАДЦАТОМ И ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКАХ.

I. На основе системы *гильдий* (с 1282 г.), ср. Фон Ремон, Лоренцо де Медичи, том i. стр. 15 и 67. Виллари, *Флоренция*, стр. 312 и далее.

Семь Больших Арти = Пополо Грассо.

Четырнадцать Меньших Арти = Пополо Минуто.

Каждый со своим советом, консулами и проконсулами. Количество правомочных граждан (статуально), около 5000 из 100 000.

II. Исполнительный.—*Коллегия*, состоящая из Синьории и коллегийумов—*И тре Маджори* (офисов).

(1)*Синьория* назначена сроком на два месяца. Его члены (без оплаты, за исключением секретаря и канцлера) жили в Палаццо Публико за государственный счет.

Полномочия.—

(a) Инициирование законодательства.

(b) Высшая исполнительная власть.

(c) Право созыва парламента.

Члены.—А.*Гонфалоньер юстиции* (впервые учрежден в 1293 году), должен быть сорока пяти лет и состоять в одном из *Arti Maggiori*. Председательствовал во всех Советах — и мог вызывать Ополчение. Первоначально избирался Советами, но впоследствии назначался по жребию. Ср. Ниже.

Члены.—Б.*Восемь предварительных.*—По двое от каждого квартала города (первоначально избираемые представителями искусства), им должно быть тридцать лет, и они должны быть членами гильдии (шесть из Арти Маджори, двое из Минори с 1345 года). Каждый приор председательствовал вместе с Гонфалонье в течение трех дней и мог вынести на голосование любую меру, если Гонфалонье откажется. ('*Il proposto.*')

(2)*Коллеги (Collegi).*

(a) Двенадцать *Буонуомини* (девять из великих, три из малых Искусств). Они действовали как Тайный совет и проверяли синьорию.

(b) Шестнадцать *гонфалоньеров* из шестнадцати рот ополчения (по четыре от каждого квартала города) под командованием *Капитано дель Пополо*.

(c) Девять судей, ранее судимых.

Постоянный оплачиваемый секретарь по имени "Второй канцлер".

Исключительный. Capitani di Parte Guelfa.— Они были учреждены в 1297 году для защиты города от гибеллинов и продолжались еще долгое время после того, как опасность миновала. Их было от трех до девяти человек, они избирались сроком на два месяца и были уполномочены распоряжаться доходами от конфискованного имущества изгнанных или осужденных гибеллинов, и поскольку эти суммы были большими, капитаны брали на себя содержание крепостей, оборонительных сооружений и общественных зданий.

По Закону 1358 года все, кто занимал или некогда занимал должность, могли быть обвинены открыто или тайно перед капитанами в том, что они не являются настоящими гвельфами. Свидетели защиты не допускаются — и если обвинение будет поддержано шестью свидетелями, заслуживающими доверия, обвиняемый может быть приговорен к штрафу или смертной казни без апелляции.

Однако к концу четырнадцатого века эта тираническая организация несколько утратила свою власть.

III. Иностранные дела были в руках...

(1) *Dieci di Guerra*—called later *Dieci di libertà e Pace*—first appointed 1423.

(2) Два Совета, которые рассматривали законопроекты, касающиеся иностранных дел, прежде чем они поступали в обычные Советы.

(a) *Consiglio del Dugento.*— Двести человек из тех, кто занимал высшие государственные посты.

(b) *Консильо Чентотрентуно*, 131 (синьория, капитаны отряда гвельфов, Десять военачальников, Советы ремесленников, консулы гильдий и сорок восемь граждан).

IV. Законодательство после 1328 года.

Закон, одобренный колледжем, поступил в...

1. Два совета Столицы дель Пополо.

(a) *Consiglio di Credenza* или *del Cento*, 100 должностных лиц гильдий, иногда называемых Сенатом, часто игнорируются. Ср. Нарди, 1, 4 (б). Саймондс, *Эпоха деспотов*, стр. 530.

(b) *Консильо дель Пополо*, 300 человек, первоначально отобранных из высших искусств, а позже и из других, обновляется каждые четыре месяца.

2. Два совета подесты.

(a) Специальный Совет из 90 человек.

(b) Более крупный *Консильо-дель-Подеста* или *дель-Коммуна*, около 390 человек. Сюда входили судьи и служители закона (и, следовательно, дворяне, поскольку дворяне могли занимать эти должности), а также *пополани*, которые обновлялись каждые четыре месяца.

Наконец, закон, принятый этими Советами, должен был быть представлен на рассмотрение Общего совета всех них.

Синьория и коллеги *по должности* были членами этих Советов.

Система голосования. Путем голосования. Черная и белая фасоль. Черный = да, белый = нет. $\frac{2}{3}$ к черным бобам необходимо отнести вопрос.

Tenere le fave or il partito	=	Голосовать "против".
Встреча с любимым человеком	=	Голосовать "за".
Авторитета у всех любимых	=	Большинства $\frac{2}{3}$ в синьории. (6 из 9.)
Любимая книга	=	$\frac{2}{3}$ голосов.

Против правосудия.

1. *Суд Капитано дель Пополо*— оплачиваемый сотрудник — должен быть иностранным дворянином и юристом. Осуществлял упрощенную уголовную юрисдикцию, особенно в отношении плебса.

2. *Суд Подесты*— оплачиваемый сотрудник — должен быть иностранным (итальянским) дворянином и юристом. Осуществлял высшую гражданскую и уголовную юрисдикцию.

3. *Исполнитель правосудия*— оплачиваемый чиновник — должен быть пополоно, гвельфом и иностранцем. Осуществлял упрощенную юрисдикцию, особенно над дворянами.

Все они занимали свои посты в течение шести месяцев.

4. *Casa della Mercatanzia*. Трибунал для решения коммерческих дел, который также выполнял функции Торгового совета.

5. *Отто ди Балия и Гуардиа*, выдвинутый Синьорией, занимал свой пост четыре месяца.

Апелляционный суд из суда Подесты с полномочиями полиции.

Синьория и Отто имели право казнить, изгнать или заключить в тюрьму любого гражданина.

VI. Порядок назначения в высшие магистратуры.

Первоначально избирались Советами, но впоследствии их заменила система "жеребьевки".

Для каждой должности каждые три-пять лет формировался кошелек (*borsa*) всех граждан, имеющих право на указанную должность, и имена извлекались из этого кошелька.

В случае с Приорами в кошелек клали пятьдесят восковых шариков, каждый из которых содержал восемь имен (шесть от Арти Маджори, два от Минори), а затем извлекали шарик.

Приемлемость (*Benefiziati*, Имеющий право).—Это было решено в результате Скваттино (проверки), проведенной правлением, и лица могли быть признаны не имеющими права на "беспорядки в седере" по следующим причинам (9000 лишенных избирательных прав из 100 000):—

1. (a) *Гранди.*—По Ордини делла Гистизии 1293 года дворяне не могли быть членами синьории, коллегий или Консильо дель Пополо до 1434 года, когда Козимо разрешил им вступать в гильдии.
1. (b) Плебеи или чомпи, все не члены гильдий.
1. (c) Жители Контадо, загородных округов.
2. *Ammonito.*— "Предупрежден" за любое политическое преступление, *например, за то, что* является гибеллином, и осужден Капитано дель Парти Гвельфа; пожизненная дисквалификация или более короткий срок. Эта система дошла до крайней экстравагантности. 'Нет ли у тебя врага? Согласись увещевать меня, и я сделаю то же самое через тебя'. Ср. Нейпир, ii. 235.
3. *Moroso di Specchio* (mirror).— Тот, кто не заплатил свои налоги. (*Нетто ди Спеккио* освобожден от этой дисквалификации.) По закону 1421 года налоги должны были выплачиваться в течение тридцати лет мной, отцом и дедом.
4. *Разделение* (запрещено).— Даже после того, как были названы имена, мужчина может быть дисквалифицирован, потому что он или его родственник недавно занимали должность — "ведуто ма не седуту".

Члены правления обязаны соблюдать тайну, но

(1) По мере того, как период, на который были составлены кошельки, подходил к концу, стало возможным угадать, кто станет грядущими магистратами, и нашлись шарлатаны, которые сделали вид, что предсказывают это.

(2) Члены контрольных комиссий были подкуплены за разглашение имен тех, кто будет привлечен к ответственности.

Легализованная революция.—Во времена кризиса синьория созывала парламент номинально от всего населения, но обычно только от приверженцев партии, которые предоставляли исключительные полномочия (*Balía*) определенному числу граждан.

Закон *Балии*

(1) может изменить конституцию.

(2) Назначал *Ассопиатори* (сцепщиков или столяров), которые отбирали лиц, имеющих право на должность, и иногда назначали должностных лиц, *т.е.* назначал "а мапо" вместо "а сорте".

В 1459 году (при Козимо) был учрежден совет из 100 человек для избрания *Аккопиатори*.

Флоренция пользовалась политической свободой, но не пользовалась гражданской свободой.

(1) Неограниченные полномочия мировых судей.

(2) Отсутствие апелляции в судах общей юрисдикции. Произвольная юрисдикция.

(3) Отсутствие свободы прессы.

ИЗМЕНЕНИЯ В КОНСТИТУЦИИ.

N.B. Синьория просуществовала до 1530 года.

Я. При Лоренцо.

1472. Burd, *Machiavelli*, 81, 85, 89; Perrens' *Histoire de Florence, Depuis la domination des Médicis*, 1, 362, 445, 523; Armstrong, *Lorenzo de' Medici*.
Количество арти уменьшено до 12 за счет подавления 9 минори арти.

1480. После заговора Пацци.
Консильо де Сетманта (Коллегия 70-ти), назначенный синьорией с полномочиями заполнять собственные вакансии теми, кто занимал пост гонфалоньера.

Его работа

(a) По постоянному назначению на должности (a mano).

(b) Назначить *Отто ди Пратика*, который заменил старый Закон Свободы и Пасе.

Этот колледж, первоначально назначенный на пять лет, постоянно переназначался.

В 1490 году.

Этот Колледж передал часть своих полномочий меньшему комитету из 17 человек, одним из которых был Лоренцо; и этот Комитет

(a) назначил Аккопиатори для выдвижения кандидатов на должности.

(b) Контролировал каждую ветвь администрации.

II. 1494. Реформы Савонаролы. Ср. Бурд, стр. 94. Гвиччардини, *История Фиоренции*, iii. 120. Виллари, *Савонарола*, стр. 257. Перренс, ii. с. 3. *Кембридж Мод. История.*, том i, стр. 158.

(1) Временный. — Созван парламент, который назначил 20 Сопровождающих (*Губернаторов Вентиляции*). Это заполнило магистратуры на год и подготовило Сквиттино на будущее.

(2) Постоянный.—Конституция, созданная в подражание Венеции. Упразднены Совет Пополо, Коммуна и парламент.

А. *Генеральный совет*, или маджоре, формируется из всех имеющих на это право граждан "бенефициати" (всех тех в возрасте 29 лет, чей отец, дед или прадед был ведудо или седудо на

одном из трех более крупных постов, около 3000 человек). Но если число "бенефициати" превышало 1500, они должны были быть "стерзати", т.е. разделяться на 3, и 1/3 от всего числа должны были составлять Консилиум на 6 месяцев. Было допущено небольшое число граждан старше 24 лет, имеющих другие права, и каждый год 60 человек имели право голоса, но ни ведудо, ни седудо не могли быть избраны, если они получали две трети голосов.

Б. *Consiglio degli Ottanta*, Сенатор, избираемый вне состава Генерального совета сроком на шесть месяцев, должен быть 40-летнего возраста.,,

Б. Сенат должен был консультировать *Синьорию* (которая оставалась прежней) и избирать послов и уполномоченных в армию.

Генеральный совет был

(1) Избирать в магистратуру с помощью сложной системы голосования и отбора по жребия. Ср. Гвиччардини, *История Фиорентины*, iii. 125.

(Впоследствии система прямого назначения по жребия была снова введена. Ср. Гвиччардини, iii. 155, 203, 235.)

(2) Заслушать уголовные жалобы синьории и Отто ди Балия.

(3) Принимать законы. Президент *Il Proposto*, один из синьоров, менявшийся каждые три дня, излагал закон синьории и коллегиям. Если они одобряют, он может быть передан на практику избранных членов *Consiglio d'Ottanta*. Оттуда он отправился в Оттанту, а затем в Генеральный совет. Здесь законы не могли обсуждаться, хотя синьоры могли бы призвать кого-нибудь выступить в поддержку, но за них проголосовали.

С. *Dieci di Libertà e Pace* (называемый также *Dieci di Balía*), снова восстановленный на месте Отто ди Пратика. Синьория, Суды Капитано и подеста, Меркатанция и Отто ди Балия остались прежними. *The Dieci di Pace e Libertà restored*.

В 1498 году. Суды Подесты и Капитано дель Пополо были восстановлены.

Это правительство просуществовало до 1512 года, за следующими исключениями:—

(i) В 1502 году.

(a) Гонфалоньер избирается пожизненно по двойной системе выдвижения кандидатур и выборов. Избран Пьеро Содерини. (Гвиччардини, iii. 281; Виллари, *Жизнь Макиавелли*, ii. 102; Перренс, *История. Флор.* ii. 408.)

(b) Суды Подесты, Столицы дель Пополо и Меркатанции упразднены. Вместо этого *Ruota della Justizia* состоит из пяти докторов юридических наук, обладающих гражданской и уголовной юрисдикцией. Это должны были быть иностранцы, избираемые синьорией и Коллегией на три года и получающие жалованье, один из которых должен был стать подестой. "Меркатанция", однако, продолжала функционировать как Торговое учреждение.

(ii) 1506. Ополчение, учрежденное по предложению Макиавелли.

Все мужчины в возрасте от 15 до 50 лет допускаются на службу, но только из города и сельского округа (контадо) Флоренции. Не из подвластных ей городов. (Берд, 126.)

Ополчение было подчинено новому совету из девяти человек, *Нове-делла-Милиция*, который, однако, находился под властью Закона Свободы во время войны.

III. 1512. Возвращение Медичи.

Конституция восстановлена в том виде, в каком она была до революции 1494 года, хотя выдвижение кандидатов на должности практически находилось в руках Медичи, Джулиано и Лоренцо. (Берд, 145, 148.)

IV. 1527. Восстановление конституции Савонаролы 1494 года, за исключением того, что гонфалоньер должен был избираться на 13 месяцев.

Ст. 1530. Окончательное свержение республики. Перренс, *История. Флор.*, iii. 368.

Алессандро Медичи назначен великим герцогом.

12 Реформаторов, избранных парламентом для "реформирования" государства.

1. Синьория упразднена.

2. Совет из 200 человек, избираемый пожизненно.

3. Сенат из 48 человек, избираемых пожизненно из 200, с полномочиями в области законодательства и налогообложения, а также назначения на должности.

4. Тайный совет из четырех советников, избираемых сроком на три месяца 12 членами Комиссии, избираемыми из Сената.

Они вместе с наследственным великим герцогом исполняли обязанности синьории.

Кандидатура Отто ди Пратика	{	будет выдвинута Сенатом.
Отто ди Гуардиа		
Буонуомини		

Все различия между высшим и низшим "искусством" отменены.

Офисы заплатили.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ.

See Napier, iii. 117.

Cosimo de' Medici. Лоренцо де Медичи.

I. Косвенные налоги. Импортные и экспортные пошлины. Монополия на соль.

II. О недвижимом и движимом имуществе.

III. *Prestanze*.—Принудительные займы под залог оцениваемого имущества. Теоретически они должны были быть погашены, а тем временем выплачиваться проценты, но это делалось редко ('tenere i luoghi' (акции) = для удержания выплаты процентов), настолько, что большинство воспользовалось законом, согласно которому, если сумма не превышала двух золотых флоринов, они могли выплатить одну треть и лишиться всех прав на проценты или погашение.

Система привела к большим злоупотреблениям. Влиятельные получили по заслугам, не то что бедные. Следовательно, спекулянты, связанные с правительством, скупали требования к государству за небольшие суммы, а затем добивались возврата кредита.

Оценка (*estimo*) имущества гражданина для II. и III. первоначально проводилась таким образом —

1. Назначенный Балья, который распределил для каждой палаты их *квоту*.
2. В каждой палате. Семь Советов по семь человек в каждом (*Sette Settine*) составили семь графиков оценки имущества граждан в соответствии с их представлением о собственности каждого человека.

3. Эти семь таблиц были отправлены в некоторые из наиболее известных монастырей, которые отклонили четыре таблицы, которые отличались наиболее сильно, а затем, суммировав суммы, начисленные каждому налогоплательщику по трем оставшимся таблицам, разделили общую сумму на 3.

Но в эту систему вкрались многочисленные исключения; действительно, богатые были в значительной степени освобождены под предлогом того, что они служили государству, заняв свой пост.

Отсюда и реформа *Catasto* 1427 года (*Accatastare*, нагромождать). Каждые пять лет проводится оценка всего имущества, подлежащего налогообложению. (Земли, движимое имущество в пределах города или за его пределами, арендная плата, прибыль от бизнеса.)

Из этой суммы, капитализированной по ставке 7%, т.е. 7 флоринов дохода = 100 флоринам капитала, были сделаны вычеты на необходимые расходы. Остаток, который рассматривался как излишек, подлежал обложению либо прямым налогом, либо ссудами по ставке $\frac{1}{2}$ процента. на капитал.

Со времен Козимо Оценку проводили официальные лица, а не представительные комитеты, и был введен принцип градации. Это стало бессрочным в 1480 году, когда налог на землю был установлен только в $\frac{1}{10}$ одной части годовой стоимости (*Decima Scalata*). В 1482 году налог на движимое имущество и профессии (*Arbitrio*) был вновь введен.

При Савонароле в 1494 году система градации была отменена, и децима взималась только с земли, но вскоре после этого старая система была восстановлена.

В 1503 году. Установлен арбитражный налог на профессии.

IV. Подушный налог от 1 до 4 флоринов с человека в возрасте от 17 до 70 лет. В случае многодетных молодых семей налогом облагается только один член семьи.

Субъектные города и районы двух видов.

1. *Сомиссио* путем завоевания или заключения договора. Отношение Флоренции к ним различалось; но, вообще говоря, подеста назначался Флоренцией, и апелляция подавалась во флорентийские суды, в то время как зависимый город сохранял свое собственное правительство и законы и более или менее свободу налогообложения.

Торговые отношения были своеобразными. Как метрополия, так и зависимые города сохраняли защитные пошлины друг против друга.

2. *Аккомандигия*.—Под Протекторатом город тогда назывался *Раккомандато*. Это было не более чем признанием превосходства Флоренции и следованием ее примеру в войне.⁸⁶

Причины нестабильности флорентийского правительства—

1. Конфликт между идеей равенства и желанием семей править.
2. Зависть к Руководителю.
3. Отсутствие возможности адаптации в Конституции.
4. Слабость и пристрастность правосудия.
5. Налогообложение спортивных состязаний, за исключением случаев, когда это регулируется *Catasto*, и то лишь на короткое время.
6. Непокойный характер его граждан.
7. Репрессивное правительство подвластных городов.

⁸⁶ Гвиччардини в своем "*Рикорди*" говорит: "Подданные Республики находятся в худшем положении, чем подданные принца. Республика не предоставляет доли своего величия никому, кроме граждан своего главного города, угнетая других. Принц считает всех в равной степени своими подданными."

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ВЕНЕЦИАНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ XV И XVI ВЕКОВ

Власти.—

Daru, *Histoire de la République de Venise*, B.
xxxix.

Браун, *Венеция*, стр. 163, 177, 398;
Венецианские исследования, стр. 178.

I. Великий совет (Maggior Consiglio).

Ограничен законом 1296 года для семей тех, кто был *тогда* членами (*Serrata del Maggior Consiglio*). Те, кто имел на это право, должны были быть избраны, но, по сути, избирались всегда. Никто не мог занять его место до достижения двадцатипятилетнего возраста, за исключением тридцати человек, которые избирались каждый декабрь, и нескольких, которым это было специально разрешено в обмен на ссуды, предоставленные государству.

Его функции были в основном *выборными*. Все должностные лица и магистраты избираются им, за исключением нескольких высших должностных лиц, *например*, Савии Гранди, Савии ди Терра Фирма и адмирала.

Система выборов.—Назначенцы, выбранные по жребию в Совете, избирают кандидатов — иногда двух, иногда четырех — на вакантную должность. Затем имена этих кандидатов были представлены Совету, и тот, кто получил наибольшее количество голосов, был объявлен избранным.

Великий совет также первоначально обладал (а) некоторыми законодательными полномочиями, но постепенно они были поглощены Сенатом; (b) судебными полномочиями. По представлению Коллегии они судили командиров, обвиняемых в халатности или некомпетентности.⁸⁷

II. Сенат (прегади, *то есть* Приглашенные), числом 246:—

(a) Шестьдесят избираются Великим Советом сроком на один год.

(b) Шестьдесят (Зонта, *то есть* дополнение) избираются уходящим Сенатом и утверждаются Великим Советом.

(c) *Ex officio.*—Дож, шесть его советников, члены Верховного апелляционного уголовного суда, а также сотрудники финансового и судебного департаментов.

(d) Пятьдесят второстепенных должностных лиц, которые имели право обсуждать, но не голосовать.

Его функции.

(a) *В основном законодательный.*— Он принимал законы по предложению Колледжа.

(b) *Избрал* нескольких высших должностных лиц.

The Savii Grandi.

Savii di Terra Firma.

Admiral.

(c) Иногда судили командиров, обвиняемых в халатности или некомпетентности.

III. Совет десяти (Consiglio de'Dieci).—После 1310 года этот Совет взял на себя некоторые функции Сената. Браун, *Венеция*, стр. 177.

Как избрали.

Сроком на один год Главным Консильо из списка в двадцать человек, из которых десять были избраны Консильо, десять - дожем, его советниками и руководителями Верховного суда. Ни один член не имел права переизбираться в течение года после вступления в должность. Дож и шесть его советников были *членами по должности*. Впоследствии в состав Главного совета было избрано по двадцать дополнительных членов для каждого важного дела.

Функции.—(a) Он занимался неотложными вопросами финансов, государственной политики и военной организации.

(b) Рассматривал дела о государственной измене и другие дела, исключенные Коллегией из обычных судов.

IV. Коллегия предлагала Сенату меры и была *Высшим органом исполнительной власти*.

Члены.—(a) Дож, шесть советников, три председателя Апелляционного уголовного суда.

(b) Шесть Савий Гранди, избираемых Сенатом сроком на шесть месяцев. Должно быть, 38 лет.

Они руководили работой нижестоящих советов директоров и выполняли работу ответственных государственных министров.

(c) Пять спасителей Земли, избираемых сроком на шесть месяцев. Должно быть, ему 30 лет.

1. Savio alla Scrittura. Военный министр.
2. Савио Касье. Канцлер казначейства.
3. Savio alle Ordinanze. Министр народного ополчения.
4. Савио ай да мо. Министр по исполнению неотложных дел.
5. Савио ай Церемониали. Государственный министр по церемониям.

(d) Five Savii da Mar, or agli ordini.

Совет адмиралтейства, избираемый на шесть месяцев, работал под непосредственным руководством Savii Grandi. Имел право голоса, но не имел права голоса в Коллегии. Заполненный по большей части молодыми людьми, которые здесь получили свое политическое образование.

Против Дожа.—Избирается пожизненно сорока одним выборщиком, которые сами избираются тайным голосованием и голосуют в Большом совете (ср. Браун, *Венеция*, стр. 150). Его должность была декоративной. Он со своими шестью советниками, которые избирались на восемь месяцев в Большом Совете, председательствовал в Совете, Сенате, Коллегии, и все государственные дела велись от его имени. Но у него не было власти без своих шести советников, и даже с ними у него было мало сил.

VI. Правосудие.—Этим занимались четыре Верховных суда, сформированных из судей, избираемых Большим Советом из числа его собственных членов, которые номинально занимали свои должности в течение одного года, но обычно переизбирались.

(a) *Преступник*.—Члены этого Суда заседали в Сенате, а три его президента - в Коллегии.

(b) Три суда гражданской юрисдикции: один из которых рассматривал апелляции судов низшей инстанции в Венеции, два других - судов зависимых стран.

Ни одно решение Суда апелляционной инстанции не было действительным, если оно не подтверждало решение Суда низшей инстанции; и в случае расхождения их решений дело постоянно передавалось взад и вперед до тех пор, пока Суд первой инстанции и Верховный суд не могли прийти к согласию.

VII. Налогообложение.—Венеция всегда возражала против постоянного прямого налогообложения, и только в 1530 году она прибегла к подоходному налогу.

Основными налогами были:

1. Принудительные займы, подлежащие погашению или нет, по которым государство регулярно выплачивало проценты. Эта система, принятая в 1171 году, является, пожалуй, самым ранним примером государственного долга.

2. Каждый член гильдии платил—

(a) *Тальоне* = стартовый взнос за принадлежность к гильдии.

(b) *Tansa insensibile* = налог на прибыль от его работы.

3. Пошлины на импорт и экспорт.

4. Торговля солью, которая была государственной монополией. Прибыль от этой торговли внутри страны и за рубежом порой достигала десятой части валового дохода.

5. Прибыль Государственного банка, который часто вел дела с иностранными принцами.

6. В дни своего упадка Венеция также прибегала к системе продажи государственных должностей.

VIII. Управление зависимыми странами.— Стремиться оставить столько независимости, сколько было совместимо с поддержанием венецианского господства, и ассимилировать правительство зависимого города настолько близко, насколько это было возможно, к правительству Венеции.

Представителями венецианского превосходства были реттори.

То есть...

1. Подеста — высшее гражданское должностное лицо, осуществляющее контроль над полицией, фискальной и другой административной работой.

2. Капитан — который присматривал за местными призывниками и другими силами.

Оба этих чиновника поддерживали непосредственную связь с венецианским сенатом и Десятью, но были связаны клятвой уважать местные привилегии.

Под началом ректора находилось Свободное муниципальное управление, которое менялось в каждом городе, но всегда возглавлялось подестой — выборным должностным лицом, которым иногда был местный житель, иногда венецианец, иногда сам ректор.

Причины стабильности венецианского правительства—

1. Совпадение теоретического и практического Суверенитета в одних руках.

2. Адаптивность Конституции, *например*, постепенный переход власти к Сенату, а затем к Десяти.

3. Сила Руководителя, которая не вызывала зависти.

4. Беспристрастность правосудия.

5. Положение, предусмотренное для дворян в правительстве зависимых стран, для среднего класса на государственной службе и в торговле, для низших классов на флоте.

6. Многочисленное иностранное население, которое не хотело политической власти, но хотело, чтобы о нем судили справедливо, облагали небольшими налогами и находили работу.

Об имперском институте см. стр. [106](#), [145](#).

О Конституции Испании см. стр. [92](#), [299](#).

[87](#) Коллегия решила, должен ли преступник предстать перед судом Совета или сената. Если его обвиняли в государственной измене, дело передавалось в Совет Десяти.

ПАПЫ РИМСКИЕ С 1494 По 1598 ГОД.

Александр VI. (Родриго Борджиа), август 1492-1503.

Pius III. (Фрэнсис Пикколомини), сентябрь-октябрь 1503г.

Юлий II. (Джулиан делла Ровере), ноябрь 1503 - февраль 1513.

Лев X. (Джованни деи Медичи), март 1513 - декабрь 1521.

Адриан VI. (Наставник Карла V.), январь 1522 - сентябрь 1523.

Климент VII. (Джулио деи Медичи), ноябрь 1523 - сентябрь 1534.

Павел III. (Александр Фарнезе), октябрь 1534 - ноябрь 1549.

Юлий III. (Джованни Мария дель Монте), февраль 1550 - март 1555.

Марцелл II. (Марчелло Червини), апрель 1555 года.

Павел IV. (Джон Питер Караффа), май 1555 - апрель 1559.

Пий IV. (Джованни Анджело деи Медичи), декабрь 1559 - декабрь 1565.

Пий V. (Майкл Гислиери), январь 1566 - май 1572гг.

Григорий XIII. (Хью Буонкомпаньо), май 1572 - апрель 1585.

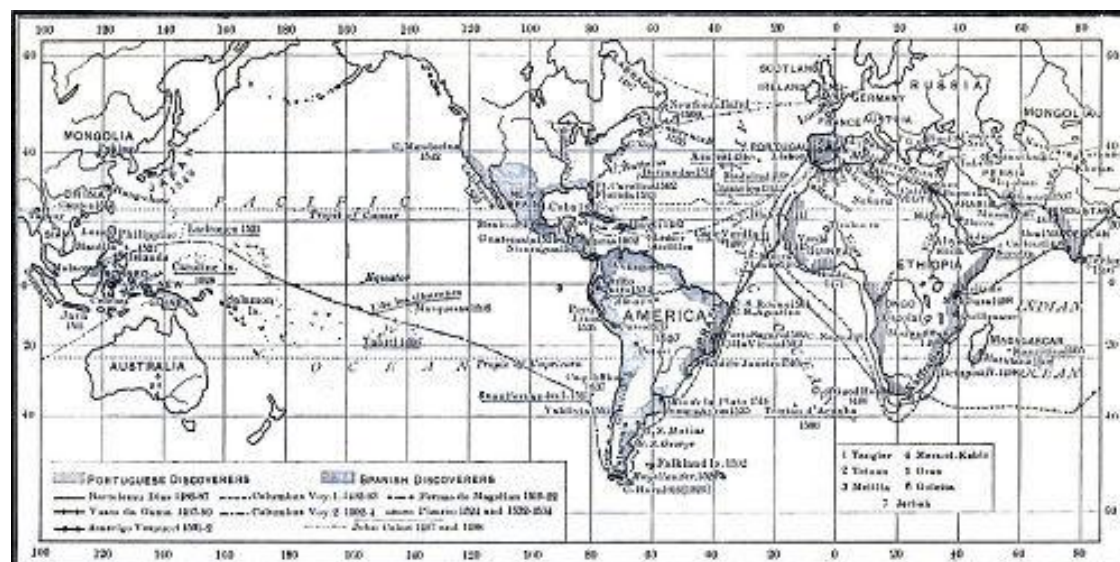
Сикстус V. (Феликс Перетти), апрель 1585 - август 1590.

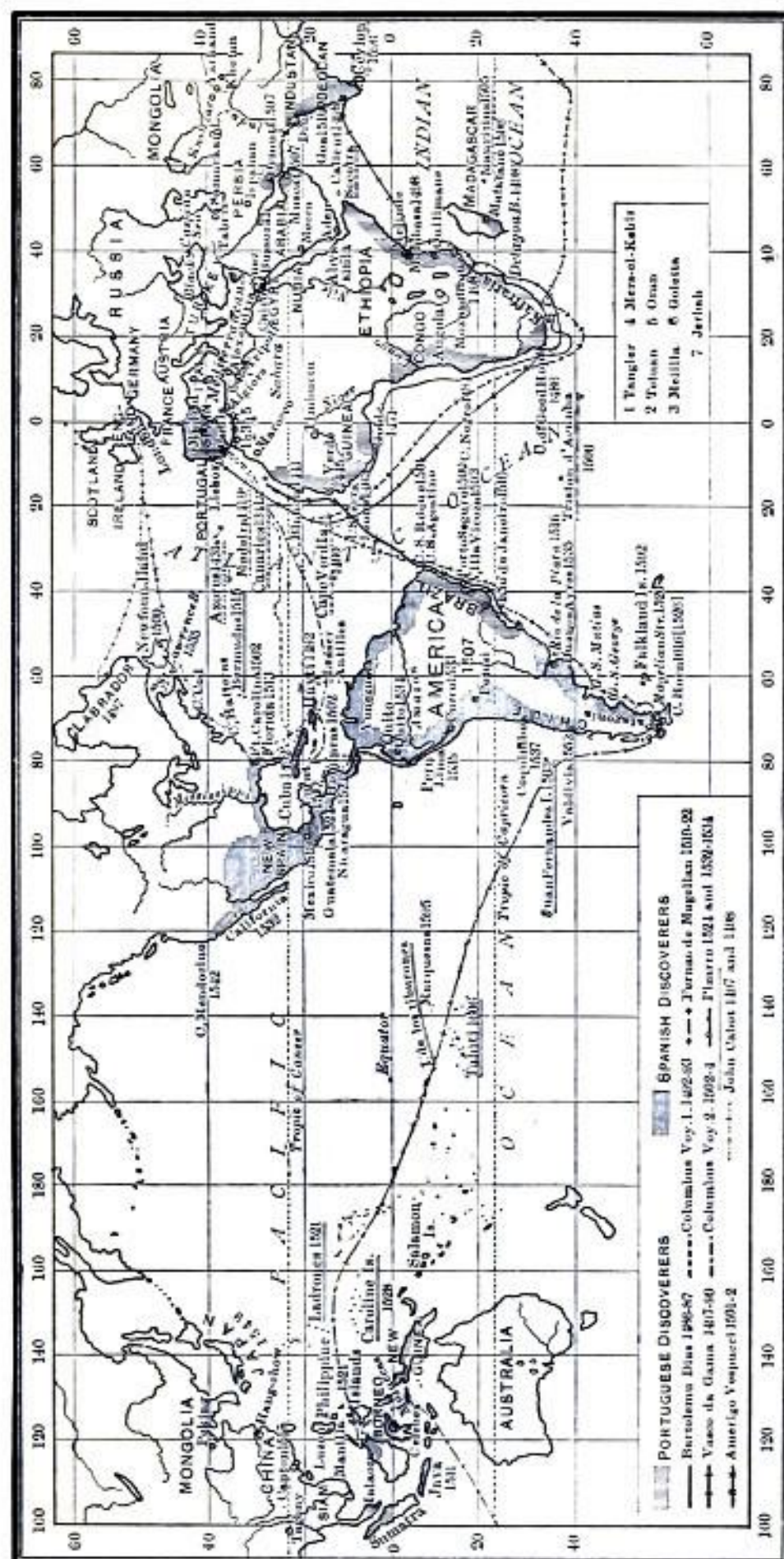
Урбан VII. (Джованни Баптист Кастанья), сентябрь 1590 года.

Григорий XIV. (Николай Сфондрати), декабрь 1590 - октябрь 1591.

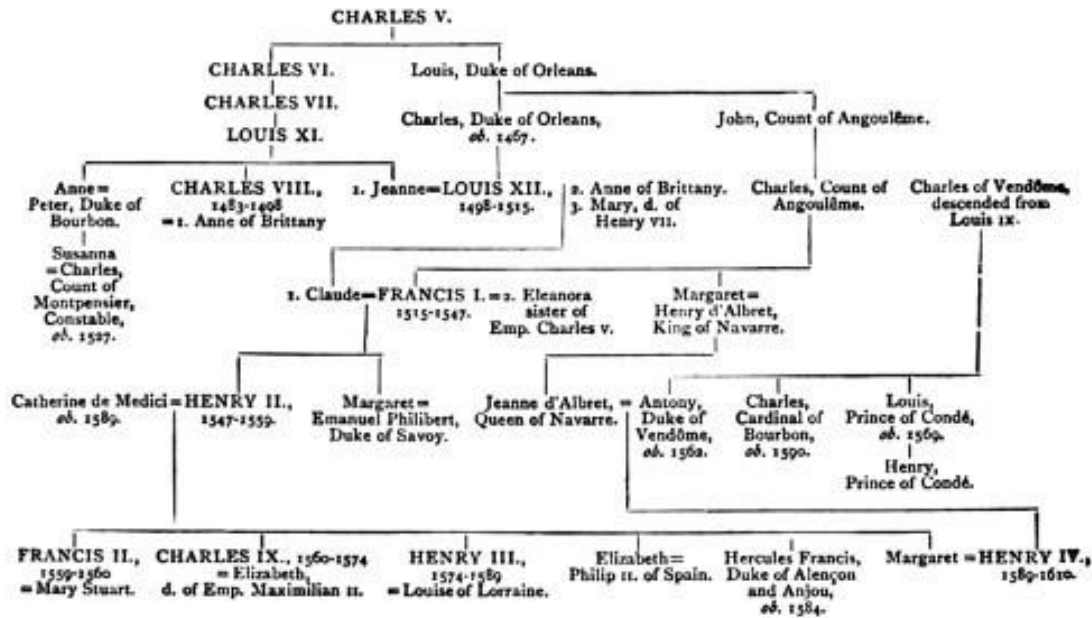
Иннокентий IX. (Джованни Антоний Факкинетти), октябрь-декабрь 1591 года.

Климент VIII. (Ипполито Альдобрандини), январь 1592 - март 1605.

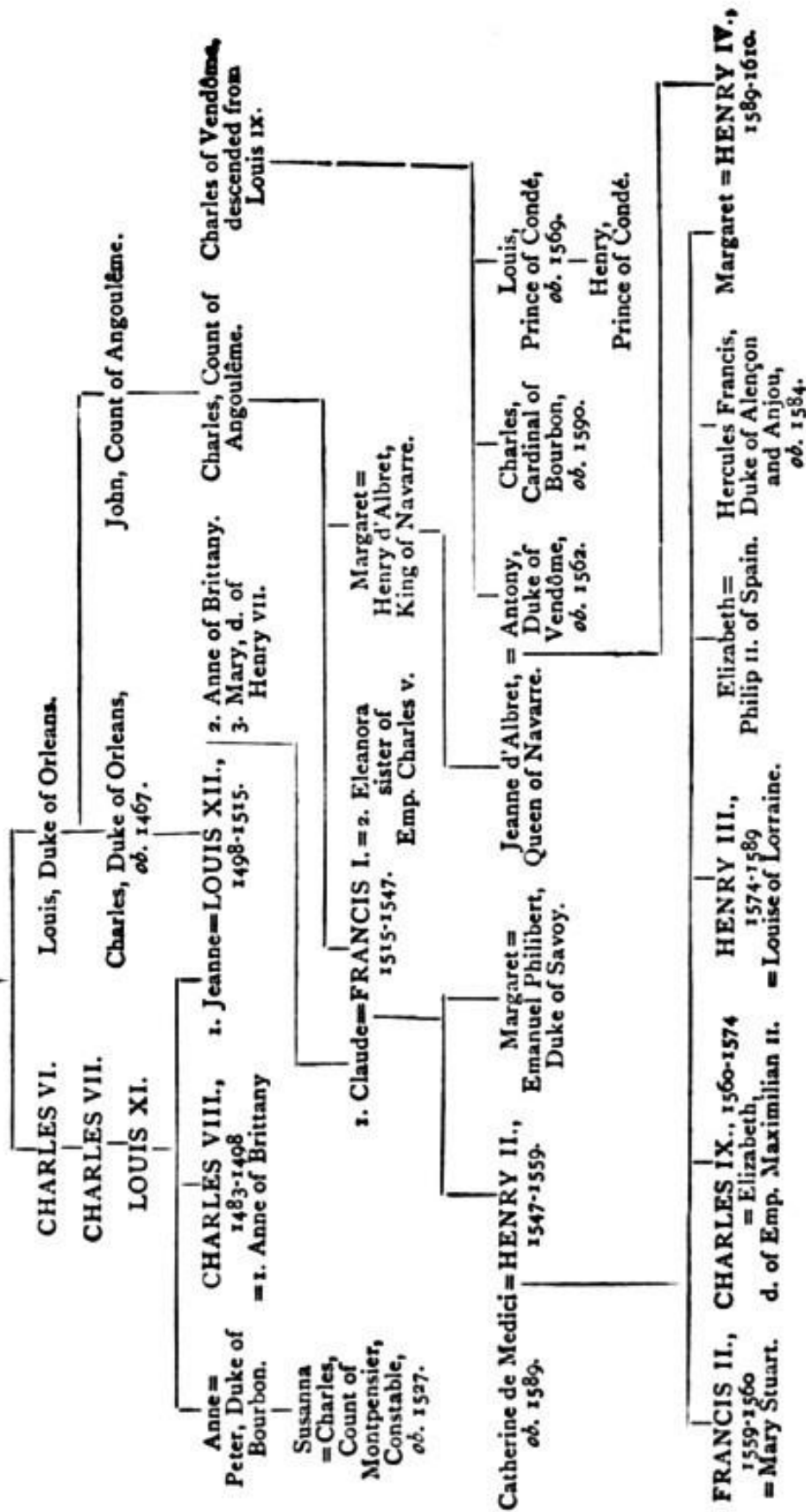

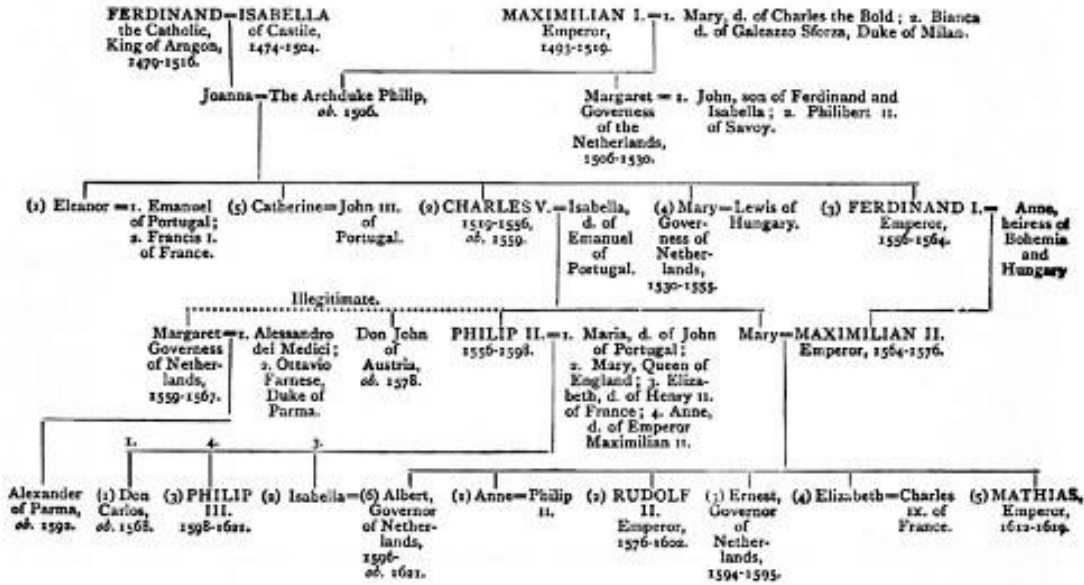
GENEALOGY OF THE HOUSES OF VALOIS AND BOURBON.

CHARLES V.

THE HAPSBURGS IN GERMANY AND IN SPAIN.

THE HAPSBURGS IN GERMANY AND IN SPAIN.

FERDINAND=ISABELLA
the Catholic,
King of Aragon,
1479-1516.

MAXIMILIAN I.=1. Mary, d. of Charles the Bold ; 2. Bianca
d. of Galeazzo Storza, Duke of Milan.
Emperor,
1493-1519.

Joanna=The Archduke Philip,
ob. 1506.

Margaret = 1. John, son of Ferdinand and
Isabella ; 2. Philibert II.
of the
Netherlands,
1506-1530.

(1) Eleanor = 1. Emanuel
of Portugal ;
2. Francis I.
of France.

(5) Catherine = John III.
of
Portugal.

(2) CHARLES V. = Isabella,
d. of
Emanuel
of
Portugal.
ob. 1559.

(3) FERDINAND I. =
Emperor,
1556-1564.

Anne,
heirress of
Bohemia
and
Hungary

Illegitimate.

Margaret = 1. Alessandro
dei Medici ;
2. Ottavio
Farnese,
Duke of
Parma.
1559-1567.

Don John
of
Austria,
ob. 1578.

PHILIP II. = 1. Maria, d. of John
of Portugal ;
2. Mary, Queen of
England ; 3. Eliza-
beth, d. of Henry II.
of France ; 4. Anne,
d. of Emperor
Maximilian II.

Mary=MAXIMILIAN II.
Emperor, 1564-1576.

1.

4.

3.

Alexander
of Parma,
ob. 1592.

(1) Don
Carlos,
ob. 1568.

(3) PHILIP
III.
1598-1621.

(6) Albert,
Governor
of Nether-
lands,
1596-
ob. 1621.

(1) Anne=Philip
II.

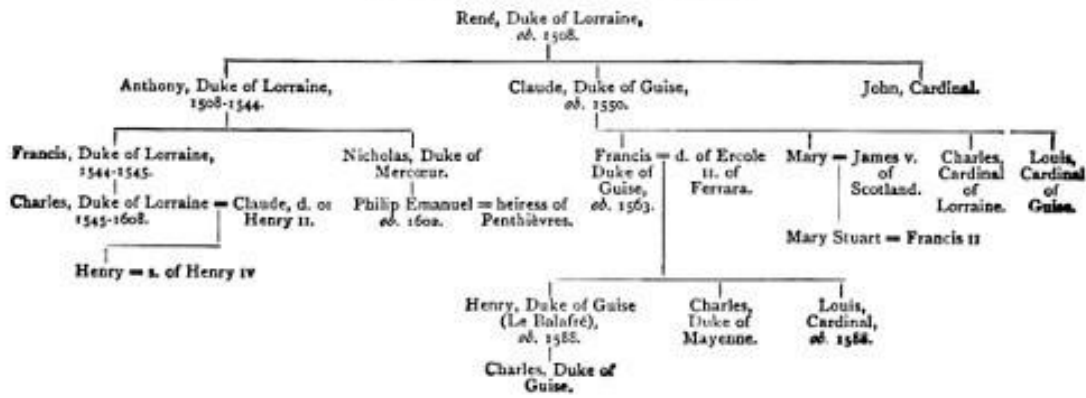
(2) RUDOLF
II.
Emperor,
1576-1602.

(3) Ernest,
Governor
of
Nether-
lands,
1594-1595.

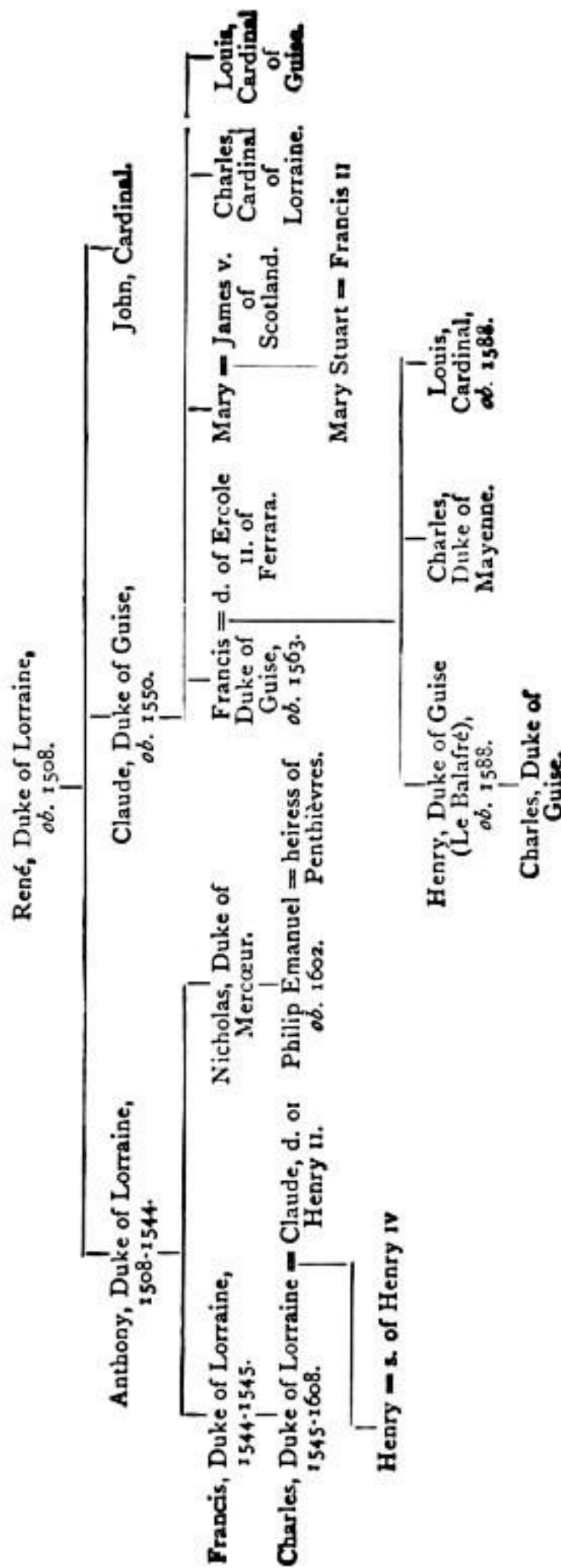
(4) Elizabeth=Charles
IX. of
France.

(5) MATHIAS,
Emperor,
1612-1619.

HOUSES OF LORRAINE AND GUISE.

HOUSES OF LORRAINE AND GUISE.

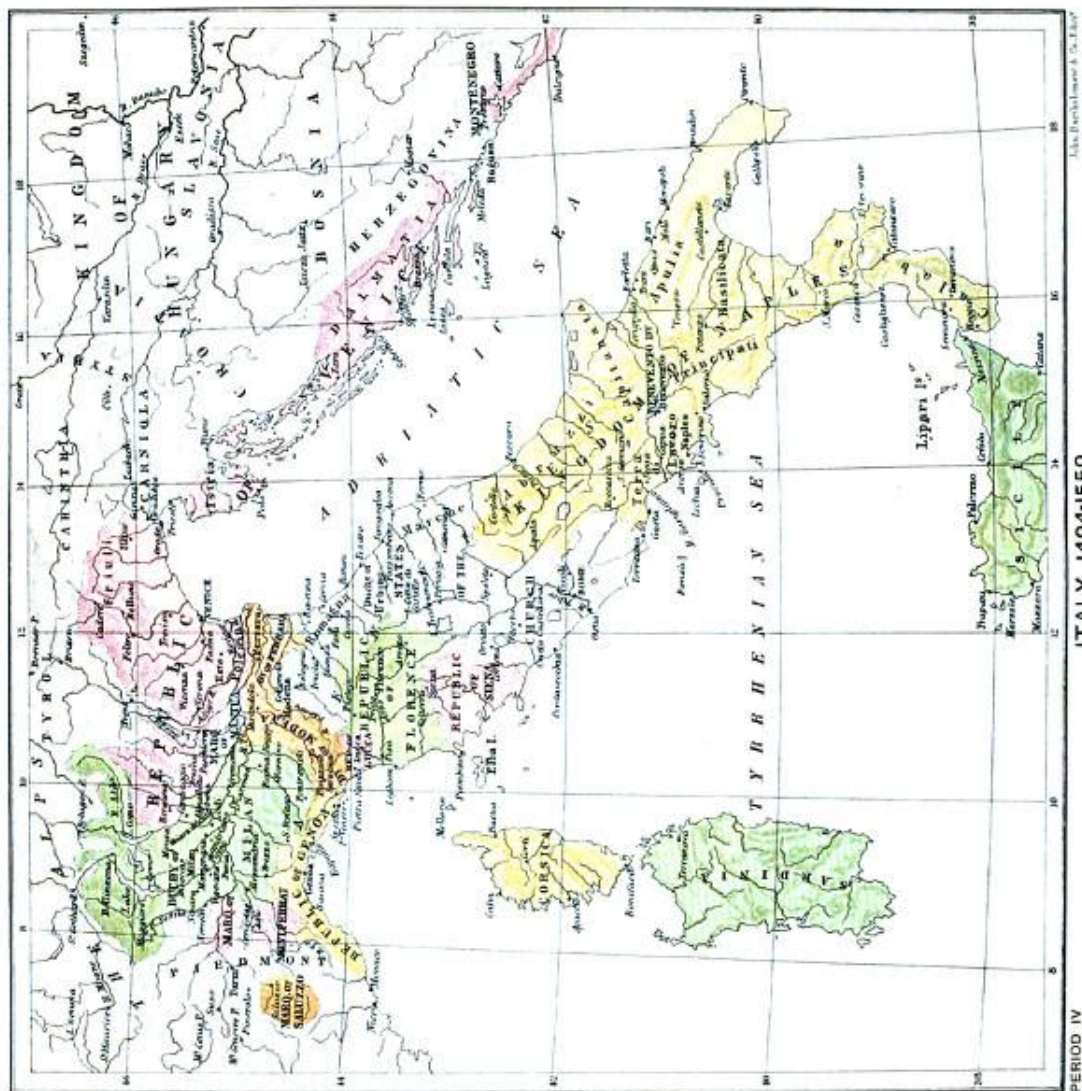

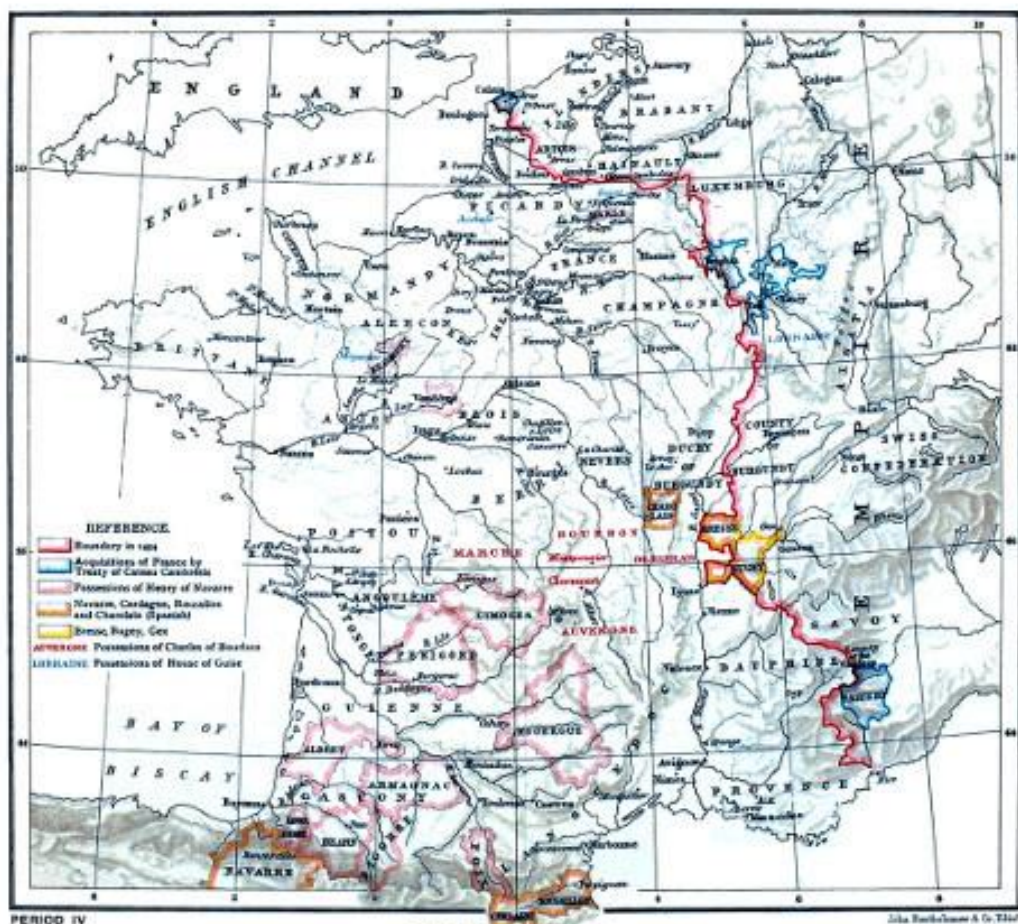
PERIOD IV

ITALY 1494-1559

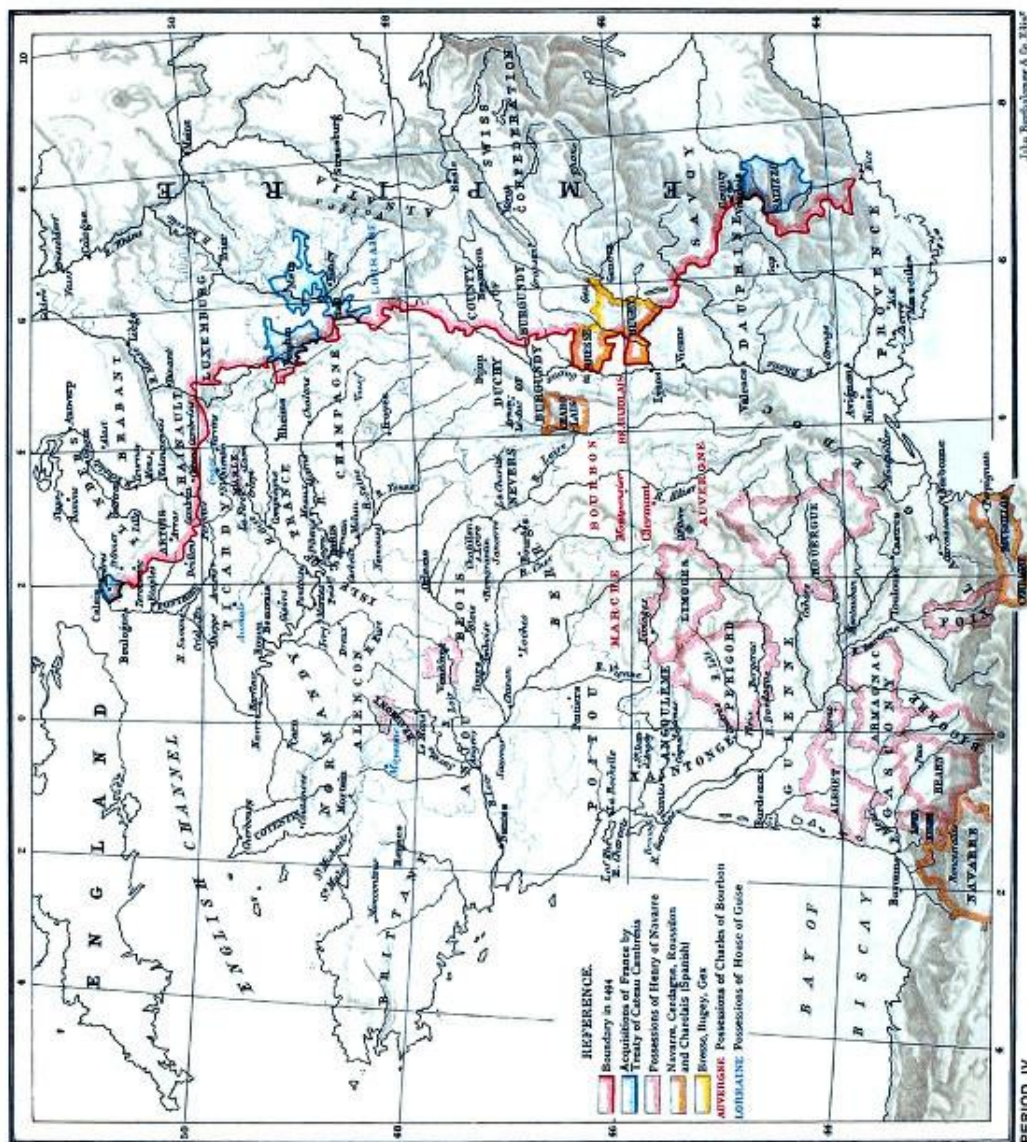
John Bartholomew & Co. Ltd.

ITALY 1494-1559

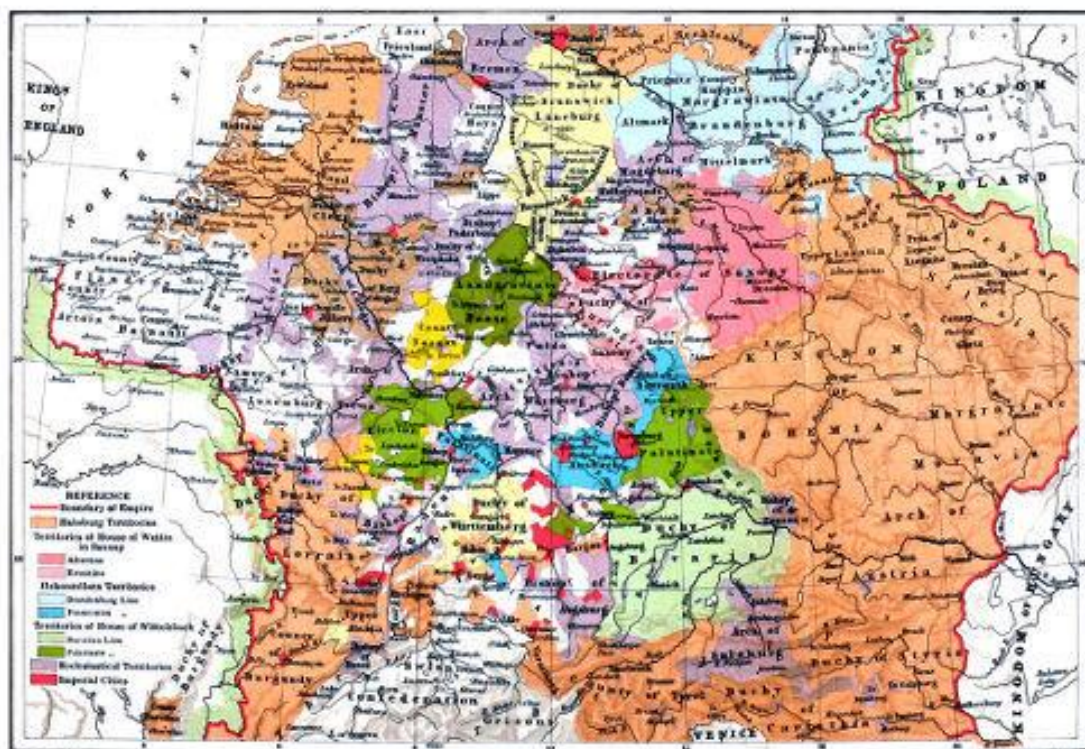
FRANCE 1494-1598

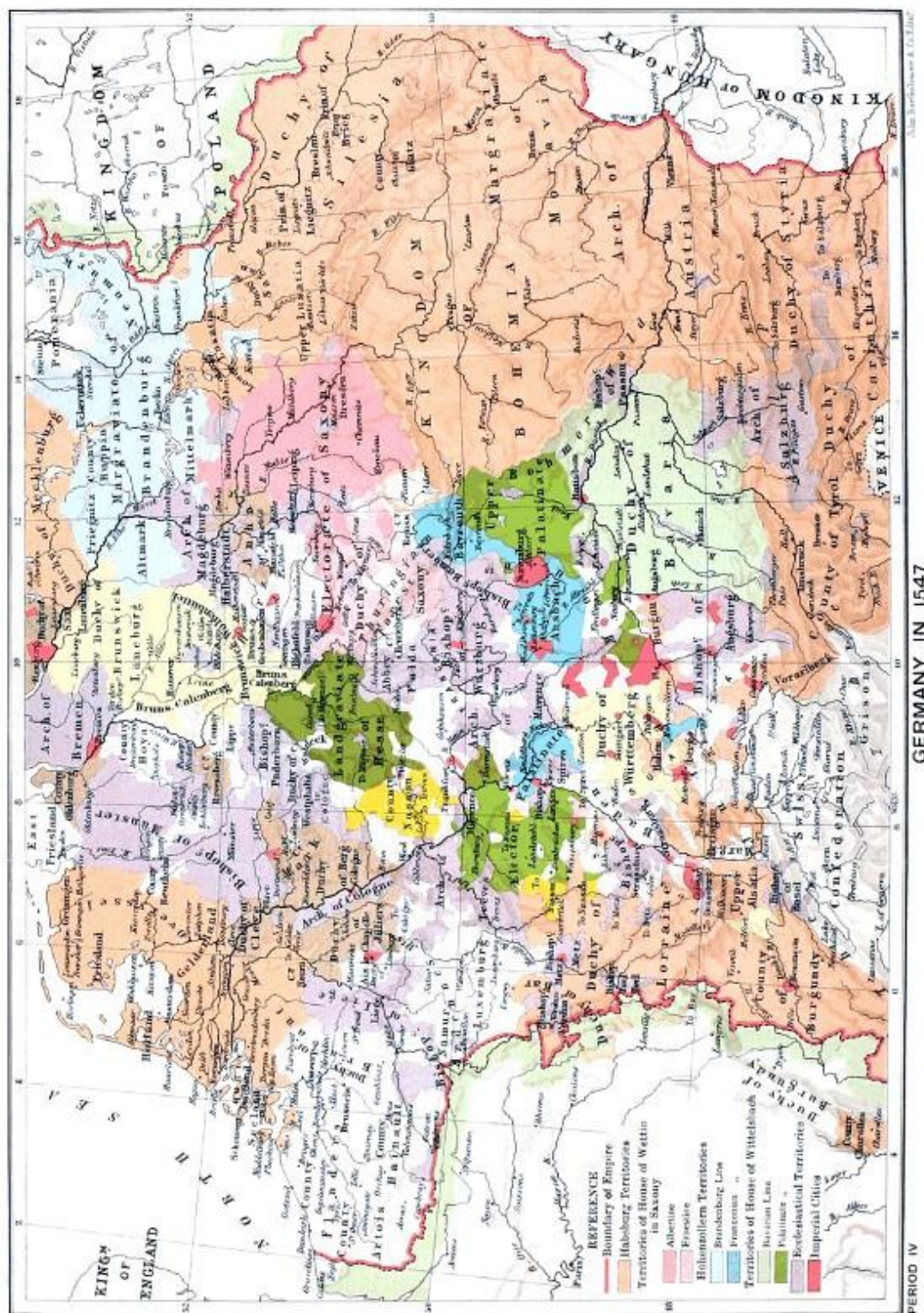
FRANCE 1494-1598

John Bartholomew & Co. Ltd.

PERIOD IV

GERMANY IN 1547

Примечание переписчика

Сноски перенесены в конец соответствующей главы или приложения. Краткое содержание главы IX помещено перед заголовком первого раздела в соответствии со всеми остальными главами.

Там, где исторические имена были переведены на английский язык, например, Николо Каппони вместо Никколо Каппони (страница 189), сохранена авторская версия. Другие варианты написания, включая, но не ограничиваясь ими, comuneros—коммунерос, Custrin—Кюстрин, Bèza—Беза, Granvelle—Гранвелла, Groningen—Гренинген, такие же, как в оригинале.

Страницы 183, 193, 298, 474, 475, 481 “Элеонора”, “Элеонора” относятся к Элеоноре Австрийской, овдовевшей сестре Карла V, а позже жене Франциска I.

В печатный оригинал были внесены следующие исправления:

Страница ix, “международный договор” изменен на “Международный договор” (Международный договор Като-Камбрези).

Page x, “Süd Europa” corrected to “Süd-Europa” (Fürsten und Völker von Süd-Europa).

Страница xi, “Понжулат” исправлено на “Пужулат” (Петито, Мишо и Пужулат).

Страница xiii, “republica” исправлено на “repubblica” (История республики).

Page xiii, “Alberi” amended to “Albèri” (Albèri, La relazione degli Ambasciatori).

Страница xiii, “Никколо” исправлено на “Никколо” (Никколо Макиавелли).

Страница xiv, “Харисс” исправлено на “Харрисс” (Harrisse, Christophe Colomb).

Страница xiv, “Гашард” исправлено на “Гашард” (Ред. Гашард.)

Страница xv, “Мексика” исправлено на “Мексика” (Завоевание Мексики).

Page 26, “Liberta” corrected to “Libertà” (Dieci di Libertà e Pace).

Страница 34, сноска 11, “Приложение I.” заменено на “Приложение i.” в целях согласованности (Приложение i., стр. 456.)

Страница 60, “Сентябрь” исправлено на “Сентябрь”. (Блуа, 22 сентября 1504 г.)

Page 72, “Liberta” corrected to “Libertà” (Dieci di Libertà e Pace).

Страница 102, “Бальбао” исправлено на “Бальбоа” (Васко Нуньес де Бальбоа).

Страница 113, “блестящий матч” исправлено на “блестящий матч” (обещан блестящий матч).

Страница 114, “меклебург” исправлено на “Мекленбург” (Мекленбург, архиепископство Магдебурга).

Страница 142, “переварено” исправлено на “вызывает отвращение” (вызывает отвращение при повороте).

Страница 166, сноска 44, “Вюртембург” исправлено на “Вюртемберг” (Вюртемберг, Ульрих I., 1503-1550).

Страница 170, “Гилио” исправлено на “Джулио” (кардинал Джулио де Медичи).

Страница 185, “Монкада” исправлено на “Монсада (Монсада и кардинал)”.

Страница 189, “Ипполито” исправлено на “Ипполито” (Алессандро и Ипполито).

Страница 208, “Сентябрь” исправлено на “Сентябрь” (июль–сентябрь 1536 г.)

Страница 208, сноска 51, отсутствующий маркер сноски был добавлен.

Страница 220, “Камбрезис” исправлено на “Камбрезис” (Като-Камбрезийский мирный договор).

Страница 280, “причина” исправлена на “дело” (дело передается).

Страница 387, “Этапы” изменены на “Étaples” (Жак Лефевр из Étaples).

Page 414, “Prévot” amended to “Prévôt” (Prévôt des Marchands).

Страница 449, “главный” исправлено на “Главный” (главный военный офицер).

Page 454, “d’État” to “État” (deputies of Tiers État).

Страница 464, “Подеста” исправлено на “Podestà” (Суды подесты).

Page 480, “Chatillon” corrected to “Châtillon” (Châtillon, Odet).

Страница 481, “Эпернон” исправлено на “Эпернон” (Эпернон, любимица Генриха).

Страница 482, “Этаплес” изменен на “Этаплес” (Étaples, Международный договор).

Страница 484, “Этаплес” изменен на “Этаплес” (заключает Эплский мирный договор).

Страница 484, “Альбрет” исправлено на “Альберт” (Габсбург, Альберт, кардинал)

Страница 484, “Перонн” исправлено на “Перонн” (Лига Перонн).

Страница 486, “Карпиналь” исправлено на “Кардинал” (Джованни, кардинал, восстановлен).

Страница 487, “Меру” исправлено на “Меру (Шарль (Меру))”.

Страница 487, “Монкада” исправлено на “Монсада” (Monçada, Hugo de).

Страница 487, “Наусса” исправлено на “Нассая” (Nassau, John of).